

НАЧАЛО ПОЕДИНКА

До смены было еще далеко, а часовые, одетые в куцые летние шинелишки, уже успели промерзнуть до печенок. Здесь, на макушке высокого холма, злой осенний ветер кусался особенно свирепо.

Хотя темно—синее безоблачное небо было сплошь усыпано крупными, яркими звездами, склоны холма и глубина пустых полей тонули в туманной темноте. Часовому, стоявшему у входа в ток, казалось, что он здесь совсем один, что вокруг на десятки километров нет ни души, что далеко, до самой Германии протянулись эти безлюдные и холодные поля, покрытые ржавой щетиной стерни. Даже не верилось, что всего в десятке метров от холма пролегает широкая полоса дороги, что еще на сотню метров дальше начинаются постройки богатого имения, которые русские называют непонятным словом «совхоз». Враждебная, грозящая неизвестно чем холодная пустота ночного поля угнетающе действовала на часового.

«Пустяки: если выстрелю или закричу, наши будут здесь через десять минут»,— подбадривал сам себя часовой.

Но для крика, а тем более для стрельбы не было никакого повода. Все было тихо, спокойно и... страшно. Даже ветер шелестел угрожающе, колеся по высокой сухой стерне. И по дороге, пробегавшей около холма, с тех пор, как обер—лейтенант Торн вернулся из города, не прошло ни одной машины.

Хотя часовой старался не думать о разлитой кругом угрозе, он все же вздрогнул, когда за его спиной послышались чьи—то торопливые шаги. Немец круто повернулся и вскинул автомат, готовый срезать подходившего длинной очередью, но узнал своего напарника, часового с противоположного конца тока.

—Слушай, Фогель. Сколько там до смены? — спросил тот, выбивая зубами дробь.

—Сорок восемь минут,— ответил Фогель, взглянув на светящийся циферблат ручных часов.— Еще почти час мерзнуть.

—Знаешь, давай минут на двадцать залезем внутрь тока. Там все же теплее.

—Не положено. Устав знаешь?

—Какого черта! В уставе не написано, чтобы в такой собачий холод ставить на посты в летних шинелях. Погреемся, никто не увидит.

—А обер—лейтенант? Он по ночам посты сам проверяет.

—Разве он приехал? — сбавил тон собеседник Фогеля.— Он же в городе.

—Приехал. Сейчас для него самое время. Ему по ночам

всегда не спится.

—Да, обер—лейтенанта холод не испугает. Ну тогда я побегаю вокруг этой громадины, согреюсь. Только ты смотри в оба. Если появится обер—лейтенант, громче ори: «Кто идет?!»

—Валяй,— согласился Фогель.

Напарник убежал, Фогель попрыгал на месте, постучал нога об ногу для согрева и прошелся вдоль стены тока. После разговора с товарищем тревога исчезла. В конце концов самое страшное — это холод. В пустом поле, безусловно, никого нет. И мысли часового потекли более спокойно.

«Конечно,— размышлял он.— Обер—лейтенант правильно приказал охранять склад с зерном. Русские — непонятный народ. Войну проиграли, скоро наши возьмут Москву, а они все не — признают себя побежденными. Всегда готовы выкинуть какую—нибудь подлость, чтоб насолить великой Германии. А зерна здесь целая гора. Более двух тысяч тонн отборной пшеницы. Какая из нее получится прекрасная мука».

Фогель начал соображать, сколько времени его маленькая булочная проработала бы на этой муке. Получалось очень много, что—то около десяти лет. Сколько же можно заработать на этой муке? Ох, черт возьми! Можно было продать маленькую булочную и открыть настоящий хлебный магазин.

Увлеченный этими приятными расчетами, он не замечал, что его напарник, резвой рысью умчавшийся на дальний конец тока, слишком долго не возвращался.

Вдруг ему показалось, что со стороны совхоза послышались голоса. Он насторожился, но все по — прежнему было тихо.

Фогель совсем было успокоился, когда новый тревожный звук, но теперь уже за его спиной, заставил его вздрогнуть и оглянуться.

В двух шагах от Фогеля, взметнув высоко над головой тяжелый железный лом, стоял высокий старик. Без шапки, с взлохмаченными волосами и струившейся по ветру длинной бородой, в распахнутом полушубке, он казался Фогелю великаном, не живым человеком, а каким—то фантастическим существом, возникшим из стгутившейся ночной темноты.

Это было последнее, что увидел Фогель. Высоко вскинутый лом со свистом опустился ему на голову.

—Лень,— негромко окликнул старик.— Этот тоже готов. Давай бензин!

Из—за угла вышел человек, нагруженный двумя канистрами и немецким автоматом. Он деловито снял с Фогеля автомат, запасные магазины и укоризненно сказал:

—Зачем ты сам? Ведь договорились — часовые мое дело.

—Да уж больно ловко получилось, внучек,—

оправдывался старик.— Он спиной стоял, видать, ждал кого — то оттуда,— махнул старик рукой в сторону совхоза.

—Ждал? Значит, смена скоро,— встревожился молодой.— Давай быстрее, пора уходить!

Они занесли канистры с бензином в ворота тока. Через несколько минут выскочили обратно и, пригибаясь, побежали с холма в темноту поля.

Но не даром Фогелю за минуту до гибели слышались голоса. Пока старик и юноша поджигали зерно, на дороге, около подошвы холма остановился тяжелый грузовик. Водитель машины почтительно докладывал о чем — то окликнувшему его офицеру. За спиной офицера — с десяток автоматчиков.

В спешке старик и юноша оставили ворота открытыми. Не прошло и минуты, как первый язык пламени весело высунулся из ворот, лизнул соломенную кровлю, и она сразу же занялась. Десятки огоньков, подгоняемые ветром, игриво запрыгали по взъерошенной, просохшей на ветру соломе. Солдаты кинулись к запылавшему току.

Офицер, видимо, был не новичок в подобных делах. По его приказу водитель развернул машину, и грузовик, натуженно воя мотором, влез на холм. Мощные фары машины выхватили из темноты две убегающие фигуры. Правда, беглецы сразу же упали на землю, но на сжатом поле их ничто не могло укрыть от глаз преследователей. А еще через минуту ярко запылавшее пожарище залило окрестности светом.

Автоматчики кинулись в погоню. Грузовик с офицером на подножке покатил следом. Навстречу немцам ударили очереди двух автоматов.

Перед вечером немцы велели согнать народ на площадь. По улицам совхозного поселка забегали юркие полицаи.

—Выходи, кто есть, на площадь! Начальство требует!

Жители поселка один за другим потянулись к бывшей конторе совхоза, которую оборудовали для себя оккупанты. Люди вначале шли каждый сам по себе, но по пути сбивались в кучки по три — четыре человека, тревожно перешептывались, гадали, что их ожидало на площади. Толком никто ничего не знал, но слухов после полного пожара ходило много, и хорошего ждать не приходилось.

—Собрание, что ли, собирают,— подумала вслух невысокая пожилая женщина, одетая в теплое, сшитое по городской моде пальто. Пальто было еще крепкое, но с обтрепанными рукавами и в пятнах. Видно было, что его уже давно разжаловали из выходного в обыденное и не один год ходили в нем на работу. Его хозяйка Дарья Ивановна Коренькова

была одной из лучших телятниц совхоза.

—Ты думаешь, тетя Даша, что они с нами говорить будут? — кутаясь от холодного ветра в большой шерстяной платок, спросила Дарью Ивановну идущая рядом с нею девушка.

—Кто их знает, Веруша. Может, что и поговорят. Люди ведь они все — таки, хоть и очумелые.

—Будут они с нами собрание проводить. Хе — хе — хе! — раздался за спинами женщин короткий смешок.

Дарья Ивановна и Вера оглянулись на нового попутчика.

—А ты что это, Купин, никак совсем вернулся? — спросила Дарья Ивановна. Тебя ведь, кажется, в армию брали?

—Брали да не взяли, — неожиданно с ехидцей ответил Купин. — Непригоден оказался по возрасту и здоровью. Стойка! — неожиданно перебил он сам себя. — Это, кажись, Силантьяй Васильевич поспешает. А мне как раз надо с ним словцом перекинуться.

—По возрасту непригоден, — горько усмехнулась Дарья Ивановна, когда Купин трусцой отбежал от них. А ведь он лет на пять моложе моего Петра. Вот когда люди — то по — настоящему открываются.

—Неужели он из армии убежал? — ужаснулась Вера.

—Как ты сейчас это докажешь? — пожала плечами телятница. — Да и кому доказывать — то? А все же не ждала я такого от Купина. Ведь в партию перед войной хотел вступить.

У Петра рекомендацию просил. Да и работал он хорошо.

—Активистом, наверное, был... — негодуяще проговорила Вера.

—Нет, активистом Купина не считали. Но работал он честно. Не по часам, а сколько нужно. Заведовал отделением. Народ на него не жаловался. Хотя при хорошей — то жизни легко хорошим быть.

—А что, если спросить у него про Сашу? Он, наверное, знает. Дядя, все — таки.

— — Спросить, конечно, можно, — с улыбкой посмотрела на смутившуюся девушку Дарья Ивановна. — Только спешить не надо. Может, Саша и сам объявится.

—Уже второй месяц о нем ничего не слышно, — печально вздохнула Вера.

—Так ведь не один он. Многих нет. Может, Саша эвакуировался, а может, с армией ушел.

—Нет, — категорически отвергла эту мысль Вера. — Саша не эвакуировался и с армией не ушел. Он бы мне сказал. Вот

если с истребительным батальоном...

—Может, и с истребительным. Не горюй, объявится твой Саша,— ласково успокоила девушку Дарья Ивановна.— Давай — ка пойдем побыстрее. Первыми на площадь приходить не след, но и последними появляться не годится.

Когда Дарья Ивановна с Верой вышли на площадь центральной усадьбы совхоза, весь народ был в сборе.

Немного же осталось жителей в поселке. До войны, в дни революционных праздников, на эту площадь сходилось более трех тысяч человек. А сейчас, несмотря на все усилия полицаев, удалось собрать человек четыреста, не больше. Да и то одних женщин. Только изредка можно было увидеть мужчину — старика или инвалида.

Перед конторой, около трибуны, рядом с Доской почета возвышалась виселица — два столба с перекладиной. Уперев ногу в верхнюю ступеньку прислоненной к одному из столбов лестницы и лежа животом на перекладине, немец в кургузой шинели закреплял наверху две веревки. Внизу как раз под петлями — скамейка. Стоя на ней, второй немец проверял, хорошо ли скользят петли и не слишком ли высоко они закреплены.

—Ой, батюшки! — взвизгнула одна из женщин.— Никак кого — то вешать будут!..

—Не вешать, а казнить,— прогудел в ответ низкий мужской голос.— Вешают собак и предателей, а людей казнят.

—Неужели поймали тех, кто хлеб сжег? — стоном прокатилось по толпе.

Немец спустился вниз, опрокинул лестницу, оттащил ее в сторону и аккуратно прислонил к подножию трибуны. Затем оглядел хозяйственным взглядом виселицу, толпу народа, обгорелые развалины клуба, элеватора и ушел в контору. На площади остались только жители поселка да часовой — автоматчик у крыльца конторы.

Погода становилась все хуже. Тучи опустились так низко, что было непонятно, почему они не цепляются своими лохмотьями за голые вершины берез, окружавших площадь. Мокро, холодно и сумрачно было вокруг. Люди жались друг к другу, хмурые и молчаливые.

На площади было тихо. Но в молчании толпы Вера чувствовала не только страх перед завоевателями и перед тем, что сейчас должно совершиться. Вера интуитивно догадывалась, что ночной пожар встряхнул души людей. Значит, еще не все потеряно. Борьба продолжается, и от каждого зависит, встанет ли он в строй борцов или отсидится, переждет, покорно согнув спину перед захватчиками. Вере казалось, что каждый человек, стоявший вместе с нею на площади, решал для себя этот нелегкий вопрос. Конечно,

рявкни сейчас на растерявшихся людей фашистский солдат, дай он над их головами очередь из автомата, и страх победит. Толпа превратится в сотни перепуганных баб и стариков, панически бегущих, чтобы каждому по отдельности спасти свою жизнь. Каждый будет стараться только сам за себя.

Но могло случиться и по — другому. Окажись в толпе смельчак да крикни он так, чтобы все услышали: «Бейте эту погань, люди русские» — такой призыв поднял бы толпу. Потерявшие мужей и сыновей, ограбленные и оскорбленные женщины, для которых сама жизнь опостылела, превратились бы в разъяренных мстительниц, и тогда несдобровать тем... в кургузых шинелях. «Разорвали бы их на клочки», — подумала Вера. Она решила, что, видимо, ей нужно бросить этот призыв, и хотела протолкаться в передние ряды. Ей казалось, что там, увиденная всеми, она сможет поднять людей на отчаянную борьбу.

Но Дарья Ивановна, занятая совсем другими мыслями, не понимая настроения своей спутницы, удержала девушку.

—Куда ты? Ее высовывайся вперед. Увидят. Тогда ни зола, ни болячки не помогут.

Вера, как и большинство ее сверстниц, боясь привлечь внимание завоевателей, лакомых до девичьей красоты, выходя из дому, превращалась в настоящую замарашку. На помощь девушке пришел стручок красного перца. Небольшая царапинка на подбородке, основательно прижженная перцем, через сутки превратилась в болезненную, постоянно гноящуюся язву. Немцы, разглядев гнойник, на близкое знакомство не решались. Правда, болячку время от времени приходилось снова растравлять и терпеть жгучую боль, но иного выхода не было.

Сейчас Вера забыла обо всем и решительно потянула Дарью Ивановну за собой.

— Т
етя Даша! Пойдем поближе, Мне нужно.

— Д
а стой ты! — неожиданно рассердилась та, — Не видишь, кто впереди...

Около трибуны стояли и о чем — то разговаривали между собою три человека, не в пример другим, одетые щеголевато, в добротную одежду.

Одного из них Вера узнала сразу же. Это был Купин. Второй — высокий, мосластый, неопределенного возраста человек — был тот, кого Купин встретил на дороге. Вглядевшись в третьего пожилого мужчину, одетого в немецкий мундир, Вера негромко охнула и спряталась за спины соседей. Третьего она хорошо знала.

Встреча с бывшим сотрудником городской милиции Долгановым не сулила Вере ничего хорошего. Долганов хорошо знал и Веру, и ее

отца, работника областного партийного аппарата. Многие роды до войны они жили в одном доме.

—То—то,— укорила ее Дарья Ивановна.— Увидела христопродавца?

—Как же так? — растерялась Вера.— Он же партийный.

—— Случается, что и в партию иной раз сволоочь проберется,— с несвойственной ей жесткостью ответила Дарья Ивановна и вдруг быстро не сказала, а выдохнула: — Смотри, идут!

Двери конторы распахнулись. Часовой у крыльца вытянулся и замер. Первыми торопливо прошагали четыре автоматчика. Они встали по одному у каждого из углов трибуны и направили на толпу автоматы. Затем на крыльцо не спеша вышел офицер. Он остановился почти у самой двери и несколько мгновений внимательно разглядывал настороженную молчаливую толпу.

Следом за офицером легкой трусцой засеменял маленький плюгавый человечек в мешковатом, явно не по росту, мундире с ефрейторскими нашивками. Этого коротышку мало кто знал из жителей поселка. До войны Иван Васильевич Краузин считался неплохим преподавателем немецкого языка в одной из школ соседнего района. Но с приходом немцев он неожиданно превратился в Иоганна Краузе и стал переводчиком фельд—комендатуры.

Офицера коротышка догнал лишь тогда, когда тот, поднявшись по ступенькам, уже подошел к переднему барьеру трибуны. Коротышка пристроился рядом с ним.

Несмотря на трагичность минуты, в толпе многие невольно улыбнулись.

Офицер был высок и строен. Барьер небольшой совхозной трибуны доставал ему чуть выше колен. Краузе же этот барьер закрывал почти до пояса. Значительно ниже плеча офицера над трибуной торчала маленькая, сплюснутая с боков голова переводчика.

Офицер молча, холодно смотрел на толпу, неприступный и высокомерный. Подражая офицеру, так же холодно и с таким же неприступным видом смотрел на толпу и Краузе. На лицах многих стоящих в толпе появились иронические улыбки.

Но улыбки, едва сверкнув, угасли. Казалось, холодный ветер, с воем носившийся по площади, сдул их с лиц людей. Из дверей конторы вышел второй офицер, а за ним, в сопровождении четырех автоматчиков и солдата, появились приговоренные.

Высокий, могучий старик с длинной седой бородой и рядом с ним юноша, оба с туго скрученными за спиной руками, шли, окруженные автоматчиками. Смертники были без рубашек. Лицо и грудь старика покрывали уже засыхавшие пятна крови. Не менее

жестоко фашисты истерзали и юношу. Его левый глаз закрывала огромная сине — багровая опухоль. Несмотря на перенесенные пытки, приговоренные из последних сил шли к месту казни гордо, с достоинством.

Смертников подвели к виселице и заставили подняться на скамью.

— Мужики!..— высоким фальцетом закричал Краузе, хотя на площади были почти одни женщины.— Мужики! Слушайте внимательно. Господин обер — лейтенант Торн пожелал сказать вам несколько слов.

Обер — лейтенант заговорил звучным, привыкшим к громким командам голосом. Он произнес короткую, но резкую, как приказ, фразу и умолк. Краузе сразу же перевел.

— Господин обер — лейтенант Торн желает знать, кому из вас известны эти люди?

Многие из стоявших в толпе хорошо знали Павла Евстигнеевича Голубева — кузнеца из колхоза «Путь Ильича» и его внука Леню, лучшего в районе тракториста. Знали и молчали. Только неясный шорох, похожий одновременно на вздохи и всхлипывание, прошел по толпе, и шум ветра сразу же заглушил его. Еще в первые недели войны прославленный тракторист исчез куда — то из родного колхоза. Говорили, что он в городе, учился в какой — то школе и вместе с нею эвакуирован в глубь страны перед самым приходом немцев.

—Отвечайте! — снова визгливо закричал Краузе на толпу.

—Не надрывайся, глиста собачья,— собрав силы, насмешливо прогудел старый кузнец.— Сказано, не здешние мы. Никто тут нас не знает, и вся недолга. Чего к людям пристаешь, недоносок писклявый.

Краузе, захлебнувшись от ярости, поднял к небу два своих сухоньких кулачка и с мольбой взглянул на обер — лейтенанта. Но тот даже не заметил, что его переводчику нанесено оскорбление, и снова обратился к толпе.

На этот раз он говорил долго. Голос его то добред, звучал дружелюбно, почти ласково, то становился суровым, угрожающим, и, хотя жители поселка не понимали слов, им становилось ясно, что сейчас фашист судит им самые жесткие кары. Краузе внимательно следил за речью шефа. Обер — лейтенант не терпел фамильярного отношения к своим выступлениям и требовал точного перевода. Краузе знал, что Торн и сам неплохо владеет русской речью, но считает унижительным для чести немецкого офицера говорить с побежденными на их родном языке.

— Господин обер — лейтенант убежден в том, что многие из вас знают людей, которых сейчас он прикажет казнить,—стал переводить Краузе, когда офицер умолк.— Но господин обер — лейтенант не хочет делать вам из — за этого неприятности. Господин

обер — лейтенант уверен, что казнь двух этих преступников окажет на вас благотворное влияние и в дальнейшем у нас с вами не будет никаких недоразумений. Господин обер — лейтенант правильно говорит, что германский народ — самый мудрый народ в мире, что германская армия — непобедимая армия. Она под верховным командованием гениального фюрера несет прогресс и культуру всему миру. Сопrotивляться германской армии, говорит господин обер — лейтенант, есть безумие. Нанесение германской армии даже небольшого ущерба карается смертью. Сейчас вы видите перед собою двух преступников, вполне заслуживших смерть. Сегодня ночью они убили двух часовых и подожгли склад, в котором хранилась хорошая пшеница. Более двух тысяч тонн превосходной пшеницы, подготовленной к отправке в Германию как дружеский дар признательного русского народа, благодаря злодейскому поступку этих преступников превратились в пепел. Когда их стали ловить, негодяи убили еще трех немецких солдат и ранили шестерых. Они хотели убить и самого обер — лейтенанта господина Торна, но доблесть немецких солдат помешала этому злодейскому замыслу. Сейчас по приказанию господина обер — лейтенанта этих преступников казнят. Каждого, кто осмелится действовать во вред германской армии или нападать на славного германского солдата, будут казнить. Так сказал господин обер — лейтенант.

На площади было тихо. Только шум и свист ветра нарушали тишину. Ни один человек из толпы не смотрел на трибуну. Взоры всех жителей поселка были обращены на приговоренных. А они смотрели на мир в последний раз, стоя на скамье под виселицей, возвышаясь над толпой, истерзанные, но несломленные, непокоренные. Старик даже пытался улыбнуться, сказать что — то своему внуку, но разбитые кровоточащие губы плохо подчинялись ему. Юноша стоял неподвижно, но любому, глядевшему на него из толпы, было видно, как напряжены его мускулы, как он неприметно, но яростно пытается разорвать связывающие его путы.

Немецкий офицер на трибуне снова заговорил. Только пронзительные выкрики коротышки Краузе, пытавшегося перекрыть шум ветра, заставили народ прислушаться к словам перевода.

— Господин обер — лейтенант, — вопил Краузе, — желает подчеркнуть, что он очень гуманный человек, что ему неприятны казни, но железная необходимость заставляет его сейчас и, может быть, заставит и в дальнейшем уничтожить тех, кто осмелится не признать себя побежденным. Господин обер — лейтенант приказал начинать казнь, — торжествующим тоном закончил Краузе и удовлетворенно вздохнул.

Солдат — палач вскочил на скамейку между приговоренными, схватил одну из петель и потянулся к голове старика, но вдруг дрогнул и судорожно вцепился в веревку. Жители поселка в

изумлении увидели, как немец скользнул слабеющими руками по веревке и, не устояв на скамье, тяжело упал на землю, схватился руками за грудь и затих.

Никто ничего не понял. Не было ни выстрела, ни свиста пули, а мертвый фашист лежал на земле.

Обер-лейтенант на трибуне изумленно дернулся и, шагнув к боковому барьеру, гневно начал:

—Вас...

Но кончить фразы фашист не успел. Конвульсивно взмахнув правой рукой, он упал животом на боковой барьер трибуны.

—Партизаны! — первым опомнился и громко завопил Купин, подбегая ко второму офицеру, застывшему с фотоаппаратом в руках.— Господин офицер, спасайтесь!

—Партизанен?! — передернулся офицер.— О, майн готт!.. Переводчик!..

Краузе, уже спрятавшийся за трибуну, выглянул на мгновение из-за ее угла и в растерянности ответил офицеру по-русски:

—Я здесь, господин лейтенант!

За трибуной оказался и Долганов. Напуганный не менее переводчика, он все же сумел овладеть собою и тоном приказа сказал Краузе:

—Переведи лейтенанту, пусть гонит народ с площади.

Только упаси бог, чтобы не стреляли в людей. Опасно. На клочки разорвут.

Краузе торопливо, не высовываясь из-за трибуны, прокричал лейтенанту совет Долганова.

Уразумев наконец, что советует этот сочувственно относящийся к немецкой власти русский, лейтенант приказал Краузе распустить людей по домам.

—Мужики! — закукарекал из-за трибуны Краузе.— Расходитесь. Лейтенант приказал всем идти по домам.

—Что он там верещит? — презрительно усмехнулся Купин.— Разрешите, господин лейтенант, я скажу народу.

Лейтенант даже не понял хорошо, что ему предлагает русский пособник, но утвердительно кивнул головой.

—Граждане! — на всю площадь раскатился зычный голос Купина.— Расходитесь пока по домам. Неувязка получилась. Расходитесь, так приказал лейтенант.

В толпе началось движение. Но никто не кинулся с площади, не побежал сломя голову домой. Толпа только как бы разжалась, стала свободнее и придвинулась к виселице. Послышались разговоры. Казалось, ободренные неожиданной смертью двух фашистов, жители ждали чего-то еще.

— Господин лейтенант! — продолжал вопить из-за трибуны

Краузе.— Господин Долганов советует приостановить казнь и всем пока укрыться в конторе. Казнить преступников всегда успеем. А сейчас партизаны могут нас атаковать.

Офицер приказал автоматчикам отвести приговоренных в казарму. Но это приказание запоздало.

Воспользовавшись минутой растерянности фашистов, приговоренные о чем — то быстро переговаривались. Старик что — то приказывал юноше, но тот не соглашался. Наконец старик утвердительно кивнул головой.

Юноша, чуть присев для прыжка, стремительно бросился со скамьи в самую гущу толпы. Та отшатнулась, раздалась и сразу же сомкнулась за его спиной.

Старик тоже прыгнул одновременно с юношей, но всем весом своего могучего тела обрушился прямо на растерянно столпившихся вокруг офицера автоматчиков. Два сбитых с ног немца покатались по земле. Но сам старик каким — то чудом устоял на ногах. Не дав врагам опомниться, он ударил офицера ногою в пах. Тот завопил от боли и согнулся. Глухо стукнула короткая автоматная очередь. Она оборвала жизнь старого кузнеца и заставила толпу шарахнуться в сторону. Люди начали разбегаться с площади. Тогда вновь заработало оружие загадочного стрелка. Свалился с ног и забился в конвульсиях долговязый автоматчик, вскрикнул да схватился за плечо Купин.

— Уходить надо. Переведи лейтенанту, пусть жмет в казарму,— торопил Долганов коротышку.— Тут нас всех перестукают.

Офицер и сам сообразил, что сейчас, когда толпа рассеялась, он стал прекрасной мишенью. Выкрикивая беспорядочные команды, офицер кинулся в здание конторы. Автоматчики помчались следом.

Один из них уронил автомат и на бегу вцепился левой рукой в прострелянный локоть правой. Другого пуля настигла около самого крыльца. Несколько раз он пытался вползти на ступеньки, но так и не осилил их.

Свободная от нарядов часть немецкого гарнизона размещалась в задних комнатах бывшей конторы совхоза. Здесь ничего не знали о том, что произошло на площади. Слишком стремительно пронеслись события. С той секунды, как тело обер — лейтенанта Торна упало с трибуны на землю, до момента, когда перепуганный помощник оберта дрожащей рукой схватил трубку телефона, не прошло и пяти минут.

— Докладывает лейтенант Гнивке,— от поспешности глотая слова, кричал в трубку лейтенант: — Мы неожиданно подверглись нападению партизанских снайперов. Обер — лейтенант Торн и два солдата убиты... Да в момент казни. Один из приговоренных

сбежал. Ранен один русский. Нет, нет, лояльный русский. Выстрелов не слышали, наверное, партизаны применили новое, бесшумное оружие. Нет, сейчас не стреляют. Есть прочесать! Уже начали прочесывать,— соврал на всякий случай Гнивке.— Начали, господин майор.

Разговор лейтенанта с начальством затягивался. Краузе почувствовал себя в безопасности за крепкими стенами и отдал несколько распоряжений.

По его приказанию к каждому окну встали автоматчики, готовые немедленно открыть огонь. Двое были посланы на чердак, чтобы вести наблюдение через слуховое окно. После этого Краузе приказал одному из солдат забинтовать раненое плечо Купина.

Рана Купина оказалась не опасной. Пуля, пробив ватное пальто и пиджак, потеряла силу. Купин сам, без особой осторожности дернул за рубашку, и маленький кусочек свинца выскочил прямо к нему в руку. Сразу же по плечу, по белому полотну, потекла яркая струйка крови. Пока солдат возился с бинтами, Купин, покатав на ладони пульку, небрежно сунул ее в карман.

— Вишь ты,— негромко проговорил он, криво усмехаясь.— Не велика пчелка, а насмерть ужалить может,— и вдруг застонал.

Немецкие солдаты смотрели на Купина доброжелательно. Краузе, давно знавший Купина, с этого момента стал относиться к нему особенно доверительно. Но самую горячую поддержку, причем совершенно неожиданно, Купин получил от Долганова.

Этот худой, желчного вида мужчина, с длинным, узким, расширявшимся к подбородку лицом всю жизнь считал себя неудачником. По служебной лестнице он продвигался медленно. Ни разу ему не удалось дорваться до настоящей власти. Не такой власти, когда тебе волей—неволей подчиняются арестованные воришки, жулики и хулиганы. Нет, Долганов хотел власти более авторитетной, связанной с признанием его личных высоких достоинств. Он очень хотел бы получить именно такую власть, иссушающе мечтал о ней, хотя и знал, что мечты никогда не сбудутся. Нет у него прав на такую власть. Вот только сейчас, с приходом немцев, Долганов почувствовал, что, кажется, наступило его время. Немцы благосклонно приняли услуги Долганова и даже закрыли глаза на то, что он года за полтора до начала войны вступил в партию. Впрочем, исповедуясь шефу городского гестапо, Долганов заверял, что в партию его «заставили» вступить против всякого с его стороны желания. И шеф, кажется, поверил в это.

Власть Долганова над гражданским населением оккупированной области была действительно велика. Любое его самое дикое, самое незаконное приказание беспрекословно выполнялось подчиненными. Все, кто раньше даже не подозревал о существовании рядового работника милиции Долганова, сейчас

боялись его, как огня. Боялись и ненавидели.

Поэтому, несмотря на благосклонное отношение к нему немцев, Долганов все же чувствовал себя очень неудобно. Его угнетало одиночество, возникшее в результате всеобщей ненависти. Русские люди не шли в услужение к немцам. Их не соблазняли поблажки оккупантов. А среди тех, кто соглашался сотрудничать с немцами, Долганов чаще всего узнавал своих бывших питомцев из арестантского помещения милиции. Не перед кем было даже покрасоваться своею властью. Среди тех, кто согласился служить фашистам, Долганов не видел ни одного стоящего человека.

Поэтому он очень обрадовался, когда Купин, который был ему давно известен как весьма дельный человек, оказался среди тех, кто, безусловно, сочувствовал немцам. Долганов решил поддержать Купина, помочь ему заслужить доверие оккупантов.

—А ты молодец, право молодец,— покровительственно потрепал он Купина по здоровому плечу.— Мы еще и сообразить ничего не успели, а ты определил: партизаны, мол!

Молодец! Плечо — то сильно болит?

—Как огнем жгет,— постанывая, сквозь зубы ответил Купин.— И зачем он, сволочь, в меня стрелял? Я, правда, старался прикрывать лейтенанта со стороны клуба. А то бы он определенно в лейтенанта вцепил.

—Вот, вот,— одобрительно закивал Долганов.— Я видел, ты рисковал. Я доложу начальству. Хотя... стой! — вдруг перебил он сам себя.— Ты считаешь, что стреляли из развалин клуба?

—А как же? Ближе, да и окон там много.

—А не с элеватора?

—Кто знает. Мне показалось, из клуба. Тут ближе,— уклончиво ответил Купин и скривился, схватившись за плечо: — Ох! Палит огнем.

Краузе внимательно следил за разговором лейтенанта по телефону и одновременно прислушивался к тому, о чем говорят Долганов с Купиным.

— Конечно, стреляли из клуба,— авторитетно поддержал он Купина.— Я на трибуне рядом — с обер — лейтенантом был. Из элеватора не могли стрелять: с этой стороны я прикрывал обер — лейтенанта.

Долганов саркастически взглянул на Краузе. Как мог этот коротышка прикрыть собой обер — лейтенанта? Но высказать эту мысль вслух он все — таки не решился.

Лейтенант Гнивке закончил разговор по телефону. Лицо молодого офицера выдавало, что разговор с начальством был не

из приятных. Сейчас, напуганный гневом начальства не меньше, чем неожиданным налетом партизан, лейтенант готов был к самым энергичным действиям.

— Ефрейтор Штарке!..—громче, чем требовалось, крикнул лейтенант и, сердито оглядев подбежавшего к нему подтянутого крепыша в хорошо подогнанном мундире, приказал: — Взять пять, нет — шесть человек! Прочесать место, откуда стреляли!

Увидев недоумение на лице ефрейтора, лейтенант разозлился. Неужели этому олуху непонятно, что более точно указать объект прочесывания он — лейтенант Гнивке — не может. Ведь выстрелов — то никто не слышал.

—Господин лейтенант,— пришел на выручку офицеру Краузе.—Партизаны стреляли из развалин клуба.

—Да, конечно,— обрадованно согласился Гнивке, но, подумав, добавил: — Если в развалинах клуба никого не обнаружите, то прочешите все, что лежит на северной окраине площади. Внимательно осмотрите элеватор. При малейшем подозрении стреляйте.

Ефрейтор, лихо откозыряв офицеру, повернулся и назвал фамилии солдат, которых брал с собою. Пока солдаты одевались и разбирали оружие, Кудин тоже начал собираться.

—А ты — то куда, Федор Селиверстович? — удивился Долганов.— Тебя ведь не гонят?

—Куда я сейчас годен? — отмахнулся здоровой рукой Купин.— Пойду полежу, может, перестанет палить. Да и на отшибе — то пока я больше пользы принесу. Может, что интересное от людей узнаю.

—Молодец,— одобрил Долганов.— Правильно действуешь. Я всегда считал тебя умным человеком. Вернусь в город, сразу же доложу о тебе самому господину Гаманту.

—Век буду вам благодарен, господин Долганов,— обрадовался Купин.— А уж я — то не останусь в долгу.

—Не беспокойся, доложу, как надо,— доброжелательно пообещал Долганов.

Краузе негромко переводил офицеру их разговор, а затем сказал Купину:

—Господин лейтенант очень доволен вами. О вашем хорошем поведении будет доложено кому следует.

—Всегда готов к услугам,— льстиво заулыбался Купин, но, увидев, что ефрейтор уже выводит своих людей, торопливо присоединился к ним.— Прошу прощения. Я уж вместе с солдатами через площадь проберусь.

Ефрейтор Штарке задержался около виселицы. Солдаты, став

тесной кучкой, опасливо косились на развалины и держали пальцы на спусках автоматов. Штарке же внимательно обследовал труп палача, затем так же внимательно осмотрел виселицу и скамейку, с которой свалился убитый солдат.

—Что ты тут копаешься, Вальтер? — негромко спросил один из автоматчиков, подойдя к ефрейтору.— Наш Ганс уже не Ганс, а труп.

—Да, конечно. Но вот почему он убит в левый висок? — так же понизив голос, ответил Штарке.

—А какая разница? Хотя, впрочем... значит, в него стреляли не из развалин клуба. Может быть, пойдём к элеватору.

— Кто я такой, чтобы отменять приказ лейтенанта? — пробормотал Штарке.— Лейтенант приказал начинать с клуба.

— Но ведь партизаны успеют удрать,— озадаченно прошептал Макс.

—А тебе не торопится подохнуть от партизанской пули,—усмехнулся Штарке.— Лейтенант приказал начинать с клуба.

—Да—а—а,— протянул Макс.— Понятно. В этом есть смысл.

—Ну хватит топтаться на месте,— уже полным голосом скомандовал Штарке:— В цепь! Направление — развалины клуба! Равнение на меня. Марш!

Автоматчики разбежались в цепь. Купин пристроился справа, около ефрейтора, стараясь прикрываться им от развалин элеватора, мрачно черневших слева.

Но цепь беспрепятственно пересекла площадь. Едва лишь автоматчики подошли к развалинам клуба, как Купин рысцою перебежал оставшийся кусок площади и нырнул за угол крайнего дома. На дальней окраине поселка, там, где вишневые и яблоневые сады спускаются к самому краю глубокого лога, стоял его небольшой домик.

Заперев за собою калитку, Купин не сразу вошел в дом. Первым делом он подошел—к вместительной собачьей конуре, около которой лежал могучий лохматый пес с обрезанными для свирепости ушами. Федор Селиверстович приласкал верного сторожа, ощерившего от удовольствия желтоватые клыки, и пересадил его с короткой дневной цепи на длинную ночную. Обрадованный неожиданной свободой, пес загремел цепью, огромными прыжками начал носиться по двору, а Купин, хмурый и озабоченный, вошел в дом.

Прочесывание развалин клуба не дало никаких

результатов. Да и прочесывать — то их, собственно говоря, не пришлось. Деревянное междуэтажное перекрытие целиком выгорело, балки обрушились, и пустая внутренность мрачной каменной коробки здания открывалась глазу из любой брешки в стене; из любого оконного проема.

Однако, все же выполняя инструкцию, четыре автоматчика встали по углам здания, а Штарке с двумя остальными вошел внутрь руин. Он добросовестно прошелся вдоль выходящей на площадь стены, задерживался перед каждым оконным проемом, пытаясь пристроиться для стрельбы, и лишь после этого, выйдя из развалин, подвел итог:

— Стреляли не отсюда. Двигаемся к элеватору.

От развалин клуба к элеватору тянулась вначале редкая, а затем постепенно густевшая полоса кустов. Со стороны лога кусты и кряжистые старые ветлы подступали почти вплотную к задней стене элеватора. Вдоль полосы кустов, от элеватора шла узкоколейка. До войны она связывала совхоз с железнодорожной магистралью и работала с полной нагрузкой. Но вот уже больше двух месяцев по рельсам узкоколейки перестали бегать коробочки — вагоны, замолк резкий и веселый гудок маленького работяги — паровозика. Когда — то отливавшие матовой голубизной рельсы сейчас покрывала красная, словно кровь, ржавчина.

Цепь автоматчиков во главе со Штарке, пробираясь сквозь кусты, двигалась вдоль узкоколейки к развалинам элеватора. Руины элеватора так же, как и развалины клуба, встретили солдат мрачным молчанием.

Штарке знал, что окружать эти развалины незачем. Проникнуть внутрь элеватора или выйти из нег можно только через остатки главного входа или через огромную брешь в боковой стене. Поставив автоматчика часовым у брешки, Штарке с остальными пробрался внутрь.

Нижний этаж, как, впрочем, и все этажи элеватора, был опустошен бушевавшим здесь огнем. Но железобетонные перекрытия выдержали натиск огня, не обрушились, и в нижнем помещении было полутемно. Железная лестница на второй этаж сохранилась, но начиналась она с третьей ступеньки. Две первые валялись на земле, и с них можно было без труда вскочить на третью, уцелевшую. Не было никаких признаков того, что здесь недавно были люди.

Штарке обшарил взглядом помещение, усмехнулся.

— Пожалуй, мы опоздали. Сюда бы ворваться сразу. Впрочем, осмотрите второй этаж. Быстро!

Двое солдат, держа автоматы наготове, подбежали к лестнице. Но, едва первый из них наступил на ступеньку, лежавшую на

земле, как взвился столб пламени, гроыхнул взрыв, автоматчик страшным обрубком рухнул на пол. Второй тоже свалился на землю и заорал от боли. Стоявшие у входа автоматчики сломя голову кинулись из элеватора. На месте остался только Штарке.

Когда пыль и зола, взвихренные взрывом, улеглись, ефрейтор увидел, что остался один.

— А ну, все сюда! Бабы вы или солдаты? — сердито закричал он.

Автоматчики, настороженно глядя себе под ноги, вошли, но остановились у самого входа.

Хотя раненый у лестницы истошно вопил, никто не сделал к нему ни одного шага. Ефрейтор прислушался, с верхних этажей доносился только свист ветра.

— По — моему, наверху давно никого нет, — стараясь подбодрить солдат, громко сказал Штарке. — Они сюрприз нам оставили. Знали, что придем.

Солдаты ежились под взглядом Штарке, зная, что сейчас он опять прикажет кому — то идти первым, но тот неожиданно тихо, по — будничному сказал:

— Ты, Макс, перевяжи и оттащи раненого в казарму. Доложи там лейтенанту, что здесь произошло. А вы, — оглядел он остальных, — пойдете со мною. Да не зевать, чуть что — стреляйте.

Осторожно, каждый раз вглядываясь, куда поставить ногу, Штарке первым двинулся к лестнице. За ефрейтором потянулись трое оставшихся с ним автоматчиков.

Медленно, буквально ощупью, поднимались они с этажа на этаж. Штарке первым заглядывал в каждый закоулок, но даже его наметанный глаз не видел ничего подозрительного. Только на верхнем этаже, на самой макушке элеватора, Штарке обнаружил следы снайпера.

Маленькое, почти квадратное помещение верхнего этажа сохранилось довольно хорошо. Уцелели даже часть потолка и шиферной крыши. В стене, обращенной к площади, зиял небольшой пролом. На цементном полу валялось несколько миниатюрных стаканчиков — патронов малокалиберной винтовки.

Сам опытный стрелок, Штарке легко определил, где должен лежать снайпер, чтобы выброшенные после выстрела патроны оказались именно на том месте, где они были сейчас. Определил, лег на это место, взглянул вперед и даже присвистнул. В пролом хорошо были видны виселица, трибуна и часть площади.

— Хитер, дьявол, — проговорил, поднимаясь с пола, Штарке. — А ну — ка, подберите все патроны. Семь штук, — подсчитал он их на ладони. — Значит, два было пристрелочных. Определял снос на ветер. Поняли, что здесь произошло?

—Поняли,— хмуро ответил один из автоматчиков.— От детской игрушки погибли настоящие парни.

—Нет, брат, это не игрушка,— не согласился Штарке.— Здесь по прямой до трибуны метров сто. За сто метров из малокалиберной винтовки...

—Почему не было выстрелов? — перебил ефрейтора тот же автоматчик.

Потому что партизанский снайпер был не такой олух, как единственный сынок твоего папаша,— грубовато пошутил ефрейтор.— Снайпер лежал не у пролома, а в глубине комнаты. Стены и потолок — надежный глушитель. На улице гудит ветер, а малокалиберка бьет негромко. Все было учтено партизанским снайпером. Видать, опытный вояка. Рисковал он, конечно, здорово, но умно.

ОРЛЯТА — ПТЕНЦЫ ОРЛОВ

В сутолоке хлынувшей с площади толпы Вера и Дарья Ивановна потеряли друг друга. Вера пыталась искать ее и даже повернула обратно навстречу бегущим, но ее снова закрутило в людском водовороте, а найти Дарью Ивановну так и не удалось.

Лишь выбежав с площади на улицу, ведущую к дому, Вера увидела, наконец, Дарью Ивановну. Она стояла у ворот чьего — то домика и внимательно вглядывалась в пробегающих мимо людей. Рядом стояли незнакомая женщина и девушка, примерно одного возраста с Верой.

—Все это было предсказано, да мы — то не понимали божьего слова. А теперь, что ж, придется смириться и ждать, когда господь бог смилуетя над нами, простит нам наши грехи,— бормотала женщина.

Увидя девушку, Дарья Ивановна сдвинула брови и качнула головой. Вера, поняв, что Дарья Ивановна не хочет, чтобы она сейчас подходила к ней, пробежала по улице дальше. Но, видимо, молчаливое предостережение не укрылось от глаз незнакомки, потому что до Веры донеслись слова:

—С чего это ты морщишься и головой дергаешь? Уж не контузило ли?

Вера не расслышала ответа Дарьи Ивановны и, пробежав еще с десятков метров, пошла неторопливым шагом.

—Куда па площади от меня сиганула? — обрушилась Дарья Ивановна на Веру, догнав ее.— В такой давке тебя свободно растоптать могли.

—Кто это стоял, тетя Даша? — спросила Вера.

—А — а!.. — вначале отмахнулась Дарья Ивановна, а затем все же ответила: — Выдрина это, Клавдя Выдрина с

дочкой Нюркой. Клавдя — то у нас фельдшером на медпункте была.

— Она какая — то странная.

— Будешь странная, если муж бросил, да и дочку чуть за собой не увел. Война помешала.

— Наверное, ее мужу было очень трудно с ней, — словно про себя произнесла Вера.

Дарья Ивановна удивленно сбоку посмотрела на девушку, потом рассмеялась и подтвердила:

— А ведь ты верно угадала. У Клавди — то только два интереса: бог и деньги. Скупая — дальше некуда и богомольнее попа. Муж с ней бился, он у нас участковым агрономом работал, потом не выдержал и ушел.

Некоторое время обе шли молча. Но вот Вера тряхнула головой, словно отгоняя неприятное впечатление, оставшееся от встречи с Выдриной, и, чуть понизив голос, сказала:

— Тетя Даша, я догадалась, кто это был.

— Где был? — удивилась неожиданному повороту разговора Дарья Ивановна.

— Ну, стрелял кто, я знаю.

— Вот что, девушка, — неожиданно рассердилась Дарья Ивановна. — О таких делах на улице не болтают. Дома расскажешь, что тебе почудилось.

Больше всю дорогу Дарья Ивановна и Вера не сказали друг другу ни слова. Лишь после того, как дверь дома была заперта на крючок, хозяйка, понизив голос, спросила:

— Ну, что там тебе, Веруша, показалось?

— Не показалось, тетя Даша, честное слово, не показалось, — зашептала Вера. — Я сразу догадалась. Это Саша стрелял!

— Кто — о — о?!.. — протянула Дарья Ивановна, от изумления опускаясь на стул. — Да ты с ума сошла? Откуда он возьмется?

— Не знаю откуда, но стрелял он, — убежденно ответила девушка. — Ты видела, как стреляет Саша? А я видела.

— Да ты подумай, что ты говоришь, — начала разубеждать Веру Дарья Ивановна, но в ее голосе не было той уверенности, которой всегда отличалась эта многое повидавшая на своем веку женщина. — Ты только подумай! Ведь Саша мальчишка: семнадцати нету.

— Ах, тетя Даша, как ты не понимаешь, — обиделась за своего друга Вера. — Ну и что, что нет семнадцати. Саша два года комсомолец.

—Ну, ладно, ладно. Пусть это будет Саша,— любясь Верой, уступила Дарья Ивановна.— А откуда он стрелял? Видать, издалека, выстрелов не слышали.

—Не знаю,— довольная тем, что все—таки убедила собеседницу, ответила Вера.— Может быть, и не издалека. А вдруг есть такие винтовки, которые стреляют совсем неслышно. Может, и у Саши такое оружие.

—Вряд ли,— усомнилась Дарья Ивановна.— Не слыхала я про такое.

Они долгое время строили разные предположения и догадки, пока Дарья Ивановна не спохватилась:— Гляди—ка, заговорились—то мы как. Ведь уже ночь на дворе. Ложимся спать, утро вечера мудренее. Завтра еще поговорим.

Но Вере в эту ночь так и не удалось заснуть. Долго лежала она в густой темноте осенней ночи с широко раскрытыми глазами и видела не эту темноту, а светлые, радостные картины совсем еще недавнего прошлого.

Вера выросла в большой и дружной семье. Четыре брата и две сестры были значительно старше ее.

С самого раннего детства для Веры слова «большевик», «коммунист» воплощали в себе все самое лучшее, честное и смелое, все самое идеальное, что только присуще человеку. Быть коммунистом — это значит быть таким, как папа и мама, как старший брат Алеша — летчик или второй брат Константин— военный моряк. А главное, быть таким, как папа. Отца Вера не просто любила, она преклонялась перед ним. Впрочем, Данила Семенович Волгин был непререкаемым авторитетом не только для своей младшей дочери и даже не только для своей семьи. Данилу Волгина — старого большевика и хорошего человека знала вся область.

Грозный 1917 год застал Данилу Семеновича в должности земского агронома. И, видимо, совсем не случайно, еще задолго до революции земское начальство косилось на молодого агронома, помещики неодобрительно покачивали головой, пристав сердито хмурился, когда при нем упоминалась фамилия Волгина. А все они, от земцев до пристава, дружно старались разузнать, о чем беседует с мужиками агроном, когда объезжает села и деревни двух подведомственных ему волостей.

Впрочем, следили не только за Волгиным. Таким же вниманием властей предрержавших пользовался и земский ветеринарный врач Иван Федорович Гуртовой. И, должно быть, тоже не случайно уже с первой встречи, с самого начала совместной работы между агрономом и врачом завязалась крепкая дружба.

После октябрьского урагана два закадычных друга помогали укреплению Советской власти. Но началась гражданская война,

генерал Деникин подошел к городу, после упорных боев занял его.

Вместе с отступавшей Красной Армией уходили из родных мест и Волгин с Гуртовым.

Нелегко достались Волгиным эти военные годы. Первые четверо малышей извели всю тяжесть кочевой жизни. Мария Васильевна Волгина позднее шутливо называла своих старших ребятишек «закаленными в боях».

Гуртовой более молодой, чем Волгин, в те годы был еще не женат и, чем только мог, помогал семье друга.

Но отгремела гражданская война, наступила пора мирного строительства, и Волгины с Гуртовым снова вернулись на полюбившиеся им берега Оки. В самый разгар нэпа Гуртовой женился. Семейное счастье Ивана Федоровича было недолгим. Вскоре после рождения первенца Саши жена тяжело заболела и через несколько лет умерла.

Оставшись молодым вдовцом с трехлетним сыном на руках, Иван Федорович тяжело переживал свое горе. Он так больше и не женился.

— Однолюб я, видно,— угрюмо отмахивался он от советов товарищей «устроить новую семейную жизнь».— Не тянет меня начинать все заново.

Так Саша и вырос на руках отца и няньки, которую, может быть, предчувствуя скорую кончину, подыскала своему сыну мать.

Мальчик рано научился быть самостоятельным, а деревенская жизнь на берегу Оки наделила его крепким здоровьем и силой. Уже шестилетним мальчуганом Саша храбро скакал на неоседланных колхозных лошадях, цепко, как котенок, взбирался на любое дерево, а плавал и нырял, если не как рыба, то уж, во всяком случае, лучше всех своих сверстников.

Все эти годы Иван Федорович Гуртовой работал в тех же самых местах, где до революции служил ветеринарным врачом. Но сейчас уже мало кто помнил о прежней профессии Ивана Федоровича. Коммунист Гуртовой, помогавший устанавливать в волости Советскую власть, был поставлен во главе этой власти и более десяти лет состоял бессменным председателем районного исполкома.

По-иному сложилась жизнь Данилы Ивановича. Он тоже первое время работал в советских органах, но вскоре был избран в губком партии и переселился жить в город. Впрочем, старая дружба двух большевиков не ржавела и с годами становилась только крепче.

Бок о бок прошли они сквозь огонь гражданской войны, защищая Советскую власть, восстанавливали разрушенное войной народное хозяйство, а когда по зову партии поднялась крестьянская волна и повернула в новое русло колхозной жизни,

оба друга были на самой вершине этой волны.

Даже месть классовых врагов последней вспышкой своей ярости одинаково опалила обоих.

Отстреливаясь, унося в плече пулю кулацкого обреза, ушел с маленьким сыном из подожженного дома Иван Гуртовой. Ушел, чтобы через неделю, еще не долечившись, бледным от потери крови и незатухающей боли, снова вернуться в свою волость и возглавить обозленную и голодную, но поверившую в колхозную жизнь деревенскую бедноту.

Свалился от выстрела из — за куста член обкома партии Данила Волгин, а затем, кровяня замерзшие комья земли, чуть не целую ночь полз через запаханную колхозом кулацкую землю к тракту. Лишь под утро подобрали его проезжие люди и привезли в больницу, а через полмесяца, едва встав на ноги, он руководил бурным собранием крестьянской бедноты, создававшей колхоз в огромном селе, где до этого всем заправляла кучка кулаков.

Так и шли по крутым жизненным дорогам два уже начинавших сесть друга, два коммуниста. Лет за пять до войны, когда Ивана Федоровича Гуртового выдвинули на работу в облисполком, он тоже переехал в город.

В момент переезда. Гуртовых в город Саше шел двенадцатый год. Вера была почти на год моложе, вначале Саша был склонен вообще не замечать Веру. В его мальчишеских делах девчонки еще не играли никакой роли, и он относился к ним с достаточной долей презрения. Но Иван Федорович Гуртовой, приведя сына к Волгиным, сказал:

— Ты, Сашок, дружи с Верочкой.

Саша без памяти любил своего немногословного и всегда несколько сумрачного отца. Раз отец велел дружить с девчонкою, значит, так и надо. Эта веснушчатая девчонка — дочь дяди Данилы, старого друга отца. На груди у дяди Данилы такой же орден Боевого Красного Знамени, как и у отца. Да и мать Верочки, хотя и женщина, но с белыми воевала так же, как отец и дядя Данила. В общем, если Верочка хоть немного похожа на своих родителей, с ней можно и подружиться. Ничего, что девчонка. Пусть. Разве она в этом виновата?

Но очень скоро Саше пришлось изменить свое мнение о девчонках вообще и о Вере Волгиной в частности. Она мастерски лазала по деревьям, плавала не хуже любого мальчишки, не плакала от боли, а свистеть в три пальца научилась почти моментально — всего в три вечера. Причем это у нее получалось даже лучше, чем у Саши,— пронзительнее.

И еще одно качество неожиданно открыл Саша в Верке. Это умение прикидываться. То есть, упаси бог, не врать. Выросший под влиянием прямолинейного отца, Саша считал ложь грязным, недостойным настоящего человека свойством и того же требовал от

своих друзей. Нет, Верочка никогда не врала. Просто, в минуты сокрушительных провалов, на ЛИЦЕ Верочки появлялось такое выражение невинности и спокойствия духа, что ни у кого не возникало и подозрения, что эта скромница имеет какое-либо отношение к сорванцам-мальчишкам, пойманным на месте преступления в чужом саду или ягоднике.

Верочка быстро научилась использовать эту особенность в минуты, когда ее друзьям приходилось особенно туго. В самый трагический для мальчишек момент она начинала дико вопить, что боится собаки, коровы, лошади, гусака, свиньи, даже мохнатой безобидной гусеницы, в общем, всего, что в это время оказывалось поблизости. Вопли скромницы привлекали всеобщее внимание, а тем временем мальчишки, воспользовавшись замешательством хозяина, благополучно удирали.

Незаметно для самой себя Вера стала полноправным членом озорной мальчишеской компании, где Саша Гуртовой был признанным атаманом. Впрочем, личные имена были не в ходу у мальчишек. Каждый из них носил имя какого-либо понравившегося ему литературного или исторического героя. Среди дружков Саши были Павка Корчагин, Чапаев, Кочубей, капитан Немо и один раз даже сразу два д'Артаньяна. Впрочем, одного из д'Артаньянов — Витьку Долганова вскоре лишили громкого имени, узнав, что тот, пойманный усатым дядькой в саду, под угрозой наказания крапивой выдал всех своих бывших товарищей, участвовавших в набеге на яблони. Хотя измена не имела никаких плохих последствий, все же предателя единогласно разжаловали из д'Артаньянов в Мазепу. Не выдержав всеобщего презрения, двенадцатилетний Мазепа вскоре отошел от дружной гурьбы своих бывших товарищей.

И вообще на д'Артаньянов мальчишеской компании явно не везло. Второй претендент на это громкое имя только разве в своих собственных мечтах походил на жилистого, хитрого и энергичного гасконца.

Внешне Геня Левит был стеснительный, излишне полный мальчик, не столько изнеженный, сколько слишком чувствительный, изо всех сил старавшийся ни в чем не отставать от своих физически более крепких и выносливых товарищей. Это ему никогда не удавалось, и он втайне мучительно страдал от сознания своей неполноценности. Мальчишки, обычно без снисхождения относившиеся к слабостям сверстников, на этот раз оказались более сдержанными. Они не только не подчеркивали своего превосходства над Геней, но, как могли, старались помочь ему сравняться с ними в их весьма утомительных похождениях. Геня чувствовал покровительственное отношение друзей, и от этого еще сильнее страдало самолюбие гордого и требовательного к себе мальчика.

Причиной же снисходительного отношения мальчишек к

слабости Гени было его сиротство. И не простое сиротство. Славка Грачев тоже рос без отца, убитого врангелевской пулей.

Генины родители погибли в крупной железнодорожной катастрофе, организованной вредителями на одной из южных дорог страны. Спасательная команда, разбирая остатки разбитого вдребезги пассажирского поезда, обнаружила среди других жертв Геню и его родителей. Отец был мертв, а у матери хватило сил только на то, чтобы назвать адрес единственной родственницы, жившей в далеком городе над Окой. К счастью, Геня не видел всех ужасных последствий катастрофы, он очнулся уже в вагоне санитарного поезда. Геня отделался сравнительно легко — вывихом руки и несколькими ушибами, но психическая травма изживалась значительно медленнее вывихов и ушибов.

Геня рос замкнутым, все время внутренне настороженным мальчиком и только примерно с пятого класса немного оттаял под влиянием жизнерадостной компании Саши Гуртового и его друзей.

Воспитывала Геню двоюродная сестра отца. Более близких родственников у него не нашлось. Софья Абрамовна считалась лучшей в городе пианисткой. В молодости она была некрасива и очень болезненна. С годами красоты, конечно, не прибавилось, зато здоровье окрепло. Не сумев создать семьи, Софья Абрамовна вначале всю себя отдала музыке, а появление у нее внезапно осиротевшего Гени приняла как величайшую милость судьбы и отдала ему все нерастраченные запасы любви и ласки.

Геня ни в чем не испытывал недостатка. Его всегда хорошо кормили, что в годы карточной системы было далеко не с каждым из его сверстников, хорошо и красиво одевали, что даже выделяло его из среды других мальчишек, и, кроме того, он, единственный из всей компании, был непосредственно причастен к миру искусства — музыке. Геня с помощью Софьи Абрамовны годам к четырнадцати очень неплохо играл на пианино, а в последние дни начал учиться играть на скрипке. Ребята уважительно относились к способностям и умению своего сверстника, но особенного впечатления разыгрываемые Геней Бетховен, Лист и Шуберт на них не производили. Это было время, когда марши и песни времен гражданской войны были не исторической стариной, а сегодняшней явью. С точки зрения того же Славки Грачева, Саши и Веры, «Марш Буденного» был самым замечательным произведением композиторского искусства всех времен и народов.

Софья Абрамовна, наблюдательная, тонкой души женщина, видела, как благотворно влияет на ее племянника дружба со школьными товарищами, и всеми силами содействовала укреплению этой дружбы.

По ее настоянию Геня часто приглашал всю компанию в гости. Вез большого желания, только чтобы не обидеть Геню, шли они в просторную и необычно обставленную квартиру Софьи

Абрамовны. Большую часть огромной на шесть окон зады в этой квартире занимали дорогой концертный рояль и большой овальный стол на толстых вырезанных в виде львиных лап ножках. Стол всегда был покрыт дорогой многоцветной мохнатой скатертью.

Впрочем, с появлением ребят дорогая скатерть убиралась, стол застилался обычной клеенкой, и на нем появлялся весело пыхтящий самовар в сопровождении блюд, тарелок и тарелочек, наполненных пирогами, пышками, печеньями, изготовленными Софьей Абрамовной с помощью тети Поли, которая вела хозяйство.

Шумливая молодая компания дружно расправлялась со всем, что стояло на столе, затем вежливо скучала час – полтора, пока Софья Абрамовна и Геня попеременно угощали ее концертом великолепной классической музыки, и в заключение обязательно просила «сыграть что –нибудь наше». Скрепя сердце пианистка садилась к роялю, и вот то молитвенно строгие, то ласково чарующие аккорды классики сменялись бурными маршами и песнями современности. Проходило несколько минут, в звуки рояля вплетались чистые юношеские голоса, и вечер заканчивался не очень стройным, но звонким концертом революционной песни.

Узнав, что в своих мальчишеских делах друзья называют себя именами любимых литературных героев и что ее Геня совсем не Геня, а не кто иной, как д'Артаньян, Софья Абрамовна только грустно улыбалась. Какой уж там из Гени д'Артаньян.

Услышав однажды, как Геня, говоря со Славкой об оформлении школьной стенгазеты, сказал с неприязнью; «Это дело Овода. Он привык всех жалить», Софья Абрамовна спросила:

—Что у вас там еще за Овод завелся?

—Мишка Кочергин, — сердито буркнул Геня.

—Дерется?

—Нет. Карикатурит. Такое нарисует, что хоть в класс не заходи.

—И на тебя была карикатура?

—А как же! Не в стенгазете, а так. По рукам ходила.

—Какая?

—Меня Мишка на карикатуре девчонкой сделал. Дурак. Не похож я на девчонку, ведь правда?

—Конечно, не похож, — успокоила Геню Софья Абрамовна. — А сердиться на товарища из – за шутки не надо. А Саша Гуртовой у вас как называется? — заминая неприятный разговор, спросила Софья Абрамовна.

—Саша у нас Олеко Дундич. А что, думаешь, не похож?

—Похож, похож, — успокоила племянника Софья Абрамовна. — А Верочка Волгина кто? Наверное, Софья Перовская?

—Не – ет, не Софья. Она хотела Жанной д'Арк быть

но мы ее Анкой — пулеметчицей назначили.

Собрать в один коллектив д'Артаньяна и Олеко Дундича, Овода и Анку — пулеметчицу — людей, отделенных друг от друга столетиями, могла только не признающая преград фантазия молодежи. Софья Абрамовна всегда волновалась, когда Геня приходил домой в испачканной и изорванной одежде, со следами ожогов крапивы. Но она молчала, она понимала, что человек, назвавший себя д'Артаньяном, не имел права быть трусом или страшиться боли. Она только поджимала губы и многозначительно взглядывала на тетю Полю.

— Ив наше время мальчишки тоже были оторви да брось, — успокоительно гудела та в ответ. — Одно слово — архаровцы.

Софья Абрамовна вздыхала. Она боялась только одного, чтобы похождения Гени и его друзей не перешли той границы, за которой начинается знакомство с милицией.

К чести ребят, их порой не совсем безобидные проказы в садах и огородах никогда не преследовали целей наживы. В случае удачи самые сладкие яблоки и самые сочные сливы и груши уносились лишь в размерах, определенных аппетитом участников. Главное было в преодолении трудностей. Обмануть бдительность хозяев и сторожей садов, чуткость их собак, незаметно проникнуть в запретное место и так же незаметно исчезнуть — в этом была заманчивая цель. Не охраняйся сады так бдительно, эти шалости для Саши и его вольницы потеряли бы всякую привлекательность. На базаре яблоки чуть не даром отдают, дома у каждого есть хоть одно — два плодовых дерева, но ведь это не то. В собственный садик не полезешь тайком, хоронясь и маскируясь, покупка же на базаре совершенно безопасна и не требует ни храбрости, ни ловкости, а значит, неинтересна.

Из мальчишеской оравы, группировавшейся вокруг него, Саша выделял Славу Грачева. Многие ребята в городе знали Славку с Пушкинской улицы, задиру и драчуна, но только компания знала, что Славка совсем не Славка, а лихой конармеец Павка Корчагин. Славка был белобрыс, коренаст, от ранней весны до поздней осени ходил босиком и мечтал, когда вырастет, стать кавалеристом. И не конником или командиром какой — либо рядовой воинской части, а бойцом необычной, созданной воображением самого Славки Международной, революционной первой Конной Армии мирового пролетариата. Такая армия должна была всегда готова идти туда, где созревает революция, и своими клинками помогать рабочим завоевать победу. На меньшее Славка был не согласен.

По этому поводу между Сашей и Славкой шли ожесточенные споры. Саша уверял, что такой армии нет и не будет, Славка же был уверен, что «пока ее еще нет, но обязательно будет».

И вот однажды, видя, как перед доводами Саши гибнет его яркая и прекрасная мечта, Славка в запальчивости спросил:

—Значит, ты не хочешь мировой революции помогать?

—Нет, хочу,— так же запальчиво ответил Саша.— Только я не так. Не в армии.

—А иначе как? — оторопел Славка.— Ведь воюет — то армия.

—Я разведчиком хочу быть.

—Разведчиком? — поразился Славка.— Как Красные дьяволята?

—Давайте пойдём в Красные дьяволята,— восторженно предложила Верочка.

—Красные дьяволята — это другое. Их не было на самом — то деле. Красных дьяволят писатель выдумал.

—Да ты что? — возмутился Славка.— Разве неправду в книгах напечатывают?

—Но ведь Махно — то удрал в Румынию,— доказывал свое Саша.— В учебнике об этом сказано. А Красные дьяволята его в мешке привозят. Не было такого.

Махно в то время был личностью, известной не только по учебникам. Воспоминания о его кровавых подвигах были еще свежи, и Славка, сраженный доводами друга, не нашелся, что возразить.

—Я вот читал другие книги,— продолжал Саша,— в них про настоящих разведчиков рассказано. Правда, не про наших, а про заграничных.

—Про наших прочитать интереснее,— загорелся Славка.

—Про наших не пишут.

—Почему? — недовольно протянула Вера.

— Не знаю. Может, не хотят, чтобы белые про них узнали. Ведь наших разведчиков мало, но они знаете какие? Смелые, умные и... вообще лучше заграничных.

—Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Славка.

—Иначе и быть не может,— убежденно ответил Саша.— Я буду разведчиком.

Так перестала быть тайной заветная мечта главаря мальчишеской вольницы.

Еще не раз и не два друзья возвращались к разговорам о разведке. Постепенно вырисовывалось, каким должен быть подлинный революционный разведчик. Он должен быть смелее, сильнее, закаленнее и умнее всех других людей, должен отлично плавать, бегать, ездить верхом, взбираться на высокие деревья. Уметь обращаться с каким хочешь оружием, а стрелять так, чтобы попадать во все, что сможешь рассмотреть. А главное,

разведчик должен быть человеком твердым, не бояться никакой боли и презирать смерть. Кроме того, чтобы стать разведчиком, надо выучить хотя бы один иностранный язык. Знать как свой собственный. И, конечно, настоящий разведчик всей душой любит свою Родину.

Выяснив этот минимум свойств разведчика, друзья самокритично признали, что из всех качеств, необходимых разведчику, они в полной мере владеют только одним — любовью к Родине. Все же остальные, необходимые разведчику качества имелись едва лишь в зачаточном состоянии. Только Саша Гуртовой успел уже кое — что сделать.

Оказывается, он давно начал готовиться к работе в разведке и многого достиг. Бегал, плавал, взбирался на деревья Саша великолепно. Когда же ребята, собрав всю имевшуюся у них в наличии мелочь — двугривенные, гривенники и медяки, коллективно отправлялись в осоавиахимовский тир, даже невозмутимый заведующий тира открывал от изумления рот, если за винтовку брался Саша. Но Саша не любил стрелять в маленьких тирах: неинтересно. Вот сбить из малокалиберки коршуна, кружащего в поднебесье, — это другое дело. За этими крылатыми разбойниками Саша охотился постоянно.

Сам великолепный стрелок, Иван Федорович Гуртовой обучил этому искусству и сына, и когда Саше исполнилось двенадцать лет, подарил ему малокалиберку. Бродить с ружьем в окрестностях города или по полям совхоза, когда в дни каникул он приезжал гостить к своему дяде по матери Федору Селиверстовичу Купину, было лучшим развлечением для мальчика.

Теперь сверстникам Саши Гуртового стало понятно, почему их Олеко Дундич так старательно учит иностранный язык. До этого их всегда удивляло, почему Саша так усердствует, когда готовит урок по немецкому. Он даже в каникулы занимался.

— Неужели тебе не надоело? — упрекнул друга Славка. — Ты и так отличник, а сейчас каникулы.

— Надоело, — вздохнув, признался Саша. — Но я каждый день учу по десять немецких слов. Потом надо страничку из книги прочитать.

— В другой раз прочитаешь. Пойдем. Ребята ждут, — настаивал Славка. — Сам же говоришь — надоело.

— А как же с разведкой? С терпением и настойчивостью? — улыбнулся другу Саша. — Сами же решали.

— Ну, так это когда до серьезного дойдет, — смутился Слава. — А в такой мелочи...

— А знаешь, Славка, — задумчиво проговорил Саша, — как ты разберешь, где мелочь, а где серьезно. С виду как будто

мелочь, а на самом деле — наоборот.

До Славы не сразу дошла мысль Саши. Он собрался поспорить с другом, но этому помешал приход Веры.

Заинтересованная последними словами Саши, она уселась на подоконник и, болтая босыми ногами, заявила:

— Не спорь, Славка. Саша прав.

— Знаю, — съязвил Славка. — По — твоему, Саша всегда прав.

— А как же, если на самом деле так, — с невозмутимым видом отпарировала Вера.

— И сейчас он прав, по — твоему? Как же можно путать мелочь с главным?

— Можно... — начал Саша.

— Вот ты и путаешь, — перебила его Вера. — Саша хочет быть разведчиком. Значит, он должен говорить по — немецки. Для него изучение языка главное, а ты это считаешь мелочью.

— Да не считаю я, — возмутился Слава. — Если один раз пропустить, ничего не случится. Это мелочь. Сашка сам говорит, надоело.

— Разведчик должен быть настойчивым, — отмахнулся Саша. — В общем, молчи или исчезни.

Саша настоял на своем. Славка на протяжении двух часов мрачно листал многократно прочитанный томик «Трех мушкетеров», пока Саша и Вера зубрили слова и с трудом продирались через странички трудного текста.

Через несколько дней на рыбалке, в полдень, когда не было клева, среди ребят зашел разговор о выдержке, о терпении. Все помнили о своем земляке — командире красного рабочего полка. Схваченный белыми, красный командир был привезен в родной город, вынес жестокие пытки и был расстрелян, но ни слова не сказал белым. Достоверность подвига ни у кого не вызывала сомнения. Спорили о том, что помогло герою вынести пытки, готовился ли он к ним.

— Конечно, готовился. Знал, на что шел, когда добровольно записывался в Красную Армию, — решило большинство ребят.

— Так он воевать готовился, — возражали другие. — Он не знал, что его пытать будут, а потом расстреливать. Ведь его неожиданно захватили.

Саша лежал на песке, слушал спор ребят, но сам не говорил ни слова. Он молча вертел в руках обгоревшую спичку, которой пять минут тому назад поджег бересту на костре. Курение жестоко преследовалось среди мальчишек, друживших с Сашей. Курящий человек не может хорошо нырять, плавать, бегать, а значит, не сумеет быть полноценным разведчиком. Но, выходя за город, ребята всегда брали спички с собою. Да и не только спички.

Имелся целый список предметов, необходимых разведчику в дорогу: от бинокля и легкого топорика до коробки спичек включительно. Каждый обязан был иметь при себе один или два предмета из списка.

Когда спорящие, не придя к соглашению, замолчали, Саша, не говоря ни слова, воткнул тонкий и острый, как иголка, коричневый огарок спички в руку чуть пониже локтя. Ребята недоумевающе наблюдали за своим вожаком. Саша взял из костра пылающую щепку и поджег верхний конец воткнутой в руку спички. Огарок занялся синеватым тлеющим пламенем. Медленно огонек приближался к телу.

—Саша, не надо! — первой не выдержала Вера.—
Потуши.

—Разведчик должен уметь терпеть боль,— усмехнулся Саша.

Правда, улыбка получилась не очень естественной. Огонек дошел до тела, и сейчас выгорал остаток спички, воткнутой в руку, но Саша все — таки улыбался.

Все, даже Вера, тотчас же захотели проверить, хватит ли у них мужества и выдержки. Через пару минут спичечные огарки тлели в напряженных ребячьих руках.

Не у каждого нашлось достаточно силы, чтобы выдержать такие испытания.

Все ребята единогласно решили, что наилучшего результата в подготовке к работе разведчика достиг Олеко Дундич, он же Саша Гуртовой.

Под вечер того же дня Саша шел по берегу Оки со своей малокалиберной за плечом. Справа тянулась заросшая кустами ивы кромка берега, слева метрах — в полутора ста закрывал горизонт высокий крутояр — след весенних половодий. Сюда часто залетали матерые воздушные хищники, чтобы поживиться птичьей мелкотой. Охотясь за ястребами и коршунами, совсем не нужно подкрадываться, но Саша старался идти бесшумно, чтоб под ногами не треснул сухой сучок, не щелкнул вывернувшийся из — под подошвы сапога камешек, в общем, Саша шел так, как, по его мнению, должен ходить разведчик.

—Эй, паренек! — вдруг услышал он окрик из кустов.

Саша оглянулся. В узкой прогалинке меж густого ивняка стоял человек в старой, много раз стиранной ковбойке и хлопчатобумажных галифе, заправленных в парусиновые сапоги.

— Бледнолицый брат мой, сойди с тропы охоты и войны и окажи, если сможешь, помощь попавшему в беду рыболову,

Саша почувствовал, что краснеет. Наверное, глупо и смешно он выглядел, когда изображал крадущегося к цели разведчика. Недаром незнакомец заговорил с ним языком героев Фенимора Купера. У мальчика возникло желание убежать, но ведь ни один из

его любимых героев никогда не бегал ни от опасности, ни от насмешек.

—В чем испытывает нужду мой бледнолицый брат? — в тон незнакомцу ответил Саша.

—По утверждению достопочтенного деда Щукаря, от долгого некурения могут «опухнуть уши». Как они у меня? Еще сохранили привлекательный вид?

—Без спичек, значит, остались,— сделал вывод Саша и, подойдя к незнакомцу, протянул ему коробок.

Тот вытащил пачку «Беломорканала», достал папироску и протянул пачку Саше:

—Закуривай.

—Спасибо. Я не курю.

—Любопытно. А коробок носишь для таких растяп, как я, которые забывают на рыбалку спички брать.

—Нет. Я это на случай. Если костер разводить...

Незнакомец закурил, протянул коробок Саше.

—Оставьте себе. Мне он сегодня не нужен,

—Благодарю. Считаю, что я у тебя в долгу. Давай, брат, присядем. В ногах правды нет.

Саше расхотелось уходить. Незнакомец определенно заинтересовал его. Мальчик с готовностью пошел вслед за ним в глубину кустов. Здесь, на самом краю берега, была хорошо оборудованная рыбацья «сижа». Мешавший закидывать удочки кустарник был вырублен, даже сено было откуда—то принесено, чтоб не сидеть на голой земле. Три длинных удилица установлены на рогульках, и три поплавок сторожко замерли почти на середине реки.

—Садись,— пригласил незнакомец, указывая место рядом с собой на куче сена.

—Не клюет,— посочувствовал Саша,

—Заклюет, куда ей деваться,— уверенно ответил незнакомец.— Рано еще, позднее брат будет. Тут, брат,— кивнул он на поплавок,— у меня такие червяки надеты... Он внимательно посмотрел на малокалиберку. улыбнулся и сказал:

—Грозное оружие.

—А что? — обиделся за свою винтовку Саша.— Бьет хорошо.

—Я и говорю — грозное оружие. В умелых руках, конечно... И, словно угадывая, о чем думает мальчик, незнакомец указал на толстый ствол ивы, росшей на противоположном берегу.

—Попадешь?

—Ну, это—то пустяк,— уверенно ответил Саша.— Вон

видите у нее на верхушке обломленная сухая ветка?

Саша встал, тщательно прицелился и выстрелил. Попадание было несомненным.

Саша думал, что незнакомец удивится его меткости, но тот молча пристально посмотрел на мальчика и после довольно долгой паузы сказал:

— Неплохо, но все же это еще не высший класс.

— Мне и папа говорил, что это не высший класс, — с трудом скрывая разочарование, ответил Саша. — Посмотреть бы на стрельбу высшего класса. Да ведь в нашем городе, наверное, нет таких стрелков.

— Ну, зачем так плохо думать о родном городе, — укоризненно сказал незнакомец. — А кто твой отец?

— Гуртовой Иван Федорович. Он в облисполкоме работает.

— Приходилось встречаться. Он, по моему, мог бы показать тебе классную стрельбу. Мужик умелый.

— Папа говорит, что он давно не тренировался.

— Да, брат, тренировка в стрельбе — первое дело. Хочешь быть стрелком высшего класса — стреляй каждый день. Хоть два-три выстрела в день и обязательно сложных. Только зачем тебе высший класс? Ты и так стреляешь неплохо. Честное слово, неплохо. Пожалуй, из ребят твоего возраста ты лучший стрелок не только в нашем городе, но и в области.

Щеки Саши зарумянились от радости. Все — таки похвала этого человека чем — то особенно приятна. Саша вдруг почувствовал к незнакомцу полное доверие и рассказал ему о своей мечте — стать разведчиком. Тот слушал мальчика очень внимательно, ни разу не перебил и даже не улыбнулся,

— Да, брат, трудную ты перед собою поставил задачу, — проговорил он после того, как Саша высказал все, что было у него на душе. — И дело, брат, не только в подготовке. Я верю, что подготовиться ты сумеешь. Но подумал ли ты о том, что эта работа берет себе человека целиком. От нее не отойдешь «по семейным обстоятельствам» или «по собственному желанию». На этой работе ты, брат, до самого пенсионного возраста в строю, в полной боевой, как говорится. Награждают на этой работе не густо, да и те, кто идет на нее, о наградах не думают. И ко всем остальным качествам человека на этой работе требуется еще одно — умение молчать. Молчать даже тогда, когда от одного твоего слова зависит твоя жизнь. Умирай, но молчи. Подумал ты об этом?

— Думал. Не обо всем, но думал. О том, что надо уметь молчать, я знаю.

— Тебя как зовут — то, бледнолицый брат мой? — снова

шутливо спросил незнакомец.

—Сашей.

—А какой тебе годик?

—Уж дважды седьмой миновал.

—Находчив. Литературу знаешь,— снова удовлетворенно констатировал незнакомец.—Так вот, Саша. У тебя впереди еще много времени обо всем подумать, разведчик должен быть всесторонне образованным, так что пока учишься, из всех сил учишься, а там, может быть, в разведку дорогу найдешь.

—А скажите... товарищ...

—Вот, вот, только не товарищ, а просто дядя Миша.

—Скажите, дядя Миша, приходилось вам встречаться с настоящими разведчиками.

—С настоящими? Приходилось.

—Ну и какие они?

—Самые обычные, как и мы с тобой. Только умней, образованней и опытней.

Поплавок одной из удочек дрогнул, замер, затем снова дрогнул и плавно ушел под воду. Незнакомец подсек, и вот в воздухе серебряной полосой сверкнула довольно крупная плотвица.

— С прибытием,— поздравил ее рыбак, снимая с крючка и отправляя в садок.

Саша по личному опыту знал, как мешает в момент клева присутствие постороннего. Поэтому, как ни хотелось ему еще поговорить, поднялся с места.

— Молодец! — понял и оценил тактичность мальчика дядя Миша.— Шагай, брат, домой, у меня тут сейчас начнутся горячие дела.

Он протянул Саше руку и вдруг лукаво подмигнул мальчику:

— Одну минуту, мой юный, бледнолицый брат. Пойдем и проделаем один интересный опыт.

Они вышли из кустов. Дядя Миша пошел к крутояру, внимательно глядя под ноги. Вот он носком сапога выбил из за—сохшего суглинка одну за другой две плоские обкатанные водой гальки.

—Сможешь ты, Саша, бросить эту гальку вот так, смотри.

Положив плоский круглый камень на ладонь, он широко размахнулся прямой рукой и с силой швырнул его отлого вверх.

—Смогу. Давайте,— несколько удивленный ответил Саша.

— Следи за тем, как он полетит,— подсказал ему дядя Миша.

Саша старательно размахнулся и швырнул, как ему показалось, даже лучше, чем это сделал дядя Миша. Камень более круто и быстрее пошел вверх. Саша не спускал с него глаз. В ту самую

минуту, когда камень, достигнув предельной высоты, готов был ринуться вниз, прозвучал выстрел, и черная круглая плитка исчезла. С восторженно горящими глазами Саша оглянулся на незнакомца. Тот ставил на предохранитель совсем небольшой черный пистолет с непривычного вида длинным стволом.

— Вот это класс! — проговорил Саша, влюбленно глядя на незнакомца. — Высший класс.

— Не думаю, — скептически усмехнулся тот. — Мне доводилось видеть людей, стреляющих много лучше.

— А у вас какой марки пистолет?

— Маузер. Третий номер, — ответил незнакомец и вдруг насторожился, послышалось частое нервное звяканье колокольчика. — Ну все, мой бледнолицый брат! Кажется, пожаловала мадам щука, а с ней шутить нельзя. Мы еще увидимся, Саша. Пока!

Саша медленно побрел домой. Потом он много раз приходил на это место, но обещанная встреча так и не состоялась.

Дома Саша в тот вечер был таким рассеянным, что Иван Федорович обратил внимание на необычное состояние сына. Он ласково взял его за левую руку, но Саша вдруг вздрогнул и попытался отодвинуться. Случайно рука отца попала как раз на обожженное спичкой место.

Осмотрев припухшую болячку на руке сына, Иван Федорович спросил:

— Ты это на спор, что ли?

Саша никогда не лгал отцу. Выслушав ответ сына, Иван Федорович немедленно командировал Сашу за его четырьмя ревностными последователями. Промыл всем пятерым раны, смазал их мазью от ожогов и сказал, пряча улыбку в густых основательно поседевших усах:

— Вот что, хлопцы! Давайте так больше не чудить.

«Хлопцы» слушали Гуртового, затаив дыхание. Ведь всем им, кроме Саши, не доводилось, вот так, запросто говорить с человеком, проявившим геройство в гражданской войне, с человеком, на груди которого поблескивал орден Боевого Красного Знамени.

Верочка даже не заметила, что Иван Федорович оговорился, причислил и ее к хлопцам.

— Вы что же думаете самоистязанием волю воспитать? — продолжал Иван Федорович. — Чепуха это. Даже хуже — анархистские выверты. Воля воспитывается на преодолении трудностей, при достижении высокой цели. Поставьте перед собой трудную задачу и выполните ее во что бы то ни стало. Вот это и будет воспитанием воли.

— Мы уже имеем цель, — не утерпел Славка. — В разведку

пойдем работать.

— Не знаю, выйдут ли из вас разведчики, но точно знаю, что человек, идущий на эту работу, должен быть образован и всесторонне развит физически. Так вот, если хотите быть разведчиками, поставьте себе задачу: учиться только на «отлично» и на всех молодежных спортивных соревнованиях занимать только первые места.

Долго беседовал в тот вечер Иван Федорович с ребятами. Лица его молодых собеседников то хмурились, то покрывались румянцем смущения, но доводы старого большевика были слишком убедительны и неоспоримы. Тем более, что Иван Федорович говорил с ребятами как равный с равными, без скидки на молодость, с резковатой, но уважительной прямоотой. Лишь позднее они поняли, что беседа с Гуртовым была переломным моментом в их жизни. Это был последний день детства и первый день их юности. Осенью их приняли в комсомол.

— Ну вот и ты стала комсомолкой, — ласково взъерошил Данила Семенович кудри своей младшей дочери, когда Вера, взволнованная и вся светящаяся радостью, явилась из райкома. — Поздравляю, дочка!

— Ой, папка, как страшно было, — прижавшись к отцу, прошептала ему на ухо Вера.

— Вот те на! — удивился Данила Семенович. — А я думал, мой Муций Сцевола с двумя косичками ничего не боится. Даже пытки огнем.

Это был единственный раз, когда в семье Волгиных упомянули о случае со спичками. А Вера — то все время думала, что, кроме Гуртового, никто из взрослых и не догадывался об этой мальчишеской выходке.

Сейчас, лежа в постели, Вера покраснела, вспомнив лукавую фразу отца. «До чего ж мы тогда были глупые, — думала девушка, вглядываясь в ночную темноту, — До чего глупые, а как хорошо жили».

Месяца через полтора после начала войны из Москвы пришло указание: Даниле Семеновичу Волгину возглавить эвакуацию на Урал крупного военного завода. Все заводское оборудование, все имущество рабочих и сами рабочие с женами и детворой, все за три — четыре дня было погружено в теплушки, и бесконечные эшелоны, ночью, без фонарей и гудков ушли в направлении Москвы.

Часто прихварывающей Марии Васильевне многонедельное путешествие в теплушке было явно не по силам. Поэтому на семейном совете решили: домашние вещи и кое-что из мебели отправить с эшелонам, а самой Марии Васильевне и Верочке

выезжать недели через две пассажирским поездом вместе с семьями областных работников.

Данила Семенович уехал, а Мария Васильевна и Верочка остались ждать своего срока. Пока же суд да дело, Мария Васильевна решила съездить к своей подруге — учительнице в Ярское. Муж и двое сыновей подруги были уже на фронте, и Мария Васильевна хотела уговорить ее эвакуироваться вместе.

С попутной обкомовской машиной она уехала в Ярское и через два дня на ней же должна была вернуться. Но ни через два, ни через четыре дня машина не пришла. Шофер, сам добравшийся в город на попутных, рассказал, что километрах в пяти от Ярского их машину обстрелял и поджег немецкий истребитель. Все сидевшие в машине успели выскочить заблаговременно, но пока фашистские летчики бесновались над дорогой, им пришлось лежать среди кустов на заболоченном лугу. Придя в Ярское, Мария Васильевна слегла с жестоким воспалением легких у той самой подруги, которую хотела выручить.

Вера решила сама идти в Ярское. В день ее ухода немецкие танки захватили Крайск, еще через сутки Вера неожиданно для самой себя оказалась на оккупированной территории родной области. Спасаясь от немцев, она успела свернуть с тракта и прибежать в совхоз к Дарье Ивановне, которая и приютила ее как родную. В ближайшие же дни Дарья Ивановна рассчитывала отвести девушку в Ярское. Отпустить ее одну по нынешним страшным временам Дарья Ивановна не решалась.

Вера засыпала. Перед глазами поплыли, как в тумане, образы знакомых и дорогих людей. Как — то неожиданно в комнате очутился Саша, такой, каким она его видела в последний раз. Поверх пиджака широкий ремень с тяжелой пряжкой, карманы пиджака, набитые чем — то тяжелым, обвисли, на плече карабин.

Вера засыпала. Вдруг еле слышный, но тревожный звук разогнал овладевавший девушкой сон. Кто — то снаружи подошел к окну неподалеку от изголовья кровати. Девушка испуганно и радостно вскинулась с постели. «Может быть, Саша, — подумала она. — Ведь он — то, наверное, знает, что я не успела эвакуироваться».

В темном окне вырисовался чей — то черный силуэт. И хотя рассмотреть лицо человека было невозможно, Вера сердцем чуяла, что это не Саша. Через окно в комнату заглядывал чужой.

—Тетя Даша! Тетя Даша! — испуганно зашептала Вера. — Там стоит кто — то. В окно смотрит.

—Молчи, — также шепотом ответила Дарья Ивановна. — Я давно уже слышу. В случае чего, не вставай с постели. Я скажу, что ты больная. Лежи.

С минуту обе молчали, прислушиваясь, затаив дыхание. Человек, заглядывавший в окно, не двигался. «Что он уставился? —

пронеслось в голове Веры.— Ведь ничего не рассмотрит. Темно в доме».

—Ты, Верушка, лежи, не вставай! — снова зашептала Дарья Ивановна.— Может, меня уведут, так ты все равно здесь оставайся. Придет кто ночью и четыре раза стукнет вон в то окошко, значит, свой, пускай без страха. Если он спросит: «Почему вы не уехали в последних числах июля?», ответишь: «Из — за дождей» — и расскажешь ему все. Поняла?

—Поняла, тетя Даша! Только как же я без вас — то? — испуганно ответила Вера.— Когда они придут?

—Когда надо будет, придут. Ты жди.

Силуэт человека за окном исчез, и сразу же чей — то палец забарабанил по стеклу.

—За простенок спрятался и стучит,— шепнула Дарья Ивановна.— Бойтся пулю получить. Значит, не наш.

—Что делать будем, тетя Даша? Открывать придется, куда денешься,— устало ответила Дарья Ивановна.— Ты лежи и стони.

В окно настойчиво и зло забарабанили.

—Кто там?! — громко окликнула Дарья Ивановна.

—Откройте! — донеслось с улицы.— По делу из комендатуры.

—Днем надо приходиться. Чего ночью шастаете?

— Так приказано,— донеслось с улицы.— Открывай!

Сейчас, когда не осталось никакого сомнения, что пришли враги, что надвигается нечто страшное, неотвратимое, Дарья Ивановна на несколько минут потеряла самообладание. Она заметалась по комнате, схватывая в темноте какие — то вещи, но тут же оставляла их, несколько раз повторила словно про себя; «Что же делать? Что же делать — то, господи?!» Затем опустилась на стул около стола и несколько секунд сидела, бессильно опустив голову на руки. Наконец она кипулась к Вере, присела на край кровати и, обняв ее, горячо зашептала:

—Ты, главное, лежи, как больная.

Не зажигая лампу, при свете коптилки Дарья Ивановна оделась и впустила непрошенных гостей. В комнату вошли лейтенант Гнивке, два немецких солдата и известный всему совхозу пьяница и хулиган Афонька, по кличке Суслик. На рукаве Афонькиного полушубка была повязка полиция.

—Эта? — указывая на Дарью Ивановну пальцем, спросил Гнивке.

—Эта, эта,— закивал Афонька.— Она и есть. Дарья Ивановна, жена заместителя нашего директора.

—Да закрой ты, ирод, дверь — то,— напустилась Дарья Ивановна на Афоньку.— Не лето, чай. Больной человек в

доме.

—Кто? — задал новый вопрос Гнивке, указывая на лежавшую в кровати Веру.

—Прохожая,— объяснила Дарья Ивановна.— Зашла переночевать да и слегла. Тиф у нее.

До Гнивке не сразу дошел смысл слов Дарьи Ивановны. Он подошел к кровати и хотел приподнять одеяло, но вдруг испуганно отдернул руку и отшатнулся.

—Тиф? — вскрикнул он.— Майн готт!

—Говорю, тиф,— подтвердила Дарья Ивановна.— А уж такая хорошая девушка. Сегодня перемогла себя, встала и все в доме прибрала, а к вечеру опять свалялась. Сейчас, похоже, без памяти.

—По всему дому, значит, разнесла бактерии,— глубокомысленно провозгласил Суслик,—Господин лейтенант!—окликнул он офицера.— Здесь тиф! В одночасье заразиться и даже загнуться можем. Уходить надо.

Лейтенант отошел к порогу, окинул взглядом комнату и, махнув рукой на обыск, приказал Дарье Ивановне.

—Пошепь! Шнель!

Когда топот солдатских ботинок и окрики фашистов, уводивших Дарью Ивановну, затихли в глубине улицы, Вера поднялась с постели и заперла дверь, которую Суслик так и оставил открытой. Ее и в самом деле пошатывало, как больную. Еле добралась она до постели, уткнулась головой в подушку и залилась слезами.

Второй раз за эти сутки прошла Дарья Ивановна путь от своего дома до бывшей конторы совхоза. Но сейчас ее сопровождала не Верочка, а немецкие автоматчики. Впрочем, автоматчики сопровождали не ее одну. Метрах в ста от домика Дарьи Ивановны было сборное место. Прямо среди улицы, оцепленные немцами, стояли человек тридцать жителей поселка. Время от времени автоматчики подводили очередную жертву.

Оглядевшись, Дарья Ивановна поняла, что, пожалуй, только ее арест обошелся без грабежа. У ног немецких солдат, стоявших в оцеплении, лежали пухлые узлы с награбленным добром. Такие же узлы были и у автоматчиков, приводивших вновь арестованных.

«Что они без выбора, что ли, забирают? Видать, просто стараются набрать побольше». Среди арестованных Дарья Ивановна узнала Зину Семенову — жену директора совхоза, двух инвалидов братьев Деминых, один из которых до войны был работником финотдела, а второй колхозником, буфетчицу Валю, несколько работниц с фермы и даже разнорабочих.

— Все,— подытожил Суслик, когда последняя пара автоматчиков втокнула в толпу полуодетую молодую женщину. «Господи, ее — то за что? — удивилась Дарья Ивановна, узнав во вновь прибывшей сторожиху МТС — Наташу.— Всегда была самая тихая и богомольная».

Гнивке подал негромкую команду, и немцы, подталкивая арестованных стволами автоматов, погнали их на площадь.

У конторы немцы начали по одному таскать арестованных на допрос. Уведенные в контору обратно не возвращались. Сквозь толстые кирпичные стены и двойные рамы добротного построенного здания до стоявших перед крыльцом людей не доносилось ни звука. Только в ярко освещенных окнах время от времени появлялись силуэты, но что там творилось, было непонятно. Когда на допрос увели третьего человека, одного из братьев Деминых — того, что работал налоговым инспектором, Дарья Ивановна подумала: «Значит, сажают в камеру». Ее почему — то заинтересовал вопрос, какую из комнат конторы фашисты приспособили под арестантскую камеру. Но поделиться своими догадками Дарье Ивановне было не с кем. Поднятые с постели, мерзшие на пронизывающем утреннем ветру, люди молчали, топтались на месте, кутаясь в случайно натянутую одежонку, испуганные и замкнутые.

Четвертой по счету Суслик вызвал Дарью Ивановну.

— Прошу вас, мадамочка, на приятную беседу,— расшаркался он перед нею, когда Дарья Ивановна проходила мимо него по крыльцу.— Отцарствовали свое.

— Мы — то еще поцарствуем,— громко бросила ему на ходу

Дарья Ивановна,— а вот ты, малявка, всю жизнь был пустолайкой, а сейчас норовишь в цепные псы пробраться. Пристрелят тебя, как сбесившегося кобеля. Попомни.

Дюжий, с жирным, заросшим рыжеватой щетиной лицом Суслик не нашелся, что ответить на презрительные слова женщины, и скрылся за дверью.

Войдя из темноты в ярко освещенную двумя «молниями» комнату, Дарья Ивановна не сразу рассмотрела всех, с кем ей предстояло говорить. Но постепенно глаза ее привыкли к свету, и она увидела, что за столом сидит высокий худощавый офицер в черном мундире с непонятной для нее белой вязью жгутов на плечах. У офицера было спокойное, но лишенное приятности лицо и какие — то белесые глаза. «Как оловянные пуговицы», — подумала Дарья Ивановна. Справа от офицера, но в отдалении от него, сидел на краешке стула переводчик Краузе, он держался с подобострастной угодливостью. Видимо, вновь прибывший офицер был не чета лейтенанту Гнивке и даже обер — лейтенанту, Торну.

На автоматчиков, стоявших справа и слева от стола, Дарья Ивановна не обратила никакого внимания. Инстинктивно она поняла, что ее судьба зависит только от офицера с оловянными глазами. С удовлетворением и даже с радостью Дарья Ивановна почувствовала, что в ней от прежнего, охватившего ее страха не осталось и следа. Ей даже показалось, что это не она, а кто-то другой стоит здесь, перед немецким офицером, но она, Дарья Ивановна Коренькова, ответственна за все, что скажет и сделает эта вторая. Будущего сейчас не было. Было только настоящее, то, что ей предстояло совершить вот сейчас, сию минуту, и только от нее самой зависело, хорошо или плохо она это совершит.

Офицер молча, с любопытством смотрел на нее своими водянистыми глазами. Молчание затягивалось. Неожиданно немец сказал несколько коротких резких слов.

— Кто стрелял сегодня на площади? — так же коротко, сохраняя интонации офицера, перевел Краузе.

— Откуда я знаю, — пожала плечами Дарья Ивановна. — Я была вместе со всеми, на площади. Хоть кого спросите.

— Назови убийцу немецкого офицера, и ты спасешь свою собственную жизнь, — перевел следующую фразу офицера Краузе.

— Да вы что? — заволновалась Дарья Ивановна. — Всерьез или смеетесь? Я же тебе говорю, что была у конторы вместе со всеми. Откуда мне знать?

Краузе перевел офицеру ответ Дарьи Ивановны. Тот хмыкнул, помолчал, а затем повел допрос с такой быстротой, что Краузе едва успевал переводить. . — Кем работал ваш муж?

— Заместителем директора совхоза.

— С какого времени?

— С тех пор, как совхоз организовали.

— Ваш муж большевик?

— Да.

— А вы?

— Я беспартийная.

— Почему?

— Не всем же в партии быть. Туда идут самые преданные,

— Значит, вы считаете себя не очень преданной Советам?

Вы могли бы работать на пользу нового порядка?

Дарья Ивановна покраснела. Она прекрасно понимала, как много кроется за этим вопросом, и внутренне приказала себе: «Только не сорвись, Даша. Не попади на удочку».

— Для порядка работать всегда надо, — ответила она после минутной паузы. — Как не работать — то. Я вот много лет телятницей работала и сейчас могу. Только ведь телят — то нет. Весьскот на

восток угнали.

Как ни крепилась Дарья Ивановна, но в последних фразах невольно прозвучали торжествующие нотки. И фашист расслышал их. Он махнул рукой и что — то негромко сказал Краузе.

— Отойдите вон к тем троим, — приказал Краузе и насмешливо добавил: — Вы сами решили свою судьбу.

Один из немцев грубо оттолкнул Дарью Ивановну в угол, где уже стояли Зина Семенова, Наташа и младший Демин. Офицер сделал какую — то отметку в лежащем перед ним списке, а Суслик втолкнул в дверь очередную жертву — буфетчицу Валю.

Всем тем, кого приводил Суслик, предлагался один и тот же вопрос: кто стрелял в офицера?

«Почему только в офицера? — удивилась про себя Дарья Ивановна. — Ведь и в солдат тоже стреляли?»

— Долго ли они еще нас держать будут? — шепнула ей Зина. — У меня тесто перестоит. Да и печку затапливать пора, за ночь — то выдуло. Малыши мои совсем замерзнут.

Дарья Ивановна не успела ответить. Автоматчики оттолкнули к ним Валю. Маленькая, худенькая буфетчица упала бы от грубого толчка, если бы ее не подхватил Демин. Оглянувшись на подруг по несчастью, Валя недоумевающе спросила:

— А что ж тут такого? Приходили в столовую партийные. Я их кормила. Разве коммунисты не едят? Какая же в том моя вина?

А офицер уже допрашивал второго брата Демина. Старый колхозник пытался втолковать офицеру:

— Года мои уже ушли, какой из меня работник? Но все же как мог старался. Моя бригада всегда считалась передовой.

— Значит, старался дать больше хлеба коммунистическому государству? — перевел Краузе очередной вопрос офицера.

— Так государство — то, оно ведь наше, — развел тот руками. — В колхозе коммунистов всего человек восемь было, а остальные все беспартийные. И в государстве тоже так.

Но Демина уже не слушали. Автоматчики оттолкнули его в угол, где стояли допрошенные.

Офицер сделал новую отметку в списке, окинул взглядом стоявших в углу шестерых женщин и мужчин и снова уткнулся в список. Суслик топтался у двери, ожидая приказа. Но в этот момент в комнату в сопровождении двух полицаев вошел Долганов.

Сбросив на руки полицаев широкую и длинную не по росту шубу, Долганов подошел к столу.

— Господин штурмбанфюрер, — доложил он офицеру. — Федор Селиверстович Купин явиться не может. Лежит в постели с температурой на почве полученной огнестрельной раны.

Краузе перевел сообщение Долганова и, выслушав ответ,

громко, явно для того, чтобы слышали все находящиеся в комнате, сказал:

— Господин штурмбанфюрер Гросбауер сочувствует господину Купину. Мы, немцы, сказал господин штурмбанфюрер, не оставляем своих друзей в беде. Днем Федора Селивер — стовича отправят в город для лечения.

Между тем Гросбауер еще раз внимательно просмотрел список, отодвинул его от себя и, ни к кому конкретно не обращаясь, приказал:

— Вывесьте на этой... как его, доске почета. Лейтенант Гнивке и Краузе не спускали глаз со своего нового начальника.

В напряженной тишине слишком громко прозвучал тяжелый вздох и шепот Зины:

— Ох, господи! Скоро ли нас отпустят — то? Дома дети совсем одни, да и тесто перестоит.

Эта сказанная шепотом фраза словно подстегнула Гросбауера. Он кивнул головой лейтенанту Гнивке.

— Выводите арестованных и вообще... командуйте...

Все в комнате пришло в движение. Автоматчики вывели шестерых допрошенных на площадь. Здесь Гнивке оставил их недалеко от крыльца и приказал конвойным перестроиться. В оцеплении толпы арестованных ночью людей осталось всего четыре автоматчика, зато шестерых, прошедших через допрос, окружило более десятка фашистских солдат.

Дарья Ивановна, очутившаяся ближе всех к Доске почета, впилась глазами в лист бумаги, только что лежавший перед Гросбауером, а сейчас вывешенный для всеобщего обозрения. По мере того, как глаза ее пробежали по неровно написанным строчкам, лицо женщины становилось серовато-белым. Дочитав до конца, она пошатнулась и, наверное, упала бы, если б ее не поддержал старший Демин.

— Разобрала, что там написано — то, Дарьюшка? — спросил он.

— Ох, разобрала, Иван Петрович... Лучше бы уж и не знать...

— Неужели решатся на такое? — беспомощно прошептал Демин. — Ведь тут все безвинные.

— Ох, молчи, Петрович, молчи! — спохватилась Дарья Ивановна. — Пусть остальные — то не сразу догадаются. Пока дойдем, может, что и случится.

Но идти пришлось недалеко, всего лишь через площадь. Около элеватора была глубокая и широкая яма, выкопанная еще до войны под фундамент для какого-то двигателя. К ней — то автоматчики и подвели шестерых, остановив остальных арестованных метрах в двадцати от ямы.

Всех шестерых заставили повернуться лицом к народу. В нескольких шагах от них с автоматами наизготовку выстроились четверо автоматчиков.

— Господи! — испуганно вскрикнула Зина, только теперь догадавшаяся о том, что сейчас произойдет. — У меня же дети дома одни остались.

— Не осмелятся они на такое, — вдруг звонко заговорила Дарья Ивановна срывающимся от волнения голосом. — Пугают они нас, пугают только. Не бойтесь, товарищи, этих подлецов, они ведь сами трусы, только запугивать и умеют.

Стараясь перекрыть высокий, звенящий женский голос, лейтенант Гнивке каким-то петушиным голосом подал свою команду. Десяток автоматов забился, выплевывая сотни пуль, и шестеро стоявших у ямы повалились на землю. Дико закричали женщины в толпе, подогнанной к яме, закричали и сразу же замолкли, словно захлебнувшись собственным криком.

Закинув за спину автоматы, солдаты начали сбрасывать расстрелянных в яму. Из шестерых двое еще были живы. Зина меркнувшим, но полным любви голосом просила кого-то: «Ванюше и Любочке ничего не говорите... испугаются... маленькие они еще...», а Иван Демин, собрав последние силы, плюнул кровью в лицо наклонившемуся над ним фашистскому солдату.

Сбросив вниз и мертвых и живых, каратели сообразили, что засыпать яму нечем, что земля уже сильно промерзла, и растерянно оглянулись на Гнивке. Тот молча указал на лежавший неподалеку штабель шпал. Яму доверху заполнили шпалами, аккуратно укладывая их правильными рядами.

ПОЕДИНОК БУДЕТ ДОЛГИМ

Рванувшись со скамейки под виселицей в самую гущу толпы, Леонид Голубев испытывал только одно желание — скорее затеряться среди людей, стоявших на площади, раствориться среди них, стать невидимым для глаз фашистов.

Но прорваться через площадь ему удалось не сразу. В самой гуще толпы кто-то на мгновение задержал юношу и накинул на его плечи брезентовый дождевик, чьи-то руки нахлобучили на голову шапку. Леониду некогда было рассматривать тех, кто это сделал, он продолжал пробираться дальше.

Короткая автоматная очередь у виселицы поддала парню энергии и даже помогла ему. Шарахнувшаяся от выстрела толпа понесла его с собою.

Леонид перебежал остаток площади, обогнул развалины клуба, но не повернул, как большинство, на главную улицу. За развалинами клуба он вдоль остатков забора перебежал

небольшой садик и скатился в густые заросли глубокого лога.

Добрых три километра без остановки бежал Леонид по логу. Лишь тогда, когда легкие совсем перестали захватывать воздух, а сердце, казалось, в любую минуту могло разорваться, он в полном изнеможении прислонился к стволу ветлы. Все, что произошло в последние пятнадцать — двадцать минут, казалось Леониду нереальностью. Всего полчаса назад он стоял под виселицей, злой и затравленный, озабоченный лишь тем, чтобы никто, ни свои, ни чужие не заметили, как страшно ему умирать. И вдруг неожиданное, почти чудесное избавление. Леониду казалось, что все это ему снится, что сейчас он проснется в комнате совхозной конторы, и ему снова придется стискивать зубы от боли и молчать.

Обер — лейтенант Торн старался выжать из Павла Евстигнеевича и Леонида признание в том, что они досланы на диверсию командованием Красной Армии. Он все время жалел, что в поселке нет электричества.

— Я бы в сто раз быстрее заставил говорить вас, вонючих русских свиней, — на довольно приличном русском языке кричал разъяренный обер — лейтенант, изменив на этот раз своей привычке говорить с побежденными только через переводчика. — Электроток самых бесчувственных идолов превращает в тряпки.

Зато все, что можно было сделать с помощью кулаков, плетей, иголок и горящих папирос, Леонид и его дед испытали в полной мере, и обер — лейтенант был совсем не виноват в том, что, измотавшись сам, он так и не смог сломить упорство старика и юноши.

Несколько минут Леонид отдыхал, прислонясь спиной к стволу ветлы и чутко прислушиваясь. Теперь он уже не боялся преследователей. Он знал, что у гарнизона совхоза не было сторожевых собак, а на прочес окрестностей фашисты сейчас не решатся. Значит, в запасе есть время, он успеет далеко уйти, прежде чем фашисты начнут активные поиски беглецов. Леонид прислушивался не к шуму возможной погони. Он ждал деда. Хотя там, у виселицы, они и условились, что побегут в разные стороны, но в конце концов дед должен прийти в этот же овраг. Правда, до старой дуплистой ветлы, около которой они встретятся, еще не менее трех километров, но, чтобы незаметно добраться до нее, дед должен пройти именно здесь.

Минуты текли за минутами, а Леонид так и не услышал шагов деда. «Должно быть, дед не побежал к логу, — решил после долгого колебания Леонид, стараясь заглушить в себе тревожную догадку. — Наверное, с народом на улицу повернул. Немолодой, бежать долго не может. Решил переждать до темноты. Друзей — то у него в совхозе много, укроют».

. Леонид повременил еще несколько минут и, убедив себя,

что дед, как условились, придет ночью к старой ветле, зашагал в глубину зарослей.

В логу быстро темнело. Кончались осенние хмурые сумерки, надвигалась долгая ночь. Леонид торопился до темноты подойти поближе к дуплистой ветле. Ведь там, под кучей валежника, лежали его карабин и старый, сохранившийся еще со времен гражданской войны наган деда.

Вчера, отправляясь поджигать зерно, дед категорически приказал внуку идти без оружия и сам первым снял с пояса наган, Леонид было заупрямился, но старый кузнец, партизанивший еще в гражданскую, остался непреклонным.

— Нельзя, внучек.— запретил он.— На тихое дело идем. Нарвемся на паразитов, бросим канистру, отбежим в сторону, словно с перепугу и, пожалуйста, обыскивай нас сколько хочешь. Канистры — то зеленые, в темноте на земле не рассмотришь, а нож ты всегда успеешь выкинуть. Мой лом подозрения не вызовет. Кузнецу лом всегда в дело может пригодиться. Так что снимай свой самопал, внучек, не артачься.

И внук подчинился деду. За стариком был опыт. Дальнейшее подтвердило, что старый воин был прав.

До старой ветлы оставалось еще с полкилометра, когда Леонид после короткого колебания свернул влево. Идти к старой ветле только за оружием не имело смысла. Сейчас ему ничто не угрожает, а появляться в месте, где спрятано оружие и назначена встреча с дедом, не стоило. Незачем. Надо хотя бы час или два отдохнуть. Приняв такое решение, он поднялся по отлогому скату вверх. Здесь, почти смыкаясь с зарослями лога, печально шелестела умирающей листвой молодая дубовая роща.

Стоя на краю лога, Леонид вслушивался в тьму наступавшей ночи. Все было спокойно. Никаких посторонних звуков, кроме шелеста листвы. На краю неба изредка вспыхивали, прочеркивали короткую линию и снова исчезали необычайно быстрые и яркие светлячки. Там лежало шоссе. По нему Леонид сотни раз ездил из родного села в город. Сейчас по шоссе в оба конца торопливо сновали машины — немецкие военные машины. Там была земля, завоеванная и освоенная врагом. Но до шоссе, а следовательно, и до врагов отсюда было далеко. Даже шума моторов не слышно, только изредка вспыхивали включаемые на короткое время фары.

«Разъездились,— зло подумал Леонид.— Подождите, сволочи, еще заплачете. Настоящий блик — крик получите».

Убедившись, что окрест нет никого постороннего, Леонид по опушке дубовой рощи направился к сосняку.

В глубине леса было значительно теплее, чем в логу и в поле. Леонид остановился, прислушался, завернулся поплотнее в дождевик и опустился на сухую, мягко пружинившую хвою. Чувство безопасности и покоя охватило юношу. Чрезвычайно

нервное напряжение ослабело, и на смену ему пришли усталость и боль. Леонид надвинул поглубже шапку, привалился к подножию большой сосны и, подняв воротник дождевика, чтобы согреть дыханием грудь, подготовился отдохнуть час или два. «Дед все равно раньше полуночи к ветле выходить не будет», — мелькнуло в его голове, когда он примащивался под деревом, поудобнее укладывая избитое ноющее тело.

Сюда, в середину леса, ветер, гулявший по полям, не имел доступа. Только вершины сосен тревожно гудели, когда порыв ветра, разбившись о лесную чащу, пробегал по их макушкам. Но вскоре этот слабый голос леса был заглушен гулом моторов. По — над лесом шла на восток стая немецких самолетов. Летчики безбоязненно вели машины невысоко над землей; «На Москву идут гады, — подумал Леонид, — Нахально летят, никого не боятся. Когда же наши — то начнут сдачи давать?» Мысли юноши начали путаться. Пригревшись, он погрузился в забытие, одновременно похожее на бред и на сон.

Очнулся Леонид от холода. Потемневшее небо было сплошь усеяно крупными звездами. Значит, ветер все — таки разогнал тучи. Краткий отдых восстановил силы юноши. Правда, с , земли Леонид поднялся не сразу. Каждое, даже самое легкое движение, причиняло боль, и он стискивал зубы, чтобы не вскрикнуть. Осторожно, шаг за шагом, разминая затекшее и промерзшее тело, Леонид выбрался на опушку леса, посмотрел, на опрокинутый ковш Большой Медведицы и определил: «За полночь перевалило. Пора идти. Дед, наверное, дожидается».

Уверенный, что ни в поле, ни в лесу сейчас никого из чужих не может быть, Леонид шел без опаски, открыто. Захватчики в эти глухие часы сидели в завоеванных деревнях и поселках, отгородившись частоколом застав, патрулей и часовых. Вон даже на магистральном шоссе движение машин полностью прекратилось. Больше уже не вспыхивают стремительные светлячки фар. Видать, боятся фрицы ездить ночью по русским дорогам, даже с надежной охраной.

Леонид уже не чувствовал холода. Боль в избитом геле, если и не прошла совсем, то сделалась вполне терпимой. Леонид с гордостью подумал, что сейчас он мог бы встретиться один на один с любым из тех немцев, которые его пытали. Уж он — то бы не выпустил его живым.

Но вот и дуплистая ветла. Она стоит у самого лога, окруженная мелким кустарником. К ней очень удобно подходить по отлогому скату, а если взобраться на вершину, то окрестные поля, перелески и даже совхозный поселок будут как па ладони. Проскользнув между кустов, Леонид остановился около самой ветлы. Кругом было по — мирному тихо и спокойно, как в недавние довоенные ночи.

— Дед! — громким шепотом окликнул Леонид, — Дед, я пришел! Где ты?..

Ему никто не ответил.

«Может, уснул в кустах, — мелькнуло в голове юноши. — Притомился... Ждал меня и задремал...»

— Дед! — уже вполголоса позвал Леонид. — Проснись, дед!.. Я пришел!..

— Это ты, Леня? — окликнул кто-то за его спиной.

Леонид прижался к неровному стволу ветлы.

— Не бойся. Я свой, — продолжал тот же голос. — Я давно тебя услышал. Я еще вчера вас заметил, когда вы к току направлялись. Не бойся, иди сюда.

— Кто тут? — хрипло спросил Леонид.

— Это я, Сашка Гуртовой. Выходи, не бойся!..

— Сашка! А ты зачем здесь?! — все еще недоверчиво спросил Леонид.

— За тем, за чем и ты, — донеслось в ответ, и Леонид почувствовал, что ответивший улыбнулся,

— Ты один?

— Один.

— Тогда выходи ты первым.

— Эх ты. Своим верить перестал, — с обидой проговорил невидимый собеседник Леонида.

Негромко прошелестели кусты, и на прогалину вышел человек. Леонид не мог разглядеть смутно белевшего в темноте лица, но все же сразу убедился, что перед ним действительно Сашка Гуртовой. Дед Леонида дружил с бывшим ветеринаром Гуртовым. Иван Федорович был частым гостем в доме Павла Евстигнеевича Голубева. Кроме многолетней дружбы, их связывала постоянная и неугасающая страсть к рыбалке.

Леонид был лет на семь старше Саши. Для юности это очень солидная разница в возрасте. Они не дружили, но хорошо знали друг друга. Леониду нравился любознательный и энергичный мальчик, а Саша Гуртовой гордился знакомством с прославленным трактористом. И лестно и полезно. Полезно потому, что Леонид не держал в тайне секреты своего мастерства. Благодаря ему Саша неплохо изучил мотор трактора. Леонид доверял ему даже рычаги управления. Правда, в таких случаях он всегда сидел рядом с юным водителем.

— В самом деле это ты, Сашок! — обрадовался Леонид. — А я, понимаешь, деда жду. Обещал сюда прийти.

— Он не придет, Леня, — тихо ответил Саша. — Павел Евстигнеевич не придет. Он не смог убежать, — повторил Саша, умолчав о том, что старый кузнец сознательно пошел на смерть, чтобы спасти внука.

—Та — а — к,— растерянно протянул Леонид и тяжело опустился на землю.

—По — моему, Леня, он не захотел бежать,— садясь рядом с Леонидом, мягко проговорил Саша.— Павел Евстигнеевич не в толпу, а прямо на фашистов прыгнул. Двоих сшиб, ну а тут они его...

—Ты близко стоял? Хорошо видел?

—Я на вышке элеватора был. Это я стрелял.

—Значит, ты меня выручил? Ты да дед...— тихо проговорил Леонид.

В полном молчании они просидели очень долго, пока Саша, окончательно продрогнув, не окликнул товарища:

—Ну, хватит, Леня. Чего уж тут... не вернешь...

—Деда не верну,— глухо ответил Леонид,— но дорого мне немчура за него заплатит.

В голосе Леонида прозвучала такая ненависть, что Саша невольно подобрался, словно Леонид говорил и от его имени.

—Пойдем, Леня! — позвал он.

—Что ж, пойдем. До утра отшагаем километров пятнадцать — двадцать.

—Двадцать километров?—удивился Саша.— Это куда? В город?

—Надо к своим прибиваться. В одиночку много не навоюешь,— Леонид тяжело поднялся с земли. Прихрамывая, он подошел к одной из куч валежника и ногой отбросил ее в сторону. Но это резкое движение вызвало в его теле такую боль, что он застонал.

—Ты что, ранен? — встревожился Саша.

—Не ранен... Это... просто так,— ответил Леонид, наклоняясь, чтобы поднять с земли карабин и наган. Но выпрямился с трудом, усилием воли подавив стон. В нерешительности он вертел в руках оружие, выбирая, что оставить себе, что отдать товарищу. Наконец, решил и засунул наган за пояс, а карабин протянул Саше.

—Не надо. Я пока обойдусь,— отказался Саша.

Леонид удивленно взглянул на него и тут только разглядел, что в руках у юноши была не дубинка, как он думал раньше, а малокалиберная винтовка.

—Постой, постой,— вострепнулся Леонид.— Так, значит, ты из этой дудки дал жару фашистам?... — он бесцеремонно отобрал у Саши малокалиберку и внимательно осмотрел ее.—

Никогда бы не поверил... Молодец! — Леонид без колебаний вытащил из — за пояса наган и протянул его Саше.— Держи! Дедов это... А стреляешь ты здорово.

—Спасибо,— расцвел Саша.

—Ну, пошли,— двинулся вперед Леонид,— Не отставай. Нам торопиться надо.

—Подожди, Леня. Я не пойду с тобою,— смущенно проговорил Саша.— Я должен остаться.

—Остаться? Почему? — Леонид повернулся к Саше я, пригнувшись, заглянул в его лицо.— Ты что, на задание послан? Кем?

—Никем. Я сам по себе.

—Крутишь ты что-то,— проговорил Леонид.— Конечно, о задании всякому говорить нельзя, но мне — то можно. Поведу я тебя к хорошим людям.

—К партизанам? — обрадовался Саша.

—Не обязательно к партизанам,— уклончиво проговорил Леонид.— Пошли!

—Не могу, понимаешь, не могу.

—Да что ты? — рассердился Леонид,— говори толком!
— Человека мне надо увидеть одного.

—Какого такого человека? — Веру... Веру Волгину. — Это дочку Данилы Семеновича, что ли? — Ну да, ее. — Как она здесь очутилась?

— Долго рассказывать. Знаешь, Леня, может, мы не сегодня, а завтра уйдем? Сегодня в совхоз идти опасно. А завтра ночью заберем Веру и уйдем.

—Да, задача,— протянул Леонид,— дочку Волгина здесь оставлять негоже. У кого она?

—У Дарьи Ивановны.

—Вот оно что.— почему — то обрадовался Леонид.— Ладно, уговорил. Остаемся на сутки. Только от поселка уйти надо. Фрицы здесь нас искать будут. Нагнал ты на них страху.

—Уходить не надо. У меня есть где спрятаться,— обрадованный согласием Леонида, предложил Саша.— Только придется метров пятьдесят по воде пройти. Но это пустяки, мы разуемся.

—Далеко?

—Километра не будет. На Акатовской мельнице.

—На Акатовской? Так ведь там ничего нет. Только вода и бугор.

—Вот, вот! Как раз под этим — то бугром и укрываться можно. Пойдем, сам увидишь.

Укрытие, куда привел Леонида Саша, было и в самом деле хорошим. Сухо, тепло и неприметно даже для самого зоркого глаза.

Когда — то, еще до революции, здесь стояла водная мельница. Но вот, лет за пять до «германской», снежная зима и

дружная жаркая весна прикончили старушку — мельницу.

Паводок был небывало многоводный и стремительный. Плотину разметало до основания, а от мельничного помещения остались только нижние венцы да многопудовые жернова. Все это было занесено песком и мусором, приплывшим по полой воде.

Прошло несколько десятков лет, и от Акатовской мельницы остался только холмик, поросший раkitником. Холмик окружала болотистая заводь.

Скитаясь с ружьем по окрестным полям п перелескам, Саша года полтора тому назад пробрался на этот полузатопленный холмик — островок и обнаружил, что на нем можно хорошо подсиживать уток. Старые стволы когда — то упавших на развалины мельницы раkit давно превратились в труху и раскрошились, а нанесенный поверх них хлам и земля были крепко схвачены корнями молодого раkitника. Один край холма, там, где когда — то была нижняя часть мельницы и постава, превратился в хорошо замаскированное подземелье. Саша еще тогда вычистил весь сор и труху, притащил несколько охапок сена и вообще создал, как мог и умел, уютный уголок для усталого и проголодавшегося охотника. Сюда — то он и привел Леонида.

Убедившись, что на остаток ночи и на следующий день убежище сулит относительную безопасность, Леонид с помощью Саши добрался до вороха сена и с наслаждением растянулся на нем.

Только сейчас он почувствовал, что последние часы его организм держался на одном упрямстве, что по пути сюда он издержал последний остаток сил. Избитое и усталое тело требовало отдыха.

Он с наслаждением погрузился в дремоту, чувствуя, как ноющая во всем теле боль затихает, усмиренная покоем. «Чего же Сашок — то не ложится? — в полусне подумал Леонид. — Неужели сторожить думает? Напрасно. Здесь нас и с собаками не разыщут». Но покой доставлял такое блаженство, что высказать эту мысль вслух Леонид уже не смог. Сон тянул его в теплую тьму.

Однако уснуть Леониду не удалось. Сквозь сон он почувствовал, как Саша трясет его за плечо.

— Подожди, не засыпай. Вначале подзаправимся.

Леонид с трудом разлепил склеенные сном веки. В глаза ему ударил яркий свет. Не сразу он понял, что это свет обычного электрофонарика, к тому же с ослабевшей батареей. Но в полной темноте укрытия даже этот свет показался ему ослепительным.

— Не спи, Леня,— продолжал Саша.— Вот хлеб, огурцы и картошка. Соли только нет. Обойдемся.

К предложению Саши Леонид отнесся без всякого энтузиазма. Не хотелось вырываться из охватившей все тело дремоты. Но еще полусонный, ощутив во рту вкус ржаного хлеба, он вдруг почувствовал зверский голод и с жадностью набросился на еду.

— Ты зачем остался? — спросил Леонид Сашу, когда первый голод был утолен.— Почему не эвакуировался?

— Мы со Славкой Грачевым лошадей в Тулу отводили. Из спортшколы. Вернулся, отца нет. Он с истребительным батальоном ушел. Хотел догнать, да не вышло. Немцы — кругом.

— Со Славкой вместе догоняли?

— Не — е — т. Он к матери забежал, переодеться и хлеба взять. А тут немцы. Мы и потеряли друг друга.

— Тогда ты и пошел самостоятельно немцев колошматить?

— Не сразу,— рассмеялся Саша.— Сначала я сильно боялся. Прятался. Наш истребительный батальон ушел куда — то. Под Крайском его не оказалось. Я был там, где наши дрались. Подобрал было карабин совсем новенький, да с ним в одиночку неудобно. Тогда я свою малокалиберку достал. Она у дяди Федора в саду была закопана.

— У Федора Купина? — сразу посуровевшим голосом спросил Леонид.

— У него,— помолчав, ответил Саша и затем добавил виновато: — Я ведь ничего не знал, Леня. Никогда не ждал от него такого. Он всегда хорошим был.

— А тебя никто и не винит,— успокоил его Леонид.— Я тоже не думал, что Федор Селиверстович окажется с двойным дном. До войны не раз с ним приходилось по — хорошему встречаться.— И, явно желая изменить тему разговора, спросил: — Взял, значит, свою пукалку и пошел немцев лупить?

— Ага! — кивнул Саша.— У немца мотоцикл забарахлил почти около лесопосадки. Я подобрался по — за кустами и ударил. А тут три легковушки подходить стали. Тогда я убежал.

— Как же ты к нам — то на помощь подоспел?

— А я третий день около совхоза кручусь. Веру надо повидать. С дуплистой ветлы наблюдение за поселком вел. Я как раз на ветле сидел, когда ты с Павлом Евстигнеевичем здесь оружие прятал. А потом следом за вами шел.

— Вон оно как,— удивился Леонид.— Ловок. А нам и невдомек было. Чего же ты не подошел?

— Побоялся.

— Вот, чудак,— рассмеялся Леонид.— Немцев не боишься,

а тут струсил.

—Я думал, вы меня прогоните,— смущенно признался Саша.— Я ведь все видел. И как вы ток подожгли и как от немцев отбивались, только помочь не мог. На такое расстояние моя малокалиберка не достанет.

—А по немцам на площади ты откуда бил?

—С элеватора, с самого верха.

—Вот, чудак. Немцы там могли зажать, как в мышеловке.

—Могли,— согласился Саша.— Только они через двери по лестнице полезли бы, а я по столбу бы спустился и через пролом ушел.

—Дали бы они тебе уйти...

—Ушел бы,— озорно ответил Саша.— Я лестницу заминировал. У меня еще четыре мины есть в запасе.

—Где они? — оживился Леонид.

—Здесь. Вон там в углу под сеном лежат.

—Откуда они у тебя?

—На шоссе у лесопосадки полная бричка стояла. Видать, летчик из пулемета срезал двух бойцов на лошадь.

— Мины нам, Сашок, потом пригодятся. Эх, дед — покойник все жалел, что не было у него взрывчатки. Он бы тут один целую войну фрицам устроил.

Воспоминание о деде притушило разговор. Леонид сразу помрачнел, Саша на правах хозяина предложил:

— Давай спать. Я тоже третью ночь не сплю. Отдохнем, а завтра вечером в совхоз подадимся.

Леонид молча кивнул и начал устраиваться на ночь па охалке сена. Но Саша не мог сдержать своего любопытства.

—Лень,— окликнул он.— А как же ты? Я ведь слышал, что ты в какой — то школе учился?

—Учился. В поварской,— усмехнулся Леонид, подмащивая под себя сено.— Таким, брат, поваром стал...

Саша почувствовал, что Леонид что — то не договаривает.

— Меня, брат, учили такие блюда готовить... Чтоб немцев, значит, поджаривать, рассмеялся Леонид.— Ложись спать. Еще поговорим, время будет.

Саша выключил фонарик. Укрытие залила непроглядная темнота.

Устроившись рядом с Леонидом, Саша сразу же, как в омут, опустился в крепкий юношеский сон. Он даже по слышал, как около его уха стонал во сие Леонид, стараясь улечься поудобнее, чтоб успокоить боль в избитом теле.

Выплакав свой испуг и страх за Дарью Ивановну, Вера

незаметно для самой себя задремала, уткнувшись лицом в мокрую от слез подушку. Задремала, но ненадолго. Шум людских голосов, донесшийся с улицы, разбудил девушку. Вера кинулась к окну. По улице, то в одиночку, то группами шли люди. Видимо, это были те, кого фашисты ночью согнали к конторе совхоза. Большинство уже прошло мимо домика, но Вера все же заметила, что многие женщины на улице плакали, да и у тех, кто не плакал, был испуганный, пришибленный вид.

«Что — то случилось!.. Неужели с тетей Дашей что?» — все более тревожилась Вера.

Она хотела одеться и побежать к соседям, расспросить, что произошло в конторе, но вспомнила наказ Дарьи Ивановны: «Ты лежи, как будто больная», подумала и осталась дома.

Весь день девушка провела в тревоге. Выдержать испытание одиночеством и страхом оказалось очень трудно. К вечеру, зная, что на улице никого нет, Вера решилась сбежать к соседке, узнать, что случилось с Дарьей Ивановной. Тем более, что для этого не обязательно было выходить на улицу, можно было пробраться задками.

Обратно Вера вернулась уже в сумерках, оглушенная страшной вестью. Она так растерялась, что пошла домой не тайным путем, а обычным, через улицу. Пошла и чуть не нос к носу столкнулась с Сусликом. Полицай, правда, не остановил девушку и даже предусмотрительно отошел в сторону, но по взгляду, который он кинул на нее, Вера поняла, что с этой минуты у Суслика зародилось сомнение в ее болезни.

Ругая себя за неосмотрительность, Вера решила, что теперь ей осталось только одно — бежать. От совхоза до Ярского не более тридцати километров. За ночь, если все будет хорошо, можно дойти. Остаться хотя бы на сутки в домике Дарьи Ивановны сейчас уже нельзя. Суслик, конечно, немедленно помчится докладывать о подозрительной больной. А может быть, он вообще узнал, кто такая Вера.

Она почти бегом добралась до дома, заперла за собой двери и торопливо начала собираться. Девушка остановилась в нерешительности. Здесь нет ничего, лично ей принадлежащего. Вера пришла к Дарье Ивановне в туфельках на высоком каблуке, легком маркизетовом платье и жакетке от летнего костюма. В такой одежде сейчас в путь непустишься. И все же имеет ли она право брать не принадлежащие ей вещи?! А кому все это останется?! Разве сохранится в неприкосновенности домик и все, что в нем есть, до возвращения с фронта Петра Дмитриевича? Нет, конечно. Все растащат или немцы или полицаи. Значит, она не имеет права оставлять имущество, нажитое трудом тети Даши и ее мужа, врагам. Она возьмет все, что нужно ей в дорогу, а остальное уничтожит. Перед уходом

обольет бензином и подожжет. Но имеет ли она право уходить? Тетя Даша сказала: «Жди. Наши придут. Четыре раза вон в то окошко стукнут...» А сколько нужно ждать? Наши придут неизвестно когда, а фашисты вот — вот нагрянут.

Тревожные мысли подгоняли. Вера, не зажигая огня, в темноте металась по комнатам, собирая все, что нужно, в дорогу. Надела две пары чулок, удобные для ходьбы тети Дашины ботинки на низком каблуке, темное шерстяное платье, разыскала меховую жакетку и большую теплую шаль. Ну, теперь, кажется, все. Надо только связать в узелок кое — какую еду и можно уходить. Канистра с бензином стоит в сенях. Ждать своих теперь уже не придется. Фашисты все равно не оставят в покое. А если через день — два наши придут, то обгорелые руины дома достаточно подробно расскажут им о том, что здесь произошло.

В комнате стало совсем темно, когда Вера уже на ощупь завязывала в головной платок попавшиеся под руку продукты. В этот момент мимо окна по тропинке кто — то осторожно прошел. Вера похолодела. «Не успела! Пришли!.. — пронеслось в ее голове. — Привел Суслик немцев!..» Первое мгновение девушка растерялась. Что делать? Но затем отчаянная решимость овладела ею. Даже не помышляя о сдаче врагу, Вера бегом кинулась в сени, ощупью нашла стоявшую в дальнем углу большую канистру и втащила ее в комнату. Смерть в пламени взрывающегося бензина казалась ей менее страшной, чем то, через что она должна была пройти, если бы попала в руки врагов. Поставив канистру около порога, девушка кинулась к шестку, над которым обычно лежали спички. Но в этот момент в окно, в то окно, о котором говорила при прощании тетя Даша, постучали. Постучали не злобно, не с угрозой, а спокойно, уверенно, как хозяева, четырьмя отчетливыми ударами.

— Наши! Милые мои! Пришли все — таки! — негромко вскрикнула Вера и бросилась к окну. — Кто там?

— Свои. По делу. Откройте.

Вере показалось, что ответил кто — то знакомый. Не тратя времени на вопросы, она кинулась в сени, отперла и широко распахнула двери:

— Входите!..

В темноту сеней вошли двое, и Вера с разочарованием подумала, что не знает их. Вошедший первым, более высокий и плотный, спросил низким хрипловатым голосом:

— Почему вы не уехали в последних числах июля?

— Наконец — то! — ликующе воскликнула Вера. — Мне тетя Даша сказала, что вы придете. Но я думала, что не дождусь. Бежать собиралась...

— От кого бежать?! — удивился второй посетитель. — От

Дарья Ивановны ?!

—Саша! — кинулась к нему Вера.— А я и не узнала! — и, взглядевшись в высокого, почти с испугом произнесла: — А это вы... который вчера на площади...

—Где Дарья Ивановна? — спросил Леонид обрадованную и одновременно испуганную девушку.

—Тети Даши нет... Ее прошлой ночью взяли.

—За что?

—Не знаю... Их утром казнили... Около элеватора...

—А ты где была? — взволнованно спросил Саша.— Как уцелела?

—Меня тетя Даша спасла. Велела в постели лежать, а Суслику сказала, что у меня тиф.

—Суслик за немцев? — негромко спросил Леонид.

—За немцев. Полицаем. Да что же вы здесь стоите? — спохватилась Вера.— Пойдемте в комнаты.

Но задерживаться в доме Леонид и Саша не стали. Они попросили достать как можно больше еды, разыскать для Леонида подходящую теплую одежду и, забрав все это, вышли из дома в сад. Через десять минут, сидя на жесткой холодной траве за штабелем подпорок для яблонь, Леонид и Саша с аппетитом уничтожали принесенную Верой еду и слушали горячий шепот девушки, рассказывавшей о событиях последних дней. Здесь, под деревьями, их не рассмотрел бы самый зоркий глаз, зато они хорошо видели входную дверь дома, весь двор и часть улицы.

Когда Вера упомянула, что сегодня вечером Суслик видел ее и что поэтому она решила немедленно бежать, Леонид одобрил ее намерения.

—Правильно решила,— но тут же добавил: — Хорошо, что мы сегодня пришли. А то могли бы и влопаться. Заняла бы дом какая —нибудь гадина из немецких прихвостней.

—Не заняла бы,— возразила Вера.— Я решила поджечь дом. Канистру с бензином затащила в комнату. А в ней литров тридцать.

—Правильно,— одобрил и это решение Леонид.— А сейчас что делать будешь?

—Пока в Ярское пойду, к маме. А дальше видно будет. Саша меня проводит.

Саша молча слушал рассказ Веры и реплики Леонида. На душе у него было спокойно. Он был почти счастлив. Наконец — то ему удалось встретиться с Верой. Такое простое в обычное время событие, как встреча с девушкой, с которой дружишь, сейчас стало не всегда возможным, приобрело особую ценность. Как — то незаметно для самого себя он сделал то, чего ни разу не делал раньше. В темноте он незаметно взял руку Веры.

Согревая настывшую девичью руку в своих ладонях, он вдруг почувствовал слабое, но по-особенному доверчивое пожатие. Только пожатие, но как много оно сказало молодому мужающему сердцу. Теплое волнующее чувство поднялось в груди Саши. Он не слышал, о чем шепотом продолжала рассказывать Вера, не слышал, что отвечал ей Леонид, он был весь поглощен этим новым, еще не знакомым ему чувством.

Но в этот момент Леонид тронул его за плечо. Саша поднял голову. Вера испуганно молчала, а Леонид напряженно к чему-то прислушивался. Саша осторожно, стараясь не зашуметь, привстал.

С улицы донеслись чьи-то голоса. Около калитки остановились два человека. Один из них подкрался к окошку и постучал. В ответ — молчание. Он несколько раз принимался барабанить по стеклу, с каждым разом все нетерпеливее. Затем до притаившихся в саду донеслись бубнящие голоса — пришедшие о чем-то договаривались. Они вошли во двор и подошли к двери.

— Не заперто? — удивленно проговорил один из них, толкнув дверь в сени. — Упорхнула пташка, туды ее...

— Суслик... — не прошептала, а скорее выдохнула Вера и осеклась.

Леонид приложил ладонь к ее рту.

— Может, к ней пришел кто? — предположил спутник Суслика.

— Кто к ней придет? — отмахнулся Суслик. — Ты стой здесь. Мало ли что может случиться...

— Что мне тут стоять? — обозлился тот. — Ты карманы будешь набивать, а я стой, как дурак.

— Заткнись! — прикрикнул Суслик. — Забыл, с кем разговариваешь? Сказал, все будет поровну, значит, поровну. Смотри здесь в оба.

Суслик толкнул дверь и вошел в дом. Из полуприоткрытой двери на порог выплеснулся жидкий лучик света. Видимо, Суслик включил фонарик, чтобы удобнее было шарить. А в десяти метрах от часового, в саду, наклонившись к Вере и Саше, Леонид шептал им в самые уши:

— Ты, Вера, когда мы войдем в дом, иди через сад на тропинку, а по ней в лог. Мы тебя догоним. А ты, Сашок, дай мне наган, да подхвати винтовку у этого... чтобы не стукнула. Пошли.

Напарник Суслика старался, насколько это было возможно, следить за действиями Суслика в доме. Для этого ему приходилось до половины просовывать свое долговязое тело в полуприкрытую сенную дверь. Поэтому он вряд ли сообразил, что происходит, когда Леонид, подкравшись сзади,

крепко сдавил ему горло, а затем изо всех сил ударил головой о кирпичную стену дома. Саша подхватил винтовку, выпавшую из рук часового.

—Стой здесь! — шепнул Леонид.— Смотри, чтобы кто в калитку не зашел, да этот не очухался.

—Не очухается.

—Обыщи его,— велел Леонид и на носках вошел в сени.

Из темноты сеней Леонид с минуту наблюдал за манипуляциями Суслика. Полицай, прислонив винтовку к стене около двери, азартно собирал все, что казалось ему особенно ценным. На разостланной посредине пола простыне уже лежала порядочная груда различной одежды. Иногда полицай наклонялся к фонарику, лежавшему на столе, и рассматривал то мужской пиджак, то женскую кофточку, определял их ценность.

Как ни осторожно входил Леонид в комнату, половицы все же заскрипели под его тяжелой ногой. Но Суслик, занятый увязыванием вещей, не оглянулся.

— Не утерпел, сквальга!.. Думаешь, обжулю?! На узел. Выноси.

Леонид подошел и опустил свой кулак с зажатым в нем наганом на голову Суслика. Полицай сунулся головой в недовязанный узел. Леонид завернул ему руки за спину и для верности скрутил их полотенцем, взятым из этого узла. Затем поднял обмякшее тело полицая, бросил его на кровать и вторым полотенцем скрутил ноги.

—Все тихо? — спросил он у Саши, выглянув на мгновение в дверь.

—Порядок,— коротко ответил Саша.

—Сейчас будем отходить.

Вернувшись в дом, Леонид торопливо разбросал вытащенные Сусликом вещи по комнате и обильно полил их бензином. Остаток бензина отнес во вторую комнату и опрокинул на пол. Тщательно протерев руки обрывком газеты, Леонид взял фонарик, осветил Суслика и увидел, что полицай приходит в себя.

—Слушай, гад,— по —будничному ровным и оттого особенно страшно прозвучавшим голосом сказал он полицаяу,—может, повезет тебе, может, спасут тебя твои дружки, так ты расскажи им всем, что я, Ленька Голубев, вашего брата самой страшной смертью казнить буду. Злее, чем фашистов.

Понял,гадина?

—Отпусти! — прохрипел Суслик.— Я тебе... Я зарок дам...

—Нужен мне твой зарок. Фашист — враг, я его просто убивать буду, а таких, как ты, ни за что легкой смерти не отдам. Передай здешним, если успеешь, а не успеешь, так на том свете всем Расскажи.

Леонид вышел в сени и позвал Сашу.

— Возьми вот газету. Она в бензине. Подожги и забрось в комнату. Сам — то я тоже весь в бензине. Не уберегся.

Они уходили в темноту поля. Ровный, без порывов ветер дул им в спины. Хотя ночь была безлунная, от ног идущих по стерне стелились длинные неясные тени. Свет от пожарища доставал и сюда, хотя они уже прошли не меньше полутора километров. Шагавший впереди Леонид вдруг остановился, снял шапку и прислушался. Саша и Вера остановились рядом со своим вожаком и оглянулись.

Домика Дарьи Ивановны невозможно было различить. На его месте бился и бушевал под ветром огромный костер. Пламя было настолько яростным, что совершенно скрыло контуры горящей постройки. Леонид нахлобучил шапку и снова молча зашагал вперед. Он чувствовал глубокое удовлетворение. Удовлетворение от того, что сегодня ему удалось начать свой счет мести за деда и в то же время спасти от смерти, а может быть, и от того, что хуже смерти, хорошую русскую девушку, дочь уважаемого человека.

Саша, шагавший следом за Леонидом, наоборот, был погружен в глубокое раздумье. Но и его не взволновала гибель двух предателей. Дни, проведенные им в оккупации, вызвали вместо страха перед фашистами уверенность в необходимости самой жестокой и непримиримой борьбы. Такой борьбы, исходом которой может быть только смерть.

Саша понимал, что побежденным может оказаться он, а не его противник. Но и это не пугало юношу. С детства он воспринял закон отдавать Родине всего себя, а если будет надо, то и жизнь. Надо только не метаться, не действовать очертя голову, а спокойно и без всякой жалости уничтожать врагов. Чем больше, тем лучше. Ну, а если и самому случится получить пулю, что ж, таков закон борьбы. Побеждает тот, кто смелее, сильнее, опытнее и более предан Родине. Саша допускал, что большая часть немецких солдат сильнее и ловчее его. И все — таки это его не пугало.

Он боялся за Веру. Что было бы, если бы они опоздали и Вера попала в лапы Суслика и его приятеля по грабежу? Подумав об этом, Саша почувствовал, что все его тело как — то каменеет, даже шагать стало труднее. Какое счастье, что они пришли на полчаса раньше Суслика. Саша совсем забыл, что Вера

и сама хотела бежать из дома. Сейчас ему казалось, что только их приход избавил Веру от беды. То, что Вера сейчас шагает рядом, доверчиво держа его руку, наполняло счастьем сердце юноши. Пусть впереди еще сотни опасностей. Он рядом, он не позволит никому обидеть Веру.

Пожалуй, из всех троих только Вера в этот момент не думала ни о том, что произошло, ни о том, что еще может случиться. После долгих часов страшного одиночества и ожидания неизбежной беды она сейчас чувствовала себя легко и свободно. Даже пустота ночного поля и возможность фашистской погони не пугала девушку. Сейчас она была не одна. С нею двое надежных друзей, да и сама она сумеет постоять за себя, если дело дойдет до схватки. Ведь старый партизанский наган Павла Евстигнеевича сейчас сурово напоминал о себе, оттягивая карман жакетки. А главное, сейчас они идут к друзьям — советским людям, которые в эти страшные дни не растерялись, не притихли, а начали борьбу с захватчиками. Ведь Леонид пришел от этих людей и сейчас, конечно, возвращается к ним. Радуюсь скорой встрече с матерью, Вера в то же время не хотела оставаться с нею надолго. Повидается, убедится, что маме ничто не грозит, и уйдет. Не может она в такие дни прятаться. Она хочет бороться и она будет бороться.

Леонид вел своих друзей напрямик, без дорог, по полям. Километрах в десяти от поселка вышли к шоссе. В полусотне шагов от бесконечной полосы асфальта, смутно белевшей в темноте, Леонид лег и жестом приказал лечь своим спутникам. С полчаса лежали молча, слушая ночную тишину. Наконец, убедившись, что шоссе не патрулируется, Леонид шепотом приказал:

— Поднимемся и бегом. На шоссе не задерживаться, бежать на носках. Пошли!

Бежали долго. Только тогда, когда отбежали от шоссе чуть не с километр, Леонид остановился и, переведя дух, сказал:

—Теперь просто пойдём. Не устали?

—Я — нет,— ответил Саша,— как Вера?

—Нисколечко,— развязав тёплый платок и откидывая его на плечи, успокоила друзей Вера.

—Тогда пошли,— снова двинулся вперёд Леонид.

Но далеко уйти от шоссе не удалось. Со стороны города слышался отдаленный, но с каждой минутой усиливающийся грохот, и Леонид остановился.

—Танки,— определил он.— И много танков. Вот что, Саша! Тут впереди лесок. Недалеко, версты не будет. Жми туда с Верой. На опушке ждите. Я по — заячьи заверещу. А

ты
как ответишь?

—Совой крикну. Только почему ты один? И я с тобой.

—А Вера одна пойдет?

Против этого довода Саша возразить не смог. Леонид один повернул к шоссе.

Через четверть часа уже на опушке, усадив Веру на кучу валежника, Саша прислушивался к тому, что творилось на шоссе. Не заметили ли фашисты Леонида? В случае провала Леонид, конечно, будет отстреливаться и отходить. Тогда и он вступит в перестрелку и поможет Леониду. Но со стороны шоссе доносился только гул моторов и лязг танковых гусениц.

—Саша,— шепотом позвала юношу Вера.— Ты чего стоишь? Садись рядом, теплее будет.

Саша снял с плеча винтовку, взятую у полица, и сел. Несколько минут они сидели, настороженно прислушиваясь.

—Почему он остался? — шепотом спросила Вера.

—Наверное, хочет знать, какие танки и сколько.

—А как он сообщит об этом нашим?

—Не знаю,— честно, признался Саша.—Как —нибудь сумеет. Ты не озябла?

—Немного. Быстро шли, вспотела, а теперь пробирает.

—Ляг ко мне на колени. Теплее будет.

Вера прилегла. Саша, сколько мог, прикрыл девушку полami своей куртки. Некоторое время они шепотом рассуждала о том, скоро ли придет Леонид и сколько им в эту ночь еще предстоит отшагать. Но вот Вера примолкла, видимо, задремала, пригревшись. Саша сидел, не шевелясь, чтобы не нарушить покой девушки.

Леонид вернулся не скоро. Уже далеко затих гул танковых моторов на шоссе, и тело Саши совсем занемело от неподвижности, когда тишину нарушил крик зайца, видимо, попавшего на зубы ночного хищника. Саша, хотя и ждал этого сигнала, вздрогнул, настолько близко и незаметно подошел Леонид. Положив ладонь на голову Веры, чтобы не испугать ее спросонок, Саша заунывно проухал в ответ. Получилось очень похоже на крик совы. Через минуту Леонид подошел и сел рядом с Сашей. Поднялась и Вера. Леонид тяжело дышал.

—Торопился очень,— объяснил он.— Да и около шоссе пришлось поползать. А теперь надо спешить.

—Что ж, пошли,— поднялся Саша.

—Подожди,— задержал его Леонид.— Дело такое. Нельзя нам никуда заходить. Времени нет. Надо прямо идти.

—К партизанам?

—Нет. К нашим через фронт.

—Понятно! — протянул Саша.— Чего же ты раньше не говорил?

—Танков много прет к фронту,— не отвечая на вопрос друга, продолжал Леонид.— Сообщить надо срочно.

—Не агитируй,— отмахнулся Саша.— А с Верой как? Не оставлять же ее.

—Я пойду с вами,— заговорила Вера.— Леня прав. Надо срочно сообщить про танки.

—Далеко до наших?

—Если бы прямо, то недалеко,— ответил Леонид.— Да петлять будем. Километров сто двадцать придется шагать.

Саша присвистнул и с тревогой посмотрел на Веру. Сто двадцать километров, не по асфальту и даже не по тропинке. Но девушку не испугала трудная дорога.

—Подумаешь, сто двадцать,— задорно тряхнула она головой.— Если надо, значит пройдем. Я еще пионеркой ходила в такие походы...

—Без дорог пойдем,— ответил Леонид.— Где лес попадется — днем, а больше ночью. Ну, мы, конечно, поможем тебе.

—Да что вы испугались за меня,— забыв о конспирации, воскликнула девушка.— Смотрите, еще сами помощи запросите. Пойдемте.

Саша чувствовал, что Вера только храбрится, а на самом деле очень огорчена. Конечно, не сто двадцать километров трудной дороги испугали девушку. Но ведь она так радовалась, что через несколько часов увидит мать.

Самообладание, с каким она перечеркнула свое самое горячее желание, чтоб не мешать друзьям выполнить долг, тронуло юношу. Не обращая внимания на протест Веры, он забрал у нее узелок с запасной одеждой и продуктами и уложил его в свой вещевой мешок.

—Пошли! — решительно сказал он, помогая Вере подняться с земли.— Раз решили, сидеть нечего.

—Двинулись,— согласился Леонид и, взглянув на небо, определил:—До утра еще километров пятнадцать — двадцать сделаем.

Как ни торопил Леонид своих спутников, но только на исходе четвертой ночи они перешли линию фронта и были остановлены красноармейцами из боевого охранения.

Услышав негромкий окрик: «Стой! Кто идет?!», Леонид остановился и так же негромко ответил:

— Свои. Возвращаемся с задания. Ведите нас к командиру.

Но и в блиндаже комбата Леонид не стал вести долгих разговоров.

— Доставьте нас к майору Званцеву,— потребовал он у немолодого капитана, командовавшего батальоном, в расположение которого они вышли.— Только скорее.

Комбат, с ввалившимися от недосыпания глазами, внимательно оглядел всех троих и приказал прикорнувшему около телефона бойцу:

—Вызови шестого. А вы пока отдыхайте.

—Не имеем права отдыхать,— ответил Леонид, однако присел рядом с Сашей на край топчана, застланного плащпалаткой. Вера, как села, прислонясь к Сашиному плечу, так сразу же и задремала. Дальняя и опасная дорога далась ей нелегко.

—Тяжело там? — спросил комбат.

—Тяжело,— ответил Леонид.— Очень тяжело, товарищ капитан.

—Лютует?

—Зверствует.

—А народ как?

—Напуган, но начинает шевелиться.

Дальнейший разговор был оборван телефонистом.

— Шестого нет,— сказал он, протягивая трубку капитану.— Он в третьем хозяйстве. На проводе восьмой.

Закончив разговор по телефону, капитан крикнул:

—Зеленчук!

—Отведешь этих товарищей на КП. Действуй.— Затем к Леониду: — Начштаба приказал доставить вас к нему. Пока вы доберетесь до КП, он созвонится с вашим начальством. Желаю успеха.

До командного пункта оказалось неблизко. Этот последний отрезок пути всего в два—три километра Вере показался особенно трудным. Она с удивлением думала, что еще час назад не чувствовала такой усталости и боли. Даже в блиндаж комбата она вошла, как ей показалось, в полной форме. А вот подремала четверть часа в тепле, и каждая косточка заболела. Выдержит ли, если снова придется шагать целую ночь.

Около небольшой избушки, окруженной купами деревьев, их окликнули. Оказалось, КП находится именно здесь. В избушку их не пригласили. К ним подошло несколько офицеров. Один осветил их лучом карманного фонарика и, видимо, узнав Леонида, коротко сказал остальным офицерам:

—Ну, мы поехали.

Через минуту они уже катили куда-то дальше, в потрепанной «эмке». Вера снова задремала. Она не слышала, как Леонид, пригнувшись к самому уху сидевшего па переднем месте офицера, что-то докладывал ему. Офицер внимательно, не перебивая, слушал.

—В первой колонне пятьдесят восемь танков и сорок машин? — переспросил он.

—Да, пятьдесят восемь и сорок,— подтвердил Леонид.— И вторая колонна не меньше. Но ее мы не стали ожидать.

—Ладно. Сейчас отдыхайте,— приказал офицер.— Эти пусть с тобой будут, потом разберемся. Утром пришлю бумагу, напишешь подробное донесение. К возвращению Званцева должен закончить.

Пробежав по окраинным улицам городка, машина остановилась у одного из домов, ничем не отличавшегося от других. Офицер вылез из машины, что-то негромко сказал побежавшему навстречу старшине и, вернувшись к машине, приказал:

— Вылезайте. Разместитесь здесь. Отдыхайте пока.

Разбуженная Сашей, Вера вылезла из машины и с недоумением огляделась. «Город? Куда это нас привезли?»

Саша, осторожно обняв ее за плечи, и ведя по крыльцу, сказал:

—Это Козлов. Мы у своих.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХОЗЯЙСТВО МАЙОРА ЗВАНЦЕВА

Начальника прифронтовой опергруппы НКВД майора Званцева ожидали к ночи, а он приехал только на другой день. Вскоре после полудня «эмка» опергруппы остановилась около двухэтажного, старинной постройки, домика.

Майор на ходу козырнул часовым и взбежал по крутой скрипучей лестнице на второй этаж.

В большой общей комнате, куда вошел майор, было пусто. На нескольких разнокалиберных, собранных «с бору по сосенке» столах не было ни папок с делами, ни бумаг. Значит, большинство сотрудников опергруппы было на заданиях по ту и эту сторону фронта. Только у окна, за маленьким столиком, бойко стучала на машинке курносая белокурая девушка в красноармейской гимнастерке.

—Ну, как дела, Зинок? — с улыбкой кивнув девушке, спросил майор, отворяя дверь в смежную

небольшую комнату, служившую ему одновременно кабинетом и спальней.

—Все идет, как надо, товарищ майор,— оторвавшись на мгновение от машинки, ответила девушка.— Происшествий никаких не было.

—Так — таки и никаких?

—Никаких, товарищ майор. Только вчера капитан Сопун ездил в двадцатку. Простите, в двадцатую стрелковую дивизию. На их участке кто — то из наших фронт перешел.

—Ну, вот. А ты говоришь, никаких происшествий. Да тут у вас целое ЧП. Тащи мне сюда Сопуна, Зиночка.

Майор Званцев всех подчиненных ему девушек звал только уменьшительными именами. Впрочем, не только подчиненных.

Попав из — за ранения в госпиталь, он на второй день после операции заявил главному хирургу:

— Я у вас здесь, Глашенька, залеживаться не намерен. Подштопайте чуток и выдворяйте.

Уважаемый хирург и к тому же подполковник медицинской службы, тридцатилетняя Глафира Викентьевна от изумления села на соседнюю свободную койку. В ту минуту она даже не нашла слов, чтобы оборвать его.

Званцев так добродушно, с такой дружеской лаской называл всех девушек и женщин уменьшительными именами, что на него невозможно было сердиться. Правда, все Машеньки и Олюшки знали, что в служебных вопросах он требователен, и, называя провинившуюся сотрудницу Оленькой или Галочкой, умеет учинить ей такой разнос, на какой был не способен его заместитель, вечно суровый и не терпевший фамильярности капитан Сопун.

Майора любили, уважали и побаивались. Посылая разведчиков за линию фронта, он всегда так разрабатывал задание и так готовил людей, что уходившие не сомневались в возможности выполнения задачи и благополучного возвращения. В тех же случаях, когда майор сам вел диверсионную или разведывательную группу в тыл врага, а в первые месяцы войны случалось и такое, то по возвращении люди, участвовавшие в рейде, в один голос заявляли: «С майором на любое дело идти можно. Промаха не будет».

Да, промахов майор Званцев действительно не умел делать. Отчаянная храбрость и беспощадная дерзость в его характере сочетались с трезвым расчетом и невероятным хладнокровием. Его рейды по тылам врага были всегда молниеносными. И там, где бесшумно проносилась его группа, горели эшелоны, взрывались склады, оставались сотни фашистских трупов.

Если существуют люди, о которых можно сказать, что они прирожденные чекисты, то майор Званцев, безусловно, относился к

их числу. Родился он на Ставропольщине, в семье богатого казака, и при рождении был наречен Михаилом в честь деда, удачливого вояки — сотника, кавалера многих орденов. С детства Михаил мечтал быть конником и с мальчишеским упорством и цепкостью овладевал нелегкой казацкой наукой. Отец, наблюдая, как его первенец скачет на неоседланной лошади или со сверстниками — казачатами рубит лозу на выгоне, говорил своим дружкам — станичникам:

— Быть Мишке в лейб-гвардии, не иначе. Уж больно лих растет. Видать, в деда удался.

Но революция и гражданская война перепутали все честлюбивые расчеты старого казака. В восемнадцатом году Георгий Званцев, как и многие его одностаничники, по призыву мятежных генералов поднял оружие против Советской власти. Под Царицыном был произведен в подполковники. Но на этом и остановилась карьера верного служаки, воевавшего «за веру, царя и казацкие вольности». Кончилось все для него, как и для тысяч других белоказаков, посадкой на пароход в Одессе и эмигрантскими лагерями. Так и сгинул где-то за границей, на неласковой чужой земле ставропольский казак Георгий Званцев.

Зато сын его Мишка, которого тот прочил в лейб-гвардию, нашел себе другую дорогу. Через полгода после казачьего мятежа и ухода отца в белую армию Мишка с тремя своими дружками — однолетками выбрал лучших коней из тех, что остались дома, забрал какое нашлось оружие и подался в Первую конную к Буденному. Мишка любил отца и привык верить ему. Но полгода белого террора, расправа богатых казаков с бедной и иногородними показали молодому казаку, что его отец пошел по кривой, нечестной дороге. Молодость всегда бескомпромиссна. Михаил горячо возненавидел все то, что ценили и защищали его отец и дед. Преданность революции, прирожденный ум и большая личная отвага были замечены. Двадцатилетним юношей Михаил Званцев был принят в партию, а в двадцать четыре года, уже проверенным в боях солдатом революции перешел на чекистскую работу.

Не все всегда шло гладко у Званцева. Не раз он чувствовал себя обойденным и в наградах и в продвижении по работе, не раз с губ его готовы были сорваться горячие и резкие слова, но он не давал воли ущемленному самолюбию. В конце концов ведь главное — работа.

Личные качества Михаила Званцева, его непримиримость ко всему, что пыталось хотя бы исподтишка вредить Советскому государству, его умение отдавать всего себя работе и спокойствие, с каким он в интересах дела шел на отчаянный, но оправданный и строго рассчитанный риск, — все это полностью перекрывало тот пункт автобиографии, где говорилось: «отец

Георгий Званцев служил в белой армии и сейчас находится в эмиграции, за границей».

За несколько дней до начала войны Михаил Георгиевич отправил жену и дочурку на курорт, па Рижское взморье, сам выехал в командировку в небольшой городок, лежавший всего в нескольких километрах от нашей западной границы. О начале войны он узнал не из газет. Первою вестью о войне для него явился снаряд, разворотивший цветочную клумбу под окном домика начальника особого отдела пограничной дивизии. У него, старого друга, бывшего комэска Первой конной, провел последнюю мирную довоенную ночь Михаил Званцев. С вечера они подготовили удочки, рассчитывая провести выходной на рыбалке, а вместо этого встретили рассвет на наблюдательном пункте укрепрайона.

По закону, да и, пожалуй, в интересах дела, из — за которого был командирован, Михаил Георгиевич должен был немедленно выехать в глубокий тыл, в свое управление. Но дивизия уже вступила в бой, а командного состава явно не хватало. И вот бывший конармеец, чекист Михаил Званцев, послав в управление краткую, но все объясняющую телеграмму, заменил погибшего комбата в одном из полков дивизии и повел в контратаку на ползущих, как саранча, немцев поредевшие цепи батальона пограничников.

Сейчас он мог подробно рассказать о судьбе любого бойца этого батальона, но ничего не знал о собственной семье — жене и дочурке. Что с ними произошло, оставалось неизвестным.

В свое упрямство Михаил Георгиевич вернулся уже после госпиталя, где залечивал рану, полученную в бою под Минском.

Майор Званцев только успел снять амуницию и полушубок, как в дверь комнаты постучали. Вошел Сопун. В противоположность невысокому и худощавому майору капитан был громаден. Рядом с жизнерадостным и энергичным майором его угрюмость и неповоротливость были особенно заметны. Как в майоре до сих пор осталось что — то от лихого конника, так и в Сопуне явно чувствовался кабинетный работник. До войны он долгое время был следователем, а на оперативную работу перешел совсем недавно.

— Кто пришел с той стороны? — нетерпеливо спросил майор, отмахнувшись от официального рапорта Сопуна. — Шаповалов?

— Никак нет. «Рябый».

— Э... Геннадий Филиппович, — поморщился Званцев. — Мы вынуждены пользоваться псевдонимами, когда наши люди по вражеским тылам ходят. А здесь давайте будем называть их

по — человечески.

— Да этот самый тракторист, которого мы под Брянском забросили.

— А — а! Леня Голубев! — «обрадовался Званцев, — Проскочил все — таки. Молодец. Где он?

— Отправил отдыхать. После будет писать подробное донесение. Наиболее важное — сведения о движении танков уже переданы в штаб армии.

— Хорошо. Как только напишет донесение, вызвать ко мне. Ах ты, Леня, Леонид. В одиночку, а какой путь отмахал.

— Ну, не совсем в одиночку, — усмехнулся Сопун. — С ним паренек лет семнадцати и девчонка.

— Кто такие?

— Дети партийных работников из областного города.

— Фамилии?

— Гуртовой и Волгина.

— Где они?

— Отдыхают.

— Постарайтесь узнать, где сейчас родители ребят.

— Уже установлено. Волгин с номерным заводом эвакуировался. Сейчас директорствует на Урале. Гуртовой по указанию обкома партии остался в тылу врага. Сейчас возглавляет партизанский отряд имени Чапаева.

— Ну, ладно, что делать с ребятами, решим позднее. Вначале посмотрим, на что они годятся, — проговорил Званцев. — Прикажете старшине Слепову сводить всех троих в баню, хорошо кормить.

— Уже сделано. Все вымыты. Питаются со штабной кухни, — доложил капитан Сопун.

— Передайте Голубеву, что около полуночи я встречу с ним.

Капитан Сопун вышел. Расшатанные половицы взвизгнули под его тяжелыми шагами. Званцев, облокотившись на стол, задумался. С сообщением Леонида Голубева о приходе к фронту фашистских танковых колонн его ознакомили еще вчера в штабе армии. Сейчас необходимо было проверить, па какой именно участок фронта вышли эти колонны. Предстоял большой поиск, а послать в тыл некого. Придется просить военное командование послать полковых или дивизионных разведчиков. Званцев, перебирая в памяти знакомых командиров разведвзводов и рот, прикидывал, кто может выполнить это задание.

Приказ капитана Сопуна был выполнен точно. Старшина Слепов, исполнявший обязанности коменданта, рассудил, что возвратившимся из немецкого тыла на первый раз достаточно и восьми часов сна. То, что недоспят, успеют «добрать» ночью —

решил старшина и, разбудив, направил всех троих в баню. К полудню, после бани и обеда, Саша и Леонид сгь дели в отведенной им комнате около стола, а все еще не отошедшая после дороги Вера прилегла на койку. Через несколько минут она снова крепко спала. Саша углубился в раздобытую у старшины книгу, а Леонид, склонившись над ученической тетрадкой, старательно писал. Видимо, ему никак не удавалось хорошо изложить свои мысли на бумаге, и он негромко чертыхался и все время зачеркивал написанное. Наконец это чертыхание и шорох бумаги привлекли внимание Саши.

— Лень, ты что, письмо пишешь? — спросил он, оторвавшись от книги.

— Письмо, будь оно неладно, — проворчал Леонид. — Хотел просто все на словах объяснить, так нет, капитану Сопуну для отчета бумажка нужна.

— Какая бумажка? — заинтересовался Саша.

— Да о том, что я видел у немцев.

— Донесение, — догадался Саша. — Вроде как бы от разведчика, — и подсел поближе к другу.

— И вроде, и как бы, и от разведчика, — недовольно усмехнулся Леонид. — Видишь ли, Сашок, теперь пожалуй, можно сказать. Я ведь не по своей охоте у немцев оставался. Я бы успел уйти, да меня майор Званцев попросил. Даже завез подальше, аж чуть не на передний край немцев.

— Да ну! — обрадовался Саша. — Что же ты раньше — то не сказал? Мы бы вместе. А еще тебе придется туда идти?

— Кто его знает? Может, и придется. Только вот вначале все, что видел, — описать надо. А у меня не получается.

— Давай, я помогу, — предложил Саша.

— Помоги, — согласился Леонид. — Только, сам знаешь, никому ни слова.

— Учи ученого, — обиделся Саша, но тут же взмолился: — Возьми меня, Лень, в следующий раз. А? Возьмешь?

— Я бы взял. Парень ты надежный. Да разрешат ли?

— А ты скажи, что я тебе нужен. Я проситься буду, да ты за меня слово замолвишь, и выйдет дело.

— Ладно, — согласился Леонид. — А теперь помогай.

После многих проб, испортив несколько четвертушек бумаги, друзья отыскали, наконец, правильный метод работы. Леонид неторопливо рассказывал все, что с ним произошло, а Саша записывал его слова на бумагу, стараясь, по мере сил, излагать немногословно и литературно.

Сашу поразила наблюдательность и память друга. Леонид так точно указывал места, где заметил что — либо интересное, находил

такие характерные приметы, что любой мог бы нанести на карту все вражеские объекты, о которых доносил разведчик. Саша и сам хорошо знал места, по которым проходил Леонид. Сейчас, записывая слова друга, он невольно дорисовывал в уме то, о чем не считал нужным упоминать разведчик.

«...Вправо от дороги примерно в трехстах метрах, там, где молодой березняк растет у самого берега, а река делает излучину, видел большой склад снарядов, а рядом с ним в глубь березняка — склад авиабомб. Бомбы небольшие. На машину грузят по пятнадцать ящиков».

Саша вспомнил, что как раз в этой излучине река разлилась широким плесом. «Плотва там дружно брала,— мелькнуло в голове Саши.— В клевый день хватает, как сумасшедшая».

«...Снаряды разглядел хорошо,— продолжал рассказывать Леонид.— Лежат прямо поверх земли, покрыты брезентом и закиданы березовыми ветками. Подходить к складам плохо, охраны много. Кругом чистое место. Лучше всего долбануть с воздуха».

—Как же ты сам — то рассмотрел? — не удержался Саша.

—А я с другого берега,— усмехнулся Леонид.— Правый берег там высоким обрывом. Вот я на нем и куковал чуть не сутки. Пить хотелось, думал, пропаду. Вода рядом, а не подойдешь. Ну, ладно. Валяй, пиши дальше.

Леонид на мгновение задумался, восстанавливая в памяти виденное, а затем снова начал диктовать:

«Видел лагеря с нашими пленными. В лагерях немцы отобрали у пленных обувь и теплую одежду. Люди мрут от стужи и голода. Местные жители говорят, что из лагерей каждое утро увозят по десять — пятнадцать машин с покойниками. Многие пленные бегут, но это мало кому удается. Пойманных немцы обратно в лагерь не приводят — расстреливают».

Саша облегченно вздохнул, когда Леонид кончил диктовать о военнопленных.

—Теперь запиши про аэродромы.

—Давай,— кивнул Саша.

—Пиши:

«Своими глазами я видел аэродром у деревни Горки,— записывал Саша слова Леонида.— Он в четырёх километрах от деревни на восток около шоссе. На аэродроме насчитал двадцать один самолет. Большие, с двумя моторами, видать, бомбардировщики. В городе немцы делают вид, что используют оба наших аэродрома: военный и гражданский. С каждого из них раз по пятнадцать — двадцать в день поднимались по три и по пять машин сразу. Только все это

чепуха. Про немецкую хитрость мне рассказал один мой знакомый. Он живет недалеко от военного аэродрома.

Хитрость немцев заключается вот в чем. Самолеты взлетают с аэродромов, что под Горками, и еще у них есть такой же под Барышкино, и на бреющем полете впритирочку к земле идут до городских аэродромов и над ними начинают набирать высоту. И посадку производят таким же манером. Снизятся над которым — нибудь из городских аэродромов и на бреющем уходят в Горки или в Барышкино. А на городских аэродромах у них стоят не самолеты, а фанерные декорации да две — три зенитки, чтобы наши летчики поверили, что это настоящие самолеты, и сыпали свои бомбы без всякой пользы на пустое поле. Об этом надо срочно сообщить командирам нашей авиации, чтобы летчики не делали лишней работы».

—И как ты все это запомнил? — удивился Саша, когда Леонид на минуту замолчал, припоминая, все ли он рассказал.

—Что? Устал, писать — то?

—Есть немного, — признался Саша.

—Ничего. Сейчас закруглимся. Только про обстановку напишем.

«Выполняя ваш приказ, — продолжал Леонид, — я в намеченном районе дождался прихода немецких войск, а когда очутился в ихнем тылу, то пошел следом за ними по условленному маршруту. Здесь много всякой неразберихи, а иногда и просто трусости. Меня удивило то, что на полях и в лесах около дорог много оружия: винтовки, пулеметы, гранаты... Оружие валяется, а убитых нет. Значит, его побросали трусы. Я сам видел, как немцы разъезжают па наших русских машинах, а за баранками сидят русские шоферы. На ремонте дорог и мостов работают наши тракторы. Значит, они были брошены при отступлении. О чем думает командование? Ведь был приказ тов. Сталина ничего не оставлять врагу. Да и без приказа каждый должен сердцем понимать, что к чему. То же хочу сказать про разрушения. Через Десну взор — кали только один бык. Город наши оставили 3 октября, а когда 21 октября я пришел туда, поезда уже ходили по всем направлениям и на юг и даже в сторону Москвы. Разве так надо разрушать? Да и в самом городе на одном из заводов оставили около сотни маленьких танков. В народе их зовут танкетками. Разве так нужно воевать? Народ, попавший под фашистов, все это видит. Главное, никто не понимает, почему Германия, небольшая страна, оказалась сильнее нас. Ругаются по этому вопросу здорово. А тут еще поддает жару немецкая агитация. Фашисты распускают слухи, что Москва взята, и прочую ерунду. В Трубачевке военный комендант вывесил объявление, в котором официально сообщил, что

немецкая армия заняла Саратов и Тамбов и даже город Горький. Одно такое объявление я сорвал со стены и прикладываю к данному донесению. В народе, нельзя сказать, что все верят этой брехне, но наших газет там нет, и правды никто не знает. На немца злы все поголовно. В деревнях он забирает подчистую теплую одежду, хлеб, скот и мелкую живность. Недовольство немцем большое. Я думаю, что скоро народ в тылу врага подберет оружие, брошенное при отступлении, и начнет поправлять дело. Так я понимаю сейчас обстановку в тех местах, где проходил по вашему заданию. Я считаю, что в тыл врага для русских людей надо посылать больше листовок и наших газет, чтобы народ обо всем знал правду. Только не посылайте к ним тех газет, где напечатано, что наш областной город оставили после жестоких боев. Народ прочтает и будет смеяться. Все знают, что таких боев не было. Народ теперь самой страшной правдой не напугаешь, и ярость на врагов в нем поднимается такая, от которой фашисты, как тараканы от огня,дохнуть будут.

Я выполнил данное мне поручение, как умел, но старался сделать как лучше, а сейчас я прошу снова дать мне задание и направить в немецкий тыл для уничтожения фашистов и подрывной работы по моей новой специальности»,— закончил свой отчет Леонид. Саша, дописывая последние слова, замялся на мгновение, потом, посмотрев искоса на приятеля, решительно добавил от себя: — «вместе с моим хорошим знакомым Александром Гуртовым, который уже доказал, что может быть надежным бойцом и товарищем».

Смущенный хвалебной характеристикой, данной самому себе, Саша протянул исписанные листки Леониду.

—На, читай. Может, что не так.

Леонид, не торопясь, прочитал Сашины записи, не сказал ни слова и подписал каждый листок донесения.

—Лень! А ведь ты не все сообщаем,— внутренне ликуя, что Леонид не стал оспаривать заключительных слов донесения, напомнил другу Саша.

—Как не все? — нахмурился Леонид.— Разве забыл чего?

—А про совхоз, про деда...

—А—а—а! — Леонид помолчал.— Понимаешь, не хочу я про это писать. На словах майору Званцеву все расскажу, а писать не буду.

—Почему?

—Приказа на диверсию у меня не было,—признался Леонид.— Тут я самовольство допустил. Очень не хотелось хлеб немцам отдавать.

—Лень, так ты смотри, не забудь там, когда будешь говорить с майором,— нажимал на друга Саша.— Скажи, что мы

вместе пойдём. Не забудешь?

Не забуду. Если скажут, что снова надо идти, попрошу направить и тебя,— твердо обещал Леонид, —Вдвоем — то надежнее.

ВСТРЕЧА С НАЧАЛЬНИКОМ ОПЕРГРУППЫ

Хотя старшина Следов и не получал никаких дальнейших указаний от начальства, он на свой страх и риск взялся за благоустройство попавших под его попечение «птенцов». Так он в открытую называл Веру и Сашу, но в душе, как видно, не выделял из числа птенцов и Леонида.

Мало того, что после бани Леонид и Саша получили по паре нового нательного белья, старшина и дальше проявил необычную щедрость. После мучительных колебаний, присущих каждому хозяйственному старшине, Слепов принес Леониду и Саше два не новых, но вполне крепких и теплых полушубка.

Стараниями старшины Слепова один из углов общей большой комнаты был отгорожен двумя плащ — палатками, и в распоряжении Веры оказалась хотя и маленькая, но по военному времени очень уютная комнатка.

Молодость — лучшее средство от усталости. Хорошо отоспавшись, Вера почувствовала себя снова бодрой.

Полностью оправился от длинных переходов и Саша. К нему старшина Слепов благоволил, пожалуй, больше, чем к Вере и Леониду. Дело в том, что в родной деревне остался у старшины такой же, как Саша, паренек. И по возрасту они однолетки, и по имени одинаковы, и по хватке Саша Гуртовой как будто бы чем — то походил на своего тезку. Четверо сыновей Слепова были в Красной Армии, и старшина время от времени получал от них письма, а вот младший, самый любимый, хотя и остался в родном доме, на родной земле, а получить от него весточки пока что невозможно.

Старшина о своей семье ничего не рассказывал, но Саша интуитивно почувствовал, что этот, очень немолодой, хмурый человек относится к нему с особой душевной теплотой. Саша решил воспользоваться расположением старшины к нему и попросил Слепова достать патронов к малокалиберке. Старшина вначале даже обиделся, считая такое желание блажью. Тогда Саша пожертвовал одним из оставшихся у него патронов. Навскидку, почти не целясь, он сбил ворону с вершины высоченного дерева, стоявшего метрах в восьмидесяти. Старшина крикнул от удивления и уважительно посмотрел на Сашу.

— Попытаюсь,— без особой, впрочем, уверенности пообещал он.— Раз для дела нужно, попытаюсь. Поздно вечером он принес

Саше две коробочки — в каждой по пятьдесят штук патронов. Чтобы вручить их Саше, Слепов вызвал его из общей комнаты. Увидев, какое богатство ему привалило, обрадованный Саша совсем не по-военному долго тряс руку старшины, забыв, как положено благодарить по Уставу. Затем он, радостный, влетел в комнату и высыпал на стол перед Верой обретенные сокровища. Вера вначале радовалась не менее шумно, чем Саша, но вскоре притихла.

Вид блестящих малокалиберных патронов напомнил ей кровавые события в совхозе, гибель Дарьи Ивановны.

Саша разгадал причину внезапной молчаливости Веры и смущенно стал складывать свой боезапас в коробочки.

Вот уже более полутора суток Саша чувствовал себя неловко, разговаривая с Верой. Обычно между ними не было никаких секретов, но сейчас... Не мог же он сказать Вере, что Леня Голубев — это не просто Леня Голубев — знатный колхозный тракторист, а самый настоящий разведчик, только что вернувшийся с выполнения боевого задания в тылу врага. Не мог он рассказать Вере и о том, что уже договорился с Леонидом о совместном выходе на следующее задание. Правда, еще неизвестно, пошлют ли их, вернее пошлют ли его вместе с Леонидом, но он даже о замысле ничего не может сказать Вере. Ведь все, что он знает про Леонида и о чем они с ним договорились, все это военная тайна, самая настоящая.

Но как трудно хранить тайну от человека, с которым дружишь уже целых пять лет. Особенно, если этот человек — Вера.

Еще каких-нибудь полмесяца тому назад Саша был убежден, что одинаково относится ко всем своим друзьям: к Славке Грачеву, к Гене Левиту, к Петьке Кочергину и, конечно, к Вере Волгиной. Но вот, вернувшись из Тулы в родной город, на окраинах которого уже рычали фашистские танки, Саша сразу же почувствовал, что не может думать ни о чем другом, кроме как об опасности, угрожавшей Вере. Слава Грачев, узнав, что из всей их дружной компании в городе остались только Петька Кочергин, Генька и Вера Волгина, отнесся к этому совершенно спокойно. Что ж, и во вражеском тылу можно найти способы бороться с врагом. А у Саши сразу же, как он услышал о Вере, словно что-то хрустнуло в груди, и больно, очень больно защемило сердце. Он сразу же кинулся на поиски следов Веры.

Отца своего Саша дома уже не застал. В письме, оставленном вместе с деньгами и документами для Саши, Иван Федорович велел сыну уходить к Москве, а оттуда пробираться на Урал к Даниле Семеновичу Волгину. Как понял Саша из письма отца, тот думал, что Вера и Мария

Васильевна уехали вместе с Дániлой Семеновичем. Но ведь это было не так, значит, Саша должен прежде всего помочь Вере и ее матери пробраться к своим. Но где сейчас Вера, никто толком объяснить ему не мог. Саша рассудил, что Вера перед уходом должна была сказать что — либо своим друзьям. Их в городе осталось только двое — Петька и Генька. Петьки Ко — чергина Саша разыскать не мог, а на квартире Левит встретил только Софью Абрамовну.

Увидев юношу, Софья Абрамовна страшно обрадовалась и испугалась.

— Как же так, Саша! — воскликнула она, едва впустив гостя в квартиру. — Вам нельзя оставаться в городе. Ваш отец — видный работник, коммунист...

— Я сейчас уйду, — успокоил ее Саша. — Мне бы Геню повидать.

— Гени нет. Я его еще вчера с тетей Полей в деревню отправила. Пусть там поживет. Немцев на все деревни не хватит.

— А как же вы? — удивился Саша.

— Я здесь пережду. Это ведь недолго. А у меня рояль хороший, дорого!. Испортит кто — нибудь. Немцы долго не удержатся.

— Но ведь во всех газетах пишут, что немцы с евреями делают.

— Да, конечно. Только мне не особенно верится. Немцы все же культурная нация. Ведь Вагнер, Глюк, Гете, Бетховен были немцами. Это народ многовековой культуры.

Даже не искушенный во лжи Саша почувствовал, что, произнося эти патетические слова, Софья Абрамовна не столько отвечает на его вопрос, сколько старается уверить саму себя. Тактичность не позволяла ему спорить с пожилой женщиной, но и с тем, что она говорила, Саша согласиться не мог. Поэтому он натянул поглубже кепку и повернул к двери.

— До свидания, Софья Абрамовна. Привет Геньке передайте. Жаль, что мы не встретились.

— Он тебе нужен?

— Да нет, я просто хотел спросить его, не знает ли он, куда ушла Вера.

— Геня не знает, а я знаю, — улыбнулась старая пианистка. — Садись. Верочка позавчера была у меня.

Так Саша узнал, куда и по какому маршруту направилась Вера, и в конце концов настиг ее. Честнее всего было бы ему самому проводить Веру к матери, но он уже договорился с Леонидом. Да и пропустят ли теперь их через

линию фронта? Юноша не знал, как ему поступить. А главное, он ничего не может сказать Вере.

Саша, неторопливо укладывая последние патроны в коробку, искоса поглядел на девушку. Вера, опершись подбородком о ладонь, задумчиво смотрела на огонек фитиля, горевшего в расплюсненном горлышке гильзы от снаряда. В ком-пате было совсем темно. Света фитиля хватало на небольшое пространство около стола, и только лицо, руки и плечи девушки были ярко освещены. «Как на картине Рембрандта»,— подумал Саша и, плотно связав бечевкой коробочки, спрятал их в карман.

—К походу готов? — отрываясь от своих дум, с улыбкой спросила Вера.

—Всегда готов,— по привычке, оставшейся с детства, ответил пионерским паролем Саша и сразу же спросил настороженно: — К какому походу?

—Сама не знаю. Только ведь надо готовиться. Не будем же мы всю войну сидеть так, сложа руки. Ведь надо же что — то делать.

И опять Саша пожалел, что не может рассказать Вере о своем разговоре с Леонидом. Он сел на скамейку рядом с Верой и взял девушку за руку, но сразу же отпустил ее.

Прежней свободы и простоты уже не было. Казалось, тех минут в садике Дарьи Ивановны, когда Вера доверчиво пожала ему руку, а позднее, на опушке леса прилегла к нему на колени, совсем не было. Казалось, они привиделись ему во сне. У Саши мелькнула мысль обнять девушку, но ему при одной мысли об этом стало страшно. Вдруг Вера догадается, что сейчас зародилось в его голове.

А Вера и в самом деле, наверное, о чем — то догадалась.

Наступило напряженное молчание, настолько невыносимое, что Саше захотелось, чтобы кто — нибудь как можно скорее вошел в комнату.

И, словно во исполнение желания юноши, в коридоре послышались шаги, широко распахнулась дверь, и вошел Леонид.

—Что вы сидите, надувшись, как мыши на крупу? — вместо приветствия осведомился он.

—Ничего...— растерянно ответил Саша.

—Мы не надувались, мы думали,— откровенно радуясь приходу Леонида, дополнила Вера.

—Вы, друзья, ужинайте без меня. Можете рубать все, что старшина принесет. Я не скоро вернусь, может, к утру,

—А ты как же? — удивилась Вера.

—Обойдусь. Я тут дружка встретил. Всю ночь протолкуем,— уже от двери ответил Леонид.— Пока.

Даже кратковременное появление Леонида разрядило

напряженность, возникшую между Верой и Сашей. Саша понял, что Леонид пошел не просто к знакомому, а с отчетом о выполнении задания к майору Званцеву. Он кинул на уходящего Леонида вопросительный взгляд, тот ответил утвердительным кивком головы. Вера заметила взгляд, которым Саша проводил Леонида. Едва за ним закрылась дверь, как она шутливо, но язвительно стала упрекать Сашу в том, что ему тоже хочется пойти с Леонидом к «дружку».

—Ты иди, догоняй Леню. Я и одна посижу.

Саша смущенно отнекивался, краснея, уверял, что Вера все выдумывает. Так они препирались, пока старшина Слепов не принес в нескольких котелках ужин.

Майор Званцев встретил Леонида в дверях своего кабинета. Он откровенно радовался возвращению разведчика и горячо пожал ему руку. Однако от внимательного взгляда майора не укрылись сейчас уже еле заметные следы побоев на лице Леонида.

—А это откуда? Неужели попался?

—Всякое было, товарищ майор,— добродушно улыбнулся Леонид и протянул Званцеву донесение: — Вот тут записано... почти все записано.

—Почти все, говоришь? — переспросил Званцев, всяк донесение.— Ого! Немало, если даже и не все тут записано.

Но читать донесение Званцев не стал, а положил его в ящик стола и указал Леониду на стул.

— Садись. Рассказывай. Начиная с первого дня и жми по порядку. Только все полностью рассказывай.

На столе перед майором лежало несколько листов карты тех мест, по которым проходил Леонид. К концу разговора все листы были испещрены пометками Званцева, и разобраться в них никто, кроме него, не смог бы. Зато для самого майора эти заметки, даты, условные знаки были почти стенографической записью того, что видел Леонид.

На дворе наступило утро, когда Леонид закончил свой доклад. Званцев потушил свет и, откинув занавески, открыл окно. В комнату через подоконник повалил белыми клубами холодный воздух. С наслаждением вдыхая студеной воздух, майор несколько минут молча стоял у окна, обдумывая слова молодого разведчика. Леонид ждал, что майор задаст ему еще много вопросов об аэродромах и складах противника, но тот вдруг спросил:

—А ты уверен, что Павел Евстигнеевич убит? Может быть, ему все же удалось скрыться?

—Куда там,— горестно махнул Леонид рукой.— Сашок

все видел со своей вышки. Не смог дед уйти от фашистской пули.

—Да, Саша молодец. Придумал такое. Главное, если разобраться, то все строго продумано. Убойная сила достаточная, выстрелы не слышны... Для меткого и хладнокровного стрелка — идеальные условия.

—Насчет хладнокровия, не скажу, а стреляет Сашка дай бог всякому,— подтвердил Леонид.

—Главное, он интуитивно учел все условия. Сейчас — то нам легко их анализировать. А там мальчишка был один, без всякого подсказа сам все учел.

—В отца пошел. Его батька с моим дедом лет тридцать знали друг друга. И мне довелось много раз видеть Гуртового — Сашкиного отца.

Званцев подошел к столу, взял из открытой коробки «Казбека» папиросу и, закурив, снова вернулся к окну.

—Сашок хочет со мною идти. В тыл к немцам. Если вы меня снова пошлете.

Званцев ничего не ответил, и Леонид уже прямо спросил:

—Пошлете?

—Не пропал еще аппетит? — улыбнулся Званцев.

—Сейчас сподручнее будет,— тоже с улыбкой ответил Леонид.— Научился кое — чему.

—Пошлем,— ответил Званцев.— Только сейчас посложнее дело будет. На диверсию пойдешь.

—Дело знакомое. Учили,— с усмешкой сказал Леонид.— Да и Сашок надежный напарник.

—Насчет мальчишки еще подумаем, а тебя будем готовить,— швырнув окурок на улицу, ответил Званцев. Он закрыл окно, вернулся на свое место за столом. Помолчал и, понизив голос, спросил:

—Ну, что там говорят? Может, это не народ, а шкуры всякие.

—Дед не был шкурой,— глядя в глаза Званцеву, ответил Леонид.— А он сказал мне: «Не ждал я такого, чтобы мы пол России немчуре отдали».

—Ну, тут старик был не прав. Нужно же понимать, что во — первых, Гитлер напал неожиданно, а во — вторых, всю Европу поднял на нас. Тяжело сейчас нам, но война еще только начинается. Все равно мы победим.

—Дед тоже говорил, что хоть и дорого мы за победу заплатим, а все равно наш верх будет. Только лишнего, говорил, придется много переплатить. Лишней крови.

—Значит, не сомневался старик в победе?

—Ни капельки.

—А ты?

—Да что вы, товарищ майор! Разве пошел был на такое дело, если бы не верил... Жить — то ведь хочется. Только я хочу жить, как привык, а не как фашист велит.

Званцев глядел на сидящего перед ним парня и думал, что сейчас миллионы советских людей задают себе один и тот же вопрос: «Почему же так получилось? Ведь сам Сталин обещал, что если враг нападет, то войну мы будем вести на его территории?»

И самому майору этот вопрос не давал покоя. Разбираясь во многом в тысячу раз больше своего собеседника, Званцев глубже чувствовал трагичность переживаемого всей страной периода.

Отступая с боями от границы под непрерывной бомбежкой, Званцев про себя не раз горько сетовал на наших летчиков. «Где же вы, прославленные соколы? Почему не очистите небо от фашистской нечисти?»

Потом Званцев узнал, что русские летчики не трусили, что многие из них, так и не взлетев в небо, погибли в рукопашных схватках с десантниками врага, защищая свои пылающие аэродромы. Многие аэродромы были расположены недопустимо близко к границе.

Все это Званцев узнал много позднее. И не раз, слыша разговоры о трагических фактах, задавал себе вопрос: «Кто в этом виноват? Неужели товарищ Сталин об этом не знал? Неужели наша разведка прохлопала?» И, невольно успокаивая себя, решал: «Конечно, не знал. Поэтому так и получилось».

Да, не раз и не два майор Званцев с близкими друзьями пытался решить мучившие его вопросы. Только со своим заместителем капитаном Сопуном он никогда не вел частных разговоров и, пожалуй, не потому, что не доверял капитану. Просто майор Званцев знал, что для Геннадия Филипповича Сопуна никаких проклятых вопросов не существует.

Действительно, Геннадию Филипповичу все и всегда было ясным и понятным. Усидчивый, исполнительный работник, он был несколько педантичен, но в меру, как раз настолько, сколько нужно, чтобы любое порученное ему дело шло четко и размеренно, как хорошо налаженный механизм.

—Главную линию своей работы капитан Сопун видел в аккуратном выполнении приказов вышестоящих начальников и таком же точном выполнении его приказов подчиненными ему людьми. Даже трагические события первых месяцев войны он объяснял прежде всего тем, что приказы командования не всегда выполнялись. Капитан Сопун был

искренне убежден в том, что если бы каждый солдат отступал только тогда, когда ему это прикажут, линия фронта до сих пор проходила бы по пограничным районам. Причем это не было рисовкой. И сам капитан Сопун был таков. Майору Званцеву не раз приходилось видеть, как держал себя его помощник в опасные моменты, когда даже у самых храбрых бледнели лица и в голосе появлялась необычная хриплость. Сопун и тогда оставался невозмутимым и только хмурился более чем обычно. В тех случаях, когда чекисты опергруппы сами были вынуждены браться за оружие и отбиваться от прорвавшихся немецких автоматчиков, капитан Сопун бил по врагу старательно, хладнокровно, хотя и не очень метко.

Будучи сам храбрым человеком, майор Званцев не потерпел бы около себя трусов. Храбрость своего заместителя Михаил Георгиевич признавал, но оценивал очень осторожно. «Деревянная она у него какая — то, бесчувственная, — определил он поведение капитана Сопуна в опасные моменты. — Он словно бы не дерется, не борется, а' выполняет, вот именно выполняет».

Вспомнив сейчас своего заместителя, майор Званцев поморщился и, обрывая затянувшееся раздумье, вернулся к разговору с Леонидом.

—Как ты думаешь, Леня, кто в совхозе мог выдать Дарью Ивановну?

—По — моему, никто, — без колебания ответил юноша. — Насчет того, что у Дарьи Ивановны была явочная квартира, немцы, по — моему, ничего не знали. Ее просто взяли как жену коммуниста и расстреляли вместе с другими. Немцы очень обозлились. Вначале мы с дедом хлеб сожгли, потом Сашок своей стрельбой им холоду нагнал, а тут еще я, можно сказать, прямо из петли выскочил и удрал. Ну и озверела немчура.

—Похоже, что так, — подумав, согласился Званцев. — Как бы то ни было, а погиб хороший человек, настоящий, — вздохнув, закончил он.

—И явка в совхозе потеряна, — добавил Леонид.

—Явку восстановим, а вот человека не вернем.

—Я много об этом думал, товарищ майор, — нерешительно проговорил Леонид. — Всю дорогу, да и здесь вторые сутки из головы не идет. Имели ли мы право так — то?

—Ты это о чем? — насторожился Званцев.

—Да вот об этих расстрелянных в совхозе. Ведь никто из них не виноват. Хлеб мы с дедом сожгли, ну дед за это жизнью заплатил, а я с его помощью ушел. Сашку вообще никто из немцев даже не видел. Мы — то ушли, а немцы расстреляли невиновных.

—Вон оно что, — пристально посмотрев на юношу,

проговорил майор.— Ну и как же ты решил для себя этот вопрос? Может, считаешь лучше свернуть разведку, прекратить диверсии, распустить партизанские отряды и перейти только к позиционным боям?

—Что вы, товарищ майор. Фашисты только этого и добиваются.

—Вот видишь, получается замкнутый круг. Пытались люди установить гуманные правила войны, даже конвенцию международную по этому поводу подписали, да ни черта из этого не вышло. Агрессор всегда плевал и плюет на всякие конвенции и гуманности. А на нас идет не просто агрессор, который рассчитывает захватить часть чужой территории, содрать побольше контрибуции и этим удовольствоваться. Нет, ему нужна вся наша земля, все заводы и шахты, только без людей. Малую толику он, конечно, сохранит в качестве рабов, а остальных уничтожит. Он это уже делает, используя всяческие поводы и без повода. Но в данном случае в совхозе репрессии были ответом на вашу диверсию, стрельбу Саши Гуртового и твое бегство,

—Но ведь иного выхода не было, товарищ майор,— словно отгоняя от себя какие-то, только ему видимые картины, потрянул головой и выпрямился Леонид.— Не было другого выхода.

— А его и не могло быть, Леня,— мягко подтвердил Званцев.— Выход у нас один. Создать фашистам такую обстановку, чтобы у них осталось только два выхода: или сдаваться или подыхать, как собакам. И чем быстрее мы доведем их до такого состояния, тем меньше погибнет наших людей.

—Пощады им не будет,— нахмурился Леонид.— Я пока хожу по земле, смерть деда им не забуду. Давайте любое задание.

—Одобряю,— улыбнулся Званцев.— Подберем тебе напарника, подготовим и дадим зеленую улицу. Летите, орлята.

—Если вы считаете, товарищ майор, что Сашок не годен в напарники...— осторожно начал Леонид.

—Нет, не считаю, — перебил его Званцев. — Просто он молод.

—Конечно, молод,— согласился Леонид.— Но уже дозрел. Он под немцем был, а там и пальцы быстро стареют. Зато парень хорошей закалки. Родного дядю не пощадил, когда увидел, что тот к немцам перекинулся.

—Какого еще дядю?

—Да, я ведь еще не сказал. Сашок в совхозе, кроме немцев, еще и по Купину, по Федору Селиверстовичу, ударил.

А ведь Купин — то родной брат его матери. До войны Сашок летом всегда гостил у Купина.

— Так он и Купина угробил?

— Не угробил, но ранил, кажется, основательно.

— Куда?

— Мне некогда было рассматривать. Под петлей стоял. Но видел, как Купин схватился за плечо и взвыл диким голосом.

— Ну, действительно, твой Сашок настоящий тигренок. В любимого дядю пулю влепил. Ладно, — подытоживая разговор, ударил майор ладонью по столу. — Может, и в самом деле стоит вас спарить. Посмотрим. Сейчас я уеду, — кинув взгляд на часы, поднялся из — за стола Званцев. — Приходи со своим дружком сюда в двадцать три ноль — ноль. Посмотрю я на него, и, если подойдет, будем готовить. Да и дивчину приводите. Надо и ее устроить как — то.

Перед отъездом майор Званцев передал донесение Леонида капитану Сопуну.

— Ознакомьтесь, Геннадий Филиппович. Сведения об аэродромах, складах, сосредоточении техники немедленно передайте в штаб и начальнику ВВС фронта. Ну да вы и сами знаете, что куда.

— Эх расписался, — усмехнулся капитан, взвешивая на ладони довольно пухлую пачку тетрадных листов. — Позавчера он мне основные разведанные выложил за двадцать минут.

— А у него тут не только разведанные, — затягивая ремни снаряжения, ответил Званцев. — Леня Голубев подметил интересные факты морально — политического настроения разных слоев населения на оккупированной территории. Любопытные материалы. Над ними нам стоит задуматься.

— Что ж, если стоит, подумаем, — с готовностью согласился Геннадий Филиппович.

— Ну, действуйте, — направился к дверям Званцев. Я к двадцати двум вернусь.

— Есть шифровка из управления, — как бы между прочим, проговорил Сопун. — Капитан Суров едет. Выписался из госпиталя.

— Вряд ли выписался, — рассмеялся, остановившись в дверях, Званцев. — Наверное, попросту удрал, чертяка. И хорошо сделал. Без него мы, как без рук. Ну, к двадцати двум Я вернусь.

Известие, что сегодня ночью произойдет встреча с начальником опергруппы майором Званцевым, очень обрадовало Веру и Сашу. Они были довольны и в то же время очень волновались. Ведь сегодня решится их судьба.

Как это ни странно, Саша волновался значительно больше, чем Вера. Втайне он был уверен, что ей не разрешат переход через линию фронта, и сам в душе был с этим согласен. Ходить через фронт и по тылам врага — чисто мужское дело. Вера и так держалась героически при первом переходе, но Саша видел, как ей было тяжело. Он был согласен десятки раз рискнуть самим собою, но очень хотел, чтобы Вера была избавлена от всякой опасности. Заранее радуясь, что майор Званцев не разрешит Вере идти через фронт, Саша очень боялся, что такое же решение майор сделает и в отношении его самого. Тут Саша был категорически против, но понимал, что спорить с майором ему не придется. Прикажет, и все. Вначале Саша решил, что в таком случае он сбежит и будет действовать самостоятельно. Но, поразмыслив, понял, что бежать нельзя, что надо добиваться всего только законным путем. Во — первых, Саша понимал, что один, без Леонида, в тылу врага он большой пользы не принесет, и, во — вторых, а это самое главное, вдруг его задержат при переходе фронта красноармейцы. Поди, доказывай, что ты шел через фронт, чтобы драться с врагом, а не бежал к нему, как предатель. При одной мысли, что о нем могут подумать такое, Сашу бросало в жар. А что, если попытаться договориться с Леонидом о встрече в определенном месте, там, за линией фронта. Тогда можно было бы рискнуть и на самостоятельный переход. Но согласится ли Леонид? Ведь он пойдет с секретным заданием, то есть с таким, о котором никто не должен знать. Нет, Леонид никогда не согласится. Он об этом даже говорить не захочет. Ведь у разведчиков железная дисциплина.

Так Саша заранее искал для себя какой — то запасной ход на случай несогласия майора. Искал, не находил и очень боялся, что майор Званцев прикажет эвакуировать его в тыл.

Вера чувствовала себя гораздо спокойнее. Ей нужно было пройти в Ярское, увидеть маму, узнать, каково ее состояние, и если все в порядке, то вместе с ною вернуться к своим. Ей казалось это настолько очевидным, что майор Званцев не мог да и не должен был ей ни в чем препятствовать. Наоборот, она хотела сказать майору, что было бы смешно, если бы она просто пошла к маме. Ведь она может выполнить любое задание, какое ей поручат. Может узнать у немцев что — либо такое, что интересует майора Званцева, и, возвратившись, обо всем доложить. Ведь она же комсомолка, а какая комсомолка откажется быть разведчицей, если это нужно Родине?

Взволнованные предстоящей встречей, Саша и Вера атаковали

Леонида, пытаясь выяснить, что он думает сам. Но Леонид только улыбался, разводил руками и уверял, что какое бы решение "ни принял майор — это будет самое правильное решение.

А на самом деле все произошло не так, как рисовала это себе Вера, как прикидывал Саша и даже как уверял Леонид.

Когда в одиннадцатом часу ночи они все трое вошли в кабинет майора, тот был не один. Сбоку от Званцева за одним с ним столом сидел молодой капитан. Он дружески кивнул Леониду и с интересом оглядел Веру и Сашу. Капитан ростом был значительно выше майора, но очень худой и, судя по бледному осунувшемуся лицу, только недавно расстался с госпитальной койкой.

— Будем знакомиться, друзья,— веселым тоном сказал майор, обращаясь к Саше и Вере,— Моя фамилия Званцев, зовут меня Михаил Георгиевич, а это,— кивнул он на капитана,— один из моих помощников — Суров Петр Александрович.

Саша чуть не вскрикнул от удивления. Так ведь майор это же он, дядя Миша, тот самый человек, который попросил у него на рыбалке спички, затем показал отличный выстрел из маленького пистолета. Вспомнив, с какой откровенностью он тогда выболтал незнакомцу свои сокровенные мечты о разведке, Саша густо покраснел.

Майор с веселым доброжелательством указал Саше на стул. Саша увидел, что, кроме него, все уже сидят, и Вера что-то горячо доказывает майору. Досадуя на свою растерянность и смущение, Саша опустился на стул.

— Иначе никак нельзя, товарищ майор,— продолжала убеждать Званцева Вера.— Если бы не танки, ребята проводили бы меня до Ярского, в крайнем случае Саша проводил бы, но танки все перепутали. Я вас очень прошу, товарищ майор. Я ведь могу выполнить и ваше поручение. Немецкий язык я немного знаю, правда, не так хорошо, как Саша, но пойму, о чем немцы говорить будут. Стрелять я умею. Живой в руки врагу не попаду.

— Вам сколько лет, девушка? — вежливо перебил ее Званцев.

— Шестнадцать,— ответила Вера, запнулась и добавила: — Скоро будет.

— Ну вот, видите. В ваши годы говорить о работе в тылу врага еще рано, очень рано.

— Товарищ майор! — в голосе Веры послышались слезы.— С июня каждый месяц за год считать надо. Я видела, что немцы делают. Я у Дарьи Ивановны была, ее немцы расстреляли. Разве могу я сейчас на Урал ехать? Я и к маме — то в Ярское пойду всего на день — два. Дайте мне задание, товарищ майор.

— Не могу, милая девушка,— хмуро ответил Званцев.—

Не могу, и все тут. Вы понимаете, не имею права. Вам минимум год или месяцев восемь надо учиться, чтобы уметь что-либо делать в немецком тылу. Да и потом...— майор шуткою попытался подсластить горечь отказа.— Ведь с меня ваш отец Данила Семенович голову снимет, если с вами что-нибудь случится. А ведь он член бюро обкома.

—Товарищ майор, зачем вы смеетесь? — голос Веры звенел от обиды.— Как вы можете?

—Поезжайте на Урал, к отцу, милая девушка,— продолжал майор.— Кстати, вашей мамыши в Ярском уже нет.

—Как нет?! — испугалась Вера. Она со страхом смотрела на майора.— Где она?

—Успокойтесь. С Марией Васильевной все в порядке. Сейчас она живет в доме очень надежного, очень хорошего человека. Здоровье ее еще не наладилось, поэтому пока что ее невозможно перебросить в партизанский отряд, а оттуда вывезти на Большую землю. Но в самое ближайшее время это будет сделано.

—А у какого это «хорошего человека» сейчас мама? — обрадованно спросила Вера.

—Не знаю.— Но, если бы и знал, у кого сейчас живет Мария Васильевна, вам бы я этого все равно не сказал. Вы сейчас в таком состоянии, что можете прямо отсюда отправиться к линии фронта.

—Могу,— с вызовом ответила девушка.— И пойду.

—Лучше поезжайте к отцу на Урал. Скоро и Мария Васильевна туда же приедет.

—Значит, вы не пошлете меня в тыл? Не разрешите перейти линию фронта?

— Не пошлю и не разрешу,— с ласковой терпеливостью, как ребенку, сообщил ей Званцев.

—Тогда я сейчас же уйду в Ельск, в обком комсомола,— вскочила со стула Вера.— Там мне помогут. А разведчицей я все-таки буду, товарищ майор.

—Вот это вы хорошо придумали,— явно обрадовался майор.— Совершенно правильно. Вам надо обратиться в обком комсомола. Только зачем же пешком, да еще ночью. Завтра я еду в Ельск. Будьте готовы к десяти ноль-ноль. Я вас возьму с собой.

—Тогда пошли, Саша.

—Товарища Гуртового мы еще немного задержим,— ответил за Сашу майор.— Он нам еще нужен.

—Тогда я пойду одна.

—Одной ходить не стоит. Ночь все-таки. Да и вас на

первом же квартале задержит патруль. Зиночка! — громко крикнул майор.

— Не нужно мне никаких провожатых. Дайте лучше пропуск, — упорствовала Вера.

— Рядовой Рябошапка явилась по вашему приказанию, — по-украински мягко выговаривая слова, проговорила девушка, появляясь на пороге кабинета майора.

— Капитан Сопун еще не пришел?

— Товарищ майор, он две ночи не спал и сегодня ушел в восемнадцать ноль — ноль.

— Хорошо, пусть отдыхает. Позовите мне Сидорова.

— А еще хотите быть разведчицей, — с усмешкой сказал майор Вере, когда Зина закрыла за собой дверь. — Я говорю, дадим провожатого, а вы: «Не нужен мне провожатый. Дайте пропуск». Как же посылать вас на задание? Вам прикажешь: — Маршрут — все деревни от Бедово до Мшонки только по шоссе. А вы: «Мне надо в Ярское маму проведать». С дисциплиной вы совсем не знакомы.

Вера прикусила нижнюю губу. Обвинение было справедливо. Она, в поисках поддержки, взглянула на Сашу, но в этот момент в дверь осторожно, боком продвинулся мужчина в дубленом полушубке и сбитой на затылок кубанке. Поправив висевший на ремне через шею автомат, казавшийся очень маленьким в его могучих руках, мужчина густым низким голосом доложил:

— Сержант Сидоров, по вашему приказанию.

— Проводите товарища Волгину в хозяйство старшины Слепова, — приказал Званцев.

— Есть проводить, — грохотнул автоматчик и посторонился, пропуская расстроенную девушку в дверь.

— Рад видеть моего бледнолицего брата сильным, здоровым и готовым выйти на тропу войны, — весело провозгласил Званцев, когда тяжелые шаги автоматчика затихли в соседней комнате.

Заметив недоумение на лицах Сурова и Леонида, майор рассмеялся и заговорщицки подмигнул Саше.

— Мы с Сашей давние друзья — приятели.

«Узнал!» — подумал Саша, сам не зная, радоваться или горевать по этому поводу. Ведь майору ничего не стоит и его отправить так, как он только что отправил Веру. Но скоро он успокоился. В отношении его у Званцева были явно другие намерения.

— Не думал я, что твои желания исполнятся так скоро, — уже серьезным тоном продолжал майор. — Тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

—Возраст вполне приличный. Можно сказать, даже зрелый возраст. Что ж, я считаю, что все, что ты мне должен был сейчас сказать, ты уже сказал. Тогда... на берегу Оки. Теперь слушай, что скажу я. Ты вместе со своим напарником Леней Голубевым получишь специальное задание и отправишься для выполнения его в тыл врага. Согласен?

Саша кивнул в ответ. Говорить он не мог. У него даже дыхание сперло от радости.

—Как у тебя с немецким?

—Читаю хорошо и в разговоре, пожалуй, пойму, а говорю не очень.

—Ясно. Ну вот, брат, дело такое. Послать мы тебя пошлем, но запомни: стрелять тебе не придется. Когда разведчики начинают стрелять, значит, произошел провал.

—А как же?..— удивился Саша.

—Разведчики стреляют только в момент провала. Обычно за пять минут до смерти. Понял?

—Понял.

—Самые лучшие дела совершали те разведчики, у которых не только пистолетов, даже ножей не было, кроме перочинных. Сейчас у нас особое положение, и задание вы получите такое, при котором придется иметь дело с оружием, а вот стрелять все—таки нельзя. А то ты с немцами больше всего любишь пулями разговаривать.

Саша в полном недоумении смотрел на майора.

—Сила разведчика не в его личном оружии и не в умении стрелять. Ну сколько ты один сможешь убить фашистов? Пять, семь, от силы десять, затем они все равно прикончат тебя. Так вот запомни: сила разведчика — в его невидимости. И страшен ты для врагов до тех пор, пока они тебя не видят.

—Враги по ночам подтягивают к фронту резервы, делают это в глубокой тайне, но ты, невидимка, сообщаешь нам места их дневок, и вот наши бомбардировщики превращают фашистскую пехотную дивизию в кучу трупов. Ты будешь разведчиком—диверсантом. Диверсия — тоже дело невидимок. Танковый полк в бою — страшная сила. Но вот этот полк вынужден при передислокации передвигаться по железной дороге. Тогда ты, невидимка, разведав подходы к полотну, ставишь под рельс тихую, незаметную мину. Взрыв — и танковый полк превращается в груды металлического лома. Только большой кровью можно остановить танковую атаку. А тут ты один заслонил их собой и сберег Родине сотни, а то и тысячи жизней. Понимаешь теперь, что такое разведчик, что такое диверсант? Удар разведчика и диверсанта — это удар из

пустоты. Удар, неожиданный для врага, а от этого еще более страшный, еще более неотвратимый. От такого, точно нанесенного удара гибнут сотни и тысячи фашистов, уцелевшие бегут, а все это стало возможным потому, что по тылам врага прошел невидимый, неопознанный русский комсомолец Саша Гуртовой, имеющий от роду неполных семнадцать лет. Понял теперь, чего мы от тебя ждем, мой бледнолицый брат?

—Понял, товарищ майор! Меня немцы не заметят, не увидят! Я все выполню, что потребуется.

—Ну, не только ты,— улыбнулся Званцев.— С тобой будет Леня Голубев. Теперь еще одна заповедь разведчика: умение подчиняться. Умение беспрекословно подчиняться приказу старшего. Вы пойдете вдвоем. Старшим в вашей группе будет Леонид Голубев. С того момента, как ты согласишься взять на себя наше задание, ты во всем безоговорочно будешь подчиняться Голубеву, а за линией фронта он будет тебе все: царь, и бог, и старший воинский начальник. Уяснил?

— Да я, товарищ майор, и так...

—Знаю. Теперь еще одно. С завтрашнего дня ты начнешь учиться. Вместе с Леонидом Голубевым. Для Голубева это будет просто тренировка, а для тебя самая настоящая учеба. Причем учеба трудная и далеко не безопасная. Запомни, что диверсант — подрывник, как и сапер, ошибается только раз. Поэтому — труд, настойчивость и внимание. Вот, если ты согласен на все это, то будешь считать, 'что мы с тобой договорились.

—Согласен, товарищ майор,— не помня себя от радости, высоким от волнения голосом ответил Саша.— Я буду стараться, товарищ майор.

—Учить вас будет капитан Суров. Учти, он очень требовательный командир, но я хочу слышать от него только отличные оценки твоих успехов. Справишься?

—Все силы приложу, товарищ майор,— вскочил с места Саша и, забыв, что на нем нет головного убора, приложил ладонь к виску.

—Садись,— с улыбкой кивнул ему Званцев.— У вас срочное, Геннадий Филиппович? — обратился он к заглянувшему в кабинет капитану Сопуну.

—Срочное,— подчеркнуто ответил тот и, потоптавшись у двери, добавил: — Я позднее загляну.

Званцев, привычным движением хлопнув ладонью по столу,

провозгласил:

—Кажется, все ясно. О полной секретности нашего разговора вы уже знаете. Забирай их завтра, Петр Александрович, и с самого утра начинай. Пусть попотеют и наберутся ума — разума. Особенно этот безусый энтузиаст.

—Ничего,— одобряюще потрепал Сашу по спине Суров. — Из него получится хороший вояка.

Леонид и Саша, понимая, что разговор окончен, поднялись, чтобы уходить.

— Доберетесь, я думаю, без провожатых,— прощаясь с Голубевым и Гуртовым, сказал Званцев. Наклонившись к уху Леонида, он назвал пропуск, установленный на эту ночь.

Когда за Голубевым и Гуртовым закрылась дверь кабинета, Званцев вопросительно взглянул на Сурова.

—Ну, как думаешь, Петр, получится из этого хлопца разведчик?

—Получится,— уверенно ответил Суров.— Но сейчас я не о нем.— Думаю, что напрасно мы девушке отказали. Все равно она своего добьется.

—Будь моя воля, я вообще не посылал бы девчат на такие дела,— сердито ответил Званцев.— А эта ведь совсем еще ребенок. Шестнадцати нет.

—А все — таки она своего добьется,— повторил капитан Суров. До товарища Матвея дойдет, а на своем настоит. Огневая девушка.

—Что — то я замечаю, товарищ капитан, вы на эту девушку особое внимание обратили. Даже огневитость заметили, — лукаво прищурился майор Званцев.

—А что я деревянный чурбан, что ли? — отшутился Суров.— Я ведь в госпитале по ранению лежал, а не по старческой немощи. Хотя здесь ваши подозрения, товарищ сверхбдительный майор, неосновательны. И причиной этого, как сказал бы рассудительный капитан Сопун, являются три разницы.

—Ну, ну,— подбодрил майор.— Валяй, выкладывай! Какие?

—Первая разница — возраст. Мне двадцать шестой, ей шестнадцатый.

—Не принимается,— отмахнулся Званцев.— Давай дальше.

—Вторая разница — наше положение. Во время войны чекисту не до романов.

—Чушь,— определил Званцев.— Что ж мы на время

войны монахами стать должны? И любить, и жениться мы должны, как и все другие. Не принимается.

—Третья разница — в ее отношении, скажем, ко мне и к тому молодому человеку по имени Саша, который только был здесь.

—Вот, вот, правильно,— удовлетворенно кивнул Званцев.— Эта разница существенная и в данном случае священно нерушимая. А я думал, ты не заметишь.

—А где сейчас Агния Михайловна Сбоева? — как бы между прочим спросил капитан Суров.

—Пока отдыхает. Ты же знаешь, у нее неудачно получилось,— ответил Званцев и вдруг запнулся.— Ты что считаешь?

—С группой Пылаева связь все еще не установлена?

—Да, пожалуй, это выход,— задумчиво потирая кончиками пальцев подбородок, проговорил майор.— Такая девушка подошла бы.

—Только смотри, чтобы она поутру, не ожидая тебя, пешком в город не отправилась.

—А что ж ты думаешь,— согласился Званцев.— И дунет. Такая упрямая все может. Ладно. Примем меры.

Скрипя половицами, в комнату вошел капитан Сопун. Он неторопливо подошел и сел у стола против капитана Сухова, положив на стол пухлую папку. Званцев вопросительно посмотрел на него.

—У вас найдется для меня десяток минут? — спросил он майора.

—Слушаю вас, Геннадий Филиппович.

—Вы, как я могу заключить, решили «Рябого» готовить к новой ходке в тыл?

—Да, решили. Только не «Рябого». В следующую ходку он пойдет по другой легенде с другим именем.

—Я даже уснуть никак не мог. Не идет этот «Рябый» у меня из головы. Михаил Георгиевич, нельзя его послать. Он не оправдал доверия.

Званцев с минуту удивленно смотрел на Сопуна.

— Напутал что —нибудь? — наконец выговорил он.— Разведданные ложные?

— Нет, с оперативной стороны все в порядке. ВВС фронта передало благодарность нашему управлению за данные о складах и аэродромах. Склад в излучине реки уже накрылся. Разбомбили.

—Так в чем же дело? Почему вы возражаете против посылки Голубева на задание?

—Начальник группы вы, и, следовательно, я возражать не могу, но если позволите, выскажу свои соображения.

—Давайте,— кивнул Званцев.

—Да, собственно говоря, и высказывать — то особенно нечего. Если только потребуется разъяснить. Вот тут у меня все изложено.

Капитан развязал шнурки папки и достал из нее толстоватую тетрадь. Это оказалось разведдонесение Леонида Голубева. Сопун уже аккуратно подшил его и пронумеровал. Сверху скрепкой был прикреплен большой лист бумаги, густо исписанный мелким, но очень четким почерком Сопуна.

Званцев перелистал донесение, посмотрел места, подчеркнутые жирными линиями синего карандаша, и лицо его сразу поскучнело. Однако он с большим вниманием начал читать рапорт капитана. С каждой прочитанной строкой на лице майора все сильнее проступало выражение недоумения. Кончив читать, Званцев положил тетрадь справа от себя, подальше от Сопуна и несколько секунд сидел, устало сгорбившись и закрыв глаза, словно их раздражал свет настольной лампы.

—Слушайте, Геннадий Филиппович, вы это серьезно?

—наконец нарушил он слишком долго тянувшееся молчание.

—А как же, Михаил Георгиевич,— удивился капитан. Он был явно разочарован тем, что его рапорт не произвел такого впечатления, на которое он рассчитывал.— Разве можно замалчивать такое?

Майор Званцев снова взял тетрадку и негромко, словно обдумывая каждое слово, прочел: «Исходя из всего этого, я считаю необходимым направить материал на Леонида Голубева начальнику управления с просьбой о привлечении Голубева к уголовной ответственности по законам военного времени».

Он снова отложил тетрадку и вновь пристально посмотрел на Сопуна. Капитан Суров встал и зашагал по комнате.

— Я не могу согласиться с вами, Геннадий Филиппович,— сухо проговорил Званцев.— Вы пытались доказать, что Леонид Голубев враг. Но все, что сделано Голубевым, опровергает ваши слова.

— Михаил Георгиевич, я убежден в том, что Голубев еще не предатель, но уже потенциальный враг,— медленно роняя слово за словом, стал доказывать Сопун. Он начал краснеть от раздражения и недовольства. Краснота у него начиналась с залысин на лбу, медленно стекая вниз к подбородку. Вы только посмотрите, что он пишет о командовании, о Верховном командовании...

—Не путайте, Геннадий Филиппович,— перебил его

Званцев.— Голубев говорит о командовании, а не о Верховном Главнокомандовании, как вы пытаетесь доказать в рапорте.

—Но ведь «Рябый» в своем донесении передает разные грязные слухи,— возмущенно заговорил Сопун.

—Голубев передает то, что говорят люди за линией фронта.

—Он там клеветает на всю Красную Армию, обвиняя ее в трусости. Говорит, что там дороги усыпаны брошенным оружием.

—А если там действительно валяется много оружия? Бросить оружие могут только трусы.

—Все равно распространение таких слухов — это паникерство. Товарищ Сталин в своем выступлении требует предавать паникеров суду Военного Трибунала и беспощадно расправляться с ними.

—Насчет беспощадной расправы вы это уже от себя добавили? — насмешливо спросил Званцев. Чем больше горячился Сопун, тем спокойнее и, пожалуй, злее становился майор. Насмешливое замечание Званцева подействовало на капитана отрезвляюще.

—Ничего я не добавляю,— сердито огрызнулся он.— Есть это в речи от третьего июля.

—Нет там «беспощадной расправы», Геннадий Филиппович. Мы тоже читали речи товарища Сталина. Читали и думали, как лучше их выполнить. А теперь слушайте внимательно. Больше я к этому вопросу возвращаться не буду, да и вам не советую, пока вы работаете в моем подчинении.

Сейчас майор говорил строго, как начальник с подчиненным, и Сопун, ставивший дисциплину превыше всего, беспрекословно подчинился. Он умолк, но плотно сжатые губы и багровые пятна, выступавшие там и тут на его покрасневшем от раздражения лице, говорили о том, что он убежден в своей правоте и не думает отказываться от своих утверждений.

— Я видел это оружие, брошенное нашими войсками при отступлении,— продолжал майор.— Видел и не только винтовки и пулеметы, а даже артиллерийские орудия. Печально, по это факт. Вам еще не пришлось побывать в тылу врага, поэтому о многом вы судите только на основании умозаключений, не проверенных практикой.

—Я не раз просил послать меня за линию фронта,— не выдержал Сопун.— Получается, что я виноват в том, что не был в тылу врага.

— Не забывайте, капитан, — повысил голос Званцев. — Никто и ни в чем вас обвинять не думает. Вы прекрасно знаете, что представление о направлении вас в тыл врага поддержано управлением и теперь ждут утверждения наркомата. Утвердит наркомат — пойдете. Дело не в этом. Подумали ли вы, капитан, о нашей с вами ответственности за то, что много боевого оружия осталось на территории, занятой врагом. Голубев в своем донесении говорит, что на одном заводе брошено около сотни легких танков. Кто в этом виноват, капитан?

— Кто? Конечно, директор завода, ну партком, наверное, — удивленный поворотом разговора, ответил Сопун.

— Неправда! — ударил ладонью по столу Званцев. — Это мы с вами виноваты, капитан. Мы — чекисты. Нам товарищ Сталин доверил проверку того, как уничтожается военное имущество в городах и селах перед отходом из них. А мы с вами прошляпили. Вернее, кто-то из нас, кому поручен был этот завод, допустил преступную небрежность. Надо будет проверить, за кем из наших людей был закреплен этот объект, и строго наказать его за невыполнение сталинского приказа.

Капитан Сопун был совершенно огорошен неожиданным выводом майора. Еще читая донесение Голубева, капитан Сопун споткнулся на том месте, где разведчик говорил о легких танках, оставленных на дворе завода. Завод, на котором это произошло, был объектом, закрепленным именно за ним, капитаном Сопуном. Геннадий Филиппович не чувствовал своей вины в том, что так получилось. Ведь был приказ «не пороть панику». Да и смешно было бы эвакуировать боевое оружие с завода в глубь страны, когда оно нужно на фронте. А почему они не были переданы войскам, почему их не вывезли с завода, Сопун и сам не знал. Неожиданный прорыв гудериановских танков в районе Крайска, а затем их стремительный марш к областному центру так ускорил события эвакуации города, что, привычный к получению четких приказов и аккуратному их исполнению, Сопун растерялся. Видимо, в растерянности и в сумятице несколько часов, оставшихся в его распоряжении после прорыва немецких танков на Крайск, он просто многое не успел сделать. Майор Званцев, конечно, но знает всего этого. Ведь в те дни он работал совсем в другом отделе, и капитан был не в его подчинении. Но если Званцев поднимет вопрос в управлении, то, конечно, ему; капитану Сопуну, придется держать ответ. Геннадий Филиппович не боялся ответственности, он был убежден, что сумеет доказать свою невиновность, но все равно будут неприятности и крупные.

И даже не сами неприятности страшили капитана. Гораздо хуже было то, что в результате этих неприятностей навсегда

отпадает вопрос о посылке его за линию фронта. Кто же доверит ответственное зафронтовое задание чекисту, который допустил такой грубый промах в работе? Нет, тут и думать нечего о выходе в тыл врага. А Геннадий Филиппович молчаливо, но упорно стремился на зафронтовую работу. Он был твердо убежден, что именно такие люди, как он, исполнительные и умеющие потребовать исполнения приказа от подчиненных, более всего нужны в тылу врага.

Между тем Званцев, неторопливо обдумывая каждое слово, писал резолюцию на рапорте капитана Сопуна. У Геннадия Филипповича были зоркие глаза. Он без труда разбирал своеобразный, резкий почерк майора.

«С выводами капитана Г. Ф. Сопуна категорически не согласен. Голубев — лучший из выпускников нашей краткосрочной спецшколы. Его донесение написано так, как мы его учили это делать, то есть правдиво. Кроме того, Голубев всей душой ненавидит оккупантов. Считаю целесообразным Голубева снова направить в тыл врага для выполнения диверсионных заданий».

Сопун нахмурился. Неужели он ошибается в оценке этого «Рябого»? Или майор излишне доверчив? Нет, Геннадий Филиппович был уверен в своей правоте. Таким людям, как «Рябый», нельзя доверять заданий в тылу врага. Ведь, хотя донесение разведчика, документ совершенно секретный, с ним все же ознакомятся человек десять, не менее. Среди этих десяти, хотя и допущенных к секретной работе, могут найтись неустойчивые люди. Начнутся обсуждения этих грязных сплетен, а уже отсюда один шаг до разложения. Может, «Рябый» на это и рассчитывал, когда писал свое донесение? Может, это хитро замаскированная идеологическая диверсия? А тут недалеко и до прямой измены. Надо проверить, кто такой «Рябый», кто его родители, нет ли родственников за границей.

Тяжелые, мрачные мысли, полные недоверия и подозрительности, медленно выстраивались в стройную шеренгу убедительных обвинений в голове капитана Сопуна. Он уже забыл о том, что рапорт Голубева грозит неприятностями ему самому. Он думал только о том, как ошибается майор Званцев, доверяя непроверенному человеку. Но вот майор отложил рапорт в сторону и начал писать что — то новое на отдельном листке бумаги. Капитан Сопун поднялся и подчеркнуто официально сказал:

—Товарищ майор! Я вижу, что вы не согласны с теми доводами, которые я привел в своем рапорте. Прошу вашего разрешения обратиться по этому вопросу с рапортом к начальнику управления.

—Не разрешаю,— сухо бросил майор, продолжая писать.— Садитесь!

Капитан Сопун снова сел на стул. Глаза его сузились и стали злыми. На лице снова проступили багровые пятна. В нем закипала злость. По тону майора Сопун понял, что сейчас ему предстоит неприятный разговор. Присутствие капитана Сурова, молча шагавшего по комнате, раздражало Геннадия Филипповича. Лучше было бы, если б этот неприятный разговор произошел без посторонних свидетелей, тем более, что они с Суrowым относились друг к другу неприязненно.

Званцев кончил писать, перечитал написанное и, подписав, протянул листы капитану Суrowу.

— Петр Александрович, попрошу вас. Пусть немедленно зашифруют, передадут и ждут ответа. Я тут указал, что ожи даем у аппарата.

Капитан Суrow взял листы и вышел из комнаты. Сопун облегченно вздохнул. Разговор все — таки состоится без свидетелей.

Майор Званцев умел приказывать, но больше любил убеждать. Не желая оказывать давление на своего подчиненного, Михаил Георгиевич и сейчас попытался доказать капитану Сопуну необоснованность его подозрений. Более двух часов провели они за этим малоприятным для них обоим разговором. Прямолинейность убеждений Сопуна и его уверенность в собственной правоте поколебать не удалось. Под конец майор Званцев рассказал Сопуну даже то, что тот не мог знать, о чем Леонид не захотел написать в донесении. Узнав об уничтожении запасов зерна в совхозе, Геннадий Филиппович одобрительно отметил, что это «определенное достижение», но дальнейшее было воспринято им с настороженностью.

— А вы не допускаете, Михаил Георгиевич, что все это могло быть оговорено заранее,— спросил он с малосвойственным ему дружелюбием, довольный тем, что майор повел разговор не по линии «снятия стружки», а в доверительном тоне.

—Что оговорено? — не понял майор.

—Да вот весь этот случай. Не мог «Рябый» заранее договориться с немцами об организации побега?

—Что — о?!

—Ведь это может быть коварным приемом для внедрения к нам вражеского шпиона. Деда пристрелили фашисты, сам «Рябый» бежит из — под петли, и, следовательно, на вид он яростно ненавидит немцев. За такую легенду для внедрения к нам своего разведчика абвер обеими руками уцепится. Там ведь тоже не дураки сидят.

Даже хорошо знавший характер своего заместителя, майор был огорошен. Первая мысль была о том, что Сопун неуклюже шутит. Но, нет, Геннадий Филиппович не шутил. Он глядел на Званцева спокойно, вдумчиво, дружелюбно и, пожалуй, даже с

некоторой долей сожаления: «Не понимаешь, мол, ты, дорогой мой начальник, на какие хитрые способы иногда пускается фашистская разведка».

Сопун ждал ответа, Званцев посмотрел на угловатую, массивную фигуру капитана.

—Ох, и трудно вам, наверное, живется, Геннадий Филиппович?

— Почему трудно? — удивился Сопун.

—Да вот так, если никому не верить, по—моему, очень трудно жить. А вы сами—то себе и то не целый день верите, а только до обеда.

— Ну, знаете...— возразил Сопун, но в этот момент, не постучав, без предупреждения в комнату скорее вбежал, чем вошел капитан Суров. Он молча протянул Званцеву только что полученную радиogramму.

Майор Званцев вначале пробежал ее глазами, затем прочел вслух.

«Ваши действия признаем правильными. Личность Голубева управлению хорошо известна и подозрений не вызывает. Задание, намеченное Голубеву, утверждаем. Передайте ему пожелание успеха. Представление о Сопуне наркоматом утверждено. Радируйте уточнение задачи. Срок выхода укажем позднее. Желаем успехов в дальнейшей работе. Зубов. Шагов.»

Зубов и Шатов были на ту неделю условными фамилиями первого секретаря обкома партии и начальника управления.

— Все,— сказал Званцев и положил радиogramму на стол вниз текстом.— Вопрос в отношении Голубева решен. Всякие разговоры прекратить. Обдумаем еще раз маршрут и задачи капитана Сопуна.

Крепко спавший в этот момент Леонид Голубев так никогда и не узнал о том, что в эту ночь его судьба подвергалась жестокой проверке, проверке недоверием и верой в него.

К ПОДВИГАМ НАДО ГОТОВИТЬСЯ

Саша даже не замечал, как быстро полетело время после ночного разговора с майором Званцевым. На следующий день утром к ним явился капитан Суров. Саша думал, что огг сразу же займутся изучением каких—то вещей, о которых он до этого не имел ни малейшего представления. Но Суров запросто, сняв полушубок, сел на койку Леонида, осведомился, хорошо ли всем троим спалось и не передумала ли Вера жаловаться в обком комсомола на майора Званцева.

—И не передумаю,— отрезала Вера.— Сегодня еду в Ельск. Если обком комсомола не поможет, пойду к товарищу Матвею.

—Вот это вы правильно решили,— горячо одобрил намерения Веры капитан.— Вы на обком комсомола особенно не рассчитывайте. Идите сразу к товарищу Матвею.

Девушка настороженно посмотрела на Сурова. Не смеется ли капитан над нею? Но глаза Сурова излучали сочувствие, а в голосе была полная доброжелательность.

Капитан повел разговор о недавних мирных, довоенных днях, и как — то так получилось, что не только Саша, но и Вера рассказала о себе, семье и школьных товарищах, все без утайки и смущения. Присутствовавший при этом Леонид в разговор почти не вступал, да капитан Суров ни с одним вопросом к нему и не обратился.

В это время в комнату вошел майор Званцев.

—Жаловаться на меня в обком поедете? — лукаво улыбаясь, осведомился он у Веры.

—Обязательно. Думали, испугалась? — с вызовом ответила девушка.

—Ну, тогда две минуты на сборы, три на прощание и поехали. А то моя «эмка» копытом землю роет, торопится.

Сборы и прощание не заняли и трех минут. Вера категорически отказалась забрать с собой свои вещи.

—Я еще вернусь сюда,— по — прежнему вызывающе заявила она майору. Зачем же мне их возить с места на место.

Званцев, кажется, был недоволен этим решением, но возражать не стал.

С отъездом девушки обстановка резко изменилась.

—Приступаем к делу, друзья,— заявил Суров.

Вот с этого самого момента время рванулось и помчалось, как хорошо пришпоренный конь.

Саша был поражен тем, как много должен знать и уметь разведчик — диверсант. Знать все, вплоть до оружия, которое употребляет противник. Уметь все, вплоть до быстрого, а главное, бесшумного уничтожения врагов в рукопашной схватке. Лишь позднее он понял, что обучение под руководством капитана Сурова превратило его, молодого комсомольца, в солдата высшей квалификации.

По простоте душевной Саша даже после разговора с Званцевым предполагал, что в его подготовке главное место займет тренировка в стрельбе. Но он ошибся. Стрельба из личного оружия заняла в программе совсем незначительное место. Правда, изучение стрелкового оружия, причем прежде всего немецкого, отняло немало времени. Саша научился разбирать и собирать пистолеты всевозможных систем, автоматы, винтовки и даже станковые пулеметы. Немало пришлось потрудиться над изучением

различных мин, гранат, фугасов и сюрпризов. Причем изучать не только их устройство и установку на полотне железной дороги, на шоссе, на тропинках, под устоями и фермами моста, в общем, везде, где это потребуется, но и научиться самому изготавливать их из подручных материалов. Саша был удивлен, узнав, что очень мирные, обычные вещества при смешивании их в определенных пропорциях превращаются в ту адскую смесь, которая носит грозное название — взрывчатка. Изучение подрывного дела оказалось не только сложным, но и просто физически трудным делом. Мало того, что надо было знать устройство мины, чтоб затем самому изготовить ее, но приходилось закладывать ее в полотно железной дороги или под устои моста. И если полотно и мост были условными, то пот, который, несмотря на морозы, проливали Саша и Леонид, был вполне реальным. Капитан Суров проводил занятия в условиях, «максимально приближенных к фронтовым». А это значит, что к полотну или мосту надо было приближаться ползком по — пластунски, маскируясь в кустах и складках местности, и в момент закладки мины работать лежа. Причем с момента выхода, вернее выползания на полотно, капитан Суров отпускал на установку мины такое минимальное количество секунд, что вначале Саша считал задание вообще невыполнимым. И, действительно, первые дни даже Леонид не укладывался в срок. Но, к удивлению Саши, капитана это совсем не расстраивало. Он просто возвращал незадачливых минеров на исходное положение и приказывал все «переиграть» сначала. К концу занятий от этих «переигрываний», несмотря на мороз, пот промачивал не только рубашки и гимнастерки, но и полушубки. Примерно на восьмой день тренировок Саша почти уложился в норму отпущенных на постановку мины секунд. Оставалось всего только протянуть шнур, когда прозвучало безжалостное: «Время! Отставить!».

— Подождите, одну минуточку подождите, — взмолился Саша.

— Я — то могу подождать, — насмешливо ответил капитан Суров. — А вот будет ли ждать немецкий автоматчик? Сомневаюсь. Патрули проходят каждые пятнадцать минут.

Саша вздохнул и, собрав безобидные, но точные по объему и весу муляжи деталей мины, отправился «на исходное». Капитан, как всегда, был прав.

Лишь к концу второй недели тренировок к Саше пришло настоящее умение. Кажется, все шло как обычно. Скрытый подход к месту взрыва, раскапывание мерзлого грунта, установка мины, протягивание шнура делались, как всегда, но обычного окрика: «Время! Отставить!» не прозвучало. Отбежав к месту укрытия, Саша удивленно посмотрел на капитана, стоявшего метрах в десяти от заложенной «мины». Капитан, подняв правую руку, смотрел на часы. Прошло минимум три секунды, очень длинных три секунды,

пока он опустил, наконец, руку и подмигнул удивленно смотревшему на него юноше:

— Молодец! Уложился в срок и даже с запасом. Честное слово, молодец.

Никогда еще Саша не получал такого удовольствия от похвалы. Нелегко она ему досталась и поэтому была особенно приятна.

Немудрено, что на остальные занятия, вроде прицельного метания гранат и бутылок с горючей смесью, хождения по азимуту и наблюдения за местностью, Саша смотрел как на часы отдыха. Не доставила ему никакого труда и практика в немецком языке. Правда, совершенно неожиданно особый интерес к этому предмету проявил Леонид.

Однажды вечером, еще в первые дни боевой учебы, к ним в комнату заглянул капитан Суров. Вместе с капитаном пришла не очень старая, но очень усталая с виду женщина. Порядочно измотавшиеся за — день Саша и Леонид лежали на своих постелях в ожидании ужина. Увидя входящих, оба вскочили. Суров помог спутнице раздеться, разделся сам, и только тогда женщина обратилась к обоим юношам с приветствием, но на чистом немецком языке. Саша, оторопев от удивления все — таки ответил по — немецки, а Леонид смущенно промолчал.

В течение получаса женщина разговаривала с Сашей на немецком языке. Сообщила, что она Фридерика Генриховна и что ее попросили проверить, насколько силен «геноссе Гуртовой» в немецком языке. Саша, стараясь говорить как можно лучше, ответил на все вопросы о семье, о том, как учился в школе, чем занимался в летние каникулы. Это было легко, но когда Фридерика Генриховна спросила, что он думает о войне и о немецкой армии, Саша смутился. Его запаса слов хватало, чтобы спокойно вести разговор на бытовые темы, он мог довольно уверенно поговорить о книгах немецких писателей и даже о музыке, правда, уже не так бойко. Но говорить об армии... Саша вдруг почувствовал, что ничего не может сказать не только о немецкой, но даже о своей родной Красной Армии. Не было нужных слов. Фридерика Генриховна поняла причину смущенного молчания юноши. Она сама заговорила, и Саша облегченно вздохнул. Хоть и с трудом, но он понял то, что говорила ему его собеседница. Он вспоминал кое — какие военные слова и термины, но вести разговор ему было трудно. И все же Саша стал рассказывать, что он видел за линией фронта, как фашистская армия вела себя на захваченных русских землях. Говорил запинаясь, подыскивая недостающие слова. Потом он рассказал, что наделали гитлеровцы в совхозе, и закончил тем, что наш народ никогда не простит им этого.

— Да, мой молодой друг, — грустно согласилась с ним Фридерика Генриховна. — Такого прощать нельзя. Я хочу

только одного, чтобы в тот день, когда народы будут карать Германию за ее преступления, они вспомнили бы, что не все немцы — фашисты, и что фашист и немец это не равноценные понятия.

Саша не нашелся, что сказать, да женщина, видимо, и не ждала от него ответа. Она повернулась к капитану Сурову и по-русски сказала:

— У юноши вполне удовлетворительная подготовка. В школе он, видимо, не терял времени даром. Конечно, с произношением не все хорошо и времени у нас очень мало, но кое-что сделать успеем. Но, боже мой, Петр Александрович, ведь это еще совсем мальчик!..

Капитан Суров серьезно посмотрел на расстроенную женщину.

—А сколько лет вашему Карлу?

—Семнадцать. Но ведь он должен... он немец...

—Все мы должны,— поднялся с места Суров.— Пойдемте, Фридерика Генриховна.— И, уже прощаясь с ребятами, сказал Саше: — Каждый вечер два часа будешь говорить по-немецки. Фридерика Генриховна тебя потренирует.

Как раз в этот момент появился старшина Слепов с ужином. За едой Леонид был молчалив и, пожалуй, чем-то раздражен. Это заметил даже старшина.

— Непорядок какой-нибудь получается? — осторожно осведомился он у Леонида.— Может, с обувью или одеждой?— Да нет, все в порядке,— успокоил его Леонид.— Поустал малость.

Но, когда друзья снова остались одни, Леонид, немного стесняясь, попросил Сашу:

—Ты, Сашок, того, потренируй меня малость по немецкому.

—Как это? — не понял Саша.

—Понимаешь, я в школе считал язык делом никчемным.

Еле на тройки натягивал. А сейчас вчистую забыл. Только «Вас ист дас», да «данке шен» помню. Правда, недавно еще узнал: «хенде хох», «яволь», «цурюк», ну еще «шнель», «швайн», так ведь этого мало.

—Чего ты хочешь?

—Ты мне каждый вечер говори по десять немецких слов. Я их за день буду выучивать.

—Десять слов? А выучишь?

—Выучу. Все, чему нас капитан учит, я раньше в школе проходил. Сейчас просто тренируюсь. Привычное

дело. Мозги — то ничем не заняты. Вот и буду немецкие слова долбить.

На том и порешили. Леонид записал в тетрадку слова, которые могли понадобиться в первую очередь, Саша говорил, как они звучат по — немецки, и Леонид записывал перевод. На следующий вечер, проэкзаменовав друга, Саша убедился, что Леонид действительно выучил все записанные слова. С тех пор они каждый вечер все больше и больше времени отрывали от сна. Ведь надо было не только записать десять новых слов, но и проверить, не забылись ли слова из предыдущих уроков. Но у Леонида оказалась очень цепкая память. Он ничего не забывал. Саша, восхищенный настойчивостью друга, как — то сказал ему:

— Ну, Лен, у тебя и голова! После войны на дипломата учиться сможешь. Там ведь главное — иностранный язык.

— К черту дипломатию, — весело отругнулся Леонид. — После войны я опять к машине. Самое интересное дело — машиной управлять.

— Ну — у! Со знанием языка и рядовым трактористом! Так у нас людьми не бросаются.

— Эх ты, — упрекнул друга Леонид. — Да тракторист, если хочешь знать, первая фигура на селе. А я село люблю. Никуда от своей земли не уйду. В городе я жить не согласился бы. Ну, съездить, погостить, в театр хороший сходить —

это одно дело. А жить? Не согласен. По — моему, всякий нормальный человек должен жить на просторе, чтоб ширь была, воздух вольный.

— Ну, не всем же жить в деревнях да в селах. А кто будет на заводах работать?

— Это — то понятно, — согласился Леонид. — Только вот когда я слышу, что деревню надо уравнивать с городом, мне немного обидно становится. А город не пора немного подравнять с деревней? В городе кругом асфальт, мостовые да каменные

дома этажей на семь — восемь. Жара — не продохнешь. Ни клочка травы, ни кусочка леса. Из города пусть в деревню культура идет: хорошие дома, электричество, радио, ну там хорошие кинотеатры, но пусть и город порасступится. Пустит к себе лес, поля, хотя ноля — то, конечно, не пустят, а вот

луговину бы пустить неплохо. Чтоб хоть детишкам было где играть. Ты думаешь, от хорошей жизни детишки в городах

«в песочек» играют? Заиграешь тут, коль кругом асфальт да камень. Нет, я после войны только на село, никуда больше.

Капитан Суров заметил не совсем обычное поведение Голубева на занятиях. Он вначале с некоторым удивлением присматривался к своему подопечному, видимо, подозревая, что парень переутомился, а затем спросил:

—Ты что это, Голубев, все время шепчешь? Молитвы читаешь, что ли?

—Никак нет, товарищ капитан, не молитвы,— смущенно ответил Леонид.— Я немецкие слова заучиваю. Пригодится.

—Пригодится—то, конечно, пригодится,— согласился капитан.— А одолеешь?

—Должен,— уверенно ответил Леонид.— Говорить не смогу, так понимать кое—что буду.

—Говорить с немцами тебе не о чем, а вот понимать, о чем они бормочут, полезно,— одобрил капитан.

Недели через полторы после начала самостоятельного изучения немецких слов, поздно вечером, когда Фридерика Генриховна, закончив урок, ушла, Леонид, довольный, признался.

—А ведь я почти все понял, о чем вы разговаривали. Сначала она тебя про какую—то Левит и ее то ли сына, то ли внука спрашивала...

—Племянника, Геньку,— поправил Саша.

—Ну, пусть, племянника, а потом про лыжные прогулки разговор пошел.

—Правильно,— подтвердил Саша.— Ты и в самом деле начал улавливать смысл. Молодец.

—Вот только когда вы про богов заговорили, тут для меня полный туман. При чем Гитлер и боги? А боги, она говорит, хорошие.

—Саша расхохотался.

—Это мы про оперу Вагнера «Гибель богов» говорили. Музыка в ней могучая. Но Гитлер вагнеровскую музыку к своей нацистской причислил, и теперь эту оперу в наших театрах не ставят.

—Напрасно. Если музыка хорошая, зачем ее врагам отдавать?

—Вот об этом мы и говорили.

Дня через три после этого на приветствие Фридерики Генриховны ответил не Саша, а Леонид. Ответил, краснея и запинаясь. Фридерика Генриховна была поражена. Узнав, каким способом Леонид изучал немецкий язык, она сказала:

—Что ж, это неплохой метод. Только он требует большого упорства и блестящей памяти.

—Того и другого у Лени хватает через край,— аттестовал друга Саша.

Было решено, что отныне Фридерика Генриховна будет заниматься с обоими.

Но, к сожалению, из этого ничего не вышло. Однажды Фридерика Генриховна пришла в неурочное время, днем. Она не стала даже раздеваться, была заметно взволнована.

—Я пришла проститься с вами, мальчики. Я уезжаю. Леонид и Саша были удивлены и опечалены. Они уже успели привыкнуть к ней. Только капитан Суров не был удивлен. Видимо, он уже знал об этом.

—Куда вы? — в один голос спросили Саша и Леонид.

—К сыну,— дрогнувшим голосом ответила Фридерика Генриховна, и на ее глазах появились слезы.— Мой сын Карл ранен. Тяжело ранен. Жаль, что он никогда не увидит вас. Вы могли бы хорошо дружить.

—Но почему никогда, Фридерика Генриховна? — вмешался в разговор капитан Суров.— Ведь в шифровке определенно сказано, что рана, хотя и тяжелая, жизни не угрожает.

—Но, может, это меня просто успокаивают.

—Вы сами читали радиограмму.

С улицы донеслись нетерпеливые гудки машины,

—Меня ждут,— заторопилась Фридерика Генриховна.— Прощайте, мальчики. Я всегда буду помнить вас. Желаю вам счастья, успехов и всего самого наилучшего.

—Что с ее сыном, товарищ капитан? — спросил Леонид.

—Его группа возвращалась с задания. Напоролась на засаду. Прорвались, но Карл был ранен. Потерял много крови. Парня несли на носилках больше суток,— отрывисто ответил Суров.

—Выживет? — не удержался Саша.

—Должен выжить, Он во фронтовом госпитале. Там медики — боги. Полумертвых воскрешают. На собственном опыте убедился.

—Хотел бы я с ним встретиться,— взволнованно проговорил Саша.

—Может, и встретишься,— обнадежил его капитан,— Жизнь, брат, такие шутки выкидывает, нарочно не придумаешь.

—На собственном опыте убедились? — с совершенно невинным видом спросил его Леонид.

—Да, на собственном, а что? — не чувствуя подвоха, ответил капитан.— Именно на собственном.

—Вот вы и поделитесь с нами,— помог другу Саша.— Нам

полезно перенять ваш опыт.

—Вот именно,— добавил Леонид.— Мину эту мы даже во сне обезвредить сможем, а насчет чекистского опыта у нас слабовато.

—Ах, черти, подловили,— рассмеялся капитан.— Ладно. Если гарантируете, что завтра уложите в постановке мины на пять секунд раньше контрольного срока, то так и быть, расскажу один случай.

—Уложимся! Рассказывайте.

—Родом я с Алтая,— начал Суров.— Есть там такая станица Еловка. Вот я из этой станицы. Люди в ней жили по-разному. Наша семья, например, заседала десятин десять — двенадцать, и таких было большинство. Были, конечно, и совсем бедняки, по две — три десятины сеяли. Богатым считался мужик, у которого посев к сотне десятин подходил. А самые богатые, вроде Ащеуловых, так те по сто двадцать десятин

одной только пшеницей заседали. Побогаче иного русского помещика жили. Так вот об Ащеулове я и хочу рассказать. В германскую он был на фронте, в кавалерии, дослужился до вахмистра и два Георгия получил. Вернулся Никифор

с фронта по ранению. Пока его выхаживали, произошла революция, а затем началась гражданская. Вначале Никифор присматривался. Мужик он был умный, понимал, что к чему, и, хотя многие дружки звали его к белым, он ушел в партизаны. Партизанил неплохо, военная выучка пригодилась. К белым относился непримиримо. Мне отец рассказывал, он тоже партизанил, что Никифор Ащеулов стал авторитетным командиром очень боевого отряда. Удивительного, впрочем, тут ничего нет. В гражданскую войну в партизаны ушло немало богатых мужиков. Особенно после того, как колчаковцы показали свой норов.

Кончилась гражданская, вернулся Никифор в родную станицу. Старик — то его к тому времени совсем сдал. Никифор один на хозяйстве остался. Ну и развернулся. По восемнадцать батраков у него работало. И сам ломил работу за хорошего битюга, и у батраков от пота даже в мороз рубахи не высыхали. Вначале ему был почет и от районных властей и в округе. Во — первых, партизанская слава его еще не померкла, а во — вторых, — лучший хлебосдатчик в районе. А тут коллективизация. Никифор уперся, ни в какую. Я, говорит, в своем хозяйстве больше хлеба дам государству, чем колхоз, в который голозадые лодыри сгуртуются. И политический базис подводит. Я, говорит, за Советскую власть боролся, жизнью рисковал. Меня, говорит, Советская власть

обидеть не может, поскольку я сам ее и ставил. Но не посмотрела Советская власть на прошлые заслуги Никифора Ащеулова и раскулачила его. Я уже тогда комсомольцем был и входил в тройку, выделенную сельсоветом для описи. Возглавил нашу тройку бывший партизан из ащеуловского отряда. Встреча двух товарищей по боям и походам была, нужно сказать, весьма драматичной.

—Значит, ты меня, своего боевого командира, за врага и паразита считаешь? — спросил Ащеулов бывшего соратника.— А ведь я вас в бой за Советскую власть водил.

—Было такое,— ответил председатель тройки.— Водил, воевал, мы пошли дальше, а ты свернул в переулок. Советскую власть на богатство променял.

—Так ведь мы за то и дрались, чтобы всем хорошо жилось.

—Всею. А ты только для себя хочешь. Против колхозов вредный разговор ведешь. И стал ты сейчас для Советской власти злейшим врагом. Тебе бы повести всех за собой по новой дороге как бывшему партизанскому командиру. В колхоз, значит. А ты против пошел. Что ж, пеняй на себя. Хозяйство возьмем, а сам катись к чертовой матери.

Ничего Никифор в ответ не сказал, только бросил на стол ключи от амбаров и крикнул бабе с ребятишками, чтобы собирались. Вышел на двор, запряг трех самых лучших коней. Так на трех подводах и уехал. Дом его колхоз занял под правление и сельсовет, амбары — под колхозные склады. Месяцев семь о Никифоре ничего не было слышно. Потом уже в середине лета пошли слухи, что кружит около станицы один, верхом. Вначале на это не обратили внимания, а потом, когда ночью загорелось правление колхоза, спохватились, да поздно было. Снова исчез Никифор и теперь уже надолго.

В тридцать втором я заканчивал действительную. Часть, в которой служил, стояла под Москвой. Однажды в выходной, уже поздно вечером, возвращаюсь к себе в расположение, прохожу мимо кино и вдруг вижу: в толпе выходит из кинотеатра Никифор Ащеулов с женой. Я даже остолбенел от неожиданности. Пошел я следом и никак не соображу, что делать. Надо узнать, где живет Ащеулов, а у меня через сорок минут увольнительная кончается. Не близко жил Ащеулов, аж на самом краю города. Место хорошее, зелень кругом. Домик небольшой, но с виду уютный. Зашел Ащеулов в дом, я подождал у калитки. Вижу, огонь в доме погасили, значит, спать легли. Тогда я что было сил рванул в свою часть. Прихожу, а там дежурный по роте меня уж в рапорт внес как не вернувшегося из увольнения. Ну я доложил, что у меня есть секретное сообщение для комиссара. Тот позвонил куда следует, а дня через два меня вызвали на очную ставку.

Оказывается, у Ащеулова уже и фамилия и имя другие. И работал он на заводе, между прочим, неплохо. В передовиках был. Когда на очной свели нас, Никифор почернел с лица, но отпираться не стал. В общем, судить его увезли к нам на Алтай, но приговор оказался мягким. Дали ему десять лет без строгой изоляции.

Получилось так, что после службы в армии я стал работать в органах госбезопасности. Перед самой войной был начальником районного отделения. Район наш лесной, довольно глухой. С первых же дней войны поползли по району разные слухи. Ну, это дело обычное. Но среди разноголосицы слухов мы почувствовали одну линию, выделяющуюся из всех других. Смысл ее заключался в том, что, мол, сейчас, когда страна в опасности, можно потребовать от правительства роспуска колхозов, превращения колхозников в некоторое подобие фермеров. Стал я выяснять источник этой галиматьи и вышел на некоего Козырева, работавшего на шпалорезном заводе. Решил лично с ним познакомиться. Приехал на заводик и кого бы вы думали я там встретил?

— Неужели Ащеулова? — удивился Саша.

— Его самого, — с улыбкой подтвердил Суров. — Ащеулова, он же Козырев. Когда я вошел к нему в конторку, его чуть инфаркт не хватил. Серый весь стал, минуты три я его водой отпаивал. Арест его прошел тихо и незаметно. Вызываю я его на допрос и спрашиваю:

— Не ожидал, поди, меня встретить здесь, Никифор Терентьевич?

А он посмотрел на меня злыми глазами и говорит:

— И почему я на тебя такой невезучий? Который раз мне поперек пути встаешь. Смотри. Сломаю и каблуком разотру.

— Вряд ли успеешь, — не поверил я. — Тебе ведь еще сидеть да сидеть.

— За что это мне сидеть? — скалится Никифор.

— Так ведь тебе, — говорю, — десять лет в тридцать третьем дали, а сейчас сорок первый. По Малинину — Буренину, был такой учебник арифметики, тебе еще самое малое два с половиной года в лагере пузом нары греть.

— Ошибаешься, — говорит, — гражданин начальник райотдела. Я еще в августе сорокового за честный и доблестный труд подчистую освобожден. На лесозаготовках по три нормы в день давал.

— А фамилию новую тебе тоже за патриотизм дали?

— Если за фамилию прицепишься, то, конечно, до судебной волокиты дело дойдет. Только ведь за это большой кары не будет, учтут мое партизанское прошлое, отличную

работу в лагере, да и здесь, на этой керосинке я тоже себя неплохо показал.

—Значит, думаешь условно получить?

—Нет, на условную не согласятся, а вот в штрафбат я обязательно попаду.

Примерно за неделю до прихода в наш район немцев я закончил дело Ащеулова, и он со всем материалом был направлен в область. Вот видите, какой камуфлет получается. Первый раз мы столкнулись с ним в глухой алтайской станице, второй — в Подмосковье, в третий — на границе России с Украиной. Расстояния между пунктами встречи тысячи и сотни километров, а общий срок более десятка лет. И все же три раза нас судьба сводила. А вы говорите, встретитесь ли с Карлом. У вас шансов больше. Место действия одно — фронт, и время действия тоже одно — война.

Так шли дни, наполненные учебой, тренировками, вечерними беседами с капитаном Суровым. Давно уже миновало «две — три недели», которые отпустили на подготовку группы к выходу в тыл, а приказа на задание все еще не было. Для Саши, впрочем, это время пролетело незаметно. Учеба и тренировки были хотя и очень нелегким делом, зато удивительно интересным. Только одно беспокоило юношу — исчезновение Веры.

В день отъезда Веры с майором Званцевым, после нескольких часов занятий в помещении, капитан Суров вывел своих опекаемых «на природу». Полевые занятия продолжались до самого вечера. Когда же Саша и Леонид вернулись в свою комнату, в ней не оказалось не только Веры, но и ее вещей. Даже комнатка из плащ — палаток была убрана. У Саши тоскливо защемило сердце. Неужели Вера согласилась эвакуироваться, не попрощавшись и не поговорив с ним?

Однако через полчаса, когда старшина Слепов принес ужин и передал Саше записку от Веры, жизнь показалась юноше не такой уж плохой.

Записка была короткая и, видимо, написана в спешке, короткими отрывистыми фразами.

«Саша! — писала Вера. — Все устроилось. О выходе в тыл пока нечего думать. Но я никуда не уеду. Я буду поблизости. Майор — чудесный человек. Он нашел мне интересную работу. Скоро мы увидимся. Вера».

С этого дня прошло уже несколько недель, а Вера все еще не появлялась. Саша удивлялся и тосковал, но никому не говорил ни слова.

Однажды в самый разгар учебы, серым студеным днем Леонид и Саша, тренируясь в хождении по азимуту на лыжах,

вышли из тянувшихся узкими грядами перелесков на макушку отлогого холма. Ориентируясь по компасу и намечая дальнейший отрезок пути, оба на несколько минут задержались на холме. И вот тогда произошло то, что Саша никак не мог понять и что просто отнес к случайному совпадению. По улице, лежавшей под холмом деревеньки, шла Вера. Саша был готов поклясться, чем угодно, что он не ошибся. Фигура, рост, жест, которым девушка поправила платок на голове, все говорило о том, что это Вера. Лица девушки Саша рассмотреть все же не мог, и это удержало его от возгласа удивления. Откуда здесь, в маленькой, наполовину покинутой жителями прифронтовой деревушке могла оказаться Вера? Ведь до Козлова тут не меньше десяти километров. Потом одежда... Вера никогда бы так не оделась. По одежде похожая на Веру девушка напоминала монашку. По — старушечьи повязанный платок почти полностью закрывал лицо. И потом эта девушка шла очень медленно, пожалуй, даже нарочито медленно, Вера так никогда не ходила.

—Пошли! — окликнул друга Леонид. — Вон за тем холмом река. От излучины поворачиваем на азимут сто восемьдесят и прямо в Козлов.

—Километров пятнадцать еще, — прикинул Саша.

—Не меньше, — отозвался Леонид и, оттолкнувшись палками, скатился с вершины. Саша ринулся следом. Когда минут через десять они пересекали дорогу, ведущую из деревушки в город, мимо них проскочила старая «эмка». Оба узнали машину опергруппы, но, не сказав друг другу ни слова, продолжали путь. После этого случая Саша еще сильнее затосковал по Вере. Проходя в момент тренировок по улице мимо здания опергруппы, Саша не раз видел людей, входивших или выходивших из него. Наблюдательный юноша быстро заметил, что, во — первых, входили обычно усталые, часто небритые люди, а во — вторых, никого из них он не видел больше двух раз. При вторичной встрече они были уже бодрыми, отдохнувшими, с гладко выбритыми подбородками. Вскоре Саша понял, что капитан Суров не случайно выглядит таким усталым и, занимаясь с ними, всегда поглядывает на часы. Иногда капитан прерывал занятия, давал задания и исчезал. Юноша догадался, что не только они проходят тренировку у капитана Сурова. Вначале Сашу смущало, что завтрак, обед и ужин им приносит пожилой старшина Слепов, как будто они — сами не в силах дойти до столовой, в которой питаются работники опергруппы и штаба ближайшей воинской части. «Так надо», — коротко ответил на недоуменный вопрос Саши Леонид. Лишь позднее Саша понял, что, прожив долгое время в Козлове, они пи с кем, кроме очень небольшого числа

людей, не встречались, не завязали никаких новых знакомств. Значит, надо было, чтобы никто не знал, кто они, чем занимаются и что будут делать. Вспомнив слова Званцева, Саша догадался, что перевод их в невидимое для врага положение начался с той минуты, когда они, закончив свой разговор в кабинете майора, вышли из здания; опергруппы. Ведь, отправляясь на тренировку, и он и Леонид шли разными маршрутами и встречались лишь за чертой города в заранее обусловленном и всегда пустынном месте.

Сознание необычности своего положения наполнило гордостью сердце Саши. Вот если бы кто —нибудь из ребят знал об этом. Хотя ведь даже Вере он ничего не имеет права сказать. У Саши стало возникать подозрение, что, может быть, не без вмешательства майора Вера исчезла с его горизонта. Может быть, и па нее распространяется закон об изоляции разведчиков, готовящихся к выходу в тыл врага. Но ведь это же смешно, размышлял Саша. Вера такой человек, который никогда никому ни о чем не расскажет.

Саша решил поговорить об этом с майором при первой же встрече.

Встреча с майором Званцевым состоялась через несколько дней после отъезда Фридерики Геприховны. Но, разговаривая с Михаилом Георгиевичем, Саша даже не заикнулся о Вере. Так захватило его задание, полученное от майора Званцева.

—Вглядываясь в лист карты, лежавшей на столе, майор спросил:

—Реку Птаху вам не приходилось форсировать?

—Если хорошо разбежаться, ее без всякого форсирования перескочить можно,— с усмешкой ответил Леонид.

—Не везде,— поправил друга Саша.— Там и плесы есть и омутки.

—Пескарей там...— подняв глаза от карты, мечтательно проговорил Званцев.— К крючку прямо в очередь становятся, честное слово. — И, прищуривав улыбчивые глаза, вдруг совершенно серьезным тоном добавил: — А между прочим, мост через эту речушку двухпролетный. Вы его хоть раз —то видели?

—А как же,— оживился Леонид.— И на поезде и пешком по нему приходилось ходить.

—А ты? — взглянул на Сашу майор.

—Я под ним пескарей ловил,— ответил Саша.

—Значит, знаете,— удовлетворенно констатировал майор.— Смотрите, какая тут карусель получается. Подвигайтесь ближе.

Саша и Леонид сели вплотную к столу. Водя тупым концом карандаша по карте, Званцев начал объяснять обстановку:

— Мост раньше большой роли не играл. Немец в Москву шел, и боев здесь не было. Фронт прошел левее. В общем, мост достался немцам целеньким. А сейчас обстановка изменилась. Штаб нашего фронта в этом квадрате. Здесь,— майор указал на карте небольшой город Ельск,— партийные и советские органы нашей области. Представляете?

—Понятно. Ясно! — одновременно ответили Леонид и Саша.

—Линия фронта сейчас проходит вот здесь. Мост оказался в глубоком немецком тылу, и фашисты используют его на всю проектную мощность.

—Ежесуточно по восемь пар поездов,— подтвердил незаметно вошедший в комнату капитан Суров.— И все составы — тяжелые.

—Рванем? — подтолкнув локтем Леонида, спросил Саша.

—Надо рвать,— согласился тот.

—Придется рвать,— уперев карандаш в обозначение моста на карте, вздохнул Званцев.

—Далеко до него топать,— пожалел Леонид.

—Далеко,— согласился Званцев.— Пойдете вы не отсюда. Мы вас на машине подбросим вот сюда на Выселки. Их, правда, нет — немцы сожгли, но дома два уцелело. До моста от них по прямой километров тридцать.

—Двадцать восемь,— снова уточнил Суров.— Но по прямой не пройдешь.

—Пойдете так,— показал на карте Званцев.— Против Выселков сплошной линии фронта нет. Полковые разведчики проведут вас в тыл к немцам в район деревни Сельцо. Отсюда почти до самой реки по дуге между деревнями Солдатово и Панькино тянутся перелески. Они очень узкие, но лежат в стороне от дорог, и укрыться в них можно. К сожалению, между перелесками есть интервалы. Здесь нужна особая осторожность.

—Ясно,— кивнул головой Леонид.— Сколько в этой дуге по перелескам будет?

—Тридцать пять — тридцать восемь километров,— ответил Званцев.

—Одна ночь на переход к мосту, день в укрытии, вторая ночь — мост и обратная дорога,— подсчитал Леонид.

—Так мы и рассчитывали,— согласился Званцев.

—Сколько надо взрывчатки, чтобы поднять мост?

—Сорок, сорок пять килограммов,— ответил Суров.

—Мало,— покачал головой Леонид.— Там надо средний бык рвануть, а он на совесть сработан. Мало сорока килограммов, товарищ капитан.

—Дело в том, что мост уже заминирован. Взрывчатка заложена,— начал Званцев и, увидев недоумение на лицах ребят, рассмеялся.— Немцам показалось подозрительным, что мост был нами даже не подготовлен для взрыва. Они, видимо, подумали, что мы рассчитываем в этом районе нанести ответный удар, и поэтому сохранили мост для себя. А раз так, то они решили подложить нам свинью и сами заминировали мост.

—Это точно? — переспросил Леонид.

Званцев и Суров переглянулись. В голосе молодого разведчика звучало недоверие. Суров улыбнулся, Званцев нахмурился.

—Точно,— после небольшой паузы продолжил Званцев.— В этих местах есть наши люди, они с моста глаз не спускают. Немцы здесь еще непуганые, но мы запретили проводить диверсию местными силами. Мы даже считаем, что при отходе вам нужно «потерять» ремень, звездочку или еще что —
нибудь. Немцы должны узнать, что диверсанты пришли из — за линии фронта.

—Ясно,— улыбнулся Леонид. Ему понравилось, что, взорвав мост, они не только ударят по врагу, но и отведут глаза фашистской контрразведки от советских разведчиков в немецком тылу.— Ясно, товарищ майор.

—Да, немцы здесь пока что не имели от нас никаких неприятностей,— подтвердил Званцев.— Обстановку они себе создали спокойную. Из Сельца, Солдатова, Панькино и других деревень, лежащих вдоль фронта, выселены все жители.

Кругом только войска. Население не тронуто лишь за рекой. Охраняет мост гарнизон деревни Карпово. Это за рекой, у самого моста. Постоянных постов на мост не выставляют, считают ненужным. По эту сторону реки только немецкие войска, а с той стороны гарнизонные посты. Патрули на мосту появляются перед проходом поездов. Кажется, просто, но действовать вам надо очень осторожно. Немцы провода от взрывных зарядов вывели на свой пост в Карпово метрах в двухстах от моста и могут подорвать мост прямо из

блиндажа. Ваша задача: тихо проникнуть на мост, заложить взрывчатку в средний бык, уже заминированный немцами, и поднять мост на воздух. На всю прогулку сорок восемь часов. Хватит?

—Скупое даете, но должно хватить,— ответил Леонид.— Значит, сорок килограммов взрывчатки, шнур, оружие, гранаты, запасные диски, ну и кое-что из еды. Килограммов по сорок на брата. Придется попотеть.

—Пойдете втроем. Придадим вам сержанта Сидорова. Он, правда, не подрывник, но во всех других делах будет вам надежным помощником,— пообещал Званцев.

—Вот это хорошо,— повеселел Леонид.— Главное, нам, товарищ майор, вперед проскочить как можно быстрее. Чтоб до свету к мосту выйти и залечь.

—Идти придется в сложных условиях,— вмешался в разговор Суров.— Я связывался со штабом ВВС. Синоптики обещают пургу и снегопад.

—Так это же хорошо,— одобрил Леонид.— Для нас пурга — первая помощница.

—Трудно будет идти на лыжах. Ветер в лоб, и снег рыхлый.

—Ничего, товарищ капитан,— весело улыбнулся Леонид.— Вперед проскочим со свежими силами, а обратно —пурга помогать будет.

—Значит, так,— подытожил разговор Званцев.— Уточните маршрут с капитаном Суровым. С ним же получите взрывчатку, маскхалаты, оружие, паек и —отдыхать. Завтра в двенадцать ноль-ноль капитан Суров на машине подбросит вас в расположение части, откуда будете переходить. Он вас там и будет ждать. На все вам дается сорок восемь часов, считая с момента перехода через фронт. Ну, ни пуха ни пера.

ПРОБА СИЛ

Последние советы капитана Сурова, последние дружеские рукопожатия в блиндаже командира стрелковой роты, и вот четверо полковых разведчиков вывели Сашу, Леонида и сержанта Сидорова за линию фронта.

Время было еще совсем не позднее, около восьми часов вечера, но казалось, что давно уже наступила глухая и ненастная зимняя ночь.

Группа довольно долго шла по глубокой лощине, пересекала молодую, сильно прореженную, видимо, гусеницами танков, еловую посадку и, выйдя на ее западную опушку, остановилась. Только

сейчас Саша почувствовал, что творится в открытом поле и какая дорога им предстоит. Навстречу ощутимо плотный, как какая-то упругая стена, дул холодный, пронизывающий ветер, несший в себе еще более плотную стену взвихренного снега. Казалось, воспользовавшись затишьем на этом участке фронта, зима сама пошла в яростное наступление, не разбирая, где свои, где чужие, и с бешенством слепой стихии стремилась свалить, прижать к земле и похоронить под сугробами снега все живое.

Полковые разведчики, сделав два-три шага от ядра группы, сразу же исчезли в бушующей снеговой завихрухе. Их лейтенант прокричал в ухо Леониду:

— Перешли!.. Вон видишь вторую посадку? Она погуще. Держитесь справа от нее. Через три километра Солдатово. Там у фрицев полковые тылы.

Хотя Саша стоял рядом с Леонидом, до него донеслись только обрывки фраз. Но, услышав, что лейтенант показывает на какую-то следующую посадку, Саша с трудом удержался от смеха. Рассмотреть что-либо в сплошной снеговой завихрухе было вообще невозможно. Леонид молча вглядывался в тускло фосфоресцирующий лимб компаса. Саша догадался, что его друг определяет азимут. Саша, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, думал: «Пора двигаться, а то совсем промерзнем». Он поправил висящий через плечо автомат. Под рукавицей была не привычно гладкая, а ворсистая ложа автомата. У всех троих все, начиная от шапок до валенок, было белого цвета. Даже ложа и ствол автомата плотно обмотаны белыми бинтами.

— Ну, мы пошли,—наконец, проговорил Леонид.—Спасибо вам.

— Через сорок восемь часов будем ждать вас здесь, же,—обнимая Леонида, сказал лейтенант.— Счастливо.

Идти против ветра, навстречу миллиардам сухих колючих снежинок, бьющих в лицо и глаза, как мелкая крупа, было очень тяжело. «Километра три в час движемся, не больше,— думал Саша, следя за поочередно появлявшимися и исчезающими кончиками лыж Леонида.— Так мы к мосту выйдем перед самым рассветом».

Но Леонид не ускорял движения. Дошли до конца лесопосадки, пересекли кусок открытого поля и, вновь разыскав следующую посадку, пошли вдоль ее окраины. За все это время Леонид ни разу не сверялся с картой. «Здорово капитан Суров натаскал нас ходить по азимуту»,— улыбаясь, подумал Саша.

Неожиданно лыжи заскрежетали, и двигаться стало легче. «Наледь,— догадался Саша.— Откуда она взялась? Должно быть, ключ бил сильный. Не сразу замерз». Наледь была чистой от снега, а ветер так основательно отшлифовал ее твердыми снежинками, что даже в царившей вокруг темноте она слегка

поблескивала.

Неожиданно у конца наледи Леонид остановился и снял лыжи.

— Передохнем,— проговорил он в самое ухо Саше, подойдя к нему,— посмотрим, послушаем.

Что можно услышать в метельную ночь, когда поблизости никого? Саша прислушался. Звуков, которые можно связать с действием человека, слышно не было. А ведь кругом враги.

— Леня, давай я теперь вперед пойду,— предложил Саша.— Я не собьюсь.

— Знаю, Сашок, не в этом дело,— ответил Леонид.— Не обижайся. Сейчас спокойно идти надо. Вот обратно, когда отрываться будем, ты первый жиманешь.

Дальше пошли в прежнем же порядке. Леонид, прокладывая лыжню, постоянно сверялся с компасом. Еще в Козлове, изучая карту маршрута, он старался представить себе местность, изображенную на листе бумаги так, как она будет выглядеть в натуре. Сейчас он с радостью убеждался, что его представления в общем — то соответствовали действительности.

Леонид не думал о том, как выполнить предстоящее задание. Это будет ясно позже. Сейчас самое главное было быстро дойти до моста и, хорошо замаскировавшись, начать наблюдение. Точек, откуда вести наблюдение, было намечено три. По карте все они были хороши, но, лишь придя на место, можно определить, которая из них лучше. Леонид улыбнулся, вообразив, что думают сейчас Саша и Сидоров о причинах остановки у наледи. Наверное, думают, что он давал передышку. Черта с два. Просто с наледи удобнее определить, быстро ли исчезают их следы на снегу и полностью ли. Стояли они не больше десяти минут, и за это время, как смог рассмотреть Леонид, на снегу не осталось ни одной вмятины. Метель быстро и надежно делала свое дело.

Саша, наоборот, старался представить себе весь порядок их действий на мосту. Конечно, им нужно будет подняться на мост и уже с мостового настила попробовать перебраться на бык, чтобы на нем уложить взрывчатку. Тогда сорок килограммов тола, который они тащат в своих вещмешках, сработают с наибольшей силой. Кроме того, немцы заложили свою взрывчатку тоже в центральный бык. Если еще и она сдетонирует, то фрицам придется немало повозиться, чтобы восстановить мост. На бык, конечно, придется спускаться ему — Саше. Он не такой массивный, как Леня, или особенно сержант Сидоров. Пожалуй, спускаясь на бык, лучше заранее сбросить полушубок, без него будет легче, удобнее работать.

Сержант Сидоров, двигаясь замыкающим, вообще не думал о том, как он будет действовать на подходах к мосту или при

подготовке взрыва. Собственно, взрыв — это не по его специальности. Его дело обеспечить полную безопасность напарникам, когда те будут закладывать мину, а затем отходить от взорванного моста. А это он сделать сумеет, особенно если такая погодка продержится все это время.

Павел Петрович Сидоров уже третий раз шел во вражеский тыл. Правда, первые два раза он ходил с майором Званцевым. Это было еще до холодов. Майор Званцев особенно уважал сержанта за виртуозное владение карманной артиллерией. Еще на первом выходе в тыл врага Павел Петрович одной «лимонкой» с пятидесяти метров разнес вдребезги не только расчет вражеского станкового пулемета, но и сам пулемет, прижавший группу Званцева к земле. Нет, принимая во внимание погоду, Павел Петрович был уверен, что, по крайней мере, до выхода к мосту никаких неприятностей от немцев ждать не придется. Печалило сержанта совсем другое. На глаза майору Званцеву попался портсигар Павла Петровича. Хороший портсигар из дюралья на целую пачку душистой моршанской махорки. На нижней стороне крышки, под прозрачную пластинку из плексигласа Павел Петрович закрепил записку всего по пятнадцать строк в два столбца. Но именно эти тридцать строчек петита делали для Павла Петровича портсигар особенно ценным. Ведь в них рассказывалось о подвиге сержанта Сидорова, уничтожившего одной гранатой вражеский пулемет с расчетом и этим спасшего разведгруппу.

Майор Званцев, увидев портсигар, сразу решил, что при отходе группа должна «потерять» именно его. Потеря ремня, шапки или чего —нибудь другого могла оказаться нарочитой. Ведь шапку в зимнее время может потерять только тот, кому она уже не нужна, например, убитый, или, на худой конец, тяжелораненый. Таких в группе не должно быть, по крайней мере, не предусматривалось. А выронить из кармана гладкий с закругленными гранями портсигар мог при поспешном отходе любой, даже очень аккуратный боец. Да и газетная заметка трехмесячной давности подтверждала, что взрыв моста —дело диверсионной группы, пришедшей из —за линии фронта, а не местных патриотов.

Павел Петрович понимал, что майор Званцев прав, и безропотно согласился с ним, но про себя очень жалел, что портсигар попался на глаза майору. «И зачем я тогда попросил разрешения закурить,— укорял сейчас себя Павел Петрович.— Не мог подождать полчаса. Майор тогда придумал бы что —нибудь другое для потери». Сокрушаясь и ругая сам себя, сержант даже не замечал ярости бушевавшей вокруг пурги. У себя дома в родной Барабинской степи ему случалось попадать не в такие бураны.

Час за часом Леонид вел свою группу вперед, руководствуясь только указаниями чуткой стрелки компаса. Через каждые тридцать — сорок минут он делал короткие остановки, заботливо осведомляясь:

— Не вспотели?

Услышав в ответ обычное «все в порядке» или «порядок», он добавлял:

— Охолонемся чуток. Передохнем.

Уже в конце пути группа остановилась для передышки в укрытии довольно густого перелеска. Все трое порядком устали, но, чувствуя, что конец пути близок и пока что все идет благополучно, были настроены бодро. Вдруг сквозь рычание и вой пурги до них донесся звук отдаленного паровозного гудка. Саше показалось даже, что он ослышался. Но Леонид, сверившись с компасом, удовлетворенно сказал:

— Порядочек. Вышли точно. До моста километра четыре, не больше.

— Неужели пути не замело? — удивился Саша.

— Здесь все время дорога по прямой идет. Ветер вдоль пути дует. Наверное, не заметает.

— Если ветер вдоль путей, снег на полотне ни в жизнь не задержится, — авторитетно подтвердил Сидоров, — Разве только на закруглениях.

— Судя по карте, дорога здесь прямая, — сказал Леонид.

— Сколько отсюда до дороги? — спросил Саша.

— С километр, — ответил Леонид.

— Меньше, однако, — не согласился сержант. — Ветер рвет. За километр гудок бы куда отнесло. Не услышали бы.

— Он, видимо, на мосту гудел, — предположил Леонид. — Мост почти прямо против нас. Вот и донесло. Ну ладно, по шли. Последний бросок.

Когда тянувшаяся слева посадка кончилась, ветер ударил с удесятенной силой. Хотя по времени пора бы уже было наступить рассвету, ночная тьма не разошлась, а только посерела. И в этой серой полутьме, казалось, небо перемешалось с землей. Уже в пяти — шести шагах ничего не было видно, кроме крутящихся снежных вихрей.

Группа остановилась. Леонид несколько минут раздумывал, что предпринять. Оконечность посадки, около которой они сейчас стояли, намечалась как одно из трех мест, где диверсанты могут укрыться. У самого конца посадки пурга намела довольно высокие сугробы, увенчавшиеся острыми застругами. Леонид выбрал место под защитой застругов. Саша и Павел Петрович были вполне согласны с ним. Отойдя подальше в глубь посадки, чтобы не

сбивать снег с окружающих сосенок, друзья нарезали лапника и устелили им небольшую площадку под застругами. Затем Леонид снял лыжи, Саша и Сидоров сделали то же. Он уложил лыжи на ребра, поверх гребня заструга, окружив место привала. Недовольная препятствием, пурга сразу же принялась наметать снег. Усевшись на лапник, друзья позавтракали в мутной снеговой сумятице медленно наступающего рассвета. А затем... с какой теплотой они вспомнили сейчас майора Званцева и капитана Сурова. Ведь только благодаря заботе Званцева и Сурова в их вещмешке лежало по термосу, наполненному душистым и сладким, а главное — обжигающе горячим какао.

Позднее, когда Саша Гуртовой вспоминал свой первый выход на диверсию, он признавал, что самым трудным оказалось переждать этот короткий зимний денек. Буран не стихал весь день, прикрывая своими вихрями трех диверсантов от фашистских глаз, но в то же время мешая им вести наблюдение за мостом.

Все же в редкие минуты затишья и короткий перерыв в середине дня все трое смогли рассмотреть двухпролетный красавец мост, перекинувшийся через долину Птахи, метрах в пятистах от места, где они укрылись. В бинокль хорошо было видно, что на мосту никакой охраны нет. Крайние домики деревни Карпове, расположенной по ту сторону реки, начинались метрах в трехстах от моста. Леонид особенно пристально вглядывался через бинокль в эти домики. Наконец, он с облегчением сказал:

—Вон он, гад.

—Кто? — удивился Саша.

—Дзот. Против крайнего домика амбарчик, видишь?

—Вижу.

—Под ним дзот. Видимо, там и сидит фриц, которому поручено рвануть мост, если наши наступать будут. Видишь, доска на ребре поставлена у нижнего венца? Она амбразуру прикрывает. А второй пулемет, наверное, на чердаке домика с шиферной крышей. Видишь, пятый с краю лист шифера выбит и прикрыт изнутри новым листом. Тоже, видать, амбразура. Если там станкачи, то они через мост мышонка не пропустят. Работать нам придется осторожно.

Саша взял у друга бинокль, внимательно рассмотрел подозрительные места и убедился, что Леонид прав. Мост надежно прикрывается пулеметным огнем, но часовых на нем не было. За весь день на улицах деревушки всего несколько раз появились немецкие солдаты. Дважды парные патрули выходили из домика под шифером на мост. Шли они быстро, почти бегом, наскоро перебежали через мост и торопливо возвращались обратно. Поверх шинелей на солдатах было напялено что-то вроде полушалков или байковых одеял.

— Хрена с два вы что — нибудь рассмотрите при таком патрулировании, зато на нож напороться вполне можете, — констатировал Леонид, провожая удиравших под теплую крышу немецких патрульных.

Вскоре после появления патрульных прошел поезд. Через мост он двигался медленно, еле полз. Оба состава были длинными и тяжело груженными.

— Рвануть бы хоть один такой, — высказал свое затаенное желание Саша.

— Не выйдет, — ответил Леонид. — Подгадать не сможем. Запалы с получасовым упреждением. Мину нажимного действия ставить опасно. Вдруг попадетсЯ глазастый фриц и увидит.

Несмотря на укрытие в затишке, теплую одежду и горячее какао, все трое основательно промерзли, особенно к концу дня, когда буран забушевал с такой свирепостью, что даже вчерашнее его неистовство стало казаться просто легкой метелью.

Но вот, наконец, начало темнеть.

К мосту подошли в восьмом часу вечера, ровно через сутки после выхода на задание. Оставив лыжи около насыпи, все трое поднялись на полотно. Под арку моста первым вышел сержант Сидоров. Шагах в десяти за ним шли Леонид и Саша с взрывчаткой, упакованной в узкие, толщиной в две стограммовые пачки тола, пакеты. Двигаясь по дощатому настилу около перил, быстро дошли до центрального быка. Сидоров без остановки прошел к противоположному концу моста. Ждать нападения сейчас можно было только оттуда.

Встав на колени на обледенелые брусья настила, Леонид и Саша начали закладывать взрывчатку на верхнюю площадку быка. Дотянуться до нее рукой было трудно, спуститься невозможно. Захваченная Леонидом лыжная палка позволила измерить расстояние. До площадки было около метра. В самой ее середине оказалось неширокое пространство, стиснутое с двух сторон мощными двухтавровыми балками. Удобное для минирования место оказалось не таким уж просторным, предпоследний пакет с трудом удалось уложить на место. Леонид улегся грудью на настил и, просунув правую руку между брусьями, разравнивал и уминал пакеты, чтобы освободить место для последнего. В этот момент подбежал Сидоров.

— Патрульные! — доложил он.

Леонид торопливо уложил последний пакет, вставил взрыватель и раздавил его головку. С этого момента начался отсчет времени, оставшегося до взрыва. Любой ценой, но в течение тридцати минут немцы не должны обнаружить заложенную мину.

— Отходим, — приказал Леонид. — За крайней фермой

займем оборону. Если фрицы увидят мину, нападаем.

Все трое перебежали к выходной арке моста и укрылись за широкими выступами ферм. Три автомата выставили свои тупые рыльца навстречу врагам. Немцев все еще не было видно за крутящимися вихрями снега.

—Слушай, старшой,— опустив автомат, вдруг нарушил напряженное молчание Сидоров.— Взорвется ваша мина, если я на нее «эфку» уложу?

—Если граната рванет около мины, тол сдетонирует,— ответил Леонид.

—Значит, взорвется,— удовлетворенно перевел сам себе Сидоров.— Слушай, если что не так, то я по фрицам гранатами глушить буду.

—Но ты понимаешь?..

—Понимаю,— перебил Леонида автоматчик.— Вы заранее отбегайте. А я парочку «эфок» пущу и сигану под насыпь. Небось, уцелею.

Леонид не успел ответить. За снежной пеленой на дальнем конце моста вспыхнуло размытое световое пятно. Вначале оно было еле заметным и тусклым, но с каждой минутой становилось все ярче и ярче. Немецкий патруль шел по мосту, светя себе под ноги фонариком. Вот световое пятно перестало приближаться. Немцы остановились. Сейчас они стояли точно на середине моста, как раз над тем местом, где Леонид и Саша заложили взрывчатку.

«Неужели заметили?»,— одновременно мелькнула в голове трех друзей обжигающая мысль.

Саша вскинул свой автомат к плечу, но Леонид молча положил на его ствол руку и заставил напарника опустить оружие. Немцы по-прежнему стояли над миной. Сидоров, сняв рукавицу, держал в широкой ладони рубчатое лицо гранаты, готовясь по первой команде Леонида швырнуть ее на середину моста.

Вдруг там, где стояли немцы, вспыхнуло второе световое пятно. Немцы включили второй фонарик.

«Рассмотрели, сволочи»,— подумал Леонид. Он уже готов был приказать Сидорову бросить гранату, когда один из двух огоньков начал приближаться к ним. Ветер донес обрывки выкрикнутой одним из немцев фразы.

—О чем он? — спросил Леонид Сашу.

—Похоже, ругается. Недоволен чем — то.

Вскоре можно было различить, что приближается один немец, светя впереди себя фонариком. Ветер яростно гнал его, и он приближался подпрыгивающей походкой. Леонид закинул свой автомат за спину, вытащил нож и шепнул Саше:

—Подхвати фонарик, чтоб не разбился. Нужен будет.

Немец не дошел нескольких шагов до конечной арки моста и остановился. Под лучом фонарика от широких ферм падала резкая тень, укрывая трех советских бойцов. Сделай фашист еще один—два шага, и он увидел бы Леонида или Сидорова за выступом фермы. С полминуты немец стоял, поводя лучом фонарика, словно вглядываясь во что—то замеченное им впереди, затем, услышав нетерпеливый зов товарища со середины моста, повернулся и, сгибаясь под напором встречного ветра, зашагал обратно.

Помаячив на середине моста, световое пятно поблекло и стало медленно слабеть. Немцы уходили в полной уверенности, что на мосту все в порядке.

—Я, кажется, вспотел,— признался Леонид.—
Поиграли сволочи на нервах.

—А у меня, наоборот, зуб на зуб не попадает,— ответил другу Саша.

—За такую караульную службу расстреливать надо,— определил свое отношение к патрульным Сидоров.

По сигналу Леонида все скатились с насыпи к лыжам.

— А теперь жмем на третьей скорости! — весело прокричал Леонид.— Под свой взрыв попадать нет расчета. Минут через пятнадцать рванет.

Стараясь не отставать от быстро бегущего впереди Леонида, Саша удовлетворенно думал, что сейчас, если даже немцы что—либо и заметили, они все равно сделать ничего не могут. За оставшееся время не вытащить пакеты взрывчатки из узкой щели между брусьями настила. Пробежав мимо укрывавшего их весь день места, Леонид остановился и крикнул Павлу Петровичу:

— Павло! Теряй здесь, как условились.

Сержант, вздохнув, вынул из кармана портсигар и старательно воткнул его одним углом в лыжную ребром вдоль ветра, чтобы «потерю» не занесло снегом. В этот момент от моста донесся гудок паровоза. У всех троих мелькнула одна и та же мысль: «Успеет ли сработать мина, пока паровоз ползет через мост?»

Они стали вглядываться в сторону моста, где в это время медленно полз на мину эшелон. Несколько минут все было тихо, затем послышались три коротких гудка.

—Паровоз перебрался. Интересно, какой длины...— проговорил Леонид, но фразы не закончил. Высокий столб пламени, яркость которого не смогла потушить даже толща взвихренного снега, поднялся над тем местом, где стоял мост, затем навалились упругая стена взрывной волны и грохот взрыва.

—Да—а—а! Это не только наши сорок килограммов сработали,— проговорил, наконец, Леонид.

—Немецкая мина сдетонировала,— обрадованно крикнул Саша.— Ура! Чисто сработано!

—А теперь ждем, даже не на третьей, а изо всех сил. Сейчас фрицы озвереют.

В самом деле ветер доносил еще какие—то взрывы и треск пулеметов. Видимо, в замешательстве немцы из дзота и с чердака обстреливали многострадальный мост. Не ожидая, чем это кончится, Леонид повел свою группу к линии фронта.

Через сутки, почти точно в срок, назначенный майором Званцевым, Леонид, Саша и сержант Сидоров вошли в кабинетик майора и остановились в изумлении. На столе не было ни одной бумажки, зато он был чрезвычайно эффектно сервирован котелками с ужином и даже деликатесами вроде вареной картошки, соленых огурцов и нескольких копчушек. В комнате, кроме Званцева и Сопуна, было еще несколько офицеров — сотрудников опергруппы. Около стола хлопотал, наводя окончательный сервис, сам старшина Слепов.

—Это что, вы за каждую диверсию банкет будете закатывать? — спросил доставивший своих орлят капитан Суров.

—Тихо, хлопцы, тихо,— пожимая прибывшим руки, ликующим голосом отвечал Званцев.— На правах старшего прошу к столу. Ты, мой бледнолицый брат, ориентируйся вон на тот стакан. В нем не водка. Специально для тебя в госпитале портвейна выпросили.

Чувствовалось, что никто, кроме майора Званцева, не знает, в чем дело. А тот, встав во главе стола, поднял стакан и торжественно произнес:

—Выпьем наши внеочередные, но совершенно законные сто граммов за величайшее событие,— он замолк, лукаво улыбаясь.

—Какое? За взорванный мост? Кому—то звание присвоили? — раздались голоса.

—Ничего—то вы не знаете, черти полосатые,— озорно улыбаясь, заговорил Михаил Георгиевич.— Немцам по зубам дали. Под Москвой наши фронт прорвали и гонят фашистов в три шеи. Ура! В честь наших героев—фронтовиков!..

ПУТИ-ДОРОГИ РАЗНЫЕ

Уже под утро, после неожиданного, самодеятельного банкета Леонид и Саша добрались до своей комнаты и завалились спать. Заботливый старшина Слепов, лично проводив их до самых кроватей, перед уходом шепнул Саше.

—Вера, которая с вами пришла, записку тебе велела передать.

Сонное настроение Саши моментально улетучилось.

—Где записка? Почему сразу не сказал?

—Майор разрешил передать, только когда домой придете.

—Разве майор знает про записку?

—А как же...— недовольный своей обмолвкой, старшина вытащил из нагрудного кармана четвертушку бумаги, свернутую треугольником, и протянул ее Саше.

Леонид, не обращая внимания на переговоры друга со старшиной, быстро разделся, набросил поверх одеяла полушубок и нырнул под этот «утепленный вариант». А Саша еще долго после ухода старшины сидел около стола, при слабом свете фитилька трофейной «плошки» перечитывая Верину записку.

Вера сообщала, что устроилась хорошо, что живет и работает с очень умной и интересной женщиной и что скоро они с Сашей увидятся.

«Майор вчера пошутил, что сегодня ты сдаешь вступительный экзамен,— писала Вера.— Если выдержишь, то у тебя будет несколько дней свободных и мы с тобой обязательно встретимся. Майор так и сказал: «Дам вам отпуск на каждого по полтора часа минут». Это будет на двоих триста минут. Подумай, Саша, целых пять часов, наговоримся вдоволь. Только мне показалось, что насчет твоих экзаменов майор пошутил как—то невесело, через силу, что ли. Неужели он думает, что ты срежешься. Не может быть, Саша. Ты хорошо подготовлен. Я верю, экзамен сдашь на «отлично».

«Значит, майор взрыв моста считает нашим вступительным экзаменом,— думал Саша, укладывая треугольничек—письмо в карман гимнастерки.— Интересно, какую оценку он нам поставил: «отлично» или «хорошо».

Умиротворенный теплом девичьего письма и сознанием хорошо выполненного задания, Саша улегся в постель. «Буду думать о Вере и о том, что я скажу ей, когда увидимся»,— решил он, укутываясь в одеяло, но уснул, едва лишь его голова коснулась подушки. И даже приснилась ему не Вера, а длинная ночная дорога через сотню снежных буранов.

Проспали они больше суток. Утром, как обычно, старшина Слепов принес завтрак. Он поставил котелки на стол, закутал их в плащ—палатку, чтобы не сразу остыли, и тихо удалился. Ему

передали приказ майора: «Ребят не будить. Пусть отсыплются».

В полдень старшина, забрав котелки с завтраком, поставил на стол новые, с обедом, и снова старательно укутал их плащ—палаткой. Вечером он принес ужин и увидел, что обед остался нетронутым. Поразмыслив, Слепов не убрал обед, а добавил к нему котелки с ужином, рассудив, что парни проснутся голодными, как черти, и съедят все, что будет поставлено на стол, пусть даже и совсем остывшим. Но утром, принеся завтрак и увидев, что обед и ужин стоят нетронутыми, старшина забеспокоился. Спать с устатку можно и сутки, но сутки не есть, когда на столе остывает баранина с картошкой и настоящий борщ, это уже непорядок.

Слепов осторожно подошел к нему и прислушался — дышит ли?

Леонид лежал на боку и, подложив под щеку руку, спал.

Старшина крякнул от неудовольствия. Вдруг Леонид открыл один глаз, второй так и оставался закрытым, и хриплым с пересыпа голосом спросил:

—Который час?

—Какого числа? — ехидно ответил вопросом на вопрос Слепов.

—Какого? — открыл и второй глаз Леонид. — Сегодняшнего.

—Твое сегодняшнее вчера кончилось.

—Не шути, старшина. Нам к майору надо.

—Майор вас вчера ждал, — сообщил, расплываясь в улыбке, Слепов. — Сегодня уже не ждет. Уехал.

—Как вчера? — раздался удивленный возглас с Сашиной койки. — Вчера вечером мы все были у майора.

—Так это когда было? — торжествовал старшина. — Это еще позавчера было. А вчера вы весь день так храпели, что на улице ездовые ругались. Говорят, лошади от испуга шарахались.

Друзья, растерянные и смущенные, уселись на своих койках. Но старшина не позволил им долго предаваться унынию, а с дружеской бесцеремонностью погнал умываться и приказал садиться за стол. Нужно отдать должное предусмотрительности Слепова. Всего того, что стояло на столе, еле—еле хватило, чтоб накормить двух проголодавшихся парней. Только насытившись, Леонид и Саша обратили внимание на то, что в окно их комнаты заглядывает, хотя и не очень яркое, но по зимнему времени вполне приличное солнце.

— Смотри ты, — радостно удивился Саша. — Кончилась непогода.

После обеда, оставшись одни, друзья посоветовались, выйти, ли им погулять или еще, как выразился Леонид: «прижать ушко минуток на триста». Решили «прижать ушко». Они уже улеглись

на койки, когда в комнату влетел старшина Слепов и еще с порога гаркнул хорошо поставленным командирским голосом:

—В ружье! Майор вызывает!..

В кабинете майора, кроме самого Званцева, находились оба капитана — Суров и Сопун. Званцев и Суров были в очень хорошем настроении, и даже Сопун одобрительно улыбался.

—Ну, здоровы же вы спать,— громогласно приветствовал Леонида и Сашу майор Званцев и, делая вид, что не замечает их смущения, добавил: — Тридцать три часа подряд. Ничего не скажешь, здоровы.

—Так ведь мы двое суток мотались,— смущенно защищался Леонид.

—Устали очень,— поддержал друга Саша,— у меня до сих пор ноги, как деревянные.

—После больших переходов, ложась отдыхать, ноги нужно помещать выше головы,— не удержался, чтобы не поучить своих питомцев, капитан Суров.

—Куда там, махнул рукой Леонид.— Я как лег, так и не заметил, где у меня голова, а где ноги.

—Ну, в общем, молодцы,— подытожил Званцев.— И спите отлично и работаете, как черти. Вот посмотрите, что вы натворили.— Он взял одну из двух пачек фотоснимков, лежавших на столе, и подал их Леониду и Саше. Оба друга рассматривали снимки, веря и не веря своим глазам. Но фотокадры не могли врать. На них с документальной точностью было изображено то, что произошло на мосту через Птаху. Средний бык был разрушен почти полностью. Концы обоих опиравшихся на него пролетов были сброшены и утонули в толще снега. Эшелон до взрыва не успел полностью перебраться через мост. Хвост эшелона вместе с последним пролетом рухнул вниз. На полотне, как насчитал Леонид, осталось двадцать семь вагонов и паровоз. Впрочем, взрыв показал свою силу и здесь. То ли от толчка, то ли от рывка рухнувшего хвоста эшелона паровоз сошел с рельсов и теперь стоял, глубоко зарывшись передними колесами в раздробленные шпалы и балласт путевого покрытия. Около остатков моста и эшелона толпилось множество людей. За мостом стоял только что прибывший состав. Это был, видимо, ремонтно — восстановительный поезд. Немцы готовились к расчистке и ремонту моста и путей.

—Неплохо,— проговорил Саша, подтолкнув . Леонида локтем.— Мне нравится.

—Красиво,— согласился Леонид и, еще раз пересмотрев снимки, спросил: — Когда это снято?

—Сегодня в девять ноль—ноль,— ответил Званцев и, протягивая вторую пачку снимков, добавил: — А это в девять сорок пять, после визита наших бомбардировщиков.

Та же местность теперь выглядела несколько по-иному. Поезд, стоявший за мостом, горел. От потерпевшего крушение эшелона мало что осталось, паровоз уже лежал поперек пути, а от разбитых вагонов валяли густые клубы черного дыма.

—Наши ВВС обещают следить за ходом ремонтных работ на мосту,— добавил майор, когда и вторая серия снимков была рассмотрена.— Это теперь их забота. Мы свое дело сделали.

—А я и Сашок готовы снова идти в тыл к фрицам,— добавил Леонид.

—Так—таки и готовы? — усмехнулся Званцев.— Как вы думаете, друзья,— обратился он к обоим капитанам,— может, добавим еще нашим доблестным диверсантам часов триста, чтоб отоспались?

—Триста много,— запротестовал Сопун.

—Сорока восьми хватит,— уточнил Суров.

—Да что вы, товарищи,— взмолился Леонид.— Я сейчас суток двое к кровати не подойду.

—Ой ли? — рассмеялся Званцев.— Ну, тогда в порядке приказа в ближайшие трое суток будете спать... скажем... часов по десять, не меньше. Отсыпаться в запас.

—Значит, через трое суток на новое задание? — обрадованный скрытым намеком Званцева, воскликнул Саша.—Есть! Будем спать по десять часов каждый день.

—Ну, днем—то вам спать не придется,— рассмеялся Суров.— За это я ручаюсь.

—В общем, дело обстоит так,— разворачивая на столе листы карты, уже без тени усмешки заговорил Званцев,— через несколько дней вы в составе большой группы перейдете линию фронта. За линией фронта группа разделится.

Вы двое пойдете выполнять одно задание, а группа — другое. До разделения обе группы возглавляет капитан Сопун. После разделения старшим в группе будет Леонид Голубев. Ваша задача очень локальна, но требует хорошего знания местности, умения примениться к этой местности, а также большой личной инициативы, смелости и выносливости. Мы пришли к выводу, что все эти данные у вас есть. Сейчас Красная Армия бьет немцев под Москвой и бьет сильно. Этот разгром немцы почувствуют по всему фронту. У них начнутся разные передвижки, переброски, передислокации. Вы будете действовать в трудном районе, где у нас нет партизанских отрядов и даже отдельных групп, да и лесов там маловато.

—Но ведь для этого надо много взрывчатки,— не выдержал Леонид.— Противотанковых мин...

—К сожалению, мы можем дать вам только четыре противотанковые мины,— прервал его Званцев.— Отдаем все, что у нас есть. Остальное — толовые шашки в соответствующей расфасовке, в основном для подрыва танков. Зато взрыватели все нажимного действия, фабричного изготовления. А это, как говорится, и то хлеб. Для того — то, товарищ Голубев, мы и спариваем две группы — твою и капитана Сопуна. Группа капитана и его проводники из партизанского отряда подтащат для вас тол. За плечами и на лыжных волокушах. Перед самым разделением ты, товарищ Голубев, найдешь место, где запрятать взрывчатку. Затем ты, Гуртовой, и капитан Сопун перенесете в это место взрывчатку. Никто больше не должен знать, где скрыты ваши запасы тола. Затем вы отделитесь от группы и будете действовать самостоятельно.

—А капитан Сопун? — спросил Саша и сразу же густо покраснел, поняв неуместность своего вопроса.

Майор удивленно взглянул на смущенного юношу, помолчал и, словно не услышав вопроса, закончил:

—Как видите, обстановка для ваших действий самая неудачная, но лучшей мы вам, к сожалению, предложить не можем. Устраивает вас такая обстановка?

—Конечно, трудно будет, так ведь кому сейчас легко? —ответил Леонид.

—Ну, вот и хорошо,— кивнул Званцев.— Я другого ответа и не ждал. Детали: примерный маршрут, места укрытия, точки, желательные для диверсий, и прочее уточните с капитаном Суровым. А сейчас идите отдыхать. Хотя, чуть не забыл... тебя, товарищ Голубев, я еще задержу, а вы, разведчик Гуртовой, следуйте сейчас в свое расположение и ждите там Голубева.

—Есть следовать в расположение и там ожидать товарища Голубева,— упавшим голосом ответил, вставая со стула, Саша. Ему казалось, что своим неумным вопросом он полностью убил доверие майора к себе. Вон как майор официально приказал: «Вы, разведчик Гуртовой». Никогда раньше

майор не говорил ему «вы». Сашу даже не порадовало, что майор в обращении к нему употребил слово «разведчик». На сердце у него стало очень тяжело, и он не сразу заметил, каким ободряющим, пожалуй, даже ласковым тоном майор сказал ему, когда Саша уже подошел к двери.

—Главное, не задерживайтесь, идите прямо в

расположение. И пока Голубев не придет, никуда не отлучайтесь. А потом вместе с Голубевым отдыхать.

Саша шагал по занесенной снегом улице к домику, который они с Леонидом уже всерьез привыкли называть «хозяйством Слепова», в полном смятении чувств. Ему казалось, что сейчас его просто как мальчишку выгнали вон, чтобы без него закончить разговор о наиболее секретных деталях предстоящего выхода в тыл врага. Да и пошлют ли еще его? Сегодняшним своим дурацким вопросом он нарушил основную заповедь разведчика, попытался узнать про действие другой разведгруппы, то есть старался выведать военную тайну, которую не имел права знать. Саше казалось, что сегодня он перечеркнул, разрушил то доверие, которое в последние недели проявляли к нему майор Званцев и капитан Суров. В самом мрачном расположении духа поднялся он на крыльцо домика, вошел в сени, лениво отворил двери в комнаты и... замер на пороге в радостном изумлении. У стола в привычной позе, подперев подбородок ладонью руки, сидела Вера.

— Пришла!..— скорее выдохнул, чем проговорил Саша и влетел в комнату.

Вера не менее шумно и радостно приветствовала Сашу, но ни ей, ни самому Саше в этот момент было невдомек, что причиной его буйной радости было не только появление подруги, но и догадка, что майор Званцев не рассердился, не выгнал его, а, наоборот, вспомнив, что Вера ожидает, дипломатично отослал его, а задержал при себе Леонида.

Как всегда бывает в таких случаях, первые мгновения встречи были заполнены бессвязными, торопливыми вопросами и не менее бессвязными и такими же поспешными ответами.

Держа руки девушки в своих ладонях, Саша бережно усадил ее на свою койку, сам сел рядом, глядел в сиявшие от радости глаза Веры и в который уже раз спрашивал:

—Ну, как ты? Где? Чем занимаешься?

— Учусь,— ответила Вера и, не уточняя, где и чему учится, сама спросила:

—А как твой экзамен? Выдержал?

—Экзамен? — удивился Саша.— Ах, да, верно. Выдержал, выдержал.

—На пять?

—Не знаю,— широко улыбаясь, ответил Саша.— Но выдержал, точно знаю.

—Я спрашивала майора. Он сказал, что ты отличник, как это... да... боевой и политической подготовки. Боевой? Значит, ты пойдешь в тыл к немцам?

— Не думаю. Может, через год— два.

—Ну—у! — не поверила Вера.— Два года не провоюем. Немцев — то погнали от Москвы.

—А хитрый этот майор, ох и хитрый,— уклонился от стратегической темы Саша.— О тебе он и не заикнулся.

—А ты спрашивал? — кокетливо поинтересовалась Вера.

—А как же...— начал Саша и запнулся. Ведь он так и не спросил у майора про Веру. Стесняясь признаться в этом, он снова изменил тему.

— А ты где учишься?

—Понимаешь, Саша,— очень серьезно, словно оценивая каждое сказанное слово, заговорила Вера.— Я учусь. Но не в школе. Это даже не курсы. Но очень, очень нужны для победы. Понимаешь, это не стрельба, не взрывы какие—нибудь. Это совсем безопасно. Но очень нужно. Ты понимаешь?

Саша ничего не понимал, но сейчас был горячо благодарен майору Званцеву за то, что тот нашел для Веры такую работу, где она могла работать на победу и в то же время не рисковала жизнью.

— Ты понимаешь? — между тем продолжала Вера.—Я, наверное, скоро уеду. Ненадолго. Недели на три—четыре. Это вроде практики. Так что ты ни о чем не беспокойся.

А Саша прикидывал в уме, на сколько времени рассчитан предстоящий им выход в тыл врага, уложатся ли они в три—четыре недели, И вдруг, в первый раз в его мозгу возникла мысль, что он может не вернуться из этого рейда ни через три—четыре недели, ни вообще никогда. Ему вдруг стало страшно. Страшно не от того, что могло произойти с ним за линией фронта, а от мысли, что, быть может, он видит Веру в последний раз. Мысль об этом показалась ему настолько ужасной, что он поднял руки девушки, которые все еще держал в своих, и прижался к ним горячим лбом.

—Ты что? — почему—то шепотом спросила Вера.— Ты нездоров?

—Какая гадость эта война,— не отпуская рук Веры, сдавленным голосом проговорил Саша.— Даже встречаться нельзя. Опять целый месяц...

—Ну, что ты,— ласково ответила Вера, но в голосе девушки неожиданно почувствовалась дрожь...— Ну, что ты? Ведь это... обычная практика... а потом мы опять увидимся.

Саша поднял голову и увидел близко—близко от себя широко открытые глаза девушки с висящими на ресницах капельками слез. Острая, как боль, жалость к Вере обожгла сердце юноши. Сам не понимая, как он на это решается, Саша осторожно обнял Веру и робко поцеловал сначала наполненные слезами глаза, а затем по—детски обиженно дрожавшие губы.

Вера не удивилась, не испугалась. После поцелуя, первого в ее

жизни поцелуя, она вдруг уткнулась лицом в грудь Сашки и заплакала горько, беззвучно. Саша молча гладил вздрагивающие плечи девушки, поцеловал ее волнистые, какие-то особенно душистые волосы и вдруг почувствовал, что и его собственное лицо мокро от слез. Не понимая, почему плачет Вера, он сам-то прекрасно понимал причину своих слез. Через несколько дней они с Леонидом уйдут за линию фронта, а Вера останется здесь одна. И если ему не суждено вернуться, то никогда больше не повторится такое свидание, такой оглушающе прекрасный поцелуй. Пройдет время, кончится война, и Вера встретит кого-нибудь другого...

Саша осторожно, чтобы не спугнуть Веру, вытер рукавом глаза. Не нужно, чтобы Вера видела его слезы.

—Ты о чем плакала? — шепотом спросил он.

—Так,— шепотом же ответила Вера.

—Ты ничего не думай такого.

—Да разве я могу о тебе плохое подумать.

Саша осторожно поднял голову Веры и снова поцеловал ее в губы.

—Не надо,— попросила девушка.

—Ты обиделась?

—Нет, что ты,— Вера, взглянув в глаза юноши, покраснела, однако не отодвинулась и не освободилась от обнимавших ее рук Саши.

—А ты что говорила майору?

—Я — майору! Я с ним об этом не разговаривала,— запротестовала Вера.

—Разговаривала,— напомнил Саша,— Помнишь, ты ему сказала, что с июня каждый месяц за год считать надо. Сейчас декабрь — шесть месяцев воюем. Значит, тебе уже двадцать второй, а мне двадцать третий.

—Подсчитал,— улыбнулась Вера и сразу же, словно смахнув с лица улыбку, снова спрятала лицо на груди Саши.— Ты ничего не думай. Ты самый хороший — я знаю. У нас все будет хорошо. Вот увидишь.

—Ты помни, Верочка, я всегда о тебе думаю. Когда в мороз, во вьюгу вспомню тебя, сразу теплее станет. Ты самая лучшая в мире.

На крыльце домика послышался топот. Кто-то сбивал снег с обуви. Вера резко отодвинулась от Саши и встала. Оба они отошли к столу. Но прибывшие не торопились входить.

— Когда же мы теперь увидимся? — спросил Саша.— Ведь ты уезжаешь.

—Недели через три,— ответила Вера и вдруг, вплотную подойдя к Саше, сама обняла и поцеловала его.— Я все время

буду помнить о тебе. Я постараюсь как можно быстрее вернуться. Главное — ты обо мне не беспокойся.

Они еще несколько минут говорили друг другу успокаивающие слова, чтобы приглушить напряжение. Им хотелось быть вместе, сидеть рядом, не выпуская рук друг друга, чувствовать плечом плечо любимого человека. Но это уже было невозможно. Сейчас в комнату должны войти посторонние.

Наконец они ввалились целой толпой: капитан Суров, Леонид, старшина Слепов и какой-то незнакомый Саше боец. Слепов притащил ужин и сразу же водрузил на стол котелки, термос и фляжку. Суров же едва вошел, снял шапку, оглядел пристальным взглядом Веру и сказал:

—Время, Вера Даниловна.

Саша вначале даже не сообразил, к кому это капитан Суров обращается столь официально.

—Я сейчас, товарищ капитан,— ответила Вера, и только тогда Саша понял, что она — то именно и есть Вера Даниловна.

Вера сняла с вешалки матерчатый белый платок, повязала им голову, надела полушубок, а сверху закрыла голову темной теплой шалью.

—Я готова, товарищ капитан.

—Товарищ Гуртовой, проводите девушку на крыльцо,— распорядился Суров.— Мы сейчас выйдем.

Саша не сразу понял слова капитана. Он был поражен видом Веры. Девушка повязала платок и шаль не так, как повязывали их обычно девчата. Край платка низко и ровно лег на лоб. Саша не раз видел, как повязываются в деревнях пожилые женщины, но тут было даже не то. То, как повязала платок Вера, он определил словом «по-монашески». «Так, значит, это Веру я видел тогда в деревеньке под холмом,— мелькнуло в голове юноши.— Что же она там делала?»

—Проводи, что же ты? — повторил Суров.

Ошеломленный сделанным открытием, Саша растерянно вышел вместе с Верой.

—Не скучай,— уже на крыльце сказала Вера.— Через три — четыре недели мы увидимся.

Саша хотел было спросить Веру, ее ли он видел на улице деревушки, но почему-то не решился. Вместо слов он только целовал то руки, то губы Веры в совершенном отчаянии, что сейчас она уйдет, и он, может быть, никогда ее больше не увидит. Те несколько минут, которые оказались в их распоряжении, протекли, как одна секунда, в несвязных уверениях всегда помнить друг о друге и обещаниях встретиться в самое ближайшее время. Но вот скрипнула дверь, на крыльцо вышли капитан Суров и боец. Вера с

Сашей в последний раз пожали руки друг другу. Через несколько минут, когда Саша был уже в комнате, мимо домика промчалась «эмка».

Только теперь Саша вспомнил, кто был незнакомый боец. Ведь он уже несколько раз видел его. Это был шофер опергруппы. Сейчас Саша был убежден, что на этой машине Веру увозили в ту самую деревушку, на которую они с Леонидом случайно вышли, когда тренировались в хождении по азимуту.

Догадка Саши оказалась правильной. В «эмке» действительно ехали Вера и капитан Суров. Девушка, взволнованная недавним свиданием, прижалась в самом углу заднего сиденья. Капитан Суров сидел рядом с шофером. Все то время, пока машина, ныряя между сугробами, добиралась до деревушки, никто не сказал ни слова. Но вот шофер повернул к небольшому домику, проскочил в давно уже не закрывавшиеся ворота и остановился около крылечка. Домик казался нежилым, в окнах не было света.

Капитан Суров выскочил из машины, взял лежавший рядом с ним объемистый сверток, помог выйти Вере и вместе с ней вошел в двери сеней. Шофер остался около машины. Сразу же из темноты вынырнул боец, в тулупе поверх телогрейки, и негромко окликнул:

—Петро, ты?!

—Я,— донеслось из машины.— Залезай сюда, Иван Семенович.

—Махорки привез?

—Раздобыл чуток. Держи, это, как положено, вам на всех две пачки, а это полпачки от меня, как некурящего. Персонально тебе.

—Вот спасибо, браток,— обрадованно прогудел человек в тулупе, втискиваясь на заднее место машины.— Сейчас отведу душу.

Через минуту в машине заскрежетала карманная «катушка», высекая огонь, и вспыхнул, разгораясь багровым угольком, кончик раскуренной сигарки.

—Ну, что нового на свете дается?— спросил Иван Семенович после первой глубокой затяжки.— Гоним немцев?

—Гоним всюю,— ответил Петро.— Вот возьми газетки, почитай. Наша фронтовая, одна «Звездочка» и две «Комсомолки».

—Спасибо.

—Как нога — то?

—Заросла. Почти не хромаю. Ты скажи там старшине.

—Старшина и сам знает. А—тебе что здесь, пыльно? Везде служба, а тебе и твоим усачам тут по возрасту самое место.

— Так—то оно так, да скушно. Кроме нас четверых, и на роду не видим. Скоро этих—то заберете?

— Кто их знает. Заберут этих, другие появятся. Свято место не бывает пусто.

—Оно так. Хорошо если бы опять баб поставили. От них ни шуму, ни беспокойства, ни питейных неприятностей.

—Женщин, похоже, не предвидится. Кажись, партизан вам подбросят.

—Ну дай бог им удачи.— Иван Семенович вылез из машины и затоптал цигарку.— Я, пожалуй, пойду, Петро. Ребята—то там злы, как черти. С утра не курили. А без табаку хуже смерти.

—Давай, Иван Семенович, спасай своих усачей. Пусть курят, пока не посинеют. Я все равно здесь капитана ждать буду.

А капитан Суров, войдя вместе с Верой в первую комнатку небольшого домика, снял полушубок и приветливо поздоровался с невысокой, худощавой, сильно поседевшей женщиной.

В здешних местах, пожалуй, только Званцев и Суров знали, что старая артистка Агния Михайловна Сбоева не эвакуировалась вместе с эшелонами, уходившими из областного города, а осталась около самой линии фронта. Сбоева была потомственная артистка. Ее отец и мать, дед с бабкой и даже, кажется, прадед с прабабкой были артистами. Правда, никто из Сбоевых не пробился на сцены столичных императорских театров, но театры провинциальной России хорошо знали эту талантливую семью.

Агния Михайловна Сбоева вступила на сцену в тот год, когда совершилась Великая Октябрьская революция. Это определило ее дальнейший путь. Она была представительницей первого комсомольского поколения на сцене русского театра. В годы гражданской войны Сбоева много играла в красноармейских театрах, была постоянной участницей артистических бригад, выезжавших в полки и дивизии, сражавшиеся на фронте.

После гражданской войны фамилию артистки Сбоевой можно было видеть на афишах лучших периферийных театров страны. Но перед самым началом войны с фашистской Германией

Агния Михайловна была вынуждена оставить сцену. Катастрофически начало слабеть зрение.

Перед самым вторжением фашистов Агния Михайловна, уже будучи пенсионеркой, приехала в тихий областной городок на Оке, чтоб «дожить на покое сколько там у меня осталось», как любила она объяснять свой приезд. «Спокойного дожития» не получилось. Через полгода Агния Михайловна выбралась из города часа за два до захвата его фашистами. Вернее, ей помог уехать капитан Суров, которому за несколько дней до этого позвонил из Москвы знакомый народный артист, когда-то вместе с Агнией Михайловной начинавший артистическую деятельность. Он очень просил позаботиться о Сбоевой, и Суров, всегда отзывчивый, не смог ему отказать.

Знакомство с Суровым оказало решающее влияние на дальнейшие намерения Агнии Михайловны. Она категорически отказалась эвакуироваться в глубь страны и предложила свои услуги для работы в тылу противника. Ведь она не только артистка, но к тому же неплохо владеет немецким языком. Первый выход Сбоевой в тыл врага прошел для нее в общем благополучно. Но и сама Агния Михайловна и командование видели, что благополучный исход был результатом счастливого совпадения обстоятельств.

Задание, с которым Агния Михайловна первый раз переходила линию фронта, так и осталось невыполненным. Пробраться к группе Пылаева в тот раз ей так и не удалось.

Корней Сидорович Пылаев был оставлен в тылу врага в самом начале оккупации области. Но с того момента от него не доходило ни одной весточки. Неизвестно было даже, жив ли он. Остался Пылаев в степной местности области, вдали от лесов и партизанских отрядов, не очень далеко от областного города, в зоне, где гитлеровцы установили особо жесткий режим. Дойти до него было совсем не просто. Месяца полтора тому назад к нему вышла целая группа людей. Она несла несколько десятков килограммов взрывчатки, пистолеты, запас патронов к ним, листовки и газеты, но дойти до Пылаева тоже не сумела. Обнаруженная фашистами группа вынуждена была отойти. Правда, при отходе она успела спрятать груз взрывчатки и патронов с оружием, но передать Пылаеву, где находится тайник, было невозможно. Связные из партизанского отряда «За власть Советов» после нескольких попыток пробраться к Пылаеву также должны были признать, что обычные методы маскировки тут не помогают. В то же время из донесений других разведчиков стало ясно, что немцы в этом районе с самой глубокой осени вели интенсивное строительство. Пылаев, конечно, знал, что там строят немцы, но молчал. Видимо, и его связные не могли

перейти через линию фронта.

В свое время организация группы Пылаева была поручена Сурову. Года за четыре до этого Суров вел расследование по делу бывшего машиниста бронепоезда, а ныне колхозного бригадира, кандидата партии Корнея Сидоровича Пылаева, обвинявшегося в убийстве. Суров недоумевал, почему дело с минимальным составом преступления ведет он, а не обычный следователь прокуратуры.

Ход событий был таков. В то утро Пылаев пришел с поля в правление колхоза. Проходя мимо дома своего старшего брата, он услышал девичий крик. Корней Пылаев знал, что вся семья брата в поле, что дома осталась только младшая дочь брата — его племянница шестнадцатилетняя Ксюша. Корней вбежал в дом и увидел, что какой-то незнакомый человек пытается изнасиловать Ксюшу.

Корней был не обижен силой, но совершенно неожиданно получил, от своего разъяренного неудачей противника такой удар, что, как сам определил, «все кругом стало словно бы оранжевым». Тогда, придя в свою очередь в ярость, он двинул противника изо всех сил кулаком «под вздох». Тот, открыв собственной спиной вначале избушку дверь, затем дверь сеней, слетел с крыльца и плашмя ударился о землю. На этом, вероятно, дело и закончилось бы, если бы не камень. Падая, незнакомец ударился о него затылком, и позднее врач констатировал «раздробление затылочной части черепа с проникновением осколков кости в ткань мозга». Установив все факты, Суров написал свое заключение, из которого было ясно, что никакого предумышленного убийства нет, а есть превышение предела обороны, по чистой случайности имевшее трагический конец. Но неожиданно ему было приказано передать дело другому, более сообразительному и покладистому сотруднику. Таким оказался Геннадий Филиппович Сопун. Позднее дознались, что погибший прикатил из Москвы в отпуск отдохнуть на тенистых берегах Оки. Он был внештатным корреспондентом какой-то центральной газеты. Родственникам да, видимо, и редакции газеты хотелось, чтобы происшествию была придана не уголовная подкладка. В общем, дело было перерасследовано Сопуном, и Корней Пылаев угодил за решетку на десять лет со строгой изоляцией.

Правда, позднее дело было снова пересмотрено, так как родственники Корнея да и многие односельчане, не без влияния Сурова, обратились в ЦК партии с жалобой на неправильный приговор. Однако Корнею Сидоровичу пришлось отсидеть около трех лет, ведь пресловутый предел обороны был все же нарушен, и человек, хотя и подлый, погиб.

Когда Суров заговорил с Пылаевым о необходимости остаться в тылу врага для работы, тот вначале с готовностью согласился, но, подумав, помрачнел и спросил:

— Это вы меня выбрали потому, что я сидел? В не совсем

советских, значит, числюсь.

—Да, ты прав,— после небольшого колебания подтвердил Суров.—То, что ты сидел, в данном случае положительный фактор. Враги определенно подумают, что ты обозлен на Советскую власть. Да и сидел—то ты по пятьдесят девятой — для немцев это лучшая рекомендация. Но это внешняя сторона дела. А фактически мы тебе полностью доверяем. Понимаешь, полностью. И уверены, что ты на Советскую власть не в обиде, хотя и был несправедливо наказан.

—Что ж,— после долгого молчания заговорил Корней,— Если так для дела лучше, то я согласен. Только одно условие хочу поставить.

—Какое? — спросил Суров, удивленный тем, что Корней Пылаев, которого он знал как бескорыстного и душевного человека, хочет просить для себя каких — то выгод.

—Пусть меня в кандидатах партии восстановят,— потребовал Корней.

—Да, брат,— растерялся Суров.— Поставил условие, ничего себе. Что я тебе, секретарь ЦК, что ли?

—А ты попроси у себя партийное начальство, Петр Александрович,— вдруг почти шепотом проговорил Пылаев.— Скажи там, что Корней Пылаев согласен выполнить любое задание, даже на смерть идти согласен, но просит восстановить его в кандидатах. Худо мне исключенным себя чувствовать,

особенно когда на такое дело иду. Пусть никто об этом, кроме тебя, меня, да еще тех, кто в партийном руководстве, не знает. Пусть для всех я буду вышибленным из партии, только бы я сам про себя знал, что это не так.

К удивлению и немалой радости Сурова, просьба Пылаева не встретила отрицательного отношения партийного руководства области. Правда, к первому секретарю обкома партия пошел сам начальник управления, взяв с собою и Сурова. Первый, выслушав просьбу чекистов, попросил Сурова подробно рассказать все о деле Пылаева. Он интересовался всеми деталями, вплоть до того, как держался Пылаев на допросе, каким тоном отвечал и как дословно звучали его ответы. Сурову пришлось попотеть, вспоминая это уже давнее дело.

—По — моему, мы имеем право исполнить просьбу товарища Пылаева,— сказал секретарь в заключение разговора.—Человек попал в жестокую передрагу, но не сломился, не обозлился на все и всех, а сейчас добровольно идет на смертельно опасное дело... Кстати, а почему он не в армии?

—У него одна нога короче,— объяснил Суров.— Помяло трактором. Несколько раз ходил в военкомат, говорил, что, хоть он и машинист бронепоезда, но может пойти просто птофором, машину водить умеет. В военкомате уперлись, и ни в какую. Вот на военкоматских он действительно зол. Кроет их бюрократами, с которыми еще Ленин призывал бороться.

— Что ж,— улыбнулся секретарь обкома,— пусть злится. Я вот тоже зол на военный отдел ЦК. Не пускают на фронт. Ну, ладно. Убедили. Завтра бюро, обговорим этот вопрос в узком кругу.

Через несколько дней Корнея Сидоровича вызвали в обком и вручили кандидатскую карточку. Затем Пылаев уплатил взносы, а карточку сдал на хранение в управление. О том, что он восстановлен в кандидатах партии, знали только шесть человек.

Сняв полушубок, капитан Суров развернул принесенный сверток. Из свертка была извлечена довольно объемистая сума, настоящая нищенская сума с широкой холщовой лямкой. Не новая, сразу видно, не только что сшита, но и не старая, материал еще не обтерся, была она крепка и надежна. В суме имелось два отделения: одно большое для милостыни, оно было пусто, во втором, значительно меньшем, что-то лежало. Повозившись с пуговицами, на которое было застегнуто это отделение сумы, капитан вытащил из нее огромную и очень толстую книгу. Капитан с явным удовольствием повертел ее в руках, полюбовался кожаным основательно потертым корешком со следами золотого тиснения и протянул женщине.

— Вот, получите, Агния Михайловна, самый главный предмет вашей экипировки.

Сбоева взяла книгу, положила на стол, поближе к лампе и раскрыла ее. Необычно толстые листы желтовато-серой бумаги густо испещрены группами непонятных, словно бы наколотых знаков. Это была книга для слепых, отпечатанная по системе Брайля. Агния Михайловна положила свою тонкую уже старчески суховатую руку на книгу, прикрыла глаза и медленно повела пальцами по выпуклым знакам. Суров — с любопытством наблюдал за нею. Вера сидела рядом со Сбоевой и заглянула через ее плечо. Несколько минут Агния Михайловна «читала» кончиком пальцев значки на листе, а затем, подняв глаза на капитана, спросила:

— Похоже?

— Как в жизни,— одобрил капитан.— Сам два раза смотрел, как слепые читают. Очень у вас хорошо получается.

— Где вы ее достали?

—Из Горького прислали, из школы слепых. Ну, а переплет и все знаки на нем сделал настоящий мастер. Реставратором в музее работает.

—Что же это за книга?

—Честное слово, не знаю. В препроводительной не сказано, а среди наших чекистов специалистов по этому делу нет.

—Прелесть,— еще раз осмотрев книгу, сказала Сбоева.— Такой внушительный вид, что и не хочешь, да поверишь.

—Изо всех сил старались,— рассмеялся Суров.— Наш генерал в Москве сам с реставратором советовался, не оттиснуть ли на крышке кабалистические знаки или хватит одного креста.

—А карты, капитан, не забыли? Без карт я буду, как без рук.

—Что вы! Как можно! Вот они. Почти новые и вполне крепкие. Атласные. Обозначение масти и прочего наколото и протерто воском. Пики у торца карты, крести сбоку, черви в центре, а бубни в четверти. В общем, как вы сказали.

—Спасибо, капитан. Наколка мне нужна для антуража. Я еще сумею различить масть и значение карты.

—А плохое освещение?

—Ну, уж если совсем темно будет, придется на ощупь разбираться.

—Значит, теперь все в порядке? — спросила Вера.— Можем идти?

—Да, сейчас задерживаться нельзя,— поддержала Сбоева.— Одежда готова, обношена, мы к ней привыкли. Действия отработаны. Так что, товарищ капитан, доложите по начальству, что мы к выходу готовы.

—Начальство в курсе,— успокоил капитан.— Окончательно решено: задача рейса—встреча с Пылаевым. Никаких листовок или других материалов вы не понесете. Разведданные собирать только по пути движения, не проявляя никакого любопытства. Никаких записей. В общем, задача одна — установить связь с Пылаевым, сообщить ему про тайник, где хранятся взрывчатка, оружие и боеприпасы.

—Ясно, товарищ капитан,— приложив ладонь к виску, официально, но с улыбкой ответила Агния Михайловна.—По какому маршруту пойдём? Какой из трех выбрали?

—Второй,— ответил Суров.— Через три дня вечером вас на самолете перебросят в отряд «За власть Советов». Там вас снабдят документами, причем не поддельными, а

подлинными, выписанными на имя Котовой Марии Ивановны и ее спутницы Валентины Паршиной начальником полиции города. Постарались ребята. Из отряда вас па лошадях привезут в небольшую деревушку Вдовино. Она ближе к городу, чем Раменье, и староста там наш человек. У него и переночуете. Если надо будет, он подтвердит, что вы к нему пришли из города. Вот из Вдовино рано утром вы и начнете свой маршрут. Первая ночевка в деревне Раменье. Там к этому времени разведчица из отряда имени Кирова проведет соответствующую работу. Во всяком случае, раменские женщины будут знать, что по миру ходит нищая, слепая женщина с поводырем и что она хорошо ворожит, правду предсказывает. Часть точных данных о красноармейцах из Раменья для ворожбы вот здесь.— Капитан вынул из кармана гимнастерки объемистый пакет.— Выучите их назубок. Письма от некоторых из них, лежащих сейчас в госпиталях и даже воюющих, вместе с вами пойдут в партизанский отряд, но адресатам будут доставлены вскоре после вашего прихода в Раменье. Кстати, учтите, что сын раменского старосты Дерунов Виктор Иванович за бои под Москвой награжден орденом Красной Звезды. Быть может, вам это пригодится. Письмо от сына раменский староста тоже получит. Веселое для него будет это письмо. Сын у старосты человек прямой, бескомпромиссный. А вот здесь,— капитан вытащил еще два менее объемистых пакета,— такие же сведения по деревням Вечернее и Сватово. Учтите, что галочка против фамилии красноармейца означает, что скоро его родственники получат о нем весточку. В Раменье проведете дня два. Отдохните, осмотритесь. От Раменья до Вечернего восемнадцать километров. Деревень между ними нет. Были, но немцы сожгли. За Раменьем начинается зона особого режима. Это очень серьезное препятствие.

— Пройдем, Петр Александрович,— заверила Сбоева.— На этот раз уверена — пройдем.

— В Вечернем долгой остановки не делайте. Лучше всего переночуйте и, если будет возможно, отправляйтесь дальше.

— Постарайтесь,— пообещала Сбоева.— Хотя восемнадцать километров пешком, по морозу...

— Я и говорю, если будет возможно,— повторил Суров.— От Вечернего до Сватово одиннадцать километров.

— Тоже порядочный кусочек.

— В общем, надо попытаться уложиться в возможно короткий срок. Чем меньше вы будете маячить на участке Вечернее — Сватово, тем лучше.

—Приложим все силы, Петр Александрович.

—Сватово — конечная точка маршрута. В Сватове — Пылаев. Прямых вопросов о нем в Сватове никому не задавайте. Выясняйте косвенным путем. Дом Пылаева почти на краю деревни, но не со стороны Вечернего, а от города. Приметы: дом сильно вынесен вперед. Ворота во двор около задней стены дома. Против дома, под окнами, колодец. Вместо сруба — бетонная труба. Ведра поднимаются не журавлем, а с помощью ворота. Справа от Пылаева дом обшит тесом, под окном палисадник, в палисаднике два вишневых дерева. Вот эти приметы,— подал Сбоевой лист бумаги капитан.— На обороте пароль и отзыв для встречи. Выучите назубок, сами понимаете, как важна каждая деталь.

Агния Михайловна вначале пробежала записку глазами, а затем прочла вполголоса, имитируя диалог двух женщин:

—Не продадите ли картошки? Говорят, она у вас крупная и рассыпчатая.

—А сколько вы возьмете? Мешок или два?

—А у меня не мешок, у меня рюкзак.

—В иной рюкзак больше мешка войдет.

Сбоева помолчала, подумала над прочитанным и укоризненно взглянула на капитана.

—Неудачно получается с рюкзаком, Петр Александрович.

—Пароль был рассчитан так, что на связь с Пылаевым пойдут недели через две. Тогда и картофель и рюкзак были уместны. Но не вышло. В общем, конечно, не очень продумано. Винюсь.

Помолчали.

—При следующей встрече вы вернете мне все эти бумаги. Копии снимать категорически запрещается. Все должно быть зафиксировано только в памяти.

—Понятно, товарищ капитан. Ну, что же,— обняла Агния Михайловна сидевшую рядом с ней Веру. — Начнем учить роли. И ты и я должны все знать назубок. Суфлера не будет.

—Работайте,— сказал капитан, поднимаясь.— Накануне вылета мы с майором сюда еще раз заглянем.

Вера вышла на крыльцо проводить Сурова и, прощаясь, смущенно попросила:

— Петр Александрович! Если придет здесь письмо от папы, вы его, пожалуйста, приберегите. Только Саше дайте прочитать. Ладно?

—Будет сделано, Вера Даниловна,— обещал капитан и, козырнув, направился к машине.

ТРУДНЫЙ РЕЙД

Наконец, подобрана или, как говорил капитан Сопун, «околочена» группа. Участники предстоящего рейда довольны. Даже капитан Сопун как будто оттаял, подобрел. Он явно радовался тому, что уходил в тыл врага на самостоятельную работу. Главное — самостоятельную. Хотя группа и будет находиться при партизанском отряде имени Кирова, но в подчинение командованию отряда не войдет. Ее дело — разведка по заданию из центра. Для связи группе придана рация, вещь в те дни настолько редкая, что не только группы, а даже крупные партизанские отряды могли о ней только мечтать.

Кроме Саши и Леонида, в группу вошло пятнадцать человек, считая и Сопуна. На трех волокушах было размещено более ста килограммов тола и четыре противотанковые мины. Кроме того, в вещмешках рейдовиков лежало по четыре килограмма тола. На двух волокушах везли продукты. Группа была тяжело нагружена, но переход линии фронта намечался в лесной местности, на стыке двух фашистских дивизий, где партизаны нащупали узкий, но ничем не прикрытый проход. Осенью ходить по нему было опасно из-за мин, сейчас мины были надежно похоронены под толстым слоем снега. Провести группу через коридор между фашистскими дивизиями должны были войсковые разведчики, а сразу же за линией фронта их ожидали партизаны — проводники.

Беседуя накануне выхода в рейд с Леонидом и Сашей, майор Званцев указал на карте места, где наиболее были бы желательны диверсии, передал пароли для нескольких явок, подумал и со вздохом добавил:

—Трудная перед вами, хлопцы, задача. Интересная, но дьявольски трудная. Погано то, что никуда без следа не подойдешь. Хорошо хоть синоптики на весь январь и февраль обещают вьюги и снегопады. Солоно вам придется, зато немцев со следа сбивать будет.

—Ничего, товарищ майор, мы морозоустойчивые, — пошутил Леонид. — Хорошо, что взрывчатку подбросят близко к месту работы.

—Да, — согласился майор. — Группа Сопуна километров сто крюку сделает, чтоб вам помочь. Сумейте взрывчатку надежно укрыть. Хорошо бы не в одном месте.

—Постараемся, — — заверил Леонид.

—Автоматы пристреляли?

—Порядок, товарищ майор. Сашок и из автомата дает, как бог. Не хуже, чем из своей пукалки.

— А все же ему, наверное, жаль расставаться с

малокалиберкой.

Покрасневший от похвалы товарища, Саша кивнул головою.

— Из—за твоей любви к неслышному, но меткому бою я просил своих друзей раздобыть тебе одну вещичку. Она и до войны была редкостью, а сейчас вообще на вес золота. Однако ребята постарались. На, бери. Это тебе подарок от чекистов как меткому стрелку.

Говоря это, майор вытащил из ящика стола кобуру с пистолетом и протянул ее Саше.

—Пистолет,— обрадовался Саша.— Мне?

—Тебе, конечно,— улыбнулся майор.— Но ты посмотри, что это за пистолет. Вынимай обойму, в канал патрон не дослан.

Саша нажал кнопку, обойма мягко скользнула ему в ладонь, и глаза юноши округлились от удивления. В необычно узкой обойме лежали туго поджатые пружиной малокалиберные патроны. Не веря своим глазам, Саша взглянул в канал ствола. Нет, все правильно. Канал соответствовал калибру патронов.

—Как это? — удивился он.—Неужели специально сделали?

—Не специально для тебя,— рассмеялся Званцев,— но вообще—то перед войной было переделано немного боевых пистолетов под малокалиберные патроны.

—Для чего? — удивился Леонид.— Ведь боевое оружие портили.

—Подозреваю, что для подготовки стрелков,— ответил майор.— А это приложение, так сказать, боезапас,— закончил Званцев и достал из стола с десятков коробок с патронами.— Завтра еще будет время, пристреляй, хотя я уже попробовал. Бьет отлично.

Саша сиял. Он сразу же повесил кобуру с пистолетом на ремень и сложил в карманы коробки с патронами, словно боялся, что майор передумает и отберет подарок.

На другой день с утра он отправился знакомиться с боевыми качествами нового оружия. Майор Званцев оказался прав — пистолет бил отлично. Саше так понравился подарок майора, что прежняя, уже испытанная винтовка казалась ему неуклюжей и слишком громоздкой. Поколебавшись, он решил подарить ее старшине Слепову.

Старшина подарок принял благосклонно, повертел винтовку в руках, сказал:

—Благодарствую за память. У меня она в полной сохранности и ласке будет. Может, и тебе еще когда пригодится. Сам—то я не охотник, не стрелок. Я — по

хозяйству.

В тот же день произошло еще одно событие, совершенно неожиданное не только для Саши, но и для Леонида. За несколько часов до выхода группы в рейд ее неожиданно собрали в кабинетике майора Званцева. Приехал первый секретарь обкома партии, и послушать его пришли не только уходившие в рейд, но и все работники опергруппы.

Первый секретарь обкома партии товарищ Матвей был, даже с точки зрения Саши, совсем не старым человеком. Чуть выше среднего роста, широкоплечий и плотный, он выглядел непростительно молодо для первого секретаря обкома. Ямочка на резко очерченном энергичном подбородке, карие глаза, смотревшие на мир с веселым добродушием из — под широких бровей взлет, легкая и быстрая походка производили впечатление чего — то комсомольского, стремительного, бескомпромиссного. Товарищ Матвей и впрямь до сих пор оставался комсомольцем, комсомольцем двадцатых годов, — большевиком особой закалки.

Сашу удивило, что первый секретарь обкома приехал лично поговорить с небольшой группой людей, уходящих на задание. Саша уже достаточно освоился с обстановкой и понимал, что таких опергрупп, какую возглавлял майор Званцев, областное управление раскинуло вдоль линии фронта много и каждая опергруппа часто посылала своих людей в тыл врага. Это Саша знал, но он был бы очень удивлен, узнав, что только в редких случаях первый секретарь обкома не беседует с людьми, уходящими через фронт на опасные задания. Товарищ Матвей хорошо знал всю работу, проводимую чекистами в прифронтовой полосе и за линией фронта, был в курсе всех событий, успехов и поражений.

Сейчас он вошел в переполненную народом комнату, поздоровался общим поклоном, пробрался, перекидываясь шутливыми репликами со Званцевым и Суровым, к столу, но не сел за него, а пристроился сбоку на стуле и сразу же заговорил. Говорил он негромко, слегка глуховатым голосом, но звучала в этом голосе такая сила убежденности, что слушатели невольно напрягали все свое внимание, чтобы не упустить ни слова из речи первого секретаря.

Собственно говоря, это была не речь, не выступление оратора, а разговор, серьезный и откровенный разговор по душам. Саше все время казалось, что товарищ Матвей отвечает на вопросы собравшихся в комнате людей, в том числе и на вопросы его самого. Лишь позднее он понял, что с того момента, как заговорил первый секретарь, никто в комнате не проронил ни слова, не задал ни одного вопроса. Просто товарищ Матвей говорил о том, что больше всего интересовало собравшихся его

послушать. Говорил прямо, откровенно, без уверток, прикрашивания или недомолвок.

Товарищ Матвей рассказывал о разгроме немцев под Москвой, о гибели десятков тысяч фашистских солдат и о наших потерях. Он говорил об огромном значении этой победы и, сразу же развернув картину положений на всех фронтах, подвел своих слушателей к выводу, что эта победа—всего лишь первая ласточка. Каждому стало понятно, что предстоит еще много тяжелых боев, что надо будет одержать не одну, а много таких побед, чтоб подрубить фашизм под корень. Заговорив о работе по диверсии и разведке, товарищ Матвей словно сузил фокус обзора, сосредоточил его только на узком участке фронта, где действовала опергруппа майора Вванцева. Саше показалось, что первый секретарь обкома искусно осветил узким, но ярким лучом все, что делалось за линией фронта в тех деревнях, селах и поселках, около которых через несколько дней придется действовать ему и Леониду.

Все, что говорил майор Званцев Леониду и Саше при первом разговоре с ними, сейчас особенно убедительно прозвучало в словах товарища Матвея. Все общие положения оп проиллюстрировал конкретными фактами. Недаром товарищ Матвей был не только первым секретарем обкома партии, но членом Военного совета фронта, проходившего по их области.

Он рассказал, как небольшая группа диверсантов подняла на воздух гостиницу в их областном городе, сейчас захваченном немцами. Эта гостиница обслуживала только немцев и в момент взрыва ее номера и ресторан были переполнены офицерами—элитой фашистского военного командования. Несколько немецких дивизий и корпусов остались без командиров и начальников штабов в самый разгар фашистского наступления на Москву. А сделала все это пятерка отважных диверсантов, к тому же сумевших после взрыва ускользнуть от гестапо.

— Меня знакомили с задачами, которые поставлены перед группами капитана Сопуна и Леонида Голубева,— сказал товарищ Матвей, заканчивая разговор.— Группа капитана Сопуна будет действовать на базе партизанского отряда, и здесь все более или менее ясно. А вот товарищам Голубеву и Гуртовому я хочу сказать: помните, друзья, ваша сила в неуловимости, скрытности, быстроте и неожиданности ударов. У вас уже есть некоторый опыт. Мне показывали снимки взорванного вами моста. Отлично сработано. Сейчас Родина ждет от вас большего, во много раз большего, а действовать вы будете одни. Помощи получить неоткуда. И все же помните: рядом с вами тайными тропами, бесшумно, невидимо пойдут десятки таких, как вы, патриотов. Вы не одиночки. Вы солдаты могучего тайного фронта. Простите некоторую

высокопарность этих слов, но это так: солдаты могучего тайного фронта. Кто из вас Голубев и Гуртовой?

Леонид и Саша поднялись со своих мест. Секретарь обкома с некоторым удивлением взглянул на Сашу.

—Да—а! — протянул он.— Мне говорили, что вы молоды, но вы же просто мальчик.

—Я достаточно вырос, чтобы быть солдатом,— торопливо, словно боясь, что секретарь обкома прикажет отчислить его, ответил Саша.

—Ну, ну,— улыбнулся секретарь обкома.— Действительно, судя по результатам вашего последнего рейда... Десятилетку окончили?

—Так точно. С золотой медалью.

—Куда хотели идти учиться?

—Если бы не война, пошел бы в геологический или в институт звероводства.

—Звероводства,— удивился секретарь обкома.— А есть такой?

—Должен быть.

—Что ж,— подумав, согласился товарищ Матвей.— Ты прав. Без такого института нам нельзя. Даже неловко как—то. Леса кругом, в лесу зверей полно, а института звероводства нет.

— Но я специальность хотел получить только для прикрытия,— неожиданно для самого себя разоткровенничался Саша, даже не разобрав, иронизирует товарищ Матвей или говорит серьезно.— Я хотел быть разведчиком. Вы спросите майора, товарища Званцева. Он давно, уже много лет, об этом знает.

Товарищ Матвей удивленно взглянул на майора, тот без тени усмешки и, пожалуй, даже слишком серьезно подтвердил.

—Да. Свое желание стать разведчиком Александр Гуртовой высказал мне три года назад. Даже точнее три с половиной года.

—Отец знает, чем ты сейчас занимаешься? — переходя на «ты», спросил секретарь обкома.

—Я ему не писал. Он ведь там...— махнув рукой в сторону, откуда время от времени доносилось погромыхивание артиллерийских выстрелов, ответил Саша.

—Если что не заладится, отходите в зону отряда имени Чапаева,— приказал товарищ Матвей,— Под начало отца попадешь.

—Боюсь, что теперь его и на аркане в эту зону не затащишь,— рассмеялся Званцев.— Иван Федорович уже в курсе. Беспокоится, конечно, за сына, но одобряет.

Более всего в этом разговоре Сашу взволновала реплика майора Званцева о том, что отец знает, по какой дороге пошел его сын. И если он не запретил ему, не потребовал, чтобы сына эвакуировали на Урал, значит, он верит в него, верит в его силы и способности.

Сашу очень удивило, что переход по узкому лесному коридору в тыл врага произошел не в глухую полночь, а всего за каких-нибудь полчаса до полного рассвета, в белесых утренних сумерках. Перед этим они прошли через боевые порядки строевого батальона и огневые позиции батарей семидесятишестимиллиметровых пушек, выведенных здесь на прямую наводку. Слева потянулось пожарище какого-то городка, вчистую сожженного немцами, а когда они миновали его и свернули вправо, то совершенно неожиданно для Саши попали в такую лесную глухомань, что только что виденные пушки и пожарище стали казаться нереальными, привидевшимися во сне.

По лесу тянулось несколько лыжней, но вся группа построилась в цепочку и шла только по одной из них, бесшумно и медленно. Идущий в голове цепочки полковой разведчик часто останавливался и проверял показавшиеся ему подозрительными места лыжни шестом-щупом — не заминировано ли?

—Одетые в белое, разведчики, особенно сейчас в сумерках рассвета, сливались со снегом, лежавшим на земле и на могучих лапах елей. Только тогда, когда разведчик проходил мимо темного ствола или хвои, с которой осыпался снег, Саша на мгновение различал нечеткий, словно предутреннее сновидение, силуэт человека. Саша совсем забыл, что они идут уже по тылам врага, бездумно скользил вперед, потеряв счет времени. Вдруг Саша разглядел, что справа и слева от них, мелькая между стволами деревьев, бегут лыжники. Сердце юноши дрогнуло. Неужели полковые разведчики и капитан Сопун не видят, что группу окружают. Саша оглянулся, но, заметив, что идущий следом за ним сержант Сидоров па ходу спокойно посматривает на неожиданных спутников, решил не поднимать тревоги.

Минут через двадцать быстрого хода, перевалив через заросшую соснами возвышенность, вся группа скатилась в небольшую котловину, в самом центре которой, под прикрытием нескольких переплывшихся своими ветвями вековых сосен, весело потрескивая, горел костер. Брошенные в огонь толстые чурбаны сухары жарко пылали, совершенно не давая дыма. Пламя сверкало ярко и празднично, словно приветствовало подходивших к костру лыжников.

Сидевший у костра на обрубке бревна человек в стеганке и накинутом поверх нее полушубке поднялся навстречу подходившим. Он опытным глазом разыскал среди прочих

капитана Сопуна, по каким-то понятным только ему признакам определил в нем командира и будничным тоном сказал:

—Ко времени поспели. Картошка сейчас готова будет.

Он разгреб палочкой горячую золу с пылающими угольками около края костра, выкатил крупную, дочерна опаленную картофелину и, постучав по ней ногтем, снова закопал под угли.

—Чуток погодить, и готова будет.

Капитан Сопун, обескураженный таким совершенно не военным способом приветствия, решил пока не проявлять особой официальности и только осведомился, как в такой мороз сюда доставили картошку.

— А это ребята перед выходом в карманы набили, чтоб не померзла, значит. Угостить хотели.

Саша только теперь догадался, что лыжники, увиденные им в лесу, были партизаны — проводники.

—А не нарвутся на нас немцы? — на всякий случай осведомился Сопун и, кивнув на костер, добавил: — Костер может выдать.

—Фриц сейчас не летает,— взглянув на затянутое облаками небо, ответил человек, встретивший их у костра.— А и полетят, так ни черта не увидят. Костер без дыма.

—А если по земле доберется? — не уступал Сопун.

—Сюда-то? — недоверчиво переспросил собеседник,— ни в жизнь. В одиночку фриц сюда не сунется, ему тоже жить охота, а рота или батальон незаметно не пройдут. Тут кругом наши посты. Здесь ведь партизанский край совсем рядом.

—Ну, что ж,— удовлетворился капитан.— Тогда давайте знакомиться. Я — командир группы особого назначения капитан Сопун.

—Догадывался,— спокойно кивнул человек в стеганке.—А я, значит, Бехтерев Федор Кузьмич, командир взвода.

—Сюда прибыли по приказанию командира отряда имени Кирова, чтоб доставить вас, куда нужно будет.

—А до войны вы, Федор Кузьмич, кем работали?

—Был мастером на стеклозаводе. В Алтушах у нас стеклозавод есть. Километров сорок отсюда. Может, слышали? Хороший завод,— но, заметив недоверие в глазах капитана, Бехтерев круто оборвал разговор на любимую тему о родном заводе.— Если вы сомневаетесь насчет боевых действий, то напрасно. Я тут все места знаю. Да и ребята мои — народ опытный, хотя, значит, и молодой народ. Проводим, значит, куда надо, в полной неприкосновенности.

Капитан Сопун, хотя и был не совсем доволен слишком уж «гражданским» видом командира партизанского взвода, вынужден был промолчать. Другого выхода все равно не было.

Через несколько минут войсковые разведчики «заправились» печеной картошкой, перекурили, попрощались и отправились в обратный путь. Вскоре они поднялись из котловины на увал и исчезли в глубине леса.

Капитан Сопун подсел поближе к костру, развернул карту и подозвал Бехтерева. К ним присоединился Леонид Голубев со своей картой. Сопун познакомил Бехтерева с намеченным маршрутом.

—В район Знаменцева, значит, хотите вначале заглянуть,— негромко заговорил Федор Кузьмич.— Со всякими случайными зигзагами километров сто тридцать наберется. Мне приказано провести вашу группу так, чтобы даже лишние партизаны вас в лицо не видели. Поэтому пойдем не прямо через партизанский край, а, значит, обочь его. Почитай до самого Знаменцева все лесами, только под Знаменцевом чистое поле.

—В самое Знаменцево нам заходить незачем,— ответил Сопун, умолчав о том, что посторонние люди не должны видеть только Голубева и Гуртового.

—Туда с нашими силенками и не сунешься,— согласился Федор Кузьмич.— Там, значит, немецкий гарнизон около батальона. Когда выходить будем?

— Сейчас передадим шифровку и тронемся,— ответил Сопун и приказал радисту: «Развернуть рацию. Вызвать «Оку!»».

Пока радист налаживал аппаратуру, Сопун на клочке бумаги написал цифру 200 — условное обозначение удачного перехода и встречи с партизанами. Но вот радист, отстучав на ключе позывные, примолк, плотно прижал наушники. Все молчали, словно опасаясь, что и их голоса могут уйти в эфир. Партизаны с уважительным любопытством поглядывали на рацию, каждый думал про себя: «Вот бы нам в отряд такую».

—Ответили! — крикнул радист.

—Передай,— подал ему клочок бумаги Сопун.— С волны не уходи, должны ответить.

Через несколько минут в аппарате послышался ответный писк морзянки, и радист быстро записал в блокнот несколько цифр.

— Поздравляют с успешным переходом, желают удачи,— прочел знакомые обозначения Сопун.— Ну, все в порядке. Можем продолжать движение.

Федор Кузьмич оказался нрав. За четыре дня их пути не случилось ничего такого, что помешало бы движению группы. Переходы были каждый день километров по тридцать, и всегда в конце дня Федор Кузьмич останавливая группу и говорил Сопуну:

— Здесь, совсем недалеко, деревенька есть. Небольшая

деревенька, домов двадцать. Сейчас пустая стоит. Немцы приказали всем жителям выселиться из леса, а они, значит, всем колхозом в лес подались. Сейчас в отряде Ворошилова партизанят. Я, значит, считаю так. Пошлю трех своих хлопцев вперед. Пусть посмотрят, что там и как. Под крышей — то все лучше ночевать, чем, значит, в лесу у костра. Полнится, там на отлете справный домик стоит. Никто к нему подойти не сможет, а нам до леса рукой подать.

В разных вариантах, но одинаковый по смыслу этот разговор всегда возникал в конце дневного перехода. Хотя капитана Сопуна прямо корчило от многословности и какой — то невоенной и очень добродушной манеры командира партизанского взвода говорить о военных делах, но он скрепя сердце молчал и даже соглашался, что, да, конечно, под крышей ночевать удобнее и пусть «хлопцы» сходят, посмотрят.

Хлопцы, «пошукав», доносили, что деревня пуста. После этого вся группа входила в деревню, облюбовывала удобный для охранения и, если потребуется, для спешного отхода в лес, домик и занимала его. Затыкались окна, растапливалась печь, и вся группа ночевала в тепле и под крышей.

Вначале Федор Кузьмич требовал, чтобы охрану ночного покоя группы несли его партизаны, мотивировав свое требование двумя положениями: первое — «вы наши гости», и второе — «нам так приказано». Но капитан Сопун категорически отверг такое предложение и заявил, что партизаны и так делают больше, чем бойцы чекистской группы. Днем несут охранение группы в пути, ходят на разведку и большую часть дороги тянут волокуши со взрывчаткой и продуктами. Бехтерев вначале упирался, сколько считал допустимым, а затем соглашался и явно был доволен настойчивостью, проявленной Сопуном в этом вопросе.

Пятый день пути выдался необычно теплый и безветренный. С неба падал то ли снег, то ли дождь. Идти было трудно, лыжи совершенно не скользили.

Часа за два до сумерек Федор Кузьмич остановился, со — шея с лыжни, пропустил шедших за ним людей и пристроился к устало шагавшему в середине цепочки капитану.

—Здесь, ежели махнуть по прямой, до Знамеицева километров с десятков. Может, чуть больше, — сообщил он. —Еще с часок, и выйдем в чистое поле.

—В поле нам незачем, — забеспокоился Сопун. — Нарваться можем. Расконспирируемся.

—Вот и я говорю. Здесь, если чуток вправо взять, есть Новые Выселки. Домов с десятков. Немцы их сожгли, но, кажись, не все. Дома два осталось. Я так считаю, что надо нам туда завернуть. Если еще ближе к Зиаменцеву

выходить, так надо ночи дожждаться.

—Давайте на Выселки,— согласился капитан.— Выходить к Знаменцеву не будем.

Оказалось, что на Новых Выселках не уцелело ни одного дома. Из—под снега, как остатки зубов в щербатой челюсти, торчали темно—коричневые, уже отмытые дождями и снегом от копоти, остатки дымоходов. С трудом оборудовали под кратковременное жильё случайно уцелевший амбарчик. Из обнаруженного неподалеку от Новых Выселков стожка, видимо, не замеченного немцами, натаскали сена, приспособили вместо печки дырявую железную бочку, брошенную завоевателями из—за ее полной непригодности, и скоро насквозь промерзший амбар приобрел вполне пригодный для жилья вид.

Федор Кузьмич первым пригласил располагаться на отдых капитана Сопуна. От наблюдательного командира взвода не укрылось, что капитан, хотя и идет наравне со всеми и даже пытался в очередь с другими тянуть волокуши, но все это ему дается с большим напряжением сил. Сегодняшний же переход почти доконал капитана.

— Пока суд да дело, пока хлопцы ужин готовят, вы полежите, товарищ капитан. Дорога—то сегодня была трудная да и завтра легче не будет.

Геннадий Филиппович и сам чувствовал, что силы его на пределе. Хотя в юности он, как и все мальчишки, бегал па самодельных лыжах, а перед выходом в рейд недели две тренировался, но все это было не то. Разве сравнишь беганье на лыжах по часу, полтора для тренировки с переходами по—тридцать, тридцать пять километров изо дня в день. Хорошо еще, что ему ни разу не пришлось идти первым, прокладывать лыжню. Но капитан старательно скрывал, что ему тяжело, и сейчас был страшно недоволен догадливостью» командира взвода. Он ослабил ремни снаряжения, прилет на сено, расстегнул полевую сумку, хотел достать карту и позвать Голубева, пошептаться с ним о местах тайников для взрывчатки, но от раскаленной печи тянуло теплом, мягкое сено так и манило растянуться во весь рост и дать отдых ноющему телу. Капитан ограничился тем, что положил полевую сумку под голову, и сразу же задремал. Сквозь волны наплывающего сна он разобрал, что его окликает Леня Голубев, но усталость и сон оказались сильнее привычки всегда быть готовым к действию.

—Мы с моим дружкой отлучимся на часок,— сказал Леонид командиру взвода.— Если капитан проснется, доложи, скоро вернемся.

—Видал, как вы по карте шарили. Если думаешь до домика лесника добежать, так бесполезно. Домик только

на карте и остался. Погорело все.

—Домик лесника? — совершенно натурально удивился Леонид.— Нет, нам он не нужен.

И все же, пробежав с полкилометра по старой лыжне, Леонид, а за ним и Саша повернули и взяли направление на дом лесника. Минут через сорок они стояли на краю небольшой полянки и рассматривали то, что осталось от дома. Почти в самом центре полянки горбилась куча обгорелых бревен, битого кирпича и ржавого железа. Снег старательно прикрыл следы бедствия, и пожарище не выглядело угрюмым. Но Леонид не торопился подходить к нему. Он внимательно вглядывался в то, что называлось домиком лесника.

—Ничего тут не выйдет, Леня,— сказал стоявший за его спиной Саша.— На совесть сожгли, гады.

—Говорили, что под домом кирпичный подвал был.

—Пошли, посмотрим.

Но, к удивлению Саши, Леонид не пошел напрямик к пожарищу, а начал огибать полянку, не выходя из леса.

Пройдя почти половину окружности поляны, Леонид неожиданно остановился.

— Что там? — спросил удивленный неожиданной остановкой Саша.

— Лыжня и глубокая.

—Ну и что? Не мы одни ходим на лыжах.

—Снега уже вторую неделю не было. За это время по этой лыжне проходили по крайней мере раз пять — шесть.

—Может, партизаны? В Знаменцево ходят.

—Может, и партизаны, только не в Знаменцево, а сюда. Здесь их кто-то ждет. С той стороны не лыжня, а тропка. Ты видишь, из Знаменцева.

—Почтовый ящик? А может, явка?

— Все может быть. Поворачиваем.

Саша был недоволен, что они уходят, не выяснив все до конца, но не сказал ни слова. Он привыкал к безоговорочному подчинению.

Снова они обогнули поляну, вышли на общую лыжню и, пробежав по ней еще с полкилометра, вновь свернули в глубь леса.

— Держим вон на ту гривку,— предложил Леонид.— Поищем ветровал.

На этот раз им повезло. Огромная сосна, опрокинутая ветром, лежала на взлобке холма, заросшего негустым молодым подлеском. Толстые узловатые корни вместе с облепившей их землей и слоем слежавшейся хвои вскинулись круто вверх, как челюсть огромной пасти. Под нею чернела глубокая яма, до сих

пор даже на четверть не заполненная снегом.

—Хороша,— нарушил молчание Леонид.— В одиночку стояла, вот и опрокинуло. Тайник первый сорт.

—Подойдем поближе,— предложил Саша.

—Незачем. Снег сейчас сырой. Тучи расходятся, подморозит. К утру наст первый сорт будет.

Когда оба друга вернулись в амбар, партизаны уже спали. Около импровизированной печки сидели только комвзвода Бехтерев и сержант Сидоров. На верхнем торце бочки стояли три котелка — ужин для Леонида, Саши и капитана Сопуна, который на приглашение к ужину только проворчал: «Потом поем» и снова уснул.

Сообщение Леонида о том, что они видели лыжню около домика лесника, очень обеспокоило Бехтерева.

—Не должно тут быть такого,— задумчиво проговорил он. Не те места. К тому же слишком уж нахально.

—Это зона какого отряда? — спросил Саша, втайне рассчитывая, что это отряд, в котором находится его отец.

—В этих местах отряд Петрова орудует. Но до него тут не близко. Километров двадцать пять — тридцать.

—Ну, а заставы, посты?

—Они, конечно, ближе, но на мелколесье не выходят. До них тоже километров с десятков, не меньше. Да и зачем им у себя под носом следить. Вот что, хлопцы, вы ложитесь, отдыхайте. Остальное не ваша забота.

— Вы, Федор Кузьмич, передайте тому, кто под утро дежурить будет,— сказал Леонид.— Пусть меня и Сашу разбудят чуть начнет светать.

Все давно уже спали, а Федор Кузьмич все еще сидел около печки, обдумывая сообщение Леонида. Сам, сменив посты и предупредив партизан быть особенно бдительными, он разбудил своего помощника и, передав ему свои массивные карманные часы, приказал:

— Подежурь. Смена через два часа. Горлова и Недогонова на пост не ставь. Перед утром их на задание пошлю. Я чуток подремлю.

Но, видимо, в эту ночь командиру партизанского взвода даже подремать не удалось. Когда помощник повел на посты очередную смену, Федор Кузьмич тоже встал и вслед за ним вышел из амбарчика.

На улице было светло. Тучи разошлись, и вчерашняя оттепель сменилась жестоким морозом. В чистом небе круглым ячменным блином сияла полная луна. Федор Кузьмич недовольно крякнул, вернулся в амбар, подкинул в бочку дров и снова улегся, но не

пролежал и часа, встал, отобрал у помощника часы и велел ему отдыхать. Вскипятив на бочке котелок воды, он разбудил двух партизан, которых перед этим запретил ставить на посты. Пока Горлов и Недогонов умывались сухим колючим снегом, сгоняя остатки сна, и пили кипяток с сухарями, Федор Кузьмич шепотом рассказал им о лыжнях, ведущих к сгоревшему домику лесника.

— Вы лыжи — то с собою возьмите, но не надевайте. Идите так. А то по насту такой шорох поднимется, что от вас за версту прятаться будут. На полянку у дома не выходите, а станете на лыжню, что от этих двух хлопцев осталось. Действовать по обстановке, не первый раз в таких делах, но гадов от домика сюда не пропускать. Если что, отходите с боем.

Как ни тихо отдавал свои приказания Бехтерев, но Леонид все же проснулся и поднялся с сена. Он тоже вышел из амбара, огляделся и, вернувшись, начал будить Гуртового.

— Вставай, Сашок. Пора.

— Что, уже рассвело? — вскинулся Саша.

— Да нет, до рассвета еще далеко. Но светло, как днем.

Пошли.

— Капитана разбудим?

— Не стоит. Пусть отдыхает. Вчерашняя дорога хоть кого вымотает.

Оба в сопровождении Бехтерева вышли из амбара. Увидав, что юноши взялись за лямки двух волокуш с взрывчаткой, Федор Кузьмич, дипломатично не спрашивая ни о чем, просто предложил:

— Может, выделить кого в помощь?

— Спасибо, Федор Кузьмич, — поблагодарил Леонид. — Сами управимся,

— И то дело. Да вы лыжи — то снимите. Бросьте их на волокуши. Без лыж легче тянуть будет.

— А вот это правильно, — согласился Леонид.

Хотя волокуши, казалось, совсем легко скользили по крепкому насту, Саша все же порядочно попотел, пока они добрались до облюбованного ветровала. Леонид тащил свою волокушу без всякого напряжения. Уже у самого тайника он сказал:

— Я вниз спущусь. А ты подавай мешки, да по сторонам поглядывай. Чем черт не шутит, луна — то вон как вылупилась. Днем темнее было.

— Ничего. Мешки белые, мы в халатах.

— А ты все же посматривай. Нам ошибаться нельзя.

В яме белые мешки с пакетами взрывчатки были совершенно незаметны. А когда, уложив последний мешок,

их сверху присыпали снегом, самый зоркий глаз не заподозрил бы, что под корнями поваленной ветром вековой сосны скрыт целый склад взрывчатки. Около сосны тоже не осталось следов. Наст держал хорошо.

Когда Леонид и Саша вернулись, значительно потемнело. Луна спускалась за горизонт. В амбаре по-прежнему все спали, кроме Бехтерева и Сопуна. Капитан при свете поленьев, пылавших в бочке, с запозданием ужинал. Когда Леонид и Саша подсели к капитану, Бехтерев тактично вышел из амбара наружу. Леонид шепотом доложил капитану о закладке тайника,

—Почему меня не разбудили?

—Решили не беспокоить. Рассветет, пройдем туда, проверите, так ли все сделано.— Леонид умел быть дипломатичным, если того требовали обстоятельства.

—Ладно. Проверю,— согласился капитан.— О замеченных вами лыжнях мне уже докладывали. Командир взвода принял надлежащие меры. Можете пока отдыхать. Утром решим, где спрятать остальную взрывчатку.

Леониду и Саше показалось, что они только опустили головы на мягкое сено, как тишина, царившая в амбаре, была взорвана громким возгласом:

—Тревога! В ружье!

Оказывается, прошло не менее двух часов. Наступал морозный и ясный день. Из леса со стороны домика лесника донеслось буханье винтовок, прострекотала и сразу же оборвалась автоматная очередь.

— Попов! Вершинин! — крикнул Бехтерев.— Выяснить, в чем дело. Попову остаться там, в помощь, Вершинину доложить. Бегом.

Партизаны умчались туда, где все еще гремели винтовочные выстрелы.

Оставшиеся около амбара партизаны и обе разведгруппы подготовились, чтобы немедленно сняться с места. Но уходить пока еще не было причины. Нужно было дождаться возвращения посланных на задание партизан.

Между тем капитан Сопун хмурился все больше. Его не пугала предстоящая стычка с врагом, да и навряд ли они осмелятся напасть на почти два взвода хорошо вооруженных партизан и рейдовиков. В душе Геннадия Филипповича ожили прежние подозрения. Почему именно Леонид натолкнулся на подозрительные следы, ведущие к домику лесника? Почему Леонид самостоятельно заложил тайник со взрывчаткой? Ведь майор Званцев приказал закладывать тайник в его, Сопуна, присутствии. Это же прямое нарушение приказа, очень

подозрительно по своей сущности. Правда, Голубев все время действовал на пару с Гуртовым. Подозревать Гуртового нет никаких оснований. Все — таки сын члена пленума обкома, и сам товарищ Матвей с дружеским уважением говорил об отце Гуртового. Ко трудно ли обмануть доверчивого, романичного мальчишку? Надо выяснить, отходил ли Голубев от Гуртового, когда они обнаружили подозрительные лыжни. Сейчас этого делать нельзя, потому что Голубев сразу же насторожится и, если он враг, то сумеет скрыться. Кстати, почему он так спокоен? Может быть, все идет по плану, который был намечен вчера в момент встречи с каким-то предателем или немцем в подвале сожженного домика. Сопун внутренне был уже убежден, что вчера Голубев сумел поставить врага в известность о местонахождении и численности их отряда.

Между тем стрельба в лесу прекратилась, и через несколько минут появился вспотевший и запыхавшийся Вершинин.

— Все в порядке, товарищ командир взвода, доложил он Бехтереву, не заметив недовольного покачивания головой капитана Сопуна. — Горлов и Недогонов уложили двоих. Одного насмерть, а другой еще дышит. А двое убежали. Они в подвале на пожарище сидели. Их вначале не заметили, а когда увидели, уже было поздно. Удрали. Хотя одного, кажется, зацепили.

— В подвал вы заглянули? — спросил Сопун.

— А как же! Там не подвал, а целых три бункера. В первом бункере немного почище, лежат несколько пустых кадушек. На них, видать, и сидели. А дальше еще два отделения, там черт ногу сломает. Грязь, хлам всякий. Туда и заходить противно.

— Как же вы фашистов — то проглядели? — недовольно проговорил Бехтерев. — Понадеешься на вас...

— Мы прибежали к самому концу, — оправдывался Вершинин. — Кто же знал, что в подвале еще двое сидят. Хорошо, хоть они с тыла на наших не напали, а сразу винта врезали.

Из леса вышли трое остальных партизан. Двое тащили на спаренных лыжах раненого, а третий шагал позади с винтовкой наперевес и немецким автоматом, заброшенным за спину.

Раненый мужчина лет тридцати, в дубленом полушубке о повязкой полицая на рукаве доживал последние минуты. Но он, видимо, не подозревал этого и более всего боялся, что его сейчас же пристрелят как изменника.

— Из какой деревни? — с необычной для него резкостью спросил Бехтерев.

—Не здешний я, с дальних мест,— хрипло ответил полицейский.— Пригнали нас сюда.

—Хватит сиротой казанской прикидываться,— прикрикнул Бехтерев,— говорить будешь?

—Не расстреливайте,— взмолился полицейский.— Все расскажу, если не расстреляете.

—Не расстреляем. Говори.

—Ховрин я, Иван Ховрин из —под Курска. Нас сюда пригнали...

—Зачем в лес пожаловали?

—Обер — лейтенант Штраух сопровождать его велел. Он в подвале с той паскудой, которую — ваши ребята раньше меня подстрелили, беседовать хотел.

—Значит, беседа не состоялась?

—Не успели. Паскуда увидел лыжню, которой раньше не было, и первым делом рассказал об этом оберу. Тот и приказал разведать.

—Разведали?

—Разведали. Обер — то, хоть и с полными штанами, но убежал, а я вот... — голос раненого слабел.

—Что удалось узнать?

—Увидели ваши лыжни. Дым из амбара на морозе хорошо виден. Побежали обратно доложить и нарвались.

—Из какого отряда шпион?

—Ей — богу, не знаю. Идти ему далеко было. Верст тридцать.

—Как его звали?

—Обер Шнапсом звал, а так, кажется, Федька.

—Часто он приходил на связь?

—Откуда мне знать?

—Кто еще был с обер — лейтенантом?

—Начальник полиции из Знаменцево. Кулигин... Иван Семенович...

—А, черт! Упустили зверей,— досадливо поморщился Бехтерев.— На лошадях приезжали?

—У развилки... машина ждала... Уехали...

—В Знаменцево немцев много?

—Гарнизон, рота... ну и так... наезжают.

—А в деревнях?

—Только в Кожухове... Да еще в Сельце...

Уже в середине допроса Леонид отозвал капитана и шепотом спросил:

—Товарищ капитан! А что, если мы остатки взрывчатки спрячем в подвале на пожарище?

—Ты это серьезно?

—Конечно. Немцы знают, что явка провалена, и носа сюда не сунут. Да и мы знаем, что немцы здесь бывали, значит, беречься будем. А взрывчатку среди хлама спрятать можно надежно и брать будет удобно.

«Если Штраух уехал на машине, значит, он в Знаменцево уже поднял шум. Немцы сюда могут скоро нагрянуть. А отходить с волокушей неудобно»,— подумал капитан и согласился.

— Пожалуй, стоит попытаться. Хотя бы временно. Забирай волокушу со взрывчаткой и из продуктов и действуй. Я тебе в помощь сержанта Сидорова дам. На всю операцию — час.

Хотя Леонид помнил приказ майора Званцева о том, что места тайников должны знать только он с Сашей и Сопун, его не удивило намерение капитана ввести в это число и Сидорова. Времени было мало. Надо было действовать быстро и осторожно. Ведь немцы могли появиться и из района пожарища.

Капитан же подозвал Сидорова, приказал:

— Пойдешь сейчас с Голубевым и Гуртовым. Твое дело —их охрана. Будь начеку. Надо, чтобы они оба вернулись сюда.

Заметив удивленный взгляд сержанта, капитан не стая уточнять смысла приказа, а просто добавил:

— Головой за обоих отвечаешь. Это задание особой важности. Действуй.

Через несколько минут Саша, Леонид и Сидоров, сцепив две волокуши, бегом потащили их в лес к сгоревшему домику. Мысли обоих юношей были заняты только тем, чтобы скорей и надежней упрятать груз. Сержант обдумывал приказ капитана. Он с облегчением подумал, что правильно сделал, когда при сборах повесил гранаты не только в сумках на пояс, но и по одной «эфке» сунул в карманы полушубка и на всякий случай в карманы штанов. «Ежели придется отходить с боем, прикрою ребят гранатами. В целости доставлю их к капитану». Иного смысла, по его мнению, строгий капитанский приказ не имел.

В подвале сгоревшего домика действительно в первом помещении было относительно чисто. Два же остальных были заполнены обломками досок, клепкой от рассыпавшихся кадушек и бочек, какой—то перепутанной и как попало скомканной проволокой. Все это было покрыто пылью, грязью и паутиной. Леонид осмотрел помещение и избрал для тайника самый дальний и грязный угол. Затем он сбросил с себя полушубок вместе с белым халатом и сказал Саше:

— Ты таскай с волокуш, я один уложу. А то наши маскхалаты станут демаскирующими.

Саша начал перетаскивать мешки со взрывчаткой. Сидоров успевал помогать ему брать мешки с волокуш и вести, как он

определил, «круговой обзор». Минут за сорок груз был перетащен, уложен и надежно замаскирован. Только когда дело дошло до противотанковых мин, Леонид не стал их прятать в тайник. По одной мине он и Саша положили в свои вещмешки, а две остальные Леонид зарыл в снег под корнями приметной сосны метрах в ста от подвала.

— Эти штуки нам понадобятся в первую очередь,— объяснил он Саше.— Майор наказывал закрыть Карчинский тракт хоть на время.

Тяжелые, похожие на чугунные кастрюли, мины значительно увеличили вес заплечных мешков, в которых и так, кроме продуктового НЗ, лежало по смене белья, шнуры и взрыватели.

Леонид вытер измазанные руки и вспотевшее лицо снегом и уже стал надевать полушубок, когда со стороны Выселков донеслась длинная очередь ручного пулемета, потонувшая в частой винтовочной стрельбе.

— Наши отбиваются!..— определил Леонид, торопливо затягивая ремень.

— Бежим! — крикнул Саша.

— Подождите, ребята,— остановил их Сидоров.— Подумать надо.

— Что — о? — удивился Леонид.

— Наших много,— объяснил автоматчик.— Немцев встретили хорошо. Мы прибежим, всего трое в обороне прибавится. Лучше зайти в тыл. Большая польза будет.

— Сержант прав,— решил Леонид.— Давайте вон на тот холм. Дорога на Выселки под ним проходит.

Наст еще держал хорошо, хотя мороз явно мягчал. Минут через десять все трое взбежали на макушку холма. У его подошвы четко обозначился след машины.

— На одной машине приехали,— определил Леонид, вслушиваясь в несмолкающую стрельбу не более как в километре от них.

— Леня, смотри! — окликнул друга Саша.— По — моему, танк.

— На танк не похоже,— усомнился Сидоров.

— Бронетранспортер,— определил Леонид, взглянув в бинокль на едва заметную простым глазом точку, и присвистнул: — Немцев на нем, как мурашей. Гусеничный, тяжелый. Сашок, давай мину.

Вдавливая свою мину в колею, только что проложенную машиной, Леонид ворчал:

— Черт его знает, раздавит ли он крышку.

Присыпав свою мину снегом, Леонид кинулся на помощь Саше. Вдвоем они установили вторую мину.

—Поторапливайтесь, ребята,— подстегнул их с холма Сидоров, не забывший своих обязанностей по «круговому обзору».— Его уже хорошо видно.

—Ни черта, успеем,— ответил Леонид.— Он более семидесяти в час не дает.— Стой, Сашок, давай с твоей сними крышку.

Возня с крышкой мины отняла еще несколько драгоценных минут.

— Давайте вправо,— скомандовал Леонид, оглядевшись,— Там елочки погуще и потолще. Надежнее укроют. А ты, товарищ сержант, готовь свою карманную артиллерию. Если не подорвутся, придется гранатами глушить. Пропускать их на Выселки нельзя.

— Не беспокойся. Первую пару в самый кузов уложу. Потянулись самые длинные минуты в жизни каждого солдата, минуты, когда все приготовлено к бою, но схватка еще не началась. Вой мотора, слышавшийся уже совсем близко, неожиданно смолк. И тогда особенно звонко зазвучала перестрелка в Новых Выселках. Видимо, и офицер на бронетранспортере услышал стрельбу: мотор взвыл с удвоенной силой, и вражеская машина, обогнув холм, влетела в перелесок. Она мчалась, приземистая, пятнистая черепаха, настороженно подняв стволы двух пулеметов. В кузове не сидели, а стояли вплотную один к одному солдаты.

Леонид глядел не на бронетранспортер, а на то место, где притаились мины, а сержант Сидоров расценивал, до какого рубежа можно пропустить эту чертову машину, если она не подорвется, чтобы точно угодить гранатами внутрь кузова.

Взрыв грохнул с такой силой, что трое, лежавшие в не очень надежном укрытии из тоненьких елочек, невольно еще плотнее прижались к снегу. Бронетранспортер словно натолкнулся на стену, круто задрал переднюю часть и, сгибаемый яростной силой взрыва, так и не выпрямился, а рухнул вверх катками, с которых, словно тряпичные половики, слетели разорванные гусеницы. Следом грохнул второй, более слабый по силе, но огневой взрыв. Взорвалось горючее в баках, и железная машина запылала. Только после этого стал слышен вопль раненых и заживо горящих немцев.

Выяснив все, что было можно узнать от пленного, командир взвода приказал перенести его в амбар и уложить на сено, а сам подошел к Сопуну.

—Товарищ капитан! Уходить надо. Отойдем километров на пятнадцать в лес, немцы малыми силами туда не полезут. Через день—два в другом месте выйдем, где вам

потребуется.

—Отходим,— согласился капитан.— Сейчас мои люди вернутся с задания.

—Когда же они ушли? — удивился Бехтерев.

—Уже минут десять. Минут через сорок — пятьдесят вернутся.

Видя, как поморщился Бехтерев при этих словах, Сопун непререкаемым тоном добавил:

—С волокушами отходить трудно, да и рисковать взрывчаткой не хочу.

Признавая справедливость слов капитана, Бехтерев все же не скрывал своей озабоченности. Он вместе с капитаном обошел выставленные посты, усилил их как мог, оставив в своем резерве троих партизан. По приказанию Сопуна рядом с партизанами легли в оборону и бойцы его группы, за исключением радиста и двух связных. Наблюдая за действиями Бехтерева, капитан вынужден был про себя одобрить все его приказы. Этот совсем не военного вида человек поступал так, как поступил бы на его месте хорошо подготовленный офицер. Сейчас Новые Выселки превратились в хорошо обороняемый с трех сторон участок. Неприкрытой осталась — только одна сторона — к глубине леса. Но Бехтерев приказал всем свободным от обороны покинуть амбар и отвел свой резерв за обгоревшие остатки крайней к лесу избы. За ней расположились сам Бехтерев с тремя партизанами и Сопун с радистом и бойцами. Тело уже умершего полицая осталось в амбаре.

Сопун непрерывно посматривал на часы. Время текло очень медленно. Прошло всего сорок минут.

«Что они там возятся? — недовольно думал капитан, жалея, что дал Голубеву целый час.— За полчаса вполне могли бы управиться».

Прошло еще пять минут. Капитан не выдержал и подозвал одного из своих бойцов.

—Вахминцев, бегите к домику и поторопите Голубева. Пусть возвращается.

—Сделаем по — другому, товарищ капитан,— осторожно вмешался Бехтерев.— Ваш боец там не бывал. Следов на стене не осталось. Только время зря потеряет. Недогонов,— не дожидаясь согласия капитана, окликнул он.— Живой ногой к домику. Скажи, капитан беспокоится и просит поторопиться.

—Скажите, что я приказал немедленно возвращаться сюда,— резко поправил командира взвода капитан.

Недогонов бегом кинулся в лес. Сопун взглянул на часы. До срока, назначенного им Голубеву, осталось двенадцать минут. «Как

бы не разминутись,— мелькнула в голове тревожная мысль.— Голубев, наверное, уже возвращается, если думает вернуться. Но ведь с ним там Сидоров. Парень не промах, да и Гуртовой...»

Закончить мысль капитан не успел. С противоположного конца Выселков ударил партизанский пулемет. Секундой позже загремели винтовочные выстрелы.

— Не успели,— с досадой проговорил Бехтерев.— С боем отходить придется. Горлов, сбегай узнай, сколько их привалило.

Человек двадцать осталось,— доложил запыхавшийся Горлов через несколько минут. Цепью шли. Семенов первой очередью семерых свалил. Остальные залегли.

Заговорили партизанские винтовки справа и слева. Лицо Бехтерева вытянулось.

— Обтекают, сволочи. Что же ваши — то задержались? На немцев наткнуться могут.

Капитан писал что — то на листке полевой книжки и ответил не сразу. Он передал листок радисту и приказал:

— Передай. Ответа не надо.

Если бы Бехтерев мог разобрать радиogramму, которую Сопун передал радисту, он, вероятно, был бы немало удивлен. Сопун передавал в управление: «Веду бой районе Новых Выселков превосходящими силами противника. Попытаюсь оторваться, уйти глубь леса. По окончании операции выйду на связь».

— Что будем делать, товарищ командир взвода? Примем бой или отходим? — спросил он Бехтерева.

— Какой тут бой,— пренебрежительно махнул рукой Бехтерев.— Два десятка фрицев — не сила. Не нравится мне их нахальство. Похоже, они пытаются нас задержать этим шумом. Ждут кого — то. Как только ваши хлопцы вернуться, отходить надо.

— Сейчас вернуться,— без особой убежденности ответил Сопун.

— Я пойду к пулемету,— решил Бехтерев.— Нужно этих сволочей шугануть покрепче.

— Хорошо, действуйте,— санкционировал капитан.— За тылы не беспокойтесь.

— Все же я двух своих хлопцев пошлю вон на тот взлобок. Надежнее будет.

— Давайте пошлем,— согласился и с этим капитан.

Бехтерев, перебегая от укрытия к укрытию, направился к пулемету, и почти одновременно с ним из ельника выбежал Недогонов. Одним духом он перебежал открытое пространство и прямо с ходу уселся на снег рядом с капитаном.

— Ни в подвале, ни поблизости никого нет. Они куда — то

ушли. Я думал, мы разминулись.

Капитан был ошеломлен. В глубине души он никак не ожидал, что его подозрения сбудутся так скоро и так страшно. Но куда же девался Сидоров? Если Голубев, — став предателем, сумел увлечь за собой и Гуртового, то повлиять на Сидорова он никак не мог. Сидоров проверенный боец и в органах более десяти лет.

— Следов крови и трупов не заметил?

— Нет их там, — категорично ответил Недогонов, удивленный вопросом капитана. — Ушли они без боя, по — спокойному.

Капитан впервые в жизни не знал, как ему поступить. Запоздалое сожаление о том, что он не настоял на отчислении и отдаче под суд Голубева, Геннадий Филиппович отбросил как недостойное внимания. В конце концов он сигнализировал. Во всем виноват майор Званцев. Это он потерял чекистское чутье, допустил не просто промах, а настоящее преступление. Но что делать сейчас? Ведь предательство этих троих, или, может быть, предательство одного, но содействие ему двух других наложит пятно на всю чекистскую группу и в конечном счете на все органы госбезопасности. А капитан Сопун был готов на что угодно, даже на смерть, но не мог допустить такого позора. Надо отводить всех в глубь леса. В конце концов он не обязан докладывать командиру партизанского взвода, куда и зачем ушли члены его группы. Но для пресечения всяких вопросов и рассуждений надо будет лично приказать Бехтереву начать отход. Да, именно пойти и приказать лично.

Вдруг в грохот недалекого боя вмешался какой — то новый звук. Это был рев танкового мотора, причем танк, видимо, шел на большой скорости, атаковал. Почему же Бехтерев и его бойцы не обращают на новую опасность внимания? Ах, да, их оглушает¹ грохот близких выстрелов. Капитан представил себе, что произойдет, если танк ворвется сюда, и испугался. Испугался не за себя лично, а за то, что ему так и не придется схватиться с врагом там, где он более всего мог бы принести ему вреда. Схватиться не в прямой перестрелке, а в тихой, но смертельно опасной для врага борьбе разведывательных и диверсионных групп, которые он, капитан Сопун, мог бы создать. Надо немедленно отходить в лес.

— Быстро вон на тот взлобок, — приказал капитан своим бойцам и Недогонову. — Там уже есть двое наших. Будете прикрывать отход. Огонь вести через наши головы. Бегом. За рацию головой отвечаешь, — отдельно напутствовал он радиста.

Выглянув из укрытия, капитан надвинул поглубже шапку, зачем — то выхватил пистолет, хотя на груди у него висел автомат, и кинулся к пулемету.

«А ведь это Голубев привел немецкие танки. Кроме него некому»,— мелькнула в голове Сопуна обжигающая мысль.

—Услышав, что подходит помощь, немцы усилили огонь, но капитан уже не заметил этого. Что—то сильно толкнуло его в левую сторону груди, и он, как ему показалось, побежал еще быстрее, хотя грудь жгло, как огнем. Ему все еще казалось, что бежит, хотя он лежал, распластавшись на земле, а выпавший из его руки пистолет несколько метров пролетел, скользя по снегу.

«Это майор Званцев виноват, что просмотрел изменника»,— промелькнуло в голове капитана, и это была его последняя мысль. Он не слышал грохота взрыва, от которого дрогнули дымоходы, печи и вообще все, что осталось от Новых Выселков, не слышал, что рев танкового мотора внезапно оборвался, что сразу ослабел огонь врага.

На немцев, обстреливавших Новые Выселки, грохот взрыва в тылу подействовал отрезвляюще. Они поняли, что поддержки ждать бесполезно, что настало время уносить ноги. Но отходить под партизанскими пулями было не просто. Ползком, один за другим, они начали пробираться в ельник. Оттуда по ним хлестнули автоматные очереди. Враги, почувствовав, что сами попали в ловушку, заметались, падая под партизанскими пулями.

— Выходит, вы нас выручили,— приветствовал Голубева и его спутников Бехтерев.— Ну, ну. Пожалуй, есть время сходить и подобрать автоматы. Что зря пропадать? Немцы—то за ними все равно не скоро соберутся. Надо сказать капи—тану.

Но капитан лежал, безучастный ко всему и по—прежнему хмурый. Леонида и Сашу поразила эта смерть. Зачем капитан вышел из укрытия? Почему пересекал открытое пространство напрямик? Ни Леонид с Сашей, ни Бехтерев ничего не понимали.

Но на войне нет времени на разгадывание тех загадок, тайна которых не связана с достижением боевой цели. Капитана Сопуна похоронили, выкопав для него могилу внутри амбара, где земля не так промерзла. Похоронили по—военному сурово, без надгробных речей и даже без салюта. Через полчаса после похорон, собрав уцелевшее оружие и боеприпасы около бронетранспортера, партизаны и чекистская группа ушли в глубину леса. Леонид ломал голову над тем, как поступить с людьми, которые шли с капитаном Сопуном. Связаться с опергруппой по радиации? Но шифр для связи знал только капитан Сопун. После долгих раздумий и советов с Сашей Леонид составил такую радиограмму:

«Капитан в бессрочном отпуске. Родственники не знают,

как быть. Остальное в порядке. Приступили к действиям. Черный. Мальчик». На этот рейд псевдонимом Леонида было «Черный», Саши— «Мальчик».

Километрах в пяти от Новых Выселков маленький отряд остановился, а радист передал открытым текстом сообщение Леонида и Саши. Из опергруппы сообщили, что ответ будет ровно через час. Этот час использовали для того, чтобы основательно перевязать нескольких партизан, получивших ранения. Двух из них пришлось уложить на волокуши еще в Новых Выселках. Даже легко раненные в ногу задерживали движение всего отряда.

Наконец минул и этот час. Едва лишь радист послал вызов, как опергруппа ответила и начала передачу. Через несколько минут в руках Леонида было короткое приказание: «Наследником назначаю гранатометчика. Идти старым маршрутом. Их будут ждать. Черному, Мальчику действовать, как условлено. Георгий».

Леонид протянул листок Бехтереву. Комвзвода, прочитав записку, повеселел. Для него было понятно одно. Это приказ на возвращение в родной отряд. Зато Сидоров был явно огорчен свалившимся на него повышением.

—Как же так? — удивился он,— В группе есть и старше меня по званию.

—Этот «Георгий», видать, башковитый мужик,— одобрил назначение Сидорова Федор Кузьмич.— Знает, что к чему.

—Приказ не обсуждается,— напомнил. Сидорову Леонид.— Твое дело только, довести группу. А ногами двигать твои ребята и без команды будут. В общем, желаю успехов.

—А как же вы — то, хлопцы? — забеспокоился Бехтерев, разобрав, что Леонид и Саша уходят своей дорогой,— В одиночку, значит, пойдете?

—Так и должно быть,— ответил Леонид.— Помогли дойти сюда и спасибо. Если и еще когда попросим помочь, не откажите.

—Да мы всегда с легкой душой. Вон вы как нас сегодня выручили. Наделала бы нам немчура хлопот, если бы вы ее не дербалызнули. Разве такое забудешь?

Уже перед самым расставанием выяснилось, что в суматохе сегодняшних событий и Леонид и капитан Сопун забыли про тот тол, который лежал в вещмешках чекистской группы. Пришлось снова воспользоваться одной из волокуш и сложить на нее пакеты со взрывчаткой. Нельзя сказать, чтобы Леонид и Саша были очень довольны появлением этого внепланового груза. Но Бехтерев усмотрел в этом обстоятельстве, весьма обрадовавшее Голубева.

Отозвав Леонида и Сашу в сторону, партизанский комвзвода оказал для верности почти шепотом:

—Знаете что, хлопцы? Как я понимаю, в места, где вы спрятали взрывчатку под Новыми Выселками, вам недели две показываться не резон. Немцы там сейчас рыскать будут. Пусть они поуспокоятся и шерстью обрастут. А это,— кивнул он на волокушу с толом,— вам, как говорится, на текущие расходы.

—Придется еще один тайник заложить,—согласился Леонид.— Хорошо бы подальше.

—Тут такое дело,— посоветовал Федор Кузьмич.— Если вот так прямо взять, километров через десять будет просека. Неширокая и давно не чищенная, но вы ее все равно сразу заметите. На просеке присмотритесь. Если выйдете в сосновый лес, поворачивайте влево, если в березняк — вправо. А может, повезет, так сразу выйдете в дубовую рощу. Она только называется рощей, а на самом деле самый настоящий лес. В этом дубняке, почитай в самой середке, километрах в четырех от просеки, озеро есть.

—Озеро Чистое,— подсказал Саша, следивший по своей карте за маршрутом, предложенным Бехтеревым.

—Точно, Чистое,— подтвердил Федор Кузьмич.— Раньше его Святым называли, поскольку на нем старинный монастырь стоял.

Перед войной хотели дом отдыха устроить, да не успели. Кажись, это место вам пригодится. Как выйдете к озеру, держитесь левого берега. Монастырь километрах в пяти от просеки.

—Неужели так пустой и стоит? — спросил Леонид.

—Так и стоит. Для немцев он слишком далеко в лесу, а для партизан — слишком близко к немцам. Ведь от монастыря до поля километров пять — шесть. До деревень, правда, больше.

—До Раменья километров двенадцать,— подтвердил Саша.— А до Сватово еще дальше.

—Там вы, хлопцы, держитесь особенно строго. В Раменье еще куда ни шло, а в Сватово или, скажем, в Вечернее нашим ребятам из разведки нет ходу. Немцы там особо зверуют.

Десять до просеки и пять за просекой, будем считать, что в общей сложности километров двадцать,— пошутил Леонид.— Что ж, Сашок, впрягаемся и потянули. Надо успеть до темноты в святую обитель. Спасибо, Федор Кузьмич, за ласку и заботу.

ГАДАЛКИ

Снег отчаянно скрипел под полозьями полутора десятков

тяжело груженных саней. Особенно пронзительным этот скрип казался в абсолютной тишине промерзшего, спящего под толстой снеговой шубой бесконечного поля, и то темневших на горизонте, то подступавших к самой дороге перелесков. Когда обоз проходил вблизи перелесков, солдаты, сопровождавшие его, нервничали и подозрительно осматривали каждый куст, готовые в любую минуту открыть огонь из автоматов. Правда, командование утверждало, что в близлежащих лесах партизан нет и, следовательно, нет никаких причин для беспокойства. Может быть, оно и право. Последний раз стычка с партизанами произошла далеко отсюда. И обошлась она недешево. Почти ползвода отборных парней и два офицера вместо с бронетранспортером взлетели в небо.

Командование запретило всякие разговоры об этом печальном эпизоде, но думать солдату не в силах запретить никто. И солдаты, сопровождавшие обоз, думали. Думали о том, что хотя больших партизанских отрядов здесь, видимо, и нет, но партизаны все — таки водятся. Чем иначе объяснить, что дня три тому назад на этом же самом Карчинском тракте перед рассветом в пустом поле, где даже реденьких перелесков и в помине нет, на паршивом мостике через небольшую речушку с обрывистыми берегами взорвался головной танк колонны, передвигавшейся на новый участок фронта. Через четверть часа четко обозначившуюся на белом снегу танковую колонну молотила эскадрилья советских бомбардировщиков. Да, даже по таким вот, как эта большая дорога — Карчинский тракт, ездить становится все опаснее. Правда, сани, пусть и тяжело груженные, еще ни разу не подрывались, но автомашины, даже легковые, то и дело разносит вдребезги. Кругом чистое, ровное белое поле, деревни сожжены, населения нет, а машины взрываются.

Неуютно было на душе солдат, сопровождавших обоз. Их командир ефрейтор Вальтер Штарке и не пытался скрывать того, что он очень озабочен и насторожен.

Ефрейтору Вальтеру Штарке шел двадцать шестой год, из них восемь лет он прослужил в армии. Все его предки по мужской линии были солдатами, с детских лет Вальтер слышал от отца рассказы о его военных подвигах, о подвигах деда и прадеда и постепенно привык считать военную службу нормальной профессией для любого мужчины из семьи Штарке. Правда, до призыва в армию он успел окончить школу, а затем лесотехническое училище, но в гражданской специальности проработал всего с полгода и с радостью ушел в армию. Захват Бельгии и Франции показался ему увеселительной прогулкой, правда, излишне шумной, но зато с небольшим элементом риска, который так приятно волнует кровь. Вальтеру казалось, что на этом следовало бы остановиться. Германия приобрела огромные территории, немецкие солдаты отправили домой много редких

сувениров и еще больше очень цепных, необходимых для жизни вещей. Но неожиданно их дивизию подняли по тревоге, погрузили в эшелоны и перебросили в Польшу, разместили неподалеку от русской границы, и среди солдат поползли слухи о скором походе на восток. У Вальтера разговоры о войне с Россией не вызвали никакого энтузиазма. Отец часто вспоминал о походе на Россию в первую мировую как о самых мрачных днях своей жизни. И дело даже не в том, что русские — прекрасные солдаты. Немцы умоют и любят воевать и упорное сопротивление противника считают обычным делом. Но в России воюют все. Солдаты воюют, как и положено на фронте, но достаточно хоть немного их потеснить на землю России, как в тылу у победителей немедленно возникает новая армия, которая бьет завоевателей без всяких правил, где попало, как попало и чем попало. Подумать только, командира славного уланского полка, в котором служил старший Штарке, полковника барона фон Штаубе проткнули вилами. Самыми обычными вилами, которыми разбрасывают навоз па поле. И сделала это простая русская баба, которых в тех местах почему — то называли украинками. Старший Штарке всегда становился очень серьезным, когда произносил слово «партизан», так русские называли свои иррегулярные войска.

Вальтер Штарке узнал достаточно хорошо и силу Красной Армии и что такое красные партизаны. В первые дни войны с Россией их дивизия возле маленького, ничем не приметного городка вдруг наткнулась на стальную оборону. Три дня дивизия пыталась сбить зарывшиеся в землю обороняющиеся роты и потеряла более половины своего состава. Лишь на пятый день с помощью подошедших на выручку танков удалось разгромить оборонявшихся. Тогда выяснилось, что против одной из лучших дивизий вермахта здесь оборонялось не регулярное кадровое соединение, а остатки полков, до этого упорно сражавшихся на других рубежах. Наспех сформированные взводы и роты были сведены в два полка, и вот они — то и уничтожили полнокровную немецкую дивизию. Позднее по документам убитых немецкое командование установило, что каждый третий в этих полках был коммунистом. Офицеры пропаганды так и объяснили Вальтеру и его однополчанам, что коммунисты, составляя значительную часть в сводных полках, заставили беспартийных под угрозой немедленного расстрела драться до последнего вздоха.

Вальтера Штарке эти объяснения не удовлетворили. Он и сам был смелым солдатом, недаром командование за последние бои дважды наградило его за храбрость. Но, увидев, с какой яростью сражались попавшие в окружение красные, с каким великолепным презрением отвергли они предложение сдаться в плен, Вальтер Штарке был поражен и испуган. Поражен русской доблестью, испуган за свою судьбу. Впервые он усомнился в

правдивости победных реляций своего командования. «Безусловно, мы захватили много земли, сел и городов,— размышлял Вальтер.— Но какой ужасной ценой за это приходится расплачиваться. Какие замечательные парни гибнут. Еще год— два и в Германии не останется настоящих мужчин».

Конечно, этими мыслями Штарке не делился ни с кем, даже с самыми близкими друзьями. Он хорошо знал, какая судьба ожидает немца, увидевшего или разгадавшего ошибки и промахи фюрера и его генералов.

Полгода войны на восточном фронте сильно изменили Вальтера Штарке. Исчез веселый, уверенный в своей правоте и силе, беззаботный баловень боевого счастья. Он превратился в хмурого, всегда настороженного, опытного солдата, четко и буквально точно исполняющего приказы, но способного на энергичные и доблестные поступки только тогда, когда от этого зависело спасение его собственной жизни.

После боев растрепанную дивизию вывели на переформирование. И тут Штарке определенно повезло. Он и еще десятка два солдат были направлены в подразделение, выполнявшее гарнизонные обязанности в ближайшем тылу воюющих армий. Первое время он воспринял это назначение как величайшую милость судьбы.

Но происшествие в совхозе, где двое неизвестных сожгли ток с двумя тысячами тонн пшеницы, показало Вальтеру, что в России разница между фронтом и тылом понятие весьма относительное. В течение всего одних суток их взвод потерял только убитыми десять человек да семеро было ранено. Двоих раненых не удалось даже довести до госпиталя, значит, всего было убито двенадцать. Двенадцать немецких парней и более двух тысяч тонн пшеницы отдала в те сутки немецкая армия за жизнь одного старика, которого так и не смогли повесить для устрашения русских. Правда, штурмбанфюрер Гросбауер расстрелял нескольких жителей совхоза. Штарке не пришлось участвовать в расстреле, но все, происходившее на площади в момент казни партизан, он видел. У него до сих пор сжималось сердце и по спине пробегала дрожь, когда он вспоминал, как глядели на немцев стоявшие под виселицей старик и юноша, особенно юноша, глаза его прямо кричали о лютой, неистребимой ненависти к немецким солдатам. Рука Штарко невольно легла на приклад висевшего на шее автомата, хотя в заснеженном поле не было никого, кроме обоза, возчиков и десятка автоматчиков. Штарке оглянулся. Его солдаты шагали за возами. Конечно, лучше было бы ехать, но в такой дьявольский мороз разве усидишь на возу? На ходу и то ноги мерзнут, а лицо прямо деревенеет.

Штарке снова зашагал, погруженный в свои невеселые думы. Медленно тянулся обоз, медленно проползал над покрытой снегом

землею тусклый зимний день. Вдруг Штарке заметил впереди людей. Из лощины на холм по плохо наезженной дороге, ведущей в какую — то деревушку, медленно поднимались женщины. Хотя до них было еще не близко, Штарке уверенно определил, что это женщины. Так безобразно кутаться в шали и платки в зимнее время могут только славянские женщины. Впрочем, как их судить? Здесь такие морозы. Штарке подумал, что неплохо бы и ему вначале обернуть грудь и шею толстой шерстяной шалью, а затем уж натянуть шинель. Черт с ней, с фигурой и военной выправкой. Здоровье дороже.

Женщины выбрались, наконец, на тракт и повернули в ту же сторону, куда двигался обоз. Шли они очень медленно, даже тяжело груженный обоз через полчаса догнал их. Женщины сошли с дороги в снег, обе одновременно поклонились и стояли, безучастно глядя на ползущие мимо них сани. Штарке увидел, что одна из женщин уже старуха, вторая же, наоборот, совсем девчонка с двумя безобразными болячками на щеке и подбородке. Старуха стояла, положив правую руку на плечо своей спутницы.

— Слепая, — догадался Штарке и, расходуя почти весь имеющийся у него запас слов, спросил:

— Вы кто есть?

Слепая начала что — то объяснять и, вытянув откуда — то из — под лохмотьев бумаги, протянула их Штарке.

— Макс! — крикнул ефрейтор, разворачивая документы старухи. Его дружок, прибалтийский немец, понимавший немного по — русски, подбежал к Штарке.

— Спроси их, почему они идут по этой дороге?

Пока Макс пытался понять старуху, а Штарке читал документ, обоз остановился.

Штарке был несколько удивлен, прочитав немецкий текст документа. В нем начальник окружной полиции разрешал жителям города Кречетова слепой Котовой Марии Ивановне и ее поводырю Паршиной Валентине собирать подаяние в окружающих деревнях и селах. Кроме того, Котовой разрешалось ворожить, если среди населения найдутся желающие узнать свое будущее, но обязательно, как было сказано в документе, «производить гадание в духе, благоприятном для армии великой Германии и принесенного ею нового порядка». Подлинность документа не вызвала никаких сомнений. Его подписали заместитель начальника полиции Долганов и ответственный работник думы — Купин. Этих людей Штарке запомнил еще с момента происшествия в совхозе. «Даже безграмотных гадалок приспособили для пропаганды и поддержки нашей армии», — невольно улыбаясь, подумал Штарке и возвратил старухе ее документ.

—Ну, что ты выяснил? — спросил он Макса, все еще плутовавшего в дебрях русского языка.

—Они обычные нищенки,— ответил Макс.

—Скажи им, пусть садятся на возы, если не боятся замерзнуть. Подвезем до села.

Макс с удивлением взглянул на Штарке, и тот с улыбкой объяснил:

— Кто знает? Быть может, мы этим чуточку поможем и нашей армии.

Штарке сам указал женщинам ближайший воз и, покопавшись в памяти, вытащил еще два русских слова:

— Тут!.. Сидеть!..— подумал и добавил: — Пожалуйста!.. Ехать!

Через час обоз вошел в Раменье. Стоявший у въезда в село пост из трех полицаев, вооруженных винтовками русского образца, почтительно выстроился вдоль дороги. Штарке презрительно взглянул на этих, совсем невоинственного вида, к тому же явно хмельных парней и, прошагав метров сто дальше, остановился, чтобы пропустить мимо себя обоз. Увидев сидевших на возу женщин, полицаи удивленно переглянулись, но придраться к ним, видимо, не решались. Неподалеку от стоявшего на обочине дороги ефрейтора молодая женщина соскочила с воза и помогла сойти слепой. Обе подошли к ефрейтору и поклонились.

—Благодарю вас, господин офицер,— сказала старая.

—Я не есть офицер,— блеснул своими познаниями в русском языке Штарке.— Я есть ефрейтор. Благодарю пожалуйста.

—Спасибо вам, господин ефрейтор,— сказала молодая.

—Пожалуйста спасибо,— любезно согласился Штарке и посторонился, освободив женщинам дорогу. Прикрикнув на неторопливых обозников, он вскочил на ближайший воз.

Ночевка была намечена в следующем селе со странным шипящим названием «Ветшернее», до которого было еще восемнадцать, насквозь замороженных и поэтому очень длинных русских километров.

И все же Штарке облегченно вздохнул, когда обоз вошел в Раменье.

Кончена эта проклятая часть пути по полям, где за любым кустом, холмом, даже на тракте немецкого солдата всегда подстерегает опасность. Ведь партизаны научились укладывать мины в совершенно гладкую колею, так что невозможно ничего заметить. А здесь за Раменьем начинается особая зона, куда партизаны не сунутся. Здесь дороги патрулируются, а в крупных селах находятся немецкие гарнизоны.

Километрах в шести от Раменья обоз начал спускаться в

лощину, по дну которой в летние месяцы текла река, сейчас скрытая под толстым слоем льда и снега. Новый деревянный мост на очень высоких сваях соединял оба берега. Ездовые ударили по лошадям, чтобы с разгона взять начинавшийся за мостом крутой подъем.

Усталые лошади тяжело одолевали подъем. Едва лишь голова обоза поднялась на вершину холма, как вынуждена была остановиться и прижаться к обочине дороги, чтобы пропустить три грузовые машины с солдатами, идущие в Раменье. Около обоза машины притормозили. Из кабины головной машины выскочил молодой, видимо, только что из училища, лейтенант.

— Это Карчинский тракт? Впереди село Раменье? — спросил он Штарке.

— Так точно, господин лейтенант, Раменье.

— Как впереди? Все спокойно?

— Так точно, спокойно, господин лейтенант. Идем с восьми часов без всяких происшествий.

— Значит, все тихо, — разочарованно протянул лейтенант. — С чем обоз?

— Воск и мед, господин лейтенант.

— Партизаны не успели воспользоваться?

— Так точно. Обер — лейтенант господин Тизенгаузен приказал первую остановку делать только в Ветшернем. До особой зоны следовать без остановки.

— Вам повезло, — развеселился лейтенант. — В двенадцать ноль — ноль у обер — лейтенанта стало жарко. Мы едем к нему на выручку.

— Желаю полной победы, господин лейтенант.

— Конечно, мы выручим Тизенгаузена. Мои парии прямо под плащ — палатками «парней» и усомнился, так ли уж они рвутся в бой, но вслух ничего не сказал. Лейтенант и не ждал ответа. Он вскочил на подножку кабины и звонким мальчишеским голосом подал команду:

— Вперед!..

Лейтенант сел в кабину, и машины помчались к мосту. Штарке смотрел им вслед и думал, что, задержись случайно выезд обоза, и он тоже был бы в числе тех, кому на выручку спешит сейчас этот лейтенант с солдатами. «Неизвестно, дожил бы я до нынешнего вечера, — подумал Штарке. — Повезло мне. А лейтенант еще молодой дурак. Спешит в бой, как на праздник. Ничего, раза два натрут шею — поумнеет».

Машины на укороченных интервалах мчались к мосту. Первая уже прошла половину моста, вторая только вкатилась на него, когда неожиданно грохнул взрыв. Головную машину метра на полтора подбросило в воздух вместе с обломками настила, затем она рухнула вниз, в провал взорванного моста. Вторая не успела затормозить и

скользнула следом, и только третья круто повернула вправо, опрокинулась и волчком закрутилась на боку, калеча сидевших в кузове людей.

Штарке несколько мгновений был в столбняке. «Как это могло случиться? — пронеслось у него в голове. — Ведь здесь зона строгого режима». Потом он закричал на своих солдат, обругал их за то, что они укрылись за возами, а затем вместе с ними кинулся к жуткому провалу, откуда поднимались клубы черного дыма и неслись вопли и стоны людей.

Позднее командование отметило примерную распорядительность ефрейтора Штарке. Он приказал срочно разгрузить возы и на санях с возможной быстротой доставил тяжело раненных в село Вечернее.

Первая встреча с немцами для Агнии Михайловны и Веры окончилась благополучно. Документ, видимо, не вызвал у ефрейтора ни малейшего подозрения. Правда, еще в партизанском отряде заместитель командира по разведке, в котором Вера узнала одного из чекистов, бывавшего в доме отца, уверил их, что документы не подделка, а подлинные. Лица, подписавшие их, действительно состоят на службе у немцев и пользуются их доверием. Вера прочитала на документе подпись Купина и тяжело вздохнула. Каково — то будет Саше узнать, что его родной дядя не просто трус, случайно совершивший предательство, а матерый изменник, связавший свою дальнейшую судьбу с оккупантами.

Спустившись в Раменье с воза, Агния Михайловна снова положила руку на плечо Веры. Она могла бы совершенно свободно идти и одна, зрение еще не окончательно отказало ей, но по совету Званцева они и наедине держались так, как согласно легенде, должны были держаться на людях. И уже много дней в разговоре употреблялись не их настоящие имена, а только присвоенные им по легенде.

—Ну, как Валюта? — первой заговорила Сбоева. — Очень испугалась?

—Ох, тетя Маша, так испугалась, что ноги прямо ватные стали.

—И мне не по себе стало, когда этот выкормыш на меня уставился. Только ведь нам бояться можно, а теряться никак нельзя.

—Да, конечно, тетя Маша, я понимаю.

Молча прошли они по улице села и повернули к нужному дому. Во дворе, около крыльца, рубил на дрова обгорелые бревна и доски, видимо, привезенные с какого-то пожарища, высокий кряжистый мужик лет пятидесяти. Он недовольно оглядел подходивших к нему женщин и, поняв, что одна из них слепая,

еще больше нахмурился.

— Не подадите ли, Христа ради, милостыньку, — хорошо поставленным жалобным голосом опытной нищенки завела «слепая», истово крестясь.

— Бог подаст, — сурово бросил мужик, с яростью обрушивая тяжелый топор на суковатое бревно.

— Спасибо, — смиренно поклонилась «слепая». — Подают — то люди, Христовым именем. Богу — то до каждого из нас не дотянуться. Оставайся с богом.

— Откуда вы? — окликнул мужик, когда женщины уже направились со двора. Видимо, хорошо разыгранное смирение подействовало даже на его ожесточенное сердце.

— Из городу, кормилец. Голодно сейчас у нас.

— Не только у вас, везде голодно. У старосты были?

— Не дошли.

— Идите к старосте. А то беды наживешь с вами. Без приказа сейчас и нищему подать нельзя.

— Староста нам ни при чем, у нас разрешение из городу. А зайти к нему, как не зайти. Обязательно зайдём. Доложимся. Может, подаст что — либо.

— Подаст, — ухмыльнулся мужик. — Он вам не подаст, а подаст. Ну чего встали? Идите в избу. Хозяйка там покормит чем ни на есть.

Хозяйка, видимо, слышала из сеней диалог мужа с побирушками. Когда Сбоева и Вера вошли в избу, вначале сняли только шали и рукавицы, но хозяйка, заметив их нерешительность, с укором сказала:

— Чтой — то вы? Какая же еда в одеже? Раздевайтесь. Тепло в избе — то.

Хотя утром обе путешественницы позавтракали весьма плотно, долгий путь по морозу оказался хорошим средством для возбуждения аппетита. Картошка в мундире с головкой лука и куском черного хлеба, посыпанного крупной солью, показалась им очень вкусным кушаньем. Трудясь над горячей, рассыпчатой картошкой, Агния Михайловна восстанавливала в памяти: «Десятый дом справа от въезда, Анохин Иван Петрович, его сын Петр, младший сержант, командир отделения, полковой разведчик, тяжело ранен, но выздоравливает, награжден орденом Боевого Красного Знамени».

Хозяйка стояла около печи, сложив по — женски руки под грудью и со страданием глядела на проголодавшихся нежданных посетительниц.

— Намерзлись, видать. На дворе — то, не приведи господь, какая стужа, — сочувственно сказала она. — Давайте — ка я вам кипяточку налью. Чаю — то нигде не достанешь, так мы малиновый

лист завариваем.

Посетительницы не отказались и от кипяточка. Хозяйка тоже под села к столу. Со свойственной всем неискушенным людям простотой она первым делом заговорила о том, что наиболее привлекло ее внимание.

—Давно ослепла — то?

—Перед самой войной. Года полтора уж есть.

—Родных — то никого, видать, нету?

—Вот только племянница. Ходит со мною. Остальные успели уехать.

—А ты, значит, не успела. А раньше — то где работала, когда здоровой была?

—Я все больше по детским садам, воспитательницей, — ответила Сбоева. — А Валюша — то еще и не работала совсем. Молода была. Ну, спасибо тебе, хозяйюшка, за привет да за ласку.

—За что благодарить — то?! Картошка да пустой кипяток, — отмахнулась хозяйка. Затем взглянула пристально на Веру и одобрительно сказала. — А девушка — то у тебя хорошая, невестится уже. Дробненькая и красивая будет.

Сбоева снова повела разговор к необходимой ей теме.

—А у тебя, хозяйюшка, детки — то где? Иль уж вылетели из родного гнездышка?

Да, можно сказать, и вылетели. Старшой — то наш, Александра, восьмой год, как под Москвой на заводе работает. ФЗО кончал. А младшенький, Петюшка, как ушел летом, так ни — она уже вытаскивала из печи чугунок с вареной картошкой. Сбоева и Вера каких вестей. Уж не знаем, жив ли, не жив ли... — Голос хозяйки дрогнул, но она справилась с рвавшимся из груди материнским горем и почти сухо закончила: — Ничего о нем не известно.

— Нечем мне отблагодарить тебя, хозяйюшка, за привет и ласку, а все же хочется хотя бы облегчить твою горе, — мягко проговорила Сбоева. — Иди — ка сюда, милая. Садись рядом. Садись сюда, говорю, ничего плохого я тебе не сделаю. Дай мне свою правую руку.

Недоумевающая и немного испуганная хозяйка с опаской протянула свою руку Сбоевой. Агния Михайловна, вглядываясь широко открытыми глазами в стену за спиной притихшей женщины и водя своими тонкими, суховатыми пальцами по ее загрубевшей от постоянной работы ладони, понизив голос почти до шепота, заговорила:

—Видишь, линия жизни у тебя такая длинная и прямая.

Долго жить будешь, милая. Есть, правда, на твоей линии жизни три препоны. Две ты уже пережила, а одну тебе еще предстоит претерпеть. Но не бойся, милая. Эти препоны сыновей твоих не должны касаться. Другие они, от другого направления

исходят. Вторую из препон ты совсем недавно пережила, меньше года, пожалуй.

—Ой, да как же ты догадалась? — испуганным шепотом проговорила хозяйка.— Батюшку и матушку я в одночасье потеряла. Немцы от батюшки дознаться хотели, куда совхоз трактора закопал, которые увезти не успели. Били его сильно, заодно и маменьке досталось. А они уже лет с десять оба сердцем маялись. Немцы видят, толку от них никакого и уж отступились, а они оба друг за дружкой и померли.

—Не знаю, милая, не знаю,— упорно глядя куда—то не то на иконы, не то в окно в крайнем углу, ответила Сбоева.— Липни руки говорят о судьбе человека вообще, о всей жизни, а не об отдельных днях его жизни. Об отдельных днях надо или на картах или по книге откровений.

—Ой, мать моя, уже не о тебе ли наши бабы болтали? — загорелась хозяйка.— Ходит, мол, по нашим деревням, ворожейка, всю правду рассказывает. Еще Деруниха кричала, что за ворожбу с кого овцу, с кого деньгами не меньше двух сотенных берет.

—Что это за Деруниха?

—Да жена нашего рыжего дьявола, старосты нашего. Он до войны—то кладовщиком в колхозе был, да проворовался. Сейчас на моего Ивана злобствует. Иван—то председателем ревкомиссии был и вывел Деруна на чистую воду.

— Врет все ваша Деруниха. За свое гадание я много не беру, только чтобы не голодать. Мне дар предсказания свыше дан.

—Погадай, будь ласкова, на своих картах, на моего Петюшку,— умоляюще заговорила хозяйка.— Пусть карты скажут, где он, что с ним, жив ли хоть?..

—А как хозяин увидит? Не заругается?

—Не сомневайся. Мой Иван, хоть ни во что не верит, а ругаться при людях ни в жизнь не будет.

Сбоева вытащила из сумы завернутую в тряпочку колоду карт, снова села к столу.

—Какой масти твой сынок, черный, белый или шатенистый?

—Белый он. Волосы чисто лен, в желтизну немного отдают,— прослезилась хозяйка.— Высокий и сильный, никто его из погодков в селе побороть не мог.

—Значит, на бубнового короля гадать будем,— решила Сбоева и, отыскав на ощупь нужную ей карту, протянула ее хозяйке.

—Приложи к сердцу и думай о сыне,— строго сказала она. — Хорошее думай. Спрашивай его, что с ним, где он.

Хозяйка осторожно приложила карту к груди и прикрыла глаза, чтоб точно представить себе облик сына. Сбоева неторопливо

тасовала колоду.

— Клади теперь карту на стол,—после долгого молчания сказала она.— Так. А теперь вытаскивай из середины колоды три карты. По одной вытаскивай и не смотри их. Клади две под короля, а одну сверху.

Хозяйка неторопливо и торжественно сделала так, как указала ей «слепая». Затем Сбоева, все время ощупывая каждую вынутую ею карту, разложила гадание. В напряженном молчании хозяйка следила за каждым движением рук гадалки. Она не слышала, как скрипнула входная дверь, и в избу вошел хозяин. Увидев, чем заняты его жена и нежданная гостья, он недовольно поморщился, но молча разделся и сел на приступок у печи.

—А теперь давай, хозяйюшка, снимай карту, что лежит на сердце твоего сына,— приказала она хозяйке и, когда та исполнила, ощупала поданную ей карту и с хорошо разыгранным удивлением сказала:

—Ох, милая! Через боль и горе добыл себе твой сын великую радость. Лежат за спиной твоего Петра две дороги. Одна короткая, видать, из родного дома, а другая длинная и трудная через кровь и боль, а может, и через рапу кровавую. Но ты все это не бери близко к сердцу. Две эти дороги выводят твоего Петра на новую, хорошую. Вот видишь, она,— ощупав карту, Сбоева указала хозяйке на червонную шестерку.— И ведет эта дорога твоего Петра к казенному дому и важному казенному королю. Вот он. Червонный — по всей масти не меньше генерала. Может, отпуск дадут?

—Как нее ему в отпуск —то? Ведь мы под немцами? — скорее выдохнула, чем сказала хозяйка.

—Не век же немцу на нашей земле быть,— вдруг донеслось от печи.— Наладили его под Москвой и здесь поддадут.

Сбоева собрала колоду, перетасовала и снова протянула ее хозяйке:

— Вытащи теперь на себя, хозяйюшка. Посмотрим, что тебя ожидает. Вытаскивай три карты и, не глядя, клади их на стол лицевой стороной к столешнице.

Хозяйка старательно выполнила просьбу гадалки. Хозяин не выдержал, поднялся со своего места и тоже подошел к столу. Сбоева ощупала вынутые карты, с минуту молчала, словно разгадывая их темное значение, затем неуверенным тоном сказала:

—Не знаю уж, хозяйюшка, говорить ли тебе, что показывают карты. Уж больно необычно они говорят.

—Говори, милая, говори,— взволнованно схватила Сбоеву за плечо хозяйка.— Как есть все говори. Я все

выдержу, только бы правду.

—Карты говорят, что скоро ты получишь неожиданную, радостную весть. Три карты мы взяли — значит весть придет через три дня, а может, и раньше.

Стоявший около стола хозяин недоверчиво хмыкнул, но хозяйка всему поверила.

— Спасибо тебе, милая, за светлую весть,— радостно прослезилась она.— Погоди—ка, я тебе на дорожку кусочек сальца отрежу. Есть у нас еще небольшой шматочек.

—Благодарствую, хозяйюшка,— отказалась Сбоева.— Не надо. Покурила ты нас и спасибо.

—За труд твой...— начала было хозяйка.

—За гадание я ничего не возьму,— снова напомнила Сбоева.— Не надо. Дар этот мне свыше дан и торговать им грешно. Хозяин, дайте вашу правую руку!

—Ну, а мне—то зачем? — смущенно пробормотал, подчиняясь неожиданной атаке, хозяин и, протягивая руку, добавил: — Я тут ни при чем, вроде.

Сбоева несколько мгновений водила кончиками пальцев по заскорузлой, мужицкой ладони, на которой даже с помощью микроскопа невозможно было обнаружить ничего, кроме мозолей, и взволнованно зашептала:

—Линии на вашей руке говорят, что вам предстоит долгая жизнь, но берегитесь. Линию жизни пересекает зловещая линия чьей—то ненависти. Не допускайте, чтобы она пересекла ее. Ненавистник такой у вас есть и где—то неподалеку. Берегитесь его. Действуйте раньше, чем он успеет нанести Удар.

Сбоева и Вера, провожаемые благословениями хозяйки, прошли уже чуть не половину села, а хозяин подсел к окну и растерянным взглядом рассматривал свою могучую ладонь. Он пытался разыскать на ней ту самую линию жизни, которую намерен пересечь ненавистник. Впрочем, кто такой этот ненавистник, хозяин знал хорошо.

На прощание хозяйка шепнула Сбоевой:

—Остановитесь ночевать у Макарихи. Третья изба от пожарного сарая. Наличники в зеленый цвет покрашены. Макариха — баба надежная. И старосты не боится. Она ему сродственница.

—Спасибо, хозяйюшка. Это уж как староста укажет. Мы люди подначальные,— ответила «слепая» и, положив руку на плечо спутницы, сказала:— Ну, Валюта, пойдём теперь к старосте. По начальству явимся.

ХОТЬ СОВРИ, НО УТЕШЬ

К старосте попасть оказалось не так — то легко. Его дом был отделен от улицы плотным, недавно поставленным тесовым забором.

— Кого надеть? — крикнули из — за ворот в ответ на стук.

— Мы к господину старосте, — ответила Сбоева.

— Чего надеть? — снова послышалось из — за ворот.

— Старосту, — повторила Сбоева.

— Ну и ждите, — донесся короткий ответ. Было слышно, как хлопнула дверь. Разговаривающий вошел в дом.

Минут двадцать пришлось женщинам топтаться на морозе у ворот Старостина дома. Наконец снова послышалось хлопанье двери, скрип снега под тяжелыми шагами, — калитка распахнулась, и появился староста. Он, видимо, собрался куда — то ехать, был одет по — дорожному в тяжелую теплую шубу и поверх шапки обмотан башлыком. В глубине двора виднелась запряженная в кошеву лошадь.

— Чего вам? — сердито, недовольный задержкой, спросил староста.

— Мы к вам за разрешением, господин староста, — смиренно поклонилась пространству между старостой и столбом ворот «слепая». — Где разрешите остановиться, отдохнуть, обогреться?

— А кто вы такие, чтобы я заботился о вашем отдыхе? — обозлился староста. — Марш из села!.. Чтобы духом вашим не воняло.

— Значит, господин Долгаиов ошибся, когда говорил, что староста в Раменье надежный человек, — с прежним смирением, чуть окрашенным оттенком угрозы, ответила «слепая». — Пойдем, Валюта, переночуем где —нибудь. Село — то, наверное, не без добрых людей.

— Что ты там бормочешь, старая? — значительно сбавив тон, окликнул повернувших от ворот женщин староста. — А ну, покажь документ.

Сбоева неторопливо достала бумагу и протянула ее несколько в сторону от внимательно смотревшего на нее старосты.

— Совсем слепая, что ли? — уже миролюбивым топом спросил тот.

— Совсем, кормилец. Уж скоро два года, как не вижу ясного дня.

Староста внимательно прочитал документ, внимательно рассмотрел подписи и после этого прочел еще раз.

— Ладно, — наконец изрек он, вкладывая бумагу в руки «слепой». — Можете побираться, сколько хотите. Не сомневайтесь. А насчет ночевки, останавливайтесь, где будет ближе. Везде можете говорить, что староста Иван Фролович Дерунов разрешил.

Поблагодарив Дерунова, «слепая» со своей спутницей снова пошла по улице села.

—Ну, что ж, Валюта,— облегченно вздохнула Сбоева.— Пойдем похристарадничаем часок—другой. Надо так сделать, чтобы к Макарихе к последней зайти. Дом—то с зелеными наличниками найдешь, когда стемнеет?

—Найду, тетя Маша.

—Что ж, Валюша, в него мы и завернем, сироты казанские.

Макариха оказалась совсем еще нестарой женщиной. Она, видимо, ожидала своих постояльцев и встретила их во дворе. Отставив в сторону лопату, которой отгребала снег от крыльца, она кивнула подходившим к ней женщинам и, не ожидая просьб о ночлеге, сказала:

— Знаю. Егоровна забегала, сказывала. Заходите в избу, грейтесь.

—Сбоева догадалась, что Егоровна, видимо, жена Ивана Анохина. Поздоровавшись, она и Вера вошли в дом. Сама хозяйка еще с полчаса оставалась во дворе, хлопотала по хозяйству.

— Чего ж вы в одежде сидите? — удивилась она, войдя в избу.— Не в гости пришли, а отдохнуть. Раздевайтесь, мойте руки да садитесь к столу, вечерять будем:.

На этот раз к ужину, кроме обычной картошки и лука, был подан еще основательный кусок свиного сала. Разрезав его на маленькие кусочки, Макариха с добродушной улыбкой сказала:

—Подарок Егоровны. Очень ты ее обрадовала. Нагадала хорошие вести.

—Пусть ей все сбудется,— пожелала Сбоева.— А у вас, хозяйюшка, сынок—то тоже в армии?

—Двое у меня: Гриша и Женя. До прихода этой нечисти по два письма от них получала. Гриша—то и в колхозе и в армии все при моторах. Был трактористом, стал танкистом. А Женя писал, что на курсах учится, на каких, не сообщил, но учится. В августе последнее письмо пришло.

—Муж тоже в армии?

—Нет его,— сурово ответила Евдокия Андреевна.—В двадцать девятом, в коллективизацию, кулак наш Егорка Дерунов, родич Ваньки Дерунова, застрелил ночью моего Макара. Егорку—то тогда расстреляли, а Ванька вывернулся, хотя года три отсидел, подозрение было, что содействовал он Егорке.

—Одна сыновей на ноги ставила?

—Так уж пришлось. Младшему, Женюшке, восьмой годок шел, когда эта беда случилась.

—Что ж замуж — то еще раз не вышла?

—Всякое бывает. И сватали меня многие, не глядя, что с двумя мальчишками я. Да разве кто заменит моего Макарушку? Тот у меня орел был. А теперь вот совсем одна осталась. От сынков ни весточки.

Хотя разговор и шел на далеко не веселую тему, Сбоева и Вера с трудом сдержали радостное волнение. В списке, переданном капитаном Суровым, был сержант Григорий Русанов, водитель тяжелого танка «Клим Ворошилов». Он участвовал в битве под Москвой и был награжден медалью «За отвагу». Словно угадав мысли собеседницы, Евдокия Андреевна попросила ее:

—Ты уж не откажи, погадай мне после ужина. Хоть я и не особенно верю, но все, может, на сердце полегчает.

—Поворожу, хозяйюшка, как же иначе,— обещала Сбоева.— Может, еще кто пожелает из соседей.

—Да как не пожелать, найдутся. Только ты, Марья Ивановна, вот что... в селе — то у нас разный народ...

—Тогда уж лучше не надо,— забеспокоилась для вида Сбоева.— Ну их, еще беды наживешь.

—Не наживешь, коль с умом. А отказаться — то у тебя сейчас не выйдет. Бабы уже многие про тебя знают. У каждой ведь свое горе, каждая утешиться хочет. А ты, раз у тебя дар свыше, хоть соври, да утешь. Все легче беду переживать, пока наши придут на выручку.

—А как же я разберу, с кем можно говорить, а кого остерегаться?

—Тут я тебе помогу. Про каждую особенно объяснять не буду, кто она и что она. А про какую скажу, что очень хозяйственная баба, так ты знай — змея.

—Спасибо тебе, Евдокия Андреевна.

Пока ужинали, да пока хозяйка прибрала со стола, совсем стемнело. Сбоева начала рассказывать туманным, полным намеков языком ворожбы все, что ей было известно о судьбе старшего сына Евдокии Андреевны, как одна за другой з комнате начали появляться женщины. Пришло несколько девушек. На них Агния Михайловна не обращала внимания. Девушки, как заранее было условлено, были контингентом Веры. Вначале девчата настороженно и даже с некоторым страхом слушали слова «слепой», но постепенно, одна за другой отошли в дальний угол горницы. Вера сначала познакомилась с одной из них и начала с нею перешептываться о чем — то таком, что может интересовать лишь девушек, только что переступивших порог юности. Этот шепот двух новых подруг для всех остальных девушек оказался более притягательным, чем гадание, и они отошли от стола, за которым сидела «слепая».

Желающих погадать было много. К столу подседа высокая сухая пожилая женщина с истощенным землистым лицом. Низко повязанная черным матерчатым платком, в длинной, старинного покроя черной юбке она показалась Агнии Михайловне физическим воплощением женской, материнской скорби. Евдокия Андреевна относилась к этой женщине с сочувственной лаской и, усаживая ее против Сбоевой, сказала:

— Садись, Кондратьевна, отдохни, умаялась, чай,— я специально для Сбоевой сообщила: — С дальнего конца села шла. Три сына в армии и дочка с мужем.

Сбоева почувствовала, что обычная уверенность оставляет ее. Что она могла сказать этой старой, измученной несчастьями и горем женщине?

— Дай мне, Кондратьевна, правую руку,— наконец прервала слишком затянувшуюся паузу Сбоева.— Я тебе во руке говорить буду.— Несколько мгновений она ощупывала пальцами сухую старческую ладонь и затем глубоко вздохнула.

— Что там? — требовательно спросила старуха.— Что видишь — то?

— Ничего я глазами не вижу,— тихо ответила Сбоева.— Я слышу.— И, секунду помолчав, уже овладев собою, затворила: — Очень жаль, милая, что нечем мне тебя обрадовать. И обманывать тебя не хочу. Одно только могу сказать твердо: крепись. Сейчас вот это самое время, для тебя она что ни на есть наигоршее. Сейчас ты в, самой пучине горя и хоть не близко, но уже видно, как все изменится. Не сразу, моя милая, не вдруг, а постепенно меняться будет. И во что бы то ни стало тебе надо пережить, перетерпеть это время.

— Сколько же еще терпеть — то? — почти со стоном вырвалось у Кондратьевны.

— Скажу, милая, сейчас скажу,— ласково наглаживая ее ладонь, ответила Сбоева, торопливо подсчитывая про себя: «Пути нам еще дней двенадцать, обратно не меньше — значит двадцать четыре дня. Да, чтобы узнать что —нибудь, Сурову нужно не меньше месяца, да на пересылку ответа неделя. Не менее двух месяцев,— шестьдесят дней. Как бы это сказать. Тринадцать число черное, семь священное, тринадцать на семь... девяносто один. Три месяца. Ну и хорошо. Сурову тоже надо дать запас времени».— В общем, скажу я тебе, милая, так,— снова заговорила Сбоева.— От сегодняшнего дня отсчитывай семь раз по тринадцать дней. Не забудешь? Семь раз по тринадцать дней. За это время много изменится в твоей жизни. Будет и плохое, но будет и хорошее. А главное, перестанет терзать твое сердце забота о том, где твои сынки и дочь и что с ними. Будут тебе весточки от них, нескоро, но

будут.

Изможденное лицо женщины посветлело. Она, как молитву, повторила вполголоса:

— Семь раз по тринадцати дней. Может, погонят иродов. Почта ходить будет.

— Не знаю, милая, чего не знаю, того и сказать не могу.

— Погадай теперь сначала на старшего моего, на Мишеньку, — попросила Кондратьевна.

— Да что ты, мать моя, — не выдержала одна из молодых женщин, сидевшая около стола. — Неужели на каждого по отдельности ворожить будешь? На всех пятерых. Тогда до нас и очередь же дойдет.

Но гадание было прервано. В сенцах послышался топот, кто-то обивал снег с валенок, затем без стука отворилась дверь, и в комнату ввалились двое парней, оба с повязками полицаев на рукавах полушубков.

— Что здесь за собрания? — с вежливой издевкой заговорил, видимо, главный из полицаев, высокий и красивый парень лет двадцати пяти.

Второй полицай еще совсем молодой, лет восемнадцати, сел около двери, поставив винтовку между колен.

— Ну, что молчите? — прикрикнул первый полицай. — Оглохли, что ли?

— Нет, просто любуемся. Очень ты красивый стал, — отозвался кто-то из дальнего угла.

— Я вас спрашиваю? — загремел полицай, сделав вид, что не слышал девичьей реплики.

— Отвечаем, — спокойно заговорила Сбоева, понимая, что лучше всего ответить ей, человеку постороннему. — Находимся здесь по разрешению старосты господина Дерунова Ивана Фроловича.

Полицай опешил. Он громко и протяжно потянул носом воздух, словно принюхиваясь, не пахнет ли здесь крамолой, и, значительно все же снизив тон, спросил:

— А собранию тоже староста разрешил?

— Собрания никакого нет, — вмешалась хозяйка дома. — Божий человек ворожить умеет. Вот и собрались.

— И староста разрешил ворожкой заниматься?

— Нет, — снова вмешалась Сбоева. — Ворожить мне разрешил начальник полиции господин Долганов. Староста об этом знает. Еще что спросите?

— Ничего, — растерянно ответил полицай. Фамилия начальника полиции испугала его. Долганов жестоко расправлялся с теми, кто не выполнял его распоряжений.

—Становись, Пантюшка, на колени,— снова послышался из угла задорный девичий голос.— Кайся!

—Это что еще за намеки при служебном положении? — обозлился полицейай.

—Без намеков. Забыл, как перед всем миром на коленях стоял? Прощения просил, что колхозные деньги пропил.

—Когда это было,— огрызнулся полицейай.— Не ваше пропил, колхозное.

—Ан врешь, парень. Колхоз колхозом, а добро — то в нем наше было. Наши деньги ты промотал.

—Ладно,— сердито ответил полицейай.— Ворожите пока. Разберемся,— и, кивнув головой своему спутнику, вместе с ним вышел из избы, сильно хлопнув дверью.

—Он только при бабах и храбрый,— снова послышалось из угла. Если бы наши парни были здесь...

—Моя двоюродная племянка,— прошептала Сбоевой Евдокия Андреевна,— Младшая дочка Баньки Дерунова. Они с братом не в отца пошли. Словно бы других кровей.

—Ну, гадай, гадай на Мишеньку — то,— напомнила Кондратьевна.— Сколько времени отнял ирод.

—Нельзя, милая, сейчас гадать,— собрала Сбоева разложенные по столу карты.— Перерыв в гадании самое плохое дело. Ты уж загляни завтра, на свежие карты раскинем.

—А ты завтра — то не уйдешь? — недоверчиво спросила Кондратьевна.

—Перемерзла очень, притомилась. Ноги так и гудут. Если хозяйка не прогонит, отдохну денек.

—Чего же мне тебя гнать? Живи, места не жалко.

—Возьми пока за добрую весть,— протянула Кондратьевна небольшой сверток. Сбоева на ощупь поняла, что в свертке несколько яиц. Сейчас она не отказывалась от платы за ворожбу. Но кто бы из сельского начальства поверил, что нищая гадалка станет ворожить бесплатно.

—Спасибо,— поблагодарила она Кондратьевну.— Приходи завтра пораньше.

К столу подседа молодая, видимо, смелая и острая на язык женщина. Но сейчас она явно робела и глядела на Сбоеву просительными и чуточку испуганными глазами.

—Паня это,— рекомендовала ее Евдокия Андреевна.— В колхозе была лучшей ударницей. Муж ушел с истребительным батальоном и с тех пор ни слуху ни духу.

Неожиданно хлопнула избяная дверь, и в комнату вошла высокая дородная женщина в шубе и дорогой оренбургской шали. По тому, как сразу же смолк негромкий разговор между женщинами и перешептывание в девичьем углу, Сбоева

почувствовала — пришла чужая. Да и Евдокия Андреевна, выполняя уговор, отрекомендовала ее:

—Аграфена Дерунова. Очень хозяйственная и самостоятельная женщина.

«Старостиха»,— догадалась Сбоева.

Старостиха бесцеремонно отстранила Паню от стола и села на ее место.

—Раскинь, будь ласкова, карты. Скажи, что меня ожидает? Когда от сынка весточка будет? Скоро ли свидимся?

Но Сбоева собрала со стола карты и, завернув колоду в бумажку, спрятала ее в карман.

—На карты больше троих нельзя ворожить,— объяснила она нахмурившейся старостихе.— Я тебе, красавица, по другому поворожу, а карты пусть отдыхают до завтра. Валюша, дай — ка книгу.

Появление необычно большой и толстой книги с оттиснутым золотом восьмиконечным крестом и полумесяцем на верхней крышке вызвало у всех присутствующих почтительное удивление.

Сбоева перекрестилась, перекрестила книгу и протянула ее старостихе. Та, испуганно ойкнув, взяла книгу и, держа ее на расстоянии в вытянутых руках, зашептала молитву.

— Прижми книгу к сердцу. Думай о том, что хочешь узнать,— необычно низким голосом, отдельно произнося слова, проговорила Сбоева.

Все вздрогнули. Старостиха от испуга чуть же выронила из рук книгу.

—Не урони святую книгу. Прижми к сердцу. Думай, о ком хочешь, знать правду.

—О ком же мне хотеть? О сынке...— растерянно прошептала старостиха, притискивая к животу толстый том.

Выдержав, способствующую нагнетанию тревожного настроения паузу, Сбоева с трудом вытащила из судорожно стиснутых пальцев старостихи книгу, подчеркнуто медленно и почтительно положила ее на стол, а затем приказала боязливо следившей за каждым ее движением Деруновой:

—Открой книгу!

Старостиха протянула руку к книге, но затем отдернула ее и прошептала:

—Боюсь!

—Открывай! — замогильным тоном повторила свой приказ Сбоева.

—На каком месте? — прошептала старостиха, робко протягивая руку к черной книге.

—Открывай! Книга сама на нужном месте раскроется.

Сопя от напряжения, старостиха дрожащей рукой развернула книгу, и сгрудившиеся около стола женщины ахнули от неожиданности.

—Чистая!

—Никакой буковки!

—Только пупырышки! Словно исколол кто — то!

Но Сбоева не дала разрядиться настроению. Опустив пальцы на «пупырышки», она заговорила строго, с небольшим распевом в конце каждой фразы.

—Книга говорит: тяжелым, нечеловечески тяжелым путем идет сейчас твой сын. И идет тот путь по земле, опаленной пламенем более жгучим, чем пламя ада. Но твой сын не в силах сойти с этого пути, да и не ищет он для себя иной дороги.

В комнате стояла такая тишина, что, кроме голоса гадалки, слышно было только тяжелое дыхание Деруновой.

— Книга говорит,— продолжила Сбоева после неожиданной, бьющей по нервам паузы,— что смерть кружится вокруг головы твоего сына. Но она не в силах ужалить его. Оберегает его чья — то горячая, преданная любовь. Так ему написано на роду. Ты — мать при рождении дала ему имя Виктор. Виктор — значит «Победитель». Если твой сын понимает, что означает его имя, он сам не захочет замарать его грязью подлости и измены тому, во что верит и что любит.

Из темноты угла, где примостились девушки, донесся негромкий возглас удивления. Это не выдержала Галка, услышав от незнакомой женщины имя брата.

Дерунова верила каждому слову «слепой» и, замирая от страха, ждала новых откровений. Но Сбоева замолчала, словно вглядываясь во что — то видимое только ей одной, и старостиха, не выпуская из зубов закушенного уголка шали, свистящим шепотом начала умолять:

—Говори!.. Говори еще!..

—Что тебе еще сказать? — повысив голос, ответила Сбоева.— Туманен и не прост язык книги, и я говорю только то, что могу разобрать. Книга говорит, что твой сын доволен своей судьбой, он считает, что ждет благословенным путем.

Книга говорит, что беспокойно сердце воина. Твой сын Виктор много думает о вас, и сжигает его сердце тоска. Откуда на сердце молодого воина такая горечь и тоска, не знаю. Книга об этом не говорит. Но эта горечь есть. С еще большей яростью кидается он в схватку с врагом, чтобы потушить ядовитую горечь кровью собственного сердца,

Сбоева резко захлопнула тяжелую крышку фолианта и,

глубоко вздохнув, обычным голосом утомленной старой женщины сказала:

—Ох, как я устала. Голова болит. Больше не могу.

Несколько долгих мгновений в горнице стояла тишина, нарушаемая только тяжелым всхлипывающим дыханием Деруновой и вздохами женщин.

Сбоева почувствовала, что это наиболее удачное ее гадание. Тайный смысл его дошел до всех сидящих в комнате. Дошел он и до Аграфены Деруновой. Старостиха тяжело поднялась с табурета, в нерешительности потопталась около стола и протянула Сбоевой узелок, который до того был запрятан под шалью:

— Возьми, убогая.
Спасибо за добрые слова.

— Положи на скамейку, рядом.

Старостиха поняла, что гадалка не видит протянутый ей узелок, и положила его на скамейку.

—Пошли, Галочка. Отец приехал, наверное.

После ухода Деруновой и ее дочери женщины заметно оживились, но не прошло и десяти минут, как в горницу влетела запыхавшаяся Галка.

— Немцы идут! — прямо с порога крикнула она.— Ночевать в селе будут.

В горнице поднялся переполох. Женщины торопливо застегивали шубы, завязывали платки и одна за другой исчезали из комнаты. Вскоре горница опустела. Агния Михайловна в растерянности сидела на лавке. Галка, пошептавшись с хозяйкой, присела на скамейку рядом со Сбоевой.

— Бабушка! Меня мамка к вам послала,— торопливо зашептала она.— Вам надо уходить отсюда. Фрицы здесь обязательно останутся. Они хорошие дома любят.— Вам лучше к Кондратьевне уйти. Дом у нее плохой и муж болеет. Отец сказал, что в тот конец немцев ставить не будут. Пойдемте, я вас провожу.

Кондратьевну не удивило появление поздних гостей, но весть о том, что в село вот—вот войдут немцы, ее сильно расстроила.

— Вот, нечистая сила, пропаду на них нет,— взволнованно запричитала она.— Расползутся, как вши, по всему селу, пакостить начнут. Измору на них нету, проклятых.

После ухода Галки Кондратьевна на секунду остановилась, размышляя над чем—то, а затем взяла «слепую» под руку и повела во вторую половину избы.

— Пойдемте, я вас в горнице уложу,— почти тащила она Сбоеву.— Там на кровати—то мой Петр мается, так что уж вам на полу придется. Удобнее так—то. Придут если, проклятые, увидят,

что в комнате больные да старые, и отстанут.

Сбоева и Вера были удивлены быстротой, с которой старая болезненная женщина постелила для них постель. Они и впрямь устали и намерзлись. Вера, уже лежа в постели, пыталась шептать «тете Маше» на ухо о том, что ей удалось узнать от девчат, но Сбоева коротко приказала ей: «Спи! Потом поговорим».

Сквозь наплывавшие волны сна Вере показалось, что Кондратьевна в первой комнате зачем-то спускается в подполье. Вера подумала про себя, что эти хлопоты можно было бы отложить и на утро, а затем крепко прижалась к своей соседке и уснула.

Но не усни Вера в этот момент, она, наверное, узнала бы походку одного из двух мужчин, которых хозяйка дома — выпустила из подполья. Выведа их в сенцы, Кондратьевна шепотом сообщила им о подходе немцев.

—Как решите? — спросила она.— Уходить будете или, может, отсидитесь?

—Уходить,— ответил более высокий из мужчин.— Спасибо вам. Повторите — ка еще раз, что вам давеча полицай толковал.

—Пантюшка — то? Он, нехристь, хотел моего Петра в подводы нарядить. Да увидел, что Петр еле жив, и отстал, выродок. Налила я ему стакан, живоглоту, чтобы поскорей от Петра отцепился, а его повело, видать, не жрамши бегают, старается. Говорит, партизаны мост, что под Вечернем, подорвали. Две грузовых с немцами, говорит, в прах разнесло, а на третьей, говорит, есть и живые, только все подряд ранетые. Побито, говорит, их там страсть. И мост, говорит, вконец сторел. Ну, значит, то, что осталось после бомбы — то, все подряд погорело.

—Какой бомбы?

—А кто его знает, что там было, бомба или еще какая другая страсть.

—Ну что ж, Сашок,— обратился старший к своему напарнику.— Как могли. Карчинский тракт закупорили. Будем о другом думать. Ну, мамаша, благодарим за все. Пошли мы.

—Я вам в мешки — то кое — что сунула. Не обессудьте уж. У самих ничего нет.

—Спасибо, мамаша. Товарищи, которые нас послали, будут знать, что слово вы держите и помогаете хорошо.

—И мы ничего не забыли. Петро — то тужит, что сам немочен, послужить святому делу не может. А вы, вперед, коль нужно будет, приходите. Теперь без всяких тайных слов примем, В лицо узнаем.

Закинув за спину почти пустые рюкзаки, постояльцы направились к дверям, но Кондратьевна задержала их.

—Стойте. Я только шубейку накину. Выведу вас через двор на тропку к сухому логу. Оттуда вам любая сторона открыта.

Так неожиданно пересеклись тайные дороги двух разведывательных групп в темную зимнюю ночь первой военной зимы.

Ни Вера Волгина, ни Саша Гуртовой в те минуты даже не подозревали, что находятся совсем рядом. Да если бы и узнали? Ни движением, ни взглядом не могли бы они показать посторонним, что знают друг друга.

Откопав зарытые в снегу за приусадебным участком Кондратьевны лыжи и добравшись до Сухого лога, Саша и Леонид остановились. Хотя отсюда до Раменья было не больше километра, из деревни не доносилось ни звука. Даже собачьего лая не было слышно.

Две ночи, которые Саша и Леонид провели под кровом Кондратьевны, не только восстановили их силы, но и положительным образом отозвались на их наружности. За это время старая солдатская мать выстирала и починила их порядком загрязненные маскхалаты. Сейчас они снова обрели почти прежнюю белизну и надежно маскировали отважных юношей.

—Ну что, Сашок,— спросил Голубев, когда убедился, что в Раменье все спокойно.— Как чувствуешь? Хватит сил для рывка?

—Хватит,— уверенно ответил Саша.— К утру должны прийти.

—Я решил так. Пойдем без натуги. К утру в монастыре. Отдохнем, осмотримся и тогда уж к домику.

—А как же склад за Вечернем?

—Похоже, потеплело. Может, забуранит. Легче будет подбираться. Капитан обещал вьюги и снегопады. Погода на них начинает поворачивать. Дня за три обернемся, глядишь, и попадем под буран.

Леонид пошел впереди. Саша соскользнул на его лыжню.

РАДОСТНОЕ УТРО

Ночь в когда-то большой и удобной, а сейчас сильно обветшавшей избе Кондратьевны прошла совершенно спокойно. Агния Михайловна и Вера даже проспали. Сказались усталость и волнения прошлого дня. Когда они проснулись, за окнами давно уже серел мутноватый зимний день. Постель хозяина дома была пуста. Видимо, поутру он перебрался из горницы в первую половину избы. Агния Михайловна хотела сразу же встать, но Вера задержала ее и шепотом начала рассказывать все, что ей удалось узнать вчера от девушек. Все сведения были

малозначительны, касались только внутренней жизни деревни, попавшей во вражескую оккупацию, и, слушая Веру, Сбоева про себя подумала, что такое сообщение не интересует ни Званцева, ни Сурова. Видимо, понимала это и сама Вера, потому что, заканчивая, она унылым тоном сказала:

—Вот и все, тетя Маша. Мелочи. Если бы послушать, о чем немцы говорят. Если бы офицерский разговор подслушать.

—Об этом и думать забудь, милая. Не за этим мы посланы. Нечего Лоуренсов в юбке из себя изображать,— хотя и шепотом, но сердито начала отчитывать Веру Агния Михайловна.— От немцев нам надо подальше держаться. Надо свое дело делать. А его мы сможем сделать, если в самой гуще народа идти будем, не вылезая на поверхность, чтоб немцы не зацапали. Я — слепая гадалка, ты мой поводырь, вот и весь сказ. От этой печки и будем танцевать. И ни шагу в сторону.

—Да что вы, тетя Маша,— смущенно оправдывалась Вера.— Я просто так сказала, что ничего интересного.

—А ты не ленись и побольше этих бесполезных мелочей процеживай. Глядишь, и попадетя стоящая вещь.

Хозяин был в первой комнате, на печке. Ночью он почувствовал себя совсем плохо, и Кондратьевна перевела его на еще горячую печь.

—Он так бухал, так бухал, я думала, он вам и поспать не даст,— объяснила Кондратьевна,— но вы ничего. Даже не пошевелились ни разу.

—Где тут шевелиться,— рассмеялась Сбоева.— Не до этого было. Спали без задних ног.

—С устатку да и с морозу — то спится,— согласилась хозяйка.— На улице полегчало. Ослабел мороз.

Услышав разговор, на печке заворочался и приподнялся на локте хозяин. На Сбоеву и Веру взглянули глубоко ввалившиеся строгие, истомленные болью глаза. Узкое с небольшой бородкой и усами лицо хозяина в полусумраке серого зимнего дня было очень бледно.

—Мотя,— неожиданно громким, глубоким голосом проговорил с печи хозяин.— Накорми гостей — то, чем найдется.

—Сейчас все сделаю,— отозвалась от шестка Кондратьевна.— Они гости выгодные, сами себя кормят. Вон целый узел снеди.

Хозяин неодобрительно покачал головой и, проговорив что-то про себя, улегся. Вера не поняла ни слова, но Агния

Михайловна густо покраснела. Хотя и не полностью, но она поняла укор больного, что пользуется «бабьей темнотой».

Между тем хозяйка накрыла на стол и пригласила Агнию Михайловну и Веру садиться. Вера не заставила себя упрашивать, а Сбоева с трудом приневолила себя съесть яйцо и несколько кусочков сала.

— Ушли немцы — то? — спросила Сбоева Кондратьевну.

— Еще до свету двинулись. Распалило их то, что партизаны мост порушили. Чтоб сюда доехать, верст сорок крюку пришлось делать.

— Разбоя никакого не было?

— Не успели, ироды. Только старосте нашему Дерунову ихний набольший по морде съездил.

— А ему — то за что?

— Во всей деревне молодых девок не было.

— Все попрятались? Хорошо.

— Хорошо, когда нехристей быстро черт унесет. А то ведь не выдержишь несколько — то дней на холоду.

— Где же они спасаются?

— Кто где. В тайных местах. Только топить там нельзя. Вот и мерзнут.

Ведя этот оживленный разговор, Агния Михайловна все время помнила, что вчера она обещала гадать Кондратьевие на «свежие карты», и сейчас ломала голову над тем, как уклониться от гадания, не обидев и не оскорбив старуху. Что говорить ей, Сбоева не представляла, а врать не могла. Это, по ее мнению, было бы преступлением. Она старательно поддерживала разговор, изо всех сил мешая ему повернуть к гаданию. Неожиданно пришла Егоровна. Тихо и как-то ласково, словно вplывая, вошла она в избу. На сразу помолодевшем лице было выражение счастья, с губ не сходила затаенная, но восторженная улыбка. «Правильно вчера подметила Макариха, — подумала Агния Михайловна. — Она и впрямь словно бы светится вся».

— Здравствуйте, — еще от двери подала голос Егоровна. — По — хорошему ли ночевали?

— Бог милует, — ответила Кондратьевна с некоторой долей удивления, взглядываясь в гостью, — Что это с — тобой, милая?

— Да все хорошо покуда. А я до тебя, мать моя, — сказала Егоровна. — Выйдем — ка на минутку в горницу.

Чрезвычайно заинтересованная хозяйка вышла вслед за Егоровной в горницу.

С минуту стояла тишина, как вдруг там громко охнула Кондратьевна. Осторожно растворились двери, и Егоровна по — манила к себе Агнию Михайловну. Вместе со Сбоевой в горницу

ушла и Вера. Хозяин, до этого безучастно лежавший на печи, приподнял голову, оглядел опустевшую избу, недоеденный завтрак на столе, неодобрительно покачал головой и снова улегся.

Когда Сбоева и Вера вошли в комнату, Кондратьевна сидела на кровати и плакала. По ее впалым, морщинистым щекам одна за другой скатывались крупные слезы, но лицо, поднятое навстречу входящим, улыбалось. В правой опущенной на колени руке белел клочок бумаги в два тетрадных листа.

Егоровна еще у самых дверей обняла правой рукой Сбоеву, а левой, любовно глядя ее по плечу, шепотом запричитала, глотая набегавшие слезы.

— Милая ты моя! Да откуда ты появилась к нам! Да ведь, как в воду смотрела, все так и выложила. Сбылись, милая, сбылись твои вещие слова. Прислал Петенька письмо. Вот оно у Кондратьевны.

Сбоева почувствовала, что и у нее защипало в носу. Вместе с Егоровной она подошла к Кондратьевне и положила руку на плечи плачущей.

— Не плачь, хозяйюшка. Дойдет и до тебя весточка. Ты, главное, держись.

— Теперь — то удержусь, — не вытирая слез, ответила Кондратьевна. — Теперь — то мне легче. И о Мишеньке моем весточку получила и о Варюшке, доченьке моей. Правильно ты предсказала. Сбывается твое гадание. Вот почитай. Спасибо тебе, милая, за доброту, за ласковые слова.

Ничего не понимая, Сбоева взяла письмо и начала пробегать глазами, но после первых же строк спохватилась.

— На ощупь не прочтешь, — запоздало пошутила она и окликнула.

— Валюта, ты где. Прочти — ка мне это письмо.

Смущенная своим промахом, Агния Михайловна не заметила, как пристально посмотрела на нее Кондратьевна.

Вера прочла вслух довольно длинное письмо Петра Анохина. В нем подробно сообщалось о том, о чем вчера рассказывала Егоровне Сбоева. Говоря о том, как он лежал в госпитале, Петр Анохин сообщал: «Сестрой при хирурге работает Варька — дочка Кондратьевны. Я ее сразу узнал, а она меня нет. Говорит, сильно изменился. Варька говорила, что в этом же госпитале лежал ее старший брат Михаил, который на границе служил. Ранен был тяжело. Сейчас он где — то в Сибири, в запасном полку. Муж Варьки в этом же госпитале, но я его не видел. Он все время с санитарным эшеленом ездит. О других братьях Варька ничего не знает. Сказала, что послала запрос, но ответа еще не было. Так что вы, дорогие родители, передайте от меня поклон тете Моте и дяде Петру и скажите, что у нас здесь порядок. Немцев бьем, скоро и к вам придем и тогда Варька им все объяснит и адреса все даст. К

тому времени ответ на запрос, конечно, придет».

— Ну вот, видите,— сразу же, как только Вера закончила читать, взяла инициативу разговора в свои руки Сбоева.— По военному времени новости очень хорошие.

Егоровна, прижавшись к плечу Сбоевой, всхлипнула, но хозяйка дома отерла мокрое от слез лицо и встала.

— Пойду Петра обрадую,— сказала она подобревшим, необычно мягким голосом.— Для него эта весточка лучшее лекарство. Теперь — то и он устоит. Идемте, бабоньки, в избу.

Но Егоровна удержала Сбоеву, а вместе с нею осталась и Вера. Кондратьевна одна ушла, забрав с собой письмо Петра Анохина.

— Слушай — ка, милая,— зашептала Егоровна, когда дверь горницы закрылась за хозяйкой.— Тут такое дело. Ты, кажись, говорила, что дальше вы в Вечернее направитесь.

— Да, в Вечернее,— подтвердила Сбоева.

— А ведь туда, милая, мереных восемнадцать километров.

— Что ж делать — то? Нам надо до города добираться. Дойдем как —нибудь.

— Раньше — то легко было. По тракту до Вечернего четыре деревеньки стояло. В любой обогреться и заночевать можно. Да пожег немец деревни. Зону свою, проклятый, устанавливал.

— Идти — то все равно надо.

— Вот и мой Иван тоже говорит, раз надо, так надо. Ты слушай, что он удумал. Его Ванька Дерунов в подводы нарядил. Передохнуть, выродок, не дает. Немцы там, за Вечерним, что — то строят, вот Ивана — то Дерунов и посылает возить там разное.

— А что немцы строят?

— Чего не знаю, милая, того не знаю. Да и никто не знает. Там наши пленные работают. Немцы их строго держат, не выпускают. Мой — то Иван одну очередь — десять ден отбыл там, но туда, где строят, ни разу не пропускали. Грузы около проволочной стены сваливали. Дальше уж пленные на себе их таскают.

— Так что же предлагает Иван Петрович?

— Он вас подхватить может и довезти до Вечернего. Только на лошади — то больше восемнадцати километров. Мост — то перед Вечерним взорван. Объезжать надо. Ну на санях легче. Машины, те верст сорок объезжают.

— Уж не знаю, чем мы отблагодарим твоего Ивана. Так он нас выручит.

— Какая благодарность,— отмахнулась Егоровна.— Это тебя благодарить надо,— Егоровна, наклонившись к самому

уху Сбоевой, начала рассказывать: — Вначале мой Иван к тебе с недоверием был. А когда сегодня письмо — то нам подбросили, он его утречком нашел, очумел, кажись, малость. Все ходит и свою правую ладонь разглядывает. Видать, надумал чего — то. А чего, молчит. Только велел мне после, как он уедет, идти во Вдовино, а оттуда в Знаменцево к тетке. Матерниной сестре. Так после обеда Иван заедет за вамп. Наготове будьте.

Когда Сбоева с Егоровной и Верой вышли из горницы в избу, Кондратьевна стояла на приступке около печи и молча гладила вздрагивающие плечи мужа, уткнувшегося лицом в подушку.

— Расстроился, — смущенно сказала она. — Обрадовался очень, а потом расстроился.

— Ничего, — ободрила хозяина Сбоева. — Это радостное расстройство. Оно всему организму на пользу должно пойти.

— Садитесь, поешьте получше, — прямо приказала Кондратьевна. — А то на весь день голодные останетесь.

Агния Михайловна и Вера без особенного аппетита сели продолжать завтрак. Возможность скорого отъезда взволновала их. Обе они не заметили, как успокоившийся и почувствовавший себя значительно лучше хозяин с печи внимательно следит за Сбоевой. Кондратьевна успела поделиться с мужем своим подозрением, что «слепая» на самом деле, может быть, не так уж и слепа. В его взгляде чувствовалась настороженность. Она исчезла только после того, как Сбоева посоветовала уходившей Егоровне никому больше не говорить про полученное письмо.

— Да что ты, милая, — удивилась Егоровна. — Разве мы сами себе враги.

— Вот — вот, — согласилась Сбоева. — Не враги, конечно. Да ведь на радостях — то может и вырваться словечко.

Узнав, что после обеда постояльцы отправятся дальше, Кондратьевна заохала: «Куда же вы на ночь — то глядя?», но хозяин, помолчав и, видимо, хорошо все обдумав, сказал:

— Мотя! Ты набери что ни на есть им в котомки. Нельзя, чтобы они пустые из деревни уезжали.

— Да что вы, хозяин, — начала было Агния Михайловна.

— Немцы вас подозревать будут, если у вас в торбах будет пусто. Настоящие гадалки горлохваты. Вам на них надо похожими быть.

Видимо, решив, что сказал все, что нужно, хозяин отвернулся и опустил голову на подушку.

Агния Михайловна была очень рада тому, что Кондратьевна не заговаривала о продолжении гадания. Сбоева думала, что весточка о сыне и дочери успокоила на время сердце матери, хотя и удивлялась, почему же она не пытается узнать о судьбе остальных сыновей.

Про себя Кондратьевна подсчитала, что «светлый день», когда кончится указанный гадалкой срок, приходится на первый день пасхи — двадцать третье марта. И хотя она уже давно была равнодушна к религии, такое совпадение почему-то вселяло уверенность, что предсказание обязательно сбудется.

Кондратьевна хлопотала, стараясь, чтобы сума гадалки и котомка ее поводыря были наполнены продуктами. Она даже отсыпала в небольшой мешочек муки из своего очень скудного запаса, положила горшочек с солеными грибами, подумала и добавила к этому бутылку самогона. Но объемистые мешок и сума все еще выглядели по-бедняцки тощими. Выручка явилась неожиданно в лице Макарихи.

Евдокия Андреевна пришла с довольно тяжелым узлом и, поставив его на скамейку около «слепой», сама села рядом и коротко сказала:

—На дорогу.

Иван Петрович не заставил себя ждать. Через несколько минут после прихода Макарихи под окнами заскрипели полозья его саней. Пока Агния Михайловна и Вера одевались, он вошел в избу. Поздоровавшись со всеми, а особенно почтительно со «слепой» гадалкой, Анохин поднялся на приступок печи и о чем-то шепотом поговорил с хозяином.

— Правильно делаешь, — вслух подытожил тайный разговор хозяин дома. — Черного кобеля не отмоешь добела. Сам не укусит, так еще злее пеон натравит.

Прощаясь с Агнией Михайловной, Макариха крепко обняла «слепую» и тихо проговорила:

—Спасибо тебе, родная, — затем, не выдержав, рассмеялась и уже вполголоса добавила: — У Ваньки Дерунова сегодня черный день. Ночью ему немецкий офицер морду набил, а утром Аграфена полбороды выдрала.

—За что? — заинтересовалась Сбоева.

—Галка прибежала, сказывала. От Виктора письмо дошло. Обещает из отца, если он не одумается, памятник на немецкую могилу сделать. Аграфена выла, аж на улице слышно.

Кондратьевна с особой теплотой обняла «слепую» и ее поводыря. Даже хозяин сердечно пожелал им:

—Пусть вам будет удача. Ты смотри, Петрович, не заморозь их. Да в Вечернем будь осторожнее. Лютуют там.

—Не замерзнут, — обнадежил Анохин. — Сена у меня полны сани. Зароются, и мороз не страшен. А уж в Вечернем ухо будем остро держать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Перед самыми сумерками заюлила поземка, постепенно перерастая в порывистую, крепко заряженную снегом метель. К ночи от земли до неба поднялся и закружился частый хоровод крупных пушистых снежинок. Все окрест потонуло в белой темноте.

Леонид и Саша еще при первом дыхании поземки успели войти в кромку бора. Когда началась настоящая метель, они уже были на подходе к заброшенному монастырю. В лесу сразу же потемнело совсем по-ночному, но шагавший головным Леонид безошибочно проложил лыжню до берега озера и остановился. Дошли. Сейчас повернуть влево и через четверть часа ходу можно снять лыжи и укрыться от метели в сухом подвале монастырской церкви. Саша, став рядом с Леонидом, снял шапку и вытер варежкой вспотевший лоб. Дошли.

— Завтра — отдых,— заговорил Леонид.— Целый день лежим, жарим консервы и говорим по-немецки. Стой! — вдруг перебил он сам себя.— Слушай.

Друзья притихли, и тогда явственно стал слышен приближающийся гул мотора. Сомнений не было, в метельном небе шел самолет.

— По-моему, это не фриц,— предположил Саша.

— Наш,— уверенно определил Леонид.— Наш, ночник.

— А как же сядет?

— Партизаны костры приготовят.

Самолет шел на небольшой высоте. В безметельную ночь его, конечно, удалось бы рассмотреть, в крайнем случае, увидеть выхлопы. А сейчас он прошел абсолютно невидимый над самыми головами разведчиков, направляясь в сторону поля. Через минуту гул мотора стал еле различим.

— Куда же он?! — спохватился Саша.— Партизанский край много правее. Он прямо к фашистам полетел.

Леонид ничего не ответил.

— Может, сбился,— не выдержал Саша.— Метель ведь...

— Все может быть, Сашок,— почему—то шепотом проговорил Леонид.

Когда, уже вконец промерзнув, друзья подошли к монастырю, им показалось, что где-то далеко справа, как раз по направлению на партизанский край, нечетко пророкотал мотор самолета. Но твердой уверенности в этом у них не было. С усталости могло и показаться.

Гул ночного самолета встревожил не только Сашу и Леонида. Слышали его и Агния Михайловна с Верой. За долгую дорогу обе сильно промерзли, хотя Иван Петрович сдержал обещание и до самых макушек закутал своих пассажирок в сено. Сам Иван Петрович редко, только на спусках, присаживался бочком рядом. Большую часть пути для «согрева» шагал около саней. Тулупом, прихваченным в дорогу для себя, он закутал ноги Агнии Михайловны и Веры.

Вот уже минут десять около тридцати заснеженных метелью саней втягивались в Вечернее. У околицы села полицейские затеяли тщательную проверку обоза, прибывшего на строительство. До сидящих в санях женщин доносились голоса: злые — полицейских, испуганные — мобилизованных. Иногда слышались звуки ударов и вскрики.

Иван Петрович пробрался в голову обоза и, вернувшись, встревоженно сообщил:

—Зверуют выродки. Возы проверяют и всех возчиков в список записывают.

—Может, выйти нам, Иван Петрович? — спросила Агния Михайловна.— Дальше мы и пешком можем.

—Да нет уж, сидите,— сердито отмахнулся Анохин.— Что пеши, что на возу, один хрен. Нам бы только этих живоготов миновать. А там мы до места в два счета доберемся.

—Нам ведь еще к старосте,— напомнила Агния Михайловна.

—Это не к спеху. Мне моя хозяйка наказывала на квартиру вас завезти к Пелагее Елизаровой. Она моей Егоровне сродни.

—Документы у нас в полном порядке. И что это здесь такие строгости?

—Зона,— коротко ответил Анохин и, наклонившись к самому уху «гадалки», добавил— Раньше такого не было, чтобы на въезде обыскивали.

—Самолет,— перебила возчика Вера.— Самолет летит.

Все прислушались. Да, к селу шел самолет. С каждым мгновением гул мотора становился все явственней, и постепенно в нем потонули все остальные звуки.

—Услышали гул приближающегося самолета и полицейские. Послышались их встревоженные выкрики. Кого — то гнали быстрее проезжать, кому — то приказывали стоять на месте. Обоз сразу же продвинулся вперед.

Через несколько секунд самолет прошел над самыми головами людей. Рев его мотора полностью заглушил крики и брань полицейских, ржание перепуганных лошадей, голоса возчиков.

Проверка у въезда пошла в ускоренном темпе. Несколько саней, возчики которых показались чем — то подозрительными, были отведены в сторону.

Иван Петрович отлучился на минуту от воза, увидел эту картину и, помрачнев, не спеша вернулся к своим. В этот момент вновь послышался гул приближавшегося самолета. Только теперь он шел с дальнего конца села. Гул нарастал, накатывался все ближе и вдруг прекратился. Стало необычайно тихо.

— Всем стоять на месте, сволочи! — крикнул один из полицаев, видимо, начальник. — С места не сходить, пока мы не вернемся. Смотрите, у меня все записаны.

В центре села ударили один за другим два гулких взрыва. В ответ поднялась отчаянная пальба из винтовок и автоматов. Полицаев словно ветром сдуло. Еще раз ударил взрыв, и сразу же обрадованно взревел мотор уходящего ввысь самолета.

Но Иван Петрович Анохин не ждал, как будут разворачиваться события. Он вскочил в сани, круто повернул лошадь на обочину и, безжалостно стегая кнутом, заставил ошалевшее от страха и боли животное со всех ног броситься в объезд обоза в село, навстречу взрывам, выстрелам и автоматной трескотне.

Проскакав около сотни метров по главной улице, он завернул лошадь в переулок, бросил в сани кнут и, вытирая полицей вспотевший лоб, довольно проговорил:

— Вот так — то оно лучше. Без хлопот и спокойнее. Меня гады еще не записывали. Сейчас мы прямым ходом к Пелагее Елизаровой, — и, сворачивая с дороги к воротам одного из самых невзрачных домишек, добавил: — Вот и ее дом. Хоть и не богатые хоромы, зато хозяева золотые люди.

Небольшая двухместная машина добросовестно продиралась сквозь стену взвихренного снега, по сидевший за ее штурвалом летчик уже добрые четверть часа не мог бы точно указать на карте место, над которым сейчас пролетал.

— В точке, где по расчетам им полагалось сесть, обусловленные «пять костров конвертом и один в стороне на север» не загорелись. Летчик сделал круг, но под крылом по — прежнему была белесая чернота, заложил еще один, большего радиуса, но безрезультатно. Сбились с курса.

Капитан Суров, сидевший во второй кабине, за спиной пилота, давно уже отказался от мысли рассмотреть что — либо :низу. Еще вечером, перед вылетом, он слышал, как комэск сказал летчику:

— Не рискуй. В крайнем случае пересидишь у партизан. Гам сейчас спокойно.

— Видно будет, — неопределенно ответил летчик,

уклады —

вавший в капсулы под плоскостями багаж Сулова. Он с таким усердием занимался этим делом, что, только закончив его, сказал капитану:

—По прямой и лететь — то всего ничего, а приходится давать вон какой крюк.

Сулов знал, что с недавнего времени запрещены полеты по прямой в партизанский край в тех местах, где приходится пересекать большие пространства оккупированной врагом территории. Это значительно удлиняло время полетов, но в то же время делало их более безопасными, мешало немцам устанавливать количество рейсов и места партизанских аэродромов.

Устраиваясь на своем месте, капитан Сулов нащупал ногами на полу кабины какие-то тяжелые металлические предметы, похожие на большие консервные банки.

—Слушай, друг, — окликнул Сулов летчика. — Что у тебя тут за консервы? Целый гастрон.

—Ты поосторожнее, — насмешливо ответил летчик. — Свободно можешь фейерверк устроить. Прилетим в царствие небесное вместо партизанского края.

—Зачем они тебе? — удивился Сулов, ощупав «консервы» и убедившись, что это противотанковые гранаты.

—Мой личный «энзе». Ты разбираешься в них?

—Кое-что понимаю.

—Это на тот случай, если бросать придется.

—Куда?

—Я же сказал — если придется.

Впереди мелькнул зеленый лучик фонарика — разрешение на взлет, и летчик повел машину в темноту ненастной ночи.

—Совершенно неопытный в вопросах авиации капитан Сулов все же интуитивно догадывался, что с какого-то момента полет изменился. Когда же, сделав несколько кругов, летчик пошел куда-то точно по прямой, капитан понял, что дело плохо. Наклонившись в сторону пилота, Сулов прокричал:

—Что, друг, карту не ту дали?

Летчик сделал вид, что не расслышал. Сулов глянул вниз и понял, что самолет идет всего в нескольких метрах от поверхности дороги. Видимо, летчик уцепился за дорогу, как за ориентир, и, боясь потерять его, шел на бреющем полете. Сулов вдруг разглядел под крылом темные строения и догадался, что самолет идет над селом или деревней.

—Что это? — крикнул он летчику.

—Сейчас узнаем, — ответил тот, и Сулов услышал

радость в его коротком ответе.

Через несколько секунд под крылом замелькали огни. Десятки автомашин освещали фарами сельскую улицу. Кое—где горели костры. Какая—то войсковая часть, не ожидая для себя никаких неприятностей, спокойно располагалась на ночлег. Суров успел рассмотреть сотни людей, сновавших около машин или гревшихся у костров.

Неожиданно летчик рванул машину вверх, и все же Суров разглядел, что село внизу неожиданно разделилось на два рукава и разошлось в стороны почти правильным, как по циркулю, полукружием. Суров сразу узнал место. Так располагалось только одно село в их области.

—Вечернее! — радостно закричал капитан.

—Годишься в летнабы,— одобрительно прокричал летчик.— Долбанем немчуру! Приготовься!

—Есть готовиться,— гаркнул Суров, заражаясь радостным настроением летчика.

Он положил на сиденье две противотанковые гранаты, поставил их на боевой взвод, потом навалился грудью на край кабины, свесил руки с двумя гранатами через борт и замер. Самолет перескочил через вершины ив, мотор умолк. Стало необычайно тихо, и тогда донеслись с земли встревоженные голоса немцев. Суров почувствовал, как борт под его грудью чуть пошел вниз, он особым чутьем уловил, что именно в эту секунду летчик подаст команду, и швырнул одну за другой обе гранаты. Внизу полыхнули взрывы. Суров схватил еще одну гранату. Она, видимо, попала в автоцистерну с горючим, потому что сразу вслед за взрывом высоким столбом взвилось пламя. Немцы открыли огонь по самолету, но тот уже уходил в высоту. Правда, машина почему—то заметно вздрогнула, и в мозгу Сурова промелькнуло: «Подбили!» Но мотор гудел размеренно. Вечернее исчезло в метельной ночи, и Суров успокоился.

— Долбанули фрицев классно,— изо всех сил крикнул он летчику.— Теперь до своих дотянуть.

— Дотянем,— услышал он в ответ и удивился, почему летчик не ликует после удачной бомбежки.

Мотор самолета работал уверенно и спокойно, машина все время набирала высоту, и все же капитан Суров заметил, что в полете произошли какие—то изменения. Сурова встревожила поза летчика. Он сидел, прижимаясь к левому борту.

— Ты что, задремал? — все еще не остывшим после удачной бомбежки звонким голосом окликнул Суров пилота. Тот ничего не ответил.

Прошло несколько минут полета, и капитан Суров почувствовал, что самолет начал снижаться.

«Что это он? — думал Суров, не решаясь окликнуть летчика, бессильный чем —нибудь помочь ему.— Ведь костров еще не было, да и круга над местом посадки он не делал. Чего он ищет?»

А пилот и в самом деле что —то искал. Наконец он, видимо, нашел то, к чему стремился. Машина круто, почти падая, пошла на посадку.

Капитана что —то ударило с такой силой, что у него помутилось сознание. Когда он пришел в себя, то с удивлением обнаружил, что самолет все —таки сел. Мотор был уже выключен, винт делал последние неторопливые повороты, словно бы отмахиваясь от неохватных сосен, стоявших в каких —нибудь десяти — пятнадцати метрах от носа машины.

—Жив? — услышал он совсем слабый голос летчика.— Душу не вышибло?

—Все в порядке,— ответил капитан и тут только рассмотрел, что летчик по —прежнему сидит, привалившись левым боком к борту. Только голова его была откинута назад: казалось, летчик разглядывает что —то в крутившихся над его головой снеговых вихрях.

—Иди сюда,— негромко позвал он.

Тут только до сознания Сурова дошло, что летчик, видимо, ранен и тяжело.

—Тебя ранило? Куда?

—Где —то в спину...

—Терпи. Сейчас я тебя вытащу и перевяжу.

—Не тронь,— ответил пилот, но, видя, что Суров все же примеряется вытаскивать его, прикрикнул: — Говорю, не тронь...

Видимо, этот выкрик стоил ему немало, потому что несколько секунд он сидел молча, набираясь сил, и лишь потом заговорил медленно и тихо.

— Думал, не дотяну до этой полянки.— Он опять замолк, а когда заговорил снова, то голос его звучал еще тише.— Партизанский край строго на восток... Километров тридцать... Дойдешь?

—Надо дойти,— ответил Суров.

—По дороге тебе лесопильный заводик попадет. Обходи стороной. Там немцы.

—Ясно.

—Если дойдешь до партизан, передай в мою часть, что Петр Язев отлетел. Сделал вынужденную посадку, не выполнив задания...

—Чушь,— возмутился Суров.— Ты задание выполнил. Доставил меня в немецкий тыл и фрицам всыпал по первое число.

—Багаж свой спрячь,— прервал его пилот,— тут где-нибудь. Уцелеешь —разыщешь. Самолет сожги... Обещаешь?

—Обещаю,— ответил Суров.

—Теперь все... Давай прощаться... Передай там...

—Все передам.

Суров наклонился — летчик был мертв.

Пожав холодную руку Петра Язева, капитан соскочил с крыла на землю и чуть не до колен утонул в сугробе, уже выросшем около машины. Голова Язева чуть виднелась над бортом самолета, но Сурову показалось, что летчик наблюдает за ним требовательно и сурово, ожидая огненных похорон.

Не менее двух часов провозился капитан, перетаскивая к приметной ели свой багаж. Надежно укрыв его под густым шатром низко опущенных, чуть ли не в сажень длиною ветвей, он вершиной сломанной около самолета елочки старательно размел проторенную при переноске тропу, поручив окончательную маскировку метели.

Забрав из планшета летчика карту, капитан взял и пистолет. Потом выкопал в снегу могилу, опустил в нее тело Язева и засыпал его сверху снегом. Суров снял шапку и поклонился могиле.

Затем выстрелом из пистолета пробил бензобак самолета и бросил заранее подожженную связку лапника. Пламя с яростью охватило машину. Отбежав подальше, Суров с минуту смотрел на костер, а потом быстро зашагал в глубину стонавшего под ударами вьюги леса.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Всю ночь пробирался капитан Суров через лесные дебри по снеговой целине строго на восток. Теплело. Если первые часы пути шагать мешали только свеженаметенные сугробы, то под утро наст начал ломаться, и ноги капитана все глубже утопали в снегу. Идти становилось все труднее.

К лесопильному заводу капитан подошел уже на рассвете. Из сообщений, полученных в свое время из — за линии фронта, Суров знал, что этот завод состоит всего из двух шпалорезных станков, запаса сухой древесины не имеет, и оккупанты приказали пускать в разработку только что срубленный лес, привезенный прямо из лесосек. Лес рубили без всякого плана, что поближе, и лесосеки шли, начиная от самого завода. Поэтому обходить этот крохотный заводик пришлось по большой дуге, вдвое увеличившей путь.

К полудню капитан окончательно выбился из сил. А сколько еще придется плутать, пока он выйдет на базу какого —

нибудь отряда? Оставалось одно: ночью выйти в расположение завода и достать лыжи. Рискованно, конечно, но другого выхода нет.

Капитан огляделся. Ельник разросся на месте старой вырубki. Он тянулся широкой полосой между двух массивов более старого, но еще не пригодного к вырубке леса. Там, где кончались эти два массива, и шла сейчас валка леса. Даже сквозь шум метели до капитана доносились стук топоров, голоса людей да изредка тяжелый удар о замерзшую землю поваленного дерева. Но видеть деянку, где сейчас работали лесорубы, капитан не мог. Высокий холм, поросший ельником, закрывал обзор.

Суров немного передохнул, поел и решил пробраться на холм. Через полчаса он лежал на нем среди крайних елочек, внимательно рассматривая начинавшуюся метрах в двухстах от него лесосеку.

Народу на заготовке леса было немного, человек пятьдесят, не больше. Суров сам немало поработал в юности на таежных лесозаготовках и то, что он увидел, походило на хорошо организованный саботаж. Практически все время работало только две пары вальщиков и четверо обрубщиков сучьев, да двое распиливавших хлысты на стандартные бревна. Остальные толпились около трех больших костров. Там же грелись и полицаи. Никаких попыток заставить взяться за топоры и пилы людей, толпившихся около костров, они не предпринимали. Время от времени в лесосеке появлялись три упряжки, на сани не спеша вскатывали по бревну, возчики, перекурив у костров, уезжали, и снова все шло по — старому.

Суров вскоре заметил, что каждый приезд упряжек означал смену работавших. Потрудившиеся около часа люди шли отдыхать к кострам. «Вот, черти, как организовали,— усмехнулся Суров.— Прямо по графику».

Суров задумался. Если это действительно саботаж, то имеет смысл попытаться связаться с кем — нибудь из лесорубов. Вальщики деревьев идут впереди всех. Подобраться к ним, окликнуть и переговорить незаметно для других. Конечно, при поддержке одного — двух помощников раздобыть лыжи, а может быть, и узнать точное расположение ближайшего партизанского отряда было бы очень легко. Все, что происходило перед глазами капитана, сейчас убеждало его в том, что довериться этим людям можно. И в то же время кое — что настораживало. Поступавшие в свое время в опергруппу Званцева сведения говорили о том, что на лесозаготовки мобилизуют без разбора всех, не учитывая ни пола, ни возраста. Больше всего мобилизуют женщин и подростков. С ними в лесу легче справляться охране. Здесь же ни одного старика или подростка. Ни одной женщины. Это настораживало

Суров продолжал наблюдать. Постепенно ему стало ясно, что

главным лицом в лесосеке является полица́й высокого роста, одетый в черный полушубок кавалерийского покроя. На голове полица́я была кубанка, на ногах не валенки, как у других полицаев, а бурки. Во всем его облике чувствовалась военная подтянутость и некоторая щеголеватость. Насколько мог разглядеть Суров сквозь взвихренный метелью снег, приметный полица́й за весь день встал только два — три раза, чтобы размять ноги. К нему же часто подбегали, то ли докладывая ему о чем — то, то ли получая от него приказания. И еще одно заметил Суров. Хотя около костра толпились полицаи и лесорубы, ни один из них не присел на бревно рядом с человеком в кубанке, все держались от него на некотором отдалении. Суров жалел о том, что с ним не было бинокля, а с такого расстояния да при неверном свете метельного зимнего дня рассмотреть черты лица было невозможно.

Короток зимний день, и все же капитан Суров вынужден был три раза отползать со своего места в глубину ельника, чтобы размять настывшее тело. У него уже сложился план дальнейших действий: дождаться, когда все уснут, обыскать сарай, в котором шла распиловка леса, и посмотреть около жилых бараков. Ведь должны же найтись где — нибудь лыжи, хотя бы одна пара. На ночь их в жилые помещения не вносят, значит, они, по всей вероятности, стоят около лесопилки у входа в барак.

Работы в лесу закончились, едва лишь наступили сумерки, но капитан и после этого еще долго не выходил в опустевшую лесосеку, продолжая наблюдать и опасаясь случайного возвращения к месту работ кого — либо из мобилизованных. Перед уходом лесорубы натаскали и свалили в костры по поддесятку старых трухлявых пней, не дававших яркого огня, а медленно тлевших. Им явно было лень утром разводить новые костры, — и они старались сохранить огонь до утра. «Что ж, это мне на руку», — усмехнулся про себя капитан, делая широкие взмахи руками, чтобы согреться.

В начале второго часа ночи Суров осторожно, крадучись от дерева к дереву, вышел из лесосеки. Сарай, в котором стояли шпалорезные станки, был пуст и даже не заперт. Суров осторожно обошел его кругом, заглянул внутрь, лыж нигде не было. Приходилось идти к баракам.

По — прежнему без особой ярости, ровно и монотонно, пожалуй, даже не бушевала, а выполняла скучную и порядком надоевшую работу метель. Теперь капитан был даже рад тому, что метель не прекратилась, сейчас она стала его союзницей. Мало вероятного, чтобы в такую погоду кто — нибудь из полицаев решил разгуливать по территории заводика. Опасаться следовало только какой — нибудь случайности. Поэтому капитан даже не расстегнул кобуру пистолета, а закинул за плечо автомат. Для случайности хватит второго пистолета,

пригревшегося в пазухе за отворотом полушубка. Стрелять — то все равно нельзя. Но, пробираясь от дерева к дереву, вдоль дороги, ведущей к жилым баракам, Суров вдруг почувствовал, что он не один в этой снеговой темноте ночи. Кто — то так же осторожно, как и он, шел к баракам. Суров остановился и, прижавшись к стволу толстой кряжистой сосны, огляделся. Никого. И все же капитан был уверен, что кто — то затаился поблизости. Минут десять он вглядывался и вслушивался, но ничего не увидел и не услышал. «Что за черт, — подумал капитан. — Неужели мерещиться начинает? Этого еще не хватало!»

Выросший в семье крестьянина — сибиряка, пахаря, охотника и лесоруба, капитан не на шутку гордился своим умением ходить бесшумно и в то же время слышать и видеть вокруг себя то, что обыкновенно ускользало от внимания людей, не прошедших суровой школы таежного охотника. А вот сейчас Суров вдруг почувствовал, что по его следу идет кто — то, не уступающий ему в искусстве поиска и преследования.

Лесных великанов вокруг заводика сохранилось мало, только такие, которые не годились для разделки в деловую древесину. И все же они да подлесок давали капитану возможность скрыто подобраться к баракам. Где осторожными короткими перебежками, где согнувшись, почти ползком, он добрался, наконец, до последнего перед бараками дерева и остановился, оглядываясь. Вправо, метрах в десяти — двенадцати от капитана стояла кряжистая трехобхватная сосна. Хотя под ней также никого не было видно, Суров решил, что если часовые есть, то один из них обязательно укрывается под этой сосной. Несколько минут капитан, не шевелясь, всматривался и вслушивался в ночь.

Внезапно барачная дверь распахнулась, и в освещенном проеме показался человек.

— Толубеев, ты где? — негромко окликнул он.

— Здесь я, — отозвался голос из — за ствола сосны. — В дуплу сижу. Все не так крутит.

— Дремлешь, паразит?

— Ни в одном глазу. Говорю, тут теплее. Сколько еще до смены?

— Сорок минут. Не вздумай дрыхнуть. Сам знаешь, какая положения.

— Говорю, не в одном глазу. Что я, без понятия.

Дверь в барак закрылась, но Суров успел рассмотреть несколько пар лыж, воткнутых в снег около крыльца. Сейчас все внимание капитана сосредоточилось на часовом, укрывавшемся в дупле. Ясно, что пока этот самый Толубеев сидит в своем

укрытии, нечего и пытаться взять лыжи.

Несколько минут Суров колебался, что же предпринять. Ждать долго нельзя. Минуты бежали, а он все еще не решил, как действовать. Вдруг часовой сам пошел навстречу тайному желанию капитана. Послышалось кряхтение, треск обламываемой коры, видимо, дупло было маловато Толубееву, и он вышел из — за сосны. Постоял немного на месте, зябко передернул плечами, громко сообщил самому себе: «Черт то што. Всамделе задремлешь в затишке — то», и вдруг со всех ног припустил к крыльцу барака. Около крыльца он повернулся и сломя голову бросился к сосие, за которой притаился Суров. Капитан, прижавшись вплотную к стволу, вытащил нож, но Толубеев не добежал шагов пяти до Сухова, повернул обратно к бараку.

«Молод и глуп, — мелькнуло в голове Сухова. — Греется, как мальчишка, а винтовку в дупле оставил. Сейчас сам на нож наскочит».

Но снова, не добежав шагов пяти — шести до Сухова, Толубеев остановился, повернулся лицом к бараку и начал «шаг на месте», высоко, чуть не до пояса вскидывая колени. Лучшего положения для нападения на часового Суров не мог пожелать. Он отвел правую руку назад, готовясь в прыжке нанести врагу смертельный удар. Но в этот момент его кулак с зажатым ножом стиснула чья — то очень сильная рука, и незнакомый голос прошептал в самое ухо:

— Нельзя так. Уйти не успеешь.

Суров окаменел. «Накрыл, гад! Без шума отводит».

На несколько мгновений Суров и схвативший его за руку человек замерли в полной неподвижности. Лишь когда Толубеев зашагал к бараку, высоко вскидывая ноги, за спиной Сухова послышался отрывистый шепот:

— Пошли. Ступай след в след.

Уверенность Сухова в том, что враг поступил бы по — иному, помогла ему подавить волнение и подчиниться требованию незнакомца. Отойдя с полсотни шагов от площади перед бараком, незнакомец пошел открыто, не маскируясь. Видимо, он твердо знал, где можно не опасаться нежелательных встреч. Хорошо накатанная дорога привела их к задней стене лесопильного сарая и вильнула в лесосеку, а незнакомец, повторив на ходу: «Шагай след в след!», повернул на тропинку. Через несколько минут они подошли к небольшому домику, совершенно скрытому в густых зарослях молодого ельника. Темнота мешала Сурову рассмотреть лицо спутника, а тот за все время ни разу не оглянулся. Подходя к домику, он неожиданно поднял воротник. Сухова это насторожило, но доверчивость, с какой неизвестный постоянно подставлял ему ничем не защищенную спину, обезоруживала. Поднявшись на крылечко домика, незнакомец старательно

обмел свои валенки, а затем, не оборачиваясь, протянул голик капитану.

—Обмети, а то отсыреют.

Повозившись у замка, он открыл дверь и исчез в темноте сеней.

—Заходи без опаски. Один я здесь! — крикнул оттуда хозяин.

Суров шагнул за ним.

— Скидывай пока мешок,— донеслось до него.— Я сей минут огонь вздую.

Капитан, на ощупь отставляя мешок к стене около двери, услышал, как хозяин шебаршит спичками, снимает с лампы стекло, зажигает ее. Дав стеклу обогреться, он вывернул фитиль побольше и повернулся лицом к капитану. Рука Сурова резко взлетела к отвороту полушубка за пистолетом. Перед ним стоял Никифор Ащеулов.

Видимо, тот ожидал именно такой реакции со стороны Сурова. Быстрым и привычным движением он вытащил из левого рукава полушубка тяжелый немецкий пистолет, но, подержав оружие на ладони, пренебрежительно кинул его на стол и проговорил с усмешкой:

—Видишь, у меня тоже козырный туз, да не в нем сейчас дело. Прячь и ты свой. Поговорим в открытую.

Суров отступил поближе к двери, все еще не решив, прятать ли ему оружие или немедленно пустить его в ход.

—Ну, чего уставился? — напряженно посмотрел на Сурова Ащеулов.— Не веришь? Дурак! Я раз десять мог тебя ухайдакать. Все время на следу был.

Упрек был справедлив. Суров поставил пистолет на предохранитель и опустил его в карман. В душе он ругал себя за эти несколько секунд растерянности. Ведь Ащеулов мог подумать, что он, Петр Суров, струсил.

—Не узнал я тебя в темноте,— наконец заговорил капитан.— А здесь ты... как черт из коробочки...— капитан рассмеялся, хотя и чувствовал, что смех его звучит фальшиво,

—Я опасался, что ты меня на улице признаешь,— хриловато хохотнул Ащеулов.— Объяснять там некогда, а ты мог поспешить... с пистолетом—то. Садись, в ногах правды нет.

Оба облегченно улынулись, чувствуя, что напряжение несколько рассеялось, и сели на лавки около стола. С минуту молча разглядывали друг друга. На середине стона между ними лежал парабеллум. Молчание затягивалось и становилось все напряженнее. Пистолет, лежавший на столе, угнетающе действовал на нервы. Суров заметил, что с трудом подавляет в

себе желание схватить его. Видимо, то же самое чувство испытывал и Ащеулов.

—Двери—то мы не заперли, кажись,— громким шепотом разорвал гнетущее молчание Ащеулов.— Пойду, замкну. Нам свидетелей не нужно.

Вставая, он искоса взглянул на пистолет, на какую—то долю мгновения задержался у стола, но все же не взял оружия и вышел. Суров слышал, как он возится в темноте сеней, видимо, не просто задвинул запор двери, а для верности чем—то подпирал ее. Не видя Ащеулова, капитан на слух расшифровывал каждое его движение. Он был убежден, что в сенях у того тоже есть оружие, и готов был в любую секунду вскочить, потушить лампу и вступить в схватку. Но в то же время капитан подсознательно чувствовал, что у него нет основания не доверять Ащеулову. Создавалось невероятное положение, в котором он, чекист Петр Суров, и непримиримый антисоветчик кулак Ащеулов сейчас становились союзниками.

Наконец Ащеулов вернулся в комнату, притворил за собой дверь, взглянул на стол и, как показалось, облегченно вздохнул. Он сел на старое место, вытащил из кармана кисет, свернул «козью ножку» и протянул кисет Сурову.

—А ты припоздился,— проговорил он, вставая к ламп», чтобы прикурить.— Я ведь тебя раньше ждал.

—Меня? — Суров от удивления даже перестал сворачивать сигарку.— От кого узнал?

—Ну, не совсем тебя. Ждал того, кто в самолете был.

—Ты и у самолета уже побывал.

— Немцы побывали. Меня проводником брали.

—Ну и что там немцы увидели?

—Ни хрена не увидели. Хоть ты, однако, наследил.

—Но метель же...

—Не о том речь. Ты что, не мог присесть, когда по баку с бензином стрелял?

—А что?

—Выходит, ангел господен вровень к машине подлетел и стеганул из пистолета. Пуля—то навывлет прошла. Оба отверстия с боков на одной высоте. Как это могло получиться? Немцы—то, между прочим, по самолету снизу стреляли.

—Да—а! — протянул Суров, поняв свою оплошность.— Наследил. Немцы заметили?

—Видать, самолет жарко горел. Бак оплыл очень, пробоины в глаза не кидаются. Конечно, если бы немцы любопытствовать начали... Но, однако, обошлось. Они интересовались багажом, бумагами какими—нибудь.

—Ну багажа—то они не найдут. Следы вчистую замело.

—Я ведь сразу понял, паря, что без лыж ты не ходок,— несколько оттеплев, продолжал Ащеулов.— А лыж здесь, кроме как у нас, взять негде. Вот я и решил тебя укараулить. Ты ведь мне вот так,— провел он ребром ладони по горлу,— вот так нужен.

—Я?! — удивился Суров.

—Да не обязательно ты. Мне связь нужна. Я у немцев около пупка сижу. Хочу вдарить и дать деру.

—Значит, не хочешь под немцем быть?

—Быть — то придется, раз они меня тут прищучили. А вот служить им...

—Ну, вот что, Никифор Терентьевич,— перебил его Суров.— Спрячь пока свою пушку. Пусть она у тебя будет. Может, пригодится.

—Для хорошего дела очень даже может пригодиться,— облегченно проговорил Ащеулов, взяв парабеллум со стола и опуская его в карман полушубка.

—Только ты смотри, чтобы он стволом в мою сторону не повернулся,— необдуманно пошутил Суров.

Ащеулов злым прищуром уставился на собеседника.

—И как только ты, Петька, до капитана достукался? — наконец процедил он сквозь стиснутые зубы.— Ведь дурак, до самой задницы дурак.

—Извини,— поправился Суров.— Неудачно пошутил, замнем.

—Ты вот что пойми,— хмуро продолжал Ащеулов.— У нас с тобой свои счеты, но по нашему, по кровному делу, И мы сами в нем разберемся. А сейчас, когда эти гады к нам поналезли, у нас одно дело взять их под каблук и растереть. А после этого и свои дела довыяснить можно. По — свойски. Без чужого дяди. Понял?

—Уяснил,— кивнул Суров, удивленный яростным тоном собеседника.— Установка у тебя очень оригинальная, но в основном верная и меня лично вполне устраивает.

—Ты — то что. Вот устроит ли она твое начальство,— криво усмехнулся Ащеулов.— Ты доложи тем, кому надо. Пусть мне не мешают воевать. Раньше — то я неплохим воякой считался.

—Не беспокойся, доложу. Помоги мне лыжи достать. Уходить надо.

—Сегодня не успеешь. Завтра в ночь уйдешь,— ответил Ащеулов и, поднявшись с лавки, начал снимать полушубок. Удивленный тем, что ему почему — то не предложено раздеться, Суров молча следил взглядом за хозяином дома.

—Ты внизу, в подполе разболокешься,— объяснил

Ащеулов.

Он аккуратно повесил свой полушубок и шапку, подошел к печи, поплевал на руки и, взяв за верхний брус подопечка, сильно потянул его на себя. К немалому удивлению Сурова, половина массивного подопечка плавно отошла в сторону, и сбоку открылся широкий лаз вниз.

— Вишь, какую квартиру для тебя приготовили,— довольный произведенным впечатлением, рассмеялся Ащеулов.— Залезай туда и отдыхай до завтрашней ночи.

Освещая дорогу фонариком, капитан спустился вниз. Узкий лаз привел его в довольно просторную подземную комнату. Вся обстановка комнаты — два топчана и грубо сколоченный столик. На столике трехлинейная лампа. Стены, пол и потолок обшиты досками. В комнате было прохладно, но не холодно, и, что особенно удивило Сурова, воздух был не затхлый, как всегда в подземельях, а обычный, комнатный. Бросив на один из топчанов мешок, Суров вернулся к лазу, около которого прямо на полу сидел Ащеулов.

—Ну, как? Понравилось? — спросил он,

—Что надо! Когда ты успел?

—Это, паря, еще до меня сделано. Здешний лесник бандитизмом занимался, а в подполе подручных прятал. В сороковом твои дружки всю их компанию на деле взяли. Всем троим вышку сосватали, но до тайника, видать, не добрались.

Я как здесь поселился, месяца два мараковал, пока докумекал, что к чему.

—Хоромы знатные. Могут и нам пригодиться.

—Ну, обживай пока. Днем — то мне не до тебя будет, так ты спи, набирайся сил. Надоест спать, слушай, что в избе деется, только ложись на правый топчан. С него хоть хреново, но можно услышать. Да, еще вот что...— Ащеулов поднялся с пола, отошел и сразу же вернулся с большим тулупом.— На, возьми, теплее спать будет.

—Спасибо,— поблагодарил Суров.— И ты, Никифор Терентьевич, ложись отдыхай. Раз, говоришь, безопасно...

—Насчет этого, не сомневайся. Все будет, как надо. А спать — то мне, видать, не придется. Разве передремну чуток, пока колгота начнется. А ты отдыхай без опаски.— И он задвинул ход в тайник. Капитан устроил себе на правом топчане вполне роскошную по военным условиям постель и с наслаждением улегся на нее. Все тело гудело от усталости.

Тайник и в самом деле где — то имел слуховой продух. Лежа на топчане, капитан слышал тяжелые шаги Ащеулова по избе, хотя тайник был расположен не под горницей и даже не под печью, а

значительно правее. Вот Ащеулов чем-то звякнул, кажется, ковшом о ведро с водой, а затем откашлялся. Суров улыбнулся. У такого здоровяка, как Ащеулов, кашель — вещь невозможная. «Это он знак мне подает, чтоб ориентировать по слышимости».

Задремывая, капитан думал о том, как странно иной раз перекрещиваются пути людей. В детстве для босоногого мальчишки Петьки Сурова Никифор Ащеулов был героем, партизанским командиром, человеком, на которого ему, Петьке, смертельно хотелось стать похожим. В годы, когда из огольца Петьки он превратился в комсомольца Петра Сурова, Ащеулова все чаще и чаще стали называть жадюгой, кровососом и, наконец, кулаком. Более десятка лет оба они, и Суров и Ащеулов, в любую минуту готовы были взглянуть друг на друга через прорезь прицела. А вот сейчас, в дни всенародной беды они оказались по одну и ту же сторону баррикады. Интересно, каким будет Ащеулов после войны. Логика борьбы сама заставит его пересмотреть многое в своих взглядах. И отношение к нему со стороны органов государственной власти во многом изменится. Ведь только за то, что кулак Ащеулов делает сейчас, спасая чекиста Сурова, ему многое простится ив его прошлых грехов. Но как может пойти дальше жизнь Ащеулова, капитан додумать не успел. Дрема ласково и осторожно опустила его в сон.

Капитан и сам не знал, сколько часов тянулся этот упоительный беспробудный сон. Иногда, поворачиваясь на своем все же далеко не мягком ложе, он слышал, как ноет в сладкой истоме отдыхающее от тяжелой усталости тело.

Проснулся капитан сразу, как будто вынырнул из омута. Еще не сделав ни одного движения, лежа на боку с подсунутой под щеку рукой, он с полной ясностью сознания смотрел в беспросветную темноту подземелья из — под полуоткрытых век, стараясь понять, что же его разбудило.

Несколько мгновений все было тихо. Вдруг раздался, хотя и приглушенный расстоянием, все же резкий среди тишины металлический скрежет, что — то лязгнуло, и сразу же после этого раздался звонкий щелчок.

«Никифор с ручным пулеметом возится. Неужели продал?! — обожгла Сурова тревожная мысль. Он рывком поднялся и сел на топчане, стараясь придвинуться поближе к тому месту, откуда в подземелье проникал звук.

— Пулеметы в порядке, — прозвучал наверху чей — то, только не ащеуловский голос. — Работать будут как часы. Может, в казарму взять для порядка?

— Все оружие пусть хранится здесь. Тогда будет лучше порядок, — ответил второй голос.

Хотя слова второго едва можно было расслышать, капитан догадался, что сейчас говорил немец, дотошно изучивший русский

язык, но все же немец. Как Суров ни напрягал слух, он мог четко разбирать только то, что говорил русский, возившийся с пулеметом. Видимо, тот сидел ближе к звуковому продуху. А как раз самым важным для капитана было то, что говорил немец. Ведь он приказывал, а русский даже не отвечал, он просто поддакивал. Из всего подслушанного Суров понял только, что немец считает какую-то задачу почти выполненной, а какого-то Козырева очень надежным и решительным человеком.

Затем Суров разобрал, что немец приказал что-то закончить обязательно через две недели. Несколько раз собеседники употребляли слова «свято», на «святом», затем речь пошла почему-то о монастыре, но полностью понять смысл разговора капитан так и не мог.

После довольно долгих, но малопонятных для Сурова разговоров наверху все смолкло. Видимо, оба ушли. С час домик оставался пустым. Капитан уже снова задремал, когда наверху хлопнула дверь.

—Годы мои уже не те, язвы их,— явственно донеслись до капитана слова Ащеулова.— Старею, господин гауптман. Видать, просквозило меня где-то. Второй день ломает. Вчера еще так — сяк, а сегодня совсем невмоготу.

—Пустяки,— так же явственно расслышал Суров голос немца.— Нужно, как это?., греться... нет, прогреться. Выпить водка с медом и ложиться немного поспать на печка.

—Благодарствую за совет. Непременно так и сделаю. Только мне еще надо засветло по лесу пробежать. Петли проверить. Может, зайчишка какой попался.

—О-о! Господин Козырев, ваши зайцы есть настоящий деликатес. Я вам весьма благодарен за тех, что вы прислали мне к рождеству. У меня в гостях был майор Гросбауер. Он есть настоящий гурман. Но и он очень хвалил рагу из ваших зайцев.

—Завсегда рад услужить, господин гауптман. Если я сегодня бог пошлет удачу, то я с Вальтером обязательно пришло. Ежели, конечно, Вальтер завтра или послезавтра приедет.

—Я его пошлю. Он привезет ящик гранат и коробку запасных дисков. Только помните, господин Козырев, без моего указания к оружию никого не подпускать. Эти два пулемета уберите тоже.

—Не извольте беспокоиться, господин гауптман. Здесь ваши приказы всегда выполняются точно.

—Я знаю, и я вами доволен. Но я хочу вас предупредить. Скоро группа уйдет от вас. Тогда придут новые.

—Это как вы прикажете, господин гауптман. Будем работать с новыми.

—Да, командованию очень нравится мысль о параллельных партизанских отрядах. А что есть, по — вашему, Атаманчук?

—Атаманчук, господин гауптман, мне кажется, ведет правильную линию. Хлопцев своих держит на коротком поводу и для вас лично очень преданный человек.

—Не мне, не мне! Атаманчук предан великой Германии,

—Так ведь это одно и то же, господин гауптман.

—О вы, господин Козырев, есть умный и немного тонкий льстец,— слышался довольный смешок немца.— Я вас хорошо, как это... раскусил. Вы мне понятны, и я вам верю. А вот Атаманчук не совсем понятен. Ведь он, вопреки всему, вполне надежный для нас человек.

—Да что уж тут говорить, господин гауптман. Атаманчук вам всей душой предан

—Вижу. Предан до такой степени, что это меня даже удивляет. Ведь до войны он был коммунистом.

—Ну, какой он там коммунист, господин гауптман.

Сам

ведь признался, что его только перед войной в кандидаты приняли, то есть как бы на испытание взяли. А сейчас — то уж

ему обратно к советским никакой дороги нет. Остается одно—

за вас крепче держаться.

—А как вы считаете, если Атаманчук попадет в руки энкаведе, о нем поступят беспощадней, чем, например, с вами?

—А как же, господин гауптман? Никакого, то есть, сомнения и быть не может. Коммунисты меня с двадцать девятого во врагах числят. Да и родом — то я из богатых. А с Атаманчуком особая статья. Он при царе — то и не жил совсем, советская власть его в школе учила, а потом опять же в военном училище образовывался. А большевики от своих измену де прощают.

Сулова поразила горячность, с которой Ащеулов произносил эти слова. Видимо, и немец почувствовал необычную напряженность речи своего собеседника. Почувствовал, но оценил по — своему.

—Вы правильно, как это... раскусили Атаманчук. Он будет стараться для нас. Не по совести, а только от страха. Он и большевиков боится и нас, но большевиков, конечно, больше. Это новый, очень интересный, как это... план, нет, не план, а по — другому... схема.

—Вот — вот и я говорю, господин гауптман. Атаманчук для вас самый преданный человек.

—Но вы тоже есть преданный, — покровительственно рассмеялся немец. — Мы еще до войны знали, что в России есть люди, как вы, и очень рассчитывали на вас. И, конечно, не ошиблись.

—А как же, господин гауптман? Моя дорожка как раз в вашу сторону идет.

—Я рассчитываю, что вы будете продолжать контрольно наблюдать за Атаманчуком и его людьми.

—Не извольте беспокоиться, господин гауптман. За всем услужу.

—Скоро они от вас уйдут, но до этого... Сколько сейчас у них оружия?

—Согласно вашему приказу, господин гауптман, три винтовки для караульных, при каждой по обойме патронов и один пистолет «ТТ» с одной обоймой у Атаманчука. Вот и все их оружие.

—Хорошо. Больше им и не нужно. Пока. А посторонних контактов не замечено?

—Какие тут контакты. С полевой стороны к нам никто попасть не может, а тех, 'Кто в лесу, они сами, как черти ладана, боятся.

До этого времени Суров хорошо слышал голоса обоих собеседников, и каждое их слово доносилось до него вполне отчетливо. Капитан понял, что там наверху Ащеулов намеренно сам уселся вблизи от слухового продуха. Но вдруг слышимость пропала. Видимо, собеседники, заканчивая разговор, встали. Суров едва расслышал прощальные слова немца:

— Завтра Вальтер вам привезет. Не задерживайте его, Козырев. Пусть уедет, еще когда будет светло.

Зато ответ Ащеулова прозвучал отчетливо. Он явно был предназначен для капитана:

— Не извольте беспокоиться, господин гауптман. Позвольте я вас провожу да заодно пробегу по лесу. Может, какой зайчишка попался в петлю. А уж потом на всю ночь напечь залягу. И погреемся. Приболел что — то.

На этот раз хозяин дома отлучался надолго. Похоже, что

Ащеулов и в самом деле ходил в лес осматривать силки. Прошло не менее двух часов, пока, наконец, стукнула сенная, а затем избяная дверь, и в домике послышались тяжелые шаги Ащеулова. Еще минут двадцать он был чем-то занят по дому, а затем Суров услышал его предупреждение:

— Это я, Петро! Смотри не пульни спросонок — то.

Суров подобрался к лазу, заскрипел отодвигаемый брус, и в подземелье просочился жиденький свет лампы.

— Вылезай! Барахлишко — то пока там оставь. Береженого бог бережет.

Ащеулов был оживлен и явно чем-то очень доволен.

— Ну как, не опух еще ото сна — то? — встретил он вылезшего в комнату Сурова. — Правду говорят, солдат, язви его, спит, а служба идет. Ты вот спал, а для тебя тут другие кое-что сделали.

— Что ж эти другие сделали для солдата? — спросил капитан.

— Лыжи ему, засоне, достали, — с победной ухмылкой загнул палец на руке Ащеулов. — Лыжню ему, сукиному сыну, пробили, чтоб, значит, подозрения или погони не было, — загнул он второй палец, — повечерять ему, лежебоке, перед ночным походом приготовили, — загнул он третий палец, — Мало?

— Подзаправиться не грех, — усаживаясь к столу, проговорил Суров, — Самое время. Только начав расправляться с большим куском вареной говядины, он заметил, что сам хозяин к столу не сел.

— А чего же ты — то, Никифор Терентьевич?

— Я потом. Нельзя нам сразу двум за стол. Зайдет кто ненароком. Ты в подвал, я к столу, и все в порядке. А ежели сразу двое разведем канитель, как наспех не прибирай, внимательный человек сразу поймет, что двое ели. А у Атаман — чука, ежели он забредет, глаз зоркий.

Суров, признавая правильность доводов хозяина, про себя отметил, что хотя на столе стояло и вареное мясо, и картошка, и сало, селедка и даже несколько кусочков колбасы, но всего этого было только-только, чтобы вполне насытить здорового, сильно проголодавшегося мужчину. Видимо, Ащеулов выложил на стол без остатка все, что у него было, и сам не притрагивался к еде не только в целях маскировки.

Поняв это, Суров все же без зазрения совести с аппетитом уничтожал все, что мог предложить ему Ащеулов. Ведь и сам он в подобном случае поступил бы точно так же.

Суров ел, а Ащеулов рассказывал ему о замыслах гауптмана, о том, для какой цели заброшена сюда артель липовых лесорубов во

главе с Атаманчуком.

—Значит, хотят выпустить в лес под видом партизанского грабьотряда. Хитро придумано. А вообще — то эту подлость надо подрезать на корню. Надо узнать, где и когда они рассчитывают начинать своя подвиги.

—Гауптман говорит, что через две недели этих заберут, а сюда новых пришлют. Значит...

—Слышал. А какое место тут у вас называется Святым?

—Святым? — Ащеулов забрал бороду в кулак и, опершись на него подбородком, задумчиво посмотрел на капитана.— Святым, говоришь? Отродясь тут такого названия не слышал.

—Отродясь ты и не мог слышать,— усмехнулся Суров.— Название, наверное, старое, а ты здесь всего года четыре.

—Все может быть,— согласился Ащеулов.— Только в народе — то старые названия долго живут. А вот мне слыхивать не доводилось.

—А монастыря старого тут поблизости нет?

—Монастыря? — встрепенулся Ащеулов.— Монастырь есть, на озере стоит. Озеро имеет название только не Святое, а Чистое.

—Может, я плохо расслышал,— усомнился Суров.— Да нет, явственно прозвучало Святое, а не Чистое.

—Раз монастырь, то значит, это самое. Ишь ты, куда на целились. Это ведь отсюда километров сто двадцать.

—Зато, наверное, место для базирования удобное.

—Не знаю, не бывал. Но по рассказам, место — лучше не найдешь, хотя для Атаманчука, думаю, не подойдет.

—Почему?

—А до партизан ближе, чем до немцев. А ему как раз наоборот надо. Что они так прямо и говорили, что пойдут к монастырю?

—Этого — то я как раз и не разобрал. Только отдельные слова расслышал.

—Ну и хрен с ним и со Святым и с монастырем,— неожиданно почему — то рассердился Ащеулов.— Я так соображаю. Вот ты уйдешь, доложишь там кому следует, а потом пришьешь мне человек пять — шесть надежных парней. Можно даже без оружия. Его и здесь хватит. Прихлопнем мы всю эту сволочь, заберем оружие и в отряд. Примут меня, как ты считаешь?

—Примут, что ли? — не дождавшись ответа от молча на него смотревшего капитана, выкрикнул Ащеулов.— Или,

думаешь, поостерегутся?

—Примут, конечно, примут,— неторопливо ответил Суров.— Только не надо этого делать.

—То есть, как это не надо?! — недоуменно уставился на Сурова Ащеулов.

—Слушай — ка, Никифор Терентьевич,— никак не реагируя на запальчивый тон собеседника, спокойно заговорил Суров.— Как ты думаешь, успокоится гауптман, если мы Атаманчука и его свору в ближайшее время здесь прихлопнем?

—Не — е — ет,— протянул Ащеулов.— Он зараза упрямый, язви его...

—Значит, в другом месте немцы снова начнут раздувать такое же кадило. И даже помощника себе найдут на твое место. Такую контрреволюционную сволочь подыщут, что к ней никаких ключей не подберешь, а сейчас этот гауптман при твоей помощи в нашей упряжке ходить будет. Он будет свой ядовитый урожай выращивать, а мы весь этот урожай под корень. Ясно?

—Чего яснее,— хмуро ответил Ащеулов.

—Только урожай — то этот мы все — таки возьмем не здесь, а в каком — нибудь другом месте. Чтобы ни у гауптмана, ни у его начальства даже подозрения не ворохнулось против тебя.

—Так, выходит, мне еще долго в немецких холуях ходить? — низким рокочущим голосом, в котором чувствовалась угроза, спросил Ащеулов.— Ты понимаешь, чего ты от меня требуешь?

—Понимаю.

—Плохо понимаешь, язви тебя. Ведь даже вы столько лет не могли меня сломить, а тут я сам, по доброй воле, перед этой сволочью на задних лапках танцевать должен.

—Терпи, Никифор Терентьевич.

—Я этого гауптмана одной рукой придавить могу, всю шайку Атаманчука одной связкой гранат в казарме упокою, а ты меня заставляешь...

—Терпи, Никифор Терентьевич,— повторил Суров.— Ты нам здесь большую пользу принести можешь.

—Долго придется мне эту лямку — то тянуть?

—Пока сюда не придут наши войска.

—Понятно.

—Для личной связи мне с тобой никаких паролей не нужно. Но если кроме меня к тебе придет человек и скажет: «Я из Калманки, земляк Петра», то значит это свой.

—Понятно,— кивнул Ащеулов.— А ты чего перестал жевать? Добирай все подчистую. Путь неблизкий.

Перекусить негде будет.

—Слушай — ка, Никифор Терентьевич,— прикончив еду, спросил капитан,— тебя немец все время Козыревым называл. А кто здесь знает, что ты Ащеулов?

—А почитай что никто.

—Что ж, будем считать фамилию Козырев твоим псевдонимом. И еще одно, Никифор Терентьевич. Я не знаю точно, кто придет сюда на связь с тобой, но придет скоро. Так вот, кто бы ни пришел, мужчина или женщина, парень или девушка, инвалид или здоровый, если человек назовет установленный пароль, верь ему, как мне.

—А ты думаешь, тебе — то я крепко верю? — колюче пошутил Ащеулов.

—А как же, конечно, веришь,— усмехнулся Суров.— Скажешь, не так?

—Ну ладно, нечего скалиться, язви тебя...— вдруг рассердился Ащеулов.— Только ты понимай то, что сейчас война, смертная драка с немцами идет. Поэтому я сам свою обиду себе же под ноги бросил.

—Я понимаю.

—Ладно. Пока я тут вожусь, полезай в подпол за своими манатками, да и двинемся. Пора уже.

Через полчаса, обойдя стороной лесопильню и бараки, Ащеулов и вслед за ним Суров бежали по хорошо пробитой лыжне. Через пять — шесть километров она привела их к старой пади, густо заросшей осинником, и растеклась множеством лыжных следов.

—Мои охотничьи уголья. Тут я зайчишек добываю, — бросил на ходу Ащеулов и, помолчав, добавил: — Тут всегда моих лыжней до пропасти будет. Только заходить на них надо с гривы. Ты запомни.

. И еще минут десять они бежали по осиннику. Наконец Ащеулов остановился около узкой, крутобокой, уходившей в глубину ночной темноты возвышенности.

— Выходить из леса всегда будешь на эту гриву. Она поверху совсем голая. Снег сдувает, значит, при подходе не наследишь. Ну, ни пуха ни пера. Партизанский край прямо на полночь. Так и держи. Ну, прощай!

Сняв у закрайка снега лыжи, Суров вступил на обдугую ветрами голую спину «гривы» и пошел по ней в глубь леса. Ащеулов долго глядел ему вслед, потом вдруг снял шапку и яростно почесал в затылке, словно вспомнив что — то, еще не сказанное на прощание. Затем круто развернул лыжи и, словно кидаясь с берега в реку, рванулся вниз с крутого откоса возвышенности.

ВЕЧЕРНЕЕ — СЕЛО ЛИХОЕ

Старая актриса хорошо помнила наказ, полученный перед выходом в тыл врага: «В Вечернем долгой остановки не делать. Переночевать и отправляться дальше». И все же, когда Анохин НЮЧТИ на руках дотащил ее до дверей избы, Сбоева подумала, что завтра она вообще не сможет двинуться с места, не то что отшагать одиннадцать километров до Сватово. Вера, хотя и чувствовала себя лучше напарницы, но тоже с трудом дошла до избы после многочасового сидения в неудобных санях на морозе.

Иван Петрович накоротке пошептался с изумленной и порядком испуганной хозяйкой просторной, но обветшалой и совершенно голой избы, а после этого сразу же торопливо ушел, сказал на прощание Агнии Михайловне:

— Оставайтесь. Здесь вы у своих. Пелагея Федоровна — женщина верная. Я, может, еще загляну, коль сумею.

После его ухода Пелагея Федоровна, поборов робость, превратилась в гостеприимную и, сколь было возможно, хлебосольную хозяйку. Она помогла гостям раздеться, усадила их к столу и вытащила из печи горшок пустой, но зато очень горячей картофельной похлебки.

— Грейтесь,— коротко сказала она, ставя на стол две миски. После некоторых колебаний она отрезала от остатка каравая два небольших ломтика хлеба и пододвинула их гостям.

— Ешьте,— устало проговорила она.— Больше ничего нет.

— А вы не беспокойтесь, Пелагея Федоровна,— сказала Сбоева.— У нас кое-какой запасец найдется. Ну — ка, Валюшка, пошуруй в котомке.

Вера «пошуровала», и на столе появились соленые грибы, сало и подсытая вареных яиц. После минутного колебания Вера поставила на стол поллитровку самогона.

До сих пор казалось, что в доме, кроме Пелагеи Федоровны, никто не живет. Но едва лишь Вера зашуршала бумагой, развертывая сало, как на печи послышался шорох, и над ее закрайком появились две головы.

— Ну, чего вылупились? — строго прикрикнула на них мать.— Велено спать, и спите. Беда с этой малышкой. Как есть, ничего не понимают.

В голосе Пелагеи Федоровны слышались недалекие слезы. Вера, отрезав два ломтика сала и отобрав два яйца покрупнее, протянула их мальчишкам. Те, испуганно пискнув «найн», юркнули в теплую темноту.

— Берите, берите, не бойтесь,— ласково уговаривала их Вера.

Из темноты протянулись две детские руки, каждая схватила свою порцию и скрылась.

—Данке шен,— слышалось с печи. Пелагея Федоровна только горестно развела руками.

—Зачем же вы себя—то обездоливаете? — после недолгой паузы заговорила она, настороженно поглядывая на «слепую», которая явно «не видела» того, что сделала Вера.— Разве всех накормишь?

—Вы это об чем? — спросила Сбоева.

—Да ваша девушка по целому куску сала и по яйцу моим пацанятам отвалила,— словно оправдываясь, ответила Пелагея Федоровна.

—Хорошо сделала,— похвалила Веру Сбоева.— Она девушка добрая. А это что, Пелагея Федоровна, твои ребятишки—то по—немецки болтают?

—Два фрица их три недели дрессировали, пока в моей избе на постое были. Для них мы ведь свиньи, а наши детишки — звереныши. Вот и изгаляются.

Сбоева и Вера чувствовали, как каждая ложка горячей похлебки вливает в грудь живительное тепло. Пелагея Федоровна тоже подседа к столу. Вера подкладывала «слепой» то грибы, то сало и старательно угощала хозяйку. Та не отказывалась, но старалась брать поменьше. Каждый кусочек сала она разрезала на мельчайшие дольки и скупно, по долочке клала в рот, заедая вместо хлеба картошкой. У Сбоевой и Веры сердце сжималось при виде этой гордой, не желавшей, чтобы ее замечали и ей сочувствовали, нищеты. Хозяйка спросила:

—Правду Иван—то Петрович сказывал, что ты ворожить умеешь?

—Ну, вот уж чего не знаю, Пелагея Федоровна, того не знаю,— уклонилась от оценки своих гаданий Агния Михайловна.— Я говорю то, что мне карты или книга показывают, а правду они говорят или нет, судить не мне.

—Среди наших бабенок наемднн прошел слушок, что, мол, ходит по миру гадалка и всем чистую правду говорит. Только ведь ты, Мария Ивановна, за ворожбу—то, наверное, дорого берешь?

Сбоева хотела, как обычно, сказать, что ей грешно брать плату за свой дар свыше, но, вспомнив слова мужа Кондратьевны о том, что настоящие гадалки горлохваты и что ей надо на них походить, ответила:

—Мне ведь, милая Пелагея Федоровна, тоже есть, пить и обуваться надо, да и Валюшка моя на аппетит не жалуется и нагишом ходить не может. Так что, сама понимаешь. Однако беру, кто что даст. Насчет еды, конечно, больше всего

стараюсь.

—С едой — то у меня совсем плохо. Разве картошки...

—Да ты что, милая,— возмутилась Сбоева.— Разве я с тебя что возьму? Ты нас приветила, приласкала. Да о плате ты и не заикайся.

—Ну, спасибо тебе,— обрадовалась хозяйка.— Может, потом, когда жизнь полегчает, увидимся, так я для тебя ничего не пожалею. А сейчас мне бы про мужа, про Костеньку узнать... Жив ли он?..

Вдруг вся изба подпрыгнула, словно ее кто — то из — под земли двинул могучим кулаком. Заскрипели бревна в углах, жалобно взвизгнули оконные стекла, с затрепавшего потолка посыпалась какая — то труха. Иа печи дружно заревели мальчишки.

Мгновение за столом все были как в столбняке, затем хозяйка кинулась к печи успокаивать ребятишек. Вера выскочила на улицу, а за нею, на ощупь, вышла Агния Михайловна. Даже в эти минуты она не могла забыть про ту роль, которую взялась играть.

На дворе было светло, почти как днем. Только небо оставалось темным, да тени на снегу были необычно черными и резкими. Метрах в двухстах или трехстах от избы Пелагеи Федоровны пылал огромный кострище. Сплошной огненный столб, очень широкий, но короткий и поэтому особенно страшный, упруго колыхался под напором бушевавшей метели, не опадая и не сгибаясь. Внутри огневого кургана и поблизости от него все время что — то взрывалось.

Вере показалось, что около пожарища совсем не слышно человеческих криков. Людской гомон и шум машин доносился только с окраин села.

В этот момент почти около самых ног Сбоевой что — то ударило о землю и зашипело в снегу.

— Ой, что же мы стоим, смерти ищем? — первая поняла, в чем дело, Пелагея Федоровна.— Пришибет каким осколком, и помянуть некому будет.

Она схватила Агнию Михайловну за рукав и потащила ее за собою.

—Что там такое? — уже в избе недоумевающе спросила Сбоева.— Почему такой страшный взрыв?

—Раньше там правленческая усадьба была,— объяснила хозяйка.— Амбары до сих пор стояли. Фрицы хозяев выгнали, а дворы забором обгородили. Все какие — то ящики туда свозили. Сегодня, своими глазами видела, уж перед самым вечером туда десятка два груженных машин въехало.

—Значит, бомба с самолета туда и попала,— догадалась Сбоева.

—Не может быть,— не согласилась Вера.— Тут что —

то другое.

—Девушка правду говорит,— поддержала ее хозяйка.— Самолет — то когда был, а полыхнуло только сейчас.

—Наверное, народу много побило.— покачала головой Вера.

—Не было там людей,— жестко сказала Пелагея Федоровна. — Их из середики села еще осенью выгнали. Когда эти проклятые укрепления строить начали.

Она вдруг запнулась. Видимо, на разговоры об укреплениях был наложен строжайший запрет, и немцы жестоко ' карали проговорившихся. Но Вера и Агния Михайловна не воспользовались обмолвкой хозяйки и укреплениями как будто бы не заинтересовались. Пелагея Федоровна облегченно вздохнула и перевела разговор на другое.

— Ну, рвануло и рвануло, чего ж теперь об этом говорить,— с напускной небрежностью сказала она.— Нас не задело, и слава богу. Может, ты, Марья Ивановна,— погадаешь мне?

—Отчего ж не погадать,— согласилась Сбоева.

Сбоева сама удивилась результатам гадания. Она никак не ожидала, что сумеет так ободрить хозяйку дома, тем более, что гадание свое на этот раз она вела без всякой артистичности.

— Значит, говоришь, жив мой Костя,— посвежевшим голосом проговорила Пелагея Федоровна, глядя, как гадалка тонкими, похожими на сухие стручки пальцами «на ощупь» собирает раскинутые по столу карты.— Хоть и ранетый был, а все же жив остался.

Агния Михайловна собрала и завернула в тряпочку карты, сунула их в карман, но энергия, разбуженная в Пелагее ободряющим гаданием, искала выхода, требовала, чтобы свалившаяся на нее радость осветила и других тоскующих. Поэтому после длительного молчания она спросила ворожею:

— Ты как, Марья Ивановна, сильно поди устала? А то бы я добежала до соседки, до Полюшки. Как ты, не против?

Агния Михайловна действительно чувствовала, что держится из последних сил. Намерзшее, усталое тело требовало отдыха. С сожалением подумав, что лечь и заснуть, видимо, удастся не скоро, Агния Михайловна ответила:

— Ну что ж, Пелагеюшка, зови свою Полину. Погадаю и ей.

Полина оказалась женщиной значительно более молодой, чем Пелагея Федоровна. Тоненькая и стройная, она скорее напоминала девушку в расцвете молодости, чем замужнюю женщину.

—Вот привела нашу певунью и плясунью,— рекомендовала ее Пелагея, едва переступив порог.— До

войны — то она у нас в клубе главной заводилой была, на пару с Карпушей, мужем ее.

— Так то было до войны, — проговорила Полина. — Вот посмотреть бы, что после войны будет. Удастся ли моему Карпуше после войны гармонь растянуть так, чтобы ноги сами в пляс пошли?

Полина огляделась, сунула в руки Вере узелок — плату за воровку — и начала раздеваться. Агнию Михайловну насторожила стремительная разговорчивость подруг. Ей показалось, что они чем — то смущены или напуганы.

Полина разделась, села около стола и бесцеремонно начала рассматривать Агнию Михайловну. Она была убеждена, что гадалка ничего не видит, и смотрела на нее с жалостью и некоторым недоверием.

— Что ж, Аполлиария, — заговорила Сбоева. — Может, заглянуть и в то, что будет после войны. Карты, они не обманут, если их с верой спрашивать.

Тут, понимаешь, Марья Ивановна, не все у нас хорошо вышло, — начала смущенно Пелагея Федоровна. — Мы на Катьку Прохорову нарвались,

— Как нарвались? — встревожилась Агния Михайловна. — Что это за Катька?

— Да наша это, деревенская, — объяснила Пелагея.

— До войны тоже в клубе пела, — дополнила Полина. — Красавица на все село была.

— Почему была? — удивилась Сбоева. — Так что же с ней?

— Спуталась тут с одним... Он для немцев отца и мать предать готов. Ну, Катька, видать, и польстилась на его богатство. Долганов — то со всей области кровь сосет. Что немцы не отберут, то полицаи Долганову предоставят.

— Долганов! — не выдержала Вера. — Но он же старый. У него жена есть.

— Какой старый, — отмахнулась Пелагея. — Лет сорок ему. Жену — то, говорят, в эвакуацию отправил. Ну и пустился во все тяжкие. Ему терять теперь нечего.

— У Катьки — то любовь большая была, к Петру Денисовичу Соловьянникову, агроному нашему. Парень правильный, но горячий. А Катька ветреная и своенравная. Сейчас она знает, что ей от Петра — то Денисовича прощения не дождаться, ну и тоже пустилась...

— Так чем же эта Катька вас напугала? — спросила Сбоева.

— А она сейчас тоже сюда примчится. Гадать хочет, — объяснила Полина. — Не знаю только, на кого. На Долганова или на Петра Денисовича.

—Это я виновата,— сокрушенно заговорила Пелагея.— Не разглядела в темноте — то, что она в кутнем углу сидит, и брякнула Полине про гадания, Катька и прицепилась. Ну я и сказала, что ты, Марья Ивановна, за ворожбу дорого берешь. Катька к себе помчалась, собрать что ни на есть из продуктов. Ну, у нее — то найдется что.

—Ладно, пусть приходит,— понимая, что сейчас уже невозможно что — либо изменить, решила Сбоева.— Раз так получилось.

—Только Катька наказала, чтобы мы тебе про нее ни слова не говорили. Так что ты уж, Марья Ивановна, не выдавай нас,— попросила Сбоеву Пелагея.

Катька появилась в самый разгар гадания Полине. Сбоева не прервала своего занятия и даже не повернула головы к вошедшей. Зато Вера, на всякий случай забившаяся в самый темный угол избы, внимательно рассмотрела непрошенную гостью.

Катька действительно была красива. Ее большие, опущенные длинными ресницами голубые глаза смотрели на всех дерзко, с вызовом, а слегка припухлые четкого рисунка губы привычно складывались в презрительную, капризную улыбку. Ее стройную фигуру подчеркивало темно — зеленое драповое пальто, сшитое, видимо, мастером высшего класса. Пожалуй, только пальто слишком уж туго облегалo плечи и грудь Катьки. Было видно, что шито оно на другую женщину. Хотя пальто имело меховой воротник и опушку по рукавам и подолу, Катька все же надела еще и чернобурку. Судя по размерам и пушистости меха, лиса стоила больших денег.

Катька разделась, причем свое пальто не повесила рядом с одеждой хозяев, а положила отдельно на лавку. После этого она развернула принесенную отдельно меховую накидку и небрежно набросила ее на плечи. Увидев накидку, Вера чуть не вскрикнула от изумления.

Эта накидка была хорошо ей знакома. Софья Абрамовна Левит за всю свою жизнь скопила денег всего на две действительно дорогие вещи — концертный рояль и палантин из меха шиншиллы. Палантин этот она брала с собой на особо ответственные концерты — «для выхода».

Вера не допускала мысли, что старая пианистка способ — — на просто так продать самую ценную из ее «выходных» вещей. Значит, этот палантин подарил Катьке Долганов, начальник полиции. Сердце Веры сжалось от дурных предчувствий. Катька уже села на табуретку против гадалки. На коленях у нее лежал туго набитый узел, и Катька явно колебалась, отдать ли этот узел «слепой» сразу или дождаться результатов гадания. Полина решила ускорить ход событий.

—Это, Марья Ивановна, соседка моя Катя Прохорова.

— Не надо, — прервала Сбоева дальнейшее объяснение Полины. — Пришла и хорошо. Остальное она сама мне все расскажет.

— Ну, вот еще, — передернула плечами Прохорова. — Я пришла послушать, что вы про меня скажете...

— Так ведь я, милая, смогу тебе рассказать только то, что ты сама о себе скажешь, — спокойно перебила ее Сбоева. — Дай — ка руку,

Сбоева сама «на ощупь» разыскала ее руку и тонкими сухими пальцами начала внимательно прощупывать каждую линию, каждый бугорок ладони. Изредка она шевелила губами, словно говоря что-то только для самой себя. Глаза Сбоевой строгие, почти не мигающие, смотрели поверх плеча Катьки, но та не отрывала своего взгляда от лица ворожеи. Вот гадалка явно чем-то заинтересовалась. Она несколько раз кончиком пальцев ощупала один из бугорков ладони, и Катька, не выдержав напряжения, поторопилась:

— Ну, ну, чего там?!

Женщины были полностью увлечены процессом ворожбы. Все больше поддавала под влияние остановившегося мрачного взгляда ворожеи и Катька. Она с трудом переводила дыхание, не смея отвести глаза от лица гадалки. На лбу и носу ее выступили капельки пота.

Но вдруг выражение лица Сбоевой изменилось. Она даже вздрогнула и на мгновение отдернула свои пальцы. Всем стало ясно, что ворожея напугана тем, что ей удалось прочесть на руке Катьки. Катька отшатнулась, побледнела и словно бы закаменела. Она хотела что-то спросить, открыла рот, да так и остановилась, не произнеся ни звука. Ее испуганные глаза не могли оторваться от искаженного гримасой лица гадалки.

— Марья Ивановна! — не выдержав, кинулась к гадалке Пелагея. — Чего же ты молчишь — то?

— Отойдите, — подняв голову, негромко приказала ворожея. — Я для одной Катерины говорить буду. Садись ближе ко мне, девушка.

Пелагея и Полина торопливо перебрались на дальнюю половину избы к печи. Катька, положив узел на лавку, вместе с табуреткой придвинулась к гадалке.

— На твоей руке написано очень плохое и страшное, Однако линия жизни твоей пока не пересекла холм ужаса. От себя самой зависит, пересечется ли она с ним и навлечет ли на тебя тьму. Линии говорят, что сейчас тебе сопутствует удача, не радость, не счастье, а удача. Сумей встать выше этой удачи, сумей сделаться ее госпожей. Но не ошибись. Ошибка ведет к густой горячей крови, черной пропасти, из которой тебе нет

возврата. Ты находишься на краю пропасти. Не сорвись в нее. Оттуда не возвращаются. В будущем, если удастся, я снова прочту линии твоей руки и подскажу, что делать. Но запомни: никто, даже самый близкий человек не должен знать, что я тебе сейчас сказала. Иначе твоя судьба вырвется из — под твоего влияния, вмешаются силы, неподвластные человеку, и самое страшное, самое необратимое свершится. Держи всю себя и сердце свое на крепком замке.

Катька, испуганная грозящими ей бедами, забыв, что слепая ее не видит, подавленно кивнула головой, а Сбоева, глядя в красивое лицо Катьки, в ее только что бездумно лучившиеся, а теперь потускневшие глаза, думала, что, пожалуй, удастся с помощью этой пустышки добраться до Сватово.

Катька спросила шепотом:

—Когда же, бабушка, вы сможете снова погадать мне?

—Я тут постоянно хожу, собираюсь, даст бог, снова заверну к вам. Завтра переберусь в Сватово. Дорога сейчас трудная. Холодно, а до Сватово не близкий конец.

—Я помогу вам добраться до Сватово. Старосте скажу, чтобы подводу нарядил или с попутной отправил. Он мне не откажет. Он Гераськи боится.

Сбоева не сразу сообразила, что «Гераська» — это Долганов.

—Каждый староста господина Долганова побаивается. У каждого рыльце в пушку.

—В пушку,— фыркнула Катька, обрадованная, что ворожея заговорила как обычный человек.— Можно, бабушка, вас попросить погадать мне на картах?

—На кого гадать — то будешь, милая?

—Ни на кого, кроме самой себя, мне гадать неинтересно,— ответила Катька.

Гадание затянулось надолго. Сбоева не торопилась и плела туманное иносказание ворожбы так, чтобы укрепить в Катьке убеждение в неизбежности страшного несчастья, если та не будет предельно осторожна и справедлива. Катька, жадно впитывая указания «гадалки», согласно кивала головой. Но больше всего ее поразило то, что карты рассказали о ее прежней любви. Ощупывая тонкими пальцами карту, прежде чем положить ее в установленный ритуалом ворожбы порядок, «слепая» так ярко описала предмет прежней Катьки — ной любви, что та тяжело задышала и облизнула ставшие сухими губы.

—Как он сейчас — то? — непроизвольно вырвалось у Катьки.

Сбоева собрала карты, перетасовала колоду и протянула ее Катьке.

—Вытаскивай три карты из середины. Да не подряд, и клади

вниз картинками на стол.

Катька сделала так, как велела «гадалка». Не поворачивая карт, а только ощупав их рубашки, Сбоева сказала:

—Идет ему удача. Большая награда ему за военную доблесть.

Эта подробность была с удовлетворением воспринята Полиной и Пелагеей, но на Катьку произвела раздражающее действие.

—Вот появятся здесь и будут каждый судить со своей колокольни,— с неприязнью сказала она..

—Ну, когда еще они появятся,— дипломатично попыталась успокоить ее Полина.

—Когда—никогда, а все—таки появятся,— поспешно повторила Катька.— Слыхали, как немцев—то под Москвой...

Агния Михайловна собрала колоду и завернула в тряпочку. Катька и Полина стали собираться.

Катька взяла узел с продуктами со скамейки и сунула «гадалке». При этом Сбоева словно бы случайно коснулась палантина и с испугом отдернула руку.

—Что с вами, бабушка? — предчувствуя недоброе, прошептала Катька.

—Кровь... почему тут кровь? — сдавленным голосом спросила «слепая».

—Какая кровь? — испугалась Катька.— Накидка как новая. Я сама ее чистила.

—Почему же я чувствую, что рядом прошла смерть?

Она дрожащими руками провела по палантину. Вера, вначале не понявшая неожиданного поворота в игре Сбоевой, теперь догадалась, что та тоже узнала вещь, принадлежавшую Левит.

Катька сорвала палантин с плеч и, скомкав, зажала его под мышкой. Сбоева взяла ее под руку и зашептала:

—Смотри, Катерина. По твоей руке я и так прочитала много страшного, а тут еще это... Я хорошо слышу кровь и смерть. Пока всего разгадать не могу. Если сохранишь все в тайне, то когда я снова приду сюда, наверное, даже смогу помочь тебе. Только храни эту тайну за семью печатями и семью замками.

—Буду хранить, бабушка. Ей, богу, никому ни словечка не скажу,— скороговоркой зачастила Катька, обрадованная обещанием ворожейки.— Вы не беспокойтесь, бабушка. Я помогу вам добраться до Сватово. Вы только быстрее возвращайтесь. И сальца и маслица к вашему приезду еще приготавливаю. И никому ни словечка, вот ни столечко не скажу.

Однако Катька смогла выполнить свое обещание только на

третий день. Видимо, взрыв склада нарушил установленный ритм работ на строительстве. Оккупанты на целые сутки мобилизовали все население Вечернего частью на расчистку места взрыва, частью для подвоза материалов к перевалочным пунктам секретного строительства.

Агния Михайловна, хотя и понимала несвоевременность и даже опасность такой задержки, все же была довольна вынужденной передышкой. Пешком до Сватово она сейчас вряд ли добралась бы. Ее всю ломало. Болели суставы рук и ног, трудно было распрямить поясницу. Голова была тяжелая, и в ушах стоял постоянный шум. Старая артистка крепилась изо всех сил, но Вера видела, что ее спутница не просто сдает от усталости, но, кажется, по-настоящему заболевает. Аспирин и пирамидон, захваченные странниками в дорогу, не оказали на организм Сбоевой никакого действия.

Полина, увидев состояние ворожейки, встревожилась. В дело были пущены все доступные народные средства: баня, заваренная в кипятке малина и прогрев на горячей печи. Но и это мало помогло.

Агния Михайловна беспокоилась: задержка в Вечернем слишком затягивалась; от Катьки не было ни слуху ни духу.

Пелагея успокаивала ее как могла.

—Чего, чего, а чтоб Катька забыла про такие дела, этого про нее не скажешь. Когда надо, кремень девка,— не совсем последовательно начинала она защищать Катьку.— Раз обещала, значит, разобьется, но сделает.

—Что — то не похоже, чтоб она разбивалась,— невесело пошутила Агния Михайловна.

—Да ты посмотри, милая, что в селе — то творится,— забывая, что как раз «посмотреть — то» ворожея и не может, напускалась на Агнию Михайловну Пелагея.— Все село как есть дыбом стоит. Это на наш край никто из иродов не сует носа. Знают, что здесь только вдовы да малышня и самая голодная нищета, а то бы и нас в покое не оставили. Катька — та тоже не свят дух, плетью обуха не перешибет. Но она, змея, хитрющая и упрямая. Как найдет лазейку, так сразу на своем поставит.

Агния Михайловна волновалась: указание Званцева и Сурова «В Вечернем не задерживаться!» оставалось невыполненным.

Уже перед самым вечером над селом на небольшой высоте пролетел «кукурузник». Гарнизон Вечернего всполошился. Захлопали винтовочные выстрелы, истерическими очередями залились пулеметы. От самолета оторвалось облачко листовок и сотнями белых голубей опустилось на село. Развернувшись где — то

далеко над полем, самолет еще раз прошел над Вечерним. Снова выстрелил облачком листовок и утонул в синеве потемневшего к ночи неба. По селу помчались полицаи, приказывая немедленно сдавать подобранные листовки, но люди успели их прочитать, а некоторые и припрятать.

Одна из листовок оказалась у Пелагеи. Вера прочла ее вслух. Большая часть листовки передавала содержание сталинского приказа в день двадцатичетырехлетия Красной Армии, и обе они — и Агния Михайловна, и Вера почувствовали, как нужны эти пламенные, полные веры в победу слова людям, попавшим в кабалу к фашистам. С трепетной верой слушала эти слова Пелагея, не очень грамотная, никогда не выезжавшая из родного села русская женщина, истощенная голодом и беспокойной любовью к своим мальчишкам. На обороте листовки были краткие обращения красных воинов к попавшим в оккупацию землякам. Одно из них было подписано Петром Соловьянниковым.

Сбоева обратила внимание, что Петра в Вечернем хорошо знали, но здесь не было его родственников, которым могла бы угрожать месть оккупантов.

«С расчетом делано,— подумала Сбоева.— А нам надо побыстрее уходить отсюда. Как бы Катерина не проговорилась».

— Куда ни шло, завтра утром тронемся пешим порядком,— сказала она Вере.— Кому мы с тобой нужны? Пронесет.

Но перед вечером зашла Полина с доброй вестью.

—Катькина сестренка ко мне прибежала,— сообщила она еще от двери.— Катька велела передать, что будет подвода. Завтра перед обедом заедет за вами кучер самого Долганова — Дементий Малаев.

—А разве Долганов здесь? — встревожилась Агния Михайловна.

—Сам — то не приехал. С ямщиком прислал своей крале чего — то,— успокоила ее Полина.

Агния Михайловна с помощью Веры и Пелагеи забралась на горячую печь. Перед сном Пелагея снова напоила ее горячим отваром малины. Артистка могла бы спокойно спать, но сон не приходил. Она лежала, слушая, как под ласковым дыханием печного тепла стихает ноющая боль в усталом простуженном теле. Но с каждой минутой становилась сильнее та необъяснимая душевная боль, которая как — то незаметно и даже непонятно когда появилась. То ли в тот момент, когда они в санях ожидали обыска на въезде в Вечернее, то ли позднее, когда стало известно, что Катька — любовница Долганова. Но особенно болезненно сжалось сердце сегодня, когда Полина сообщила, что завтра их в Сватово повезет личный кучер Долганова. «Неужели я сделала ошибку? —

размышляла Агния Михайловна.— Правда, на инструктаже и Званцев и Суров предупреждали: «Не прятаться, не скрываться, чтоб не вызвать подозрения, но и не мозолить глаза оккупантам и их прислужникам». Но, кажется, все делалось так, как меня учили. Не пряталась, но и глаз не мозолила. Так в чем же ошибка?»

Проверяя в памяти все, что ею было сделано в последние дни, Агния Михайловна _не находила ничего, о чем можно было бы сказать: «Вот здесь я промахнулась».

«Если завтра мы будем в Сватово,— размышляла Агния Михайловна,— и установим связь с Пылаевым, то задание будет выполнено. Тогда останется только возвращение, а для этого не обязательно идти старым путем. Пылаев, конечно, знает местные условия и укажет другой путь. Обратно можно идти не спеша, отдыхать после каждого перехода, сколько будет нужно».

Медленно текли долгие ночные часы, но сон так и не явился в эту ночь к старой артистке. Измученная бессонницей и гнетуще тревожными мыслями, Агния Михайловна с нетерпением ждала рассвета, решив, если ямщик не приедет в назначенное время, попытаться пешком добраться до Сватово.

Принятие этого, хотя и трудно выполнимого, решения почему — то успокоило Сбоеву и уже под самое утро она задремала. Казалось, что весь сон продолжался какие — то считанные минуты, но, когда она открыла глаза, в избе было светло и на полу лежали яркие пятна солнечных зайчиков. К немалому удивлению Агнии Михайловны она проснулась бодрой и почти здоровой.

На этот раз Катька не подвела. Вскоре после завтрака примчалась ее сестра, курносая и голенастая девочка, у которой, несмотря на мороз, на голове вместо полушалка было намотано клетчатое мужское кашне, прямо с порога затрещала:

—Готовы?! Собрались?! Меня Катерина послала! Дядя Дементий Лукич сейчас подъедет. Вот вам Катерина послала кое — что на дорогу.

Следом появился Малаев — кучер начальника полиции.

Это был невысокий сытенький мужичок, одетый в длинный до колен полушубок и ватные штаны. На голове — огромный заячий треух. Войдя, он снял треух, быстро — быстро перекрестился и осипшим с мороза голосом проговорил:

— Здорово живете! Вот он и я. Поехали, значит.

Несмотря на внешний весьма благополучный вид и даже совсем не военного времени упитанность, кучер из полиции не казался устойчивым, уверенным в себе человеком. Должно быть, это впечатление неуверенности производили суетливые руки кучера и его узенькая и редкая бороденка, очень похожая на измыленную вконец мочалку. Усаженный, пока женщины оденутся, к столу, на который Пелагея поставила бутылку самогона, кучер то потирал ладонями, то похлопывал себя по коленям, то оглаживал мочалку

на подбородке, ни одной секунды не сидел спокойно. В это же время он ухитрился между похлопыванием, поглаживанием и потиранием выпить весь самогон, даже не крикнув, не поморщившись, не закусив.

И вот, провожаемые Пелагеей, Катькиной сестрой и забежавшей на минутку Полиной, Агния Михайловна с Верой уселись в набитую сеном кошеву и выехали из Вечернего. Несмотря на мороз, в кошеве ехать было тепло и удобно. Кучер пустил лошадей рысцой по хорошо накатанному большаку и, перекинув ногу через отвод саней, обернулся лицом к пассажиркам.

—А ты, видать, городская? — обратился он к Сбоевой.

—Да, Дементий Лукич. Всю свою жизнь в городе прожила.

—Да уж это конечно,— согласился кучер.— Город всегда всему голова. А не сажают за это?

—За что? — не поняла Сбоева.

—За гадания всякие. При советской — то власти сажали, поди?

Сбоева на мгновение растерялась. Не говорить же, в самом деле, этому долгановскому холую, что до войны ей приходилось играть гадалок только на сцене. В то же время признаться, что она и до войны в открытую занималась ворожбой, значит, вызвать подозрения. Досадуя про себя, что при разговоре с Суровым ими не была учтена такая деталь, Сбоева храбро соврала:

—Всяко бывало.

—Со мной тоже,— разоткровенничался Малаев.— Даже сидел я...— Хозяйство, значит, по всей форме в колхоз забрали. Только с моего добра колхозу было бы не разжиться. А вот с хозяйства моих зятьков... Я ведь за свата и зятьев во всю эту хреновину влип.

—Интересно, как же это за зятьков? — стараясь отвлечь внимание Малаева от Сбоевой, спросила Вера.— Расскажите, Дементий Лукич!

—Да какой тут интерес,— отмахнулся от девушки Малаев.— Ты вот при советах — то, наверно, комсомолкой была. К крестьянской жизни, как городская, касательства не имела, поэтому и не знаешь всей нашей тяготы.

—Валюшке было не до комсомола,— вмешалась Агния Михайловна.— Жизнь у нее трудно сложилась. А вы — то, Дементий Лукич, богато жили?

Да где там,— с пренебрежением к самому себе усмехнулся Малаев.— Голым бедняком, конечно, не был, но и в крепкие середняки не выбился. Не одюжил, значит. Лошадь, корова,

свинья, шесть овец — вот и все мое богатство. Сеял шесть десятин и озими, и ярового вместе. Где тут богатым стать.

—Да, конечно,— с сочувствием протянула Сбоева, хотя не была уверена, много или мало шесть десятин посева и сколько лошадей должен иметь середняк.— Тут уж, конечно, не размахнешься.

—Вот я и говорю,— доверительно уже только к Агнии Михайловне повернулся Малаев.— И хотел бы в рай, да грехи не пускают. А ведь пожить—то хочется. Так, как в деревне справные мужики живут. Чтобы, значит, не дрожать над каждым пудом зерна, чтобы лошади вожжи из рук рвали, чтобы изба была на три горницы и сенцы теплые, как у моего свата и зятьков.

—Значит, ваш сват был богатым человеком?

—Митрофан—то Куприянович? Богатющий мужик. Три мельницы имел, чтоб, значит, каждому сыну по мельнице и себе одну. Сам засеял десятин шестьдесят, да почитай всё село его зерном исполу сеяло. Это, конечно, до колхозов. Избу себе такую заворотил, городские торговцы — знакомцы его, завидовали. Для младшего сына в Колбино, соседнем селе, тоже домину сгрохал при мельнице. Умел жить. Двух моих дочек за своих сынов взял.

—Приданое, наверное, и помешало вам середняком стать,— догадалась Сбоева.— Не дешево обошлись две свадьбы—то.

—В том—то и боль, что Митрофан никакого приданого не потребовал. «Я, говорит, сам на приданом женился и всю жизнь с нелюбимой не горел, а тлел. Пусть, говорит, мои сыны по любви на самых лучших девках женятся. Что, значит, им было хорошо, и я на здоровых и на красивых внуков радовался».

—Значит, девичья красота — лучшее приданое?

—Так ведь и то надо понимать, что у Куприяновича свой особый гонор был,— словно рассуждая с самим собой, ответил Малаев.— Мол, моего богатства на все хватит. Могу все себе позволить. А мои Верка и Анютка первейшие девки на всю округу были. За Анюткой даже из города сваты приезжали, Однако сынки Куприяновича всех женихов отжали. В один день и свадьбы сыграли.

—Ну раз вы породнились с богачом, то и вам кое—что от него перепадать стало. Крепнуть начали?

—Да ведь, как сказать,— вздохнул Малаев.— Ведь не будет же кто ни есть свое хозяйство другим раздавать. Хозяйство—то требует, чтобы все в него тащили. Так и Куприянович, и сынки его. Правда, кое в чем пользовался. Скажем, смолоть что, теперь все и без очереди, и бесплатно.

—Значит, все — таки вам богатый сват не помог разбогатеть?

—Так ведь я и не просил его. Да и нужды в этом не было. Жизнь — то и так с каждым годом все лучшала и лучшала. Почитай, с самого с двадцать пятого мужик свободно дышать начал. Налог брали по совести, на базаре цены были хорошие, в магазинах что ситцу, что гвоздей да и всего про чего появилось в достатке. А чего больше мужику? Еще бы лет десять — пятнадцать такой жизни, и справный мужик встал бы во весь рост.

Кучер сердито отбросил докуренную до самого конца самокрутку и умолк. Но Сбоева хотела, чтобы Малаев договорил до конца.

—А где же теперь ваши дочери, внуки? — спросила она, когда увидела, что ее собеседник, кажется, решил умолкнуть надолго.

—А кто их знает, — равнодушно ответил Малаев. — В двадцать девятом всю их семью в Сибирь увезли.

—И с тех пор вы об них ничего не знаете? — удивилась Сбоева.

—Как я мог узнать, коль через полгода и меня с братьями вслед за Куприяновичем замели. Полное крушение моей жизни произошло.

—А вас — то за что?

—Как подкулачника. Пошумели мы малость, когда наши сельские власти Куприяновича зорить начали. Малость пошумели, а вышло боком.

Установилась пауза. Сбоева думала, как бы повернуть неожиданно прервавшийся разговор на более мирную тему. В этот момент Вера, внимательно слушавшая рассказ Малаева, разорвала затянувшееся молчание.

—А вы из каких мест, Дементий Лукич? Здешний?

—Почитай, что здешний, — ответил Малаев. — Со Смоленщины. Отсюда до нашей деревни верст четыреста, не больше.

—Ничего себе, здешний, — рассмеялась Сбоева. — Чуть не полтысячи верст.

—Что версты, — пренебрежительно махнул рукой кучер. — На хороших лошадях я бы на четвертый день дома был. Да незачем. Дороги мне туда нет. Никуда дороги нет.

—Ну зачем же так мрачно? — попыталась ободрить его Сбоева. — Все еще устроится. Найдутся и дочери ваши и внуки.

—Да кто его знает, — безразличным тоном ответил Малаев. — Вначале казалось, к старому поворот

обозначается, а теперь ни хрена не поймешь, кто кого осилит.

Ямщик явно намекал на разгром немцев под Москвой.

—Но, мне кажется, что у вас полоса невезения кончилась. В дальнейшем больших бед не ждите.

—Да уж хуже, чем было, не выдумаешь,— уныло согласился Малаев. Он помолчал и, погоня лошадей вожжами, как бы между прочим сказал: — Погадала бы ты мне, что ли. Раньше — то я не верил в эту чертовщину, а теперь...

Катерина мне говорила, что ты всю правду ей сказала.

«Болтает, значит»,— с тревогой подумала Агния Михайловна, но, ничем не выдав своего настроения, дружелюбно ответила:

—Погадать можно, Дементий Лукич, только ведь в санях не погадаешь. Ты в Сватово долго пробудешь?

—Нет, я на проход до города. Ты у кого в Сватово на квартиру станешь?

—Не знаю. У меня никого там нет. Где пустят, там и буду ночевать.

—Завезу — ка я тебя к своей знакомой, к Клавдии Семеновне Выдриной. Она женщина серьезная, богомольная. Я когда в Сватово ночую, всегда у нее останавливаюсь.

—Вот и хорошо,— без особого удовольствия согласилась Сбоева.— Приедем, отогреемся и погадаю.

—Сегодня — то я не задержусь, а вот послезавтра меня хозяин похоже опять к Катерине погонит. Тогда я и приверну на обратном пути. Погадаешь?

—И не сомневайтесь,— заверила его Агния Михайловна.— И на картах, и по руке, и по книге.

—Только заплатить — то я дорого не могу...

—Что ты,— отмахнулась Сбоева.— Какая плата? Ты и так выручил нас. Я тебе всю жизнь благодарна буду,

—Мне — то за что,— притворно удивился Малаев.— Это вы Катерину благодарите. Она наказала довезти вас до Сватово и велела хозяину ничего не говорить. Сама, говорит, потом все обскажу. А мне какое дело. Я сделаю по — Катеринину. Хозяин — то в неё крепко врезался, а ночная кукушка дневную всегда перекукует.

Сбоева слушала болтовню ямщика и гадала — откровенно он ей говорит или пытается отвести глаза. Действительно ли он завезет их на квартиру своей знакомой просто так, без всякой тайной цели.

—Вот обогнем этот лесок, и до Сватово останется всего четыре версты,— продолжал говорить Малаев, вытягивая из —

под облучка кнут.— Ну, вы, веселей! — прикрикнул он на лошадей.— А то вот у меня директива — то, до любой достанет, — и он вытянул кнутом и так уже рвавшихся из оглобелей лошадей.

В ПОДВАЛЕ МОНАСТЫРСКОЙ ЦЕРКВИ

Вопреки предположению Леонида, он и Саша отдыхали в церковном подвале не один, а целых четыре дня. Первые сутки они проспали, поднимаясь только, чтобы подбросить в костер дров. Даже за еду не принимались. Впервые за последние три недели разведчики могли спать, не беспокоясь, что их разбудят очереди вражеских автоматов или грубый окрик немецкого солдата. Укрытие, найденное ими, было абсолютно безопасным. Однако на всякий случай к церкви они пришли не через монастырский двор, а, предварительно дав большой круг, пробрались в подвал через кладбище, примыкавшее к церкви и тянувшееся до самого леса.

Еще около месяца тому назад, расставшись со взводом Федора Кузьмича и впервые придя сюда, они первым делом обследовали монастырские постройки. Почти все здесь сохранилось совсем неплохо: бывшая монастырская гостиница, дом игумена, трапезная, общежития и кельи монахов. В любом из этих домов разведчики могли бы расположиться с большими удобствами, чем в подвале, но все же они выбрали его.

Сама церковь пострадала, пожалуй, меньше других построек. Каменная коробка здания стояла нерушимо и даже в забитых досками окнах сохранились стекла. Зато внутри все было покрыто паутиной, плесенью и почему-то разводами сажи, хотя никаких следов пожара обнаружить не удалось. Там и сям из-под покрывавшей стены грязи выглядывали скорбные или страдающие глаза, бороды, куски облачения святых — остатки настенной живописи. В правом приделе разведчики обнаружили открытый люк, но лестница, по которой спускались в подвал, не уцелела. Не было и крышки люка.

—Как же они в подвал — то попадали? — удивился Саша.

—Как, кто и когда? — потирая порядком заросший подбородок, в раздумье проговорил Леонид... — И сажи на стенах здесь больше. Занятно.

—Придется большую дверь ломать, которая снаружи.

—Нет, Сашок, — ответил Леонид. — Ломать не будем. Должен еще один ход быть.

Главный ход в подвал из ограды церкви был закрыт на чуть ли не пудовый висячий замок, покрытый ржавчиной. Подергав, Леонид убедился в его неприступности, окинул взглядом стену церковного цоколя из позеленевшего от времени кирпича и сказал:

— Ломать не будем. Нельзя ломать. Где же этот чертов

ход?

Ход искали долго и нашли совсем не там, где можно было ожидать. Он вел не из самой церкви, а из часовни, пристроенной вплотную к левому крылу церковного здания. Леонид, взглядевшись в полутьму часовни, осторожно, стараясь не наследить, пробрался в дальний угол, к еле заметной нише. Здесь — то и был обнаружен запасной ход в подвал.

Только теперь стало понятно, откуда взялась сажа внутри церкви. В одном из отсеков подвала, как раз под открытым люком, разведчики обнаружили следы костра.

Молодость непривередлива, а усталость даже ночлег под открытым небом делает желанным. Саша и Леонид вычистили как сумели облюбованный ими «отсек» и улеглись в нем на ночь. После долгого и утомительного похода они чувствовали себя здесь совсем хорошо.

Первым проснулся Леонид. Он осторожно выбрался из — под укрывавшего его и Сашу полушубка, подбросил в костер несколько сухих досок и в одной фуфайке вышел в подвал. Саша продолжал крепко спать. Примерно через полчаса Леонид поспешно вошел обратно. Увидев, что костер догорел, он затоптал несколько дымивших головешек, затем подошел к напарнику и потряс его за плечо.

—Вставай! Тревога!

—Что? Что такое? — вскинулся Саша.

—Похоже, в монастыре фрицы.

Саша широко открытыми от удивления глазами уставился на Леонида.

—Вчера ведь никаких следов не было.

—А ведь мы и не искали следов — то, — усмехнулся Леонид. — Нырнули через кладбище в подвал и завалились спать.

—Где они?

—Не знаю. Я видел только следы.

—Что будем делать?

—Одевайся, пойдем посмотрим.

Через несколько минут они были в часовне. Не выходя из нее на свет, осмотрели обширный монастырский двор и постройки. Отсюда с холма весь монастырь был как на ладони. Необычным было только то, что ровная снеговая перина, покрывавшая двор, была сейчас вся перепахана какими — то могучими машинами.

Друзья уселись на могильные плиты и оглядели двор в бинокль. Хотя метель и постаралась замести следы, но и того, что осталось, было достаточно, чтобы с уверенностью сказать: в монастырь приходил бронетранспортер или танк.

—По следам сейчас не определишь,— сказал Леонид.— Скорее бронетранспортер.

—Пожалуй,— согласился Саша,— Танку тут делать нечего.

—А бронетранспортеру?

—Привозил чего —нибудь,— отстаивал свое утверждение Саша.— А может, и кого —нибудь.

—Вот, вот,— шаря биноклем по всей площади монастыря, подтвердил догадку друга Леонид.— Только все ли они уехали?

—По —моему, все,— Саша опустил бинокль и вопросительно взглянул на Леонида.— Чего же им взаперти — то сидеть?

Леонид, не отвечая, пристально во что —то вглядывался,— Взгляни — ка вон на ту хоромину. Ну, которую ты назвал домом игумена. На окна смотри.

Саша вскинул бинокль, вгляделся в окно, забитое досками, и даже приоткрыл рот от удивления. В щели, между неплотно сдвинутыми досками поблескивало стекло. Но ведь они были в этом доме, когда осматривали монастырь. Ни в одном из окон не было стекол.

—Застеклили,— выдохнул Саша.— Немцы приезжали ремонтировать. Для кого?

—Узнаем,— коротко ответил Леонид.

Весь день они не спускали глаз с дома игумена. Но ни в самом доме, ни около него, ни вообще в монастыре не было никакого движения. А мороз забирал все круче. К концу дня, уверенный, что на ночь немцы и на бронетранспортере в лес не поедут, Леонид решил развести костер в «отсеке», вскипятить чай и по очереди греться.

Остальные трое суток прошли в непрерывном наблюдении. Монастырь был пуст.

Лишь на четвертый день, убедившись, что лыжи не оставят глубоких следов, друзья выбрались из своего укрытия. Пробежав по старой лыжне через кладбище, они вышли на след, оставленный бронетранспортером, и по нему вернулись в монастырь. Не доходя метров полутора до интересовавшего их дома, Леонид и Саша остановились. В бинокли они внимательно разглядели высокое тесовое крыльцо, крепкую дверь и массивный висячий замок. Проникнуть этим путем в дом и не наследить было невозможно.

—Не одна же здесь дверь,— недовольно проговорил Леонид.

—Должен быть и черный ход,— согласился Саша.

—Входить —то хозяева будут отсюда,— рассуждал вслух Леонид.— На эту дверь обратят особое внимание. Обходим.

Через несколько минут друзья подошли к дому с задней стороны. Здесь тоже было крыльцо, правда, пониже и без навеса.

Но дверь такая же крепкая, запертая изнутри, видимо, на засов. Под напором плеча Леонида она даже не скрипнула.

—Да — а,— уважительно протянул Леонид.— На совесть строили. Что же мы будем делать?

—Через чердак попробуем,— предложил Саша.

Леонид критически посмотрел на гладкую кирпичную стену дома и покачал головой.

—Да не отсюда,— подсказал Саша.— С того крыльца.

—Не выдержит крыльцо. Оно лет двадцать без ремонта. Только наследим.

—Меня выдержит, я легкий. А ты подсадишь, чтоб столбики не раскачивать.

—Пошли,— согласился Леонид.

Вопреки предположению, парадное крыльцо оказалось достаточно крепким. С помощью Леонида Саша взобрался на шатровый навес. На крутой, как у старинных теремов, крыше дома снега почти не было, но ползти по обледеневшим доскам было невероятно трудно. Стоя внизу, Леонид с тревогой наблюдал, как буквально сантиметр за сантиметром Саша одолевал ледяную крутизну. Он втыкал в щели между досками кинжал и осторожно подтягивался. 'Вот, наконец, крутой скат крыши уперся в наличник чердачного окна. Еще несколько отчаянных усилий, и, ухватившись за наличник, Саша перевел дух, вглядываясь в темноту чердака, затем пролез в окно. Леонид облегченно вздохнул и пошел к задней двери.

Дом оказался очень большим. В нем было более десятка комнат, то просторных, как залы, то тесных, как клетушки. Но в пригодное для жилья состояние были приведены всего три большие комнаты, расположенные по фасаду. В первых двух были сделаны одинарные нары, на которых могли разместиться до двух взводов солдат, третья, похоже, предназначалась под жилье начальства. В ней стояли два больших топчана (видимо, начальство обладало немалым ростом) и грубо сколоченный из досок стол. В первых — двух комнатах столов не было, только нары. В комнате с топчанами была еще одна дверь, ведущая в следующее помещение, но на ней висел тяжелый замок. Леонид осмотрел его, достал нож, в котором, кроме лезвий, был штопор, консервный ключ и толстое трехгранное шило. Через полминуты замок сдался, и два друга вошли в следующую комнату.

—Черт возьми,— удивленно воскликнул Саша.— Вот это да!

—Так я и думал,— проговорил Леонид.

—База,— высказал догадку Саша.— Партизанская!

—База — то база,— согласился Леонид.— Но, ручаюсь, не партизанская. Тут немцы какую — то пакость затевают.

Вот и завезли на первый случай.

Около одной из стен стояло несколько ящиков с ручными гранатами немецкого образца и с патронами, около другой — ящики с расфасованной взрывчаткой.

— Не понимаю только, зачем немцам здесь взрывчатка, — потирая давно не бритый подбородок, проговорил Леонид. — Свои эшелоны взрывать им как — то не с руки, а до наших отсюда не дотянуться.

— А это они для нас приготовили, — развеселился Саша.

— Нет, — запретил. Леонид. — Ничего мы отсюда не возьмем. Пусть все будет, как было.

— Что ж, так немцам все и оставим? — с обидой в голосе запротестовал Саша. — Давай хоть заминируем.

— Чем? Они не дураки. Взрывчатку и гранаты завезли, а капсулы на потом оставили.

— Сходим в дом лесника, в подвал, — не сдавался Саша. — Возьмем только взрыватели, тол, сколько надо, возьмем отсюда, а остальное к чертовой бабушке.

— Можно и так, — согласился Леонид. — Только лучше было бы направить к чертовой бабушке одновременно и это добро и хозяев.

Он еще раз оглядел ящики с гранатами, патронами и взрывчаткой, обнял Сашу за плечо и вывел из комнаты — склада. Через минуту замок был водворен на место, и друзья отправились обследовать остальную часть дома. Но там ничего интересного не было.

Проверив, не наследили ли они где — нибудь, Леонид вышел из дома, а Саша, заперев за другом дверь изнутри, через чердак выбрался на крышу.

Под утро наст стал настолько крепок и шершав, что лыжи пришлось снять: слишком уж громкий шорох шел от них по лесу. Взяв лыжи под левую руку, правую держа на шейке ложа автомата, два разведчика осторожно пробирались к сторевшему дому лесника. Ходить в такой позе постоянной готовности к бою Леонид давно уже приучил себя и прививал эту привычку Саше.

Выйдя из монастыря еще при звездах, разведчики с первыми проблесками рассвета подходили к цели. До подвала, превращенного в склад боеприпасов, осталось не больше полукилометра, когда Леонид остановился около высокой сосны и сказал:

— Передохнем чуток. У подвала долго маячить не следует. Набьем мешки — и ходу. Загодя давай сил наберемся.

Он прислонился спиной к стволу дерева. Саша, хотя совсем — и не устал, пристроился рядом. Он — то знал, что значит «ходу»

на языке Леонида. Это пятнадцать — двадцать километров бега с тридцатикилограммовым грузом взрывчатки в заплечном мешке и карманами, набитыми гранатами и патронами. Оба молчали, но каждый думал об одном и том же — о складе боеприпасов в монастыре. Леонида в этой истории интересовало одно: зачем немцы завезли взрывчатку в лес. Что они думают взрывать здесь, где до ближайшей линии железной дороги или какого — либо предприятия не один десяток километров.

Сашу занимала практическая сторона вопроса. Какой силы взрыв произойдет, если одновременно поднять на воздух все это хозяйство. Тола там килограммов двести, не меньше. Да в гранатах еще килограммов пятнадцать. Взрыв уничтожит не только всех находящихся внутри дома, но и тех, кто в это время будет торчать во дворе, поблизости.

Отдохнув, друзья, тронулись дальше. Леонид, сделав все — , го несколько шагов, вдруг резко остановился и прислушался.

—Кажись, сук треснул, словно кто наступил.

—Нет. Я ничего не слышал.

Несколько минут стояли, прислушиваясь и приглядываясь. Кругом было тихо и спокойно. Наконец, осторожно двинулись дальше. Но теперь оба разведчика сняли с правых рук варежки и остались в перчатках. Указательные пальцы у обоих лежали на спусковых крючках.

Друзья беспрепятственно проникли в подвал, убедились, что укрытая ими здесь взрывчатка находится в полной сохранности, набили вещевые мешки боеприпасами и направились в обратный путь.

Но тут Леонид вспомнил о двух противотанковых минах, в свое время зарытых им в снегу около приметной сосны. Не оставлять же их до следующего раза. Хотя приказ Званцева о закрытии для немцев Карчинского тракта и выполнен, но фашисты, конечно, постараются быстро восстановить взорванный мост. Пожалев, что в туго набитые мешки мины засунуть невозможно, друзья закрепили их поверх вещмешков и, нагруженные до отказа, двинулись в путь. Но они сделали всего несколько шагов, как их остановил негромкий голос:

—Не пуляйте! Это я — Бехтерев.

Леонид и Саша кинулись за стволы ближайших сосен.

—Какой Бехтерев? — спросил Леонид.— А ну, давай, выходи. Да без глупостей! Пришьем!

—Бехтерев я. Федор Кузьмич, значит. Выхожу.

Из — за ствола толстой сосны, стоявшей неподалеку, появился человек в полушубке и треухе, с автоматом, закинутым за спину. Леонид и Саша узнали командира партизанского взвода и кинулись к нему.

—Вот и встретились, значит,— облапив по очереди друзей, радовался Федор Кузьмич,— Живы и здоровы? Значит, полный порядок.

—Да вы—то, как здесь очутились?! В рейде?! Кто вас прислал?! Почему один?! — наперебой сыпали вопросы Леонид и Саша.

—Почему один? — даже удивился Федор Кузьмич.— Нас тут много. Иди сюда, Павел Петрович,— позвал он кого—то и, когда из—за деревьев появился сержант Сидоров, добавил: — Недогонов, продолжай наблюдать.

—В кольцо, черти, взяли,— пожимая руку Сидорова, рассмеялся Леонид.— Я ведь слышал, как сучок треснул, но думал, с мороза.

—Мы вас третьи сутки караулим,— пробасил Сидоров.—И вот все же засекли.

—Да зачем мы вам?

—Капитан, товарищ Суров разговаривать с вами будет,— объяснил Федор Кузьмич.— Мы по его заданию.

—Петр Александрович здесь? — удивился Саша.— Вот здорово.— Для Саши встреча с Суровым была настоящей радостью. Ведь капитан мог рассказать о Вере, а может быть, даже привезти от нее письмо.— Где же он?

—Недалеко отсюда,— ответил Сидоров.— Верст пять. Двигаемся.

Не слушая возражений Саши, он стащил с его спины туго набитый мешок и взвалил на свои плечи.

— Пошли,— сказал Федор Кузьмич.— Недогонов,— окликнул он остававшегося за деревьями партизана.— Возьми мешок у товарища,— и, предвидя протест Леонида, добавил: — Так приказал капитан.

До места встречи с Суровым оказалось не пять верст, а чуть ли не втрое больше. Когда разведчики в сопровождении партизан подошли к хорошо укрытому в лесной чащобе шалашу, почти доверху занесенному снегом, Леонид догадался, что здесь находился один из постов, охраняющих подступы к партизанскому краю. У входа в шалаш горел костер. Сухие толстые кругляки давали много огня и жару, но совсем не дымили. В шалаше было сухо, просторно и даже тепло. По крайней мере, Суров сидел в расстегнутой меховой безрукавке, без полушубка, шапки и рукавиц. Друзей он встретил радостно, необычно оживленно, и по всему было видно, что боевая партизанская жизнь пошла ему на пользу. От былой послегоспитальской бледности и костлявости не осталось и следа.

Усадив разведчиков около себя, Петр Александрович потребовал от них полного отчета за все время с того момента,

когда они начали самостоятельные рейды. Начиная докладывать, Леонид заметил, что около шалаша остался только Сидоров. Партизаны вместе с Федором Кузьмичем куда-то исчезли. Ясно стало, что шалаш капитана Сурова здесь не единственный.

«Научились, черти, маскировке,— с легкой завистью подумал Леонид.— Ведь на подходе мы ничего не заметили»,

Но на долгое размышление не оставалось времени. Капитан Суров требовал рапорта.

—Только позвольте, товарищ капитан, сейчас ничего не писать,— взмолился Леонид.— Рассказать расскажем, а писать сейчас некогда.

—Конечно,— согласился Петр Александрович.— Напишешь потом, когда условия подходящие будут.

Леонид начал докладывать.

Капитан Суров, внимательно слушая разведчика, изредка делал короткие записи в блокноте и отмечал на карте места диверсий, пути переходов, сведения о гарнизонах и складах противника. Сообщение о взрывчатке в доме игумена, казалось, только заинтересовало, но не удивило Петра Александровича.

—И много там ее? — спросил он.

—Да килограммов двести наберется,— прикинул Леонид.— Это если не считать ту, что в гранатах.

— Гранаты не в счет. Гранаты для боя. Как, по-твоему, зачем там немцам взрывчатка?

—Ума не приложу, товарищ капитан,— развел руками Леонид.— Дороги и мосты, по которым сами ездят, немцам рвать вроде бы не с руки, до наших дорог тут через партизанский край и фронт они ни в жизнь не доберутся. Может, против партизан...

Да, конечно, возможно и против партизан,— уклончиво согласился Суров.— Только, наверное, партизан-то это краем заденет, а главную подлость они на других направляют.

—Вам это уже известно, Петр Александрович? — спросил Саша и сразу же залился краской. Опять не выдержал. Полез с вопросами. Но Суров не обратил внимания на его промах.

—Нет,— с сожалением проговорил капитан.— Мне тоже пока ничего не известно. Известно другое. Немцы подготовили из предателей Родины боевую группу. Сейчас в ней уже около пятидесяти человек. Видимо, ее введут в дело как партизанский отряд, точнее, как лжепартизанский отряд, чтобы скомпрометировать в глазах народа партизанское движение. Но абсолютно точно известно, что базироваться эта банда предателей будет в монастыре.

—Любопытно,— протянул Леонид.

— Придется первым делом заминировать все это хозяйство. Надежно заминировать, чтобы ни одного килограмма взрывчатки оттуда нельзя было взять,— тоном приказа заключил Суров.

—Ясно! — кивнул Леонид.

—Мы и сами хотели,— добавил Саша.— Да взрывателей не осталось.

—Но ведь может получиться, что под взрыв угодят немцы, а предатели уцелеют, не успеют,— высказал свои сомнения Леонид.

—Не исключено и это,— согласился Суров.— Придется рисковать. Когда придут предатели, минировать склад будет невозможно. Если под взрыв попадут немцы, их командованию станет ясно, что монастырь как база для их подостей вещь бесполезная.

—Могут перебросить предателей в другой район, о котором мы и знать не будем.

—А вот это исключено,— усмехнулся Суров.— Они у меня на коротком поводе. Да вот что, друзья. Вступать с ними в боевые действия категорически запрещаю. Ваше дело заминировать склад и по возможности проверить результаты. Но если, несмотря ни на что, столкновение все же произойдет, учтите: среди этой своры есть наш человек. На нем будет трех из лисы—огневки и рукавицы, крытые ярко—зеленым сукном. Этого человека ни в коем случае не трогать, а если потребуется — помочь. Не спутаете?

—Мы—то не спутаем,— заверил Леонид.— А вот при взрыве...

Ну, уж это не ваша забота. Он будет предупрежден. Здесь вам задерживаться незачем,— закончил капитан.— Отдохните и уходите. Монастырь нельзя оставлять без надзора, пока склад не заминирован. Сидоров и Федор Кузьмич с Недогоновым проводят вас. Километрах в пяти от монастыря мы присмотрели место для «почтового ящика». До него вас и проводят. Каждого пятого, пятнадцатого и двадцать пятого числа у ящика кто—либо будет. В особо важных случаях сам на связь выйду. Я теперь постоянно у вас,, под боком буду.

Саша взглянул на Сурова. Кажется, наступило самое время спросить про Веру. Видимо, предчувствуя вопрос юноши, Петр Алексеевич сам начал разговор.

— К сожалению, ничего нового про Веру Даниловну я тебе сказать не могу. Сам не видел ее уже несколько недель. Хорошо знаю, что жива, здорова и выполняет порученное ей дело.

Саша покраснел. Ему казалось, что все это Суров должен был

сообщить только ему одному, наедине, и не при Леониде.

До сих пор Саша твердо был убежден, что если кто —нибудь и мог о чем—либо догадаться, это только майор Званцев, ну и, может, старшина Слепов, передававший ему от Веры записки. Для всех других, как думалось Саше, его особые отношения к Вере — глубокая тайна. После минутного колебания он спросил:

—А не опасно это? Там, где она сейчас.

—Нет, снаряды до нее не долетают,— уверенно ответил капитан.— За что я могу твердо поручиться.

Саша с облегчением вздохнул. Все эти недели Вера жила в его сердце как самое святое, самое чистое, самое дорогое, что было у него в жизни. Во время многоверстных ночных переходов, автоматически шагая по проложенной впереди бегущим Леонидом лыжне, Саша думал о ней, думал о том, что его Вера (он теперь всегда в мыслях называл ее своей) находится там, где ей ничто не может угрожать, кроме, может быть, случайной бомбежки. На душе сразу же становилось светло и радостно, и как будто усталость чувствовалась меньше, и неожиданно откуда—то приливалась новая волна энергии, новый приток силы.

— Ты вот что, Саша,— предложил капитан,— Пока мы с Леонидом будем говорить, напиши письмо Вере Даниловне. Я его сумею передать.

Обрадованный Саша тут же углубился в письмо, не обращая внимания на дальнейший разговор капитана с Леонидом.

* * *

Через несколько часов, добравшись в сопровождении Федора Кузьмича, сержанта Сидорова и Недогонова до приметного дуба, выбранного под «почтовый ящик», друзья остановились для короткой передышки. Предстояло распрощаться, расстаться неизвестно на какой срок, без особой уверенности в том, что вообще доведется встретиться. Федор Кузьмич, казалось, переживал больше всех. За время перехода он не раз, не два начинал то с Леонидом, то с Сашей разговор о том, что нужно быть осторожным, все заранее рассчитать, предусмотреть, «не лезть на рожон очертя голову».

Сержант Сидоров был недоволен тем, что от «почтового ящика» ему придется повернуть вспять. «Ну ужели ты не мог сказать капитану, что нам вместе сподручнее было бы работать»,— несколько раз пенял он Леониду. А Леонид в ответ только разводил руками. Он даже не заикался о переводе Сидорова в его группу, хотя сейчас признавал, что это было бы не лишним.

Недогонов всю дорогу молчал. Он просто завидовал. Больше

всего этот двадцатидвухлетний партизан завидовал Сапте. «Ведь совсем еще мальчонка,— думал он, глядя на худого, сильно вытянувшегося паренька,— Семнадцати, наверное, нет, а какие дела делает».

Недогонов, как, впрочем, и сержант Сидоров, был недоволен своим положением в отряде. И тот и другой хотели бы делать больше. И если опытный Сидоров, соразмеряя свои силы, был бы рад войти в подчинение Леониду, то Недогонов с решимостью молодости думал, что он сумел бы заменить любого из молодых разведчиков. Он мечтал о свободном рейде по тылам врага, о схватках один на один и уже порядочно надоед своими просьбами командованию отряда.

Леонид, а тем более Саша, даже не подозревая о тайных желаниях молодого партизана, тепло распрощались со своими спутниками около «почтового ящика». Леонид, впрочем, пообещал Сидорову, что при следующей встрече он поговорит о нем с капитаном Суровым. И, взвалив на плечи тяжелые мешки со взрывчаткой, минами и продовольствием, которые до этого тащили провожающие, Леонид и Саша направились к монастырю. Вслед им от души прозвучало напутствие Федора Кузьмича:

— Главное, хлопцы, на рожон не лезьте. Больше хитрости. Хитростью фрицев дожимайте.

Хотя к тому времени, когда разведчики добрались до подвала под церковью, была уже глубокая ночь, Леонид все же решил не откладывать минирование склада. Заминированный дом — это полностью выполненное задание. Дом может стоять заминированным хоть месяц. Те, кому адресован взрыв, о роковой неизбежностью придут сюда, чтобы погибнуть.

Еще одно обстоятельство способствовало ночному минированию. На безоблачном небе сияла полная луна, и было значительно светлее, чем в иной хмурый зимний полдень. Если открыть ставни в комнате — складе, то луна обеспечит достаточное освещение.

После небольшого отдыха в подвале церкви разведчики, забрав нужное количество взрывателей, направились к дому игумена. Снова Саше пришлось совершить трудное путешествие через крышу и чердак, чтобы пропустить в дом Леонида. С минированием провозились почти до утра, но зато, как определил Леонид, даже капитан Суров оценил бы такую работу на пять с плюсом. Сейчас всякая попытка сдвинуть любой из ящиков или взять хотя бы одну гранату означала взрыв.

Выбравшись из дома игумена, друзья еще долго стояли около него, вслушиваясь в ночь. В этой морозной предутренней тишине любой звук был бы слышен на большое расстояние. Но нет, кругом стояла полная первозданная тишина. Ни одной живой

души, кроме разведчиков, не было в окрестностях озера. И все же они молча, очень осторожно, сясь не хрустеть промерзлым снегом, пробрались в подвал.

Лишь здесь, обогрившись около крохотного, но веселого костерика, жадно превращавшего в угли сухие чурки, Леонид сказал:

—Ну, Сашок, набирайся сил. Передохнем и загодень пойдём немцам жизни давать.

—На Карчинский тракт? — оживился Саша.— Опять к мосту?

—Нет. На мост незачем. Немцам там недели на три возни хватит,— и, помолчав, спросил: — Как думаешь, по Левашовской дамбе танки пройдут?

—Ни за что,— с полной уверенностью ответил Саша.— Там до войны только полуторки пропускали и то по одной.

—Так то до войны,— не согласился Леонид.— Немцы — народ хитрый. Укрепят и будут по одному свои танки выталкивать. Все отдушина.

—Эти мины ставить будем?

—Нет. Мины на тракт приспособим. Полный запрет па тракт наложим. На плотине сброс рвануть придется.

Да ты что? — напугался Саша.— Все водохранилище ухнешь?

—Ну, все не все, а пошумит водичка,— хмуро усмехнулся Леонид.— Мост—то ниже лежит. Надо помочь немцам подкинуть работенки. Недели три еще проканителются сверхрасчетных. Тракт захлопнем наглухо. Капитан тоже так советует.

—Рыбы на Левашовском много,— тихо проговорил Саша.— Пропадет.

—Не пропадет. Уйдет на глубину. Там, знаешь, есть места по пятнадцать метров.

—Знаю. Три места таких.

—Ну, а какая и сойдет с водой, так ту ребятишки соберут на льду. Для них это вроде дополнительного пайка будет,

—Так—то оно так,— уныло проговорил Саша.— А все же жалко.

—А мне думаешь не жалко?! — неожиданно взорвался обычно всегда спокойный и уравновешенный Леонид.— Так ведь война же. Рыбу снова разведем, а вот фашистов на на шей земле разводить незачем. Пусть тонут.

—Ясно,— согласился Саша.— Ложимся спать.

—Спать будем по очереди. Ты ложись, а я часов до шести—семи подежурю. Черт знает, когда эти прохвосты сюда

придут. Могут и сегодня нагряться.

ПЫЛАЕВ ВЫШЕЛ НА СВЯЗЬ

Время подходило к полуночи. Вера, просекретничав целый вечер со своей новой подружкой Нюрой, или Аннет, как назвала та себя при знакомстве, давно уже посапывала носом на широкой лавке в красном углу. Сама Аннет отправилась спать в горницу, где у нее была настоящая девичья кровать с горой подушек в белоснежных наволочках и стеганым одеялом. Агния Михайловна, устав после дороги, еле находила силы для того, чтобы сидеть за столом и делать вид, что внимательно слушает свою собеседницу.

А та, раскрасневшись от трех стопок самогона, с тупым упорством уже добрых два часа убеждала Агнию Михайловну, что война с немцами — божья кара, что это меч господень, который взял в свои руки всемогущий творец, чтобы истребить заразу неверия, возвращенную большевиками.

Малаев, перед тем как завезти пассажирок на квартиру, объяснил Агнии Михайловне, что Клавдия Семеновна Выдрина женщина достойная.

— Я бы с какой — нибудь и знаться не стал, — добавил он. — Клавдия — то Семеновна человек ученый и, хоть разных там дипломов не имеет, но по части лечения болезней любого доктора за пояс заткнет. Лечит и лекарствами, и травами, и молитвой. И всегда без промаху.

Глядя сейчас в мрачно поблескивающие глаза Выдриной, Агния Михайловна с недоумением размышляла о том, как может медик, познавший хотя бы основы естественных наук, пороть такую чушь. «И ведь, главное, сама верит, дура богомольная, горячо верит».

— Я вначале и сама было поколебалась, — продолжала откровенничать Выдрина. — В первое время тоже думала, что это война как война, обыкновенная. Потом увидела, как немцы суд свой вершат, не различая ни правого, ни виноватого. Нет, говорю себе, это исполнители воли господней. Об этом же и в писании говорится. А раз так, решила я, то не след становиться наперекор карающей силе, а содействовать исполнению воли господней.

«Да что же это, — ужаснулась про себя Агния Михайловна. — Эта гадина предательство возводит в религиозную доблесть. Ну, попали мы с Верушкой. Устроились на квартиру».

— Ведь вот и ты, мать моя, также им служишь, — наклонившись вперед и похлопав Агнию Михайловну по колену, пьяно ухмыльнулась Выдрина. — Не понимаю только, по божеской стезе ты идешь или твоя стезя ведет от дьявола.

— Не от дьявола, а от господина Долганова, — решила показать коготки Агния Михайловна. — Вряд ли ему твои слова понравятся.

— Да, что ты, что ты, мать моя, — отшатнулась Выдрина. — Да как ты могла подумать такое? Я ничего и на уме не держала.

— Так зачем же говорить, что моя дорога от дьявола? Документ мой подписан господином Долгановым и господином Купиным. Ты считаешь их слугами дьявола?

— Да не сказала я этого, — растерянно зашептала Выдрина. — И говорить про это никому не смей.

— Может, случайно у тебя с языка сорвалось, а может, ты и в самом деле так думаешь, — словно не решаясь сделать окончательный вывод, проговорила Сбоева. — Только я тебе, милая, одно скажу. Если дойдут твои слова до господина Долганова, отречься тебе поздно будет.

Это уже была откровенная угроза, и Выдрина по настоящему испугалась. Малаев торопился и не успел ничего рассказать своей знакомой, но то, что он, кучер Долганова, привез ворожею в Сватово, говорило об очень многом. «Зря я с ней откровенничала, — смятенно подумала Выдрина. — Она совсем тёмная. У нее только мирское на уме, хоть уже и старая. Давно бы пора о душе подумать. А ведь права, старая чертовка, сумеет напелсти на меня начальнику полиции. Она, видать, у него в доверии».

Глядя на Сбоеву узкими от злости глазами, Выдрина сколько могла ласково проговорила:

— Чтой — то, мать моя, глядя на ночь такой разговор затеяли? Время — то, поди, уже за полночь. Давно спать пора. Тебя куда пристроить — на печь или на лавку?

— Промерзла я очень, — передернула плечами Сбоева. — Если можно, то на печь.

— А почему же не можно, — разливалась хозяйка. — Конечно — печь лучшее лекарство от простуды. Я сейчас постелю, что найдется.

Утром, побираясь от дома к дому, Сбоева в сопровождении Веры постепенно добралась до того края деревни, откуда начиналась дорога к городу. Все было так, как рассказывал капитан Суров. Еще издали Вера рассмотрела кольцо бетонной трубы, служившей вместо сруба пылаевскому колодцу. На месте оказался и ворот над колодцем, о котором также упоминал капитан. Но когда Агния Михайловна и Вера подошли ближе, то увидели, что от всего дома Пылаева осталась только печь, высокая и массивная, сама размером с маленький домик. Пожар, видимо, бушевал здесь еще осенью, так как все вокруг было покрыто снегом.

А на бывшей пылаевской усадьбе стоял веселый ребячий гомон. Даже беды войны не в силах угомонить неунывающих деревенских мальчишек. Приспособив большую печь пылаевского дома в качестве городка, они с помощью двух жердей и снега соорудили желоб, залили его водой и сейчас азартно катались с этой горки кто на ледянках, а кто и на собственном заду.

Оглядев это голосистое сборище, Сбоева и Вера повернули обратно. Пройдя несколько метров, они в растерянности остановились, пораженные обрушившимся на них несчастьем. Неужели все пропало? Неужели напрасными оказались все труды и подготовка их группы чекистами. Без всякой пользы был пройден тяжелый путь из деревеньки под Ельском до этого места. Особенно сильно почувствовала всю безвыходность положения Агния Михайловна.

До Веры весь трагизм положения доходил значительно медленнее. Она не сразу поняла, что по существу все потеряно. Даже вспомнив про запрет капитана Сурова разыскивать Пылаева с помощью расспросов, Вера подумала, что можно все — таки узнать, как и почему начался пожар. Нюрка, перекрасившая себя в Аннет, глупа, как пробка, и похвастать своей осведомленностью, конечно, захочет. Правда, Нюрка с матерью не здешние. Они пришли сюда из совхоза. Нюрка может ничего и не знать про Пылаева.

Клавдию Выдрину, которая в страшный день казни остановила Дарью Ивановну на улице совхозного поселка, Вера узнала еще вчера. Вера не стала рассказывать Сбоевой о той встрече. Она видела, что старая артистка и так еле держится на ногах. Вера решила не беспокоить ее сообщением еще об одной опасности.

—Что ж мы теперь делать — то будем, Валечка? — почти беззвучно, одними губами спросила Сбоева.

—Что — нибудь придумаем. Пойдемте — ка обратно, тетя Маша. Вы на ногах еле стоите.

—Пойдем, милая, — безропотно согласилась Сбоева. — Пойдем, а то я тут прямо на дороге ноги протяну.

К дому Выдриной они доплелись только к сумеркам. Правда, в сумке подаяний было достаточно, так что, с точки зрения Выдриной, нищенки оправдывали себя. Но Сбоеву сейчас не радовало благожелательное отношение хозяйки дома. Думая о том, что вечером снова придется садиться и воровать, Агния Михайловна, едва переступив порог, сказала, что будет отлеживаться, так как, видимо, сильно простудилась по дороге из Вечернего в Сватово. Она выпила две таблетки аспирина, забралась на печь и вскоре забылась тяжелым, как бред, сном. Клавдия отправилась по каким — то своим делам к верующим старухам села, и Вера с Нюркой остались по существу одни.

Вера вскоре убедилась, что ее предположение было правильным. Нюрка ничего не знала, кто жил в сгоревших домах, а про пожар просто сказала:

—Это было осенью. Тогда кругом все горело.

Дальше расспрашивать было бесполезно. Вера примолкла.

—Правда, что документ твоей тетке подписал сам Долганов? — заговорила Нюрка.

—Правда,— подтвердила Вера.

—Значит, вы хорошо его знаете?

—Я совсем не знаю. Документ получала тетя Маша. Она и говорила с господином Долгановым.

—Жаль,— протянула Нюрка,— А я думала...— и замолчала.

—Ты думала, что мы близкие знакомые? — чувствуя, что Нюрка что-то не договаривает, спросила Вера.

—Да, нет, что ты! Просто я думала, что знаешь Виктора. Это он меня первый Аннетой назвал.

«Это она про Витьку Долганова говорит,— догадалась Вера.— Влюбилась дура в трусливого хомяка». — Но вслух спросила:

—Он что, ухаживает за тобой?

—Ну, какая ты,— застеснялась Нюрка.— Сразу и ухаживает. Просто мы вначале познакомились, а потом еще два раза виделись. Мы тогда с мамой в городе почти месяц прожили. А у тебя есть кто —нибудь?

—Никого нет. Разве при такой жизни с кем познакомишься.

—Да, конечно,— согласилась Нюрка.— Тебе трудно завлечь внимание настоящего парня.

Она тактично не сказала, что ни один парень не захочет ухаживать за побирушкой, но Вера поняла недоговоренное. Это ее ни капельки не задело. Сделав вид, что не заметила намека собеседницы, она равнодушно ответила:

—Ну и пусть. Не очень нужно.

—Это пока не очень нужно,— хихикнула Нюрка.— Скоро потребуется. Особенно, если парень попадется умный, храбрый и вообще самостоятельный.

«Вот уж чего у Витьки нет, так нет — ни ума, ни храбрости»,— усмехнулась про себя Вера, но, приняв заинтересованный вид, сказала:

—Повезло тебе. Ума —то у нынешних парней что-то не заметно.

—Виктор не такой,— горячо заметила Нюрка.— Он ведь тоже в полиции служит, отцу помогает. Ему даже звание дали.

—Значит, твой Виктор...— начала Вера.

—Ну какой он мой...— засмушалась Нюрка, хотя было заметно, что обмолвка Веры ей приятна.— Просто мы знакомые.

—Ладно, пусть пока знакомые. Только вот работа у него опасная. Им ведь приходится даже с партизанами воевать.

—Виктор не полицай. Он выше...— перебила Нюрка.—Он не по партизанам, он по молодежи работает.

—Как это по молодежи? — удивилась Вера.

—Ну... он ищет тех, кто мешает наладить порядок. Он еще говорил, что какой-то Овод почти совсем ему в руки попался. Виктор, он знаешь какой. От того, что решил, не отступит. Ему из-за этого Овода даже в госпитале пришлось лежать.

«Значит, Миша Кочергин хорошо ему всыпал,— обрадовалась Вера.— Хотя, почему только Кочергин? Ведь он не один. Славка тоже в городе остался».

—Очень жаль, что ты сейчас по миру ходишь,— продолжала стрекотать Нюрка.— Ты ведь девочка ничего себе. Могла бы мне подружкой быть. У Виктора тоже друзья есть. Вот бы и встретились на пару.

—Где бы я с ними познакомилась?— отмахнулась Вера.—Что пустое говорить.

—Здесь бы и познакомилась. А в самом деле, пошли ты свою старушенцию подальше. Оставайся у нас. Как Виктор придет, скажу, чтобы он в следующий раз не один, а с дружкой приезжал.

—Разве он здесь бывает?

—Когда Долганов посылает Дементия Лукича к Катке в Вечернее, Виктор почти каждый раз с ним приезжает. На обратном пути Дементий Лукич его в город отвозит.

Веру даже в жар бросило. Выходит, только случайно они здесь не встретились с Витькой Долгановым. А эта встреча была бы полной аварией. В то, что Вера Волгина могла просто так стать поводырем слепой гадалки, Витька ни за что бы не поверил. Его не убедил бы никакой документ. Даже документ, подписанный его собственным отцом.

Стараясь, чтоб голос не задрожал и Нюрка не заподозрила что-либо, Вера спросила сколько могла небрежно:

—Что-то Дементия Лукича долго нет? Может, приедет еще. Обещал ведь.

—Нет, сегодня уж не приедет. Поздно. Наверное, завтра к вечеру,— рассудила Нюрка.— Хорошо, если бы и Виктор приехал.

Вера с трудом удержалась, чтобы не разбудить Агнию Михайловну, не рассказать ей о новой беде. Поболтав с Нюркой

еще с полчаса, Вера сказала, что хочет спать, и улеглась на свое место. Но ей было не до сна. Надо было найти какой-либо выход. Единственное, что они могли еще сделать, это бежать. Но куда?

Утром, забыв об обычно вежливо-почтительном отношении к Сбоевой, Вера чуть не силой заставила ее одеться и выбраться на улицу. Поговорить в комнате им все равно не удалось бы: то сама хозяйка, то Нюрка постоянно крутились около, не давая перекинуться словом.

И вот они вновь медленно двигаются по направлению к дому Пылаева. Сбоева начала было отчитывать Веру за то, что та заставила ее, больную, выбраться на мороз, когда проще было дожидаться приезда Малаева и попросить его отвезти их обратно в Вечернее. Из Вечернего как-нибудь с помощью той же Катьки можно будет добраться до Раменья, а там и до явочной квартиры рукой подать.

Вера торопливо рассказала Агнии Михайловне все, что ей удалось узнать от Нюрки о Витьке Долганове. Уразумев, чем им грозит встреча с юным отпрыском начальника полиции, Сбоева окончательно растерялась.

—Что же теперь делать, Валюта?

Они стояли как раз против того места, где раньше находился дом Корпел Пылаева. Мальчишки и девчонки все также гомонили на пожарище, превращенном ими в ледяную горку. Чтобы не мешать проезжавшим, Вера и Сбоева сошли с дороги и остановились около бетонной трубы колодца.

—Что же делать-то? — повторила Сбоева.

—Надо искать Корнея Сидоровича,— решительно ответила Вера.

—Где его найдешь? Может, его уже вообще нет,— потерянными голосом проговорила Сбоева.

—Дядя Корней сейчас в другой избе живет,— раздался за спиной собеседниц негромкий детский голос.

Вера круто повернулась. Перед ней стоял мальчишка лет двенадцати, один из тех, кто катался с горки. Он так и стоял, держа ледянку за веревочку.

—Ты знаешь, где живет Корней Сидорович? — спросила Вера.

—А зачем он вам? — спросил мальчишка.

Вера внимательно оглядела мальчика и спросила:

—Тебя как зовут?

—Алешей,— ответил тот.— А что?

—Знаешь, Алеша, нам очень нужен Корней Сидорович.

—Так вы скажите, зачем он вам? — выжидательно глядя на Веру умными мальчишескими глазами, спросил Алеша.—Может, купить чего-нибудь хотите.

«Да ведь мальчишка ждет, что я ему назову пароль»,— подумала Вера. И тогда, наклонившись к мальчугану, она не громко, но четко спросила:

— Не продадите ли картошки? Говорят, она у вас крупная и рассыпчатая.

На лице мальчишки появилось выражение облегчения и радости.

—А сколько вы возьмете? — бойко отбарабанил он.— Мешок или два?

—У меня не мешок, у меня рюкзак.

В иной рюкзак больше мешка войдет,— облегченно, одним духом выпалил мальчишка. — Я уж третий месяц вас караулю. Вчера еще заметил. Только вы больно быстро ушли,— торопливо сказал он и, видимо, вспомнив наказ пославшего его, добавил: — Вы идите дальше по селу. А потом возвращайтесь. Мне предупредить кое-кого надо. Обратно пойдете, опять увидите меня. Только вы не подходите; а идите следом. Поняли?

—Поняли, — ответила Вера.

Мальчуган отбежал и затерялся в толпе катавшихся. Но едва лишь Сбоева и Вера сделали несколько шагов к концу деревни, как он уже без ледянки побежал куда — то вдоль села.

—Как же ты могла, — пеняла Агния Михайловна.— Совсем неизвестный мальчишка и ты ему все рассказала.

—Да что я ему рассказала — то? — оправдывалась Вера.— Пароль сказала? Так он отзыв правильный дал. Он же говорит, что ждал нас.

—Ждать — то ждал, да вот от кого ждал,— уныло стояла на своем Сбоева.

—Ну, тетя Маша! По — вашему, даже тем, кто знает пароль, верить нельзя.

—Пароль могли узнать и гестаповцы. Неосторожна ты очень, Валюта.

—А что же нам оставалось делать? — взорвалась Вера.— Зачем мы тогда сюда пришли, если не будем верить людям? Кому нам тогда верить, кого искать?

—Не знаю, Валюта, не знаю. Лучше всего найти бы Пылаева.

Вера удивленно посмотрела на Сбоеву. Только сейчас Вера увидела, как покраснелось лицо Агнии Михайловны, как тяжело ее дыхание. Она сняла варежку, пощупала лоб Сбоевой. Да, конечно, жар.

—Ой, тетя Маша! — испуганно заторопилась девушка.— Что же это вы? Продержитесь еще немного. Ведь Пылаева — то мы нашли.

— Не знаю, Валюта, не знаю, — твердила Агния Михайловна. — Только если что... если попадемся, то ты знать ничего не знаешь. Была у меня поводырем и все тут. Ни к каким делам касательства не имеешь.

— Ладно, ладно, — на все соглашалась Вера. — Держитесь крепче за мое плечо.

Они не спеша прошли почти до самого конца села и лишь после этого повернули обратно. Начинало смеркаться.

— Скоро комендантский час, Валюта, — забеспокоилась Агния Михайловна.

— Еще не скоро, тетя Маша, — успокоила больную Вера. — Просто сейчас рано темнеет.

Алеша ждал их около колодца. Увидев подходящих женщин, он повернулся и зашагал впереди. Пройдя совсем немного по главной улице, он свернул в левый переулок. Вера обратила внимание на то, что дорога в переулке не укатана полозьями, а как — то умята круглыми бороздами. Лишь позднее она сообразила, что большинство домов в переулке стоят пустые, без хозяев, и местные жители, ломая избы на топливо, волоком таскают бревна.

Почти в самом конце переулка Алеша свернул к одному из таких заброшенных домов. Дом, правда, был еще цел, по от амбара, стоявшего рядом, осталось всего несколько нижних венцов. Алеша быстро вбежал на крыльцо, приглашающе кивнул головой и скрылся за дверью, Сбоева и Вера вошли следом за ним. Вошли и остановились в ужасе и растерянности. В полутьме домика они разглядели двух здоровенных полицаев, сидевших на огромных вязанках сухих досок, видимо, собранных для растопки. Первым движением женщин было бежать, куда удастся, но Алеша весело объявил:

— Да вы не бойтесь. Это наши, хоть и полицаи. Это мой...

— Не болтай лишнего, — оборвал мальчика один из полицаев. Затем, повернувшись к Сбоевой и Вере, сообщил: — Нам поручено переправить вас на дорогу. А в остальном Алеша прав. Бояться вам нечего. Пошли.

Полицаи провели их до поворота на большак и распрощались:

— Ну, мы свое дело сделали, теперь вас Алешка дальше доставит.

— Бегим быстрее, — азартно теребил своих спутниц Алеша. — Нам до развилки поспеть надо.

Бежать с почти падающей Сбоевой было невозможно, но все же они побежали. Вера тащила спутницу, перекинув через плечо ее левую руку. С правой стороны помогал, сколько мог, Алеша.

Между делом он объяснил, что эта дорога при въезде в деревню перекрыта постом полицаев. Дальше, на развилке она

сольется с дорогой, по которой подвозят материалы для строительства укреплений. Она около деревни тоже перекрыта полицаями. На развилке есть сторожка. И в ней им придется подождать. Долго ли ждать, не известно, но в сторожке придется сидеть тихо.

Позднее Вере эта ночь казалась самой трудной из тех, что они с Агнией Михайловной провели в тылу врага. Добравшись до сторожки, состоявшей из двух маленьких комнаток, Алеша в темноте, на ощупь, провел их в дальнюю комнату и сказал:

— Сидите пока. Я пойду караулить. Вон в углу топчан, на нем и ждите. Только тихо. Я тут буду, рядом. Вы не бойтесь.

Алеша ушел. Потянулись долгие ночные часы, наполненные холодом и страхом. Мимо несколько раз проезжали небольшие обозы, однако около сторожки никто не останавливался. Не было и Алеши. Действительно ли он караулил или давно уже убежал куда — нибудь, Вера не знала, но ей почему — то верилось в надежность этого мальчишки.

Уложив Сбоеву на топчан, Вера присела рядом, чтобы согреть больную своим телом, но получилось наоборот, Сбоева согревала ее. От Агнии Михайловны полыхало жаром, как от жарко натопленной печи. По очереди охлаждая ладони рук о промерзшую стену и прикладывая их к пылающему лбу больной, Вера все время вслушивалась, не раздадутся ли в тишине сторожки торопливые Алешины шаги. Этот мальчуган стал сейчас единственным человеком, который мог вывести их к нужным людям.

Время тянулось медленно, и с каждой минутой мысль о том, что Алеша почему — либо не сможет прийти и они окажутся без всякой связи, все более овладевала Верой. Постепенно возы все реже стали проезжать мимо сторожки, и Вера поняла, что приближается комендантский час. Как же теперь Алеша?

В этот момент, когда, казалось, все уже было потеряно, Вера услышала, как к сторожке подъехали сани. Затем кто — то вошел в первую комнатку и веселым спокойным голосом проговорил:

— Где тут, которые дрожат от страха и мороза?

Вера чуть не разревелась от испуга и радости. Чувствуя, что голос ее предательски вздрагивает и слишком высок, она спросила:

— А вы кто?

— Тот, к кому вы за картошкой шли, — ответил мужчина, появляясь в темном проеме двери. — Пылаев я. С прибытием вас, дорогие.

— Пылаев? — радостно вскрикнула Вера и, забыв но только о конспирации, а о простой осторожности, уткнулась головой в грудь вошедшего, — Спасибо вам... — с

трудом, сквозь слезы говорила она. А я уж надежду потеряла...

—Ну, ничего, ничего,— взволнованно басил Пылаев.— А напарница ваша где?

—Вот она, лежит,— глотая слезы, кинулась к топчану Вера.— Совсем разболелась тетя Маша.

—Ничего,— повторил Пылаев, подходя следом за Верой к топчану.— Все наладится... Да,— невольно воскликнул он, коснувшись рукой лба Агнии Михайловны.— Действительно...

—Я уж прямо не знаю, что и делать,— растерянно проговорила Вера.

—Первым делом надо отсюда убираться,— решил Пылаев. Он легко поднял Сбоеву на руки и, припадая на правую ногу, зашагал к двери. Вера, захватив обе сумки, пошла следом за ним. На улице их ждали двое саней, нагруженных тюками прессованного сена. Пылаев легко вскинул Сбоеву на верх одного из возов, затем посадил туда же Веру.

—Забирайтесь под брезент и лежите,— приказал он.— Хотя сейчас и безопасно, но все же не высовывайтесь.

Наверху, среди тюков заранее была подготовлена выемка, где вполне удобно могли улечься два человека, а когда сверху еще накинули брезент, то стало совсем хорошо. Верой овладело полное спокойствие, словно все трудности остались позади и ей ничего больше не могло угрожать. Самое главное было достигнуто. До Пылаева они дошли, и, значит, задание почти выполнено. Теперь остается только передать Пылаеву все, что нужно, и тогда можно думать о возвращении. Даже то, что рядом с ней что-то бормотала в бреду Агния Михайловна, сейчас уже не пугало Веру. Здесь, конечно, найдут возможность дать больной нормальное лечение. Погруженная в эти обнадеживающие мысли, Вера не заметила, как задремала. Дремота моментально перешла в крепкий сон, настолько крепкий, что Вера не сразу сообразила, где она, когда кто-то основательно потряс ее за плечо.

— Слезайте,— еще не совсем проснувшись, услышала она чей-то голос, и сразу же ее охватила радость. Это был голос Пылаева. «Значит, все-таки доехали. Значит, не во сне привиделось»,— подумала девушка, спускаясь с воза.

Они довольно долго пробирались в полной темноте по какому-то длинному захламленному помещению. В холодном воздухе ясно различались запахи дегтя, кожи, воска и еще чего-то, что напоминало Вере запах больничных коридоров. Впереди шел Пылаев со Сбоевой на руках, следом за ним кто-то вел Веру, взяв ее за руку. Кто — Вера так и не успела разглядеть в темноте. Но вот Пылаев остановился. Спутник Веры опустил ее руку и отошел. В темноте послышался шорох перебрасываемой мягкой рухляди,

затем скрипнула дверь, и Вера почувствовала, как ее снова взяли за руку.

— Осторожно, тут порог,— предупредил Пылаев, затем снова скрипнула дверь, и Вера чуть не вскрикнула от яркого неожиданно ударившего в глаза света.

Крохотная электрическая лампочка, питавшаяся от автомобильных аккумуляторов, в этой маленькой комнатухе сияла ярче люстры под потолком большого зала. Столик с тремя табуретками, железная печурка и постель, посланная на туго набитых чем-то мешках, составляла всю обстановку комнаты. Пылаев сразу же положил Сбоеву на постель.

— Садитесь,— пригласил он Веру.— Сейчас мы здесь тепло сотворим. Алешка, займись.

Вера только сейчас разглядела, что ее проводником был Алеша. Мальчуган поджег несколько лучинок, сунул их в печку, заранее набитую чурками, и буквально через минуту волна тепла разлилась по комнате.

— Настоящее несчастье болезнь вашей напарницы,— заговорил Пылаев.— Врачей у нас нет. И болеть здесь нельзя. Негде здесь болеть. Здесь и здоровый или выживет или фить!.. — показал пальцем на небо Пылаев.

— Что же делать? — беспомощно спросила Вера.

— Надо что-то придумать. А ты, Алешка, скажи Павлу; пусть, не торопясь, разгружает возы. Да и сам там побудь. Чуть что, стучись сюда. Значит, такое дело,— продолжал он, когда за Алешей закрылась дверь.— Времени у меня мало. Рассказывайте, с чем прислал вас Михаил Георгиевич.

Вера передала все, что наказывали сообщить Пылаеву майор Званцев и капитан Суков. Сообщение о тайнике очень обрадовало Пылаева.

— Нелегко нам к нему будет пробраться, но все же это лучше, чем ничего. Значит, этот тайник будет и «почтовым ящиком»?

— Да,— подтвердила Вера.— Может быть, вы предложите другое место?

— Нет,— ответил, подумав, Пылаев.— Тайник и так находится в зоне, хотя и у самого края. Дальше связным их отряда заходить очень опасно,— и, помолчав, добавил:— Смертельно опасно. И нам в эту сторону за зону выбираться нелегко.

— Значит, выбор места для тайника вы одобряете?

— Само собой. Хоть второпях место выбирали, при отходе, а выбрали хорошо. Видать, башковитые люди шли. Жаль, что встретиться не пришлось.

— До вас добраться...— начала Вера.

—Знаю,— прервал ее Пылаев.— Вот вы и расскажите, как добрались. Подробно расскажите, чтоб я понял, где вы след оставили и чего нам сейчас опасаться надо. Откуда вы начали в зону пробираться?

— Из Вдовино,— ответила Вера.

—Из Вдовино? — переспросил Пылаев.— Не ближний конец. Правда, с той стороны легче всего в зону проскользнуть.Ну, давайте дальше, но торопясь. Шаг за шагом.

И Вера начала рассказывать о пути, пройденном ею и Агнией Михайловной, о людях, которые приютили их в Раменье, о ворожке, о том, как переправились в Вечернее.

—Значит, когда большой мост на Карчинском тракте рванули, вы уже в Раменье были? —перебил рассказ Веры Пылаев.

—Да, мы о взрыве узнали от Деруннхи — жены раменского старосты,— подтвердила Вера.

—Не знаете, кто рванул?

—Нет, откуда нам знать? — удивилась Вера.

—Да это оно,, конечно, так, но все же, может, что слышали?

—Ничего не слышали.

—А тут Гросбауер мечется и без всякого толка.

—Кто такой Гросбауер?

—Старший палач. Глава зондеркоманды.

Вера хотя и весьма смутно представляла, что такое зондеркоманда, на всякий случай запомнила название организации и фамилию ее главаря.

Если рассказ об удачных гаданиях в Раменье и Вечернем Лылаев слушал с одобрительной улыбкой, то сообщение о встрече с любовницей начальника полиции заставило его нахмуриться. Когда же Вера сказала, что в Сватово их привез кучер самого Долганова, Пыдаев не усидел на месте.

—Как же вы решились?!.— с укоризной воскликнул он, в расстройстве шагая по комнате.— Ведь это страшный риск!

—Нам во что бы то ни стало надо было добраться до вас.

—Понимаю. Но ценой такого риска...

—Любой ценой,— отрезала Вера.— Нам было приказано дойти до вас, сообщить место тайника и «почтового ящика». Мы выполнили приказ и все.

—Валюта правильно сказала,— послышался слабый голос Сбоевой.— Вы, если я не ошибаюсь, Пылаев?

Обрадованные Пылаев и Вера повернулись к Агнии Михайловне.

—Да, я — Пылаев,— подтвердил Корней Сидорович.— Не

волнуйтесь. Все в порядке. Вы у своих.

—Ну вот и хорошо,— устало проговорила Сбоева.— Валюша вам все расскажет. А меня вы уж извините.

—Ничего, ничего,— успокоил больную Пылаев.— Вы пока отдыхайте.

Корней Сидорович детально, с пристрастием выспрашивал Веру обо всем, что случилось с ними по пути от Вдовино до Сватово. Роман Нюрки Выдриной с долгановским сынком также привлек внимание Пылаева. Иногда в разговор на короткое время пыталась вступить и Агния Михайловна, но дальше одной—двух почти бессвязных фраз дело не двигалось.

—Ясно мне,— сказал Пылаев, когда убедился, что больше ничего нового от Веры не узнает.— Ясно, что вам сейчас под видом гадалок и носа никуда высовывать не надо, И даже по— другому скажу. Вам двоим вместе нигде появляться нельзя. Сразу сцапают.

—Неужели вы думаете, что Долганов...— начала было Вера.

—Да что Долганов,— презрительно отмахнулся Пылаев.— Долговязый дурак, хотя сволочь вредная. Он копытом заскребет только, если вы впрямую на него напоретесь.

—Тогда, кто же? Купин?

—Купин вообще тут ни при чем. Дело в Гросбауере. Вот он—то уж давно, наверное, как кот за мышами, по вашим следам нос водит. Нет,— окончательно решил Пылаев,— вам не только нельзя появляться вдвоем, но даже одежду заменить надо.

—Ну что ж, если надо...— согласилась Вера.— А найдется, чем заменить?

—Найдем,— ответил Пылаев.— Вы сейчас вот что. Ложитесь, отдыхайте. Печь еще раз протопите, чтобы тепла накопить, а днем ни—ни. Насчет еды, питья и прочего у нас тут все подготовлено. Однако сидите тихо, чтоб никакого шума. Я к вам, наверное, только завтра ночью смогу появиться. Так что вы уж потерпите. Но главное — тихо. Тут, на складе, и чужие бывают.

Но ни на завтра, ни через ночь Корней Сидорович не появился. Вместо него дважды приходил Алеша. Он приносил еду, притаскивал скрученные проволокой вязанки сухих чурок для печки. В первый же приход забрал телогрейки, которые Вера и Сбоева носили под полушубками.

— Так дядя Корней приказал,— сообщил он Вере.— Сам—то сегодня прийти не может. Вот для больной порошок прислал.

Но порошки не помогали Агнии Михайловне. Болезнь не прогрессировала, но и не отступала. Вера видела, что Сбоева с каждым днем становилась все слабее.

Да и сама — то Вера извелась за эти двое суток абсолютной неизвестности. Она старалась думать о дорогих сердцу людях, чтобы хоть этим укрепить свои силы. Ей до боли было жаль отца, который сейчас далеко на Урале занят очень трудным, очень тяжелым делом и совсем один. Всегда вокруг него была дружная большая семья, а сейчас война пораскидала всех. И, конечно, отец переживает за каждого из них. Молчит, работает, как вол, а оставшись один, мрачнеет, хмурится, мучится без всхлипывания и вздохов, как и положено сильному мужчине. Жаль маму, которая где — то около Ярского сейчас сохнет от горя, не имея ни от кого весточки, не зная, где, какими дорогами бредет ее дочь. Жаль Сашу Гуртового, ее Сашу, который сейчас только и занят тем, что сдает один трудный экзамен за другим. Ему бы сейчас учиться, а он занят совсем другим. И все война. Только себя Вере не было жалко. Ей даже было немного неудобно перед Сашей. Ои мечтал быть разведчиком, а получилось так, что она, Вера, обогнала его. Она уже выполняет задание, а Саша все еще далек от исполнения своей мечты. Конечно, позднее они вместе поступят в школу, где готовят разведчиков. Хотя Саша лучше подготовлен, и язык знает хорошо и стреляет здорово, но у нее — то уже будет, хотя и небольшая, но все же практика. Должны же это учесть при приеме.

Все эти дни, боясь разрядить аккумуляторы, Вера проводила в постоянной темноте, редко включала свет. В конце концов она сама запуталась и не знала, ночь на дворе или день, тем более, что со склада не доносилось ни звука. Видимо, стены здания были достаточно толсты, а дверь надежно замаскирована мешками. Поэтому в конце третьих суток, окончательно потеряв счет часам, Вера никак не решилась растопить печь, хотя в комнате уже стоял собачий холод. Когда же за дверью послышался привычный шорох, Вера очень обрадовалась. Раз пришел Алеша, значит, на дворе уже ночь и можно безопасно затопить печь.

Но на этот раз появился наконец Корней Сидорович. Когда за ним закрылась дверь и верный Алешка замаскировал ее с той стороны, Корней Сидорович, привычно включив свет, первым делом подошел к Агнии Михайловне. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы убедиться — в состоянии больной улучшения не наступило. Корней Сидорович огорченно махнул рукой и печально посмотрел на Веру.

— Все по — старому? — спросил он, кладя к изголовью больной две фуфайки, за день до этого унесенные Алешей.

— По — моему, ей стало даже хуже, — вздохнула Вера.

— Хуже уж некуда. Ее болезнь связала нас по рукам и ногам. Главное, некуда с нею пристроиться.

— — Может быть, можно пригласить врача?

—Милая девушка, здесь есть только врачи — немцы — для немцев. Русские умирают сами по себе, без врачей и потом здесь зона, самое сердце зоны. Один шаг — и вы в гестапо. Ваши документы были надежны только там, где вы шли.

Корней Сидорович говорил сухо, даже зло, но Вера слышала за каждой его фразой какую-то неуверенность, боль и даже растерянность и сама растерялась.

—Как же быть? — проговорила она, чувствуя, что вот-вот слезы перельются через край, потекут по щекам. — Нельзя же тетю Машу так оставить.

—Это само собой. Но не о тете Маше сейчас разговор, — положил руку на плечо девушки Пылаев. — Садитесь.

—А что я? — встрепенулась Вера. — Я здорова.

—Такое дело, — словно не решаясь сразу заговорить о главном, исподволь начал Корней Сидорович. — Мы вот посоветовались и решили, что вам надо идти.

—Куда?

—К тем, кто вас послал.

—Я готова.

—Понимаешь, в чем дело. Надо срочно план укрепления и складов к нашим доставить. Особенно план складов. Укрепления — пустяки. Немцы шумят о них много, а на деле... полчаса хорошей артподготовки и от укреплений даже дырок не останется. Тут, главное, склады горючего, смазочного и боеприпасов. Там столько всего собрано, все для Москвы готовится. Можно и через почтовый ящик, но, как мы считаем, тогда наш документ попадет кому следует не ранее чем через месяц. А нужно срочно, немедленно надо.

—Я готова, — повторила девушка.

—В донесении мы все написали, но кратко. Ты им там еще на словах объясни. Главное, чтобы наши не задумали эти склады с земли уничтожать. Бесплезное дело на такую диверсию даже самого разопытного разведчика посылать. Только зря ценных людей без всякой пользы потеряют. Не подойти к складам с земли. Минные поля кругом, маскировка высшего класса и охрана умно организована. Да что там! Если бы можно было с земли подойти, мы бы и сами эти склады давно враспыл пустили. Брать склады можно только с воздуха и обязательно тяжелыми бомбами. Склады спрятаны под землей. Два сухих оврага сводами перекрыты. Сверху земля и дерн. Сейчас они, конечно, под снегом, но и когда растает, все равно ничего не увидишь. Ровное поле.

—А как же летчики разглядят?

—Об этом и речь. Пусть накануне настоящей бомбежки сделают налет на Сватово. Хотя бы с большой высоты, но три

бомбы пусть обязательно сбросят. Мы сразу поймем, что к чему. Тогда на другую ночь, как только услышим гул самолетов, увидим, что наши на подходе, мы тут один домишко подожжем. Он пустой, на отшибе стоит. В него мы еще до снега бочку бензина закатили. Если наши летчики от горящего дома точно на север ровно километр отступят, то их бомбы лягут как раз на склад горючего. А если удачно ударят по горючке, то получится ориентир, будь здоров. А от этого ориентира шестьсот метров, теперь уже строго на восток огромный склад боеприпасов. Но начинать надо со склада горючего. Наш ориентир будет на него настроен. Поняла?

—Поняла, Корней Сидорович,— кивнула Вера.— Все передам в точности.

—Ну, а о том, что мы тут успели сделать, я, хоть и коротко, обо всем написал. Правда, ни одной настоящей фамилии не назвал. Береженого, как говорится, бог бережет. После войны обо всем в открытую расскажем, если живы

останемся. А пока лучше не говорить, кто конкретно в чем участвовал. И так после каждой диверсии кого —нибудь да недосчитываемся.

—Корней Сидорович,— решила все —таки спросить Вера.— Взрыв склада в Вечернем тоже ваших рук дело?

—И наших и не наших,— усмехнулся Пылаев.— В Вечернем у меня другая группа работает. На связи с ней только я и еще один мой человек. Я написал и об этом.

—Ох, и рвануло же там. Меня чуть с лавки не сбросило.

—А главное, без потерь обошлось,— усмехнулся Пылаев.— Немцам все пришлось списывать на случайную бомбежку. Гроссбауер взбеленился, хотел всю охрану расстрелять за недогляд, приехал, а стрелять —то и некого. Вся охрана

вместе со складом взлетела. В общем, скажешь, что мы здесь, что можем, делаем. А сейчас, когда «почтовый ящик» заработает, нам вполтину легче будет. Ладно,— снова вернулся к прежнему Пылаев.— Не миновать тебе самым срочным порядком до своих добираться. Очень это нам сейчас необходимо.

—Я готова,— снова повторила девушка.— Какой маршрут вы советуете?

—Мы думаем, что тебе лучше идти той же дорогой, по которой вы шли, только в другом обличий.

—А тетя Маша?

—О ней разговор позднее будет. Сейчас главное ты. Мы спланировали так. Скоро в Раменье конвой придет. Девушек,

которые свой срок отработали из сел около Раменья, домой отпускают. А чтобы они не шатались по зоне, их полицаи поведут.

—Понятно,— кивнула Вера,— Пойду под конвоем, раз надо.

—Надо, Валюта. Подноровим так, что конвой к Раменью в темноте подъедет. Версты за две до Раменья ты слезешь с саней и в обход Раменья без дороги пойдешь на Вдовино, наст пока еще держится, идти легко будет. Сбиться там невозможно, но действовать придется одной. Не боишься?

—Боюсь,— призналась Вера.— Но раз надо...

—Надо, Валюта, надо. Во Вдовино ты придешь ночью. Сумеешь не по дороге, а прямо с поля выйти на дом старосты?

Вера несколько мгновений молчала, восстанавливая в памяти все приметы Вдовино.

—Выйду,— наконец уверенно сказала она.— Вдовино, если смотреть из Раменья, дугой к нему выгнулось. В самой середине дуги дом старосты. У дома на задах сруб стоит. Перед войной строиться думали, да не успели.

—Молодец,— одобрил Пылаев.— Теперь уверен, что выйдешь. Только ведь страшно будет одной — то в ночном поле.

—Очень страшно,— со вздохом сказала Вера и, помолчав, спросила:— Оружие вы мне не дадите?

—Оружие тебе не поможет. Оно тебя подвести может. Документы у тебя будут подлинные. Ты деревенская девчонка, отработавшая положенный срок по трудовой повинности.

—А какое же у деревенской девчонки может быть оружие? Откуда оно у нее возьмется?

—Да, конечно,— согласилась Вера.— Что ж, пойду и так. Когда будет готово донесение?

—Оно уже готово. Для этого Алеша и забирал ваши фуфайки. В подкладку их зашиты донесения. Они на парашютном шелке написаны так, что ни при каком обыске не прощупаются. Твое дело только в этой фуфайке к нашим попасть и все.

Вере показалось, что Корней Сидорович что — то недоговаривает. Он смотрел на нее пристально, испытующе и как будто с жалостью. «Что с ним? — подумала Вера.— Он словно бы хочет что — то сказать и не решается». И, стараясь не замечать неуверенности собеседника, спросила:

—А девушки эти, с которыми мне ехать, надежный народ?

—Понимаешь, Валюта, не нужно, чтобы они тебя видели и.

—Как же так? Разве мы не вместе поедем?

—Да вот так оно и получается, Валюта. И вместе и как бы не вместе. Понимаешь, Валюта, они должны думать, что ты покойница. Мертвая, то есть.

—Покойница? — испуганно протянула Вера.— Как покойница?

— Немцы совсем озверели. Сейчас выйти из зоны труднее, чем в нее попасть. Людей, как скотину, по головам считают. Если из Сватово выехало шесть человек, то, скажем, в Раменье и должно прийти шесть человек. Ну, а по дороге — то ты уйдешь, так вот для счета тебя и заменит покойница.

—Понятно. А где те она будет, когда выезжать будем?

—Под тобой. В сене. Когда ты под Раменьем сойдешь, сено разгребут и поднимут ее.

—Кто она?

—Девушка. Такая же, как и ты. Была мобилизована на работу. Сбило автомашиной. Немцы «проявили гуманность», разрешили увезти тело к родным.

Наступила длинная тяжелая пауза. Вере очень хотелось отказаться и в то же время она понимала, что этого делать нельзя, что отказываться она не имеет права. Взрослые и умные люди, вроде Корнея Сидоровича, конечно, не с легким сердцем приняли именно такой план. Но донесение о военных складах должно как можно скорее попасть в руки майора Званцева. Значит, стисни зубы, зажди в кулак сердце и делай. Любой ценой, любым способом надо прорваться из зоны к своим. «Если бы я умирала и перед смертью узнала, что мое тело чем — то поможет друзьям в беде, разве я стала бы возражать?», — подумала Вера и тихо спросила:

—Когда выходим?

—Наверное, завтра после обеда или послезавтра.

—Почему так? Завтра — послезавтра.

—Понимаешь, Валюта, — почти шепотом ответил Пылаев. — Девушка эта еще не умерла. Мучается.

— Так, может быть, ее сумеют довести...

—Думали, — махнул рукой Пылаев. — Нет, ничто не поможет. Девушки, которые поедут с тобой, ничего знать не должны. Будут двое саней. На передних поедут девчата с полицаями, на вторых повезут тело и тебя. Так вот на вторых санях и возчик и полицай наши люди, а на передних не наши и вообще сволочи. Конечно, если раменский полицай о чем —нибудь догадается, его придется убрать. Тогда полицай с задних саней уйдет с тобой во Вдовино. Но лучше бы обойтись без этого. У полицая здесь отец, мать и своя семья. Немцы всех их под корень изведут. Понимаешь теперь, какой переплет получается.

—Все понятно, Корней Сидорович, А как тетя Маша?

—С ней все по — другому. Ее придется в город вывозить. Когда ты уйдешь, с ней здесь наша женщина побудет. Не

беспокойся, сделаем, как лучше.

— Ей без врача никак нельзя. Не поправится она без настоящего лечения, а человек она золотой. Вы даже не знаете, какой она человек.

— Догадываюсь, — улыбнулся Пылаев.

Он поднялся с табурета и, собираясь уходить, сказал:

— Значит так, Валюта. Донесение зашито в обе фуфайки. Пусть там наши правое плечо у фуфайки распаривают.

— А тете Маше зачем? — удивилась Вера.

— Если быстро вылечат, продублирует тебя. Если долго пролежит, ее фуфайка на чьих-нибудь плечах уйдет по другому каналу. Об этом мы подумаем. А пока отдыхай, набирайся сил. Завтра ночью придем я или Алеша. Но ты будь
готова к выезду,

ВЗРЫВ

Как всегда, возвращаясь после рейда, Леонид и Саша шли налегке. В вещевых мешках было пусто. Не осталось по только ни одной шашки тола, но и ни крошки хлеба. Разъяренные диверсиями в зоне, фашисты наглухо перекрыли все дороги. Заходить даже в села, окружавшие зону, стало небезопасно. Ни на одну из названных майором Званцевым сельских явок нельзя было показаться. По огромной дуге два друга обошли опасный для них участок и сейчас входили в лес. За спиной несколько суток отхода, несколько напряженных суток, состоявших из стремительных ночных бросков и многочасовых отлеживаний в снегу, когда рассветы прижимали разведчиков к земле. Несколько суток без отдыха в тепле, без горячей пищи, а последние сорок часов без крошки хлеба вообще.

Войдя в бор, разведчики остановились. Сняв лыжи, они присели около толстой сосны и несколько минут сидели, не говоря ни слова. Напряжение последнего, самого тяжелого броска спадало. Наступила неизбежная в таких случаях реакция, вызванная чувством достигнутой наконец — то безопасности. Хотелось сидеть вот так, не двигаясь, отдыхая, слушая, как ноют натруженные ноги.

Но долго сидеть было нельзя. Одновременно с чувством облегчения и покоя незаметно подкрадывался сон, а уснуть сейчас обоим сразу означало не проснуться никогда.

— Вставай, Сашок, пошли! — прорываясь сквозь одурь усталости и наплывавшего сна, вскинулся Леонид.

— Пошли, — вяло согласился Саша. — Куда мы сейчас? В монастырь или к леснику?

—К ящику, Сашок. Какое у нас сегодня? — спросил Леонид, хотя и сам прекрасно помнил число. Просто надо расшевелить сникшего от усталости и голода друга.

—По — моему, седьмое, — вялым голосом ответил Саша, — да, конечно, седьмое.

—Вот видишь. У ящика уже два раза были от капитана, а нас все нет и нет. Еще подумают, случилось что —нибудь.

—Пошли, — встал на лыжи Саша, думая о том, что впереди еще более десятка километров. — Пошли, чего тут рассиживаться.

К дубу подошли в самую темень, около полуночи. Остановились метрах в тридцати от «почтового ящика». Леонид сошел с лыж и, почувствовав, что наст еще крепок, осторожно ступая, чтобы не оставить следов, зашагал к дубу. Саша остался на месте и, прислонившись к дереву, молча ждал возвращения товарища. Неожиданно до него долетел удивленный возглас Леонида. Усталое безразличие моментально отлетело прочь. Вскинув автомат и соскочив с лыж, Саша приготовился кинуться на помощь другу. Но Леонид уже шел обратно, и даже в темноте Саша разглядел, что в правой руке он держит что — то похожее на противотанковую гранату. Только почему — то держит не за ручку, а за корпус.

—Пляши, сейчас повеселимся, — сказал Леонид подходя, и тогда Саша разглядел, что у него в руке никакая не граната, а обычная банка мясных консервов. — Вот это угадал капитан, — довольным тоном продолжал Леонид. — Как будто знал, что у нас кишки второй день марш играют.

Отбежать еще километра на два в глубину чащи, наломать сушняка и развести небольшой костер было делом нескольких минут. Когда костер запылал и вскрытая банка тушенки притулилась сбоку для разогрева, Леонид вытащил из кармана послание капитана Сурова, добытое им из дупла. Это был самый обычный почтовый конверт, только вместо адреса на нем было написано: «Черному мальчику». Леонид обратил внимание на то, что между этими двумя словами капитан, конечно, умышленно не поставил буквы «и» или запятой.

«Ловко получается с нашими псевдо, — подумал Леонид. — Для всякого увидевшего такой адрес будет понятно, что письмо направлено какому — то «Черному мальчику», а не «Черному» и «Мальчику».

Сообщение капитана Сурова было очень немногословным.

—«Лжспартизанский отряд выходит с базы шестого. Машинами будет переброшен в район Раменья, откуда седьмого или восьмого пешим порядком прибудет в место назначения. Будьте осторожны». Ниже другим, более

жирным карандашом было приписано: «Благодарим за дамбы. Грамотно сработано». Судя по всему, приписка была сделана позднее.

Леонид вначале прочел сообщение капитана про себя, затем протянул листок Саше. Тот так же молча пробежал по строкам глазами.

—Может, они уже в монастыре? — проговорил он, возвращая Леониду бумагу.

—Вряд ли,— ответил Леонид, поднося листок с сообщением к огню.— Восьмое еще только началось. А тут даже по прямой километров сто двадцать будет.

Оба молча смотрели, как огонь торопливо съедает листок бумаги. Вот от него остался только клочок, зажатый пальцами, и Леонид осторожно — отпустил его в середину костра.

—Имеет смысл заглянуть. Забрать из подвала все, что там осталось.

—До утра надо передремнуть чуток и смыться вовремя,— согласился Леонид.

Большая банка тушенки для двух проголодавшихся парней даже без хлеба — весьма солидное подкрепление. Чувствуя приятную тяжесть в желудке и как результат этого новый прилив молодых сил, разведчики, несмотря на темноту, довольно быстро добрались до своего убежища в церковном подвале. Первым делом, увязав в вещевые мешки все, что еще оставалось у них из продуктов и боеприпасов, друзья, завернувшись поверх полушубков и маскхалатов в плащ—накидки, улеглись спать, крепко прижавшись друг к другу. Несколько раз им приходилось вскакивать. Мороз пробирал до Костей, а разводить в подвале костер сейчас было опасно. Побегав в холодной тьме подвала и даже поборовшись, чтобы разогреть настывшее тело, разведчики вновь укладывались, стараясь хоть на час—полтора окунуться в, неласковый, похожий на беспамятство сон.

И все же на целую ночь их не хватило. Основательно промерзнув, они, тяжело дыша после очередного разогрева, забрали вещмешки, оружие и выбрались из подвала. На улице было значительно теплей. С полевой стороны тянул теплый южный ветер. Хотя небо было покрыто облаками и не проглядывало ни одной звезды, Леонид и Саша согласно определили, что до рассвета еще далеко.

—К утру наст совсем пропадет,— проговорил Леонид,— скроемся в лес. Следов здесь оставлять нам ни к чему.

—Наст держал еще крепко. Через полчаса, забравшись в чщобу, разведчики развели небольшой костер из сушняка. Ветер тянул устойчиво, и Леонид был убежден, что в сторону монастыря не прошмыгнет ни одна, даже случайная струйка

дыма. Наломав лапника, друзья уселись около весело потрескивающего костра.

—Ты вот что, Сашок,— распорядился Леонид.— Передреми еще часика полтора—два.

—Лучше ты,— великодушно предложил Саша, хотя ему и очень хотелось спать. Я покараулю. Ты не бойся, я не усну,

—Вот чудак,— усмехнулся Леонид.— Разве я об этом. На сосне—то тебе придется сидеть. А я тем временем свое доберу. Не с самого же утра их черт принесет.

Сосна, о которой говорил Леонид, стояла на холме не больше, чем в километре от монастыря. С высоты этого чуть ли не сорокаметрового дерева монастырский двор был виден, как на ладони. Ее заранее облюбовали под свой наблюдательный пункт разведчики.

Саша не заставил себя долго упрашивать. Свернувшись в клубок на лапнике спиной к костру, он через минуту спал, положив голову на вещмешок. И этот твердый, набитый шашками тола, гранатами и патронами вещмешок был сейчас для усталого юноши удобнее самой лучшей подушки.

Леонид, взглянув на уснувшего друга, подложил в костер хвороста и принялся протирать свой и Сашин автоматы. Хотя капитан Суров приказывал не вступать в бой, но как еще повернется дело, кто знает. Оружие всегда должно быть в безотказном состоянии.

Лжепартизанский отряд появился у монастыря значительно позже полудня. Леонид успел уже выспаться около костра и дважды подменить Сашу для разминки, когда с вершины сосны раздалась звонкая дробь дятла. Это Саша костяной рукояткой ножа стучал по стволу, подавая сигнал.

За минуту Леонид поднялся на дерево. Через стекла бинокля казалось, что до монастырского двора не больше ста пятидесяти метров. Хорошо, до деталей одежды, был виден недлинный строй стоявших в две шеренги людей и частокол лыж, воткнутых в снег под окнами дома игумена. Рядом остановилось двое тяжело нагруженных саней. Перед строем медленно прохаживался человек, одетый в черный полушубок и кубанку с малиновым верхом. Он что—то говорил, сопровождая каждую фразу энергичным взмахом правой руки, сжатой в кулак. По тому, как непринужденно и в то же время по—военному четко шагал человек в кубанке, Леонид понял, что возглавляет фальшивый партизанский отряд строевой офицер.

«Это не немец,— подумал Леонид, разглядывая человека в кубанке,— У них шаг не такой. Этот нашей выучки, но

сволоочь».

—А вон на церковном крыльце сидит тот, о котором капитан предупреждал,— вполголоса проговорил Саша.— По приметам похож.

Леонид повел биноклем вправо. На широких ступеньках церковного крыльца сидел пожилой человек, одетый, как и командир, в черный полушубок. На голове его пламенел лисий треух. Человек в лисьей шапке вытеребивал из усов настывшие кусочки льда. На белой от снега ступеньке двумя кленовыми листьями зеленели его рукавицы. Около лежали лыжи, которые он почему — то не поставил вместе с другими.

«В трудное положение ты, друг, попал,— посочувствовал ему в душе Леонид.— В дом идти тебе нельзя, ты это и сам знаешь. Утечь собираешься, а вот сумеешь ли? Тут, брат, как повезет».

Человек в кубанке, кончив говорить, разрешающе махнул рукой и пошел к сидящему на церковном крыльце. Строй сразу же рассыпался, но в дом игумена никто не пошел. Одетые в самую разнообразную одежду, лжепартизаны стояли отдельными группами, курили и, видимо, обсуждали только что услышанные указания командира отряда.

—Слезаем,— заторопился Леонид.— Тут наше дело закончено.

—А разве мы не посмотрим?..— начал Саша.

—Потом проверим, что тут наворочает,— перебил его Леонид, спускаясь с сосны.— Для пользы дела на их лыжную мину поставить надо. Чтобы тем, кто уцелеет, чесать приятнее было. А сумеем, так и парочку мин воткнем.

Хотя Саша привык безропотно подчиняться приказаниям Леонида, на сей раз он со вздохом неудовольствия покинул такой удачный наблюдательный пункт. Уходить, не увидев своими глазами, как взлетит на воздух сплетенное немцами паучье гнездо, Саше очень не хотелось. Но Леонид для него «и царь, и бог, и старший воинский начальник», как сказал в свое время майор Званцев. Саша безропотно, но с неудовольствием поспешил за Леонидом. Тот видел это и, чтобы вернуть парню хорошее настроение, сказал:

—Жаль, мы не слышали, что говорил этот прохвост своим гаденышам.

—А чего жалеть,— проворчал Саша.— Наверное, читал мораль, как себя вести в новой казарме.

—Ну, навряд ли,— не согласился Леонид.— По — моему, он отдавал какое — то приказание. Если бы мы знали...

—Узнаем,

—Каким образом? Языка нам брать вроде бы ни к чему.

—Вместе с ними был человек капитана. Он все слышал.

—Да, ты прав, Сашок! Как я это упустил,— незаметно наблюдая, как веселел Саша, с простодушным видом признался Леонид.— Не допер, выходит.

Саша удивленно посмотрел на него. Шутит он, что ли? Всякий мог бы догадаться. Но Леонид был серьезен и, кажется, не шутил.

Командир лжепартизанского отряда, созданного абвер — командой, Николай Атаманчук действительно давал своим подчиненным задание, которое они были обязаны выполнить. Никто из его солдат и даже человек, которому немцы во всем доверяли, Никифор Ащеулов, слушавший речь со ступенек церковного крыльца, не знали, что подлинная фамилия командира отряда совсем не Атаманчук, а Мельниченко и что всего восемь месяцев тому назад он был заместителем по боепитанию командира полка Красной Армии. Ничего ни в родословной, ни в личной биографии Атаманчука — Мельниченко не было такого, что могло бы оправдать или хотя бы объяснить предательство. Отец Мельниченко вместе с заводом был эвакуирован из Миллерово на Урал и честно работал, помогая Отчизне одолеть врага. Братья Николая Мельниченко сражались на фронтах и сражались хорошо, беззаветно, а сам Николай, изменив родному народу, стал офицером фашистской армии. И причиной предательства была не классовая ненависть к Советской власти. Летом сорок первого Мельниченко сдался в плен фашистам. Философия его была предельно проста: «Пусть хоть вся Россия кровью изойдет, мне своя голова дороже. Обо мне, кроме меня самого, никто не позаботится».

Фашистская контрразведка быстро догадалась, что за экземпляр попал в ее руки. Николай Мельниченко очень дорожил своей жизнью, но ни во что не ставил жизнь чужую. Чтобы угодить фашистам, он с радостью согласился стать палачом при абверкоманде. Но что палач? Палач — личность мелкая. Абверовцы поняли, что Николай Мельниченко может действовать в значительно более широких масштабах. Тогда — то и появился при абверкоманде этого участка фронта лжепартизанский отряд, командовать которым с большой готовностью согласился Николай Мельниченко. В целях конспирации ему дали фамилию Атаманчук.

Сейчас он ходил пружинящим шагом перед строем своих головорезов, ходил самодовольный, гордый своим положением, гордый тем, что ему наконец — то поручили настоящее ответственное дело. Он упивался своей властью над этой полусотней одетых в разношерстную одежду людей, готовых выполнить любое его приказание. Каждый из них был во многом похож на него,

только помельче калибром, поглупее, менее образован, но, несомненно, более труслив и в силу этого готов на любую жестокость... Давно замечено, что самыми жестокими бывают самые трусливые подонки.

— Никакого отдыха,— коротко, как команду, кидал напряженно слушавшему его строю Атаманчук.— Не заслужили еще отдыха. Сейчас перекурить, оправиться. Потом,— Атаманчук взглянул на наручные часы,— два часа на обед и подготовку к походу. Горобцов за это время подготовит мины.. Двинемся на тракт. Надо его закрыть, чтоб но нему всякая сволочь не шаталась. До транспортера, а на нем до тракта в общем и целом три часа. По—темному ставим мины. Обратный ход три часа. После этого большой перекур. С закуской, дремотой и все прочее. Со мной пойдут отделения Жлобина и Горобцова. Отделения Зеркаленко и Вознюка остаются здесь. На заготовку дров. И смотрите у меня. Работать на так, как в лесосеке. Для себя сейчас работать. Шкуру спущу, если к нашему возвращению поленница не будет готова. От крыльца до дальнего угла. И чтобы с меня ростом. Ясно?

Строй рассыпался на отдельные кучки людей. Послышался смех, шутливая безадресная ругань. К небу потянулся дымок самокруток. Атаманчук подошел к Ащеулову. Для него Никифор Терентьевич ходил в Козыревых.

— Вот и все,— сказал Атаманчук, присаживаясь рядом.— Кончились твои заботы об нас.— Атаманчук хотел бы сказать «наблюдение» или даже «слежка», но остерегся. Он — то хорошо знал, что гауптман доверяет Никифору Терентьевичу значительно больше, чем ему, Атаманчуку.— Дальше уж мы пойдем по разным азимутам.

Атаманчук вытащил из кармана пачку немецких сигарет и закурил. Привыкший к крепким русским табакам, он терпеть не мог немецкие, но курил их из принципа, для поддержания авторитета. И дураку ясно, что рядовой человек, даже работающий на немцев, не может постоянно курить немецкие сигареты. Это доступно немногим.

— Беспокоит меня эта операция,— заговорил Ащеулов, понизив голос.— Насчет минирования тракта. Как бы не промахнуться.

Ащеулов понятия не имел, что это за операция. Гауптман ни слова об этом ему не говорил. Но Атаманчуку совсем не обязательно это знать. Изучив характер Атаманчука, Ащеулов рассчитывал, что тот клювет на эту нехитрую подначку, и не ошибся, Беспокоиться совершенно не о чем,— заверил Атаманчук.— Доложи гауптману, что мины на тракте установлены. Впрочем, о результатах он узнает раньше, чем ты вернешься.

Завтра часов в десять — одиннадцать ему уже доложат обо всем.

—А немцы случайно не наскочат на эти мины? Ты, смотри, с огнем играешь.

—Не наскочат,— усмехнулся Атаманчук.— На тракте мы установим тридцать мин. До девяти утра движение будет перекрыто. В десять по тракту погонят человек пятьсот баб, ребятишек, стариков, выселяемых из зоны. Они и разминировать тракт своими ногами. Начальник конвоя предупрежден и станет считать взрывы. Промашки не будет. Если какая и не взорвется, колонну завернут и прогонят еще раз по этому же месту.

—Ловко ты придумал,— еле выговорил ошеломленный Ащеулов.

—Это не я,— в голосе Атаманчука было явное сожаление.— Это — гауптман. А вообще — то здорово придумано, с размахом. Ты только представь себе, Козырев. Мины мы будем ставить не часто. Метров через десять. Чтобы у каждой простор был. Половина колонны накроется. А в народе звон пойдет, что мины партизаны поставили. Что, мол, на партизанских минах мирные советские граждане богу душу отдают. Ловко?

—Ловко,— согласился Ащеулов.— Ну, так я, пожалуй, двинусь. Мне еще шагать и шагать. Меня ведь транспортер не ждет.

Ащеулов встал, взял под мышку свои лыжи и направился мимо дома игумена к выходу с монастырского двора. Одновременно с ним поднялся и Атаманчук.

— Погодь минутку, Никифор Терентьевич. Я еще пару слов имею передать,— неторопливо сказал он и окрикнул: — Горобцов!

К командиру отряда подбежал невысокий, плотный мужчина, одетый в шинель немецкого образца. Атаманчук передал ему ключи.

— Открой дом, пусть располагаются. Возьми на складе взрывчатку. Подготовь тридцать противопехотных, Зеркаленко пусть разбирает везы.

Горобцов взял ключ и так же бегом направился на крыльцо. Пробегая мимо курящих, он весело окликнул:

— Командиры отделений, за мной! Выбирать, какая нарина по харине. Зеркаленко, пусть твои ребята разберут везы. Командир приказал. Весь отряд сгрудился около крыльца. Никифор Терентьевич забеспокоился. Ведь капитан Суров передал, чтобы в тот момент, когда атаманчуковцы войдут в дом игумена, его, Ащеулова, уже не

было в монастыре. Приказ был ясный и строгий. Дело определено пахнет взрывом. А он все еще торчит против этого окаянного дома, хотя на дворе остались только те, кто разгружает возы. Ащеулов чуть не бегом рванул к выходу, но был остановлен зовом Атаманчука.

—Да куда ты спешишь, Козырев?

«Вот навязался, черт»,— ругнулся про себя Ащеулов, но задержался. Нельзя вызывать подозрений у этого выродка. Никифор Терентьевич с каждой секундой чувствовал, что смерть подходит все ближе и ближе, а он по—прежнему стоит на открытом месте в какой—нибудь полусотне метров от дома игумена. Что же делать?

Впереди, метрах в тридцати фасадом к площади стояло приземистое кирпичное здание старинной кладки. Никифор Терентьевич не знал, что раньше тут помещалась монастырская кухня. Но сразу же определил, что здание крепкое и опрокинуть такое не всякому взрыву под силу. Тогда, махнув рукой удивленному Атаманчуку, Никифор Терентьевич со всех ног припустил к спасательному зданию, проворчав: «Пусть думает, что у меня терпенья нет».

Атаманчук действительно с удивлением смотрел на бегущего. Но, увидев, как тот, приставив к стене крайнего дома лыжи, исчез за углом, рассмеялся:

—Приперло старого мерина.

Ащеулов выглянул из—за здания. Атаманчук смотрел, как разгружают возы. Мимо прошел на лыжах Толубеев, и в этот момент Ащеулов почувствовал, что под ногами тяжело вздрогнула земля. Никифор Терентьевич увидел, как Атаманчук вдруг разинул рот, видимо, собираясь крикнуть, но, отброшенный взрывной волной, покатился по снегу, нелепо взмахивая руками. Ащеулов присел на корточки, прижался к стене. Все покрыл тяжелый, рвущий барабанные перепонки грохот. В этом грохоте Ащеулов даже не услышал, как крыша кухни, сорванная взрывной волной, приподнялась, словно крышка сундука и, пролетев в воздухе несколько метров, запрокинулась, рассыпая по земле бесформенные куски бревен, досок и щепок.

Первое, что увидел Никифор Терентьевич, когда чуточку оклемался после взрыва, это бегущего по снегу Атаманчука. Добравшись до далеко отброшенных взрывом лыж Никифора Терентьевича, он схватил вначале одну, затем разыскал вторую и, встав, наконец, на них, сломя голову бросился с монастырского двора вслед за Толубеевым.

—Куда ты?! — закричал Ащеулов.— Лыжи—то мои, ирод!

Но это не остановило Атаманчука, а, наоборот, добавило ему прыти.

Никифор Терентьевич вышел из — за укрытия и оценивающе посмотрел на пылавшие костром остатки дома игумена.

— Килограмм триста рвануло, не меньше, — проговорил он изумленно. — Похоже, чекисты не слишком себя утруждали. Просто подорвали взрывчатку, завезенную сработали.

— Упокой, господи, прохвостов, — подвел итоги своим размышлениям Ащеулов и отправился отыскивать себе лыжи. Задерживаться здесь не имело смысла. Неизвестно, только ли этот сюрприз подготовили чекисты для Атаманчука и его приближенных.

Развороченный взрывом дом игумена пылал. Внутри все еще рвались патроны, а пламя, раздуваемое ветром, шумело и кидалось из стороны в сторону, как пьяный плясун в ухабистой пляске.

Когда по лесу раскатился гул взрыва, Саша и Леонид успели установить только одну мину. Да и ту на скорую руку, без всякой маскировки.

— Все, Сашок, — услышав грохот, поднялся с колен и встал на лыжи Леонид. — Отходим. Сейчас сюда те, что уцелели, целой оравой сыпанут.

Они пробежали по лыжне метров тридцать, затем свернули в глубину леса, но далеко не пошли и остановились за выворотом огромной сосны — ветровала. Лыжи сняли, обтоптали снег под ногами и взяли наизготовку автоматы. Саша вытащил из — за пазухи пистолет — подарок майора Званцева.

Поползли длинные минуты ожидания. Разведчикам покзалось, что прошло очень много времени, пока появился первый беглец из монастыря. Лыжня в этом месте была прямой, и разведчики увидели его метров за полтора. Наклонившись вперед, будто он бежал на коньках, широко размахивая руками и неумело «с прищепом» переставляя лыжи, здоровенный детина что было силы рвался вперед. Стоя в укрытии, Саша подумал о том, что детина этот недавно начал ходить на лыжах и до сих пор как следует не научился. Незадачливый бегун был уже всего в двух — трех десятках метров от того места, где на лыжне его ожидала настороженная мина, когда сзади показался еще один человек. Этот превосходно бежал на лыжах. С каждым шагом расстояние между головным и догоняющим сокращалось. Саше почему — то стало жаль спешащего навстречу своей гибели неумеху. Захотелось крикнуть: «Погоди, пусть этот второй обгонит тебя». Бегущий впереди, видимо, услышал, что его догоняют, оглянулся и с бестолково удвоенной силой рванулся дальше, чтоб через несколько секунд налететь на мину.

Взрыв невысоко подкинул его и отбросил к боку лыжни, бесформенным и страшным свертком из окровавленной плоти и тряпья. Догонявший в расстегнутом полушубке и без шапки круто остановился, огляделся через опустившиеся на лоб длинные всклокоченные волосы и, свернув с лыжни, помчался вперед по целине.

—Это их командир,— прошептал Леонид и вскинул автомат.

—Подожди, Леня,— поднял руку с пистолетом Саша.— Не надо шуметь.

—Валяй,— согласился Леонид, недоверчиво косясь на пистолет, заряженный мелкокалиберными патронами.— Я все — таки подстрахую.

Выстрел прозвучал совсем не громко. Нажимая спуск пистолета, Саша в последние доли секунды увидел, как главарь отряда поворачивает к ним лицо. Саша целился в левый висок, и человек в полушубке пластом рухнул на землю, всего на пять — шесть метров обойдя своего предшественника.

И снова одна за другой поползли долгие минуты ожидания. «Орава» спасающихся от взрыва все еще не появлялась. Наконец, примерно через четверть часа со стороны монастыря появился еще один лыжник. Он шел уверенной широкой походкой человека, привыкшего ходить на лыжах. Леонид взгляделся в приближавшегося человека и опустил автомат.

—Этого пропустим,— негромко проговорил он.

—Вижу.

Человек в лисьей шапке и зеленых рукавицах шел быстро, но не бежал, охваченный паникой. Увидев лежащие на снегу тела, остановился, взгляделся и, свернув с лыжни, подошел к телу человека в полушубке. Он внимательно осмотрел и оцупал его, поменялся почему — то лыжами и затем, взвалив тело на плечо, зашагал дальше по целине, опираясь вместо палки на одну из высвободившихся лыж. Дойдя до места, где Леонид и Саша сворачивали в лес, остановился, огляделся и, решительно перейдя на основную лыжню, заскользил дальше.

—Умеет, чертушка, читать следы,— одобрительно проговорил Леонид.— Такого вокруг пальца не обведешь.

— Зачем он потащил труп? — недоумевающе проговорил Саша.

—Кто его знает, Саша. Может, для оправдания перед на чальством. Не растерялся, мол, командира шайки из огня вы тащил. А может быть, этот командир еще не совсем подох.

—Ты думаешь, я промахнулся?

—Нет. Вдарил точно. Но мог не наповал. Ведь из пистоле

та стрелял. Ладно. Черт с ним. Пойдем посмотрим, почему остальные не бегут.

Не выходя на лыжню, они заскользили среди деревьев, направляясь к монастырю. Перед самым монастырем они увидели на лыжне еще одного человека. Он брел без лыж, покачиваясь, как пьяный, и нечленораздельно мычал сквозь стиснутые зубы. Друзья молча проводили его взглядом. В глазах Саши промелькнуло что-то похожее на жалость, но Леонид смотрел на предателя спокойно и жестоко. Саша не посмел ничего сказать. Он вспомнил слова Леонида, сказанные в ночь, когда тот обрек на сожжение полицая Суслика, и сейчас таким же, как тогда, ровным и будничным тоном Леонид сказал:

— Похоже, это последний из недобитых. Пойдем все же проверим, чтоб промашки не получилось.

Как определил сам Ащеулов, ему пришлось пролить на лыжне ведро пота, пока он вытащил Атаманчука из леса на дорогу, ведущую в Раменье. Атаманчук, хотя и пришел в себя, идти не мог. Пуля, пробив щеку под левым глазом, скользнула вдоль кости и вышла за ухом. Лишь километрах в восьми от Раменья, встретив бронетранспортер, идущий к лесу, Никифор Терентьевич с облегчением свалил Атаманчука на руки окруживших его немцев.

Унтер-офицер Штарке, с пятью солдатами посланный на бронетранспортере, чтобы обеспечить быструю переброску ложного партизанского отряда к месту диверсии, был чрезвычайно удивлен, увидев всего лишь одного Атаманчука.

—Что есть это? — спросил он Ащеулова.— Где еще зольдат?

—Накрылись,— махнул рукой Ащеулов.— Как есть все гуртом накрылись.

—Что есть накрылись? — не понял Штарке.

Ащеулов pokrutil указательным пальцем около головы и ткнул в небо. Этот жест все объяснил унтер-офицеру. Он с горьким удивлением потряс головой и соболезнующе повторил: — Накрыльсь! Ай, ай! Накрыльсь!

Когда Атаманчука втащили в бронетранспортер, Штарке долго рассматривал рану на его лице. Ащеулов, заметив пристальное внимание немца, сказал:

—Хоть это ни в какие ворота не лезет, но, по-моему, его из малопульки срезали.

—Я! Я! — обрадованно закивал унтер.— Маленький пулька! Я видел! Один раз! Давно!

В памяти Вальтера Штарке сразу возник осенний день, совхозная площадь и немецкий офицер, которому такая «маленькая

пулька» угодила точно в глаз. Унтер — офицер посуровел и приказал своим солдатам держать под прицелом всю окружавшую бронетранспортер местность. Это все — таки не помешало ему приказать водителю двигаться вперед. Может быть, найдутся еще такие, которые не успели «накрыльсь». Это и спасло Зеркаленко, которого они встретили уже в кромке бора. Только после того, как Зеркаленко клятвенно заверил, что больше в монастыре не осталось ни одного живого, Штарке дал приказ повернуть обратно. Уже на въезде в Раменье он, оглядев фигуру Ащеулова, с необидной иронией сказал:

— Пожалуйста, запри дверь в свой штанов. Нехорошо. Там все мороз будет. Ладно? Пожалуйста.

За последние недели Вальтер Штарке значительно расширил свои познания в русском языке.

ПОСЛЕДНЕЕ ГАДАНИЕ

Вера, закончив свое длинное и сбивчивое сообщение, смотрела, как капитан Суков неумело, но старательно подпарывает подкладку фуфайки. Смотрела и не верила своим глазам. В голове девушки никак не укладывалось, что она наконец — то у своих, что она уже в партизанском лагере. Правда, лагерь где — то рядом, а ее капитан Суков поместил в маленьком домике, должно быть, на лесном кордоне. Ей все еще казалось, что вот сейчас что — нибудь произойдет — она проснется и очутится одна в пустынном, заснеженном поле, полумертвая от страха и холода.

В избе было жарко натоплено, перед Верой стояла уже вторая кружка горячего чая, но она все еще по — настоящему не отогрелась. Время от времени по всему телу пробежала противная дрожь. Вера смутно понимала, что это совсем не от холода. Просто ей казалось, что она все еще ощущает спиной скрытое под слоем сена тело мертвой девушки. Она старалась вычеркнуть все это из памяти, старалась думать о другом, но время от времени вдруг будто чувствовала плечом голову покойницы позади себя и вздрагивала, Вере казалось, что никто, кроме нее, этого не замечает, а уж капитан — то менее, чем кто — либо другой. Но вот сейчас, когда Суков, казалось, был целиком поглощен своим занятием, он вдруг поднял голову, взглянул на нее и ласково сказал:

— Это у вас пройдет, Вера Даниловна. Это нервное.

И Вера, все эти дни державшаяся, как она сама считала, «молодцом», вдруг бессильно уронила на стол руки, и, опустив на них голову, горько, навзрыд заплакала. Суков отложил фуфайку и неторопливо подошел к плачущей девушке. Несколько секунд он колебался, а затем осторожно погладил Веру по голове.

— Это хорошо, Вера Даниловна, — понимая, что говорит черт знает что, но не ища других слов, начал капитан

успокаивать девушку.— Это хорошо, что вы плачете! От этого полегчает. Слезы — хорошая разрядка. Вы плачете, Вера Даниловна, не стесняйтесь. Я и сам иной раз с удовольствием бы поревел, да у меня не получается. Я ведь, Вера Даниловна, хорошо знаю Корнея Сидоровича,— продолжал Суров.— Если уж он пошел на такой способ переброски вас во Вдовино, значит,

у него не было никакого другого выхода.

—Да все это я понимаю, Петр Александрович,— тихо проговорила Вера.— Все прошло так, как надо. Только...— Вера судорожно передернула плечами и замолчала, чувствуя, что из горла рвется рыдание, а глаза через край полны слезами.

Капитан Суров отошел и снова занялся фуфайкой, решив, что самое хорошее дать девушке выплакаться. Но Вера на этот раз удержалась от слез. К удивлению капитана, на ее губах появилась улыбка. Это было так неожиданно, что Суров с недоумением взглянул на девушку.

—Полицай с первых саней все хотел посмотреть на меня, поднять плащ—палатку, в которую меня сверху завернули. Да не успел. Корней Сидорович приказал ехать. Так вот, когда мы уже ночью проехали Вечернее, мне Андрей, это полицай, который со мной ехал, шепчет: «Если этот носатый дурак полезет тебя смотреть, ты его цапни за руль и крути против часовой стрелки. Он в один момент от разрыва сердца окачурится». Мне даже смешно стало.

—А что,— рассмеялся и Суров.— Полицай вполне мог дать дуба с перепугу.

—Странно получается, Петр Александрович. Вот ведь очень страшно было, а пошутил свой человек, и стало смешно.

—В жизни часто так бывает, Вера Даниловна. Страшное сплошь и рядом одновременно со смешным происходит.

И вы образец этого,— снова рассмеялась Вера.— Документ этот писался, зашивался и даже доставлялся сюда в очень страшных условиях. А посмотришь на то, как вы его стараетесь вытащить, и смешно становится. Давайте, Петр Александрович, я подпорю подкладку.

—Нет уж, это я сам,— отказался от помощи Веры Суров.— Ведь это я учил Пылаева писать документы на полотне и зашивать их в подкладку. Вижу, что Корней Сидорович усвоил одно: «Зашивать надо крепко». Кажется, тройным швом постарался заделать. Хорошо, что эта фуфайка не побывала в руках немецких контрразведчиков.

—Неужели заметили бы? — испугалась Вера.

—Трудно не заметить. Шов на ощупь слышен.

Вера вспомнила, что таким же швом зашит документ в

фуфайке Сбоевой, но не поделилась своими опасениями с Суровым. Вместо этого она спросила:

—О тете Маше еще ничего не слышно?

—Об Агнии Михайловне? — уточнил Суров.— Больно скоро вы хотите. Она, наверное, все еще у Пылаева. Ведь всего два дня прошло.— Помолчав, капитан попросил: — Повторите — ка еще, как Пылаев намерен перебросить Сбоеву в город.

—Уже перед самым моим отъездом Корней Сидорович сказал, что есть человек, очень надежный, что он нас обеих знает и что ему не миновать скоро ехать в город. Что документы тети Маши будут, как он сказал, самые что ни есть настоящие, без подделки. Надо, говорит, только подождать несколько дней, пока того человека в город пошлют.

—А кто этот человек, не знаете?

—Понятия не имею. Корней Сидорович сказал, что тетя Маша его сама узнает, а мне и знать не нужно.

—Может, еще Агния Михайловна и без врачей с болезнью справится?

—Ох, не знаю. Очень уж она слаба. Есть ничего не может. Перед моим отъездом Корней Сидорович котелок куриного бульона принес. Велел тете Маше хоть через силу, а пить.

Думаю, что сведения о переброске Сбоевой мы получим недели через полторы. Это, если сообщение пойдет из города. А если от Пылаева, то не раньше, чем через полмесяца,— прикинул Суров.— Да, не раньше, чем через полмесяца,— повторил он, осторожно извлекая из фуфайки сложенный вдвое довольно большой кусок парашютного шелка.— А ну, посмотрим, что нам тут нарисовал коммунист Пылаев с товарищами,— разостлал шелк на столе Суров.— Значит, так. Здесь у нас север... это значит Сватово... А вот... заштрихованные, выходит, склады... Любопытно... А это линии оборонительных сооружений. Жидковато, господа фашисты, жидковато.

* * *

Сведения о том, что получилось из попытки перебросить Агнию Михайловну в город, попали к Сурову значительно раньше полутора недель. Но они оказались совсем не такими, на какие рассчитывал капитан. Трагическая случайность спутала все расчеты подпольщиков.

В день отъезда Агнию Михайловну еще на рассвете снова на возу прессованного сена перевезли в ту же сторожку, в которой две недели назад они с Верой ожидали Пылаева. Ближе к вечеру мимо сторожки заскрипел полозьями длинный обоз саней, направлявшихся в город. Вдруг один из возчиков свернул к

сторожке, остановился и начал возиться в передке саней.

—Что у тебя? — окликнул его один из обозников.

—Езжайте, догоню,— ответил возчик.— Завертка, черт ее поberi, подводит.

Обоз проехал. Подождав еще немного, полицай вывел Агнию Михайловну из сторожки, усадил в сани и обложил со всех сторон для тепла сеном. Агния Михайловна взгляделась в это лицо и от радости всплеснула руками. Возчиком на санях оказался Иван Петрович Анохин.

—Вот и еще довелось встретиться, Марья Ивановна,— заговорил Анохин, когда сани отъехали от сторожки.— Не думала, наверное, что так выйдет.

—Как вы здесь очутились, Иван Петрович? — спросила обрадованная Сбоева.— Я уж думала, что вы давно дома.

—Домой—то мне сейчас не с руки торопиться,— уклончиво ответил Анохин.— Сам не знаю, когда домой попаду.

—Как же так? — удивилась Агния Михайловна.— А Егоровна?

—Моя Егоровна тоже в великое путешествие пустилась. У тетки в Знаменцево гостит, и когда этому гостеванию конец, никто не знает.

Сбоева припомнила, что Знаменцево лежит у самой границы партизанского края. Видимо, не случайно семья Анохиных покинула обжитый родной дом и родное село, не случайно, конечно, и то, что Пылаев в поисках путей перебросить ее в город вышел на возчика Ивана Анохина. Но, понимая, что излишнее любопытство не нужно, она только одобрительно покивала головой и сказала:

—Увидите Егоровну, передавайте ей от меня самый горячий привет и крепко, крепко поблагодарите.

—Приветствие обязательно передам, А вот насчет благодарности, так, похоже, она тебе навсегда благодарной осталась.

—Как вы думаете, когда мы до города доберемся? — сменила тему разговора Агния Михайловна.

—Да если все пойдет, как положено, часов около шести приедем,— не очень уверенно определил Анохин.

—Все должно пойти, как надо,— бодро ответила Агния Михайловна. Она и в самом деле почувствовала себя лучше.—Документы у меня, как говорится, «железные». Только на всякий случай запомните, зовут меня сейчас не Мария Ивановна, а Мария Фёдоровна.

—Мне это без надобности,— с хитровой улыбкой ответил Анохин.— Поскольку мы с тобой по условию совсем

даже в знакомстве не состоим.

Заметив удивление на лице собеседницы, он объяснил:

— Везу я тебя по приказу господина старосты села Сватово, о чем имею от него письменное предписание по всей строгости законов. Обязан тебя доставить в город, в больницу в целости и сохранности и все тут,— добродушно улыбаясь, доложил Анохин.

— — Главное, в город,— напомнила Сбоева.— А там уж мы посмотрим, в больницу или еще куда.

Между тем Анохин уже догнал обоз и пристроился к последней упряжке в длинной веренице саней. Ехали не спеша, так как на всех возах был немалый груз. Время, как и дорога, тянулось медленно. Как ни тепло была одета Агния Михайловна, как Анохин ни кутал ее сверху в тулуп и не обкладывал сеном, на подъезде к городу она все—таки основательно промерзла. Уже в начале сумерок, почти на окраине города навстречу обозу попалась запряженная парой сытых лошадей кошева. Кучер, сидя на облучке, свернул на обочину и остановился. Из кошевы вылезли двое: высокий мужчина средних лет и подросток лет шестнадцати—семнадцати, оба в немецких офицерских шинелях. Мужчина придирчиво проверял взглядом возы, иногда спрашивал о чем—то возчика грубым сердитым голосом.

Анохин рассмотрел и лошадей и людей в немецких шинелях еще тогда, когда мимо них проходила голова обоза. Недовольно сплюнув, он предостерегающе взглянул на Сбоеву и сказал:

— Нарвались на этого долговязого дьявола!

— На кого?! — не поняла Сбоева.

— На Долганова. Вон стоит. Руководит и контролирует.

— Ну, а нам—то что,— как могла беспечнее проговорила Агния Михайловна.— Ведь у нас «железные» документы.

— Самый хороший документ — осиновый бы кол в могилу этому гаду. А ты вот что, Марья Ивановна, на всякий случай лежи и изображай бесчувственную от болезни. Я с ним говорить буду.

— Мне изображать нечего,— грустно улыбнулась Сбоева.— Я на самом деле чуть жива.

В этот момент до ушей Сбоевой и Анохина донесся взрыв наиболее отборной ругани, с которой обрушился Долганов на одного из обозников.

— Ну, вконец осатанел,— констатировал Иван Петрович и, ободряюще подмигнув Сбоевой, предупредил:— Готовься, милая Марьюшка. Сейчас по нас залп даст. Что—то он сегодня особенно взъерепенен.

Начальнику полиции Герасиму Долганову было отчего

осатанеть. Так хорошо начавшаяся карьера с некоторых пор потеряла свое поступательное движение и начала, по определению самого Долганова, «пробуксовывать». В городе неожиданно появилось несколько карикатур на Гитлера. Даже без особых исследований было ясно, что неизвестный художник просто скопировал карикатуры, раньше опубликованные в советских газетах. В каждой из них подчеркивалась одна какая-нибудь черта натуры фюрера. На первой из них был изображен Гитлер — маньяк, на второй Гитлер — садист, на третьей Гитлер — абсолютный идиот. Но особенно злой была одна из них, дьявольски оскорбительная, которую автор изготовил в нескольких экземплярах и разослал жителям по почте. Причем на обороте был указан порядковый номер и сообщалось, что она выпущена тиражом пятьдесят экземпляров. Из-за этого гестапо и полицию города лихорадило больше месяца. Две карикатуры принесли в полицию сами адресаты. На них были номера третий и двенадцатый. Одна была обнаружена при обыске у человека, попавшего на подозрение гестапо. На этой стоял номер сорок четвертый. Больше, как ни бились, ни одной злой карикатуры разыскать не могли. Долганов был уверен, что их и нарисовано — то всего три, а порядковая нумерация и сведения о тираже являются простой дезинформацией, чтобы держать в напряжении гестапо и полицию. Но попробуй убедить в этом коменданта города генерала Гаманта или начальника гестапо Кавку.

—Если бы неизвестный мазилка на этом успокоился, так черт с ним. Но нет же. Через два месяца в городе снова были расклеены карикатуры. На этот раз объектами для насмешек стали сам комендант города генерал Гамант, начальник гестапо Кавка, начальник зондеркоманды Гросбауер и несколько человек, рангом пониже. Среди этих, которые рангом пониже, художник удостоил своим вниманием и самого Долга-нова. При воспоминании о карикатуре на собственную персону у Долганова не только сводило скулы, он просто чернел от ярости и чувствовал такое стеснение в груди, что становилось трудно дышать. Все рисунки были очень оскорбительны, но Долганову казалось, что на него карикатурист обрушился с особой яростью. Художник ни к одному рисунку не дал пояснительного текста, и все же, кто видел карикатуры, безошибочно узнавал, кто изображен. Узнавали и хохотали. А все обиженные, начиная от генерала и кончая простым лейтенантом, требовали немедленной поимки и жестокой казни живописца.

В этот момент среди общего хора возмущения и гнева прозвучал голос начальника зондеркоманды штурмбанфюрера СС Гросбауера. Он вызвал Долганова для личного разговора. До этих пор все его указания начальник полиции получал через

гауптштурмфюрера Овенберга. С ним у Долганова установилось если и не полное доверие, то во всяком случае полное взаимопонимание.

Из кабинета штурмбанфюрера Герасим Кузьмич вышел ссутулившимся, встревоженным и очень мрачным. Гросбау — ер не пригласил его даже сесть.

— Установлен автор карикатуры? — не обратив внимания на четкость, с какой доложил начальник полиции о своем прибытии, спросил Гросбауер.

Герасим Кузьмич начал докладывать, что, хотя поганец до сих пор не найден, сделано уже очень многое, в конце концов преступник будет пойман.

— Ясно, — на полуслове оборвал Долганова Гросбауер. Он вышел из — за стола, прошел на середину кабинета и внимательно посмотрел на начальника полиции. — Ясно, — повторил он, — что вы об авторе этих рисунков знаете значительно меньше меня.

— Простите, господин штурмбанфюрер, — осмелился задать вопрос Долганов, — что вам известно об этом негодяе?

— Могу сообщить, — глядя в упор на Долганова, ответил Гросбауер. — Этот негодяй талантлив, чего нельзя сказать о составе нашей полиции, да и о вас, в частности.

Долганов даже про себя не успел обидеться на собеседника за намеки на бездарность полиции и ее начальника.

— Господин Долганов, вы видели, каким вас изобразил этот, как вы говорите, негодяй? — Долганов начал медленно буреть с лица. Глаза его стали узкими и колючими. Он поворачивал голову, следуя взглядом за расхаживающим по кабинету начальником зондеркоманды. — Вы знаете, что может сделать смех?

— Когда люди смеются — значит им весело.

— Смех убивает, господин начальник полиции, — резким тоном заговорил Гросбауер. — Те, над кем смеются, уже не страшны, они просто смешны, даже тогда, когда в их руках власть и сила.

— Все понял, господин штурмбанфюрер, — угнетенно ответил Долганов, думая, что сейчас на его голову обрушится новая волна вежливых оскорблений.

— Ничего вы не поняли, — устало махнул рукой Гросбауер. — Мне нужен этот художник. Мы заставим его служить нам.

— А если он не согласится? — подал голос Долганов.

—Это мы уладим,— оборвал Гросбауер.— Мы сможем уплатить ему хорошую цену.— Если он потребует, я прикажу расстрелять вас у него на глазах. Кстати, он может потребовать и этого,— зловеще усмехнулся Гросбауер.— Судя по всему, вы ему очень не нравитесь. Мы расстреляем вас и без его просьбы, если вы хотя бы не укажете, кто этот художник, или, обнаружив его, попробуете свести с ним счеты в личной порядке. Вы меня поняли, господин Долганов?

Не удивительно, что после такого разговора Долганов вышел из кабинета штурмбанфюрера мрачнее старого кладбищенского креста. Особенно неуютно стало ему тогда, когда он вспомнил, что начальник зондеркоманды говорил с ним без переводчика. О том, что Гросбауер владеет русским языком, было известно и раньше, но с русскими он всегда говорил только через переводчика. Для Долганова было сделано исключение. В жизни часто бывает так, что несчастье идет рука об руку со счастьем. Носителем долгановского счастья совсем неожиданно оказался его сын Витька.

Забываясь о судьбе продолжателя своего рода, Долганов пристроил Витьку на работу в полицию. Это было совсем несложно. Гораздо сложнее оказалось получить для Витьки какое-нибудь немецкое воинское звание. Но комендант города генерал Гамант благоволил Долганову. Как-то в минуту особого расположения генерала Долганов попросил за сына, и Витька из долговязого, прыщеватого полицая превратился в старшего ефрейтора немецкой армии. Форма и воинское звание прямо переродили Витьку.

Они не спасли его от прыщей, но сделали более подтянутым, ловким и даже до какой-то степени инициативным. Так вот старший ефрейтор немецкой армии Виктор Долганов выручил своего отца-капитана. Раздобыв где-то карикатуру на собственного отца, он немедленно явился с нею в кабинет начальника полиции.

—Папа,— сказал он.— Я знаю, кто это рисует.

—Знаешь? — не усидел на месте Долганов — старший.— Ты его видел? Разговаривал с ним?

—Конечно,— очень довольный, что хоть в чем-то имеет преимущество перед отцом, подтвердил Витька.— Это Овод рисовал, его рука.

—Какой Овод? Что ты плетешь?

—Это мы его так звали. По-настоящему он Мишка Кочергин. Из нашей школы. Мы вместе учились.

—Ко-чер-гин,— раздельно проговорил Долганов — старший, медленно поднимаясь из-за стола.— Сын Гаврилы Кочергина?

—Ну да. Его отец на железной дороге работал.

Начальник полиции опустил в кресло. Да, поторопился он с Гаврилой Кочергиным. Сейчас бы легче было разыскать его сына, а затем можно было одновременно их обоих... Он на минуту забыл об указаниях Гросбауера в отношении художника.

Лет пятнадцать назад, в яркий солнечный день Гаврила Кочергин и Герасим Долганов сидели в маленькой приемной райкома партии, ожидая, когда их пригласят на заседание бюро. Оба были молодыми. Второй год водил поезда Гаврила Кочергин и только что поступил работать в милицию Герасим Долганов. Герасим тогда нервничал: примут или откажут в приеме? Для Гаврилы Кочергина все было ясно, и он спокойно ждал своей очереди. Потом уже членами партии они встречались на партийных активах и конференциях, но знакомство было, как говорится, шапочное, поздоровались и разошлись. Только самая последняя встреча с Гаврилой Кочергиным хорошо запомнилась Долганову.

Еще в самом начале службы Герасима Кузьмича в полиции к нему с железнодорожного узла доставили под конвоем трех избитых до полусмерти железнодорожников. Они с помощью двух паровозов без всякой взрывчатки вдребезги разнесли поворотный круг в депо.

Дело было простым, от содеянного отказаться они не могли, дать показания об соучастниках отказались. Но все же Долганов решил сам допросить диверсантов. Тогда — то и состоялся его разговор с Гаврилой Кочергиным.

Кочергин понимал, что он сам и его товарищи обречены. Долганов хорошо видел, что этого очень сильного и не сломленного даже пыткой человека все — таки страшит смерть. Но

видел Долганов и другое: Гаврила Кочергин больше всего боится, чтобы этот страх в нем не заметили другие.

—Фамилия, имя, отчество? Где живешь? — начал с трафаретных вопросов Долганов.

—Все это ты знаешь, — с вызовом ответил Кочергин. — Кроме адреса. На казарменном мы. При станции и живем.

Не думая, что ему когда — либо понадобятся сведения о Кочергине, Долганов не уточнил ни его домашний адрес, ни где сейчас его семья. И это было очень плохо. Адресный стол сгорел то ли в момент бомбежек, то ли при захвате города немцами, и разыскать сейчас в большом городе людей, которые стараются не попадаться на глаза полиции, дело нелегкое. Но тогда Долганов об этом не подумал, а просто задал следующий вопрос:

—Коммунист?

—Коммунист.

—Давно в партии?

—С одного года с тобой. Забыл, что ли? Вместе вступали. И вдруг в глазах Кочергина мелькнула робкая надежда.

А вдруг Долганов не такой, как об нем говорят? И сам Долганов понял, на что надеется Кочергин. Понял и испугался. А вдруг за дверями кто —нибудь подслушивает. Возьмут и донесут Гросбауеру и Кавке, что, мол, Долганов мирно разговаривает с диверсантом, с которым вместе вступал в партию большевиков.

— Ты меня с собой не равняй, — сразу же сорвался на крик Долганов, — Я тебе не чета. Я в большевики сознательно шел, чтобы вредить им. Изнутри разлагать. Так что ты не думай чего другого, сволочь большевистская.

Надежда погасла в глазах Кочергина. Он сразу как —то сжался и одновременно напрягся, словно перед прыжком. Долганов даже пожалел, что не приказал связать Кочергина перед допросом руки. Но Кочергин заговорил внешне спокойно.

—А ведь ты врешь. Все ты врешь. Кишкой ты слаб, чтоб на такое замахиваться. Чем ты мог повредить партии? Ты же мелкая сволочь, Долганов!

—Ну, ты! — рывкнул начальник полиции. — Не сволочись, а то!..

—А что ты мне сделаешь? Больше расстрела ничего не придумаешь. Так что не пугай. Не такой гниде, как ты, встречать против нас. Тебя ведь и немцы —то в услужение взяли потому, что умные к ним на службу ни в жизнь не пойдут.

Не помня себя, Долганов выхватил пистолет и кинулся на Кочергина. Он готов был рукояткой переломать ему ребра, но неожиданно сам отлетел к стене и еле устоял на ногах. Кочергин, хотя и измотанный пыткой, нашел в себе силы для встречного удара.

Искры брызнули из глаз начальника полиции, а из широких ноздрей хлынул поток крови. Осатанев от ярости и боля, Долганов с наслаждением всаживал пулю за пулей в грудь, в живот и в голову Кочергина. Он продолжал стрелять даже в мертвого подпольщика и остановился только тогда, когда кончились патроны в обойме.

Обо всем этом вспомнил сейчас Долганов. Вспомнил и поморщился. «Поторопился я тогда. Надо было все до ниточки из него вымотать. Сейчас бы не ломал голову». Но сына он просто спросил:

—Давно ты видел этого Овода?

—Где его сейчас увидишь? Он прячется.

—Но вы же в одном классе учились. Дружили, поди.

Вместе по садам — то бегали.

— Я с ним не дружил. У них другая компания. Сашка Гуртовой, Верка Волгина, Генка Левит, ну, еще там кое — кто. Я с ними только до пятого класса заодно был.

— А потом они тебя вышибли, — заключил Герасим Кузьмич. — Кто из них сейчас в городе?

— Сашка Гуртовой тоже никуда не уехал, — ответил Витька. — Он вместе со Славкой Грачевым лошадей из спортшколы в Тулу уводил. Когда немцы пришли к нам, он еще в городе был.

— Откуда ты знаешь?

— Его Славка Грачев искал. Они, видать, о чем — то договорились, да потеряли друг друга.

— А где сейчас Славка Грачев? — спросил Долганов сына. Витька в ответ пожал плечами, и Герасим Кузьмич безнадежно махнул рукой.

И в зондеркоманде и в гестапо с большим интересом отнеслись к сведениям о самодеятельном художнике и даже не поставили начальнику полиции в вину полное незнание местонахождения Кочергина. Ему просто было предложено: «По обнаружению принять все меры к задержанию и обязательно живым и невредимым».

На том пока дело и закончилось.

Утром неожиданно состоялся очень неприятный разговор с заместителем Гроссбауера гауптштурмфюрером Овенбергом. Причем он не вызвал, как обычно, Долганова к себе, а сам приехал в полицейское управление.

Долганов понял, что произошло что — то особенное, грозящее большими неприятностями. Обычно всегда очень самоуверенный Овенберг сейчас словно бы полинял. Он был хмур и в то же время растерян, очень зол, но и очень чем — то испуган. Не глядя на Герасима Кузьмича, истово вскинувшего в фашистском приветствии руку, гауптштурмфюрер еле приподнял в ответ свою, плюхнулся в подставленное ему кресло и лишь после этого уставился на начальника полиции круглыми злыми глазами.

— Вы знаете, где есть Святое озеро? — первым делом осведомился он.

— Святое озеро, Святое озеро, — растерянно забормотал Долганов. — Ах, да! — радостно воскликнул он, ёжась под колючим взглядом гауптштурмфюрера. — Вспомнил!.. Только почему Святое? Его уже давно зовут Чистым. Там, правда, имеется монастырь.

— Вы вели работу по монастырю?

— Никак нет, не вел, — растерянно, стараясь понять, в чем его промашка, ответил Долганов. — Но если нужно... Если

прикажете...

— И никакой ваш работник в этот монастырь свой нос не

— совал? Я говорю — один, два, три месяца нос не совал?

—А зачем? — развел руками Долганов. Он никак не мог угадать, радоваться ему или сокрушаться.— Там ведь ни одной живой души.

—Да, да, ни одной живой, вот именно,— согласился Овенберг.

Долганов непонимающе смотрел на гауптштурмфюрера, но Овенберг не удостоил его объяснениями. Он, распаляясь все больше, перешел к тому, что непосредственно касалось начальника полиции.

—Какой старый женщина и совсем молодой девчонка послали вы... как это... разгадывать на картах с маленькой пользой для наша армия? — взорвался Овенберг, от злости все более коверкая русский язык.

—Простите, господин гауптштурмфюрер, но я никаких старух и девчонок ничего разгадывать не посылал,— с твердой уверенностью в своей правоте ответил Долганов.

—Да не разгадывать... как это... угадывать... угадать... кет...

—Гадать,— подсказал Долганов.

—Вот, вот,— закивал Овенберг.— Это самое, гадать. Посылали?

—Никак нет. Никого не посылал.

—Но их видели в Раменленд...

— В Раменье,— поправил Долганов.

— Это самое я и сказал. Потом они поехали в Ветшерне, окончательный раз их видели в Сватове.

—Это провокация, господин гауптштурмфюрер. Никаких мероприятий подобного рода мы не проводили. Особенно по этим селам. Ведь там зона.

—Вы думает, я не знаю, где есть зона, что есть зона,— кипятился Овенберг.— Они ходят с документом, который вы им давали. Там есть ваш подпись.

—Где этот документ? — осмелился спросить Долганов.

—Очень жалею. Документ пока у нас нет. Старой женщина пока тоже нет. И молоденькой тоже.

Постепенно Долганов из всех яростных взрывов Овенберга — гауптштурмфюрера — понял, что по вверенной ему территории ходит старая гадалка в сопровождении молодой девушки. Документ на право гадания подписан им — Долгановым. Видимо, что-то в ее гадании было такое, что вызвало неудовольствие немца.

—Господин гауптштурмфюрер, это явная провокация и

моя подпись, безусловно, поддельная. Я сейчас же приму меры.

—Вот, вот,— закивал головой Овенберг.— Штурмбанфюрер вчера уехал в Смоленск. Обратного будет около четырех—пяти дней. До его приезда советую все выяснить. Я обязан буду докладывать. Вы будете ему делать ответный доклад.

Пообещав Овенбергу специально заняться этим вопросом, Долганов в конце концов добился восстановления обычного взаимопонимания между собою и гауптштурмфюрером. Проводив немного притихшее начальство, Долганов задумался. Безусловно, дыма без огня не бывает. Видимо, в селах, входящих в зону, действительно появились какие—то попрошайки или гадалки. А раз они привлекли к себе внимание зондеркоманды, то можно предположить, что гадание—это только маскировка. Пожалуй, не нужно сразу начинать широкое расследование. Можно послать в Сватово Витьку. Щенок завел амуры с дочкой этой богомольной дуры Выдриной. Вот пусть сегодня же съездит к ней и между делом как бы случайно расспросит, не слыхала ли Анютка что—либо о гадалке.

Но после пяти минут разговора с Витькой стало ясно, что если для пользы дела Витьке следует поехать в Сватово, то для еще большей пользы и самому Герасиму Кузьмичу надо срочно выехать в Вечернее.

Долганов был особенно расстроен известием, что гадалок привез в Сватово из Вечернего его собственный кучер. Первое время от него даже ускользнула вторая половина сообщения Витьки, что гадалки, переночевав две ночи у Выдриной, на третью вообще не явились, и с тех пор от них ни слуху ни духу.

Немедленно был вызван Малаев. Почувствовав, что начальство за что—то очень им недоволено, Дементий Лукич перестал потирать ладошки, похлопывать и покряхтывать, а встав, как умел, по стойке «смирно», начал подробно и точно обо всем докладывать.

Да, он, по указанию Катерины, привез из Вечернего в Сватово двух каких—то женщин, одну старую, а другую совсем девчонку; да, Катерина говорила, что старая — гадалка и гадает очень хорошо. К Выдриной он завез этих женщин не по своему собственному разумению, но по желанию Катерины, которая просила, чтоб гадалки были пристроены на надежную квартиру. Документ? Нет, документа сам не видел, не знает, видела ли Катерина, но и Катерина и сама гадалка говорили, что документ подписан начальником полиции господином Долгановым.

У Герасима Кузьмича пол под ногами заходил

волнами, да и сами — то ноги, особенно в коленях, стали какими — то ненадежными. Ведь о том, что он, как мальчик, врезался в эту самую Катерину, конечно, хорошо известно и в зондеркоманде и в гестапо. «А ну, как они подумают, что я знал про все про это? Знал и способствовал. А ведь могут подумать. Главное, этот дурак, мой персональный кучер, на моих служебных санях привез этих двух мерзавок в Сватово, в самое секретное место зоны».

— Да знаешь ли ты, плешь ты моржовая, — глядя на Малаева сузившимися глазайи, свистящим шепотом заговорил Долганов. — Знаешь ли ты, что тебя и повесить и расстрелять мало. Тебя надо по кусочкам разрезать, варить и тебе же скармливать.

— Как перед Христом богом ни в чем не виноват, — повторял в полной растерянности Малаев. — Хотел, как лучше. Хотел только вам услужить, единственно. Пусть меня господь батюшка покарает, коль я где покривил душой.

— Покарает, покарает, — свирепо передразнил Малаева Долганов. — Да если все подтвердится, то тебя не спасет и то, что ты по пятьдесят девятой при Советах сидел. В порошок сотру и сверху солью присыплю.

— Да я ни в жисть... — уже со слезой заговорил Малаев.

— Марш, паскуда, — рявкнул на него Долганов. — Запрягай большую кошеву. Да сена набей побольше.

Малаева словно ветром вышвырнуло из кабинета.

— Витька? — продолжал бушевать Герасим Кузьмич.

— Да, я здесь, папа. Не видишь, что ли? — ответил затаившийся в углу Витька.

— Одевайся, поехали.

— В Сватово? — обрадовался Витька.

— Ты в Сватово, я в Вечернее. Бегом, марш!

Теперь можно понять, в каком настроении стоял Долганов на обочине дороги, пропуская мимо себя бесконечный обоз.

— Что везешь? — спрашивал он у очередного возчика.

— Пшеничку, господин начальник, — отвечал из почтения соскочивший с саней и трусивший по обочине мужик.

— Пшеничку, — сердито кричал вдогонку Долганов. — До седых волос дожил, старая обезьяна, а правильно говорить не научился. А у тебя что?

— Три овцы, господин начальник, — испуганно

докладывал возчик.

—Сам ты овца, только безрогая и хвост в штаны спрятал,— гремел в ответ Долганов.

К концу обоза Герасим Кузьмич несколько притомился и даже несколько возчиков пропустил, не обругав. Наконец, завершающими подъехали сани Анохина.

—А это что за безобразия? — с новой силой загремел Долганов.— Стой! Кого везешь, черт конопатый?

—По приказу господина старосты везу больную женщину в город,— бойко отрапортовал Анохин, соскочив с саней и подбегая к Долганову.— Извольте получить письменный приказ господина старосты.

—Не получить, а проверить, дурак,— довольно, впрочем, благодушно обругал расторопного возчика Долганов. Он развернул бумажку. Да, действительно, это предписание возчику доставить больную женщину Марию Мишкину в городскую больницу.— Что еще на возу?

—Три мешка пшеницы и двадцать килограммов сала соленого. По — немецки шпеку, извиняюсь за выражение.

—Сало куда? — насторожился Долганов.

—Господин какой — то фюрер Пилер приказал завезти на Черкасскую улицу, дом одиннадцать. Фамилия какая — то мудреная, сейчас посмотрю.

—Не надо,— остановил полезшего было за пазуху возчика Долганов. Пилер был начальником строительства в Сватово, а на Черкасской, одиннадцать помещалась зондеркоманда и жил Гросбауер. Долганов подошел к саням, откинул выброшенный на Сбоеву тулуп, взглянул в мертвенно бледное лицо женщины и приказал: — Проезжай.

Анохин ударил по лошаденке. Долганов уселся в кошеву.

— Трогай,— крикнул он Малаеву. Но на этот раз персональный ямщик не торопился выполнять приказание.

—Слушай — ка, господин начальник,— повернулся он на облучке лицом к Долганову,— Сдается мне, что больная — то эта самая ворожея и есть.

—Так что ты молчал, черт кособрюхий? Поворачивай. Догоняй!

Анохин не успел отъехать и сотни метров, когда сзади послышался топот догонявшей тройки и злое, долгановское

—Стой, сукин сын!

—Ну, кажись, влипли,— горестно проговорил Анохин, останавливая лошадь.

—Мы с вами не знакомы и никогда не встречались,— успела проговорить Агния Михайловна, пока выскочивший из

кошевы Долганов подбегал к саням.

—Ты кого везешь, морда конопатая? — закричал Долганов, откидывая со Сбоевой тулуп.— Кто эта старуха?

—Больная, господин начальник,— испуганно ответил Анохин.— Как я вам докладывал, больная.

—Как ее фамилия?

—А мне ее фамилия без надобности,— оправдывался Анохин.— Мне господин староста приказал, бумажку дал, я и везу. На што мне ее фамилия. Старая и больная женщина и все.

—Заткнись, морда! — рывкнул Долганов.— Малаев, иди сюда! Смотри. Она?

—Она, она,— закричал Малаев, наклоняясь почти к самому лицу Сбоевой.— Марья Ивановна, это ты ведь? Отзовись!

—Разыскали все—таки, Дементий Лукич,— слабым голосом ответила Сбоева, почувствовав себя уже по другую сторону жизненной черты и поэтому неожиданно обретая спокойствие.— Погадать решили. Могу сказать, что до срока своего вы не доживете. Скоро вам свернут шею, Дементий Лукич. Раньше даже, чем вашему начальнику.

—Что ты, что ты, Марья Ивановна! — испуганно отшатнулся Малаев.— Чур меня, чур меня! Я—то при чем в ваших делах? Я на тебя злобы не имею. Чур меня!

Долганов неожиданно развеселился. Его обрадовала неожиданная поимка подозрительной гадалки и в то же время рассмешил явный перепуг Малаева, отрекшегося от страшного предсказания старухи. Он даже не заметил, что гадалка и ему предсказала скорую и нелегкую смерть. Герасима Кузьмича сейчас занимали другие соображения. Старуху, конечно, нужно завернуть в Сватово, но как? В кошеве ей места не найдется. Заставить этого возчика везти старуху обратно, но тогда задержится доставка сала, которое Дилер послал на Черкасскую, видимо, Гросбауеру. А это привлечет внимание зондеркоманды к эпизоду задержания гадалки. Долганов же хотел вначале сам разобраться во всем, а потом уже лично доложить все материалы командованию зондеркоманды и гестапо. Наконец, Дояганов нашел выход.

— Малаев,— позвал он отошедшего к лошадям ямщика.— Помоги старой чертовке перейти в кошеву.

С выражением полного недоумения на лице Малаев начал перетаскивать Сбоеву из саней в кошеву. Сама идти она не могла. В старую полумертвую женщину в эту минуту словно бес вселился. Слабым, но очень четким голосом она повторила свои страшные для Малаева предсказания.

—Слышу я, Дементий Лукич, что смерть ваша уже около вас стоит. И не будете вы больше белый свет пакостить, Дементий Лукич. Не будет у вас возможности вредить людям. Конец вам.

—Да замолчи ты, окаянная! Христом богом прошу тебя, Марья Ивановна, замолкни,— чуть не плакал Малаев.— Ну что я тебе сделал такого? Я ведь по службе правду сказал. По службе, пойми ты.

—Вот в награду за свою собачью службу вы и подохнете собачьей смертью:

Дотащив Сбоеву до упряжки, Малаев толкнул её в кошеву, заставив Виктора брезгливо отвернуться. «А куда же сам Герасим Кузьмич сядет?» — тупо подумал Малаев, весь под впечатлением слов слепой гадалки. Но Долганов, оказывается, уже все продумал.

—Виктор, садись на облучок. Править будешь,— начал он отдавать приказания. А ты, Малаев, поезжай с этим хлюстом в город. Завезете, куда надо, сало, сгрузите пшеницу, а потом в полицию, скажешь дежурному, чтобы он этого прохвоста посадил. Приеду, разберусь. К полуночи приезжай на этих лошадях в Вечернее. Понял.

—Так ведь как не понять,— с явным неудовольствием ответил Малаев.— Вы все ясно обсказали. Только за лошадьми — то кто присмотрит, пока я разъезжать буду.

—Поговори у меня,— пригрозил ему, уже сев в кошеву, Долганов,— К полуночи чтобы был в Вечернем. Трогай, Виктор.

Через несколько минут долгановская упряжка скрылась в быстро сгущавшейся темноте. Обоз тоже далеко ушел вперед. Его вообще не было видно. Анохин и Малаев одни остались около саней.

—Ну, поехали, что ли,— поторопил Анохин.

Малаев молча взял с саней тулуп, которым до этого прикрывалась Сбоева, закутался в него и завалился в сани.

—Погоняй,— начальственно прикрикнул он на Анохина.

Иван Петрович в растерянности почесал затылок. Вот я ведь как повернулось дело. За четверть часа все изменилось. Ехать сейчас в город, чтобы там попасть в подвалы полиции, Анохин явно не торопился.

—Ну скоро ты там, морда! — совсем по-долгановски заорал из — под тулупа Малаев.

—Не горит, доедем,— без всякой почтительности ответил Анохин, торопливо сообщая, что с Малаевым надо что — то делать. С досады он стукнул себя кнутовищем по коленям, и это подсказало ему выход. Кнутовище! Ведь оин сам сделал новый кнут перед выездом из Раменья. Кнутовище выстругал

длинное и тяжелое из молодого, вырубленного еще до заморозков дубка с утолщением на свободном конце. Иван Петрович взвесил кнутовище, взяв его за конец, к которому привязан кнут, впервые оценивая этот мирный предмет крестьянского обихода как боевое оружие. Ничего, подходяще получится.

—Да ты что, морда, заморозить меня хочешь? — заверещал из — под тулупа Малаев. — Погоняй.

—Ладно, поехали,— согласился Анохин, вскакивая в сани. Он огляделся. Кругом была темная пустота, безлюдие. Иван Петрович тронул вожжами лошадей и, когда сани заскрипели, воскликнул с деланным испугом:

—Ой, что это у тебя?! На шапке — то!..

—Чего ты орешь? — высунул голову из — под тулупа Малаев.

—Да ты смотри, что у тебя с шапкой — то! — сам испугавшись того, что сейчас произойдет, заорал Анохин. Малаев сорвал с головы треух и уставился на него, ничего не понимая. Тогда Иван Петрович изо всех сил хватил его комлевым

концом кнутовища по безволосому, плешивому темени.

Через несколько минут, стоя на коленях в санях и нахлестывая лошадь, Иван Петрович лихорадочно соображал: «На Раскате сброшу его в Цон. Там снегу намело страсть. Не скоро разыщут. Мария — то Ивановна, поди, и не думала, правильно этому иуде нагадала».

А мимо Агнии Михайловны в этот момент проносились первые домики Сватова. Вот еле различимые в темноте промелькнули ворот и бетонная труба вместо сруба над колодцем, из которого когда — то семья Пылаева черпала воду. Вот потянулись домики, уцелевшие от пожара. Но сама Агния Михайловна ничего этого не видела. Душевно опустошенная и обессиленная физически, она, скорчившись, лежала в углу просторной кошевы, не в силах даже приподняться и сесть по — человечески. Она понимала, что это конец. Конец не только дороге, по которой они прошли вместе с Верой Волгиной, но и конец всего, что было для нее на земле. Агния Михайловна пожалела, что не умерла в бреду, в разгар болезни. По крайней мере, все прошло бы без мучений. «А сейчас? Сбежать не могу. Каких — нибудь сотни метров пройти не сумею. А этот... как его Катька называла?.. да... Гераська... этот Гераська ни перед чем не остановится, чтобы заставить меня говорить. Как же это он, бить будет или похитрее придумает? Хорошо, если бы сразу, без муки. А ну как понемногу, по жилочке вытягивать начнет, не выдержу, я ведь боли всегда боялась. Нельзя

допускать до пытки. В беспамятстве могу все разболтать».

Правивший лошадьми Виктор повернул к дому, в котором жила Выдрина. Не дожидаясь отцовского распоряжения, он привязал лошадей к приворотному столбу, кинул им сена, спустил у коренника чересседельник. Всю эту расторопность он проявил только для того, чтобы отец не заставил его тащить нищую побирушку в дом. Впрочем, у Долганова этого даже в мыслях не было. Зная, что гадалка еле ходит, он просто взял ее за воротник полушубка и приподнял.

—Ноги сама переставляй, морда!

Дома оказалась только Нюрка. Она давно заметила повернувшую к воротам упряжку, но, увидев в кошеве Долганова, не решилась выскочить наружу.

— Бабушка! — увидев беспомощную Сбоеву, всплеснула она руками... — А Валюта где? Сбежала, что ли, от вас?

Но Сбоева не отвечала.

Брошенная Долгановым около порога, Сбоева отдышалась и начала ощупью, держась за стену руками, вставать. Долганов и Нюрка молча наблюдали за нею.

—Что она совсем незрячая? — спросил Долганов.

—Совсем, как есть совсем,— затараторила Нюрка.—Смотреть смешно. Совсем ничего не видит.

—А мать где?

—К знакомым пошла. Сбегать, разыскать? — предложила Нюрка, радостно здороваясь с вошедшим Виктором.

—Пусть как вернется, ждет меня,— не отвечая, приказал Долганов,— Я под утро приеду. Со старухи глаз не спускать. Смотри, голову сниму,— прикрикнул он на сына и вышел.

— Я уже в сомнении была,—первой заговорила Нюрка.— Думала, что вы решили совсем позабыть нас.—Она жеманно поджала губы и помолчала.— Думала, более интересное место нашли для отдыха.

—Времени для отдыха не было, вот и не приезжал,— по — долгановски отрывисто ответил Виктор.— И сейчас... если бы не оперативная необходимость... — он со значительным видом оборвал фразу.

—Оперативная необходимость,— повторила Нюрка.— Так значит... А я думала чего другое...

Она повернулась спиной к Виктору и, приняв, как ей казалось, независимую позу, сделала вид, что рассматривает кружево занавески на окне. Виктор впился в нее жадными и беспомощными глазами юнца, сглатывая наполнившую рот слюну.

—Ну, чего ты, Аннет,— наконец просительным тоном заговорил он.— Работа ведь. Лошадей отец не может часто давать.

—Да, конечно,— подчеркнуто смиренно согласилась Нюрка.— Я так и думала.

—Ты смотри, что я тебе привез,— похвастался Виктор. Он вытащил из полевой сумки два небольших свертка и развернул один из них: — Смотри. Блестит, как золотая.

—А может, она на самом деле золотая? — схватив коробочку с крупной брошью, обрадовалась Нюрка.

—Золотую отец не отбросил бы. Серебряная она. Золото только сверху тонким слоем. Но все равно вещь дорогая,— ответил Виктор, разворачивая второй сверток.— А вот... понравится?

—Блузка,— восхищенно прижала подарок к груди Нюрка.— А в ней что — то завернуто.

—Завернуто? — удивился Виктор.— Ах, да. Это я привез тебе карточку показать. Победителей областных юношеских соревнований снимали. Вон я в третьем ряду второй справа.

Витька безбожно врал. Никогда, ни в каких соревнованиях победителем он не был. Зато по трусости и подлости равного Витьке Долганову не было во всей школе. Это была обычная фотография группы школьников разных классов, сделанная по окончании учебного года еще до войны.

—Кто это? — Нюрка ткнула мизинцем в фотографию.

—Сашка Гуртовой,— пренебрежительно ответил Витька.— А ты чего им заинтересовалась? — ревниво уставился он на Нюрку.

—Да не про него я,— смутилась она.— Кто это рядом с ним?

Это Верка Волгина. Сашкина дама сердца. Они чуть ли не с четвертого класса дружат. Понимаешь, как они «дру — даат», — выделил интонацией последнее слово Витька.

—А ведь я ее знаю. Я ее очень даже хорошо знаю,— торжествующе проговорила Нюрка.— Она недавно у нас была.

—Да ты что!? Верка Волгина с ума еще не сошла, чтобы сейчас, здесь появиться.

—А вот и появилась,— притопнула каблучком Нюрка.— Только ее зовут Валькой Паршиной. Она это, она. Я сразу по карточке признала.

—Зачем она к вам приходила? — уже серьезно спросил Виктор.

—Она жила у нас вместе с нею,— кивнула Нюрка на сжавшуюся у входа Сбоеву.—Она поводырем у этой самой работала.

—Не может этого быть,— все еще не верил Витька.— Верка Волгина поводырем? Да ты знаешь, чья она дочка?

Мой отец перед ее отцом по стойке «смирно» стоял, хотя Веркин отец ему никакого не начальство.

Конечно, криминалист из Витьки даже после долгого обучения вряд ли получился бы, но все же и в его тупой голове Нюркино сообщение вызвало подозрение, что тут и в самом деле многое неладно. Он подошел к лежавшей на лавке около двери Сбоевой и потряс ее за плечи.

— Слушай, бабка, — начальственно окрикнул он, — кто у тебя поводырем был? Как ее фамилия?

Сбоева, хотя и лежала неподвижно и внешне совершенно безучастно, не упустила ни одного слова из разговора. А ну как этот молокосос поверит Нюрке, тогда фашистская контразведка получит очень важный повод для активных поисков Веры. Да и самой Агнией Михайловной сразу же заинтересуется не обычная полиция, а гестапо. Даже этот долганов — ский оболтус начал что — то соображать, а опытный контрразведчик сразу поймет, в чем дело. Кроме всего этого, в подкладке фуфайки зашит кусок шелка с планом укреплений и складов. Правда, Пылаев сказал, что если шелк и попадет в руки немцев, а сама Агния Михайловна будет молчать, то немцы никогда не найдут авторов чертежа. Конечно же, она будет молчать, даже под пыткой будет молчать и терпеть, но вот хватит ли терпения до конца...

— Ты что молчишь, старая чертовка? — крикнул Витька и, вцепившись в плечо Агнии Михайловны, посадил ее на лавку. От слабости Сбоева снова стала валиться на бок, но Витька грубо подsunул ей под локоть ее же котомку. Продукты и кое — что из белья сложил в эту котомку еще утром сам Пылаев. Опираясь на нее локтем, Агния Михайловна почувствовала облегчение. Словно бы и впрямь оперлась на плечо друга. Сбоева взглянула на растерянного сердитого Витьку.

— Зачем ругаешься? Я ведь тебе в бабки гожусь, — негромко ответила она.

— Черту ты бабушка, не мне, — взорвался Витька. — Говори!

— Никакой Веры Волгиной я не знаю и не встречала, — устало ответила Агния Михайловна.

— А вот и неправду говорите, тетя Маша, — вклинилась в разговор Нюрка. — Ведь вы с нею две ночи у нас ночевали, а потом скрылись куда — то.

— Я здесь ночевала с Валюшкой, племянницей моей, — игнорируя трескотню Нюрки, сообщила Виктору Агния Михайловна. — Фамилия моей племянницы не Волгина, а Паршина. Что еще вас интересует?

— Где она сейчас? — продолжал допрашивать Виктор.

— Не знаю. Где — нибудь здесь, в деревне. Я потеряла сознание среди улицы и больше ничего не помню. Больна уже

много дней. Приедет господин Долганов, я попрошу разыскать мою Валюшку. Господин Долганов не узнал меня. Болезнь меняет человека, особенно старого. Потом кто-то переменял мою одежду. Спросите свою даму, она подтвердит вам, что я была прилично одета, а сейчас на мне какие-то обноски.

— Да, конечно, — не дождавшись вопроса Виктора, подтвердила Нюрка. — Когда они к нам пришли, одежда была другая, не новая, но хорошая и крепкая.

— Где же вы были эти дни? — уже просто, без полицейского окрика в голосе спросил Витька.

— Не помню, — слабеющим голосом ответила Сбоева.

Витька хорошо видел, что женщина еле говорит, что она очень слаба. В то же время его смутило, что задержанная совершенно не боялась ни его самого, ни, что еще более непонятно, даже его отца. А это уж было совсем необычно и сильно настораживало. Может быть, эта старуха ходит по деревням с заданием, полученным от гестапо или зондеркоманды. Поэтому отец и не узнал ее. Тут надо быть осторожным. Быть бдительным без послабления, но и не переть на рожон. Ему было невдомек, что сейчас талантливая артистка разыграла перед ними очень ответственный эпизод драмы. Разыграла последний в своей жизни эпизод последними остатками своих жизненных сил.

— Отец, конечно, во всем разберется, — громко, скрывая свое смущение, проговорил он. — Ладно, подождем.

Сбоева снова легла на лавку, чувствуя какую-то ознобную слабость во всем теле. Что же теперь делать? Дождаться приезда Долганова нельзя. Узнав, что напарницей слепой гадалки была комсомолка, дочь крупного партийного работника, он под пыткой заставит говорить. А пыток Агния Михайловна боялась больше смерти. Значит, надо умереть еще до приезда Долганова. Но просто умереть нельзя. Вначале надо уничтожить кусок шелкового полотна, зашитый в подкладку фуфайки.

Думая над тем, как уничтожить шелк, Агния Михайловна совсем перестала обращать внимание на молодую пару. Да и у тех пропал всякий интерес к беспомощной слепой старухе, лежавшей на лавке. Витька превратился в тянущегося к ласке теленка, Нюрка млела от его ищущих взглядов и горячего шепота. А время между тем перевалило за полночь, и с минуты на минуту должен был появиться Долганов.

Агния Михайловна незаметными со стороны движениями растегнула клапан котомки и, вытянув оттуда нож, спрятала его за ворот кофты. Почувствовав себя вооруженной, она довольно долго лежала, отдыхая от напряжения и пытаясь сообразить, сколько сейчас может быть времени. По всем расчетам выходило много. Долганов вот-вот должен был приехать.

Между тем молодой паре захотелось полного одиночества. Витька потянул Нюрку в горницу. Та для вида противилась. Этот — то момент Агния Михайловна нашла самым подходящим для действия. Она медленно приподнялась и начала ощупью пробираться к двери.

—Ты куда? — окрикнул ее уже от двери горницы Виктор.

—Надо,— ответила Сбоева.— На двор схожу.

—А не удерешь?

—Куда ей удирать? — рассмеялась Нюрка.— Она и днем — то кусок хлеба у самого носа не видит.

—Иди,— разрешил Витька и только для того, чтобы последнее слово осталось за ним, добавил: — А всю рвань свою здесь оставь. Надежнее будет.

—Конечно,— согласилась Сбоева,— мне шубейка только мешать будет.

Хотя в темноте безлунной ночи Агния Михайловна почти ничего не видела, она храбро спустилась с крыльца, вспоминая, что и где располагалось во дворе Выдриной. Метрах в пяти — шести прямо от крыльца стоял сараюшка. Сбоева шла, вытянув руки перед собой. Правильно, вот он. Опираясь о стенку, Агния Михайловна зашла за сараюшку и только здесь сняла с себя фуфайку. Новый шов на плече хорошо чувствовался под пальцами. Сбоева не стала его распарывать, а просто разрешила подкладку. Вот он, этот шелк. На ощупь, кровяня пальцы, Агния Михайловна начала резать его на кусочки и полоски, радуясь тому, что порывистый ветер ошалело вырывает из рук все, что она успевает отрезать, и уносит в глубину ночи. Она не понимала, что сейчас уходят остатки сил, вызванные нервным подъемом последних минут, не обращая внимания на то, что из располосованных пальцев и ладоней кровь уже не каплет, а струится. Она боялась только одного: вдруг ей не хватит этих сил и крови, чтобы закончить начатое.

Располосовав на мелкие клочки последние обрывки шелка, Агния Михайловна встала и, пошатываясь, пошла от сараюшки дальше. Она хорошо помнила, что за сараюшкой тянется длинный огород, а за этим огородом начинался новый, относящийся к дому, стоящему на противоположной улице. Никакого плетня между двумя участками не было. Огороды разделяла просто глубокая канава, заполненная снегом.

Агния Михайловна шла очень осторожно, вглядываясь в темную пустоту под ногами, и все — таки не рассмотрела канавы. Она сорвалась с ее обледенелого края и тяжело рухнула лицом вперед. Несколько минут она пролежала без чувств, но постепенно проблески сознания еще раз вернулись к ней. Она

попробовала расстегнуть телогрейку и очень удивилась, не найдя ее на себе. Но, вспомнив, что телогрейка осталась под стеной сараюшки, успокоилась. Глубоко израненные руки старой артистки сильно кровоточили, но она уже не чувствовала боли. Негнушимися, как будто деревянными пальцами она расстегнула ворот кофты и, сколько было можно, распахнула ее, открыв доступ ледящему зимнему воздуху к своему затихающему, отстукивающему последние удары сердцу. Агния Михайловна вытянула вдоль тела свои залитые кровью руки и вся выпрямилась. «Говорят, что замерзающие скоро перестают чувствовать холод,— подумала она.— Хоть бы скорее...», но сознание угасло быстрее, чем она успела подумать и понять, что холод уже победил.

Приехав перед рассветом в Сватово, Долганов вначале был только слегка рассержен исчезновением старой гадалки. И чего эта старая дура выкобенивается. Песенка ее все равно спета. Убежать далеко она не могла. В том, что гадалка полностью слепа, Герасима Кузьмича уверила Катерина. Вообще оказалось не таким страшным, как почудилось вначале. Болтала гадалка, правда, много, но ведь на то она и гадалка. Если она не запугает легковерующих баб своей болтовней, так ей и жрать будет нечего. Каких—либо речей против немцев и нового порядка гадалка не вела. Это теперь точно установлено. Всем, видимо, обещала скорые встречи с мужьями и сыновьями, даже с теми, которые в Красной Армии. Что ж, это, конечно, неумно и для профилактики следует бабу вздуть. Необходимо проверить, о чем гадалка болтала в Раменье. Герасим Кузьмич уже дал своим подручным соответствующее задание. Дня через два картина и по Раменью будет ясной. В общем, из Вечернего Герасим Кузьмич вернулся, убоготворенный ласками Екатерины и сознанием того, что дело, грозившее неприятностями, оказалось пустяком.

Но благодушное настроение начальника полиции моментально улетучилось, как только Долганов узнал, кто был поводырем слепой гадалки. Ему ли не знать семью Волгиных. Ясно, что его дочь не случайно оказалась здесь и не случайно стала поводырем у старой гадалки. От таких, как Волгина, да, видимо, и этой старухи всего можно ожидать. Когда ушла отсюда Верка Волгина? Может быть, еще удастся перехватить. Куда она делась, могла сказать только слепая, но этот ротозей упустил и ее. Герасим Кузьмич так посмотрел на сидевших против него присмиривших Витьку и Нюрку, что тем от страха стало муторно.

— Сопляк! — с презрением бросил сыну Долганов.— Только с девками путаться, а как до дела, так олух олухом. И куда к черту

провалился мой Малайка? — срывая злость, треснул кулаком по столу Герасим Кузьмич.— Сходи, подбрось лошадям сена,— приказал он сыну.

Виктор вышел к лошадям, а через десяток минут пулей влетел обратно, держа в руках рваную и заснеженную одежду.

—Вот нашел,— испуганно сообщил он отцу.— За сараюшкой валялась. Я наступил на нее.

—Что это? — не понял Долганов.— Кто валялся?

—Это фуфайка старухина. Я наступил на нее.

—На кого? На слепую?

—Нет. На фуфайку. Что же она в одной кофте куда — то ушла?

Если Витька испугался, подумав, что слепая уже несколько часов провела на морозе в одной кофтенке, то Долганов, рассмотрев принесенную сыном фуфайку, испугался совсем другого. Его даже в жар бросило, и на лбу и затылке выступили крупные капли пота. Распоротая подкладка сказала ему яснее всяких слов, что здесь было зашито что — то важное, что сейчас бесследно исчезло. Герасим Кузьмич первым делом подумал, как он, какими словами будет докладывать Гросбауеру и Кавке о том, что важные секретные сведения и их носительница уже были в его руках, а затем бездарно упущены. Одна мысль о предстоящем докладе немецкому начальству так прищепила Герасима Кузьмича, что он, забыв надеть шапку и шинель, приказал сыну:

—Веди!

—Там больше ничего нет, папа. Я со спичками смотрел.

—Веди,— повторил Долганов таким тоном, что Витька — опрометью кинулся из дома. Долганов направился следом.

За сараюшкой, на том месте, где Витька нашел фуфайку, больше разыскать ничего не удалось. Рискую привлечь внимание патрулей, Герасим Кузьмич на несколько секунд включил фонарик, и тогда стали видны темные пятна на снегу. «Кровь,— определил Долганов.— С кем же она тут резалась?» Витька при свете фонарика успел рассмотреть несколько тряпичных лоскутков, подобрал их и принес отцу. Долганов, не глядя, сунул тряпочки в карман. Изредка подсвечивая фонариком, чтоб не потерять из виду кровавых капель, тянувшихся по снегу, он пошел в дальний конец огорода и здесь, в канаве, нашел «гадалку».

— Посмотри, что с ней,— приказал он Витьке, почему — то вытаскивая из кобуры пистолет.

Тот спустился в канаву, пощупал лоб женщины и сказал:

—Совсем холодная.

Долганов повернулся и молча пошел к дому. Следом за отцом поплелся Виктор. Предутренняя темнота редела, уступая

место дню. Долганов шел и думал о том, что сделают с ним Гросбауер и Кавка за промах прошедшей ночи.

В доме их встретила сама хозяйка. Для Клавдии Выдриной приезд Долганова был событием неожиданным и не очень приятным. Герасим Кузьмич не любил появляться в домах людей, привлеченных им к негласной работе на полицию. После такого появления начальника полиции в жизни подчиненного обычно наступал крутой поворот, причем но всегда в лучшую сторону. А тут еще Нюрка рассказала, что произошло в доме за ее отсутствие.

Герасим Кузьмич, даже не поздоровавшись, прямо с порога спросил:

—Малаев не приехал?

—Не было, милостивец,— поклонившись, ответила Выдрина — старшая.

—А ты где целую ночь провозжалась?

—По делам, милостивец, все по делам.

Долганов сел к столу, пододвинул поближе лампу и начал рассматривать клочки, переданные, ему Виктором. Это были неровно обрезанные мелкие клочки парашютного шелка. На двух из них было просто прочерчено несколько линий, на третьем под зачерченным пятном виднелось несколько букв.

«—ртск...»,— с трудом разобрал Долганов. «Что же это за слово. Не по—русски, должно быть, написано». Герасиму Кузьмичу такое объяснение понравилось. Может быть, тут вообще не нас касается, не наш промах, а промах зондеркоманды или гестапо». Но почему русские буквы? И вдруг Долганова обожгла страшная мысль. Он понял, что это за слово. Это обрывок слова «артсклад». У Герасима Кузьмича появилось желание сделать вид, что на этом клочке шелка ничего интересного нет. Смять его, выбросить, забыть, только б не докладывать о нем Гросбауеру.

Но Долганов видел, каким любопытством горят глаза Выдриной, и догадался, что она тоже разобрала эти буквы и даже, может быть, раньше его самого поняла их значение. «Нельзя замалчивать,— со вздохом подумал начальник полиции.— Она настучит Гросбауеру. Тогда мне хана».

—Витька! —рявкнул он раздраженно.

—Я здесь, папа,— привычно ответил Витька.

—Бери свою Василису Прекрасную и марш на двор, в огород здешний и соседский, который под ветром. Собрать мне все такие клочки. Все, до единого. Понял.

— Как же так получилось? — начал Долганов, когда за Витькой и Нюркой закрылась дверь.— Под самым твоим носом проскользнула очень вредная тварь и ты даже ухом не повела. Что ж, выходит, ты с нею заодно действовала?

Начав этот разговор, Долганов внимательно следил за своей

подчиненной. Легче, много легче было бы докладывать Гросбауеру и Кавке, если бы можно было обвинить Выдрину в соучастии или хотя бы в ротозействе. Но не на ту цапал начальник полиции. Выдрина была готова к отпору.

— Вела ухом, еще как вела ухом, милостивец, — будто бы испуганно заговорила она. — Да что я могла сделать, если эта тварь имела документ, подписанный вами, господин начальник, и господином Купиным. И привез ее ко мне вага личный кучер Дементий Лукич Малаев. Что я, бедная и сирая, могла сделать тут? Я, было, начала свой поход, да та тварь на меня так окрысилась, так окрысилась... И вами стращала и господином Купиным.

— Разве Малаев тебе ничего не сказал, не предупредил? — сделал вид, что сильно удивлен таким оборотом дела, Долганов. — Ну, я покажу этому прохвосту. Он у меня попляшет.

— Ничего Дементий Лукич мне не сказал, — обиженно поджала губы Выдрина. — Да и не мог он ничего сказать. Очень уж к вам господин начальник торопился. Только и сказал, что ваша Катерина наказала, чтобы я эту гадину, тварюгу — то эту самую, приняла по — хорошему, как положено.

— И больше ничего не сказал? — продолжал разыгрывать удивление Долганов, сердито глядя на Выдрину из — под наслупленных бровей. — Забыл, значит, старый черт. Приеду, всыплю...

Но Выдрина на этот раз не испугалась своего грозного начальника. Люди, подобные ей, очень чутко чувствуют, когда кнут в руках их хозяина взвизывает решительно и жестоко, а когда взмахивает растерянно и безвольно, и сегодня что — то в голосе и поведении Долганова показалось ей необычным, вызывающим сомнение, настораживающим. «Крутит что — то Гераська, — подумала она. — Видать, сильно прошляпил, а сейчас виновных ищет, чтобы чужую спину под карающий кнут подставить. На Дементий отыграться хочет».

— Очень вас прошу, господин начальник, — ласково и даже напевно начала она, почтительно кланяясь. — Не ложите лишней вины на Дементия Лукича. Христом — богом клянусь, ни в чем он не повинен. Дементий — то мужик правильный, богу и начальству очень приверженный. Бесхитростный он перед вами, господин начальник. Он ведь и сейчас старался, как лучше сделать, чтобы вам угодить и Катерины вашей желание исполнить.

«Ишь ты, гадюка, как ловко юлить умеешь. И Катерину мою к этому же делу примазываешь. Ловка, змея подколодная, — думал

Долганов, глядя на прямо — таки расплывшуюся в угодливой улыбке Выдрину. — Ты смотри на нее, языком мед размазывает, а глазами сожрать готова. Укоротить тебя надо, пока ты дальше куда — нибудь не проскользнула да большего вреда не наделала. Малайку завтра же рядовым полицаем в волость, на границу с партизанским краем, — принимал в мыслях решение Долганов. — А тебя, старая святоша, сегодня же наподдам отсюда».

— Ладно, с Дементием разберусь по совести. Разговор сейчас пойдет о тебе.

— Обо мне? — удивилась и вновь насторожилась Выдрина. — А я разве допустила какую промашку? Окромя этой гадюки, но тут я ни синь пороха, ни в чем не виновна.

— Замнем, — отмахнулся Долганов. — Ответственное задание предстоит. Надо тебе срочно перебираться отсюда.

— Это как прикажете, — с явным, однако, неудовольствием в голосе сказала Выдрина. — Куда только?

— А перебираться тебе, Клавдия Семеновна, придется куда — нибудь под Ярцево. В самом Ярцеве тебе делать нечего, а где — нибудь поблизости.

— Может, в Сергееве? — подсказала Выдрина.

— В Сергеево, — задумчиво протянул Долганов. — Нет, Сергееве слишком в поле лежит. Где — нибудь так надо встать, чтобы одним ухом Ярцево, другим Сергеево слышать.

— А какая в этом надобность? — все еще не убежденная, что переезд необходим, спросила Выдрина.

Весна идет, — объяснил Долганов. — Весною и летом все партизанские тропы той стороной пойдут. Имеем такие сведения. Так вот присмотришь там к людям и... Ну, сама поймешь, что там надо делать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СЕСТРЫ

Въехав в перелески, Федор Кузьмич облегченно вздохнул и даже повеселел. Теперь, если немцы или полицаи и кинутся в погоню, то у них ничего не получится. Вернутся, не солоно хлебавши. Тут все преимущества на стороне партизан: ведь здесь проходит граница грозного партизанского края.

Федор Кузьмич не любил операций, вроде сегодняшней, когда приходится действовать чуть ли не очертя голову, а главное, при свете дня. Нет, Федор Кузьмич не любил такой спешки. То ли дело ночью. Ночью немец, как курица на насесте, приходи и бери его хоть голеньким, только с умом.

Получив утром от командира отряда Губина задание на

непредвиденную операцию, Федор Кузьмич даже крикнул от недовольствия, но высказывать своего отношения к этому делу не стал. Просто он по некоторым признакам догадался, что в скорейшем проведении этой операции заинтересовано не только командование отряда, но и капитан Суров, а к Петру Александровичу командир партизанского взвода питал особое расположение.

—Хорошей закалки человек,— удовлетворенно сказал он о Сурове сержанту Сидорову.

—Званцевская закалка,— подтвердил Сидоров.

—А кто этот Званцевский? — заинтересовался Федор Кузьмич.

—Не Званцевский, а Званцев. Майор наш. Суров — то под его началом ходит.

—Постой, постой,— припомнил Федор Кузьмич.— Званцев — это который Георгий.

—Всяко бывает,— уклонился от прямого ответа Сидоров.— Бывает и Георгием.

—То-то я иной раз слышу: «Георгий приказал!», «Георгий просит».

За последние недели Федору Кузьмичу пришлось многое услышать и многое увидеть из того, что раньше никогда бы не привлекло его внимания. По приказу командования отряда его взвод закрепили за чекистской группой как резервную военную силу, и стал он с тех пор называться спецвзводом, что очень льстило Федору Кузьмичу.

И сегодня, получив задание, он не стал выяснять, нельзя ли выполнение его перенести на более позднее время. Сейчас Федор Кузьмич был очень доволен, что нелегкое поручение удалось выполнить быстро, бесшумно и без крови.

Лошади дружно и резво бежали по хорошо накатанной дороге. Под полозьями повизгивало, особенно когда на раскатах сани заносило то в ту, то в другую сторону. Хотя днем грело совсем по-весеннему, к вечеру морозец начал проявлять характер, и Федор Кузьмич пожалел, что перед выездом 1 не поддел под полушубок ватную телогрейку. Все бы сейчас не так пробирало.

Уже сильно стемнело, и головная упряжка, на которой ехало трое партизан, едва различалась метрах в полутора — стах впереди. Сзади доносился топот тройки, везущей группу прикрытия и станковый пулемет. Своего ездового Федор Кузьмич отправил для усиления группы на задние сани и сейчас правил упряжкой сам.

«Ох, и влетит от командира за девчонок,— размышлял он, подхлестывая лошадей.— Хотел взять, как приказывали, одну

Матрену, так ведь не вышло. Меньшая такой визг подряда, что вся наша тайность чуть не полетела к чертям собачьим».

В передке саней у Федора Кузьмича, укрытые его собственным большим тулупом, без которого он сейчас отчаянно мерз, лежали Матрена Лошакова и две ее дочери, погодки лет двенадцати — тринадцати.

Матрена сидела молчаливая, безучастная ко всему, даже ни разу не пошевелилась. Зато лежавшие по бокам ее девчонки то и дело откидывали края тулупа и сверкали любопытствующими глазенками на дорогу, на перелески, на правившего лошаадьми в задке саней Федора Кузьмича.

Федор Кузьмич точно не знал, хотя и догадывался, почему заинтересовала Матрена Лошакова капитана Сурова. Но он не понимал, зачем понадобилось Сурову посылать на это дело партизан, когда у него вся чекистская группа в этот момент была свободна. В конце концов Федор Кузьмич определил: «Значит, стратегия того требует».

Муж Матрены Семен Лошаков недавно уехал из родного села в город и поступил на работу в немецкую комендатуру. Жену и дочек он в город пока что не взял. Вот за ней — то, за Матреной, и приезжал в село Сергеево, лежавшее на Бронском тракте, партизанский полувзвод сегодня в ранние сумерки. Дом Лошаковых в Сергееве стоял даже очень удобно с краю села около больших лесопосадок. Это обстоятельство способствовало, между прочим, тому, что дерзкая операция партизан прошла без особого шума

Окончательно промерзший командир взвода соскочил с саней и побежал рядом с ними. «Припозднились, — подумал он. — Ох и всыплет мне командир».

Но в отряде и не ждали возвращения посланной на операцию труппы раньше полуночи. Время подходило к двенадцати, когда Губин, закончив все дела, пришел к себе в землянку. Ординарцем у него был дед Кухарев. Главной своей обязанностью он считал содержать командира в тепле и сытости, явно пренебрегая чистотой. И тот терпел такой недостаток в своем ординарце. Во — первых, старик плохо видел и просто не замечал запущенности командирского жилья, а во — вторых, именно ему, Кухареву, Губин был обязан своим спасением. Именно около двора деда Кухарева свалился тяжело раненный комбат Зиновий Губин, когда вырывался из вражеского окружения с остатками своего батальона. Полуслепой одинокий старик втащил во двор потерявшего сознание комбата, кое — как перевязал его, а затем зарыл в сено у стены хлева, за собачьей будкой, около которой исходил остервенелым лаем перепуганный и обозленный стрельбой матерый пес Полкан. А на следующую ночь дед, пока немцы не добрались до раненого, сволок комбата в лес, оставил пса караулить его, а сам побежал к местному леснику за лошаадью. Вот у этого лесника и

отлежался Зиновий Губин. Лечил его партизанский доктор, бывший районный ветврач. Это дало впоследствии повод Губину шутливо называть свое здоровье «лошадиным», поскольку его лечил все — таки «скотский доктор». Подлечившись, Губин ушел в партизаны и вот уже полгода командовал отрядом имени Кирова. К прибытию в отряд вначале оперативно — чекистской группы, а затем капитана Сурова бывший комбат отнесся настороженно, не понимая, для чего это нужно. Ведь в отряде был уже свой чекист — оперативник. Кроме того, группа, базируясь на его отряд, в командном отношении ему не подчинялась. Откуда — то из — за линии фронта какой — то Георгий координировал работу Сурова, а где — то еще выше Георгия находился какой — то Кирсанов, и, наконец, иногда группе высказывал свои просьбы и пожелания сам товарищ Матвей. А Губину было хорошо известно, что товарищ Матвей — это член Военного : Совета фронта и первый секретарь обкома партии.

Но уже через короткий промежуток времени от сомнений Губина не осталось и следа. Большая часть чекистов была распределена по соседним отрядам и начала обучать партизан — добровольцев сложному и опасному искусству диверсии. Успешных взрывов стало намного больше, а главное, мины работали безотказно. Одно это, по мнению Губина, полностью оправдало посылку разведывательно — диверсионной чекист — ской группы в партизанский край.

Отношения между двумя командирами, Губиным и Суровым, давно перешли в дружеские. По определению Губина, он и Суров «хорошо притерлись» один к другому. Особой удачей в работе капитана Губин считал выведение из строя Карчинского тракта и ликвидацию ложнопартизанского отряда Атаманчука. Узнав, что оба эти дела «провернули» два молодых разведчика, Губин удивленно покачал головой и спросил:

— Чем наградили?

— Пока ничем.

— Парней стоит наградить. На Боевое Красное каждый тянет.

— Тянет, — согласился Суров.

— Вот что, . Петр Александрович, — подумав, предложил Губин. — Я ведь знаю, что ваше начальство на награды скупое, а парни каждый день жизнью рискуют. Давай я по своей линии на них награды оформлю. Как партизанам.

— Ловко придумал, — усмехнулся Суров. — А кого же ты награждать будешь? Как их фамилия?

— А ты мне подскажи.

— Не имею права. Эти два паренька и сами своих имен не помнят, когда в тылу находятся.

—Да, положение,— озадаченно протянул Губин.

—О наградах ты брось заботиться,— сказал Суров.— Начальство позднее вспомнит и наградит... по совокупности. А если не вспомнит... Не за награды же в конце концов чекисты на задания идут.

—Все это, конечно, так,— без особого одобрения заметил Губин.— Но если приедет сюда товарищ Матвей, я нарочно к нему на глаза попадусь и выскажу свое мнение об этом.

—Валяй,— весело согласился Суров.— Товарищ Матвей скоро не ожидается, а Георгий на днях, вероятно, будет.

—Ну — у! — обрадовался Губин.— Посмотрим мы на этого таинственного Георгия.

—Что — то Федор Кузьмич запаздывает,— начал беспокоиться Суров.

—Думаю, что минут через сорок приедут. Не близкий конец.

—Главное, не тянуть. Сегодня сразу же все решить,— сказал Суров.

—Да, как условились. Кстати, где комиссар?

—В шестой роте. Там партсобрание. Сейчас должен подойти.

Снаружи послышался шум и, как показалось Сурову, детские голоса. Капитан с удивлением взглянул на Губина. Тот поднялся и сделал шаг к выходу. Но в этот момент открылась дверь, и в 'Землянку вошли вначале две девочки, одетые в одинаковые дубленые шубки, за ними женщина в шубе и толстой ковровой шали и лишь последним появился Федор Кузьмич.

—Куда ж ты их всех — то? — растерянно спросил Губин Федора Кузьмича.— Целый детский сад.

—Это не он,— заступилась за командира спецвзвода старшая девочка.— Это мы его заставили.

—И совсем не из детского сада,— поддержала сестру меньшая.— Мы уже пионерки.

—Н — да, положение,— усмехнулся командир отряда. Ты отведи их пока, Федор Кузьмич.— Губин на мгновение запнулся: «Куда ж, в самом деле, вести этот «детский сад»? —

—Отведи их,— наконец нашел он выход,— в санитарную землянку. Раненых сейчас нет, так пусть фельдшер пока пионерской работой занимается.

—А мама? — в один голос спросили девочки.

—А тут уж военная тайна,— развел руками Губин.

Губина удивила та безучастность, с какой отнеслась Матрена Лошакова к тому, что ее дочерей отделили от нее и увели куда — то. Пока командир отряда разговаривал с девочками, Матрена

—Кем он там работает?

—Чего не знаю, того не знаю. Не говорил он мне. Работает, и все.

Губин и Суров переглянулись. Обоим было ясно, что сейчас Лошакова сказала неправду. Но Матрена, продолжая смотреть в угол, не добавила больше ни слова.

—А как ваш муж пошел на службу к немцам — с охотой или согласился из боязни? — осторожно, подбирая слова, спросил Фомин.

—Попробуй, не согласишься. Жить — то ведь каждому хочется.

Не пошел бы, повели. Ну, и платят там хорошо. Опять же паек... сахар, скажем, сейчас на базаре — то почему? Не купишь, Дожили.

—Это вы свои слова говорите или муж так говорил? — уточнил Фомин.

Ответа пришлось ждать недолго.

—Муж,— наконец обронила Матрена.— А что, разве не правда?

—А раньше вам не приходилось слышать от мужа какие — либо антисоветские высказывания? — гнул свою линию комиссар.

—Чего это? — оторвав взгляд от пустого угла землянки, уставилась на Фомина Матрена.— Мой Семен с советской властью никогда не ссорился. На заем, на газеты всегда один из первых подписывался. На собрании всегда выступал правильно, не против начальства. И по работе в колхозе его, как бухгалтера, завсегда ценили. Три раза премию давали.

—Так это он, может, просто свою выгоду соблюдал,— в тон Матрене продолжил комиссар.— За хорошую работу и платят лучше и премии дают, не скупясь.

—А я про чего говорю. Жить — то каждый хочет. У нас ведь как? Сколь потопаешь, столь и полопаешь. Сами, видать, из мужиков, понимать должны.

Губин и комиссар вопросительно посмотрели на Сурова. Тот утвердительно кивнул головой. Матрена, снова уставившая глаза в угол, не заметила этих взглядов. Губин вытащил из полевой сумки пакет.

—Вот какое дело, Матрена Лукинична,— понизив голос, заговорил командир отряда.— Ваш муж сейчас работает в комендатуре у фашистов. Видимо, пользуется их доверием. Иначе его туда на работу не — взяли бы. Он много видит и много слышит такого, что необходимо знать и нам. Пока оставим в стороне вопрос, почему ваш муж согласился работать на фашистов. Но, если он все же не самая

последняя сволочь, он обязан помогать нам. Он должен использовать свое положение в интересах общего дела. В интересах победы над врагом. Как вы думаете, согласится он помогать нам?

—Кто его знает,— ответила Лошакова.— Может, и согласится. Робкий только он у меня очень. Всего боится. Без всякой инициативы.

—Робкий, безынициативный,— зло усмехнулся комиссар,— а к немцам перебежать и робость пропала, и инициатива нашлась.

—Так говорю же я вам, не сам он. Немцы его позвали. Им хорошие работники тоже нужны.

— В общем, обо всем, что нам нужно от вашего мужа, написано в этом письме,— продолжал командир, сделав вид, что он не обратил внимания на короткую перепалку комиссара с Матреной.— Надо, чтобы вы завтра же передали мужу это письмо. Согласны?

— Почему не согласна, передам,— ответила Лошакова. Она была явно обрадована, словно перед этим ожидала какого-то более трудного дела, чем простая передача письма.— Только завтра никак не смогу. Надо оказию ждать, когда из села кто-нибудь в город поедет. Сам-то собирался домой только в субботу, значит, через четыре дня.

—Передать надо завтра утром,— резко оборвал Матрену командир отряда.— Сейчас вас отвезут в Алешкино. Оттуда до райцентра всего шесть километров. Пропуск немецкий у вас уже есть, мы про это знаем. Согласны пойти немедленно?

—Раз так посылаете, как же мне быть несогласной,— ответила Матрена.

—Ответ ждем завтра ночью,— продолжал Губин.— Из города с ответом доберетесь до Алешкино и в девять часов вечера пойдете одна по дороге в лесничество. Там вас встретят и привезут в отряд. Ясно?

—Куда яснее. Все поняла.

—Немцам об этом ни слова. Если приведете их за собой в Алешкино, никто живым обратно не уйдет. В том числе и вы. Ясно?

—Куда денешься? И так клин, и так,— с ноткой отчаяния и в то же время раздраженно ответила Матрена.

—Ну, с немцами у вас, может быть, и обойдется,— недобро усмехнулся комиссар,— А вот если нас задумаете обмануть, то мы поступим с вами, как с предателями. Запомните это.

—Какие же мы предатели? — зло поблескивая сразу потемневшими глазами, отрывисто заговорила Матрена

Лошакова,— Мы никого не предаем. Пусть только нам жить не мешают.

—Ну, нет,— снова оборвал Матрену командир отряда.— Мы не дадим вам в такое время вольготную жизнь себе строить. Отказ вашего мужа выполнить задание командования отряда будем считать предательством. За немцев не спрячетесь, достанем.

—Конечно, достанете,— сразу погасла Матрена.— Только за что? Ведь мы никого выдавать не будем, мы просто жить хотим. Жизнь—то ведь одна у каждого, хоть он большой начальник, хоть простой мужик.

—Тем более,— негромко ответил Матрене комиссар.

—О том и говорю,— согласилась Матрена.

—Значит, договорились,— окончил разговор командир отряда.— Сейчас вас отвезут в Алешкино, а там вы будете действовать, как условились.

Матрена встала, застегнула шубу и начала закутываться в шаль.

—Похоже, пустой номер,— высказал свое мнение Фомин, когда Матрена в сопровождении двух партизан вышла из землянки.

—Ты думаешь, что она не передаст письмо? — спросил Губин.

—Письмо—то она передаст,— успокоил командира Фомин.— А вот толку, пожалуй, от этой семейки не добьемся.

—От жены мы их и не ждем, а у мужа своя голова. Как ты думаешь, капитан?

—Семен Лошаков под каблуком у своей Матрены и сделает так, как захочет она,— отозвался Суров.

Собственно говоря, сначала Суров заинтересовался Семеном Лошаковым совсем по другому поводу. Его дом в Сергееве был на самом краю села, а само село лежало на большой и очень важной для немцев дороге. Сейчас значение этой дороги особенно сильно выросло. По ней почти непрерывным потоком двигались воинские части, орудия, автомашины. В последнее время все чаще стали передвигаться и танки. Командование Красной Армии потребовало от чекистской группы и всего отряда имени Кирова неусыпного наблюдения за дорогой и точной информации о движении по ней. К наблюдению решили привлечь Семена Лошакова. Но в этот момент он неожиданно уехал в город и поступил работать в комендатуру. Тогда Суров решил использовать Семена по его новой работе, а наблюдение поручить Матрене. Правда, сейчас с Матреной разговора об этом не вели. Сейчас все зависело от того, что ответит Семен на

отправленное ему письмо.

На рассвете партизан, отвозивший Матрену, доложил, что она благополучно была доставлена в Алешкино.

—У кого она там остановилась? — спросил Губин.

—Ни у кого,— ответил партизан.— Попросила, чтобы я подвез ее поближе к тракту, и с ходу направилась в город.

—Что ж, посмотрим, как пойдет дальше,— задумчиво проговорил командир отряда.— Зайди к капитану Сурову, доложи ему и отдыхай. Ночью встречать ее поедете.

Занятые неотложными делами, ни командир отряда, ни комиссар, ни даже капитан Суров не вспоминали о Лошаковых. Лишь под вечер, сойдясь вместе пообедать, Губин сказал комиссару:

—Ты дочек — то лошаковских сегодня видел?

—А как же,— рассмеялся Фомин.— Занятные девчушки.— Нашего фельдшера до белого каления довели. Чуть не плачет бедняга. Просит освободить его от этой обузы.

—Да ну — у! — удивился Губин.— Что они? Дерутся с ним, что ли?

— Зачем им драться. Они без всякой драки его взмылили.

—Каким образом?

—Интересуются, почему он, молодой и здоровый, с бинтами и порошками возится. Почему автомата не имеет? Почему в разведку не ходит? Скольких фашистов убил, спрашивают.

—Ловко,— рассмеялся командир отряда.— Зацепили парня за самое больное место. Он, бедняга, и так воет, что я его от боевой работы отстранил.

—Младшая, ее Олей зовут, заявила ему, что докторами должны быть женщины или старики, как у них в Сергееве, а молодые мужчины должны воевать.

—Вот клоп. Уела — таки,— смеялся командир.— А старшая?

—Старшая, Юлька, еще хуже придумала,— весело рассказывал комиссар.— Она сказала нашему медику, что после войны ему будет стыдно на глаза девушкам попадаться. Ни ордена, ни медали, всю войну бинты караулил.

—Вот чертенята,— хохотал Губин.— Ну, ничего. Не долго медику с ними мучиться. Вот вернется Матрена...

Но Матрена не вернулась. Как раз в этот момент в землянку вошел Суров. Не снимая полушубка, он присел на край топчана и спросил Губина:

—Лошадей в Алешкино уже послали?

—Через час выедут,— ответил Губин.— Как раз ко времени будет.

—Не надо посылать,— предупредил Суров.

—Что так?

—Сегодня утром Семен Лошаков с Матреной приехал в Сергеево, забрал из дома все имущество и увез в город. Думает отсидеться за спиной немцев. Решил, что мы его там не достанем.

—Достанем и там,— хмуро пообещал командир отряда, затем недоуменно воззрился на Сурова и Фомина.— А с дочками ихними как?

—Ну, тут этот подлец действует без промаха,— спокойно проговорил Суров.— Знает, что детей мы на произвол судьбы не бросим. Им пока ничего говорить не надо. Я считаю, Зиновий, что Федора Кузьмича с девчонками надо послать в Сергеево. Пусть сегодня ночью хорошо осмотрят дом Лошаковых. Думаю, что там кое-что найдется и для нас.

Через полчаса Федор Кузьмич со своими «хлопцами» уже держал путь в Сергеево. Обрато он вернулся утром. Войдя в землянку к Сурову, доложил:

—Все как есть обшарили. Во дворе пусто, скотину Лошаков с собой увез. В доме только лавки да старый стол. А на столе вот эта бумажка кнопками пришпилена.— И Федор Кузьмич протянул Сурову письмо Семена Лошакова.

На замызганном клочке серой оберточной бумаги аккуратным бухгалтерским почерком было написано:

«Я с вами никаких дел иметь не желаю и прошу оставить меня в покое. Я не предатель и вас не выдам, но и вы меня не троньте». Ниже тщательно выведенная подпись с росчерком и завитушками для красоты «С. Лошаков». Ниже подписи две коротких строки «Детей можете доставить в город. До комендатуры они дорогу расспросят». И снова «С. Лошаков».

Капитан дважды перечитал послание Лошакова, оделся и отправился к командиру отряда.

—Два ноль не в нашу пользу,— подвел итоги операции Губин,— Ладно. С ними мы позднее разберемся. А вот куда детишек девать?

—Придется переправлять на Большую землю,— высказал свое предложение Суров.— Самолет по нашей линии будет дня через три.

—Не в город же их отсылать. К подлецам родителям, на милость фашистам,— поддержал капитана Фомин.

—А кто их уговаривать будет? — осторожно осведомился Губин.— Судя по тому, что мне рассказал комиссар, характер у девчушек еще тот.

—Да,— сразу же осекся Фомин и потер рукой подбородок.— Положение трудное. Не уговорить их. Не поедут они в тыл. Но и к родителям их отправлять нельзя, загубят

жизнь девчонок.

— Да что вы, в самом деле, как маленькие, — начал сердиться капитан Суров. — Того не сделают, этого не захотят. Чего же они хотят?

— В партизаны они хотят, — рассмеялся комиссар.

— Детей нам еще в отряд не хватало, — теперь рассердился Губин. — Тем более девчонок.

— Вот, вот, — окончательно развеселился Фомин. — Младшая Оленька мне так и заявила сегодня: «Жалею, что я девчонка. Мальчишка запросто может стать сыном полка, а дочерей полка из девочек почему — то не делают».

Командир полка с подозрением взглянул на своего комиссара. Куда он гнет? Крутит что — то. Сам Губин был еще не женат, а у комиссара жена и двое детей, тоже две девочки, эвакуированы в Среднюю Азию. Командир знал, что Фомин очень скучает по ним.

— Ты что это... — настороженно начал Губин.

— Знаете что, — предложил капитан Суров. — Давайте покажем эту записку девочкам.

— Опасно, — встревоженно сказал Фомин. — Травмируем детишек.

— Имеем ли мы право? — усомнился и командир. — Дети не виноваты, что у них родители подлецы.

— Имеем, — убежденно ответил Суров. — И мы имеем право показать записку, и девочки имеют право знать правду о родителях.

— А знаешь, Зиновий, капитан, пожалуй, прав, — поддержал Сурова Фомин. — В конце концов эти девочки вполне сознательная публика. Юля седьмой, а Оля шестой закончила. Кабы не война, Юля была бы уже комсомолкой.

— Ладно, — согласился командир. — Уговорили. Будь по — вашему. Скажи там, Фомин, чтобы их позвали.

Через несколько минут девочки, оживленные и радостные, вбежали в землянку. Они явно ожидали, что сейчас встретятся с матерью. Но, увидев только мужчин, резко остановились, посерьезнели и притихли, предчувствуя недоброе.

— Ну, как вам живется? — не очень уверенно начал подготовительный разговор Губин. — Не надоело еще у нас?

— Нет, — в один голос ответили девочки.

— Разве мама еще не пришла? — спросила Оля и, помолчав, добавила: — Ведь говорили, что она еще той ночью придет.

— Видите ли, девчата, — заговорил Фомин. — Ваши родители поступили не так, как мы рассчитывали, как поступили бы настоящие советские люди. Вы знаете, что

ваш отец согласился работать на немцев?

— Не — ет, — неуверенно ответили обе сестры сразу.

— Папа не говорил, что пойдет работать к немцам. Он работу в городе нашел, за которую хорошо платят и паек хороший дают, — проговорила Юля дрожащим голосом.

— Значит, стыдился все — таки, — вполголоса проговорил Фомин. — Не хотел, чтобы дети знали о его предательстве.

— Нет, не предатель он. Наш папа хороший! — звенящим от слез голосом выкрикнула Оля. Юля, не говоря ни слова, опустила голову.

— К несчастью, это правда, — тихо и ласково проговорил Суров. — Сегодня мы получили от вашего отца письмо. Нехорошее письмо. Но мы все же решили показать его вам.

Сестренки, прижавшись друг к другу плечами, прочли записку. В глазах у них стояли слезы, губы обиженно вздрагивали.

— Ну, так что же мы будем делать с вами, девочки? — прервал молчание командир отряда.

— Мы домой поедем, — ответила Юля.

— Тогда, может, мы вас к отцу с матерью отправим? — пустил пробный шар командир отряда, — Что вам одним в пустой избе жить?

— В город ни за что не поедем, там фашисты, — твердо сказала Оля.

— Как же вы будете одни? — настаивал командир.

— Мы не одни, — задумчиво сказала Юля. — У нас полсела подружек.

— Там Тамарка, Женька, Клавка, — начала перечислять Оля.

— Чем вы кормиться будете? Отец все подчистую увез. Даже спать будет не на чем.

— У тети Маши картошки попросим, — рассудительно заговорила Юля. — Тетя Катя пшена даст.

— Спать на печке будем. Она у нас большая. Когда Тамарка или Женька Сизова у нас ночуют, мы всегда на печи спим, и совсем не тесно, — подхватила Оля.

— А если мы вас на самолет и в тыл, — бодрим тоном предложил Фомин. — Туда, где войны нет. Учиться будете.

— В детдом? — настороженно спросила Оля и решительно отрезала: — Ни в жизнь. У нас тут свое дело есть, и мы его не бросим.

«Это уже что — то новое», — отметил про себя Суров.

— Вот что, девчата, — вмешался он в разговор. — Давайте

говорить в открытую. Поскольку сейчас война и вы разговариваете с командованием партизанского отряда, то и разговор у нас военный. Выкладывайте все, что у вас есть.

Сестры переглянулись с сомнением во взглядах.

—Товарищи командиры,— взволнованно начала Юля.—Мы давно уже считаем, сколько и чего возят фашисты по нашему большаку. У нас все записано, сколько машин, сколько пушек, сколько танков. Танки в разные строчки записываем. Те, которые дальше уходят,— в одну, а которые в МТС прячутся — в другую.

—Как прячутся? — встревоженно перебил пионерку Суров.— И много их там?

—Много. Когда вы нас сюда увезли, было сорок два.

—Это точно? — встревожился и Губин.— Вы не спутали?

—Мы сначала и сами ничего не знали и считали все танки подряд. Ну, то есть, которые через наше село проходили. А потом мы с Олей пошли к тете Кате в гости. А она на выселках живет. С выселков большак тоже виден. В деревне тогда Тамарка дежурила, но и мы с Олей в Выселках тоже считали. У Тамарки получилось двенадцать, а у нас только три. А ведь большак—то один. Когда мы обратно с Выселков шли, то увидели на снегу к усадьбе МТС след танковый идет.

—С большака двор МТС хорошо просматривается? — спросил Суров.

—Что вы! — удивилась Юля.— Там же лесопосадка, да еще стена. Совсем ничего не видно.

—Значит, там может быть и больше, чем сорок два танка? — предположил Губин.

—Наверное. Ведь мы не с самого начала поняли, что танки в МТС прячутся.

—Занятно,— протянул командир, посмотрев на капитана Сурова.— Интересную вещь вы нам рассказали.

Все трое —Губин, Фомин и даже Суров знали, что на усадьбе МТС остались большие каменные коробки зданий от сожженных мастерских. В них можно замаскировать даже целую сотню танков. А иметь в зоне действия отряда, в не— посредственной близости к фронту, затаившийся в засаде вражеский танковый полк — штука смертельно опасная. Видимо, что—то о замыслах фашистов на этом участке было известно командованию Красной Армии. Не случайно сам командующий фронтом потребовал от партизанского отряда и чекистской группы постоянного контроля за этим большаком.

«Молодцы, девчушки,— глядя на раскрасневшиеся лица Юли и Оли, подумал Суров.— Наблюдательные».

—Никуда мы из дома не поедем,— закончила Юля.— Мы

хотим помогать Красной Армии, узнавать для нее, что нужно. Мы все ждали, может, разведчики красноармейские придут, а они все не доходили до нас.

—Да, все не приходили,— печально подтвердила Оля.

—Значит, у вас в Сергееве целый отряд девчонок ведет наблюдения за фашистами? — спросил Фомин.

—У нас и мальчишки есть,— явно обиженная принижением второй половины человечества, заявила Оля.

—Девять девочек и четыре мальчика, все пионеры,— уточнила Юля.

—А если отец заставит вас переехать в город?

—Не заставит,— уверенно ответила Юля.

—Через несколько дней, уже по последней зимней дороге, сестренки, высаженные с партизанских упряжек в укромном месте недалеко от села, пешком вернулись в родной дом. Правда, перед этим в одну из ненастных ночей в их доме побывали Сидоров и Федор Кузьмич «с хлопцами» и заложили несколько тайников с продуктами. Впрочем, картошки у тети Маши и пшена у тети Кати девочки все же попросили. Вслед за этим в домике тати Кати на Выселках поселилась молодая девушка Валя. Просьбу командования фронта партизанский отряд и чекистская группа выполнили. Контроль важной военной дорогой в глубоком немецком тылу был установлен.

А через некоторое время над селом прошли три волны советских бомбардировщиков. После их визита от полусторевших коробок бывшей МТС и всего, что там было, осталась только гряда дымящихся развалин.

ПАРТИЯ БЕЗ ЦЕЙТНОТА

В один из теплых весенних дней в лесу неподалеку от заброшенного монастыря встретились два разведчика, «Черный» и «Мальчик», со своим руководителем капитаном Суровым. Капитан на этот раз был хмур, в течение всего разговора ни разу не улыбнулся и не пошутил.

Встретились они около «почтового ящика». Леонид предложил было пойти в монастырь, благо там сейчас совсем безопасно и немцев туда теперь и калачом не заманишь, но капитан отказался.

—Далеко. Не стоит,— ответил он на предложение Леонида.— Отойдем в сторонку. Тут местечко нам уже приготовлено.

Обойдя переполненную талой водой лесистую лощинку, все трое подошли к «местечку». Под раскидистой вековой сосной весело потрескивал костер из сушняка, лежали кучи

лапника, чтоб было на чем прилечь, а около костра с довольным видом возился сержант Сидоров. Леонид сразу же определил, что заготовить такое количество сушняка и нарубить столько лапника одному Сидорову было бы не под силу. Значит, с капитаном пришло еще много людей. Поздоровавшись, сержант отошел, а капитан, усевшись на лапник и указав Леониду и Саше места рядом с собой, сказал:

—Задание на этот раз будет необычное. Придется вам, друзья, менять свое амплуа.

Леонид, не очень точно представлявший, что такое амплуа, только молча кивнул головой, а Саша, взглянув на друга, ответил:

—Мы готовы, товарищ капитан.

—На этот раз вы пойдете в город.

—Леонид удивленно взглянул на капитана. Ведь вся специальная подготовка его и Саши Гуртового рассчитана на действия в сельской или лесной местности. Для работы в городах люди готовились в других группах и по другой программе. Капитан, видимо, поняв невысказанный вопрос Леонида, еле заметно пожал плечами и продолжал:

—Дело в том, что в городе начались провалы. Сейчас много людей находится под ударом, в большой опасности. А связь оборвалась. Посылать тех из старых связных, кто уцелел, бесполезно. Видимо, все они известны гестапо и зондеркоманде. А людей из города нужно срочно вывести, иначе мы их потеряем, как уже потеряли одну группу.

—Провокатора проглядели? — нарушил вопросом тяжелое молчание Леонид.

—Не похоже, — ответил капитан. — Установлено, что руководителя группы выдал его близкий родственник. Сейчас этот прохвост работает полицаем. На допросах кто-то не выдержал пыток и выдал еще нескольких, ну а дальше пошло, как огонь по сушняку. Надо срочно вывести из города тех, на кого может пасть подозрение.

—Раз надо, сделаем, — сказал, как подытожил, Леонид.

—Людей надо не только вывести, а одновременно с этим вооружить. У всех там к фашистам особый счет, и сидеть сложа руки они не захотят. Поэтому одновременно с вами пойдут бойцы партизанского спецвзвода.

—С нами в город? — удивился Саша.

—Нет. Отсюда, все время идя по краю бора, вы одни проберетесь до железнодорожной ветки. В трех километрах от станции Дергачи в сосновом лесу вас будут ждать бойцы спецвзвода. На окраине этого леса находятся склады военведа. Сейчас они стоят пустые. Немцы убеждены, что при отходе Красная Армия заминировала склады. Самое удивительное то,

что немецкие солдаты, посланные проверить склады, действительно подорвались на минах, хотя кем эти мины поставлены, неизвестно.

—Неважно,— улыбнулся Леонид.— Главное, что подорвались.

—По всей вероятности, мины поставлены группой Карла Мюнцера, когда она отрывалась от немцев. Сам Карл тогда был тяжело ранен, участников группы после выхода распределили по другим подразделениям, и сейчас установить что — либо трудно.

—Карл — это сын Фридерики Генриховны,— вспомнил Саша.— Где он сейчас?

—Лечится,— коротко ответил Суров.— В строй вернется, но не скоро.— Помолчав, капитан продолжал излагать задание.— Базироваться будете на эти склады. В них создадим запасы оружия. От складов до города тридцать пять километров, из них пятнадцать лесом. Двадцать километров от леса до города нужно пройти в ночное время. Около Крайского большака в развалинах кирпичного завода оставите маяк. Ну это вы уж на месте сориентируетесь. Важно от города до леса пройти в ночное время.

—Если не будет раненых, то пройдем. А сколько человек выводить? — спросил Леонид.

—Это определится на месте. Думаю, что человек двадцать — двадцать пять. Конкретно задача такова. Получите три явки. При подходе к явкам максимум осторожности. За время, пока вы доберетесь до города, там многое может измениться. Учтите, что все три явки резервные, их до сих пор не включали в дело, так что они еще три дня тому назад были в порядке. Но все же будьте предельно осторожны. На явке, после обмена паролями, вы скажете! «Известите Максима, что мы пришли». По этому вызову к вам придет человек, которого вы оба хорошо знаете. Он вас спросит: «Что вы мне подарите?» и вы дадите ему вот этот обломок расчески. Вторая половина у него. Передадите ему вот это письмо. Он знает, что с ним делать, но все же напомните, что он его должен «позабыть» перед уходом из города. Все дальнейшие действия будете координировать с этим человеком. Повторяю, вы оба его хорошо знаете.

—Кто же это может быть? — с загоревшимися от любопытства глазами задал вопрос Саша.

—Придет время,— узнаем,— несколько флегматично ответил Леонид. Его, видимо, интересовало другое.

—Все понятно?

—Понятно, товарищ капитан, только вот оружие... Сколько

мы сможем унести? Ну если с нами пойдет Павел Петрович... Все равно много не дотащим.

—Оружие и боеприпасы уже понесли бойцы спецвзвода. Федор Кузьмич обещал завтра к вечеру быть в сосновом бору, за Дергачами. А вы с Павлом Петровичем... Хотя постойте, откуда ты, Леня, узнал, что старший сержант выделен в вашу группу? — Суров с подозрением посмотрел на Леонида, но тот с невинным видом отвел в сторону глаза.— Договорились, черти,— стукнул кулаком по коленке Суров.— То—то этот старый греховодник мне полмесяца покоя не дает.

—Павел Петрович гранаты классно бросает,— поспешил на выручку другу Саша.— Нам его помощь могла бы очень пригодиться.

—Ясно,—кивнул Суров.— Обвели начальство вокруг пальца и довольны. Ну что ж, надо за это вас взгреть. В прямом смысле слова взгреть. Сегодня и завтра мерзнуть вам не придется. Наоборот, потеть будете. Вот первая часть вашей задачи. Прийти в сосновый бор за Дергачами не позднее чем через два часа после прихода туда спецвзвода.

—Шестьдесят километров,— заскреб в затылке Леонид.

—Если мы начнем отсчет с четырнадцати ноль—ноль, то в вашем распоряжении будет минимум тридцать часов, а это означает максимум два километра на час движения. Пустяк. А до четырнадцати еще около пяти часов, даже отдохнуть успеете.

—Да, на бумаге—то получается просто, Петр Александрович,— рассмеялся Леонид.— Для зимы или лета это расчет правильный. Но сейчас эта арифметика нас может подвести. Распутица. Два километра в час, это еще хорошо. Ведь с грузом пойдём. Неточная получается арифметика. Накиньте еще хотя бы полсуток, товарищ капитан.

—Не могу,—суховато ответил капитан и вдруг первый раз улыбнулся.— Насчет арифметики ты не прав, Леня. Это, брат, наука классовая. Вон по заграничной арифметике получается, что Красная Армия вся уничтожена, причем это цифрами доказано, что промышленность наша разрушена, опять—таки цифры в этом убеждают, что пол—России фашисты оккупировали, это и без цифр видно, и получается по их арифметике, что мы не сегодня—завтра лапки кверху поднимем и капитулируем.

—Плохо сосчитали,— не выдержал Саша.— Мы им свою арифметику пропишем.

—Я на это и намекаю,— подтвердил Суров.— По моей арифметике получается, что войну мы будем кончать в Берлине. Это ближайший рубеж. А может, и дальше

Берлина пойдём.

—Я — за,— поднял руку Саша.

—Убедили,— поднял обе руки Леонид.— Даже ноги мои и то говорят, что одолеют эти шестьдесят километров. А вот валенки протестуют. Они уже вдоволь воды нахлебались. Лапти бы сейчас. Дед мой очень хвалил лапти.

—Лаптей не обещаю, а сапоги мы принесли. И вообще вас надо переобмундировать. Выглядите вы, как какие-то оборванцы,— Суров подчеркнуто-иронически оглядел своих разведчиков.— Вы ведь все-таки не кто-нибудь, а полицаи, причем, по отзывам начальника Сельцовской волостной полиции, его лучшие полицаи.

—А не кокнут нас свои по ошибке как лучших полицаев? — любопытствовал Леонид.

—Могут, конечно,— согласился Суров.— Очень даже могут. Особенно, если вы будете рот разевать и ворон ловить.

—Инструктаж продолжался еще около часа. Уже заканчивая его, капитан сказал:

— Попутно не худо было бы проверить еще одно дело. В городе вот уже несколько месяцев время от времени появляются карикатуры-листочки. Кто их делает, неизвестно, но, судя по рисункам, опытный и талантливый художник. Ни с кем из наших он не связан. Действует смело, но по-анархистски и, видимо, в одиночку. Хорошо бы установить, кто это, и также вывести его из города. Его карикатуры мы и отсюда могли бы забрасывать.

Человек, который придет на явку, может помочь и в этом. Ну, кажется, все. Какие есть вопросы?

Вопросов не было, но капитан увидел тревожный взгляд Саши и понял, о чем тот думает. Сообщение о провалах в городе потребовало от капитана срочного выхода для встречи с разведчиками. Веру в этот момент переправили к матери, и капитан на этот раз не мог передать Саше от нее никакой весточки.

—Письма нет,— развел руками капитан.— Могу только сказать, что Вера Даниловна здорова.

—А вы правду говорите, Петр Александрович? — недоверчиво проговорил он, испытующе глядя на Сурова.— Вера на самом деле здорова?

—Разве я когда-нибудь обманывал тебя, Саша? — укоризненно спросил капитан юношу.— Вера Даниловна действительно здорова и даже счастлива. Недавно она встретила со своей матерью.

—Значит, она была здесь, в тылу у немцев? — испугался за девушку Саша.— Разве Марию Васильевну все еще

невозможно эвакуировать?

—Да. Мария Васильевна все еще больна. Эвакуировать до конца весны ее невозможно,— объяснил капитан.— Но ты не беспокойся. Я больше ничего тебе сказать не могу, но Вере Даниловне в момент ее свидания с матерью никакой опасности не угрожало.

—Спасибо вам, Петр Александрович! Когда увидите Веру, скажите ей, что я жив, здоров, всем доволен и что мы обязательно скоро увидимся.

К назначенному сроку Леонид, Саша и старший сержант Сидоров в сопровождении Федора Кузьмича и его партизан, измученные долгой дорогой, стояли на краю большой поляны в трех километрах за станцией Дергачи. Перед ними в сумерках белесой весенней ночи мрачно чернели приземистые длинные склады.

—Дошли,— удовлетворенно проговорил Саша,

—А как же,— отозвался Федор Кузьмич,— Раз надо. Недогонов! Ты тут проверял? Веди.

На обнесенной проволочной оградой территории склада стояли три длинных, метров по семьдесят каменных сооружения. Через час в одном из них остались разведчики со старшим сержантом Сидоровым да Федор Кузьмич Бехтерев в шесть своими партизанами. Остальные бойцы спецвзвода отправились в обратный путь. Двоих партизан Федор Кузьмич сразу же поставил на посты, остальным приказал отдыхать, а сам, несмотря на темноту и усталость, остался дневалить. Разведчики и старший сержант Сидоров улеглись спать. Все трое были очень довольны. До сих пор они умудрялись укладываться в жесткий график, намеченный капитаном Суровым.

Через несколько часов в мутных рассветных сумерках Федор Кузьмич, провожая троих друзей в опасную дорогу, напутствовал их:

—Ну ни пуха вам, ни пера.

—К черту! — дружно, в один голос ответили все трое.

—Правильно. По обычаю,— одобрил традиционный ответ командир спецвзвода.— Здесь у нас все будет в порядке, так что не сомневайтесь. И людей встретим и дальше направим.

Хотя все уже было обговорено заранее, Леонид все же на прощание напомнил Федору Кузьмичу:

—Если людей приведет один старший сержант, то уводите их дальше, особенно не задерживайтесь. Оставьте здесь человек двух — трех, чтобы нас дожидались, и уходите,

—Ясно. Выполним, как было указано,— заверил Федор

Кузьмич.

Шагая к воротам в проволочном ограждении склада, Леонид с улыбкой сказал Саше и Сидорову:

— Все равно этот старый черт по—своему сделает. Всех отправит, а сам нас ожидать будет.

Проходя в ворота, все обратили внимание на лист фанеры, прибитый к одному из столбов ограды. Он, видимо, висел тут уже не один месяц. На листе черной масляной краской, чет— ким плакатным шрифтом было написано: «Мины! Желающие могут получить схему расположения мин в отряде имени Кирова. Паршивых фрицев просим не беспокоиться».

— Не спеша писали,— сказал Саша, прочитав надпись.— Вдумчиво и красиво.

— А главное, убедительно,— добавил Леонид, указывая на небольшую воронку метрах в двух от щита. Сейчас воронка до краев была налита талой водой.

По охваченной утренним морозцем земле шагалось легко, хотя и нельзя сказать, что бесшумно. Ледок трещал под ногами, и в предутренней тишине леса этот звук был особенно резок. Но ничего сделать было нельзя. Не будешь же красться пятнадцать километров по лесу, коль капитан Суров отпустил на весь этот отрезок пути только три часа. Да и нахождение троих полицаев в глубине леса во всех отношениях было подозрительно и для партизан и для настоящих полицаев. Правда, партизан здесь быть не должно, Суров не допустил бы такой накладки, настоящих же полицаев сюда и днем заманить было бы невозможно. Поэтому разведчики двигались, не особенно маскируя свое движение и заботясь лишь о том, чтобы оно шло в нужном темпе.

Солнце едва поднялось над горизонтом, когда они подошли к большаку, ведущему в областной город. Здесь на заброшенном кирпичном заводе должен был остаться Сидоров. Если все пойдет благополучно, сюда уже в следующую ночь придут люди из города. Перед рассветом Павел Петрович уведет пришедших в лес, а сам на рассвете снова вернется сюда, чтобы ожидать тех, кто придет будущей ночью, и в первую очередь Леонида и Сашу.

Через полчаса Леонид и Саша шагали по Крайскому большаку к областному центру. И тот и другой хорошо знали эти места. Чем ближе к городу, тем народу на большаке попадалось все больше и больше. Правда, в это время дня мало кто шел в город. Остановливая встречных для проверки документов и таким образом постепенно входя в роль полицаев, друзья быстро разобрались в обстановке. Все шедшие им навстречу были горожане. Горькая нужда заставила их направиться в деревни, менять у кого что нашлось на продукты. Те же, кого Леонид и Саша обгоняли, оказывались тоже горожанами, но уже побывавшими в деревнях и теперь спешившими с продуктами к

семьям. Но и те, что шли из города, и те, что возвращались, одинаково со страхом смотрели на двух молодых полицаев, проверявших документы и заглядывавших в заплечные мешки, рюкзаки, сумки и корзины. Во взглядах каждого из них Леонид и Саша читали страх ожидания того, что фашистские прислужники сейчас ограбят их, отберут последнее, что им удалось достать для себя и своих голодных ребятишек. И еще ненависть. Эту ненависть в глазах голодных, измученных людей не могло потушить даже чувство облегчения, когда полицаи, проверив документы и вещи, с миром отпускали их. Все равно они смотрели вслед Леониду и Саше с молчаливой, неугасимой ненавистью. Разведчики почти физически чувствовали на себе эти обжигающие взгляды.

—Как они нас ненавидят,— расстроено проговорил Саша, когда они отошли от котомочников.

—Не нас, а тех, за кого мы себя выдаем,— успокоил его Леонид.

—Я понимаю, а они — то разве не видят, что мы не такие.

—Э — э,— недовольно протянул Леонид.— Это уже опасно. Если они допрут, что мы «не такие», то нам хана. Раз полицаи, так и будь полицаем. Без подлости и зверства, но с полной строгостью. А то мы так и задание не выполним.

Неожиданная нахлобучка расстроила Сашу. Он с завистью глядел на Леонида, который шагал рядом. Тот действительно не мог вызвать подозрения. У него был очень важный, можно сказать, заносчивый вид, когда он разговаривал с кем — либо из встречных. «Ну вот, каким я оказался неумелым,— с огорчением думал Саша.— Хотел быть разведчиком высшего класса, а на пустяке споткнулся».

—А тому, бородатому, которого мы сейчас проверяли, настоящих полицаев остерегаться следует,— заговорил Леонид о другом, заметив, что Саша слишком уж всерьез переживает сделанный ему упрек.— Аусвайс — то у него того...

—А что? — удивился Саша.— Я ничего не заметил. Документ как документ.

—Липа,— коротко определил Леонид.

—Ей — богу, не заметил. А в чем там дело?

—По смьтому писали, а как следует смьть не сумели.

—Значит, засыпаться может,— забеспокоился Саша.

—Проскочит как —нибудь. На этой дороге немцы не слишком придираются. Она в их тылы ведет, а не к фронту и не к партизанскому краю.

Из разговоров, возникавших при проверке документов и котомок, разведчикам удалось установить, что за дорогой Крайск

— областной центр оккупанты не ведут особого наблюдения. Мирное население по существу беспрепятственно передвигается по ней в оба конца. Видимо, боясь возникновения в городе голодных эпидемий, немцы приоткрыли эту отдушину, чтобы горожане, хоть и втридорога, могли покупать в деревнях продукты. Леонид и Саша были очень довольны, что им удалось получить эти очень важные для них сведения. Но они никогда так и не узнали, что бородач с ненадежными документами, с откровенным испугом и ненавистью смотревший па них, пока Леонид рассматривал его аусвайс, был не кто иной, как Иван Петрович Анохин. После неудачной попытки вывезти Агнию Михайловну из Сватово и расправы с Малаевым Иван Петрович вынужден был прятаться у старых знакомых в Покровке. Проскочить на Кузьминки не удалось я пришлось ждать, пока удастся раздобыть хотя бы какой ни на есть аусвайс и с ним уже через город пробираться в партизанский край, обходя стороной проклятую зону. Сейчас Иван Петрович держал путь как раз туда, откуда только что пришли молодые разведчики, на станцию Дергачи. Так они и разошлись в противоположных направлениях, шагая по обочине залитой жидкой грязью дороги.

А кругом бушевала весна. Поля почти полностью очистились от снега. Распутица сделала непроезжими дороги, и, пожалуй, одной и самых непроезжих был большак, ведущий на Крайск.

Леонид и Саша вынуждены были признать, что по ненаезженным задерненным полевым дорогам и просто без дорог идти им было значительно легче, чем по этому, так называемому большаку. Солнце уже заметно перевалило за полдень, когда Леонид, оглядевшись, сказал:

—Ну, кажется, пришли.

Саша взглянул на холм, к подножию которого их подвел большак, и не очень уверенно спросил:

—Ты думаешь?

—Не думаю, а знаю,— подчеркнул Леонид.— Это поля колхоза «Пробуждение». Я тут практику проходил, когда на курсах трактористов учился.

Друзья медленно начали карабкаться на холм. Навстречу им шли люди из города, но на этот раз Леонид не окликнул ни одного из них. Все, что можно было узнать без прямых расспросов о положении в городе, они уже знали.

С вершины открылась панорама города. Последние домики окраины добежали до самой подошвы холма и остановились, словно не сумев с разбега подняться к вершине. На первый взгляд город оставался таким же, каким и был. Но это только на первый взгляд. Достаточно было взглянуть повнимательнее, чтобы увидеть, что сделал враг. Более или менее полностью сохранились только окраины. Ближе к центру целые кварталы чернели пожарами.

Вдоль большинства главных улиц тянулись обгорелые руины двух — и трехэтажных зданий. Почти у линии горизонта виднелись развалины железнодорожного вокзала. Но железнодорожный узел все же жил. Даже отсюда можно было рассмотреть беспрерывно передвигающиеся формируемые составы. Один из них шел на юг, в сторону Курска. Леонид, проводив его взглядом, глухо проговорил:

— Как дома устроились, гады. Целыми эшелонами добро вывозят, сволочи. Пошли. Не имеем мы права спокойно на это смотреть.

Через несколько минут, миновав окраинные домики, разведчики вышли на Крайскую улицу и направились к центру. Они шли бок, о бок, с карабинами, взятыми «на ремень», шли уверенно и спокойно, как люди, убежденные в том, что их поступки всегда правильны и законны. У обоих не было строевой военной выправки, и все же их согласованные, без всяких команд, движения говорили о том, что они способны на одновременные, решительные и быстрые действия как в обороне, так и в нападении. Не случайно на них благосклонно посматривали изредка попадавшиеся навстречу немцы — офицеры и солдаты. Леонид и Саша приветствовали их почтительными и четкими вскидываниями рук. Зато с презрением, а кто со страхом смотрели на них встречные горожане.

Под этими взглядами Саша шел по городу, как по горящему лесу. Только знание того, зачем и для чего они здесь — находятся, помогало ему сдерживаться, чтобы не сорвать проклятую повязку со своего рукава. Леонид, понимавший состояние своего напарника и сам, находившийся в одинаковом с ним положении, сквозь сжатые зубы тихо проговорил:

— Держись. Дальше еще хуже будет. Должны вытерпеть.

Крайская улица, по которой сейчас шли разведчики, была

одновременно и частью автомагистрали, связывавшей областной центр с Крайском, одним из старинных городов России, По этой улице уходил осенью прошлого года истребительный батальон из рабочих города, вышедший против танков Гудериана, захвативших Крайск.

Сейчас руководство дальнейшим передвижением перешло к Саше, хорошо знавшему город. Для того, чтобы попасть на Пушкирную, он не стал проходить всю Крайскую до конца. Знакомыми ему с детства переулками и проходными дворами он провел друга к нужному им домику.

— Здесь гляди в оба, — предупредил Леонид. — Всякое может случиться.

Нужный разведчикам домик внешне не вызывал никакого подозрения. Он стоял чуть в глубине двора и был когда-то обнесен палисадником, от которого осталось только несколько сложенных из кирпича столбиков. Весь штакетник и перекладыны

зимой пошли на топливо. Во дворе было уже сухо, чисто и пусто, только неподалеку от крыльца лежало зеленое эмалированное ведро. Двери в домик были не заперты и приоткрыты. Все это Саша и Леонид отметили, окинув мимоходом нужный им домик взглядом равнодушных случайных прохожих.

Шагов через пятнадцать они остановились и стали закуривать. Вообще — то курил только Леонид, но и Саша с выходом в тыл врага усвоил, что ни у кого не вызывающие подозрение действия человека, свертывающего «козью ножку», могут дать ему время оглядеться, подумать, передохнуть. Поэтому и Саша научился курить, набирая полный рот дыма и выпуская его потом ровными правильными кольцами. Разведчики стояли, глядя в стороны и только боковым зрением наблюдая за домиком и двором. Там по — прежнему было тихо и безлюдно.

— Не нравится мне это дело, — негромко проговорил Леонид.

— И мне тоже, — согласился Саша. — Хотя и подозрительного ничего нет.

— А ведро почему посеред двора валяется?

— Ну, мало ли что, — не согласился Саша. — Может, хозяйке некогда.

— Нет, — категорически ответил Леонид. — Хозяйка в своем доме так никогда не сделает. Ведро — то чистое, не для мусора и помоев. Тут что — то не так. Пошли дальше.

Метров через десять начинались развалины какого — то каменного строения, тянувшегося вдоль улицы. Здесь — то и столкнулись нос к носу разведчики с оборванным и чумазым мальчишкой, неожиданно вынырнувшим из развалин.

— Мальчик, постой — ка, — неожиданно для самого себя остановил его Саша.

— Чего вам? — хмуро спросил мальчишка, враждебно косясь на повязку полицая на Сашином рукаве.

— Ты хозяйку вон того домика знаешь? — спросил Саша.

— Тетю Веру? Знаю. Ну и что? — отступив к проходу в развалинах, зло спросил мальчишка. — Вам такое до нее дело?

— Повидать нам ее надо, — начал Леонид.

— А идите вы... — и самая нецензурная брань, выкрикнутая звонким мальчишеским голосом, ударила в лица разведчиков. — У немцев ничего не вышло, так они вас послали, суки немецкие.

Мальчишка юркнул в развалины, опасаясь возмездия. Но его никто не преследовал.

— Вот это да — а, — ошеломленно проговорил Леонид, — вот это врезал.

— Похоже, Леня, что с этой квартирой у нас дело дохлое,

Надо пробираться на Монастырку.

—Пошли,— согласился Леонид.— Обратно будем поворачивать?

—Зачем. Попробуем через развалины. Нам ведь к мосту пробираться надо.

—Двинули не спеша,— согласился Леонид.

Но насчет «не спеша» ничего не вышло. Едва они проникли в обгоревшее здание, как пущенный не очень меткой рукой осколок кирпича ударился в стенку рядом с ними. Разведчики, сделав вид, что ничего не заметили, молча пробирались вперед. Следующий обломок кирпича пролетел над головой Леонида.

—Эк его разбирает,— проворчал Леонид и сердито крикнул:

—А ну, прекрати! Сейчас как врежу тебе, костей не соберешь.

Угроза, видимо, подействовала. Стало тихо. Выбравшись из развалин и перебравшись через мост, разведчики поднялись к городскому парку и вышли в район города, который исстари именовался Монастыркой.

—Добрались,— объявил Саша другу.— Вот она. Улица Левый берег, дом номер...— Саша взглянул на номер ближайшего дома.— Нам через три дома... Это вон тот, на каменном фундаменте.

—Гляди в оба,— предупредил Леонид.— Вначале проходим вперед. На обратном пути, если нет слежки, заходим.

Слежки не было, внешне дом — одноэтажный особнячок на две маленькие квартиры — тоже не вызывал подозрения. Установив, что вход в нужную им квартиру ведет через левое со стороны улицы крыльцо, Леонид принял решение.

—Пойду я один. Ты меня страхуешь, но только помни, обоим нам засыпаться нельзя. Если влипну я, ты тихо уходишь на третью явку.

—Ну, Леня... Я ведь могу...— начал было Саша.

—Это приказ,— мягко напомнил Леонид и жестко добавил: — Выполняйте, Гуртовой.

—Есть выполнять,— напряженным тоном ответил Саша и сразу же начал отставать от своего напарника. Леонид еще раз прошелся по улице, убедился, что наружным наблюдением обнаружить затаившегося где-то Сашу невозможно, и пошел к нужному крыльцу. Входная дверь была заперта, и Леонид негромко постучал. Постоял и, не дождавшись ответа, постучал вторично сильнее. За дверью слышались приближающиеся шаги.

—Кто там? — наконец спросил женский голос.

— Марта Ивановна? — спросил Леонид. — Откройте.

—Да, я — Марта Ивановна,— слышалось из — за двери — А вы кто такой?

—Я к вам по поручению...— неопределенно ответил Леонид и добавил: — Да вы откройте, пожалуйста. Не бойтесь.

—Откуда вы взяли, что я боюсь? — уже рассерженно спросила женщина и открыла двери.— Входите. О, да вы из полиции... Ну, тогда я совсем ничего не понимаю.

—Сейчас поймете, дорогая Марта Ивановна,— как мог любезнее ответил Леонид, входя в прихожую. Женщина закрыла за ним дверь, и Леонид с удовольствием отметил, что замок на двери, так называемый «английский», на стопор но поставлен, и дверь автоматически заперлась.

Марта Ивановна оказалась женщиной еще молодой, не старше тридцати — тридцати двух лет. Она с любопытством смотрела на Леонида, и в ее голубых чуть навывкате глазах пряталась слегка покровительственная усмешка.

—Так в чем же дело, молодой человек? — уже без раздражения спросила она.

—Да вот зашел,— продолжая улыбаться, ответил Леонид.— Зашел просто, чтобы сказать, что живется весело,— подчеркнул он голосом два последних слова.

Вначале Марта Ивановна не поняла, что означают эти неуместно игривые слова, и, пожалуй, была склонна поддержать игру. Ее губы уже начали складываться в усмешку, но вдруг в глазах мелькнул какой-то тревожный огонек, она вздрогнула и отшатнулась. Леонид снова повторил слова пароля:

—Живется весело!

—Весело живется! — автоматически проговорила Марта Ивановна.

—Кто еще кроме вас есть в квартире? — не дал ей закончить фразу Леонид.— Вы одна?

—Конечно, одна, кто же еще может быть? Вернее, пока одна. Я только к вечеру ожидаю,— нервно зачастила хозяйка и воскликнула:

—Но, боже мой, как вы могли так неожиданно, как снег на голову Леонид чувствовал, что в растерянности хозяйка, явки выговаривает первые пришедшие ей на память слова, не вдумывается сама в то, что говорит. Чтобы помочь растерянной женщине, он резко, с оттенком удивления спросил:

— А разве было условлено, что вас должны предупредить о приходе связных?

— О, бог мой, конечно, нет! — воскликнула Марта

Ивановна.— Но прошло столько месяцев... Садитесь, пожалуйста. Поговорим.

Леонид и так был очень насторожен, а последняя фраза хозяйки явочной квартиры вызвала у него тревогу.

—Об чем же мы будем говорить? — спросил он, спускаясь на предложенный хозяйкой стул. — Надо действовать. Время подгоняет.

—Вот именно время, — сейчас уже вымученно проговорила хозяйка, усаживаясь против Леонида. — Ведь прошло уже более восьми месяцев и никто ничего. А сегодня пришли вы. И почему вы полицай?

—Слушайте, Марта Ивановна, — сурово заговорил Леонид, — разве вы не добровольно согласились остаться здесь и в нужную минуту оказать помощь советской разведке?

—Бог мой, конечно, совершенно добровольно. Все со мной были так милы, что ни о каком принуждении не могло быть и речи.

—Так в чем же дело?— начал терять терпение Леонид.— Чего же вы тянете? Известите Максима, что мы пришли.

—Ну вот вы снова торопитесь... Я же сказала, давайте поговорим.

—О чем?! — зло спросил Леонид. — Мы и так полчаса зря потеряли.

—Бог мой, как вы грубы,—капризно поджала губы Марта Ивановна. — Геннадий Филиппович на что уж был очень ответственный товарищ, а и тот со мною таким тоном не говорил.

—Геннадий Филиппович? — удивленно переспросил Леонид.

—Ну да, Геннадий Филиппович Сопун, капитан, — обрадованно закивала головой Марта. — Ведь это по его просьбе я согласилась помогать разведчикам.

«Ну, удружил покойный капитан явочной квартирой»,—все более злясь, подумал Леонид. Но вслух он сказал другое: —Мне нужен тот, кого мы называем Максимом.

—Здесь уж вам придется одному как —нибудь разобраться, молодой человек, — опершись локтями о стол и опустив массивный подбородок в ладони, ответила хозяйка. — Я решила выйти из игры.

—Как выйти?! — опешил Леонид. — Вы же подписку давали.

— Не грозитесь, — пренебрежительно усмехнулась Марта. — Я бы давно заявила, что выхожу из игры, да некому было. Ведь этому самому Максиму я должна передать только одну фразу

о вашем приходе и получить от него указания, где вы встретитесь. А потом бы уж я работала, по вашему и его заданию. А как бы я могла без вас встретиться с Максимом, колья, его ни разу и в глаза — то, не видела. Дня, два тому назад пришли, правда, я уж думала от него. Оказалось, нет. Из думы приходили. Да и человек — то приходил — такой, который не может быть связан с Максимом. Наконец, сегодня вы появились. Вот я и говорю вам: все! Я больше не играю.

— Но в чем дело? Почему? — спросил Леонид только для того, чтобы, пока она болтает, собраться с мыслями.

Леониду было ясно, что оставаться здесь больше он не имеет права. И в то же время он не мог, не имел права просто уйти. Если эта дура по глупости или по злости болтает только одно слово какому —нибудь гестаповцу, для того добратся, до Максима не составит никакого, труда. А ведь человек, который скрыт под его именем, держит на своих плечах целую подпольную организацию, которую к тому, же сейчас громит гестапо. Что же делать? Должен же быть еще какой —нибудь выход. И. посоветоваться не с кем. Самому решать, самому делать, самому отвечать.

— Дело в том, молодой человек, что я все — таки немка, — покачивая опущенной на ладони головой, и насмешливо глядя на Леонида, чеканила каждое слово Марта Ивановна. Я — немка, и этим все сказано. Сейчас, когда, по велению фюрера все эти. земли завоеваны, и входят в состав великой Германии, я тоже не могу стоять в стороне.

— Значит, решили перекинуться в. лагерь врага? — мучительно ища выхода и стараясь протянуть время, спросил Леонид.

— Никуда я не перекинулась, — обиженно поджала, губы Марта Ивановна. — Я же говорю вам, что и раньше была немкой, но не чувствовала этого.

— Что же. мы теперь будем делать? — спросил, Леонид.

— Ничего не будем делать, — как давно продуманное решение сообщила Марта. — Доложите своему, начальству, что меня нет. О том, что вы ко мне приходили, я никому не скажу. И про Максима не скажу. Вообще ни о, чем не скажу.. Но и вы меня не троньте, — тоном, в котором зазвучала угроза, продолжала она.

— Значит, сообщить нашему, начальству что, отказываетесь выполнять взятые на себя, обязанности?: — подчеркнул официально подвел итог Леонид.

— Давайте условимся как два умных человека. Ведь мы никогда, больше не увидимся, — предложила Марта. — Скажите своему начальству, что меня вообще не оказалось на месте. Ведь это просто случайность, что вы разыскали меня. Если

бы вы пришли дня через три — четыре, в квартире жили бы уже другие жильцы.

— И далеко бы птичка упорхнула? — сколь мог шутливо спросил Леонид.

Марта улыбнулась и, сопровождая каждое слово ударом ладоней по столу, почти пропела:

— Я выхожу замуж.

— Поздравляю вас, — тоже смог улыбнуться Леонид. — Тогда мне более понятна причина, по которой вы отказываетесь работать с нами. А за кого, если не секрет?

— Ну вы же его все равно не знаете, — с сожалением посмотрела на Леонида Марта. — Он так же, как и я, фолькс — дойч. Работает переводчиком. Его очень ценит господин Кавка. Кстати, мне не хотелось, чтобы вы с ним здесь встретились. Он придет часа через три — четыре. Я ведь ему еще ничего не говорила...

— И не стоит говорить для вашей же безопасности, — прервал ее Леонид. — Проводите меня, пожалуйста, и я и исчезну.

Если до этого у Леонида оставалась хотя и очень небольшая надежда на мирный исход дела, то сейчас всякие сомнения и иллюзии исчезли.

Марта встала и пошла в прихожую. Следом шел Леонид, не успевший вскинуть карабин на плечо. Окованный, тяжелый приклад карабина был поднят более чем обычно, но Марта на это не обратила внимания...

Леонид спокойно и неторопливо вышел из квартиры и крепко прижал спиною дверь. Послышалось щелканье замка. Леонид вскинул карабин, вышел на тротуар и повернул налево в глубь улицы. Кругом не было ни души. Только пройдя с полквартиры, Леонид услышал за спиной легкие шаги Саши.

— Двигаем отсюда куда —нибудь подальше, — шепотом сказал Леонид, хотя улица была совершенно безлюдна.

Не спрашивая друга ни о чем, Саша одному ему известными путями стал пробираться по направлению к вокзалу. Ведь здесь, в пристанционном районе, располагалась третья и последняя явка. Только тогда, когда Монастырка осталась далеко позади, Саша спросил товарища:

— Что там, Лен? Пустой номер?

— Хуже, Сашок. Там мина замедленного действия. Или еще хуже.

— Ты совсем белый оттуда вышел. Испугался.

— До сих пор ничего страшнее этого не видел. Только давай об этом потом. Сейчас глядеть надо в оба. В пристанционном районе в это время народу на улицах оказалось

значительно больше, чем до сих пор встречалось нашим разведчикам. Сказывалась близость вокзала, депо, железнодорожных мастерских и прочих путевых служб. Видимо, было время пересменки. Две встречные человеческие волны, к станции и от станции, заполнили и без этого неширокие улицы.

— Вот угодили, — ворчал про себя Леонид. — Как нарочно подгадали. Выбираемся, Сашок, побыстрее куда —нибудь в сторонку, а то тут и по шее схлопотать можно.

Пробираясь к повороту на нужную им улицу, Саша думал, что хотя всеобщая ненависть к прислужникам оккупантов дело очень хорошее, все же весьма неприятно, когда она, пусть даже и ошибочно, направляется против тебя. Пожалуй, это самое тяжелое в профессии разведчика. Но, зная, что для пользы дела необходимо пройти и через это, Саша, нахмурившись и не отвечая на посылаемые им вдогонку ругательства, пробирался вперед.

Вот, наконец, и нужная улица. Когда — то давно, еще задолго до революции, стремясь закрепить рабочих за производством, владельцы железной дороги всемерно поощряли частное жилищное строительство. Они отводили своим квалифицированным рабочим и служащим участки земли, отпускали им лес, больше всего некондиционные шпалы, помогали и другими строительными материалами. В результате постепенно вырос целый поселок в несколько улиц из одинаковых домишек, с обязательным палисадником под окнами, двориком с надворными постройками за домом и даже садиком на десяток яблонь за двором. Одним из таких домиков оказался и тот, который интересовал Сашу и Леонида.

Они несколько раз прошли мимо него и увидели, что на этой улице, где все ворота, заборы и палисадники содержались в полном порядке, Саше совершенно негде укрыться, чтобы занять позицию для наблюдения. Прохожих на улице почти не было. Только раз или два распахивались калитки, со двора выскакивал мужчина в замасленной одежде и чуть не бегом кидался вдоль улицы к вокзалу. Ясно было, что это торопится опаздывающий на смену. Два или три раза проходили усталой походкой и скрывались за калитками своих домиков люди в таких же промасленных одеждах — задержавшиеся на работе. Саша и Леонид «перекурили» в полутора кварталах от домика, убедились, что за это время в него никто не заходил и не выходил, и решили идти на этот раз на явку вместе. Леонид подумал о том, что капитан Суров не одобрил бы такого решения, но ничего другого сейчас сделать было нельзя. Солнце стояло уже низко, нужно было или закрепляться на явке, или исчезать из города до наступления комендантского часа.

Они огляделись еще раз и, видя, что улица пуста, вошли в незапертую калитку. По высланной кирпичом дорожке подошли к крыльцу и остановились. Двери с улицы в сени и дальше были

широко распахнуты, а в доме женский голос негромко напевал популярную в предвоенные годы песню «В путь — дорожку дальнюю...»!

Леонид кивнул Саше, и тот, привыкший понимать любое движение друга, присел около крыльца, чтобы, оставаясь незамеченным с улицы, охранять тыл. Леонид поднялся на крыльцо, бесшумно вошел в сени и заглянул в комнату. Женщина, высоко подоткнув подол юбки, готовясь мыть пол, протирала тряпкой стулья. Ярко сияли чисто вымытые стекла окон.

С минуту Леонид наблюдал за хлопотами хозяйки, потом негромко кашлянул. Женщина выпрямилась и испуганно взглянула на Леонида.

—Глафира Сергеевна Ушакова? — негромко спросил Леонид.

—Да, я Ушакова,— так же негромко ответила женщина. Леонид обрадованно шагнул в комнату, а женщина, только сейчас рассмотрев повязку и карабин Леонида, побледнела и, не выпуская из руки грязной тряпки, схватилась за сердце.— Да, я Ушакова. Что вам надо?

—Да вы не пугайтесь, Глафира Сергеевна,— заторопился Леонид.— Ничего страшного. Я просто пришел сказать, что люблю воевать. Он помолчал несколько секунд, глядя, как после произнесенных им слов пароя начинает пропадать бледность с лица Ушаковой.

Глафира Сергеевна вдруг громко всхлипнула и, вытянув руки, как слепая, пошла к Леониду. Она вгляделась в его лицо полными слез глазами, обняла, прижав стиснутую в кулаке грязную тряпку к его затылку, и припала головой к груди юноши.

—Соколик! Родненький ты мой! — наконец выдохнула она.— Ты прости, что плохо подумала. Немцы — то ведь все больше сатанеют. Думала, и мой черед пришел.

—Так все же, Глафира Сергеевна, что же вы мне скажете насчет того, что я люблю воевать,— продолжал добиваться отзыва на пароль Леонид, хотя и был уверен, что на сей раз осечки не произошло. Но таковы жесткие правила разведки.

А что я тебе, родненький, должна сказать? — подняла Залитое слезами лицо женщина,— А—а—а! От радости—то все из головы вылетело. Конечно, и я воевать люблю. Чтоб эта проклятая война сдохла и вовек не оживала.

—Ну, вот и хорошо, Глафира Сергеевна,— не удержался от улыбки Леонид.— А сейчас самое главное: известите Максима, что мы пришли.

—Извещу, соколик, извещу, хоть и сама ни разу этого Максима в глаза не видела. Ты — то один здесь?

—Нет, Глафира Сергеевна, нас двое. Товарищ во дворе дожидается.

—Так чего же он не заходит? Сейчас, пока не опасно. Немцы ночью шарить начинают. После комендантского часа. Да ведь и вы не кто —нибудь, а полицай. К вам всякая шушера придраться не сможет. Пусть заходит.

Через четверть часа оба разведчика лежали на полу, застланном чистыми половиками, в третьей, маленькой или, как называла хозяйка, задней комнатушке домика. На половики Глафира Сергеевна бросила два ватных матраца. Чисто вымытые сапоги стояли около двери, карабины в углу под рукою, а сами разведчики блаженствовали, задрав по рецепту капитана Сурова ноги выше головы. Друзья молчали, наслаждаясь отдыхом, прислушивались, как ноют натруженные многочасовой ходьбой ноги. Сама хозяйка отправилась извещать Максима о прибытии гостей, заперев домик надежными висячим и внутренним замками. Правда, в распоряжении разведчиков осталось два выхода из кухни, двери которой запирались на крюк изнутри, и через подполье в подвал пристроенного к дому сарайчика. Саша приподнялся и посмотрел в окно. Небо по —вечернему темнело, надвигались сумерки. Он искоса взглянул на лежащего рядом товарища. Глаза Леонида были закрыты.

«Задремал, — подумал Саша. — Пусть поспит, притомился. Значит, мне насчет дремы ни —ни. Глядеть в оба».

Но Саша ошибся. Леонид и не думал спать. Просто закрытые глаза создавали иллюзию одиночества, а Леониду больше всего хотелось сейчас побыть наедине. Просто побыть, помочать, послушать тишину и ни о чем не думать. Главное, не думать, потому что мысли неуклонно возвращали его к случившемуся полтора — два часа тому назад. А об этом Леониду очень хотелось бы забыть. Да и о чем думать, ведь другого выхода не было. Ошибочно в ряды бойцов попала бездумная красивая Дура, а случай свел их на узкой тропе, где можно идти только к одну сторону и никаких обходов нет. «Хорошо, что Сашок со мною не пошел, — подумал Леонид. — Ему бы сейчас потруднее, чем мне, было».

Пытаясь забыть о недавних событиях, Леонид начал вспоминать о прошлом, еще довоенном прошлом. Усилием воли он заставил себя зримо представить картины любимых мест родного колхоза. Перед глазами встали раздольное, чуть всхолмленное поле поспевающей пшеницы, прокатывающиеся по нему под ветром желтовато — зеленые волны, узенькая, поросшая подорожником и сурепкой полевая дорога, а чуть подальше широкий плес в излучине спокойной Оки. Вдоль реки, в тени прибрежных ветел тянется тропинка, протоптанная влюбленными, приходившими сюда весенними и летними ночами. Там, где она сбегает к самой воде, стоит девушка в цветастом сарафане с удилицем в руках. Леониду

хорошо знакома эта девушка, да и удилице, которое она держит в руках, принадлежит ему. Девушка не удит. Она просто окунает тонкий конец удилица в реку, а затем, приподняв его, следит, как крупные капли одна за другой сбегают вниз по тонкому хлысту и, словно слезы, капают в воду. Каждый раз, когда девушка глубоко опускает конец удилица в воду, Леониду хочется крикнуть: «Не пугай рыбу, Любаша! Иди лучше сюда, посидим.» Но он не кричит, а молча любит девушкой. И та тоже знает, что Леонид любит ее, но делает вид, что не замечает этого. Еще прошлым летом Леонид проводил Любу с колхозным стадом куда-то далеко за Москву и до прихода немцев получил от нее всего лишь одно письмо.

Леонид понимает, что все, что видит сейчас, это сон, но сон такой прекрасный, прервать который у него нет сил. Он даже не сразу понял, почему вдруг вся эта радостная картина—напоенная солнцем и светом река и солнечная девушка на ее берегу вдруг стали меркнуть, отдаляться от него куда-то, тонуть в мутной пустоте. Лишь затем он понял, что кто-то трясет его за плечо и голос Саши шепчет в самое ухо:

—Лень! Пришел кто-то! Двери отпирают,

—Ты смотри, а я и в самом деле уснул,— удивленно проговорил Леонид, а руки уже привычно подтянули карабин, спустили предохранитель.

В комнате было полутемно. Из прихожей донеслось щелканье отпираемого замка.

—Это внутренний,— шепотом подсказал Саша.— Висячий первым открыли.

—Значит, хозяйка вернулась,— спокойно ответил Леонид, но на всякий случай, не обуваясь, подошел к двери, отстранил от нее Сашу и, чуть-чуть приоткрыв, заглянул в соседнюю комнату.

—Свой, свой,— донеслось из прихожей.

Глафира Сергеевна вошла в комнату, прерывающимся от волнения голосом сообщила:

— Максим очень обрадовался. Приказал вам ожидать его здесь. Он обязательно придет сегодня еще до полуночи.

—Ясно,— после довольно долгой паузы проговорил Леонид.— И все же ждать его здесь мы не будем.

—Как не будете? — испуганно спросила хозяйка дома.— а как же я... Выходит, обманула Максима.

—Все будет в порядке,— успокоил ее Леонид.— Просто мы подождем его во дворе, скажем, в вашем сарайчике. Это так, на всякий случай. Мало ли что может случиться.

—Да напрасно вы сомневаетесь,— начала было хозяйка, но Леонид повторил:

—Все будет правильно. Делаем только так. Мы вас, Глафира Сергеевна, попросим еще вот о чем. Занавесьте окна, так, чтобы с улицы ни крошечки света видно не было.

—Не беспокойтесь, сделаю. Да и какой сейчас свет. С моргасиками сидим. Это не то что до войны электричество жгли почем зря.

—Значит, порядок. Сейчас полвосьмого. Одеваемся, Сашок, и переходим в сарайчик. Глафира Сергеевна нас позовет, когда надо будет.

Видимо, и Максим с большим нетерпением ждал этой встречи, потому что еще задолго до полуночи в калитку, не крадучись, но и без излишнего шума вошли трое. Один из пришедших остался у калитки, второй присел на крыльцо, третий вошел в домик. Минуты через три из домика вышла Глафира Сергеевна и, подойдя к сарайчику, шепотом окликнула:

—Где вы, соколики? Пойдемте. Пришли.

Даже привыкший ничему не удивляться Леонид и тот от изумления зачесал затылок, когда при свете моргасика узнал в сидящем около стола Федора Селиверстовича Купина, бывшего заведующего отделением совхоза. Саша же, опознав в Максиме родного дядю, буквально окаменел. Только то, что Федор Селиверстович вначале при свете моргасика не раз — глядел племянника, дало возможность Саше овладеть собой и постепенно прийти в нормальное состояние.

—Что ж, долго мы будем в молчанку играть? — первым заговорил Федор Селиверстович.— Как сейчас тебя, Леня, звать — величать?

—Зовите меня Черным,— все еще с некоторым недоверием ответил Леонид.— Просто Черным.

—Мальчик? Хорошо, пусть будет Мальчиком,— согласился Купин.— Ну так что вы мне подарите в честь радостной встречи?

Леонид молча вытащил и протянул Купину обломок расчески, полученной от Сурова. Федор Селиверстович внимательно осмотрел обломок, вытащил объемистый бумажник, извлек из него вторую половину и соединил их вместе. Обломки сошлись точно.

—Точнее любого словесного пароля,— удовлетворенно проговорил Федор Селиверстович и протянул для проверки расческу Леониду.

—Все ясно,— отказался взять расческу Леонид.— Переходим к делу.

—Дела, брат, не радуют,— помрачнел Купин.— Почти половину подполья нужно убирать из города.

—За тем и пришли, чтоб людей помочь вывести. Сколько

всего народа?

—Всего тридцать человек. Но в первую очередь надо увести восемнадцать. Их уже ищут. Гестапо отдало приказ об аресте.

—Где они сейчас?

—Мы верили, что ваша помощь не задержится, и пошли на большой риск, спрятали людей в подвале сгоревшего магазина, в самом конце Крайской.

—Это около конноспортивной школы? — спросил Саша.

—Да, около, — голосом, в котором почувствовалось удивление, ответил Купин. Он взял со стола моргасик и осветил лицо сидевшего в тени Саши. С минуту он молча рассматривал юношу, потом спросил удивленно: — Это ты, Александр?

—Я, дядя Федя.

—Ну и ну. А ведь встретить я тебя на улице, пожалуй, не узнал бы.

—Сашок за последнее время сильно возмужал, — подтвердил Леонид.

—Ты что, у отца в отряде был?

— Нет, мы с Леной по другой линии.

—Ясно, — помолчав, сказал Федор Селиверстович. — Ну, что ж, будем думать, как надо сделать. Хорошо бы этих людей сегодня же убрать из города. Сумеете?

—Там, за оградой школы, начинается лог, — снова заговорил Саша. — По самому логу сейчас не пройдешь, а по закрайкам можно выйти.

—Знаем, — кивнул племяннику Купин. — Но это собственно даже не ваша забота. Из города в поле людей мы выведем, а дальше они куда пойдут?

—А вот это уже не ваша забота, — скупно улыбнулся Леонид. — Больных среди них нет? Смогут они, скажем, с часу ночи до семи утра отшагать по нынешней дороге двадцать километров?

—Смогут, — уверенно ответил Купин, — Во — первых, больных и стариков среди них нет, а во — вторых, вопрос идет о жизни и смерти. Все они это хорошо понимают. По какой дороге пойдете?

—На Крайск. Обоим нам сегодня идти не стоит. Пусть Сашок отдыхает, а я проведу и к полудню вернусь. — Увидев, как вскинулся, готовясь протестовать, Саша, Леонид спокойно, но твердо сказал: — Это приказ. Ты сам знаешь, что тебе сидеть без дела здесь тоже не придется.

—Тогда не будем терять времени, — поторопил Купин и позвал в комнату Ушакову. — Ты, хозяйка, выйди, позови

того паренька, который на крыльце сидит. Пусть войдет.

Пока Глафира Сергеевна выполняла поручение, Леонид передал Купину письмо Сурову, которое Федор Селиверстович должен был «потерять» перед уходом из города. Пробежав глазами письмо, Купин усмехнулся:

—Крепко придумано,— проговорил он, пряча конверт во внутренний карман пиджака.— Не иначе Михаил Георгиевич лично к этому делу касательство имел.

—Насчет этого нам ничего не известно,— уклончиво ответил Леонид. В этот момент в комнату вошла Глафира Сергеевна с парнем лет девятнадцати — двадцати. Парень был одет в немецкую солдатскую шинель без всяких знаков различия.

—Сеня,— обратился к нему Федор Селиверстович.— Выведешь этого товарища к оврагу, что за бывшей конноспортивной школой. Потом приведешь туда всех из подвала на Крайской. После этого пойдешь отдыхать. На все тебе даю полтора часа.—Купин промолчал и уточнил: — Девяносто минут. По — моему, хватит. В двенадцать они должны быть за чертой города. Успеешь?

—Надо сделать,— явно обрадовался парень.— Там шамовки всего на день осталось.

—Оружие у них какое —нибудь найдется? — спросил Леонид, одеваясь.

—Три пистолета немецкого образца и шесть немецких гранат на всех,— ответил Купин.

—И то хлеб. Ну, мы пошли,— махнул на прощание рукой Леонид.

Но внимательно разглядывавший его Купин вдруг запрещающе поднял руку.

—Подожди чуток. Я ведь только сейчас разглядел тебя как следует, проговорил он.—«Здоровенный молодой полицаи в зеленой ватной куртке с карабином на плече»,— словно процитировал чьи — то слова Федор Селиверстович.— Ты, Сеня, выйди пока, подожди еще пару минут.

Семен вышел из комнаты. Леонид, недовольный задержкой, присел на табурет, опустив карабин между колен.

—Вы, кроме этой, еще на каких явках были? — спросил Федор Селиверстович, оставшись наедине с разведчиками.

— На Пушкарной были, но там явка завалена,— настораживаясь, ответил Леонид.— А что?

—Не завалена, а ликвидирована,— поправил его Купин.— Мы успели предупредить хозяйку. Сейчас она в подвале на Крайской. Уйдет с тобою из города. Еще где были?

—На Монастырке,— хмуро ответил Леонид.

—У Марты Ивановны?! Вот уж это напрасно. Эта явка действительно завалена. Я был у нее два дня назад и сразу понял — безнадежна.

—Мы же ничего не знали,— Леонид угрюмо посмотрел на Купина и, понизив голос, добавил,— и влипли.

—В квартиру к ней ты один заходил?

—Один. Сашок на улице охрану держал.

—Молодец,— после долгой паузы одобрил все сделанное Леонидом Федор Селиверстович.— Но из города тебе надо немедленно уходить. Уводи людей и обратно не возвращайся.

—Почему? — вскинул голову Леонид.

—Соседка Марты тебя заметила. Наблюдательная такая старушенция. Все твои приметы так описала, что завтра днем тебя без всякой фотокарточки любой гестаповец опознает.

—Вот старая сволочь,— раздраженно выругался Леонид.

—А вот тут ты, Леня, ошибаешься,— неожиданно широко улыбнулся Купин. Как раз наоборот. Замечательная старушка и честная советская патриотка.

—Чего же она с доносом — то кинулась? — зло спросил Леонид.

—Так она же не тебя, а полиция топить решила. Смелая бабуся, не струсил. Уверен, что покажись ты ей не полицаем, а обычным советским человеком, так эта старушенция перед всеми бы иконами клялась и божилась, что ничего не видела, что знать ничего не знает.

—Вот,— с горечью проговорил Леонид.— Ведь не лежала у меня душа в этом собачьем обличье на задание идти.

—В общем, расследованием этого дела занялся сам Кавка,— словно бы не заметив жалобы Леонида, продолжил Федор Селиверстович.— Переводчик там у него есть из фольксдойчей, то ли жених, то ли любовник этой самой Марты, так от медведем ревет. Здоровенный бугай, а как баба воет, только басом. Весь состав нашей полиции перетряхивают. Ищут молодого здорового полицая в зеленой ватной куртке и с карабином.

—Да, дела,— уже растерянно проговорил Леонид.— Как же теперь быть?

—Повязку полицая, карабин оставить здесь,— распорядился Купин.— А вот с курткой как — не придумаю. На такую фигуру...

—Куртка пустяки,— подал голос Саша.— У нас очень хитрые куртки, дядя Федя. Выворачивай ее, Леня.

Леонид отставил карабин, снял куртку, вывернул ее наизнанку и снова надел. Теперь на нем оказалось короткое полупальто

темно — синего цвета.

—Хитро,— одобрил Купин.— Кроме карабина, оружие есть?

—Наган дедовский и две гранаты эф — один.

—Добро,— кивнул Купин.— Сейчас мы тебе новый аусвайс сделаем. Сеня мужик надежный, дороги знает тайные, но на всякий случай.

—Завтра жду тебя на кирпичном,— шепнул Леонид Саше, обнимая его на прощание.— Выведешь людей и снова вместе будем.

—Завтра ждите и нас,— вместо Саши ответил Купин.— Нам здесь задерживаться нельзя. Гросбауер и Кавка поторопить могут, так что ждите завтра часа через два после полуночи.

—Можно и пораньше,— поднимаясь с места, подсказал Леонид.

—Попытаемся,— пожал ему на прощание руку Купин.

После их ухода дядя и племянник еще около часа оставались с глазу на глаз, но вначале о происшествии в совхозе, о ране, полученной там Купиным, не было сказано ни слова. Оба чувствовали ненужность подобных разговоров. Отвечая на вопросы дяди о том, что он видел в нашем тылу, Саша подробно рассказал обо всем и даже упомянул, что встретил за линией фронта Веру Волгину, что она сейчас там в полной безопасности.

—Там, говоришь, Верушка Волгина у нас в тылу?— переспросил Федор Селиверстович, пристально посмотрев на племянника.— Ты сам ее там видел?

—Сам. Своими собственными глазами,

—Давно?

—Порядочно. Месяца три с небольшим.

—Понятно,— протянул Федор Селиверстович и, хотя Саше очень хотелось еще поговорить о Вере, перевел разговор на другое.— Насчет художника этого, тут все ясно, только неизвестно, где его искать.

—Узнали, кто он?

— Узнали. Один из твоих бывших дружков Витька Долганов опознал рисунки и объяснил отцу, кто их рисует.

—Овод! — сразу же догадался Саша.— Неужели Витька выдал его?

—Выдал. Сейчас этого, как ты сказал, Овода вся полиция ищет.

—Отец у Мишки — на железной дороге работает,— припомнил Саша.— Может, он что —нибудь знает.

—Железнодорожного машиниста Гаврилу Кочергпна начальник полиции Долганов еще прошлой осенью в

собственном кабинете застрелил. Правда, Гаврила перед смертью успел Долганову всю рожу расковырять.

Некоторое время Саша молчал, подавленный словами дяди.

—И все—таки Мишку надо разыскать,— наконец заговорил он.— Я днем побываю у своих ребят, может, кто знает,

—У кого же ты хочешь побывать?

—У наших комсомольцев. Первым делом у Славки Грачева.

—Бесполезно,— махнул рукой Купан.— исчез. Думаю, что он и Кочергин скрываются вместе.

—А наш комсорг Женя Гольшев? У него отец мастером на номерном заводе работал.

—Еще зимой вместе с отцом и сестрой отправлен в партизанский край. Еле успели уйти. Долганов уже доложил Гросбауеру и Кавке, что выследил их, а они упорхнули. С нашей помощью.

—На Монастырке два брата Орловы живут. Петька и Киря. Они, правда, не нашей ячейки, но комсомольцы надежные.

—Нету их,. Саня. Повешены немцами еще в начале оккупации. Героически, говорят, ребята держались. Перед виселицей не согнулись. С пением «Интернационала» умерли.

—Тогда надо побывать у Левит.

—У пианистки? Не побываешь.

—Что с ней?

—Арестована Долгановым. Передана зондеркоманде. По приказанию Гросбауера вместе с другими евреями раздавлена танком во рву около аэродрома.

—А Генька? — почти закричал Саша.

—Племянник? Жил в деревне. Разыскан Долгановым. Сейчас сидит в подвалах на Черкасской, Каждый день водят по городу в надежде, что он опознает и укажет Кочергина.

—И он согласился ходить?

—Если руки свяжут и плетью подгонять будут, так и пе такие, как Геня Левит, пойдут. Он ходит и молчит, ходит и молчит.

Несколько минут стояла гнетущая тишина. Саша с трудом переводил дыхание. Федор Селиверстович сидел, опустив руки между колен и сгорбившись, как одолевший трудную дорогу и до предела уставший человек.

—Никуда тебе, Саня, пока ходить не надо,— наконец заговорил Купин негромко и, как показалось Саше, излишне спокойно.— Пока есть время, я тебе все объясню. Я сейчас занимаю довольно высокий пост. Я заместитель головы или,

по — иному, председателя управы. Создали немцы такой орган. Так вот я в нем управляю сельским хозяйством. По своей должности имею возможность ездить по волостям, встречаться со многими людьми. Это очень удобная должность. Выдвинул меня начальник полиции Долганов и очень поддерживает начальник зондеркоманды Гросбауер. Гросбауер мне, пожалуй, доверяет даже больше, чем Долганову, И в этом Тине очень помог ты.

—Я?!..— воскликнул страшно удивленный Саша.

—Да, ты,— усмехнулся Федор Селиверстович.— Своим выстрелом осенью в совхозе.

—Прости, дядя Федя... Я ведь ничего не знал.

—А откуда бы ты узнал? Это я тебя по почерку разгадал. Спасибо, что не в глаз, как обер — лейтенанту, вцепил.

—Я нарочно в плечо стрелял, чтоб из строя вывести, а не убивать. Думал помешать вам на немцев работать,— смущенно объяснял Саша.

—Ну вот, думал помешать, а на деле вышло, что помог,— снова усмехнулся Купин.— Для немцев этот выстрел оказался лучшей рекомендацией. Гросбауер там досконально разобрался, кто как вел себя во время заварушки, и получилось, что наибольший героизм проявил я,— Федор Селиверстович проговорил эти слова серьезным тоном, но в его глазах заискрилась усмешка.— В общем, до сих пор мне доверяли, и, по существу, я в курсе всего, что происходило в городе и в большинстве волостей. Поэтому, если бы твой Овод скрывался в городе, я бы об этом узнал хотя бы на час раньше, чем Гросбауер или Кавка. Похоже, что они живут не в городе, а в каком —нибудь подгородном селе или деревне. Организованное подполье об них ничего не знает. Понимаешь, в чем дело, Саня? Многие бьют немцев или, как умеют, вредят им на свой страх и риск, не входя ни в какую подпольную группу. Ведь и Гаврила Кочергин диверсию в депо устроил самостоятельно, поэтому и не смог уйти. Ненависть к оккупантам толкает патриотов на недостаточно хорошо подготовленные диверсии, в результате мы теряем очень дорогих нам людей. И ничего пока сделать нельзя. В городе сейчас работает несколько подпольных организаций, не связанных друг с другом, ничего не знающих друг о друге, но руководимых из одного центра. Гестапо напало на след одной группы в результате предательства. Сейчас мы выводим всех людей, связанных с этой группой, а заодно и таких, кого гестапо может в чем —либо подозревать. Обидно, что приходится уходить и мне.

—Почему?

—Просто две разведчицы выполняли задание фронта, а

документы им подготовили Долганов и я.

—Разве Долганов тоже в подполье?

—Долганов был просто вдребезги пьян, когда ему подсунули на подпись этот документ.

—И разведчиц поймали?

—Нет,— после секзщдного колебания ответил Федор Селиверстович.— Задание они выполнили, но одна из женщин, очень пожилая, заболела и умерла, а вторая благополучно вернулась с задания. Хотя документ, подписанный мною и Долгановым, не попал в руки Гросбауера и Кавки, но все же его видели очень многие из тех, кто знает наши подписи.

Теперь эту загадку пытается решить руководство зондеркоманды. Меня пока что, кажется, не подозревают, но это только пока. Гросбауер очень умный и жестокий человек, к тому же криминалист высокого класса. Если у него возникнет хоть малейшее подозрение по отношению ко мне, за мою голову не стоит тогда давать и полтинника.

—Тогда тебе надо немедленно уходить, дядя Федя.

—Да, я получил на это разрешение и ждал только вас. Завтра мы с тобою и еще восемнадцать человек исчезнем из города. Доведешь?

—Не сомневайся, доведу. Лишь бы из города выбраться.

—Учти, что ты у нас сейчас единственная ниточка связи. Поэтому не рискуй. В город тебе соваться незачем. Отсиживайся до срока здесь. Я тебе выпишу аусвайс. На случай какой—нибудь ночной проверки, хотя это и маловероятно, но, как говорится, береженого и бог бережет.

—Хорошо бы завтра выйти пораньше. Часов бы так в десять.

—Выводить людей из города начнем около одиннадцати. За тобой сюда придет один человек. Сейчас я тебя с ним познакомлю.

—Уходить отсюда под личиной полица?я?

—Безусловно.

—А как же зеленая куртка, карабин, молодой, здоровенный?

—Не задирай носа,— рассмеялся Федор Селиверстович.— Ты молодой, но совсем не здоровенный, а главное, сегодня за ночь нашу полицию перетрясут, а завтра на полицейских гестаповцы перестанут обращать внимание.

—Значит, порядок. Жду твоего посыльного.

—Сейчас я тебя с ним познакомлю. Глафира Сергеевна! — негромко окликнул он хозяйку, приоткрыв дверь в соседнюю комнату.

—Здесь я, товарищ Максим,— донесся негромкий ответ

из прихожей.— Позвать?

—Познакомься, Гриша, с товарищем Мальчиком,— сказал Купин, когда его второй спутник вошел в комнату.— Завтра в девять тридцать вечера проводишь его отсюда к оврагу за бывшей конноспортивной школой. После этого поступаешь в его распоряжение. Ясно?

—Все ясно,— неожиданно густым басом ответил Гриша.

—Ну, пока, Саня, до завтра,— обнял Федор Селиверстович племянника.— Смотри, до прихода посыльного носа отсюда не высывай. Учти, ты сейчас в моем распоряжении, и это — приказ. До девяти часов вечера отдыхай без всякой заботы. Заботиться после девяти будешь.

Но жизнь неожиданно перепутала все расчеты Федора Селиверстовича. Правда, Саша хорошо отдохнул, проспав чуть ли не до полудня, затем плотно подзаправился то ли поздним завтраком, то ли ранним обедом, который приготовила Глафира Сергеевна из своей картошки и банки мясных консервов, принесенных разведчиками. После этого Саша, убедившись, что в доме Глафиры Сергеевны нет ни одной не читанной им книги, решил снова улечься и «добрать в запас», но этому помешала хозяйка дома. Выйдя по делам на двор, она чуть не бегом вернулась обратно.

— Стреляют! — еще от порога сообщила она.— В городе стреляют.

Саша выскочил в сени и распахнул дверь во двор. Да, Действительно, стреляли и очередями и одиночными. Стрельба, по определению Саши, шла в центре города, где—то в районе торговых рядов. Но по накалу стрельбы Саша понял, что это не случайная заварушка, вызванная чьим—то бегством из под конвоя или бесприцельной стрельбой ошалевших от пьянства немецких офицеров, приехавших с фронта в отпуск. Нет, шла ожесточенная схватка не на жизнь, а на смерть Вот к трескотне автоматных очередей и пистолетных выстрелов примешались глухие взрывы гранат. Видимо, схватка приближалась к трагической развязке. Еще несколько минут и наступила тишина. Саша закрыл двери и вошел в дом.

Что же все—таки произошло там, в центре города, где расположились зондеркоманда, гестапо, криминальная полиция?, Кто принял неравный бой с врагом и погиб, предпочтя смерть сдаче в плен? Может быть, Гросбауер все—таки заподозрил работника управы, и дяде Феде пришлось вступить в неравную схватку всего за несколько часов до ухода к своим? Саша сам рискнул бы пробраться туда, но приказ запрещал ему своевольничать. Понимая состояние своего гостя и сама

подгоняемая неистребимым женским любопытством, Глафира Сергеевна «слетала» в город, но по возвращении могла рассказать очень немного. Стрельба началась около самого гестапо, а продолжалась уже в кустах, на берегу реки. Много убитых немцев. Убиты и те двое, которые начали стрельбу около гестапо, но кто они, узнать не удалось. Известно только, что оба молодые парни, каждому и двадцати нет.

«Значит, это не дядя Федя,— с облегчением подумал молодой разведчик. И все же на сердце его лежала тяжесть.— А вдруг это Семен и Леня?—обожгла его неожиданная догадка.— Да нет, не может быть. Лене далеко за двадцать, и он больше полсуток, как ушел из города. Как он мог очутиться около гестапо? Придется ждать до полдевятого, пока Гриша придет».

Но Гриша пришел значительно раньше назначенного срока.

—Федор Селиверстович приказал немедленно уходить сказал он, едва успев поздороваться.

—Куда? — удивился Саша.— Почему так рано?

—Весь Привокзальный район будет прочесываться. Стрельбу слышали?

—Конечно,— в один голос ответили Саша и Глафира Сергеевна.

—Два каких—то паренька убили Кавку, тяжело ранили Долганова и его отродье.

—А сами ушли? — спросил Саша.

Где там,— махнул рукой Григорий.— У них всего два пистолета и четыре гранаты. Ну, нам пора двигаться. Ты, Глафира Сергеевна, поосторожнее тут, приberi что нужно, Сюда они часа через полтора доберутся.

До сих пор Саша считал, что он хорошо знает свой город, в думал, что в этом деле у него нет соперников. Но, пробираясь с Гришей из района вокзала на Крайскую улицу, Саша должен был признать, что его провожатый знает город значительно лучше. Через неведомые Саше закоулки, дворы разрушенных и сгоревших домиков они вышли из Привокзального района и стали обходить центр города, петляя в боковых улочках и переулках. Правда, полностью пройти по окраинам им все же не удалось. Необходимо было перейти реку, а мост был только в центре, к тому же недалеко от гестапо и места недавнего боя. Подходя к мосту, Саша увидел, что на берегу полно ребяташек—рыбаков. Закинув в еще мутную после недавнего половодья реку свою немудрящую снасть, они сидели, уставясь на неподвижные поплавки, в ожидании поклевки. В такое голодное время, даже пескарь был вполне достойной внимания рыбой. Иногда то один рыбак, то другой резко выдергивали удочки, но издавдала Саша не мог рассмотреть,

снимают ли они что с крючков или просто проверяют насадку, Но все равно в сердце заядлого рыбака всколыхнулась сладкая боль, вспомнились тихие задумчивые вечера и ясные зори, проведенные, над дремлющей рекой в сторожке компании поплавковых удочек и донок с колокольчиками. Саша уже хотел заговорить на эту тему с Григорием, но вдруг обратил внимание на двух полицаев, остановившихся посередине моста и наблюдавших за рыбаками. Он не сразу заметил, что неподалеку от полицаев стоит оборванный юноша и смотрит на полноводную взбаламученную реку. Фигура его показалась Саше очень знакомой. Саша вгляделся пристальнее и на мгновение остановился. В изможденном, оборванце он узнал Геню. Левита. Руки Гени не были связаны, но веревочная петля, завязанная на шее, говорила о многом. Геня жадно смотрел на мутную воду, мчавшуюся под мостом. Саша слишком хорошо знал своего товарища, чтобы не понять по его лицу, о чем он сейчас думает. Но второй конец веревки был надет на правую руку здорового полица, сейчас глазевшего на рыбаков.

Саша даже не заметил, что его шаг стал тише, а рука сама скользнула за отворот куртки, к пазухе, где лежал, подаренный Званцевым пистолет, но его отрезвил, встревоженный шепот Гриши:

— Не дури.. Мы на задании. А ему здесь ничем не поможешь.

Саша вспомнил полученный приказ... двадцать подпольщиков, чья жизнь зависела от того, сумеет ли он вывести их из города, и его рука опустилась, так и не достав пистолета — та. А Гриша сердито шептал:

— Прямо двести метров — гестапо, слева полтораста метров — криминальполия, от нее сто метров — зондеркоманда. Ты об этом подумал?

До Гени оставалось не больше десяти — двенадцати метров, когда тот, оторвав глаза от реки, опасливо покосился на своих полицаев и только после этого взглянул на подходившего к нему Сашу. Вначале он безразлично скользнул взглядом по фигуре молодого полица с закинутым за плечо карабином и по его спутнику в потрепанной немецкой шинели, но вдруг вздрогнул и уже пристально посмотрел в лицо Саши. «Узнал», — обрадованно и испуганно подумал Саша. Он не испугался, что Геня, пусть не умышленно, произвольным радостным возгласом, а может быть, возгласом ненависти, если поверит в предательство Саши, выдаст его.

Но Геня, восторженный д'Артаньян детских лет, даже замордованный полицаями, никогда бы не поверил, что его школьный вожак Олеко Дундич, а просто Сашка Гуртовой мог стать предателем. Не только не поверил, но и успел сообразить, какой трагедией Гуртовому грозит любая его, Генкина, эмоция. Пользуясь тем, что он стоит спиной к своим полицаям, Геня приложил палец к губам, а затем сжав пальцы в грязный, по —

мальчишечьи костлявый кулак, поднял его к плочу, молчаливо салютуя другу пролетарским приветствием тельмановцев. И Саша, как будто поправляя ремень карабина, под — нял к плечу сжатую в кулак руку. Так на крутом мосту через Оку, в центре захваченного немцами русского города, два советских комсомольца приветствовали один другого жестом немецких коммунистов.

Много кварталов отшагали в угрюмом молчании Саша и его связной, пока, пробравшись через заброшенный сад во двор дома на Пушкирной, Гриша постучал в двери, ведущие в подвал. К удивлению Саши, в подвале оказалась довольно приличная по условиям оккупированного города квартира. Дверь открыла пожилая женщина, одетая во все черное. Большой черный платок был повязан по — старинному, как на монашке.

—Моя тетя,— отрекомендовал хозяйку квартиры Гриша и добавил:— Она мне как мать. Я раньше тоже здесь жил.

—Зовут меня Марфой Дмитриевной,— степенно поклонилась женщина.— Проходите. Не наследил? — спросила она уже на ходу племянника.

—Все чисто,— ответил Гриша.— Мы, тетя, в боковушке побудем.

—Идите со Христом,— напутствовала их хозяйка.

Саша был поражен. Религиозная хозяйка, передние углы комнат, через которые они проходили, пробираясь в боковушку, сплошь увешаны иконами, причем перед некоторыми горят лампадки. Куда же он попал? Заметив Сашино недоумение, Гриша пренебрежительно махнул рукой и пробасил:

—Ты не тушуйся, все это камуфляж. Моя тетя ни в бога, ни в дьявола, ни в собачий вой не верит. А так и немцы ни в чем не подозревают, и местная сволочня, какая найдется, с доверием к ней относится.

Когда вошли в боковушку, маленькую без окон комнату, где стояла только широкая кровать и несколько сундуков, Гриша сказал:

—Раздевайся. До ночи здесь будем. Отдохнем маленько.

Когда оба разделись и, сидя рядом на сундуке, стягивали сапоги, Гриша, вспомнив недавно пережитое, сказал:

—А я на мосту — то подумал, что наше дело совсемдохлое. Ну, думаю, выдаст нас сейчас этот хлопец. Не по злобе или подлости, а просто от удивления или радости.

—Ну что ты,— устало проговорил Саша.— Генька не такой.

—Такой не такой, а мог не удержаться. Он которую неделю на краю могилы стоит, а ведь совсем еще пацан. Ты к стене ложись. Мне с краю удобнее.

—Знаешь что, Гриша,— вытянувшись на постели, закинув руки за голову, сказал Саша.— Выведу я вас, доставлю на место и вернусь в город. Надо ребят выручать.

—Ну это еще как разрешат. А ты о каких ребятах печешься?

—Ну тут есть Славка Грачев, Мишка Кочергин, сегодня Геньку Левита встретили. Всех их надо вытащить.

—Мишка Кочергин — это художник, что ли?

—Да, он самый. Он и Славка Грачев — мои друзья.

—Хорошие у тебя друзья были.

—Почему были?!

—Федор Селиверстович не велел тебе всего говорить, чтобы ты дорогой сюда не нервничал.— Это они сегодня Кавку — то ухлопали и этих двух мерзавцев почти усоворовали.

—Как они?! — воспринял все это как неуклюжую шутку Саша.

—Да вот так, понимаешь, подошли и шлепнули. А йотом и их самих, ты понимаешь, тоже не помиловали.

Установилась долгая, очень долгая пауза. Удивленный молчанием соседа, Гриша скосил глаза и взглянул па него. Саша по —прежнему лежал на спине, закинув руки за голову. Лицо его словно бы одеревенело, нижняя губа была крепко прикушена, а из глаз одна за другой катились крупные, как горох, слезы. Заметив, что Гриша наблюдает за ним, Саша повернулся на бок, лицом к стене и не проронил ни слова до того вре, лени, когда нужно было выходить на задание. Но на всем протяжении пути, от города до кирпичного завода и от кирпичного завода до складов военведа, он, несмотря на то, что все шло хорошо и завершилось очень удачно, был молчалив и угрюм. Не стал он разговорчивее и тогда, когда стало ясно, что обратно в город ему возвращаться нельзя. Судьбой Гена Левит занялись другие люди, а его ожидало совсем другое задание.

КУДА ИСЧЕЗ КУПИН

Начальник зондеркоманды штурмбанфюрер СС Гросбауер с раннего утра был в самом плохом настроении. Он читал а перечитывал письмо родственника жены, помощь которого была ему необходима. «К переводу тебя в штаб «Балле» начальство настроено очень положительно. Это вопрос времени, от силы двух — трех месяцев. Главное, чтобы ты сам не подкачал. Постарайся, чтобы у тебя сейчас не было никаких неприятностей, особенно от партизан. Зажми их в железный кулак, ведь ты, дружище, это умеешь делать неплохо. Главное, помни, что происшествия вроде

побоища, которое устроил вам партизанский снайпер в совхозе осенью, или взрыва моста вместе с танковым эшелоном зимою не украшают твой послужной список».

Перечитав это место, Гросбауер криво усмехнулся. «Глупо, Вилли, глупо. Конечно, я все это и без твоего напоминания помню. А что бы ты запел, если бы узнал, что недавний взрыв складов в Вечернем произошел совсем не в результате бомбежки случайным советским самолетом, который к тому же был сбывт, а в результате диверсии; что Левашовскую дамбу прорвала совсем не талая вода, а партизанский тол, что перед разгромом с воздуха танкового полка, укрытого во дворе МТС под Сергеевой, советские разведывательные самолеты даже не залетали в тот район, как об этом было сообщено командованию. Тогда всю вину свалили на танкистов, которые поленились, мол, как следует замаскировать танки. А уничтожение хорошо подготовленного для действий в партизанской зоне отряда Атаманчука в этом проклятом монастыре на Святом озере? Об этом вообще, дорогой мой Вилли, мы никуда не доносили. Сейчас на лесопильном заводе сколачивается новый отряд. Нужно отдать должное Овенбергу, он проявил настоящую оперативность. Люди сейчас попали, конечно, сортом пониже, но иного выхода нет. Ты, Вилли, даже не подозреваешь, в каком сложном положении находимся мы на земле, которую вы там, в высоких штабах, давно считаете завоеванной и покоренной»..

Начальник зондеркоманды задумался. Его мысли уже были заняты предстоящей операцией по ликвидации партизанского края. Два отдельных батальона при поддержке танков, безусловно, легко разгромят партизан, ведь это все — таки не регулярные войска. Да и сколько их там может быть? Зондеркоманда, конечно, имеет в партизанском крае своих людей, от лих поступают самые разноречивые данные. Часть агентов определяет количество партизан в десять — двенадцать тысяч, часть утверждает, что их не меньше пятидесяти тысяч. Сам Гросбауер считал, что боеспособных партизан не больше двадцати тысяч. Гросбауеру было особенно приятно, что общее руководство боевой операцией возложено непосредственно на него как начальника зондеркоманды. Все складывается очень удачно. Благодаря этому назначению он сможет сделать то, что давно задумал, но не решался просить у командования дополнительных сил. Ведь такая просьба могла выглядеть как признание им, Гросбауером, превосходства русской разведки над немецкой. Зато сейчас он обойдется без всяких просьб. Конечно, батальоны «Десна» и «Север», как и приказано, будут уничтожать партизан, но часть сил обоих батальонов, причем самых отборных, и все силы зондеркоманды он, Генрих Гросбауер, бросит на то, чтобы захватить чекистские оперативные группы, пробравшиеся в партизанский край. Он, Генрих Гросбауер, это

сумеет сделать. В конце концов у него опыт борьбы с бельгийским, французским, югославским, чешским подпольем. А главное, он не обременен тяжелым грузом доверия к людям. Доверие — роскошь. И он более чем, кто — либо другой, способен вести беспроегрешную борьбу с чекистской разведкой. Поэтому Гросбауер был не слишком встревожен, когда агенты, засланные в партизанский край, донесли, что в отряд имени Кирова пришла крупная группа чекистов. Не очень беспокоило его сообщение о том, что чекисты организовали в отрядах краткосрочные курсы подрывников. Начальник зондеркоманды даже посмеялся по этому поводу. Пусть, мол, стараются, готовят ему кадры для перевербовки. Все равно о каждом выходе диверсантов на задание он будет знать своевременно и успеет нанести предупреждающий удар.

Но тут произошло то, чего никак не ожидал штурмбанфюрер. Чекисты первыми нанесли удар и как раз там, где он считал себя неуязвимым. Они каким — то образом сумели рассмотреть даже очень надежно замаскированных агентов зондеркоманды, ликвидировать же, Гросбауер остался без «глаз и ушей». Весь его опыт говорил ему, что это не просто случайные провалы, которые вообще — то всегда возможны. Нет. Весь ход проведенной чекистами акции и донесения двух успевших выскочить из партизанской зоны агентов говорили о том, что а чекистов кто — то информировал об агентуре зондеркоманды, да и не только зондеркоманды. Некоторых своих агентов потеряло и гестапо. Штурмбанфюрер Гросбауер сразу понял, что основной информатор чекистов находится среди тех людей, которых знает, с которыми часто встречается, как видно, доверяет и он, начальник зондеркоманды Гросбауер, и начальник гестапо Кавка. В курсе всей агентурной работы зондеркоманды был только заместитель начальника гауптштурмфюрер Овенберг, но даже он не знал некоторых наиболее доверенных агентов Гросбауера. А между тем именно эти агенты были в первую очередь схвачены чекистами. Все документы, связанные с агентурой, хранились в личном сейфе штурмбанфюрера, к работе с ними допускались только немцы из зондеркоманды, среди которых не было ни одного фольксдойча. Особенно же угнетала Гросбауера мысль о том, что, может быть, и до сих пор рядом с ним ходит кто — то неопознанный, может быть, вся возня со сменой оперативного состава зондеркоманды была напрасной, и, несмотря ни на что, секреты ее совсем не секреты для чекистских агентов.

В этом более всего убеждало то, что одновременно с разгромом его агентуры у себя в тылу чекисты повели широкое наступление по всему тайному фронту. Это было совсем не то, что в первые месяцы войны. Если сожжение хлеба в совхозе и бойню, которую учинил партизанский снайпер роте обер — лейтенанта Торна, штурмбанфюрер отнес к случайным диверсиям, то за всем

последующим чувствовалась опытная направляющая рука. Взрыв железнодорожного моста через реку Птаха, во время которого погиб танковый эшелон, был первой хорошо организованной диверсией. Диверсанты пришли из – за линии фронта и, чтобы карающая рука немецкой контрразведки не обрушилась на местное население, даже оставили свой обратный адрес, потеряв, с явным расчетом на то, что он будет найден, портсигар одного из участников акции. Штурмбанфюрер тогда пошел навстречу желаниям чекистской разведки. Пусть она думает о нем хуже, чем он есть на самом деле. Никто из местных жителей не пострадал, были расстреляны только уцелевшие солдаты из охраны моста. Затем последовало несколько не особенно удачных железнодорожных диверсий. Штурмбанфюрер успокоился. Значит, против него за линией фронта стоит не особенно сильный противник. И вдруг... Резко возросли и стали очень результативными действия партизан. Взрывы железнодорожного полотна, водокачек, стрелок, небольших мостов, разгром полицейских участков и мелких сельских гарнизонов. И пошло, и пошло. Из общего количества мелких и крупных диверсий Гросбауер выделял те, которые, по его мнению, велись по заданию чекистского руководства. Это, прежде всего, взрыв моста на Карчинском тракте в самом сердце секретной и совершенно закрытой для всех зоны. Очень важная коммуникация была надолго выведена из строя. На ремонт бросили все силы, и тогда неожиданно взлетели на воздух дамбы водохранилища. Пятиметровая волна ледяной воды, сжатая в узком дефиле, обрушилась на строительство. Это было днем в разгар работы. Погибли почти все, кто был в это время на строительстве моста, разрушены механизмы и машины, а местность приведена в такое состояние, что к продолжению работ можно приступить только в начале лета. Гросбауер был уверен, что обе диверсии направлялись из одного центра, но командованию доложили, что прорыв Левашовской дамбы произошел потому, что ее очень плохо построили большевики и она не выдержала напора талых вод.

Разгром советской авиацией огромных складов боеприпасов и горючего в наиболее охраняемой части зоны около села Сватово Гросбауер вначале поставил на счет той же диверсионной группы, но вскоре понял, что допустил ошибку. Тут явно был другой почерк. Впрочем, на этот раз долго голову ломать не пришлось. Вначале поступили не очень ясные сообщения о гадалке, которая, несмотря на все строгости, спокойно передвигалась по зоне, причем ее документ был подписан Долгановым и Купиным. Не только Гросбауер, но Кавка и даже генерал Гамант считали этих двух русских абсолютно надежными людьми. С общего согласия Овенберг поручил Долга – нову разобраться в этой путанице. А через день насмерть перепуганный начальник полиции, утирая кулаком слезы, рассказал в этом кабинете, как арестованная

гадалка сумела покончить с собой самым варварским способом, чуть ли не на глазах работника полиции. Тогда же Долганов выложил на стол штурмбанфюрера кучу шелковых лоскутков.

Гросбауер потянулся и достал с полки довольно большой квадрат фанеры, на котором были наклеены в нужном порядке найденные полицией кусочки шелка. Вот вам, пожалуйста, сделанный довольно примитивно, но точно чертеж местности северо—восточнее села Сватово. Склады боеприпасов и горючего густо заштрихованы. Ясно, что слепая гадалка сама не могла сделать такой подробный и точный чертеж. А ведь кто—то его сделал. Из русских там нет никого, кто имел хотя бы начальное техническое образование. Корней Пылаев, просидевший при Советах несколько лет в тюрьме, тот самый Пылаев, которому после пожара по личному приказанию Гросбауера выдано востомоществование, выделено две коровы и нарезано сорок гектаров чернозема, человек, безусловно, пре—данный Германии и новому порядку, сам лично проверил всех мобилизованных на строительство, местных жителей и даже полицаев. Людей, способных сделать чертеж, не оказалось. А ведь именно к ним на свидание шли гадалка и ее поводырь. Когда Долганов добавил, что поводырем у слепой была дочь крупного партийного работника, Гросбауер еле сдержался, чтобы не пристрелить Долганова. Тот докладывал о том, что он, отдал приказ всем полицаям полностью перекрыть дороги, граничащие с партизанским краем. Присутствовавший при разговоре Купин одобрительно сказал:

—Это ты правильно сделал, Герасим Кузьмич, но почему перекрыл дороги только с того края?

—А где же еще перекрывать? — окрысился Долганов, считая вмешательство Купина в разговор ненужным и даже вредным.

—Но старуха—то ехала в город? — с улыбкой спросил Купин.

—Она ехала к врачу, в больницу.

— Это она говорила,— еще шире заулыбался Купин.— Из города в обход зоны для них путь длиннее, но безопаснее. А волгинская—то дочка, я ведь ее видел, девка здоровая, смелая и фанатичная. Одно слово, комсомолия.

—Ну, такого она не допрет.— упрямо ответил Долганов.

—Сама не допрет, другие научат,— не сдавался Купин.— В Сватово—то она не к дуракам шла.

—Господин Купин прав,— прервал назревавший спор Гросбауер.— Перекрыть Крайский большак и вообще все дороги, ведущие в обход зоны.

—Так — то оно надежнее, — одобрил Купин. — Окружить со всех сторон и ждать.

Но ждать пришлось не очень долго. Массированный налет советских тяжелых бомбардировщиков показал, что ловушка не сработала, и комсомолка Волгина прорвалась сквозь полицейскую блокаду к своим. Постаревший на добрых пять лет, Долганов приказал своим полицаям разблокировать дороги и вернуться к прежним обязанностям.

В тот день, глядя на дрожащего от страха Долганова, начальник зондеркоманды неожиданно для самого себя подумал: «А не ты ли, господин Долганов, и являешься этим самым; информатором, пристроенным чекистами под надежную крышу начальника полиции? Ведь в Вечернем — то ворожей прежде всего связались с твоей любовницей, в Сватово гадалки при — ехали на твоих лошадях и на квартиру их там устраивал твой ямщик, который йотом исчез при загадочных обстоятельствах, Позднее твоего ямщика нашли с проломленной головой. Может быть, ты сам его и убрал, как лишнего свидетеля. Возчик Анохин, который якобы по предписанию сватовского старосты вывозил слепую гадалку в город, тоже исчез неизвестно куда. И старая гадалка покончила с собой, находясь под надзором твоего сынка. А может быть, он ей помог отправиться в лучший мир. Все говорят, что старуха была очень слабой и заморозить ее ничего не стоило. Слишком много — странных совпадений. По — настоящему даже за одно из них вас следовало бы расстрелять, господин начальник полиции».

Собственно говоря, начальник зондеркоманды сохранил тогда свои мысли в тайне и не расправился с начальником полиции лишь потому, что только абсолютный кретин мог посчитать Долганова замаскированным чекистом.

Часы, висевшие на стене Кабинета, мелодично пробил два часа. В кабинет вошел гауптштурмфюрер Овенберг. Он с истовостью убежденного нациста вскинул руку, приветствуя своего начальника, и, увидев в ответ небрежный взмах, с удовлетворением уселся на одно из двух свободных кресел против стола начальника зондеркоманды.

—Как дела у Атаманчука? — спросил Гросбауер.

—Продолжает сколачивать взвод. Каждый день строевые учения.

—Отлично, — одобрительно отозвался Гросбауер, и Овенберг расцвел от удовольствия. Он хотел добавить еще что — то, но в этот момент с улицы донеслись звуки недалеких выстрелов. Оба эсэсовца внимательно прислушались. Стреляли где — то неподалеку. Несколько секунд стояло тревожное молчание.

—Разрешите?! Я проверю! — вскочил с кресла Овенберг.

—Прощу вас,— кивнул Гросбауер.— Заодно разбудите олуха, который дежурит в приемной. Почему не докладывает?

У самых дверей кабинета Овенберг столкнулся с вбежавшим дежурным.

—Стреляют около здания гестапо,— доложил тот.— Весь наличный состав приведен в боевую готовность. Какие будут приказания?

—Возьмите трех автоматчиков и проверьте, в чем там дело,— приказал Гросбауер Овенбергу. Тот поспешно вышел из кабинета.— Остальным оставаться на местах, но быть в полной готовности. Идите,— отпустил Гросбауер дежурного.

Через несколько минут позвонили от коменданта гарнизона. Генерал сам взял трубку и осведомился, что происходит в городе.

—Господин генерал! Разрешите мне несколько позднее прибыть для личного доклада,— делая вид, что считает невозможным сообщить подробности по телефону, вывернулся Гросбауер.

—Не задерживайтесь,— неожиданно для Гросбауера очень благодушно пожелал генерал.— Разбирайтесь побыстрее и приезжайте.

«Что же такое там случилось?» — Гросбауер уже крикнул дежурному, чтобы тот вызвал для сопровождения трех автоматчиков и решил сам идти к месту событий, но в этот момент в кабинет вошел запыхавшийся и очень бледный Овенберг.

—Ну, что там, докладывайте,— отмахнувшись от уставной формы рапорта, раздраженно крикнул Гросбауер.— Да что вы пыhtите, как паровоз?! Докладывайте!

—Господин штурмбанфюрер!— вытянувшись как мог и преданно глядя на своего начальника испуганными глазами, начал Овенберг.— Только что убит начальник гестапо гауптштурмфюрер Кавка.

—Что — о?! — рявкнул пораженный начальник зондеркоманды.— Вы понимаете, о чем говорите? Кто посмел?!!

—Так точно, понимаю, господин штурмбанфюрер,— ошеломленный неожиданным гневом начальника, зачастил Овенберг.— Господин гауптштурмфюрер Кавка вышел из помещения гестапо в сопровождении начальника криминальной полиции Долганова и его сына. К нему осмелились подойти двое

русских и спросили: «Вы Кавка?» Господин гауптштурмфюрер ничего не ответил. В этот момент сын господина Долганова закричал: «Это Овод! Держите его!»

Тогда один из русских сделал два выстрела, и господин Кавка упал мертвый.

Господин начальник криминальной полиции Долганов бросился бежать, но Овод выстрелил и в него. Господин Долганов упал и сделал вид, что убит. Вторую пулю Овод пустил в сына начальника полиции, попал ему в грудь и ранил, по всей вероятности, смертельно.

—А где в этот момент были сотрудники гестапо, черт бы их взял? — прервал дотошный доклад своего заместителя Гросбауер.

—В помещении гестапо,— развел руками Овенберг.— Услышав выстрелы, они выбежали и открыли огонь по злоумышленникам. Те начали отстреливаться, отходить. В перестрелке злоумышленники были убиты. С нашей стороны убито шесть, не считая господина Кавки, и ранено семь, не считая начальника полиции и его сына.

— Где тело гауптштурмфюрера? — устало спросил Гросбауер.

— В помещении гестапо. Раненых я приказал отправить госпиталь, а тела злоумышленников повесить в сквере. Написать, что расстреляны за партизанские действия.

— Что вы, с ума сошли?! — вскочил опустившийся было на стул Гросбауер.— Откуда в городе могут появиться партизаны? Повесить трупы на деревьях, а под ними на фанере написать коротко и ясно: «Бандиты. Пристрелены в момент грабежа». Вот так и действовать. Ясно? И никаких партизан в городе нет. Я к генералу. Докладывать.

Гросбауер все еще был у генерала, когда уже в сумерках в помещении зондеркоманды появился Кушш. Узнав, что начальник зондеркоманды еще не вернулся, Федор Селиверстович попросил доложить о своем приходе гауптштурмфюреру Овенбергу. Тот незамедлительно принял видного работника городской думы, тем более что к этому немногословному и всегда спокойному русскому очень благоволил сам начальник вондеркоманды.

—Здравия желаю,— приветствовал Овенберга Федор Селиверстович, войдя в его маленький, сплошь уставленный мягкой мебелью кабинет. Заместитель начальника любил посибаритствовать, если это не мешало выполнению служебного долга.

—Рад вас видеть,— чуть приподнялся с кресла навстречу посетителю Овенберг. Купин не знал немецкого языка, поэтому и Овенбергу приходилось говорить по-русски.— Чем я могу быть полезен?

—Мне только что позвонили из комендатуры и передали

приказ господина штурмбанфюрера немедленно явиться к нему,— ответил Федор Селиверстович.— Узнав, что господина штурмбанфюрера еще нет, я осмелился лично вам засвидетельствовать мое почтение.

—Прошу, садитесь,— снова чуть приподнялся и указал рукой на кресло Овенберг.— Штурмбанфюрер скоро будет. Он поехал докладывать для генерала, какой негодный... нет, как это... вот — вот, невероятный происшествий сегодня случился.

—Да,— печально покачал головой Купин.— Кто бы мог. Ждать такого несчастья? В самом центре города, у входа в гестапо бандиты совершают злодейское нападение и на кого? На одного из лучших людей в городе. Смерть господина гауптштурмфюрера — это большая потеря для великой Германии.

Все сотрудники нашей управы скорбят о господине Кавке. Овенберг смотрел на печальную физиономию Купина и думал; «До чего же примитивны эти русские. Вот этот весьма дельный русский сейчас искренне сожалеет о Кавке. А ведь Кавка больше всего ненавидел русских и считал своим дол — гом расстреливать всех, кто попадал к нему в руки. Купив, конечно, знает об этом и все — таки искренне сожалеет».

— Да, гауптштурмфюрер Кавка был железным челове — ком, и его смерть — большая потеря для Германии. Его нелегко будет заменить,— начал внушать Овенберг Федору Селиверстовичу, но дальнейший разговор был прерван появлением дежурного. Начальник зондеркоманды вернулся от генерала и приглашал всех к себе.

Входя в кабинет Гросбауера, Купин отметил про себя, что на это позднее совещание вызван, кроме него, только Коврижкии, заместитель Долганова, малозаметный, тихий человек, обладавший, однако, неиссякаемым запасом подлости. В кабинете, как обычно, было только два кресла, для хозяина и его заместителя. Купину и Коврижину пришлось стоять. Гросбауер от генерала вернулся явно чем — то окрыленный. Овенберг еще только опустился в кресло, а Гросбауер оживленным тоном уже начал ему что — то приказывать. Почти не зная немецкого языка, Купин все же разобрал, что речь идет об отряде Атаманчука, которого срочно выводят то ли в район Сергееве, то ли в само Сергееве. Овенберг на все приказания согласно кивал головой. Закончив разговор с ним, начальник зондеркоманды подозвал к столу Коврижкина.

—Пока начальник полиции не вернулся в строй,— начал он, даже не назвав собеседника по фамилии,— вам надлежит выполнить следующее. Из сел Лагутино и Першино выселить

все гражданское население. Повторяю—только население. Выселению не подлежит крупный и мелкий скот, домашняя птица, продуктовые запасы в погребах и так далее. Ясно?

—Так точно. Все ясно,— склонил голову Коврюккин, потев от усердия.

—Освобожденные от населения села примут под сохранность ваши полицаи. И предупредите их, что я прикажу расстрелять каждого второго, если в каком—либо доме исчезнет хотя бы одна курица, поросенок или даже одно яйцо. Ясно?

Все должно быть в полной сохранности. При нарушении моего приказа в любом случае вместе с нарушителями будете расстреляны и вы. Через три дня жду от вас рапорта о выполнении. Доступ в эти села со стороны полностью пресечь.

Коврижкин безмолвно улетучился. Глядя на своего заместителя лукаво прищуренными глазами, Гросбауер с необычной для него веселостью сказал:

—Эти два «ела—наш подарок батальонам «Десна» и «Сечвер». По селу на батальон. По—моему, неплохо. Овенберг согласился, что это действительно неплохо. Купин на этот раз полностью понял все, что сказал Гросбауер.

—А на вас, господин Купин, в этот ответственный момент тоже возлагается очень большая задача,— обратился, наконец, я к Федору Селиверстовичу начальник зондеркоманды.— С окружающих Лагутино и Першино сел направить в эти два села

продукты. Лучшие продукты. Сало, яйца, сметану, мед.

—На какое количество людей и в течение какого времени? — спокойно спросил Купин

—В каждом селе будет расквартировано примерно по девятьсот человек сроком на полторы—две недели. Я думаю, что за этот период они успеют выполнить свою задачу,— довольный спокойно—деловым отношением Купина, ответил Гросбауер.

—С какого числа должны начать поступать продукты? — бесстрастно уточнил Купин.

—Сегодня восемнадцатое. Первая партия продуктов должна поступить двадцать четвертого.

—Старосты в селах будут не в восторге от этого мероприятия,— в первый раз улыбнулся Купин.— Прошу вашего распоряжения, господин штурмбанфюрер, принимать нужные меры против тех, кто будет саботировать.

—Действуйте решительно, господин Купин.— благосклонно улыбнулся Гросбауер.— Мы вас всегда поддержим, а когда

поручение будет выполнено, то и наградим. Когда вы намерены приступить?

— С вашего позволения, господин штурмбанфюрер, на рассвете я выеду в села. Думаю, что у меня не будет повода беспокоить вас до того времени, пока моя работа не будет закончена. Разрешите приступить к выполнению вашего приказа.

— Идите, господин Купин. Желаю вам успешно выполнить мой приказ,— напутствовал Гросбауер Купина. Тот вскинул в прощальном жесте руку и вышел из комнаты.

Федор Селиверстович через комнату дежурного прошел в коридор. Несколько молодых эсэсовцев курили у открытого окна.

—Под окном слышались неторопливые шаги часового. Зондеркоманда охранялась постоянно и бдительно. Кутивший несколько в стороне от других эсэсовцев средних лет скользнул по Федору Селиверстовичу как бы случайным взглядом. Так же случайно взглянул на него и Купин. Эсэсовец медленно опустил веки и затем снова посмотрел на Федора Селиверстовича. Тот, чуточку прищурив глаза, прошел мимо него к двери на улицу. Так безмолвно, без пожатия руки, без дружеского слова или хотя бы улыбки попрощались два солдата тайного, незримого фронта.

—Если бы в моем распоряжении был хотя бы с десяток таких русских, как Кушш, задачи, стоящие перед зондеркомандой, выполнялись бы вдвое быстрее и результативнее, глядя вслед ушедшему, проговорил Гросбауер.— Великолепный пример исполнительности. Расторопен, честен и стоит не очень дорого. К сожалению, таких очень мало.

—Честен? — переспросил Овенберг.— Пожалуй, да, действительно честен. И все же меня очень настораживает то, что на документе гадалки стояла его подпись.

—Его и Долганова,— поправил Гросбауер.— Я об этом никогда не забываю. Во всяком случае, нам еще предстоит разбираться. Будет очень жаль, если что—либо подтвердится. Такие, как Кушш, нам очень нужны.

—Да, такие попадаются не часто,— согласился Овенберг.—Я уже докладывал вам, господин штурмбанфюрер, что мною обнаружен подобный же экземпляр. Некто Козырев. Он обеспечивает условия работы Атаманчуку.

—Помню. Скоро его можно будет отозвать сюда. Посмотрим, не подойдет ли он для работы в думе. Вы говорите, он хорошо знает сельское хозяйство?

—Пока большевики не начали создавать колхозы, Козырев имел большое хозяйство. По нашим масштабам, он

был весьма крупным фермером.

—Что ж, надо посмотреть. Отзывайте его, как только Атаманчук выйдет в рейд.

—Слушаюсь. Козырев оправдывает ваше доверие. Только знаете, господин штурмбанфюрер, я все—таки не пойму большевиков.

—Вот как,— улыбнулся Гросбауер.— Признание более чем странное для опытного работника зондеркоманды рейха.

Хотя фраза прозвучала двусмысленно, Овенберг понял, что начальник не против поболтать на отвлеченные темы. Несмотря на уже позднее время, он явно не собирался домой, хотя и жил в одном здании с зондеркомандой.

—Так в чем же вы не понимаете большевиков? — напомнил Овенбергу Гросбауер.

—Не понимаю, почему они так расточительно относятся к своим людским резервам. Ведь вот тот же Козырев, ценный работник, с большим опытом руководства огромным поместьем, а они его со всем его опытом за решетку, в ссылку. Почему такая бесхозяйственность?

—Мда—а,— протянул Гросбауер.— С нашей точки зрения, это бесхозяйственность, а у них это называется классовой борьбой. Свалив несколько тысяч Козыревых, они дали дорогу миллионам некозыревых. И эти некозыревы стали руководить огромным, еще большим поместьем.

Продолжительный резкий звонок телефона прервал начальника зондеркоманды. Звонил телефон прямой связи с комендантом гарнизона. Гросбауер снял трубку.

— Штурмбанфюрер Гросбауер слушает. А—а, здравствуйте, майор. Что это вам не спится? Дежурите? Ну, пожелаю вам спокойного дежурства. Генерал приказал вызвать?! —на лице Гросбауера появилось выражение удивления и тревоги одновременно.— Нет. Купин, получив задание, вышел от меня двадцать два тридцать... Да, утром он должен выехать. Генерал беспокоится? Не нашли?.. Странно... Да, конечно, немедленно приму меры. Да, да, учитываю. Выясню и позвоню вам. Хорошо.

Овенберг видел, что начальник зондеркоманды чем—то очень расстроен. Он даже встал с кресла, готовый получить приказание немедленно выполнять его. Но Гросбауер не торопился отдавать приказ. Он с минуту молчал, затем крепко потер себе лоб, словно отгоняя тревожные мысли, и только после этого сказал:

—Что—то случилось с Купиным. Посыльный комендатуры выяснил, что в управу вечером он не заходил, а квартира заперта изнутри, и на стук никто не ответил.— Потом, помолчав, добавил: — Распорядитесь: мою машину и машину с автоматчиками.

убедившись, что ничего интересного в бумажнике нет, начал его просматривать. Уже с первых строчек он стал читать' его очень внимательно, и Овенберг с испугом увидел, как меловая бледность заливает лицо его начальника. Прочитав письмо, Гросбауер несколько секунд сидел молча, закрыв глаза, и вдруг Овенберг услышал голос, которого он раньше не слышал. Он даже внимательно взглянул на губы своего начальника, чтобы убедиться, что это говорит именно он.

—Где сейчас Долганов? — проговорил Гросбауер скрежещущим, как жернов о жернов, голосом.

—Дома, вероятно. Он ведь ранен...

—Сейчас же доставьте его к нам,— по—прежнему не открывая глаз, приказал начальник зондеркоманды.— Через полчаса я его буду допрашивать. Сам буду допрашивать.

—Он открыл глаза и, увидев, с каким недоумением глядит на него Овенберг, протянул ему письмо. Впрочем, тот прочитал только маленький кусочек «...передайте ему нашу благодарность за помощь разведчице Волгиной. Этим он хотя бы частично может искупить...». Овенберг пятился к двери под остановившимся взглядом Гросбауера. Он—то хорошо знал, с какой скоростью надо выполнять приказы начальника зондеркоманды, когда речь идет о доставке арестованного к нему на допрос.

— Да еще вот что,— уже обычным голосом добавил Гросбауер, когда Овенберг взялся за ручку двери.— Готовьтесь срочно выехать к Атаманчуку. Его отряд надо выводить, а то вам устроят новый монастырь на Святом озере..

АТАМАНЧУК УМЕЛ В РЕЙД

Идти с каждым шагом становилось все тяжелее. За долгий весенний день, с первых минут рассвета и вот до этого времени, когда все вокруг начинали заливать бледно—сиреневые туманные сумерки, они прошли всего около двадцати километров. Так, по крайней мере, считал Федор Кузьмич, а он—то хорошо знал эти места. Сам командир партизанского спецвзвода шагал впереди короткой цепочки людей. Он старался идти по прямой, чтобы путь был короче. Да не получалось. Какой—нибудь лесной ручеек, который летом перешагнешь — не заметишь, сейчас разлился, шумит и бушует, как настоящий поток.

Бок о бок с партизанским командиром шел старший сержант Сидоров. Еще с дней зимнего перехода в тыл врага между молчаливым чекистом и разговорчивым партизаном установилась прочная дружба. Они и сейчас шли, помогая один другому и негромко разговаривая. Вернее, говорил, как обычно, Федор Кузьмич, а Павел Петрович слушал и только изредка вставлял

нужное слово. Вплотную за этими двумя, гуськом, след в след шагал Леонид, за ним Саша. Шли молча. Изредка они останавливались, чтобы помочь идущему следом Купину перелезть через ветровал или, прыгая по кочкам, перейти залитую водой лощину. Замыкающимися, опять — таки цепочкой, шли два бойца из партизанского спецвзвода. Уже четвертые сутки они пробирались к цели.

—Сильнее всех устал Федор Селиверстович. Он видел, что его медлительность задерживает всех остальных. Конечно, для всех, кроме него, длинные переходы были уже делом привычным, а он за последние месяцы вообще мало ходил пешком. И если даже для втянувшихся в ходьбу людей нынешний переход был изнурительно тяжел, то что уж говорить о нем. Все это понимал и сам Федор Селиверстович и его спутники. Он напрягал все силы, чтобы не очень тормозить движение группы, Федор Кузьмич, шагая головным, устанавливал такой темп, который был бы под силу Купину, а Саша и Леонид в каждом трудном месте приходили ему на помощь. Так уж по — лучилось, что Федор Селиверстович вошел в группу, которая пошла на задание, предложенное и продуманное именно им, Купиным.

В то утро, когда они добрались, наконец, до складов воен — веда, Федор Селиверстович устроил совещание. Вначале участниками его были только трое: он, Саша и Леонид. Потом был разбужен старший сержант Сидоров, а за ним пригласили и Федора Кузьмича Бехтерева. Только в таком составе они смогли принять верное решение и приступить к его выполнению.

Федор Селиверстович доложил о скором приходе двух отдельных немецких батальонов в Логумшо и Першино и о срочном выводе отряда Атаманчука с лесопильного завода.

—Но от Логутино до Першино километров тридцать — тридцать пять,— недоуменно проговорил Бехтерев.— Что — то тут немцы не докумекали.

—Да нет, Федор Кузьмич, по — моему, все докумекали,— не согласился с ним Купин.— Развернут они свои батальоны в этих местах, и партизанский край будет отрезан от деревень. А если батальон, который начнет наступать от Першино, подвинется чуток вправо, то полностью отрежет партизан от Клетских лесов.

—И может прижать их к Согра,— догадался о намерениях врага Бехтерев.— А Согра сейчас непроходима и до половины лета такой будет.

—Танки где будут? — спросил Сидоров.

—Про танки ничего не говорили,— ответил Купин.—

Наверное, без танков.

—Без танков у них кишка слаба,— определил результаты задуманной немцами операции Сидоров.

—Не так уж и слаба,— подал голос Леонид.— Батальоны отдельные, значит, в каждом человек по восемьсот — девятьсот. Да приданные средства. Да эсэсовцев наскребут.

Но все же больший интерес вызвало сообщение об отряде Атаманчука. Многие из присутствовавших в той или иной мере принимали участие в наблюдении за первым отрядом Атаманчука или в его уничтожении. Поэтому все единогласно решили, что отряд Атаманчука и па этот раз нельзя выпускать из леса.

—Только как к нему подобраться? — засомневался Федор Кузьмич.— Заводик — то этот я знаю. Так, вроде керосинки, Сарай, три барака и домик заведующего.

—Нам бараки — то и нужны,— пробасил Сидоров.— Ночью. Когда эта шпана спать будет.

—Вот, вот,— согласился с ним Бехтерев.— А я что говорю. Они там в бараках — то на казарменном положении. Значит, посты стоят, караулы. Нам надо будет понаблюдать. А время где? Времени — то нет.

—Слушай, Леня,— вступил в разговор Саша Гуртовой.— А этот, помнишь, в зеленых рукавицах. Ну, о котором нас капитан предупреждал. Он ведь, наверное, и сейчас при Атаманчуке.

—А — а! Это который в лисьей шапке,— вспомнил Леонид.— Наверное, он там. Только мы даже фамилии его не знаем.

Установилось молчание. Каждый про себя обдумывал предстоящую операцию. Вдруг Сидоров нерешительно проговорил:

—Я его знаю. Ну, который в зеленых рукавицах. Меня капитан к нему два раза посылал. Мужик он надежный. Только как бы капитан мне шею не намылил за расконспирацию.

—Не намылит,— успокоил его Леонид.— Нам о нем тоже капитан сам сказал. Мы его близко видели, так что если встретимся, узнаем. Но он нас не знает и не поверит. В этом весь вопрос. А ты для него уже человек свой.

—Да так — то оно так — все еще колебался Павел Петрович и, наконец, решился.— Ладно. Действуем. Только надо капитану все подробно донести.

Выведенные из города люди ушли в сопровождении бойцов, выделенных Федором Кузьмичом, в глубь партизанского края. Двух, самых надежных из оставшихся, он послал к капитану Сурову с донесением, которое на этот раз подписали все, кто принимал участие в совете.

Четверо суток невероятно тяжелой дороги измотали не одного Купина. Даже Бехтерев, поднимаясь на очередной заросший молодым сосняком увал, дышал тяжело и опирался на палку. Палки все семеро вырубил еще в первый день пути, но Федор Кузьмич начал по — настоящему опираться на нее только — сегодня. Купин с завистью смотрел на шагающих впереди Леонида и Сашу. Им — то палки служат только при переправах да еще для подтягивания его, Купина, на крутые склоны увалов. Вот и сейчас Саша протянул свой длинный посох, Федор Селиверстович крепко вцепился в него, и Саша одним сильным рывком втащил дядю на верх увала..

На гриве увала было совсем сухо. Ноги не скользили, не увязали, и Купину показалось, что идти здесь легко, почти как по асфальту. К счастью, увал тянулся очень далеко и люди успели в сумерках пройти еще несколько километров. Наконец, Бехтерев остановился и сказал:

—Шабаш. На сегодня хватит. Недогонов, Вершинин, ищите сушняк.

Собирать сушняк отправились все, кроме Бехтерева и Купина. Через десять минут, весело стреляя искрами в сразу же сгустившуюся темноту, запылал костер, и все с наслаждением разлеглись вокруг него. Скучный ужин занял очень мало времени. Командир спецвзвода установил порядок смены часовых и, направив в первую смену Недогонова и Вершинина, сказал оставшимся:

—До завода осталось чуть меньше десяти километров. Правда, эти десять двадцати стоят. Две речушки совсем неказистые, а сейчас, поди, шумят, как путные. Поэтому выйдем отсюда до свету. Ночью, видать, приморозит малость, значит, к утру вода спадет. А уж когда переберемся через речки, тогда большой привал сделаем. Днем — то нам на завод появляться не с руки. Как думаете?

—По — моему, так будет правильно, — согласился Купин.

—Я к заводу, а точнее сказать к домику заведующего подходил со стороны еловой посадки, — заметил Сидоров. — Посадку — то видать давно не прореживали. Густая стоит, что твоя гребенка. По ней прямо чуть не к крыльцу домика добраться можно. И никто не приметит.

—И днем можно? — спросил Леонид.

—Об этом и разговор, — подтвердил Сидоров. — Вечера ждать не резон. Как переберемся через речки, надо подтянуться поближе к заводу и укрыться, а я вперед пойду к тому человеку.

—Одному тебе идти нельзя. — сказал Леонид. — Пойдем двое.

—Трое, — поправил друга Саша.

—Кажется, все перерешили,— развел руками Бехтерев.— Ладно. Только тогда и мы, резерв главного командования то — есть, тоже поближе к домику подтянемся. В начале посадки укроемся. Чтобы в случае чего под рукой быть.

Утром Федор Кузьмич поднял группу за добрый час до рассвета. В лесу стояла полная тишина. Морозный утренник резко снизил сток талой воды. Поэтому и переправа, которой так опасался Бехтерев, хотя и потребовала много труда, но в общем — то прошла благополучно. К полудню группа подошла к краю посадки.

Выбрав удобное для обороны и отхода в глубь леса место, Купин с Бехтеревым и двое партизан залегли, а Сидоров с Леонидом и Сашей двинулись к домику. Все трое шли, не особенно заботясь о соблюдении тишины. Лес уже снова был наполнен звоном бегущей воды, чириканьем и писканием птичьей мелкоты и шумом весеннего ветра в ветвях деревьев. Разведчики могли опасаться только прямого наблюдения. Но Сидоров, уже дважды побывавший у Козырева, хорошо помнил, что густая посадка не только тянется до самого домика, но и облегает его слева и тянется дальше до дороги. Сидоров пошел первым.

Прошло несколько минут, и друзья увидели, как он выглянул из зарослей около самого крыльца, прислушался, огляделся и под прикрытием стены домика перебежал к дальнему его углу. Некоторое время он разглядывал ту часть местности, которая была скрыта от глаз разведчиков. На ней располагались бараки, служившие казармой для отряда Атаманчука.

Вдруг Павел Петрович быстро перебежал под стеною домика и снова скрылся в зарослях.

—Кто — то идет,— негромко проговорил Леонид,— Может, немцы.

—Нет,— ответил Саша.— Наверное, тот самый.

—Откуда ты взял?

—Павел Петрович далеко в посадку не полез. Мне отсюда видно. Он у самого края стоит.

На тропинке, ведущей от барачков к домику, показался человек. Друзья взгляделись в него и облегченно перевели дух.

—Он,— проговорил Саша.

—Тот самый,— подтвердил Леонид.

Человек подошел к домику и уже готовился подняться на крыльцо, но вдруг остановился и шагнул в заросли. Стало понятно, что Павел Петрович подал ему какой — то сигнал, который не могли слышать Саша и Леонид.

Видимо, появление Сидорова не было для незнакомца слишком уж большой неожиданностью. Вскоре оба вышли из посадки, поднялись на крыльцо и исчезли в домике.

Довольно долго в домике и около него было тихо. Только от барачников время от времени доносились негромкие человеческие голоса. Саша долго в них вслушивался, а затем окликнул товарища:

—Лень, по — моему, там немцы...

—У барачников — то? — встревожился Леонид. — Ты уверен?

—Понимаешь, Леня, я ни одного слова понять не могу. Далеко все — таки. Но разговаривают немцы. Уверен.

—Да, брат, задал ты задачу. Откуда немцы здесь взялись? Значит, мы опоздали.

—Вернется Павел Петрович, переберемся поближе к барачникам. Посмотрим, что там.

—Задерживается что — то старший сержант, — с тревогой, — проговорил Леонид. — Видать, договориться не могут.

И снова медленно поползли длинные секунды тревожного ожидания. Наконец, когда всерьез обеспокоенный Леонид готов был перебраться поближе, двери домика приоткрылись, а из них осторожно выглянул всклокоченный старший сержант Сидоров. Он несколько раз призывно махнул рукой и снова прикрыл дверь.

— Пошли, Сашок, — вскидывая за плечо автомат Сидорова, поднялся Леонид. — Ты кобуру — то от его пистолета прихвати.

Когда Леонид и Саша вошли в сени домика, то увидели, что старший сержант старается, правда, без всякого успеха, привести в чувство солдата — эсэсовца. Руки эсэсовца были связаны, во рту торчала какая — то тряпка, но, видимо, все это было просто меры предосторожности. Солдат не проявлял признаков жизни.

—Откуда он взялся? — шепотом спросил Леонид.

—На посту здесь стоял, — прогудел Сидоров. — Офицер там спит, а он его охранял. Никифора — то узнал, а меня, видать, за одного из той сволочи принял. Шипит «Нике! Нике! Русский свинья». Я его и погладил эфочкой.

—А офицера ты тоже эфочкой погладил? — несмотря на необычность обстановки, спросил со смехом Саша.

—Нет, — не понял шутки Сидоров. — Тот в порядке. Побарахтался, правда, малость. Сейчас лежит спеленатый и носок жует. Он в горнице с Никифором.

—Давай, Павел Петрович, этого твоего крестника в комнату занесем, — предложил Леонид. — Чего ему на виду лежать. Вдруг зайдет кто. Да и двери — то в сенцы запереть не мешает.

Леонид и Саша прошли через избу в горницу. Теперь им стало понятно, почему старший сержант выглядит таким взъерошенным и растрепанным. Постеснявшись «погладить»

офицера — эсэсовца рубчатым яйцом ручной гранаты, старший сержант добавил хлопот и себе и своему напарнику. Одежда, подушки и матрац, сброшенные с койки, смятые и перекрученные, валялись в разных углах горницы. На спинке опрокинутого стула, словно умоляя о пощаде, раскинул по полу рукава эсэсовский офицерский мундир. Смятые офицерские штаны вместе с сапогами выглядывали из — под кровати. На полу, почти посередине комнаты, извивался и мычал скрученный по рукам и ногам плотный мускулистый человек в изорванном нательном белье. Из рта его виднелась резинка забитого туда шерстяного носка. Около него на единственном нормально стоявшем стуле сидел пожилой коренастый человек и, не отрывая глаз от связанного, пытался остановить обильно текущую из носа кровь. Делал он это с помощью простыни, которая, видимо, была сорвана с той же кровати. Увидев вошедших, он, держа простыню у носа, сказал:

— Вот сволота, видно, джиу — джитсу знает. Мне так въехал, что я не сразу очухался.

— А это кто? — спросил Леонид, указав на связанного.

— Заместитель начальника зондеркоманды гауптштурм — фюрер Овенберг, — ответил человек с разбитым носом. Помолчав, он добавил: — Моя фамилия Козырев, зовут Никифором Терентьевичем.

— Мы в курсе, — дипломатично ответил Леонид. — Отряд Атаманчука здесь?

— Опоздали мы с Атаманчуком. По приказанию Овенберга сегодня в десять ноль — ноль Атаманчук увел банду. А куда увел, знает только этот сукин сын.

— Расскажет, — пообещал Леонид. Он подошел к Овенбергу и развязал веревку на его ногах. — А ну, вставай!

Но Овенберг в ответ только забил голыми пятками по полу и начал крутиться еще сильнее, пытаясь сбить веревки и с рук.

— Может, он по — русски не понимает? — спросил Саша.

— Понимает, сволота, и говорит хорошо, — ответил Никифор.

Леонид наклонился, подтащил Овенберга к стене, рывком посадил его и вдруг отвесил ему одну за другой несколько крепких оплеух. Овенберг перестал мычать и, вытаращив глаза, уставился на Леонида.

— Ну вот и хорошо, — удовлетворенно сказал Леонид и, словно извиняясь перед друзьями за мордобой, добавил: — Он ведь не от храбрости сейчас барахтался. Он просто психовал. Как баба в истерику ударился.

— Сколько там немцев? — спросил Леонид, с помощью Саши натягивая на Овенберга штаны и сапоги.

—Девять осталось. Десятого, похоже, Петрович ухайдакал.

—Ну что там, Павел Петрович? Очухался? — Леонид повернул голову в сторону двери.

Вошедший в комнату Сидоров молча с расстроенным видом махнул рукой и сел на заскрипевшую под ним кровать.

— Значит, так, друзья,— обратился ко всем присутствующим Леонид.— Нас здесь четверо, немцев девять. Пулеметы у них есть?

—Два. Один в вездеходе, другой ручной,— ответил Никифор.

— Сашок, придется тебе наших звать. Поосторожнее.

— Погоди,— поднялся Никифор.— Вперед я выйду. Посмотрю, что и как... Ушел,— доложил он через несколько минут.— Велел через полчаса встречать. Шустрый парень,

—А не полезут сюда немцы в эти полчаса? — спросил Леонид.

—Пока гауптштурмфюрер будет отдыхать, немцы нас не потревожат,— уверенно заявил Никифор.

—Ну, гауптштурмфюрер будет отдыхать еще с час, а после этого мы их потревожим,— усмехнулся Леонид.

Услышав последние слова Леонида, гауптштурмфюрер заворочался около стены, видимо, пытаясь привлечь к себе внимание, но разведчик погрозил ему своим узловатым кулаком, и Овенберг снова притих.

—Почему он у тебя здесь спать—то пристроился? — спросил Сидоров Никифора.

—Утомился очень. Они сюда двое суток на вездеходе добирались. Приехал, Атаманчука с его оравой выпер, а сам решил отдохнуть. После жареной тетерки да самогона его на отдых потянуло.

Овенберг снова заворочался, Леонид хотел вытащить кляп, строго предупредив фрица, что в случае попытки закричать его моментально уничтожат. Ему не терпелось узнать, куда ушел со своими бандитами Атаманчук. Но в этот момент в сенные двери негромко, но настойчиво постучали. Сидоров и Леонид схватили автоматы, но Никифор тихо сказал:

—Я пойду. А вы будьте наготове.

Козырев, громко хлопнув дверью, вышел. Вместе с ним выскользнул в сени и прижался к стене за косяком старший сержант. Леонид остался за полуприкрытой избяной дверью.

—Кто там? — негромко, будто боясь встревожить отдыхающего гауптштурмфюрера, спросил Никифор. В ответ прозвучала длинная немецкая фраза, из которой Никифор понял только имя Курт Кляйн. Затем по — русски было добавлено:

—Смена! Смена! Часовой!

—А — а! — догадался Никифор.— Смена часовому Курту Кляйну. Заходите,— и широко распахнул дверь.

Здоровенный автоматчик — эсэсовец стоял на пороге. Со света он плохо различал что — либо в полутьме сеней, но, не видя своего сменщика, насторожился.

—Курт...— начал он.

—Курт тетерку, курочку то есть, шамает,— заулыбался Никифор и для убедительности покусал свой палец.— И шнапс тринкен.

Известие о том, что Курт «шнапс тринкен», заинтересовало эсэсовца, но не в такой мере, как рассчитывал Козырев. Он явно был насторожен.

— Гауптштурмфюрер...— начал он, но Козырев вновь перебил его. Он закрыл глаза, положил щеку на ладонь и пустил такой натуральный храп, что эсэсовец заикал от смеха. Громко хохотать он не решался, боясь потревожить гауптштурмфюрера. Опустил и сдвинув на бок автомат, он шагнул в прохладные потемки сеней.

Теперь можно было рассчитывать, что на какое — то время эсэсовцы оставят домик в порядке, хотя бы до возвращения Саши с подкреплением. Однако все получилось не так. То ли немцы что —нибудь заподозрили, то ли их удивило, что смененный с поста Курт Кляйн не возвращается, но не прошло и десяти минут, как в дверь сеней постучали. Снова Козырев и Павел Петрович отправились в сени,, а Леонид принялся связывать немца.

— Кто там? — негромко спросил Козырев и, мало что поняв из услышанной немецкой фразы, посоветовался с Сидоровым:

—Похоже, и этот Кляйва ищет. Что ему отвечать?

В этот момент в сени вышел Леонид.

—Скажи ему, что Кляйн все еще кушает,— посоветовал Сидоров.

—Не поверит,— отказался Козырев.

—Хрен с ним,— настаивал Сидоров.— Нам важно время протянуть.

—Господин Кляйн шнапс тринкен, капуста хрум — хрум,— на невероятном диалекте сообщил Никифор немцу. И снова тот, уже сердито, ответил длинной, как вожжа, фразой.

—Он говорит, что он старший ефрейтор и чтобы рядовой Кляйн немедленно вышел к нему,—понял сердитое бормотание немца Леонид.

—Что будем делать? — спросил Никифор.

—Отворяй,— после секундного колебания решил Леонид, становясь за правый косяк двери.— Попробуем сюда втащить.

Но на этот раз получилась осечка. Старший ефрейтор

всерьез почувствовал опасность. Когда Никифор распахнул дверь, эсэсовец стоял уже не на крыльце, а метрах в трех от него, держа автомат наизготовку. Увидев вначале одного Никифора, он несколько растерялся, но все же не пошел на крыльцо. Он отступил еще на шаг и что есть силы заорал какую-то команду.

— Всех своих сюда зовет,— негромко сказал Леонид. Он оттолкнул Никифора от проема двери и, прежде чем немец успел сделать что-либо, выстрелил в фашиста из нагана. Тот оборвал крик, свалился у крыльца. Несколько секунд все молчали, прислушиваясь, как остальные эсэсовцы отзовутся на команду старшего ефрейтора.

—Погоди минутку, не закрывай,— вдруг попросил Леонида Сидоров.— Схожу посмотрю, что там.— Он соскочил с крыльца и подбежал к углу домика. Несколько секунд он наблюдал из-за угла, затем перебежал к кусту, росшему недалеко от тропки, и, вдруг широко размахнувшись, послал в облюбованную цель одну из своих эфок. Возвращаясь, он все же успел забрать автомат у старшего ефрейтора.

—Кто уцелел, сейчас сюда придут,— сообщил он, вскочив в сени.— Жаль, не кучно бежали.

Никифор тем временем закрывал окна в домике внутренними ставнями. От пуль эти дощатые щиты спасти, конечно, не могли, но мешали врагу вести прицельный огонь и не давали возможности забросить в окно гранату. Ставни были сделаны с умом. В середине их как бы для красоты были вырезаны сердечки. Их при случае можно было использовать для наблюдения за врагом и для стрельбы. Овенберг, поняв, что схватка неизбежна, самостоятельно перекатился вплотную к стене, куда не могла попасть даже случайная пуля.

К сожалению, в сенных дверях строитель домика не прорезал сердечка, и поэтому наблюдать за врагом с этой стороны было невозможно. Приходилось полагаться только на слух. Судя по доносившимся оттуда голосам, сбжавшиеся к домику эсэсовцы были поражены. Леонид не смог понять, о чем они там договаривались, но когда догадался, что немцы отошли от крыльца, нахмурился. Он предпочитал бы, чтоб немцы немедленно кинулись в атаку. В этом случае преимущество было бы на стороне обороняющихся, да и спешащим на помощь друзьям легче было бы атаковать с тыла увлеченного штурмом противника. Но немцы, видимо, понимали, что их слишком мало для лобовой атаки, и отошли. До осажденных донесся шум мотора.

—Неужто удирают? — удивился Никифор.

—Не должно быть,— усомнился Сидоров.— Что им, жизнь надоела?

—Без своего офицера они не уедут,— подтвердил

Леонид.— Живого или мертвого, но должны увезти с собой. Иначе их расстреляют.

А гул мотора все приближался и, наконец, замолк как раз против сеней.

— Все в избу,— первым разгадав замысел врагов, скомандовал Леонид.— Против дверей не торчать.

Едва лишь осажденные успели укрыться за крепкими бревенчатыми стенами домика, как по дощатым сеням ударили два пулемета. Они прошлись вначале по всей передней стене сеней, и плохо было бы тому, кто в этот момент стоял там. Затем огонь пулеметов сосредоточился только на дверях. Толстые плахи, из которых были сколочены двери, затрещали под градом пуль, застреляли осколками щепы, но устояли.

— Наши теперь сюда на третьей скорости жмут,— стараясь и под пулями сохранять хладнокровие, попробовал улыбнуться Леонид.

— Они уже здесь, по — моему,— предположил Сидоров.— Сейчас примериваются, как ударить по немцам с тыла.

После секундного перерыва новый поток пуль ударил в двери. Сейчас немцы сосредоточили его на том месте, где, по их расчетам, должен был находиться запор. Разведчики не вели ответного огня. Легкие пули автоматов, тем более на таком расстоянии, не могли пробить толстые доски дверей. Это вынужденное молчание действовало угнетающе.

— Расколют дверь, я их через щель эфкой,— пообещал Сидоров, которого, видимо, больше всех угнетало трудное безделие.

— Не поможет,— расценил Леонид.— Через щель под огнем далеко не бросишь, а они, гады, метров с двадцати пяти бьют, не меньше.

Спокойнее всех держался Никифор. Наверное, готовясь нанести удар по врагам, он в мыслях прорепетировал десятки вариантов боя, и среди них оборона в домике занимала не последнее место. Сейчас, убедившись, что немцы сосредоточили на дверях в сени всю ярость огня, он достал из — под лавки топор и ползком выбрался в сени.

— Ты куда? — прикрикнул на него Леонид.— Жизнь надоела?

— Для жизни — то и стараюсь,— проворчал он и, забравшись за раскрытую избяную дверь, начал там с чем — то возиться. Через короткое время он так же ползком вернулся, держа в руках скобу от двери. Швырнув и скобу и топор под лавку, он объявил:

— Теперь им ни в жизнь дверь не открыть, если мы ее отсюда на крючок возьмем.

—А может, пока немцы с дверью возятся, в окно вылезть и гранатами их,— предложил Сидоров.— У меня еще пять эфок и три немецкие.

—Так бы и сделали, если бы у нас на руках не было немецкого офицера, и если бы не помощь, которая вот—вот придет,— ответил: Леонид.— А сейчас рисковать не будем.

А риск нарастал с каждой минутой. Изрешеченная пулями дверь в сени, наконец, повисла только на одной петле, Немцы прекратили огонь. Воспользовавшись кратким затишьем, Сидоров на секунду выскочил в сени, швырнул в проем двери гранату и, вбежав обратно, захлопнул и запер на крючки избяную дверь. Немцы ответили новым шквалом огня.

—Что у них, воз патронов, что ли? — не выдержал Леонид.— Без пользы только стены ковыряют. Я бы давно к дверям гранаты подвесил, да и рванул.

—Нет у них гранат,— объяснил Никифор.— Гауптштурмфюрер приказал все гранаты Атаманчуку отдать.

Неожиданно раздалось несколько взрывов, и пулеметная истерия оборвалась. Прозвучали автоматные очереди. Осажденные переглянулись. Сидоров было взялся за ручку двери, но в этот момент под окном послышался голос Саши;

—Выходите, мы успели как раз вовремя.

Федора Селиверстовича радовало, что в руки чекистов и партизанского командования наконец—то попал эсэсовец такого ранга, как Овенберт. Федор Селиверстович первым делом спросил Козырева:

—Когда немцы могут снова появиться здесь?

—Дня через четыре, не раньше,— подумав, ответил Никифор.— Пока они допрут, что здесь произошло, да пока доберутся сюда... Дороги—то сейчас какие?

—Значит, пару дней мы можем не беспокоиться? — сделал для себя вывод Купин.— Ну нам и этого за глаза. Возьмемся за Овенберга.

Все, за исключением Бехтерева и двух партизан, взявших на себя охрану домика, перешли в горницу, где на полу лежал прижавшийся к стене Овенберг. Достаточно опытный контрразведчик, он уже не делал для себя иллюзий из роли, которую сыграл при нем Козырев. Овенберг понимал, что он одурачен, и кипел от ярости из—за того, что это произошло именно с ним. Но, увидев Купина, эсэсовец был поражен еще больше. Видно по всему, что он здесь даже не рядовой партизан, а какое—то партизанское начальство. Разобравшись в том, что Гросбауер так же обманулся в Купине, как он в Козыреве,

Овенберг сильно ободрился. Получалось, что на этот раз не он один допустил ошибку, ошибся и его начальник, значит, и мера ответственности одинакова. Овенберг вначале даже забыл, что Гросбауер сейчас среди своих и отвечать ему придется не скоро, к тому же перед своими, а он, Овенберг,— в руках партизан и ответ держать будет гораздо скорее, чем Гросбауер. Об этом и напомнил ему Купин, вытащив кляп изо рта гауптштурмфюрера.

— Поговорим, господин Овенберг,— предложил Федор Селиверстович самым дружелюбным тоном.— Надеюсь, вас не очень помяли?

Овенберг не обратил внимания на слова Купина. Он энергично двигал затекшими челюстями и яростно отплевывался. Видимо, даже собственный, несколько дней ношенный носок — вещь на вкус малоприятная.

Купин не торопил с ответом. Внешний вид гауптштурмфюрера убедительно говорил о том, что его все же помяли, причем основательно.

— Не лягался, не помяли бы,— проворчал Никифор.

К этим словам своего бывшего любимца Овенберг не мог отнестись равнодушно. Он поднял голову и внимательно, словно изучая, посмотрел на Козырева, и проговорил негромко и буднично;

— Вы есть большой преступник и первый провокатор. Вы есть предатель.

— Вот те на! — искренне удивился Никифор.— Кого же это я предал?

— Вы все предаль,— уже загораясь, повышал голос Овенберг.— Дело великой Германии, новый порядок, нас, меня предаль!

— Это я воевал с вами по—своему,— расхохотался Никифор.— С вами всеми и с тобой, и с великой Германией,

— Нет такой правила на такой война.

— А у нас, у русских, одно правило — где прищучил фашиста, там его и контрапупь.

— Вы оказались отшень примитив. Вас на ваша родина обидели, а вы не захотель служить великая Германия.

— Родина обидеть не может. Обижают завсегда люди,— потемнев лицом, отрывисто заговорил Никифор.— И не нуждаюсь я, чтобы такие, как ты, своими собачьими языками мои раны зализывали. Без вас разберемся.

— Вот и поговорили, как меду напились,— оборвал нараставшее напряжение разговора Купин.— А теперь скажите — ка нам, Овенберг, куда ушел Атаманчук?

Но эсэсовец был не склонен к откровенности. Убедившись, что скорая расправа в горячке схватки ему не угрожает, Овенберг

решил тянуть время. Ведь военное счастье обманчиво. Мало ли что может случиться. Да и среди партизан есть люди, засланные зондеркомандой, с их помощью можно многое сделать. Даже бежать. Поэтому на вопрос Купина эсэсовец ответил совсем неожиданно, не сообщением и не отказом.

—Тут все зависит от точки зрения, господин Купин, философским тоном начал он.— Атаманчук со свой специальный отряд пошел исполнять задание зондеркоманда. Вы тоже исполняли задание господ чекистов. Не вижу большой разницы отрядом Атаманчук и ваша группа.

—Крутить, зараза, начинает,— определил Никифор. В разговор вмешался Саша.

—Я советую вам думать, прежде чем говорить,— по-немецки предупредил он эсэсовца

—Вы преступник, каратель я заслуживаете смерти. Еще один такой ответ — и вас повесят

—Вы немец? — удивленно уставился на Сашу эсэсовец.

—Нет, я русский,— ответил Саша.

—Скажите,— после паузы спросил Овенберг.— Меня действительно могут повесить?

—Вы для нас представляете интерес только как источник сведений.

—А когда я скажу все, меня повесят, как порожний мешок за ненадобность? — криво усмехнулся Овенберг.

—Разоружившегося врага мы не уничтожаем. Вы же контрразведчик и должны это знать.

—Что же тогда меня ожидает?

—Лагерь военнопленных.

Купин и Леонид внимательно вслушивались в затянувшийся диалог на немецком языке, стараясь понять содержание разговора без перевода. Ни слова не понимавший Сидоров с удивлением слушал бойкую речь Саши, Никифор ничем не проявлял к ней своего интереса.

—Так куда же все-таки новел Атаманчук своих бандитов? —повторил вопрос Купин, когда Саша, считая разговор эсэсовцем законченным, отошел от него.— Разницу между патриотами и предателями мы с вами выясним позднее..

—Я прошу извиняйт меня, я до того горячился,— совсем другим тоном заговорил Овенберг.— Атаманчук будет действовать, мы так ему приказаль, будет действовать в зона, где то лес, то поле. Там много маленьких деревенька и есть большой село Сергееве.

—Вдоль границ партизанского края, значит,— определил Купин.— Ну, ладно. Действия банды Атаманчука связаны с

прибытием батальонов «Десна» и «Север», не так ли?

— Не совсем так ли, — поправил Купина Овенберг. — Атаканчук будет совершает профилактичный... нет, как это... предварительный... предваряющий, да, да, предваряющий удар.

— Понятно. Где сейчас батальоны «Десна» и «Север»? Вышли они на исходные? На этот раз Овенберг долго не отвечал. В комнату заглянул Бехтерев, чем-то явно расстроенный, и поманил к себе Леонида и Сашу. Уже выходя из комнаты, Саша услышал, как Овенберг нехотя выдал ответ:

— Батальоны уже вышоль на исходное. Вчера рано утречком их размещаль в двух селах. Как это?.. Логутино и Парсино.

Причина для тревоги у командира партизанского спецвзвода оказалась весьма основательной. Бехтерев, едва затворив за собой дверь, повернулся к разведчикам и, понизив голос, сказал:

— Их оказалось только девять.

— Кого девять? — не поняв, в чем дело, в один голос спросили друзья.

— Да немцев — то этих, которых мы здесь побили.

— Как девять? — удивился Леонид. — Никифор говорил, что их было десять.

— Правильно, — подтвердил Бехтерев. — Было десять, а лежат только девять. Один смылся.

— Не может быть! — не поверил Леонид. — Пересчитай снова.

— А может, от гранат Павла Петровича? — высказал догадку Саша.

— Да ты что?! — поразился Бехтерев. — Чтоб ручная граната — эфка мужика в прах разнесла... Ни в жизнь не поверю.

— Пойдемте, посмотрим, — предложил Леонид.

Бехтерев оказался прав. Мертвых эсэсовцев оказалось только девять. Осмотр местности не дал никаких результатов. Следов было много, но очень нечетких, и разобрать, чьи где, было невозможно. Разведчики стали обходить домик по кругу, с каждым разом расширяя его. Вместе с ними пошел и Бехтерев. Только на третьем кругу Саша заметил пятна крови на побуревшем прошлогоднем мху.

— Он направился к дороге, — определил Леонид.

— На вездеходе догоним, — предложил Бехтерев.

— Не выйдет на вездеходе, отказался от предложения Леонид. — Он на дорогу не пойдет, лесом вдоль нее пробираться будет. Надо пешком догонять. Услышите три выстрела, подгоняйте вездеход.

Густой подлесок затруднял движение и мешал рассмотреть что — либо впереди. Пробежав метров сто от того места, где были замечены капли крови, Леонид остановился.

—Погоди, Сашок,— сказал он другу.— Постоим, послушаем.

—Несколько секунд они простояли, вслушиваясь в переполненный весенним гомоном и гудом лес. Только дважды до их ушей донесся треск ветки, хрустнувшей под ногой человека, и разведчики уверились, что беглец неподалеку, впереди. Саша рванулся было в погоню.

— Стой,— остановил его Леонид.— На прямой выстрел нарваться можем. Немец, видать, не трус ж не слабак. Надо в обход. Пусть он на нас выходит.

Свернув влево, разведчики по большой дуге начали обходить беглеца. Им было неизвестно, силен ли немец, тяжела ли у него рана, много ли он потерял крови, сможет ли он оказать энергичное сопротивление. Поэтому они и бежали, как на марш — броске, когда Суров, тренируя будущих разведчиков, заставлял их проливать целые ведра пота. Пробежав километра три, повернули к дороге. Остановились, прислушались. Впереди весело шумела талой водой широкая промоина.

—Тут он будет искать переправу,— определил Саша,— Здесь для засады самое подходящее место.

—Правильно,— одобрил Леонид.— Перебраться он может или тут или вон там. Значит, и нам разделиться придется.

—Действуем. Берем живым?

—Обязательно. Ты вон за той сосной заляжешь, а я левее, вон за тем ветровалом, что на взлобке. Только ты смотри, на пулю не нарвись. Пока фриц оружие не бросит, не показывайся.

Ждать пришлось довольно долго. Прошло около часа, а ничто еще не говорило о том, что где — то в глубине этого весеннего леса крадется враг. Но вот, казалось, совсем неподалеку вспологпно застрекотала сорока, и каждый из засевших в засаде разведчиков одинаково подумал: «Идет!» и приготовился к схватке.

Саша разглядел эсэсовца, когда до него осталось шагов двадцать, не больше. Без головного убора, в расстегнутом кителе, надетом прямо на голое тело, он выглядел совсем не воинственно.

«Так вот ты почему задержался,— подумал Саша.— Рубаху рвал, рану перевязывал».

Автомат эсэсовец держал стволом вниз в левой руке, правая, видимо, раненая, была засунута под брючный ремень. Немец, тяжело ступая, прошел всего шагах в семи — восьми от сосны, скрывавшей Сашу. Дав ему отойти еще на два — три шага, Саша полным голосом крикнул по — немецки:

— Стой!.. Бросай автомат,— и сразу же услышал топот бегущего на помощь Леонида.

—Эсэсовец вздрогнул от неожиданности, на мгновение остановился и вдруг, отпрыгнув в сторону, повернулся лицом к Саше. Кривясь от боли, он пытался перехватить автомат, в правую раненую руку. Саша, целясь в эсэсовца из подаренного Званцевым пистолета, повторил по — немецки:

—Бросай оружие, гад! Пристрелю!..

—Стрели, свольчь, стрели! — неожиданно по — русски завопил эсэсовец и, все еще не сумев перехватить автомат, уставился на Сашу белыми от страха и ярости глазами. Но, увидев направленный на него ствол пистолета, он вдруг бросил оружие и задрал левую здоровую руку вверх.

—Майн гот!..— испуганно уже не прокричал, а почти прошептал эсэсовец.—Нет стреляй! Пожалуйста!..

В этот момент подбежал Леонид. Он подобрал брошенный эсэсовцем автомат, быстро обыскал, немца и только после этого, подойдя к Саше, сказал.:

—Молодец, Сашок! Ловко ты его. А я ведь был уверен, что он на меня выйдет. Там ему удобнее было. Не умеют немцы в наших лесах ходить.

Выведа пленного на дорогу, друзья дали три условных выстрела, и через несколько минут подъехал вездеход. За рулем сидел старший сержант Сидоров, страшно злой на то, что разведчики ушли в поиск без него. Из — за плеча Сидорова выглядывала встревоженная физиономия Никифора, Едва машина затормозила, как он с несвойственной ему торопливостью подбежал к немцу.

—Живой — таки, язви тебя,— явно обрадованно проговорил он.— Ну, крепко кто — то за тебя молится в твоей Германии.

—Я! Я! Живой! Живой!..— радостно закивал немец. — Живой чуть — чуть. Тебя партизанен не расстрелял? Тоже живой?

—А за что меня расстреливать? Ни хрена — то ты не понимаешь, голова еловая,— шутил Никифор, помогая раненому залезть в машину, и, заметив недоумение на лицах разведчиков, объяснил:— Много кое — чего я через него узнавал. Его Вальтером Штарке кличут, у меня русскому языку учился.

Прибытие еще одного пленного эсэсовца никого в домике не удивило. Только Бехтерев приказал стоявшему на посту Недогонову:

— Теперь смотри в оба.

Пленные помещались в горнице. Овенберг был оставлен связанным по рукам и ногам. Вальтеру Штарке вначале перевязали раненую руку, а затем, на всякий случай, крепко скрутили ноги и уложили на пол неподалеку от гауптштурмфюрера. Появление Вальтера Штарке страшно обрадовало Овенберга. Он о чем-то заговорил с ним, видимо, советуя, как следует держаться при создавшемся положении. Запрещающий окрик Недогонова не произвел на Овенберга никакого впечатления, зато пинок под зад, который отвесил ему партизан, вызвал целый залп ругани. Выслушав короткий рапорт Недогонова, Бехтерев, переглянувшись с Кушшым, молча взял валявшийся неподалеку носок и вновь засунул его в рот фашиста.

— Запомните, Овенберг,— строго сказал Купин.— Если хотите остаться живым, должны беспрекословно выполнять все наши требования. Сейчас приказ вот этого партизана,— указал Купин на Недогонова,— значит для вас больше, чем все приказы Гитлера.

Вальтер Штарке не понял и половину слов Купина, но в главном разобрался. Он лежал в двух метрах от свирепо пыхтевшего Овенберга и думал, что вообще-то русские умеют быть гуманными, даже с эсэсовцами. Если бы сами они попали в руки зондеркоманды, их после первого же допроса уже не имело смысла связывать.

Штарке был не очень удивлен, когда увидел Купина среди партизан. Он уже знал от сослуживцев о налете на квартиру Купина и о страшной судьбе начальника полиции Долганова. Знал Штарке и о том, что именно из зондеркоманды выскользнула и пошла гулять по городу весть, что Купина похитили подпольщики, не простившие ему измены, а Долганов просто умер от раны, полученной в день убийства Кавки. С Долгановым для Штарке все было ясно. Он ни на минуту не поверил в то, что начальник полиции работал по заданию партизан. Но в то же время он, Вальтер Штарке, в своих руках держал документ, выданный слепой гадалке и ее спутнице, совсем молоденькой девушке. И этот документ был подписан Долгановым и Купиным. Позднее выяснилось, что обе, были разведчицами.

Только сейчас, увидев Купина среди партизан, Штарке догадался, каким образом у русских разведчиц оказался документ, подписанный Долгановым. Главную роль во всем этом играл Купин, а Долганов был просто подлецом, с которым русская разведка расправилась руками тех, кому он служил. А Купин — то? Ведь к нему благоволил сам начальник зондеркоманды Гросбауер. Штарке очень нравилось, что даже с Гросбауером Купин держался почтительно, но без угодливости и виляний. Казалось, уж он-то сознательно связал свою судьбу с победоносной Германией. Видел, что его ценит командование

зондеркоманды и даже сам генерал Гамант. И все это оказалось маскировкой.

Ну, ладно. Купин, может быть, коммунист, а Козырев? Ведь он был обижен Советской властью, сидел в тюрьме, потерял богатое хозяйство, уж он — то должен был не за страх, а за совесть служить Германии. Для него и при новом порядке жизнь была бы очень хорошей, вполне обеспеченной. Ничего нельзя понять. Чувствуя, что он совсем запутался, Штарке вздохнул.

Перевязка помогла. Боль в раненой руке Вальтера стихла. После пережитого напряжения наступало приятное расслабление. Чувствуя, как постепенно наплывает похожее на дрему забытье, Штарке подумал, что у Козырева обычная для всякого человека душа, ничего загадочного в ней нет. А вот поступки... Уже совсем засыпая, Штарке порадовался, что удачно попал в плен и что для него война в общем — то кончилась благополучно, если партизаны не расстреляют.

Гауптштурмфюрер Овенберг с презрением смотрел на Штарке. Вот по вине таких, как Штарке, оборвалась, неожиданно пришла к позорному для немецкого офицера концу так хорошо складывавшаяся карьера. Проглядели подлецы приход целой группы партизанских разведчиков. Допустили, что их офицер попал в плен. Сам Штарке дошел до того, что чуть ли не дружил с этим проходимцем Козыревым. Если бы сейчас вернуться в зондеркоманду, он первым долгом расстрелял бы этого прохвоста Штарке за потерю бдительности и за дружбу с подозрительным русским.

А Козырева? Нет, Козырева просто расстрелять мало. Ему надо было бы уготовить особую смерть...

Связанный по рукам и ногам Овенберг смаковал расправу над Штарке и Козыревым. В том, что произошло, он винил только подчиненных. Он уже позабыл, что его «подлецы» солдаты, все, кроме Штарке, полегли в бою, пытаясь вызволить своего незадачливого офицера. Не мог он не догадаться и о том, что раненый Штарке бежал затем, чтобы привести подмогу из ближайшего гарнизона. Он забыл и о том, что сам поощрял дружбу Штарке с Козыревым, чтобы сильнее привязать Козырева к зондеркоманде и в то же время иметь за ним дополнительный надзор. Забыл Овенберг, что в нарушение прямого приказа Гросбауера он не только не уехал вслед за УХОДОМ Атаманчука, но, прельстившись аппетитно зажаренной тетеркой и неограниченным количеством превосходного и крепчайшего самогона, решил отдохнуть после утомительной Дороги.

В то время как Овенберг думал, как он расправился бы со всеми, кого считал виноватыми, если б они были связанными, а он стоял над ними с пистолетом в руках не здесь, а в своем кабинете в

зондеркоманде, на крыльце домика шло обсуждение дальнейшего маршрута партизанской группы и разведчиков в район монастыря. Задача предстояла нелегкая. Партизанской группе с двумя пленными предстояло пройти около ста километров, разведчикам — около полутора. Значительную часть дороги обе группы могли пройти вместе, но это до — вольно сильно задержало бы разведчиков.

— Так — то оно так, — унылым тоном соглашался Бехтерев, — Но вместях — то было бы лучше.

— Да чем лучше — то? — вмешался в разговор обычно предпочитавший молчать старший сержант Сидоров. — Объясни.

— Так два же немца с нами будут. Один из них к тому же подбитый, — пытался защитить свои позиции Бехтерев.

— Что ж вы их одни довести не сумеете? — перешел в наступление на друга Павел Петрович. — Ведь они своим ходом пойдут. Тащить никого не придется.

Саша рассмеялся и тут только обратил внимание на то, что Леонид отошел от крыльца и внимательно обследовал вездеход. Саша хотел отправиться к нему, но в этот момент заговорил Купин.

— Конечно, разведчикам придется отделиться от нас, — сказал Федор Селиверстович. — Мы в рапорте, отправленном из складов военведа, писали, что разведчики, выполнив задачу на заводе, сразу же отправятся к почтовому ящику. Уверен, что их там уже ожидают. Петру Александровичу они сейчас очень нужны. Немецкие — то батальоны уже выведены в села. Не сегодня завтра начнут разворачиваться. В такие дни у командования каждый разведчик на вес золота, а мы уговариваем их с нами, потихоньку через лес шлепать. Л считаю, что чем скорее они выйдут, тем лучше.

— Правильно, — не выдержал сидевший до сих пор в стороне Никифор. — Там сейчас, поди, каждого разведчика на коротком поводку держат, чтоб в нужную минуту под рукой был. Ведь немцы — то затевают блокаду и прочес партизанского края. Значит, драка, язвы ее, предстоит серьезная. Пусть разведчики идут своим путем, мы и без них пленных в полной сохранности доведем.

— Тут вот какое дело, — заговорил снова подошедший к крыльцу Леонид. — В машине бензобаки наполовину залиты и в запасе четыре канистры. Этого, даже по нынешней дороге, километров на двести хватит.

Все молчали, боясь даже поверить в то, на что намекая Леонид. Попытаться проехать на вездеходе через едва начавший

обсыхать лес, проехать по бездорожью, где и летом — то, как говорится, черт ногу сломит, было очень заманчиво, но трудновыполнимо.

— Ты, парень, может, думаешь по просекам отсюда дунуть, их нет, просек — то. До них надо. — недоуменно начал Никифор.

— Какие к черту просеки, — весело закричал Леонид. — Сядем на машину, выедем из леса, ведь сюда — то немцы проехали, значит, и мы проедем, да в дунем — мимо бора поближе к монастырю, а уж там каждый своей дорогой двинется. Ведь, округе деревни есть? — обратился Леонид к Бехтереву и Никифору.

— Есть, — согласно подтвердили те.

— Были, — подумав, добавил Бехтерев.

— Дороги между ними есть? — продолжал Леонид,

— Ну, не то чтоб дороги, но проехать можно, — ответил Бехтерев.

— А немецкие гарнизоны в этих деревнях есть? — допытывался Леонид,

— Ни гарнизонов, ни жителей нет, — сам заражаясь азартом Леонида, горячо заговорил Федор Кузьмич. — Жители к партизанам в лее подались, а других немец подальше от леса отселил. Но шеям то есть из родных домов выгнал. А сама держать гарнизоны тут боятся. Знают, что не выживут. Партизанский край рядом.

— Ну вот, завтра утречком и двинемся, — сказал Леонид, — По холодку — то, глядишь, километров сорок отхватим, а там увидим, — или В: лесу отстоимся, — или будем продолжать движение. В крайнем случае, нас восемь, у всех автоматы и гранаты, и лес под боком, всегда укроет.

Саша чуть не пританцовывал от нетерпения, настолько ему нравилась операция, предложенная Леонидом, но молчал, ожидая, что скажут более старшие и опытные.

— Предложение, конечно, заманчивое, — оценил слова Леонида Купив. — Только найдутся ли дороги?

— Я здесь вдоль кромки бора дорогу только до Щеголей знаю, — сообщил Козырев.

— От Щеголей надо — к Петушкам, — подхватил Бехтерев. — Там мост через Петушинку. Ручеек, а сейчас, наверное, шумит куда тебе. Не знаю, цел ля там моет, ну, сван — то на худой конец остались? Свалим несколько лесин, накидаем настил для одного раза. Топоры — то найдутся?

— Топоры и пилы есть, — коротко ответил Никифор.

— Меня беспокоит, как мы пройдем участок, от Шкурина

до просеки к озеру. Тут никаких деревень не было и дорог
вех. Хоть по воздуху крути колесами. Не миновать заходить в
Знаменцево.

—В Знаменцеве гарнизон,— напомнил Козырев.

— Знаю, одна стрелковая рота.

—Строевая стрелковая рота оттуда отозвана,— поправил
Бехтерева Федор Селиверстович.— Там сейчас одна рота из
батальона выздоравливающих.

—Это уже легче,— обрадовался Бехтерев.— Если придет —
ся прорываться. А в крайнем случае пройдем сколь можно
дальше за Шкурино и повернем в лес. Оттуда с любого места
и нам и разведчикам идти поровну, километров по
пятьдесят.

—И то хлеб,— удовлетворенно подытожил Купин. Ему
менее всех улыбалась перспектива многоверстного пути по
едва лишь начавшему обсыхать лесу.

—Мне вот тут Сашок сейчас одну штуку нашептал,—
заговорил Леонид, когда вопрос о броске на вездеходе
был окончательно решен и маршрут намечен.— Он
предлагает нам переодеться в немецкую одежду, а немцев
везти как захваченных партизан.

—Правильное предложение,— не дожидаясь, как обычно,
что скажут другие, забасил Сидоров.— Гражданские на
немецкой военной машине будут всем подозрительны, а к
эсэсовцам даже из немцев мало кто решит придирааться.

Это короткое выступление старшего сержанта убедило всех.
Предложение Саши было принято, и Бехтерев с Сидоровым и
Козыревым отправились готовить немецкое обмундирование.
Единогласно было решено мундир гауптштурмфюрера подогнать
для Саши. Хорошее знание немецкого языка могло сильно помочь
в случае какого —нибудь происшествия. Далеко не всякий армейский
майор решится противоречить гауптштурмфюреру эсэс.

Ночь выдалась ясная и холодная. Часа за два до рассвета,
воспользовавшись тем, что в небе светила полная луна, Леонид
вывел вездеход на дорогу. Рядом с ним сидел совсем; юный
гауптштурмфюрер — Саша Гуртовой. Накануне, уже перед тем как
лечь отдохнуть, Саша примерял кое —как подогнанный Сидоровым
мундир Овенберга. И тогда все обратили внимание на то, что щеки и
подбородок Саши густо заросли мягким кудрявившимся пушком —
предвестником будущей бороды. Капитан эсэс не мог быть таким до
неприличия молодым. Пришлось Леониду срочно брить будущего
гаупт —штурмфюрера. Саша от этого старше не стал, но, по крайней
мере, была уничтожена прямая улыбка молодости. Как раз в этот
момент Купин в горнице объяснял Овенбергу и Штарке, как они
должны вести себя завтра в момент переезда. Овенбергу развязали

ноги, чтобы он мог размяться, так как на ночь его должны были снова связать, и вытащили изо рта кляп. Когда Саша, побритый, в мундире гауптштурмфюрера вошел в горницу, чтобы показаться дяде, Овенберг и Штарке сидели на скамейке спинами к двери. Устроившийся против них на табурете Федор Селиверстович сурово говорил:

— Запомните, если нас разоблачат и нам придется отходить с боем, первыми будете уничтожены вы. Отходить свали мы не сможем, а освободить не имеем права, поэтому в ваших интересах помогать нам благополучно проскочить опасные участки дороги. Для этого нужно только одно, чтобы вы не пытались привлекать внимание войсковых подразделений, которые встретятся нам по дороге. Ясно? Переведите ему, Овенберг.

Овенберг тихо, почти шепотом стал переводить Штаркв слова Купина. Саша прислушался. Овенберг ничего не переводил. Он просто приказывал Штарке, что надо сделать, чтобы ночью сбежать.

— К тебе они относятся сочувственно. Пожалуйся, что мерзнешь, и попроси, чтобы нам разрешили лежать совсем рядом и согревать друг друга. Здоровой рукой ты развяжешь мне руки, а дальше я и со связанными ногами сумею бесшумно свернуть шею часовому.

Саша видел, что Федор Селиверстович и не подозревает об уловке Овенберга. В то же время ему страшно захотелось проверить, способен ли он держать себя так, как держал бы себя настоящий офицер — эсэсовец в похожем положении. Он быстро обошел сидящих на скамейке пленных и, встав против Овенберга, негромко, но презрительно скомандовал по немецки:

— Встать!

Овенберг удивленно поднял голову, Саша заорал:

— Ты что, немецкий язык понимать разучился?! Кому я приказал встать, грязная свинья!

Овенберг вскочил, разъяренный и ничего не понимающий.

— Как стоишь, мерзавец? — бушевал Саша. — Не офицер немецкий, а беременный бегемот, черт возьми! — и на физиономию Овенберга обрушилась оплеуха.

И чудо, которого добивался Саша, совершилось. Овенберг встал по стойке «смирно», насколько это возможно для человека со связанными сзади руками. Собственный мундир, пусть на чужих плечах, и командирская брань на родном языке подействовали на него гипнотически. Правда, это могло продолжаться недолго и кончиться через две — три секунды, но как раз этих — то секунд Саша ему и не дал.

— Как ты, ублюдок, переводил слова господина Купина? Ты приказал своему солдату создать условия для

убийства нашего часового. Ты и впрямь рассчитываешь, что представляешь для нас какую — то ценность? Сейчас ты узнаешь, чего ты стоишь на самом деле.

Не давая эсэсовцу сказать хоть слово, крича так, что заболели голосовые связки, Саша с хорошо разыгранной яростью рванул из кобуры пистолет, всего несколько часов назад принадлежавший Овенбергу. И Овенберг струсил. Он вдруг почувствовал, что ноги стали ватными, и с побелевшим лицом опустился на скамейку.

—Я обещаю не делать попытки освободиться,— слабым голосом проговорил он по — русски.— Слово офицера.

—Какой вы офицер,— презрительно ответил Саша.— Вы — палач.

Федор Селиверстович и все остальные, прибежавшие в горницу, позднее говорили Саше, что они не сразу поняли происходящее.

—Противно человека по лицу бить,— признался Саша.

—Так то человека,— философским тоном поправил Сашу Сидоров,— а это фашист.

Наконец, все уселись на вездеход и двинулись в путь. Саша сидел рядом с Леонидом, закутавшись для тепла в шинель Овенберга. Надевать ее в рукава он не стал: она была слишком просторна, а подогнать ее не хватило бы времени да, пожалуй, и умения. Овенберга и Штарке посадили на средних местах, сразу за спиной водителя. На обоих были поношенные ватники, оба были крепко связаны. Вокруг них сидели шесть автоматчиков — эсэсовцев. Глядя со стороны, можно было подумать, что эсэсовцы везут пойманных партизан.

В первую половину дня ничто, кроме промоин и грязи, не препятствовало движению вездехода. Бехтерев и Козырев находили самые заброшенные, уже никому не известные дорожки, перед войной связывавшие небольшие лесные поселки. От самых поселков остались только пепел да обгоревшие головешки, редко кое — где на отшибе встречались случайно уцелевшая изба или амбарчик. Кругом царило тоскливое безлюдье. Впрочем, для экипажа вездехода это было очень хорошо. Встреча со своими или чужими для них была одинаково опасна, хотя со своими, пожалуй, даже опаснее. Очутись сейчас рядом хоть с десятком партизан, те, конечно же, обстреляли бы вездеход. От немцев же партизан и разведчиков надежно маскировали эсэсовская форма и молодой гауптштурмфюрер, важно восседавший на командирском месте в машине. Впрочем, Саша сохранял эту важность только до очередной промоины или топкого места. Там, где было нужно помочь машине, он кидался первым, не забывая каждый раз снять мундир. После того, как препятствие было преодолено, в машину снова садился знающий себе цену гауптштурмфюрер.

В первые утренние часы машина шла почти с нормальной скоростью. Ближе к полудню скорость начала падать, дорога становилась все хуже, все чаще стали попадаться участки, на которых, по словам Саши, вездеход двигался «с отрицательной скоростью». И все же пассажиры машины были довольны. Неважно, что, проехав со всеми зигзагами более сотни километров, они сократили реальное расстояние до места назначения километров на пятьдесят, не больше. Все равно марш-бросок до партизанского края сократился минимум на двое суток тяжелого пешего пути.

После полудня, когда вездеход увяз снова в топкой промоине, Федор Кузьмич сказал:

— Не стоит, пожалуй, машину — то вытягивать.

— Почему? — удивился Саша.

— Впереди, вот за этой грядкой, Шкурино, — объяснил Федор Кузьмич. — До него километра два осталось, а дальше дороги нет. Дальше только в Знаменцево можно попасть. А в Знаменцеве немцы.

Через полчаса, загнав машину в густой вишеник, все, что осталось от довольно большой когда-то деревни Шкурино, партизаны и разведчики единогласно решили ночью прорываться через Знаменцево. Все, кроме очередного часового около пленных и Леонида с Сашей, расположились, кто как сумел, на отдых. Леонид и Саша решили выбраться на самую опушку и в бинокли понаблюдать за селом и ведущими через него дорогами. Обрато разведчики вернулись только перед вечером. Результаты наблюдения были очень обнадеживающими.

Через Знаменцево в сторону города прошли три грузовые машины, обратно — пять. Значит, движение хотя и небольшое, несмотря на распутицу, все же есть. Машины шли без специального конвоя. Леонид предложил не ожидать ночи, а прорываться немедленно, в сумерках. Предложение было принято, и через полчаса вездеход выехал с еле заметной шкуринской дороги на большак и повернул к Знаменцеву.

Перед выездом Леонид, к которому, с молчаливого согласия всех, перешло руководство прорывом, предупредил, чтобы огонь открывали только по его команде. Недогонову, сидевшему за станковым пулеметом, он сказал:

— А ты после команды бей длинными. Чтобы шквалом огонь шел.

— А Павлу Петровичу корректировать ход боя эфочками, — шутливо подсказал Саша.

— Не беспокойся, — пробасил старший сержант и провел рукой по поясу, увешанному гранатами.

У самой околицы Знаменцева навстречу вездеходу

попалась крытая неповоротливая санитарная машина. Увидев подходивший вездеход, шофер санитарки отвернул в сторону и остановил машину. Из кабины выскочил молодой лейтенант санитарной службы и подбежал к вездеходу. Увидев гауптштурмфюрера, он, видимо, сам устыдившись своей робости, подошел к замедлившему ход вездеходу, вскинул руку и спросил:

—Разрешите осведомиться, господин гауптштурмфюрер, впереди партизан нет?

—Можете ехать,— покровительственно разрешил Саша,— опасности никакой нет.

—Благодарю вас, господин гауптштурмфюрер. Разрешите пожелать вам счастливого пути! — лейтенант отстал.

—Молодец,— оценил поведение своего друга Леонид.— Так держать!

—А ты почему не остановился?

—Так ведь ты же мне не приказал,— съехидничал Леонид.— А без твоего приказанья я ничего делать не имею права. Только, знаешь, ты приказывай по всей строгости, как вчера той образине. А то вдруг при немце ты мне брякнешь:

«Лень, притормози на минутку».

Саша понял, что своими шутивными фразами Леонид пытается как-то разрядить то невероятное нервное напряжение, которое ими владело. И в самом деле, им не раз приходилось бывать в селах, занятых врагом, но всегда тайно. А сегодня они открыто, на захваченной у врага машине ехали по селу, занятому вражескими войсками. И от того, как Леонид проведет машину, угадает ли то мгновение, когда надо подать команду «Огонь!», сумеет ли, если понадобится, вывести машину из-под вражеского обстрела, от всего этого зависит, останутся ли в живых семеро его друзей, доставлены ли будут в партизанский отряд нужные сведения и два очень ценных «языка».

Саша сочувственно посмотрел на Леонида, но слова ободрения так и не прозвучали в эту минуту. Саша увидел, что Леонид пристально вглядывается вперед.

Тогда и Саша посмотрел в глубину заплывавшей вечерней синевой улицы.

С тех пор, как они въехали в село, им уже попало навстречу немало немецких солдат, в одиночку и группами пробиравшихся около стен домов, где было не так грязно. Попался даже один патруль. Но все они обращали на везде

ход внимание только с целью спастись от комьев грязи и брызг, летевших из-под его колес. Дорога шла с небольшим

уклоном вниз и метров за двести дальше превращалась в небольшую сельскую площадь. На этой площади толпилось большое количество солдат около приземистого, но очень длинного здания, когда-то, видимо, вмещавшего в себя и колхозное правление, и сельсовет, и клуб. Около крыльца здания стояло несколько легковых машин и машина для охраны. Зоркие глаза Леонида и Саши даже отсюда рассмотрели, что большинство солдат, толпившихся на площади, не имеют оружия и лишь около машин стоят вооруженные автоматчики.

Но глаза Овенберга, видимо, были еще более зоркими. Он, что-то разглядев, вдруг заерзал на месте, толкнул плечом Штарке, стараясь привлечь к чему-то его внимание. Купин, заметив нервозность гауптштурмфюрера, тоже пристально взгляделся в недалекие уже машины и вдруг, не говоря ни слова, сшиб Овенберга с сиденья на дно кузова. Штарке, не ожидая толчка, сам нырнул вниз и пристроился рядом с своим начальником.

—Голубев,— негромко сказал Федор Селиверстович, наклонясь к уху Леонида.— Это машины зондеркоманды. Левая черная Гросбауера.

—Ясно,— ответил Леонид, и Саша с облегчением почувствовал, что сейчас, когда опасность стала неотвратимой, его друг снова обрел спокойствие и хладнокровие.

—Недогонов,— подал негромко команду Леонид.— Первая очередь по охране. Уложить всех. Сидоров, гранатами разнести машины. Действуй быстро. После третьей гранаты дам скорость. Всем остальным из автоматов по толпе. Ждите команду. Учтите, команду дам по — немецки.

Вездеход с небольшой скоростью накатывался на толпу. Автоматчики охраны, видимо, узнав свою машину, смотрели на нее со спокойным ожиданием. Толпившиеся солдаты отошли в сторону, освобождая дорогу. Медленно, как и сам вездеход, катились последние секунды перед схваткой.

Но вот среди охраны возникло беспокойство. Они встревоженно переглядывались. В знакомой машине сидели незнакомые для них люди. Но заметили это они слишком поздно.

Когда до ближайшего автоматчика осталось не больше сорока метров, Леонид громко и резко, как выстрел, бросил: «Файер!»

Автоматчики свалились сразу же. Лишь от крыльца раздались две — три ответные очереди. Автоматы с вездехода секли толпу, прижавшуюся к стенам, и только те, кто с первыми

выстрелами предусмотрительно свалился в грязь, остались невредимы. Леонид на большой скорости послал вездеход вперед. Меньше минуты продолжалась штурмовка. Вездеход, словно взбесившийся дьявол, несся по залитой сумерками улице, сметая все живое шквалом огня. Партизаны и разведчики знали, что в Знаменцеве уже давно не осталось ни одного мирного жителя. Поэтому, гоня машину по самой середине улицы, Леонид, опьяненный недавно пережитой опасностью, кричал:

—Файер! Файер, черт их разорви!

Но вот огонь сразу оборвался. Машина, отбрасывая в стороны длинные крылья воды и грязи, мчалась по пустому и томному полю. Знаменцево осталось позади. Километров через пять Леонид остановил вездеход и прислушался. Никто их не преследовал. Значит, и на этот раз эфочки старшего сержанта ударили туда, куда надо.

—Ты, Леня, шибко — то сейчас не гони,— попросил Леонида Бехтерев.— Тут километра через два сверток должен быть. На старую монастырскую дорогу выбираться надо. А там уж мы, считай, дома. Ой!.. Федор Селиверстович, что с тобой?!

Купин полусидел, полулежал, прижав грудью к борту машины автомат. В суматохе прорыва никто не заметил, когда ужалила Федора Селиверстовича фашистская пуля.

Сидоров с помощью Бехтерева перевязал Купина. Раненого уложили в машине, освободив для него место поудобнее. Бехтерев, садясь на этот раз рядом с Леонидом, тихо сказал:

—Надо искать старую дорогу к монастырской просеке. Побыстрее и поосторожнее. Федору — то покой нужен.

То, что командир партизанского спецвзвода назвал малознакомого ему Купина просто по имени, подсказало Леониду, что положение раненого очень опасное. Он осторожно стронул машину с места, стараясь различать в темноте весенней ночи все каверзы незнакомой дороги.

Если бы Гросбауер смог в эту ночь бросить в погоню за разведчиками хоть одну машину с автоматчиками, его попытка увенчалась бы успехом. Отыскать вездеход не составляло никакого труда. По незнакомой размытой дороге Леонид вынужден был вести машину, не считаясь с требованиями маскировки и часто включая фары. Но иного выхода не было. Только после полуночи, отыскав, наконец, просеку, ведущую в район монастыря и озера, Леонид и все сидящие в машине облегченно вздохнули. Ночью немцы, даже в азарте погони, в лес не сунутся. Поэтому сейчас Леонид вообще не выключал фар. Машина пошла ровнее. Федор Селиверстович спросил:

—

Где мы, Саня?

—

До монастыря

километров десять осталось.

— Скажи, чтоб остановились,— попросил Купин, а когда его просьба была удовлетворена, добавил,— позови Бехтерева. А сам пока походи, разомнись.

Бехтерев перебрался на место Саши.

—Сильно меня? — очень тихо спросил его Купин.

—Не так чтобы сильно, но и хорошего мало. Видать, из карабина пуля наискосок ударила, под ключицу. Выходного нет. Засела.

—Хреново. До отряда не дотяну.

—Будем нести. В отряде доктор завсегда...

—Не дотяну,— не слушая, что говорит Бехтерев, повторил Федор Селиверстович.— До рассвета далеко?

—Через час — полтора начнет светать.

—Где ребятам к почтовому ящику поворачивать?

—Еще километров семь — восемь.

—Тогда попробуем доехать. Там остановимся и отправим ребят.

—Садись, парень, на свое место,— окликнул Сашу Федор Кузьмич.

Купину становилось все хуже. Временами он впадал в забытие или тоскливо вздыхал и, стараясь удержать стоны, успокаивал Сашу:

— Ничего, Саня. Дотянем. Нам с тобой еще и не такое повидать придется. Ты не переживай. Все обойдется.

Саша бодрым тоном, стараясь, чтоб не задрожал голос, соглашался, что все, конечно, обойдется, что ехать осталось совсем немного, что дальше будет легче, но очередной толчок снова кидал Федора Селиверстовича в беспмятство, и разговор прерывался.

Медленно проплывали за бортом машины высветленные фарами стволы деревьев, медленно наступал рассвет, и Саше казалось, что даже само время сейчас движется медленнее, чем обычно.

До места, откуда разведчики должны были поворачивать к почтовому ящику, добрались, когда совсем рассвело. Купина вынесли из машины и уложили на куче свежего лапника, застеленного трофейными плащ-палатками. Глоток крепчайшего самогона из запаса Никифора Козырева помог Федору Селиверстовичу очнуться.

— Дай еще,— слабым голосом сказал он, указав глазами на бутылку в руках Козырева. Тот, обрадованный неожиданной просьбой, свидетельствовавшей, по его убеждению, о начале выздоровления, приложил к губам Купина горлышко бутылки. Но Федор Селиверстович смог сделать только один глоток, и после

этого с минуту лежал молча, закрыв глаза. Все столпились вокруг, кроме Недогонова, сидевшего в машине около связанных немцев с автоматом в руках. Купин открыл глаза, оглядел всех и удовлетворенно проговорил:

—Дотянули.— Помолчал и добавил: — Помогите. Сесть хочу.

—Ну, чего ты беспокоишься? — запротестовал Бехтерев.— Лежи пока.

—Сесть хочу,— повторил Купин, и Бехтерев помог ему приподняться, а Сидоров сгрудил лапник за его спиной. Так, полусидя, раненый почувствовал себя увереннее. Он снова оглядел всех и тоном, не терпящим противоречия, сказал:

—Разведчики должны сейчас же уходить. Давайте сюда, поближе.

Саша, Леонид и Сидоров сели около Федора Селиверстовича, и тот, ласково смотря на Сашу, заговорил, обращаясь ко всем трим:

— Вас прислали в мое распоряжение. Вы все, что нужно, сделали, а теперь уходите. Знаю, что вы устали. Но сейчас вы очень нужны Сурову. Очень. Поэтому идите.

С каждым словом голос Купина становился все тише. Федор Селиверстович все же собрался с силами, обнял левой рукой Сашу, пожал руки Леониду и Павлу Петровичу и, тяжело вздохнув, в последний раз повторил:

—Идите.

С тяжелым сердцем уходил Саша. Его мучило, что он, здоровый и сильный, вынужден уходить, оставив одного из самых близких ему людей страдающим и беспомощным. Саша вообще чувствовал себя виноватым по отношению к дяде. Совсем недавно он всерьез верил в предательство Федора Селиверстовича и стыдился называть его своим близким родственником. Больно было вспоминать, что в совхозе он стрелял в Федора Селиверстовича. А теперь Сашу очень беспокоило, сумеют ли оставшиеся с Федором Селиверстовичем быстро доставить его в отряд. На руках придется нести. На вездеходе дальше не пробраться...

Леонид и Павел Петрович, конечно, догадывались, почему Купин так поспешно и настойчиво потребовал выхода разведгруппы в рейд, но ни одним словом не обмолвились об этом. Так и шагали они по лесу, мрачные и молчаливые, еще не освободившиеся от впечатлений только что пережитого, но внутренне уже подготовившиеся к новым испытаниям. А Купин, проводив сожалеющим взглядом необычно ссутулившуюся фигуру уходившего Саши, спросил Федора Кузьмича:

— Ты понял?

—Понять нетрудно,— пожал тот плечами.— Хорошо, что паренек не догадался.

—Напрасно, по—моему...— начал все еще стоявший с бутылкой в руке Никифор.— Потом он казнить будет, что ушел, тебя послушал...

—Саня и так много видит,— перебил его Федор Селиверстович.— А ведь он еще совсем мальчишка. А тут свой умирать будет.

—Ну, ты пока полежи,— начал укладывать Купина поудобнее Федор Кузьмич.— Сейчас мы носилки приготовим, пристроим тебя на них с полным комфортом и тронемся.

—Погоди, не торопись,— остановил его Купин.— Не нужно носилок. Времени у меня нет. Садись рядом и слушай. Записывать нельзя. Запоминай.

Закрыв глаза, он несколько минут лежал молча, собирая силы. Бехтерев сидел рядом, глядел в заострившееся лицо Купина, в его коричневого отлива огромные глазницы, запавшие желтоватые щеки и думал, как короткие предсмертные часы могут изменить облик человека. Федор Селиверстович с трудом поднял темные веки и посмотрел на Никифора:

— Дай еще своего лекарства.— С трудом сделав небольшой глоток, попросил: — Не обижайся. Отойди. Наедине говорить буду.

Никифор кинулся в сторону. Купин еще немного полежал с закрытыми глазами и заговорил:

—Запоминай. Передашь Сурову. Срочно. Оба немецких товарища в городе стоят крепко. Пароли на связь те же. С какими пришел я.. К ним добавлять число, в какое состоится встреча... И название дня, предшествовавшего встрече... Запомнил? Это самое главное. Запоминай крепко.

—Запомнил, запомнил. С немецкими товарищами порядок. Пароли старые. К ним добавить число, в какое будут встречаться, и название вчерашнего дня.

— Теперь запоминай остальное... Бехтерев внимательно слушал, отпечатывая в своей памяти все, что спешил передать своим товарищам по борьбе умирающий подпольщик.

В РАЙОНЕ СЕРГЕЕВА

Еще совсем недавно весна, растопив льды и снежные заносы, шумно пировала на своем празднике возрождения природы. Досыта поила талой водой землю, гнала по стволам живительные соки, чтобы в одну неделю молодые березки все враз «выстрелили» ярко—зеленой, клейкой, безудержно веселой листвой. А сегодня и сама вынуждена уступить дыханию раньше времени наступившей жары. Правда, весенняя прохлада еще держалась в тенистых перелесках, особенно по утрам. В такие часы приятно идти напрямик, без дорог, без тропинок, босиком,

прямо по шелковистой молодой траве.

Так напрямик, без тропинок, босиком и шли в это прохладное утро Вера с Юлей. Одна к себе в Сергееве, другая еще дальше, на Выселки. Обе возвращались из пятидневного похода по окружающим селам. Для постороннего глаза все это выглядело так. Юльке захотелось проведать своих подружек по школе, с которыми училась перед войной. А Вера пошла с ней, чтобы той не было скучно, да и тетя Катя, у которой Вера квартировала под именем Вали, попросила присмотреть за племянницей.

Часам к двенадцати девушки сильно притомились, да и жара становилась все сильнее. До Сергеева осталось не больше двух километров. Но это если в открытую входить в село, а если скрытно подойти прямо к дому Лошаковых, то придется отшагать по перелескам еще километров пять, если не больше. Ясно, что наступило самое подходящее время, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Тем более, что встреча с Клавкой и Женькой состоится только вечером на «коровьем рву». Те две девчонки тоже пошли навещать подруг, только в других деревнях.

Подружки присмотрели кучу густо разросшихся кустов, забрались в тенистую их середину и расположились отдохнуть. Небольшой кусок хлеба, два яйца и бутылка молока составили завтрак и обед на обеих. Поев, Юля улеглась поудобнее и тут же уснула, а Вера долго еще думала о том, что уже сделано и что еще предстояло сделать.

Да, теперь они могут передать капитану Сурову сведения о том, что в интересующих его селам численность гарнизонов возросла. Солдаты вооружены только винтовками и ручными пулеметами русского образца.

Об отряде Атаманчука пока ничего не известно. Правда, есть слухи, что какой-то атаман налетел на деревни Пашкино, Узкое и Карасево, но это далеко отсюда и пока что подробности выяснить не удалось. Но народу, говорят, погибло много. У соседей Лошаковых в Карасеве живет родственница. Сосед послал туда сынишку узнать правду, но тот вернется не раньше, чем через два-три дня.

По Вронскому большаку движение усилилось. Везут солдат, по двадцать человек в машине. Танков и тяжелых пушек не видно совсем. Может, они двигаются где-нибудь по другой дороге. Это надо бы проверить, потому что не может быть, чтоб тяжелых пушек совсем не везли.

Прислушиваясь к ровному дыханию Юли, Вера позавидовала способности своей напарницы засыпать быстро и спокойно, но, позавидовав, как-то незаметно и сама, разморенная жарой и усталостью, заснула. Неожиданно в ее затухающее сознание вошла

песня, ставшая в последние месяцы перед войной любимой песней комсомольцев. Вере приснилось, что она идет по просторному утреннему полю, что где-то впереди, уже недалеко поблескивает под восходящим солнцем река и что именно над рекой-то и разливается лирическая, берущая за сердце песня про Катюшу.

В этот момент Вера почувствовала, как кто-то трясет ее за плечо, и проснулась. Первое, что она услышала, окончательно прогнав сон, была знаменитая «Катюша», которую громко, не скрываясь, пели здесь, в немецком тылу, несколько десятков звонких мужских голосов. Юля трясла Веру за плечо и встревоженно-счастливо шептала ей в ухо:

—Валечка! Наши пришли! Валечка, наши!

Песня звучала уже совсем неподалеку, вскоре показались и сами певцы. Строем почти с того же направления, откуда недавно пришли Вера и Юля, шагало с полсотни парней, одетых в обношенную и запыленную красноармейскую форму. Автоматы и карабины у всех были закинута за спины. Сбоку строя шел высокий командир в лихо сбитой на затылок кубанке. Внешне все говорило о том, что это идет хорошо сколоченный строевой подготовкой, спевшийся во время боевых походов взвод красноармейцев. И все же что-то насторожило Веру, чем-то этот взвод не походил на обычный красноармейский.

—Валечка, побежали к ним! — теребила Юля Верино плечо.— Это же наши пришли. Побежали.

—Подожди,— шепотом прикрикнула на Юльку Вера.— Присмотреться надо. Очертя голову лезть нечего.

Про себя же она подумала, как хорошо, что с ней сейчас Юля, а не эта стрекоза Оля. Та бы уж давно, не слушаясь никаких уговоров, умчалась встречать красноармейцев. И еще с благодарностью вспомнила Вера капитана Сурова. Это он посоветовал ей носить только неяркую, маскирующих оттенков одежду. Так они были одеты и сейчас. Вера была уверена, что пройди кто-нибудь совсем рядом, все равно не увидит их.

Но что же насторожило ее? Сейчас до небольшого отряда было всего пятнадцать — двадцать метров. Все было как настоящее: выправка, одежда, оружие, песня. Хотя как раз песня чем-то и настораживала. И вдруг Вера поняла. Песня звучала громко, слаженно, но лица и голоса поющих оставались холодны, не откликнулись на задушевные поэтические ее слова.

Вглядевшись в лица людей в красноармейской форме, Вера увидела в них скуку, которая появляется, когда люди заняты неинтересным, навязанным им делом. Много раз сама певшая эту песню и хорошо знающая, как сильно она влияет на поющих, Вера теперь уже откровенно недоверчиво смотрела на проходивших совсем неподалеку от нее людей в красноармейской одежде.

—Ну, чего же ты, Валя? — по-прежнему теребила ее Юля.— Побежали. Ведь это наши. Через фронт, видать, прорвались.

—Через партизанский? — усмехнулась Вера.

—Почему через партизанский? — удивилась Юля.

—А потому, что между нами и фронтом партизанский край.

—Да, верно,— протянула Юля.— А я и не подумала. На партизан они не похожи.

—Вот именно. Знаешь, Юлька, ни с ними, ни за ними мы не пойдем. Будем пробираться в обход к вашему дому. Там из укрытия и присмотримся, в чем тут дело.

Укрытие Лошаковым было сделано еще задолго до войны. Когда-то глава семьи, стремясь улучшить семейный бюджет абсолютно честным и законным образом, решил разводить кроликов. Боясь, что консервативные односельчане поднимут его на смех, Лошаков—старший соорудил клетки для десятка кроличьих семей на чердаке избы. Это благое мероприятие погибло под осуждающим взглядом Матрены Лошаковой. На чердаке так и осталось нелепое сооружение из досок, с зарешеченной передней стенкой. Позднее Матрена приспособила клетки для кур, а неугомонная Оленька установила, что за задней стенкой крольчатника имеется вполне достаточно пространства, чтобы скрываться от посторонних глаз.

Сестры незаметно натащили в тайник сена, принесли старое байковое одеяло, и там стало совсем уютно. С началом войны роль тайника возросла. Одним из достоинств было то, что конец его упирался в торец крыши, и это давало возможность для широкого обзора. Укрытие стало местом, откуда постоянно велось наблюдение за движением по Вронскому большаку.

До дома девушки добирались очень долго. Юле было совсем непонятно, почему вместо того, чтобы идти за приусадебными участками, что было значительно ближе, они повернули в глубь перелесков и долго огибали село. Но для Юли авторитет подруги был неколебим, и она даже не спросила, зачем это делается.

Во дворе они постояли, прислушиваясь. Откуда—то из центра села доносился шум, слышались чьи—то злые выкрики.

— Полезли наверх,— предложила Юля.— Там Оля. Может, чего знает?

Но в укрытии Оли не было. На видном месте лежал прижатый вареной картошкой клочок бумаги, на котором было написано: «Скоро приду». Прочитав записку, Вера улыбнулась.

—Что ж, будем ждать,

—Все село около дома старосты,—сообщила Юля, уже

улегшаяся у щели для наблюдения.— И отряд этот там же. Митинг, что ли, идет.

—Оля придет, расскажет,—ответила Вера, устраиваясь рядом. Она вгляделась в сгрудившуюся вдалеке толпу, и сердце ее тревожно заняло. Жители села явно оцеплены автоматчиками. «Может, этой есть тот самый Атаманчук? Если это он, то надо не ждать связного. Самим бежать в отряд».

В это утро жители Сергеева не ждали для себя никакой особенной беды. Хотя уже около девяти месяцев село было под оккупацией, немцы еще ни разу не проявляли здесь своего характера. Всякие налоги и поборы доводились до населения через старосту, он и собирал их с помощью полицаев, не забывая, конечно, поживиться и сам, но особенно при этом не свирепствовал.

Пока Карчинский тракт действовал нормально, немцы держали Вронский большак как бы в резерве, и появление на нем крупной воинской части было редким явлением. И все же примерно с половины зимы по большаку потянулись нескончаемые вереницы машин с пехотой, артиллерией, а иногда и колонны танков. Но все они проходили мимо. Даже попытка немцев спрятать на территории сгоревшей МТС танковый резерв непосредственно не отозвалась на жителях Сергеева, если не считать выбитых в момент бомбежки окон. Жители села были твердо убеждены, что от немецкой напасти их спасает близость к партизанскому краю. Ведь по прямой тут было не более двадцати километров, окрестности же таковы, что на Сергеево легче нападать со стороны леса, а оттуда им ничто не угрожало, И сергеевские старики приняли такое решение: отсиживаться по домам. Может, бог пронесет стороной злую погибель. Не зорить же хозяйства зря. А с партизанами связь держать крепкую и в случае беды в одночасье уходить из села.

Мудрые сельские патриархи прекрасно понимали, что их уход в леса не усилит воинскую мощь партизан. В селе остались только старики, женщины да ребяташки. Все способные носить оружие ушли в первые месяцы войны кто в армию, кто в партизаны.

В этот день солнце уже с утра палило нещадно. Все с нетерпением ждали дождя, но его с начала весны все не было. Война войной, а народ, армия, да и партизаны — все есть хотят. Значит, хоть и война, а мужику все равно надо выполнять свою обычную работу, сеять и убирать хлеб.

Все утро сергеевцы возились на своих участках. Дел в крестьянском хозяйстве всегда найдется. Выходить в поля запретил староста. Еще с вечера по селу пробежали полицаи и

всех предупредили, чтобы никто не уходил из дома. Приедет какое-то начальство из города. Поэтому, когда за околицей села зазвенела бодрая красноармейская песня, почти каждый житель села подумал про себя: «Не ко времени. Немцы могут нагрянуть». И тут же обрадованно объясняли: «Может, наши фронт разорвали?». А над селом уже раскатывалось громко и победно:

...Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот.

Моментально сбежавшиеся на звуки песни мальчишки со всего села закружились вокруг печатавшего шаг отряда. Они бежали впереди, шагали, изо всех сил стараясь не отстать, подтягивали песне и вообще вели себя так, как ведут мальчишки во всех деревнях и селах России, когда по улице проходит воинская часть.

Взрослые, постояв у калиток, пока отряд проходил мимо, тоже шагали вслед, встревоженно переговариваясь, что же теперь будет. Вдруг немецкое начальство приедет с солдатами на вездеходах? Ведь там на каждой машине один, а то и два пулемета. Хотя у красноармейцев с собою тоже есть пулеметы...

А навстречу отряду по середине улицы, заранее сняв шапку, торопился Ванька Шутов, в прошлом колхозный шорник, враль и выпивоха, а сейчас назначенный немцами староста села. Сельчане думали, что шагавший в заломленной на затылок кубанке командир отряда прикажет арестовать старосту или в крайнем случае прогонит его, но ничего такого не произошло. Староста, подобострастно изгибаясь, доложил о чем-то командиру, тот кивнул в ответ, и сразу же по селу побежали полиции, собирая на собрание тех, кто еще оставался дома. А командир, облюбовав место как раз против избы старосты, остановил отряд. Здесь, закрывая своей тенью почти всю улицу, росла старая береза. В ее тени и укрылся командир. Часть тени досталась и отряду. Староста бегом кинулся в избу и вынес для командира табуретку, но тот пренебрежительно отмахнулся и коротко приказал:

—Стол.

Удивленный таким приказом, староста, однако, не осмелился переспрашивать и со всех ног кинулся в избу. Минут через десять он, пыхтя и отдуваясь, притащил стол. Командир приказал поставить его в самой густой тени. Толпа с каждой минутой прибывала. Посыльные полицаи исправно делали свое дело. Но вспыхнувшие было при появлении отряда радость и веселье пропали без следа. Что-то настораживало сергеевских стариков и баб. Даже ребятишки притихли и замешались среди взрослых, перестав крутиться перед строем угрюмых людей в красноармейской одежде.

Наконец Ванька Шутов, пошептавшись со своими полицаями, подбежал к командиру, вытянулся и изо всех сил, стараясь показать, что он понимает толк в военном деле, громко, во всю глотку доложил:

—Так что по вашему приказанию все население вверенного мне села собрано в данной местности. Отсутствующих по важным причинам не обнаружено. Жду ваших приказаний.

Командир с некоторым удивлением выслушал рапорт старосты, усмехнулся и подошел к столу. Он одним рывком бросил сильное, хорошо натренированное тело на стол, как в седло, стал на нем в рост и хмуро приказал:

—А ну, давай сюда все поближе, справа гуртуйтесь.

Толпа сгрудилась справа от дерева, но ближе к столу не подошла.

—Зеркаленко, действуй,— приказал, стоя на столе, командир.

Правофланговый, коренастый, уже отпустивший небольшое брюшко, посмотрел на командира хитроватыми, маленькими, как у кабана, глазками, вышел из строя и негромко скомандовал:

—Первая, вторая шеренга, в оцепление!

—Ой, батюшки, что же это такое? — выкрикнула в толпе какая-то женщина.— Ведь на митинг звали.

Ей никто не ответил, Стиснутые кольцом оцепления сергеевцы испуганно молчали, глядя в направленные на них стволы автоматов и карабинов.

— Вот теперь и поговорим,— заговорил стоявший на столе человек.— Выясним, почему сергеевские мужики так плохо помогают своим защитникам — партизанам. Партизаны голодают, а вы жрете от пуза. Заелись, сволочи. Забыли про тех, кто за вас, толстозадых, кровь свою проливает, жизни свои драгоценные кладет. Ну, высказывайтесь, почему так?

Ответом было мрачное молчание. Среди стоявших в толпе не было, пожалуй, ни одного человека, так или иначе не помогавшего партизанам, хотя бы от случая к случаю. Многие регулярно снабжали приходивших из леса людей всем, что могло дать немудрящее мужицкое хозяйство в дни всеобщей разрухи и лишений. Но говорить об этом никто не решался. Слишком не схоже было все, что происходило сейчас на широкой сельской улице, с тем, что советские люди связывали с понятиями Красная Армия и красноармеец.

—Не хотите говорить сами, мы поименно спросим,— провозгласил со стола командир отряда. Он передвинул вперед большую полевую сумку и, не заглядывая в нее, на ощупь вытащил пачку бумажных листов. Затем довольно долго разбирался в них, выискивая нужный, те, кто стоял

поближе,
могли рассмотреть, что все это списки людей.

— Вот он, — удовлетворенно констатировал командир, обнаружив, наконец, нужный ему список и засовывая остальные обратно в сумку. — Посмотрим, кто тут в чем виноват. — Он долго вглядывался в список, затем таким же долгим взглядом посмотрел на притихшую толпу и вдруг звонко, как на переключке, гаркнул:

— Иголкин Федор Матвеевич! Есть тут такой?

— Есть, — донеслось из толпы. — Здесь я. Выходить, что ли?

— Выходите, сделайте милость, — с шутовским поклоном пригласил мужика командир отряда. — Только торопитесь. Ждем.

Из толпы вышел и остановился против стола высокий и еще очень крепкий старик лет шестидесяти. Он спокойно посмотрел на человека в кубанке серыми, немного выцветшими от старости глазами и спросил:

— Зачем понадобился?

— Почему отказываешься помогать партизанам?

— Так ведь они не просят у меня помощи — то, — развел руками старик и, помолчав, с нескрываемой усмешкой добавил, — видать, без меня неплохо у них выходит.

— А сыновья у тебя где, в армии?

— В армии, — кивнул старик.

— Два сына кадровых военных, один подполковник, другой старший лейтенант, политрук. Третьего мобилизовали в начале войны. Так ведь?

— Ишь ты, не хуже меня знаете, — удивился старик. — Все точно так.

— Значит, раз сыновья не в партизанах, а в армии, партизанам помогать не стоит? Так, что ли?

Старик, не отвечая, пожал плечами.

— Что ж ты один — то вышел? — не дождавшись ответа, укоризненно спросил старика командир. — Где же твои жена, сноха, внучата? Пусть становятся рядом с тобой. Пусть народ смотрит на семью человека, не помогающего партизанам, на семью советского кулака.

— Сноха — то и внучата тут при чем? — забеспокоился старик. — Они не хозяева. Я один за все в ответе.

— А ну, выходи все из семьи Иголкина Федора Матвеевича и становись рядом с ним, — крикнул командир

отряда.— Живо—о!

Из толпы вначале вышла под стать Федору Матвеевичу высокая старуха и остановилась рядом с мужем. За ней, несколько задержавшись, подошла молодая женщина с годовалым ребенком на руках. Ухватившись за юбку матери, торопливо переставляя ножки трехлетний карапуз.

—Все? — спросил командир.

—Все,— подтвердил старик.— Все Иголкины тут, кроме тех, кто воюет.

—Встаньте вон там, слева,— приказал командир.— Пусть весь народ видит тех Иголкиных, которые отказались исполнять свой долг перед Родиной.

Федор Матвеевич, потемнев лицом, все же беспрекосло отошел на указанное место. Следом перешла и его семья.

—Переверзев Александр Данилович,— заглянув в список, снова выкрикнул командир.— Тут он?

—Тута я,— слышалось из толпы.

—Выходи со всей семьей да побыстрее.

—Пойдем, Петровна. Видишь, и мы нужны стали,— снова донеслось из молчавшей толпы, и через несколько секунд перед стоявшим на столе человеком появились двое стариков, внешне прямо противоположных чете Иголкиных и все же чем—то неуловимым на них похожих.

—Вот он я, Переверзев Александр Данилович,— доложил старик.— Какая во мне надобность?

—Та же, что и в Иголкине,— ответил командир и, опершись руками о колени, наклонился к Переверзеву.— Двух сынов и трех внуков отправил в партизаны, а кормить их кто будет?

Сообразив, что сейчас его согнутая фигура, обращенная к толпе обтянутым узкими галифе задом, способна вызвать смех, а не уважение, командир быстро распрямился и, немного подумав, просто сел на стол, свесив ноги.

Переверзев молча наблюдал за этим человеком. Когда командир уселся, он оценивающе посмотрел на него, задумчиво подергал себя за бороду и только после этого ответил:

—О том, что два моих сына и внучата в партизанах, впервые слышу. Иначе обязательно помог бы. Как же не помочь, ведь свои, кровные.

—Так—таки ничего и не знаешь? — насмешливо переспросил командир.

—Как есть, ничего не знаю,— со спокойной усмешкой подтвердил Переверзев.— Уж больше полугода от них ни слуху ни духу. Как в воду канули.

—Да и откуда нам будет известно? — подала свой голос Петровна.— От нас в лес никто и к нам из леса никого.

—А где же твои снохи? Где младшие внуки? — не обратив внимания на слова Петровны, спросил командир.

—Да где им быть? К родственникам подались. Голодновато жить стало.

—Староста! — прикрикнул на Шутова командир.— Зачем отпустил людей?

—Никак нет,— кланяясь, испуганно оправдывался Шутов.— Никому не было велено. Я всех предупредил, начальство, мол, приедет.

—Дурак,— разъяренно заорал на него командир.— Болтаешь?

—Да врет все, старый козел,— выручил насмерть перепуганного старосту один из полицаев.— Вон Кланька Переверзева стоит, да и Машка с Веркой тут же были.

—Быстро вытащить их всех сюда,— приказал командир. Полицаи кинулись в толпу. Через минуту младшая дочь Переверзева Вера и две снохи — Клавдия и Мария стояли рядом со стариками. Младших внуков в толпе действительно не оказалось.

—Становитесь все рядом с теми подлецами,— указал на Иголкиных командир.— Пусть народ видит предателей.

—Толпа угнетенно молчала. Старики Иголкин и Переверзев, по праву считавшиеся самыми уважаемыми людьми на селе, почему—то скрыли свои, безусловно, существовавшие связи с партизанами. Это насторожило остальных. Непонятным было, почему командир Красной Армии взял на подозрение именно этих уважаемых людей, известных своей преданностью Советской власти. Может быть, кто—то обманул командование и оклеветал честных людей? Почему командир Красной Армии не спросил народ обо всем, а пользуется помощью старосты и полицаев? Много вопросов возникло у жителей села Сергеево, растерянных и оскорбленных несправедливостью тех, кого они ждали как лучших своих друзей и освободителей.

А кошмар, тяжелей любого ночного кошмара, продолжался среди белого дня на людной сельской улице. Уже около трех десятков людей были вызваны из толпы и стояли отдельно от своих близких. Командир постоянно называл их предателями, а среди этих «предателей» половина была не старше пяти лет.

—Сильков Иван Павлович,— назвал еще одну фамилию командир и, наконец, сунул список обратно в сумку.— Учитель? — спросил он высокого и очень худого человека в

очках, вышедшего из толпы.

—Учитель,— ответил вызванный.

—Вот от вас — то я этого не ждал,— укоризненно проговорил командир, разглядывая стоявшего перед ним Силькова.

—Позвольте узнать, чего именно вы от меня не ждали? — осведомился Иван Павлович.

—Не ждал, что вы откажетесь помогать партизанам в их святом деле.

—Странно,— пожал плечами учитель.— Чем я могу помочь, коль сам живу чуть не из милости. Ведь я даже зарплаты не получаю. Школа — то почти год не работает.

—Как раз ваша — то помощь особенно и нужна,— с той же укоризной продолжал командир.— Ваше слово, ваши призывы, ваше обращение к населению могли бы еще шире раздуть пламя народной войны против оккупантов. А вы вместо

этого занимаетесь черт знает чем. Тоже встали на путь предательства народных интересов, как вся эта сволочь,— кивнул на группу вызванных по списку людей.

— Это неправда,— вдруг прорезал тяжелую тишину звонкий девчоночий голос.— Почему вы молчите, Иван Павлович?! Пустите меня. Нечего тут... Я ему всю правду скажу.

И, вырвавшись из чьих — то удерживающих ее рук, к столу подбежала Оля Лошакова.

—Какое вы имеете право?! — напустилась она на командира.— Мы вас так ждали. А вы неправду говорите. Вы не командир Красной Армии. Таких командиров не может быть. Вы хуже фашистов!...

—Ишь ты, даже соплячек против советской власти настроили,— лениво проговорил командир и вдруг сильно пнул Олю в грудь ногой. Та, словно тряпичная кукла, отлетела от стола и не упала на землю только потому, что ее успел подхватить Сильков.

— Как вы смеете? — загремел над улицей его голос.— Стыдитесь!

Он поднял девочку на руки. Голова Оли безвольно склонилась на плечо учителя, изо рта тоненькой струйкой лилась кровь.

—Девочка права. Вы хуже фашистов,— бросил в лицо командиру Сильков и пошел в толпу.

—Куда? — рявкнул командир.—Налево, к предателям! — и, видя, что Сильков хочет передать бесчувственную Олю кому — нибудь из толпы, заорал:— Вместе с девчонкой. Марш!

—Эта девчонка...— сунулся было к нему староста Шутов,

—Заткнись,— оборвал его командир.— Ну, все. Пора кончать эту музыку.— Он снова встал на столе в полный рост. В этот момент кто — то в замершей толпе крикнул:

—Братцы, да это атаман, который в Узком разбойничал.

—Заткнись,— снова повторил командир.— Не атаман, а Атаманчук. Старший лейтенант, командир специального карательного отряда, сформированного командованием Красной Армии для борьбы с предательством на территории, занятой противником. Поняли, дурачье? А вы что думали, шутить будут с теми, кто предает? Не — ет. Всех расстреляем. Поняли?

—Да что же это делается — то, господи,— упавшим голосом еле слышно проговорила Петровна. Но Атаманчук все же услышал голос старой женщины.

—Таков приказ советской власти,— громко объявил он и, спрыгнув со стола, приказал: — Зеркаленко! Гони их на выгон.

—Не верьте этому провокатору,— загремел из толпы обреченных голос учителя Силькова.— Никакие это не красноармейцы. Они фашистами подсланы.

В ответ защелкали затворы, заголосили, запричитали женщины. Смертников окружила густая цепь отрядников Атаманчука. Ударами прикладов и пинками обреченных заставили идти в конец села, на выгон, мимо дома Лошаковых, к большим ямам, где до войны замачивали коноплю. Учитель пошел к месту казни, неся на руках все еще не пришедшую в себя Оленьку.

—Люди только сейчас поняли, что все происходящее — не случайная жестокая шутка, не трагическая ошибка, а неотвратимая, бессмысленная кара неизвестно за какое преступление. Хватающий за душу женский плач и вопли заставили бы отступить даже разъяренного зверя, только не Атаманчука и его подручных.

— А ну, тиха — а! — рывкнул Атаманчук, которому просто показалось, что на улице стало слишком шумно.— Староста! Куда смотришь?! Почему беспорядок, мать твою...

Ванька Шутов только посмотрел со страхом на командира слезящимися от перепоя глазами и ничего не ответил на окрик. Он явно не ожидал такого поворота событий и теперь был в полной панике.

Подгоняемые ударами и бранью приговоренные столпились около глубокой ямы. В эту страшную минуту, оказавшись на самом краю жизни, они словно бы находились в бредовом сне, окрасившем все вокруг в багрово — черные тона.

Старик Иголкин одним движением дрожащей, но все еще сильной руки разорвал ворот рубахи и начал скрести ногтями грудь. На белой коже уже выступили капли крови, но он не замечал этого, не чувствовал боли. Правой рукой он обнимал

плечи жены, а та, отворачиваясь от того страшного, что сейчас должно было совершиться, уткнулась лицом ему в пазуху. Губы Федора Матвеевича беззвучно шевелились, а глаза, полные недоумения и страха, неотрывно глядели на людей, стоявших против него со вскинутыми автоматами.

— Жабы, гады, сволочи,— выкрикивал высоким, вздрагивающим от спазм голосом Переверзев. Он старался найти, припомнить ругательство погрязнее, пооскорбительнее, и это, видимо, помогало ему более всех других сохранить самообладание. Его выкрики тонули в общем плаче, их смысл не

доходил до карателей, но старик продолжал ругаться, потому что ничего другого сейчас сделать не мог. Он не слышал, как Петровна, стоя около него на коленях, бессознательно повторяла: «Господи, господи, неужели допустишь, неужели не отвратишь?».

Но если ругательства Александра Даниловича и молитвы Петровны заглушали вопли и плач женщин, то голос учителя Силькова даже эта волна народного горя была не в силах затопить.

—Ты что, совсем озверел, фашистский выкормыш?! —бросал он в лицо Атаманчуку, стоя у края могилы.— Детей—то за что расстреливаешь, гадина? Отпусти детей. Возьмите кто—нибудь детей, товарищи,— обратился учитель прямо к толпе.

—Тиха—а! — по привычке выкрикнул Атаманчук.

—Я вас умоляю! — закричала молодая сноха Иголкина, глядя на Атаманчука выцветшими от ужаса, совсем белыми глазами. — Товарищи! — крикнула она в толпу.— Возьмите кто—нибудь Васю и Ленечку. Спасите их!..

—Молчать! — снова заорал Атаманчук и, вырвав из кобуры пистолет, выстрелил в воздух. На минуту испуганная тишина затушила плач и вопли. Небольшая сухонькая старушка, оттолкнув пытавшегося помешать ей полицаю, вышла из толпы и смело направилась к стоявшим у могилы людям.

—Давай, касатка, своих мальцов,— ласково проговорила она, забирая из рук Иголкиной малыша.— Не мучь себя. Они в добрых...

Атаманчук выстрелил, не целясь. Старушка, не договорив, опустилась на колени и, словно кланяясь приговоренным, упала головой к их ногам. Выпавший из мертвых рук малыш залился плачем. Пронзительно закричала и кинулась к нему молодая мать. Плач женщин и ребятишек, негодующие крики стариков зазвучали с новой силой над выгоном, но сразу же были смяты треском автоматных очередей, уханьем выстрелов из карабинов.

Начался расстрел. Упал, так и не доругавшись, Александр

Данилович Переверзев, и его юная Верочка, затихла молодая Иголкина, сжимая в слабеющих объятиях тела двух своих малышек.

Толпа не расходилась, хотя оцепление само по себе разомкнулось. Все с ужасом смотрели на окровавленные тела, лежавшие у ямы на краю выгона. Атаманчук, окруженный своими подручными, раскуривал сигарету, полицейя подобострастно и одновременно испуганно улыбались.

— Это вам так не пройдет! — неожиданно послышался в тишине плачущий детский голос.

У края страшной груды окровавленных тел стояла Оленька.

—Зеркаленко! — истерически взвизгнул Атаманчук.

Сразу же грохнул выстрел, и Оленька упала.

—Бракоделы! — свирепо оглядел своих Атаманчук и, выискав взглядом Ваньку Шутова, подозвал его к себе.

—Кто такая? — спросил он подбежавшего Шутова.

—Лелька Лошакова,— торопливо ответил тот и зачастил:— Ее отец в городе в комендатуре работает. Лошаков то есть. А это младшенькая его. Всегда строптивая была.

—Как в комендатуре?! — перебил его оторопевший Атаманчук.— Ты чего — то путаешь?

—Никак нет, то есть не путаю,— обрадованный возможностью поправить ошибающееся начальство, пустился в объяснения Шутов.— Ейныш, значит, отец в большом уважении у коменданта господина гауптштурмфюрера Тизенгаузена.

Лицо Атаманчука медленно начало наливаться кровью. Он не знал, кто такой Лошаков и почему он в фаворе у Тизенгаузена, но кто такой Тизенгаузен, знал хорошо. Видимо, Ти — зенгаузен плетет какую — то свою паутину, и в ней этот Лошаков играет немалую роль, как местный уважаемый населением человек. Атаманчук смятенно искал выход, чтобы охранить себя от гнева Тизенгаузена, и, наконец, нашел.

—Так чего же ты, морда, не предупредил меня? — накинулся он на Шутова.— Почему молчал, шкура продажная?

—Да я начал говорить, но вы приказали заткнуться,— оправдывался Шутов.

—Не сваливай с больной головы на здоровую,— заорал на него Атаманчук.— Сам, сволочь, обманул меня, а сейчас выкручиваешься! Помощник у тебя есть?

—Никак нет... То есть... Ежели по правде... Господа из управы разрешили...

Шутов привык всегда хитрить. Сейчас он торопливо соображал, как выгоднее ему ответить на вопрос. Командир рассержен и может

отставить от должности. Это было бы всего лучше. После того, что произошло сейчас, Шутову уже не хотелось быть старостой. Он — то хорошо знал, что односельчане посчитаются с ним за все. Сейчас самое лучшее было отойти в сторону, «пострадать» от новой власти, чтобы потом иметь возможность доказывать, будто «делал все, что мог», но обстоятельства были сильнее его.

— Так есть у тебя помощник или нет? Отвечай, морда! — кипел от ярости Атаманчук.

— Есть помощник, есть, — решил наконец Шутов. — Вот он. Егор Кротов. Егор, иди сюда, начальство зовет.

От группы полицаев отделился худой человек с нездоровым румянцем на щеках. Было ему лет тридцать, не более. Разговаривая с полицаями, он засунул большие пальцы рук за брючный ремень да так, не меняя их положения, и побрел на зов.

— Фамилия, имя, место работы? — спросил его Атаманчук.

— Кротов Игорь. Помощник старосты, — флегматично ответил тот.

— С этого момента ты староста, — приказал Атаманчук. — Справишься?

— Дело не хитрое, — без улыбки, но с явной усмешкой ответил Кротов.

— Кто старший полицай! — спросил уже у Кротова Атаманчук. Он, казалось, полностью утомился, разговаривал со вновь назначенным старостой спокойно и даже дружелюбно.

— Бабенков, командир зовет, — не отвечая Атаманчуку, крикнул Кротов и, когда невысокий, плотного сложения полицай подбежал к нему, добавил: — Вот он.

— Возьми трех своих, которые посмелее, и расстреляй этого провокатора, — приказал Атаманчук старшему полицаяю. — Зеркаленко, обеспечь.

Ванька Шутов дико взвыл и бухнулся в ноги Атаманчуку. Бабенко оглянулся, словно ища лазейку, в которую можно было бы улизнуть, но Зеркаленко с тремя парнями уже стоял за его спиной, и старший полицай вынужден был подчиниться. Пока Шутова тащили к яме, он выл, плакал, пытался вырваться, умолял Атаманчука о пощаде, со страха обмочился и наконец упал без памяти. Его пластом доволокли до ямы и пристрелили.

Между тем в конце деревенской улицы начал выстраиваться довольно большой обоз. Это часть подручных Атаманчука произвела «обыск» в домах казненных. При этом были полностью изъяты скот, домашняя птица, съестные припасы и хорошая одежда и обувь. Выведенный с выгона отряд построился во главе обоза. Атаманчук окинул требовательным взглядом отрядников и подал команду:

—С места с песней! Шаго — о — м мар — рш!

Соловей, соловей, пташечка,

Канареечка жалобно поет.

Раз поет, два поет, горе не беда...

взвилось над залитым кровью выгоном, над испуганно молчавшим селом. Отряд Атаманчука, выполняя задание Гросбауера, направился в следующую деревню.

А в укрытии на чердаке Вера, навалившись всем телом на бившуюся в истерике Юлю, зажимала ей рот сорванной с головы косынкой. Последний путь к месту казни обреченные прошли всего в нескольких шагах от дома Лошаковых, да и до страшной ямы на выгоне отсюда было не более сотни метров. Даже сквозь застилавшие глаза слезы Юля рассмотрела, как — в последнюю секунду своей жизни учитель Сильков успел отбросить Оленьку на землю позади себя и этим спас ее от пуль карателей. Юля была уверена, что сестра останется в живых. Но, когда через несколько минут Оля бесстрашно поднялась над трупами навстречу выстрелу из карабина, нервы ее не выдержали.

— Милая, хорошая, — уговаривала Вера девочку. — Ты плачь, плачь, только не кричи. Не поможет. А если и мы погибнем, то кто в отряд сообщит? Кто отомстит за Оленьку?

Вере много раз пришлось повторить слова о мести за Оленьку, пока они проскользнули в заполненное горем и ужасом сознание Юли, и девочка начала приходить в себя. Она зарыдала горько и безутешно, но это уже было проявление осознанного горя, а не безудержный и безвольный вопль отчаяния.

— В отряд надо, спешно в отряд надо, нам нельзя ждать связного, бандиты в Алешкино направились. Капитану Сурову сообщить надо, — как глухой шептала в ухо Юли Вера. — Ты найдешь одна дорогу, если связной не встретится?

Раз за разом повторяла свои призывы и вопросы Вера, пока они дошли до сознания Юли, и та, наконец, ответила:

— Конечно, найду.

— Вот и хорошо. Молодец, — похвалила ее Вера, обрадованная тем, что девочка наконец приходит в себя. — Капитану Сурову ты расскажешь обо всем, что здесь произошло, и что бандиты ушли в Алешкино. Ты скажешь, что это, конечно, тот самый Атаманчук, про которого они уже спрашивали нас. Остальные сведения я передам со связным. Поняла? Ну, пойдем. Я тебя провожу немного и лесом уйду на Выселки.

Но тут возникло одно непредвиденное препятствие. Юля захотела проститься с сестрой. Немало усилий Веры потребовалось,

чтобы отговорить ее от этого. Пришлось напомнить, как опасно появляться сейчас на выгоне и попадаться на глаза Ваньке Шутову. Пораженные смертью Оленьки, ни Вера, ни Юля не видели, как закончилась карьера этого прислужника оккупантов. Но Юля продолжала стоять на своем. Тогда Вера напомнила ей о суровом долге разведчика и о том, что она сама добровольно взяла на себя этот долг, а разведчик выше всего, даже выше собственной жизни ставит выполнение задания. Юля заплакала и согласилась.

Дав ей успокоиться, Вера вместе с ней осторожно вышла во двор, убедилась, что все село столпилось на выгоне около ямы и за ними никто не наблюдает, решила уходить. Через приусадебный участок они выбрались на небольшую лужайку, отделявшую село от ближайшего перелеска, и бегом пересекли ее.

— Проскочили, — облегченно проговорила Вера. — Теперь дорога открытая. Пошли, я тебя еще провожу немного.

Про себя Вера опасалась, что Юля может с дороги повернуть обратно, чтобы проститься с сестрой, и решила немного подстраховать. Она была убеждена, что опасность может возникнуть при возвращении Юли в село.

* * *

Вера не была бы так спокойна, если бы знала, что их уход из села все же не остался незамеченным. Они еще только перебежали лужайку, а пожилая, но очень подвижная женщина в белом, повязанном по-монашески платке уже разыскивала нового старосту.

— Господин Кротов, — зашептала она, отозвав его в сторону. — Я сейчас большевицкую шпионку видела. Верку Волгину. Дочку Данилы Волгина.

— Дочку Волгина? — удивился староста. — Тут вы что-то путаете. Кто вы такая?

— Я здесь по заданию. Выдрина моя фамилия. Меня сюда покойный Герасим Кузьмич Долганов прислал, а сейчас я от господина Гросбауера работаю. Так вот...

— Погодите, — перебил Выдрину староста, — о таких делах здесь на людях говорить не положено. Куда пошла шпионка?

— Вон в тот перелесок нырнула. С ней еще какая-то девчонка.

— Идите следом. Подождите меня в перелеске.

— Только вы, господин Кротов, поторопитесь. Ведь уйти может.

— Никому ни слова. Идите и ждите, — уже тоном приказа повторил Кротов. — Я захвачу полиция и приду.

Первым долгом староста убедился, что на его разговор с Выдриной никто не обратил внимания. Затем, отозвав Бабенкова, он ушел с ним с выгона. Но пошли они не прямо в перелесок, а вначале зашли в деревню и через двор пустующей хаты выбрались на лужайку, а оттуда уже к месту встречи. Выдрина ожидала старосту, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу. Увидев рядом с Кротовым старшего полицая, она заметно обрадовалась.

—Пойдемте быстрее. Удерет ведь. Я ее, стерву, знаю. Один раз она меня провела, а сейчас, шалишь, не удастся.

—Так куда ж мы пойдем? — спросил Бабенков.— В лес? Не имею желаний.

—Да они совсем рядом,— всполошилась Выдрина.—Только что зашли в ту кулигу. Мы их мигом догоним.

—Ну, ладно,— согласился Кротов,— Пройдем немного, проверим.

Торопливо семеня впереди своих спутников, Выдрина рассказала, правда весьма сжато, о слепой гадалке и ее спутнице, о переполохе, который произошел, когда выяснилось, кто они такие. Кротов и Бабенков слушали, не перебивая, не давая вопросов. Перебила Выдрина сама себя.

— Вон они, вон! — оборвав на полуслове свой рассказ, вдруг завопила она и с необычной для ее возраста резвостью рванулась вдогонку.

И в самом деле, впереди, между перелесками, на открытом месте показались две девичьи фигуры. Беглянки не заметили погони, и это дало возможность Выдриной догнать их. Когда Вера заметила опасность, было уже поздно. Выдрина разъяренной кошкой налетела на девушку, сбила ее с ног, сама кувыркнулась рядом, но не выпустила схваченную жертву из своих цепких рук.

—Поймала! — торжествующе завопила она.— Идите скорее!.. Я ее держу!

—Юлька, беги,— кричала Вера спутнице, сама из всех сил стараясь вырваться.— Беги! Я тебе приказываю!

Вцепившаяся было в волосы Выдриной Юлька, услышав «приказываю», со злостью рванулась вперед, и исчезла среди деревьев.

— Убивают! — завизжала Выдрина, не отпуская, однако, Веру.— Убивают!..На помощь!.. Я ее держу—у—у!..

Первым к сцепившимся женщинам подбежал Бабенков. Он без особой осторожности оторвал Выдрину от Веры, поднял девушку с земли и посадил на небольшой, поросший трвой бугорок.

Несколько минут стояло молчание. Выдрина тяжело отдувалась, не спуская с Веры настороженного взгляда, готовая в любую секунду снова накинуться на нее. Вера, понимая, что для нее все уже кончено, что она в руках врагов, все же старалась ничем не выдать своего состояния, сохранить хотя бы внешнее спокойствие. Она с независимым видом поправила сбившуюся одежду, провела рукой по волосам, в порядке ли, и только после этого взглянула на человека, поднявшего ее с земли.

—В чем дело?

—Не финти, не финти, знаем, кто ты есть такая,— вмешалась Выдрина.— Сейчас — то ты, моя милая, никого не обманешь. Сейчас — то ты не увернешься от разговора с господином Гросбауером.

В этот момент к ним, тяжело дыша, подошел Кротов. Он огляделся, но, не найдя другого подходящего места, уселся на бугорок рядом с Верой и зашелся в тяжелейшем приступе кашля. Наконец, отдышавшись, староста повернулся к Вере, оглядел ее и задал тот же вопрос, который только что прозвучал:

— В чем дело?

— Не знаю,— с неплохо разыгранным удивлением ответила Вера.— Вдруг налетает эта бешеная старуха, что — то такое голосит, кого — то зовет, а меня прямо чуть не душит.

—А — а — а!.. — прямо так и взвилась Выдрина.— А куда девалась твоя подружка? Куда ты ее послала?

—Я ее послала привести кого —нибудь на помощь. Разве я могу одна справиться с такой свесившейся ведьмой, как ты.

—Это я — то ведьма? — все больше наливаясь яростью, завизжала Выдрина.— А ты шпионка, безбожница, большевичка, комиссаровская сучонка, вот ты кто!..

—Ну, хватит ругани! — неожиданно густым низким голосом прикрикнул на женщин пришедший в себя староста.— Кто вы такая? — обратился он к Вере.— Документы?

—Пожалуйста,— подала Вера старосте свои документы, про которые капитан Суров сказал, что они подлиннее настоящих.

Кротов придирчиво прочитал документы, посмотрел на Веру и еще раз взглянул на бумаги. Затем, возвращая их девушке, сказал:

— Документы в порядке. А насколько они соответствуют правде, проверим позднее.

Вера не могла удержать вздох облегчения. Дело затягивалось, в погоню за Юлькой никто не направлялся, а это означало, что она сумеет добраться до отряда, и капитан Суров узнает, куда направилась банда Атаманчука.

—Знаете вы эту гражданку? — спросил Веру

староста, указав глазами на Выдрину.

—В первый раз вижу,— развела руками Вера.— Сумасшедшая какая — то.

—Она говорит, что вы стояли у нее на квартире в Сватове.

—Я никогда не бывала в Сватове.

—Это как, то есть, не была? — снова вскипела Выдрина.— Ты же вместе со слепой гадалкой у меня две ночи ночевала. А потом вы обе и удрали в одночасье. Полиция, гестапо, — зондеркоманда наперегонки рванули за вами, а вы как сквозь землю провалились. Слепую — то гадалку, Марью Ивановну то есть, полиция потом сцапала. Она у меня в доме и душу отдала. А эта чертовка без следа исчезла.

Известие о том, что Агния Михайловна Сбоева была схвачена полицией и погибла, так поразило Веру, что она не удержалась от восклицания.

—Ага! — торжествующе завопила Выдрина.— Жалко, значит, стало слепую — то?

—Не знаю, о чем вы говорите,— продолжала упорствовать Вера, хотя и понимала, что своим восклицанием с головой выдала себя.— Просто мне жаль любого человека, который попал в беду.

—А вы давно приехали в Сергееве? — спросил староста Выдрину.— Что — то я вас до сих пор не встречал.

—Я не в Сергееве, я в разных деревнях живу,— замялась Выдрина.— Последнее время я в Алешкине жила.

—А до этого?

—До этого три дня здесь, в Сергееве жила. Христовым именем. Здесь много верующих нашего толка. Шутов — то обо мне все, что надо было знать, знал.

—Сейчас я вместо Шутова, значит, мне знать положено,— невесело усмехнулся Кротов.— Говорите.

—По заданию господина Гросбауера вначале я прихожу в село, затем уж Атаманчук,— пристально глядя на старосту, проговорила Выдрина.

—Вот теперь все ясно,— проговорил староста.—Ты понял, какой комуфлет получается, господин Бабенков?

—Как в кино,— пробасил старший полицейский.— Не сразу разберешься.

—Ничего не поделаешь, Илья,— пристально глядя на полицейского, сказал староста.— Действуй.

Вера вскочила на ноги, готовая хотя и к бесполезному, но сопротивлению. В ту же минуту Выдрина подскочила к ней и

вцепилась в отворот жакетки.

— Сбежит, ей — богу сбежит, — завопила она. — Вы свяжите ее, господин староста!..

— Действуй, Илья, — настойчиво повторил староста.

Старший полицай шагнул вперед, поднял карабин и вдруг опустил приклад на голову Выдриной...

— Быстрее бегите в отряд, — услышала Вера слова старосты, когда опомнилась от страха и изумления. — Немцы, похоже, завтра начнут прочес. Хотя в отрядах об этом, наверное, и без нас знают. Но вот чего там не знают. Скажи им, что они могут рассчитывать на любую помощь со стороны старосты села Сергееве Игоря Кротова и старшего полицая Ильи Бабенкова.

Пережитое за последние три — четыре часа оказалось выше сил Веры. Она не выдержала и разревелась совсем по — девчоночьи, всхлипывая и утирая нос тыльной стороной ладони. Старший полицай неумело глади ее по голове и успокаивающе гудел:

— Ну, чего ты, чего ты? Нам ведь тоже страшно, а мы вон какие мужики. Тикай быстрее в отряд и скажи, что в Сергееве ждут их.

ТОВАРИЩ МАТВЕЙ

Солнце еще не вставало, когда из глубины леса появилась группа конников и направилась к большой поляне. Не выезжая на чистое место, всадники спешили, и автоматчики — коноводы взяли лошадей. Приехавшие, все в новых, еще не обмятых плащ — накидках и поэтому очень схожие между собой, неторопливо пошли к краю леса. Спешивший им навстречу молодой партизан, вглядываясь в лица, торопливо соображал: «Командир отряда Губин, комиссар Фомин, капитан Суров... А кто же эти два? Из соседнего отряда командиры, видать».

Не дойдя положенного расстояния, партизан перешел на четкий строевой шаг, а затем, замерев в красивой стойке, начал громко рапортовать:

— Товарищ командир отряда...

— Рапортуйте Члену Военного Совета, — перебил его

Губин, указывая на стоявшего рядом первого секретаря обкома партии товарища Матвея.

— Товарищ Член Военного Совета, — лишь на мгновение запнувшись, продолжил свой рапорт партизан, — взвод аэродромного обслуживания занят подготовкой летнего поля к приему самолетов. Докладывает начальник аэродрома партизан Савельев.

— Военное училище окончили, партизан Савельев? —

спросил начальника аэродрома товарищ Матвей.

—Так точно, товарищ Член Военного Совета. Выпущен в июле сорок первого командиром стрелкового взвода в звании лейтенанта. В бою под Орлом раненый попал в плен. Бежал из лагеря. Теперь партизану.

—Но воинского звания вас никто не лишал?

—Никак нет, товарищ Член Военного Совета, никто не лишал.

—Выходит, вы сами себя его лишаете? — покачал головой секретарь обкома и, видя, как густо покраснел молодой партизан, повернулся к командиру и комиссару отряда: — Надо учесть всех товарищей, имеющих воинские звания, если они сейчас исполняют командирские обязанности, то именовать их по званиям. Об оформлении я договорюсь с штабом фронта.

—Есть! Будет исполнено! — в один голос ответили Губин и Фомин.

—А то вот говорят, был в Красной Армии комбат майор Губин Зиновий Трофимович. Хорошо, говорят, воевал. Давно бы уж ему пора подполковником стать, а он почему — то себя просто командиром отряда величать начал. Непорядок. Теперь пришел черед смутиться Губину. Он хотел объяснить секретарю обкома, как это получилось, но тот не стал слушать никаких доводов.

— Партизанам гражданской войны было значительно труднее, чем нам сейчас. Они не могли получить помощь от офицеров царской армии. Тот офицерский корпус был классово чужд народу. Сейчас другое дело. Фактически большинство командиров наших партизанских отрядов в прошлом командиры Красной Армии. Сейчас вот вместе со мною прилетел к вам чекист майор Званцев. Практически у народного партизанского движения почти все руководство состоит из подготовленных в военном деле людей. Главная традиция современного партизанского движения в неразрывной его связи с Красной Армией, с ее командованием. По существу Красная Армия и партизаны — это два могучих кулака, которыми разъяренный гигант — советский народ молотит сейчас вторгшихся на нашу землю завоевателей. Так — то вот, товарищи. Ясно? — несколько патетически закончил товарищ Матвей.

Суров с насмешливым сочувствием посмотрел на Губина. «А что я тебе говорил?!» — прямо было написано на лице капитана.

—Но ведь тогда было бы целесообразно переформировать отряды, особенно малочисленные. Слить их. Свести в роты, батальоны, полки, бригады. Как вы думаете,

товарищ Член Военного Совета? — спросил Губин.

—Так же думаю,— ответил товарищ Матвей.— Только будем действовать не в приказном порядке, а вначале посоветуемся с народом, поговорим с партизанами, командирами отрядов. Думаю, что стремление победить в предстоящей

схватке с карателями подскажет им правильное решение. Так каково состояние аэродрома? — круто меняя тему разговора, обратился секретарь обкома к Савельеву.

—Через двенадцать часов будет полностью готов для приема самолетов.

—Какие самолеты может принимать аэродром? — спросил товарищ Матвей.— Только «У—два»?

—Да что вы, товарищ Член Военного Совета? — возмутился Савельев.— Любые примет. Даже кое—какие тяжелые,— и, помолчав, добавил: — особенно, если дождя не будет.

Все рассмеялись.

— Двенадцать часов мы вам дадим, но не больше,— пристально взглянув на Савельева, сказал товарищ Матвей.— Но не больше. Принимать будете тяжелые машины. За быструю разгрузку и погрузку головой отвечаете. И чтобы никаких дождей,— шутливо добавил он.— И без дождей неприятностей не оберешься. Ну, а теперь пойдете, посмотрим, где раненые будут ожидать погрузку в самолеты.

Через полчаса, закончив осмотр и ожидая, пока приведут лошадей, товарищ Матвей спросил Рубина:

—Запасных у вас два?

—Так точно. Два,— подтвердил Губин.

—Похуже этого?

—Не хуже. Но дальше. Много дальше. Этот самый удобный.

—Немцам до него доставать тоже удобно,— усмехнулся товарищ Матвей.— Спокойно поработать нам они тут не дадут. Ночи две, от силы — три. Но и после того, как немцы расшифруют аэродром, видимость работы на нем сохранить надо. В нужное время зажигать костры, сделать передвижной макет самолета для пущей убедительности. Летчикам прикажем заходить вначале на этот аэродром, снижаться и на бреющем уходить на дальние аэродромы. Пусть немцы подольше думают, что здесь наша основная отдушина для связи с командованием и правительством. На те два аэродрома мы сейчас проскочить не сможем?

—Времени не остается, товарищ Член Военного

Совета,— взглянув на часы, ответил Губин.— В двенадцать совещание командиров отрядов, в четырнадцать митинг.

—Ну, что ж,— решил товарищ Матвей.— Аэродромы посмотрим завтра. А вы, товарищ Савельев, готовьтесь принимать первый самолет. К восемнадцати сюда приедет представитель штаба. До свидания, товарищ лейтенант. Поехали, товарищи.

Совещание командиров партизанских отрядов не уложилось в намеченное время. Начало митинга отодвинули на полчаса, потом еще на час.

Митинг должен был проходить на поляне, около штабной землянки, в которой сейчас и шло совещание.

Хотя на митинг съехались представители восемнадцати партизанских отрядов, человек по двадцать от каждого, да и подавляющее большинство кировцев могло принять участие в митинге, на поляне, кроме часовых у землянки, не было ни души. Маскировка, умение по возможности всегда оставаться незаметным были полностью приняты на вооружение партизанами, стали для них не только обязательными, но и привычными. В густом лесу, окружавшем поляну, разместилось около тысячи партизан, а наблюдателю с воздуха он показался бы пустым и безлюдным.

Только около пяти часов вечера, когда тень от вековых елей полностью перекрыла поляну, узкие двери штабной землянки распахнулись. По выражениям лиц партизанских вожakov можно было догадаться, что разговор на совещании был трудный, не всем приятный и договориться было очень нелегко. И все же все были явно удовлетворены результатами этого разговора.

В течение считанных минут поляна до предела заполнилась людьми. Откуда—то из укрытия выкатили бричку, и на эту импровизированную трибуну на правах хозяина территории поднялся командир отряда имени Кирова Зиновий Губин.

— Садитесь, товарищи,— пригласил он сразу же сгрудившихся около брички партизан.— Кто на чем стоит, на то и садись. Стульев подготовить не смогли.

По толпе пробежал смешок, и она осела, стала вдвое ниже. Сразу же вверх потянулся крепкий махорочный дымок от самокруток и козых ножек.

— А сейчас,— в полную мощь голоса начал Губин и этим потушил стоявший над толпой шумок,— сейчас перед вами выступит Член Военного Совета Брянского фронта, первый секретарь нашего областного комитета партии товарищ Матвей.

Притихшая было партизанская масса изумленно и радостно ахнула. Во всем партизанском крае не более двух десятков человек

знало о приезде товарища Матвея, поэтому сейчас рядовых партизан обрадовало, что член Центрального Комитета партии депутат Верховного Совета, человек, входивший в состав командования целого фронта, прилетел в тыл врага. Обрадовало то, что раз Член Военного Совета фронта находится в партизанском крае, то и помощь от фронта партизанам будет оперативней. Уж товарищ—то Матвей сумеет обеспечить все, что будет нужно, партизанам. Главное, автоматов, гранат и мин побольше. Поэтому товарища Матвея партизаны встретили дружными аплодисментами.

А тот первым долгом передал им приветы от Центрального Комитета партии, Советского правительства и командования Брянского фронта и благодарность за боевую партизанскую деятельность. На поляну обрушился целый шквал аплодисментов. Сидевший на земле около самой брички худой, сутулый партизан звонко бил правой рукой по голенищу. Аплодировать он не мог. Его левая рука была забинтована и висела на лямке. Но, захваченный общим подъемом, он не выдержал, вскочил на ноги и, подняв высоко над головой винтовку, закричал: «Смерть фашистам!» Вслед за ним вскочили сотни людей. Сотни винтовок, карабинов, автоматов, поднялись над толпой. Аплодисменты стихли, смятые криками возбужденных людей.

Товарищ Матвей, весело поблескивая глазами, смотрел на охваченных грозным возбуждением партизан. Ему был понятен источник такого яростного воодушевления. Много месяцев эти люди, отрезанные от своих линий фронта, не на жизнь, а на смерть бились с захватчиками. И вот сегодня перед ними стоял человек, которому Родина поручила говорить от ее имени. Для них он являлся посланцем страны, партии, Красной Армии, Москвы, уехавших в эвакуацию семей, в общем, посланцем всего того, без чего невозможно жить. Товарищ Матвей кивнул толпящимся около брички командирам отрядов, откашлялся, взмахнул призывно рукой и запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,

Весь мир голодных и рабов...

Вначале вместе с товарищем Матвеем запело всего несколько человек, но запели воодушевленно, от всего сердца, с глубоким чувством неистребимой веры в правоту своего дела. И постепенно суровая и зовущая на борьбу мелодия гимна поглотила, подчинила всех себе. Интернационал пели и те, кто был на поляне, и те, кто находился рядом в лесу: сюда сошлись свободные от нарядов партизаны Кировского отряда.

—Не по порядку это,— зашептал на ухо Губину командир одного из соседних отрядов.— Интернационал—то в конце надо бы петь.

— Не по порядку, зато здорово, — отмахнулся от него Губин. — Пой!

— А ведь это просто великолепно, товарищи, то, что вы здесь сделали. Находясь там, на Большой земле, я, конечно, был в курсе всех ваших дел и завоеваний. Но на бумаге это выглядит гораздо бледнее, чем в жизни, — без всяких ораторских приемов начал свою речь товарищ Матвей, едва лишь стихли последние звуки гимна. На поляне установилась мертвая тишина, и голос первого секретаря обкома партии был хорошо слышен далеко. — Я здесь у вас уже третий день и немало поездил и походил по партизанскому краю. Я был в селах, от которых до ближайших немецких гарнизонов всего несколько километров. В этих селах работали сельсоветы, почта, созывались партийные и общие собрания, колхозники проводили сев. И немцы терпели все это. Терпели, сукины сыны. Сильный страх вы на них нагнали.

А вот не след тебе туда было ходить, товарищ секретарь, — воспользовавшись паузой, укоризненно сказал пожилой партизан, сидевший неподалеку от брочки. — Немцы — то за твою голову ничего бы не пожалели.

— Так ведь и я свою голову недешево ценю, отец, — с широкой улыбкой ответил секретарь обкома. — Там со мной были такие ребята, с которыми можно и на Берлин идти.

Партизан согласно покивал головой насчет ребят, с которыми можно идти до Берлина, но упрямо сказал:

— Так — то так, а все же надо поостерегаться. Твое дело за всех отвечать.

— Ясно, отец, — снова улыбнулся товарищ Матвей. — Учту на будущее.

Они и впрямь могли быть отцом и сыном. Секретарю обкома было за тридцать шесть, а старому партизану что —нибудь близко семидесяти.

— Ваш партизанский край можно сравнить с железным брусом, который вы загнали в колеса немецко — фашистской военной машине. Ряд колес ее сейчас не крутится, тормозит, потому что немецкое командование вынуждено держать неподалеку от партизанского края резервные войска. Они вынуждены их держать на тот случай, если вы вдруг захотите расширить его границы. Всем этим вы оказали большую помощь Родине и Красной Армии.

— А знает ли об этом товарищ Сталин? — нетерпеливо спросил кто — то из партизан, сидящих далеко, у самого края поляны.

— Конечно, знает, — подтвердил товарищ Матвей. — По

сводкам. Фронтовым и генштабовским. Но то, что я увидел здесь своими глазами, не укладывается в сводки.

Сейчас всем нам предстоят очень тяжелые дни. Вы уже знаете о том, что немецкое командование готовит удар по партизанскому краю. Разведчики сообщают, что немцы двинут против нас очень большие силы. Перед нами два пути: первый — уклониться от боя, пока есть возможность перейти в Клетские леса, куда немцы не решатся сунуться. Но, уйдя отсюда, мы тем самым отдадим на пытки и уничтожение более двухсот тысяч мирных жителей. Можем мы так поступить, товарищи?

—Нет! — на одном вздохе громыхнули в ответ многие сотни голосов.— Нет!.. Не уйдем.

—Правильно,— одобрил общее мнение товарищ Матвей.— На совещании командиров отрядов мы решили предложить вам второй путь. Встретить фашистов огнем.

И снова речь секретаря обкома прервали аплодисменты.

— Теперь вопрос в том, как бить. До сих пор каждый отряд действовал в районе только своей дислокации. Но теперь обстановка резко меняется. Она властно диктует нам изменить тактику. От разобщенных отрядов перейти к системе подразделений, объединенных одним общим командованием. Таким образом создается одно могучее партизанское соединение, возглавляемое единым штабом и одним командующим.

Товарищ Матвей сделал паузу, чтобы все партизаны смогли полнее обдумать его слова. Но паузы не получилось.

—Давно пора,— одобрительно проговорил молодой партизан, сидящий далеко, в центре поляны. Он был такой же, как все, и все же выделялся среди других партизан. На нем ладно сидела застиранная и много раз латанная, но все же

военная гимнастерка, перетянутая в поясе широким командирским ремнем со звездочкой на пряжке. И сидел он по-особому подтянуто, в ежесекундной готовности вскочить и действовать. Около него расположилось десятка два партизан

с теми же нестираемыми приметам профессиональной военной подготовки. Видимо, все они были представителями одного отряда.

—Правильно!.. Хорошо придумали! — разноголосно, но дружно поддержали предложение товарища Матвея партизаны. Но юноша в военной гимнастерке поднял руку и, заметив разрешающий кивок секретаря обкома, вскочив на ноги, доложил:

—Лейтенант Новоселов. Командир роты отряда имени Чапаева. Разрешите узнать, товарищ Член Военного Совета

фронта, кто будет командовать партизанским соединением?

Шум голосов на поляне сразу же умолк. Вопрос о командующем, безусловно, интересовал всех без исключения.

—Это товарищи, была самая трудная проблема на сегодняшнем совещании командиров отрядов,— начал товарищ Матвей и, широко улыбнувшись, закончил: — И все же за кандидатуру, предложенную обкомом партии, голосовали все единогласно.

—Кого?!... Из какого отряда?!.. Фамилия как?! — посыпались вопросы.

—Еще перед началом оккупации нашей области мы направили одного из членов обкома партии с группой коммунистов в здешние леса. Им была поставлена задача организовать партизанский отряд. Задачу они выполнили хорошо. Сейчас отряд имени Чапаева занимает самый ответственный участок в обороне партизанского края. Так вот его командир Иван Федорович Гуртовой сегодня на совещании утвержден командующим партизанским соединением.

—Гуртовой?!

— Это который ветеринаром был?..

—Какой ветеринар? Зампред в облисполкоме!

—Хороший мужик! — многогласно пронеслось по поляне и смолкло.

Ащеулов за спинами партизан добрался до сидящего с краю поляны капитана Сурова и пристроился рядом с ним.

—Умеет брать под жабры,— зашептал он в ухо капитану.— Головастый. Сибиряк, видать.

—Не сибиряк, москвич,— ответил капитан.— Между прочим, родился в девятьсот пятом на Красной Пресне, в ту ночь, когда царские войска ее обстреливали.

—Ишь ты,— подивился Никифор Терентьевич.— Значит, с пеленочного крику голос за революцию подавал.

Капитан Суров, зная ершистый характер Ащеулова, его умение говорить с подтекстом, искоса посмотрел на Никифора. Но нет, на этот раз тот не язвил, не иронизировал. Наоборот, он смотрел на товарища Матвея с явным интересом и даже одобрительно.

— Головастый,— еще раз повторил Ащеулов свою оценку и поерзал на месте, усаживаясь поудобнее.

Ему было невдомек, что сегодня утром, докладывая о работе чекистской оперативной группы, капитан Суров в присутствии майора Званцева рассказал Члену Военсовета биографию Ащеулова. Товарищ Матвей, внимательно выслушав капитана, с минуту молчал, затем, посмотрев на чекистов, вдруг весело

рассмеялся и сказал:

—Силен, мужик! Что ж, в порядке исключения примем его предложение. Пусть воюет. К немцам — то он не переметнется?

—За это могу ручаться, — сам удивляясь своей горячности, заверил Суров. — Пока идет война...

—Ну, — перебил капитана товарищ Матвей, — как бы там ни было, а сейчас он каждый день будет головой рисковать за те самые колхозы, которые невзлюбил. Такое без следа не проходит. Кстати, Михаил Георгиевич, — обратился он к майору Званцеву, — подготовьте материал на всех, кто участвовал в операции «Ворожея», и по выводу подпольщиков из города. А то мне майор Губин на вас жаловался. Говорит, что чекисты стесняются награждать своих разведчиков. Вы не стесняйтесь. Для тех, кто достоин, требуйте наград. Готовьте материал, мы его по фронтовой линии пустим,

—Есть, — делая отметку в блокноте, ответил майор. — Завтра к вечеру все материалы будут готовы.

—Тех двух комсомольцев — разведчиков готовьте на Красное Знамя, остальных соответственно. Погибших Сооеву и Купина посмертно тоже на Знамя.

—Будет сделано, — повторил Званцев, а Суров про себя подумал, что, говоря о двух комсомольцах, Член Военсовета, видимо, имел в виду Сашу Гуртового и Веру Волгину, так как Голубев — кандидат партии. Часом позднее, обсуждая поручение товарища Матвея, оба чекиста согласно внесли в список рекомендуемых к награждению и Ащеулова. Правда, не на орден, а на медаль «За отвагу». В том, что Никифор Терентьевич проявил действительную отвагу, ни у кого не могло возникнуть сомнений.

—Наши чекисты преподнесли нам в самые последние дни очень хороший подарок, — говорил товарищ Матвей. — Их разведчикам удалось захватить заместителя начальника зондеркоманды Овенберга. Это убежденный фанатичный гитлеровец. Но, попав к нам в партизанский край и чувствуя, что

расплата за злодеяния близка, этот густопсовый нацист заговорил откровенно. Он понял, что это единственный, хотя и не очень большой шанс для спасения жизни. Овенберг на допросе выдал всю шпионскую сеть, которую зондеркоманде удалось закинуть в партизанский край. И сейчас у начальника зондеркоманды господина Гросбауера положение очень незавидное. Перед самым началом наступления на

партизанский край он остался, как говорится, без глаз и ушей.

—Ты смотри, и про это дело вспомнил,— удовлетворенно зашептал Ащеулов и сразу же забеспокоился:— А не рано он говорит?! Может, где какой еще затаился из ихних змеенышей?

—Все взяты,—успокоил его Суров.—Даже тех, кто еще до нас не дошел, знаем и ждем.

—Четко работаешь, — — ухмыльнулся Ащеулов.— Научился, видать, кое—чему. Постой! Ты куда? Митинг—то не кончился.

Но Суров уже не слушал удивленного шепота земляка. Около штабной землянки появился Бехтерев. Он явно искал кого—то глазами в толпе. Еще вчера командир спецвзвода ушел встречать связную № города.

Обойдя по краю поляну. Суров пробрался к майору Званцеву и сказал ему о приводе связной. Тот быстро написал на листке из блокнота несколько слов и, передавая записку Губину, попросил:

—После митинга отдай товарищу Матвею. Сразу же после митинга,— и, уже шагая рядом с Суровым к домику опергруппы, с обычной для него шутливостью сказал:

— Благодать, когда большое начальство под боком и обо всем велит ему докладывать. Самому меньше думать приходится.

— То—то ты сегодня всю ночь не думал. Просто с боку на бок вертелся,— уколол друга Суров.— Видать, вспоминал, все ли начальству доложил.

Они торопливо шагали по затихающему вечернему лесу. Оба страстные рыболовы и охотники, любители тихих зорь, они сейчас даже не замечали красоты отходившей ко сну природы. За внешне шутливым и беззаботным разговором стояло стремление никому и ничем не выдать огромного напряжения всех моральных и физических сил. Да и эта, несколько напускная веселость бесследно исчезла, едва лишь они прочитали расшифрованное донесение из города.

—Господину Гросбауеру очень хочется нас перехитрить,— потирая пальцами подбородок, проговорил майор Званцев, когда шифровка была внимательно и не раз прочитана.

—Очень хочется,— согласился с ним капитан.— И похоже, на сей раз ему это удалось.

—Гросбауер в этом убежден.

—А ты?

—Я убежден только в том, что мы обязаны сделать все

наоборот. Вопреки тому, в чем уверен Гросбауер.

—У тебя уже есть план? — обрадовался Суров.

—План простой. Надо известить Голубева.

—Проще некуда,— саркастически усмехнулся Суров.— До Голубева шестьдесят километров. Из них километров двадцать уже контролируются немцами. Кто пройдет?

—Ну, положим, одного такого человека я знаю. Он пройдет.

—Пошли меня,— обрадовался Суров.— Я—то, конечно, пройду. Можешь не сомневаться.

—Чего ты ликуешь? — неожиданно рассердился Званцев.— Я не тебя имел в виду. Я о себе говорю.

—О себе?! Да кто же тебя пустит?! Ты меня можешь послать. Для этого твоей власти хватит. А тебя без санкции Москвы никто.— Суров на секунду запнулся и закончил: — Может, только товарищ Матвей?

—Ладно, доложим товарищу Матвею,— хмуро согласился Званцев.— Пусть он решает.

—Знаешь что,— предложил Суров, убежденный, что идти к диверсантам придется именно ему,— первый этап пути — километров сорок, сорок пять можно сделать верхом. Это сэкономит время и силы.

—Пожалуй,— согласился Званцев,— Лучше даже послать группу конников. Человек пять, шесть. В случае чего, они отвлекут немцев на себя, а связной пешком порядком отправится дальше.

—Связной с пакетом из штаба,— доложил, входя в комнату, дежурный.

«Пакетом» оказалась записка на листке из блокнота. Товарищ Матвей просил чекистов никуда не отлучаться.

Он приехал минут через пятнадцать и еще на пороге спросил:

—Есть вести из города?

—Есть. Только что расшифровали,— ответил майор Званцев.

—И решили пока не сообщать?. Думаете, секретари обкомов нелюбопытны?

—Ну что вы, товарищ Матвей...— смутился Званцев.

—Так почему вы просите принять вас, «когда освобожусь»?

—Да нет, Александр Павлович, готовы,— впервые сегодня назвал секретаря обкома по имени Званцев. Он знал, что тот в тесном кругу предпочитает обходиться без псевдонимов.— Ситуация складывается очень неприятная.

Майор развернул карту и начал доклад.

—Танки, предназначенные для участия в карательной экспедиции против партизанского края, сосредоточены и даже погружены на платформы вот здесь, на станции Шапкино. От Шапкино, кроме магистральной линии на Москву, отходят две ветки: одна к поселку Клюкино, вторая к Любашинскому стекольному заводу, сгоревшему еще в начале войны. С Любашинской ветки часть рельсов, начиная от станции Шапкино и до разъезда Родник, снята. Нам было известно, что немецкое командование намерено с началом карательной операции бросить эшелон с танками на Клюкино и таким образом нанести танковый удар по нашему правому флангу.

—Насчет Клюкино вы мне уже докладывали. Что же изменилось?

—Сегодня получено сообщение, что немцы восстанавливают ветку на Любашино, снимая рельсы с Клюкинской. Работы будут закончены завтра к вечеру.

—Интересно,— Член Военсовета наклонился над картой.— Чем же это нам грозит?

—Вокруг Любашино густые старые леса, по существу непроходимые для танков. Но вот здесь,— Званцев показал на карте,— они прерываются. Всего с километр старого леса, а дальше огромная гарь. Она тянется на десятки километров, поросла молодым лиственным леском и кустами. Для танков открытая дорога. По этой гари немецкие танки выйдут в наш тыл, вернее рассчитывают выйти в тот момент, когда мы будем отражать фронтальные атаки карателей.

Установилась долгая пауза. Товарищ Матвей пристально смотрел на карту, по которой Званцев синим карандашом вычерчивал стрелу, летевшую от кружочка с надписью «Сткл. зв.» в самую глубь безбрежной зелени лесов. Но вот Член Военсовета оторвал взгляд от карты и взглянул на чекистов. Сейчас его обычно веселые, ободряющие глаза смотрели на Званцева и Сурова требовательно и укоризненно.

—Да,— проговорил он.— Это нам грозит большой бедой. Немцы обманули нас. Что вы предлагаете?

—Перебросить группы истребителей танков с Кдюкин —ского направления на Любашинское, заминировать, сколько сможем, подступы со стороны гари...— начал перечислять Суров, бол«е чем Званцев знакомый с обстановкой. Секретарь обкома перебил его:

—Это все меры военного командования. Что предлагаете

вы?

—Перебросить группу Голубева с Клюкинской ветки на Любашинскую. Сейчас это группа кинжального действия. Ждет эшелон с танками на Клюкинской ветке.

—Ждет,— укоризненно усмехнулся секретарь обкома.— А немцы прикатят по Любашинской.

—Но, товарищ Матвей,— начал было объяснять Суров.— Любашинская ветка была выведена из строя, и мы здесь рассчитали...

—Вот в том—то и беда,— перебил его секретарь обкома,— что немцы догадались, на что вы рассчитываете, и спутали вам все расчеты. Ну, ладно. Давайте думать, как исправить промашку.

—К Голубеву придется послать связного,— предложил Званцев,

—Придется,— согласился товарищ Матвей.— Но кого? Ведь ему нужно будет идти через расположение немецких войск. Кого вы рекомендуете?

—Майора Званцева или капитана Сурова,— коротко ответил Званцев.

Брови товарища Матвея поднялись высоко вверх.

—Шутить изволите, товарищ майор,— наконец сердито проговорил он и, видя, что Званцев хочет что—то сказать, запрещающе поднял ладонь,— Да за то, чтобы схватить такого, как вы, этот самый Гросбауер отложит на пару месяцев карательную операцию. Нет, точка. Наконец, вы и здесь нужны.

—У вас двоих в руках вся разведка и контрразведка края. Ни вы, ни Суров в связные не годитесь. Давайте еще.

Суров и Званцев одну за другой назвали несколько фамилий. Каждый кандидат пристально рассматривался и все—таки отвергался. И Званцев и Суров уже пожалели, что Сидоров сейчас у Голубева. Лучшего связного трудно было бы придумать. Наконец, когда, казалось, поиски зашли в тупик, капитан Суров предложил:

—А что если послать Ащеулова? Я уверен, он пройдет.

—А ты уверен, что он не рванет к немцам? — предостерег Званцев,

—Уверен. Головой ручаюсь, не удерет. Для прикрытия, на всякий случай, дать ему записку от Овенберга к Гросбауеру. Убежал, мол, от партизан и теперь иду связным от господина Овенберга к самому начальнику зондеркоманды Грос—бауеру.

С минуту стояла тишина. Предложение было слишком

неожиданным.

— А что, майор,— задумчиво проговорил секретарь обкома.— Это хорошая мысль. Очень даже умно придумано. Вызывайте его. Я тем временем сам напишу Голубеву.

Послали за Ащеуловым и Бехтеревым, который должен был сформировать конную группу сопровождения. Суров отправился диктовать Овенбергу текст записки к Гросбауеру. Майор Званцев, подождав, когда секретарь обкома закончит свое краткое послание к Леониду, сказал:

—А теперь, Александр Павлович, у меня к вам будет настоятельная просьба.

—Ну, что там у тебя, выкладывай,— устало сказал он.

—Я прошу вас немедленно покинуть партизанский край. Через два часа придет первый грузовой «Дуглас», и с ним вы должны улететь.

—Слушайте, майор, у вас случайно не температура? Идите в санчасть.

—Александр Павлович,— не обращая внимания на сухой и сердитый тон секретаря обкома, продолжал Званцев: — Положение круто изменилось. Мы сейчас одни, и я говорю вполне откровенно. Дойдет ли связной до Голубева, успеет ли Голубев передислоцироваться? А если нет? Если танки немецкие выйдут в наш тыл? Потом вы еще не все знаете. В шифровке сказано, что к платформам с танками прицеплены десять теплушек, в которых размещены эсэсовцы.

—А это зачем? — удивился секретарь обкома.— Для танкового десанта слишком много.

—Они рассчитывают не просто ударом с тыла разгромить нас, но и захватить живыми весь оперативный, чекистский состав. Гросбауер рассчитывает, для этого и идут эсэсовцы. Живыми они нас, конечно, не захватят, но вам необходимо отсюда немедленно улететь,— не совсем последовательно закончил майор.

—Не полечу,— упрямо мотнул головой секретарь обкома.

—Александр Павлович,— продолжал убеждать его Званцев.— Я сейчас же радирую в управление. Доложу о создавшемся положении и попрошу их связаться с ЦК партии.

—Запрещаю,— загремел товарищ Матвей и, стукнув кулаком по столу, добавил: — Как Член Военсовета запрещаю.

—Но...— попытался было возразить Званцев.

—Не взвивайся,— заметив оскорбленное выражение лица майора, пресек он его возражения.— А теперь садись и слушай.

Званцев умолк, видя, что сейчас, по крайней мере, настаивать бесполезно.

—Так вот, слушай, Михаил Георгиевич,— понизив голос, доверительно заговорил товарищ Матвей: — Ты, безусловно, прав. И все — таки никуда я отсюда не полечу. Конечно, может случиться, что фашистам удастся их замысел. Могут появиться в их газетах победные репортажи, что, мол, партизанский край разгромлен, а на поле боя подобран труп Члена Военсовета и прочее и прочее.

—Но нельзя же допустить такого...

—Можно! — яростно перебил его товарищ Матвей и снова сердито стукнул кулаком по столу.— Черт с ними, с этими репортажами. Давно сказано, что мертвые сраму не имут. А вот, если, погибая в неравном бою, партизаны будут думать, что коммунист товарищ Матвей, звавший их на борьбу, сам спокойно улетел, а их оставил умирать... Вот тогда такой срам будет, от которого всю жизнь не отмоешься. Понимаешь теперь, почему я никуда отсюда не полечу, пока мы фашистов не разобьем? А шифровку, чтобы избавиться себя от ругани начальства, ты все — таки дай,— с невеселым смехом посоветовал он.— Только знаешь, когда? Когда будет ясно, что наше дело табак. Согласен?

—Шифровки не будет, Александр Павлович,— ответил Званцев.— Сами же сказали, мертвые сраму не имут. А ведь в победной репортажи насчет тел, если она будет, немцы мою фамилию поставят где — то вслед за вашей.

—Пожалуй, даже рядом,— невесело усмехнулся товарищ Матвей.

За стеной в передней комнате слышались голоса. Думая, что это пришел Бехтерев или Ащеулов и о чем — то спорит с дежурным по опергруппе, майор шагнул к двери, но в этот момент в комнату вошел партизан спецвзвода Недогонов. Увидев, кроме майора Званцева, человека в генеральской форме. Недогонов сильно смутился. Не зная, кому и как рапортовать, он приложил руку к козырьку кепки и доложил:

—Так что девчонки прибежали. Только что. Две.

—Какие девчонки? — удивился товарищ Матвей.

—А эти, которые из Сергеева,— не отрывая руку от козырька, пояснил Недогонов.

—Сестры Лошаковы! — догадавшись, о ком идет речь, встревоженно воскликнул Званцев.— Что у них стряслось? Давай их сюда.

В комнату едва живые от усталости вошли Вера Волгина и Юля Лошакова. При слабом освещении Вера не сразу узнала майора Званцева и была сильно изумлена, когда услышала его голос:

— Здравствуйте, Верочка! Рад вас видеть. Садитесь, рассказывайте, что там произошло.

— Здравствуйте, товарищ майор! — разобрав, кто с ней говорит, обрадовалась Вера.— Прикажите срочно посылать людей в Алешино. Атаманчук днем ушел туда. А что он натворил в Сергееве, просто ужас...

В этот момент в комнату вошел капитан Суров. Увидев безучастно стоявшую у косяка Юлю, он удивленно спросил:

—Когда вы пришли? Где Оленька?

Юля, словно не узнавая, смотрела на капитана.

— Нету Оленьки. Убили ее. Расстреляли,— наконец тихо проговорила она.

ИДУЩИЕ ЧЕРЕЗ ПЛАМЯ

Леонид отложил бинокль, опустил лицо в мягкую, пахнущую землей и влагой траву и с минуту лежал, зажмуришись, давая отдых уставшим глазам. Он слышал, как рядом глубоко и спокойно дышал наконец — то заснувший Саша. Никак не хотел парень засыпать. Настаивал, чтобы первым отдохнул он, Леонид.

Саша очень беспокоится о Федоре Селиверстовиче. Никифор, когда встретились у «почтового ящика» так и не решился сообщить Саше, что Купин умер. Помялся, помялся и сказал, что Федора Селиверстовича самолетом отправили на Большую землю.

Любопытный мужик этот Никифор. Никогда сразу не разберешь, от души он говорит или в насмешку. Иногда чувствуется в его словах какой-то двойной смысл. А воюет Никифор неплохо, и на лесопилке смело действовал, и когда на вездеходе отходили, и сейчас вот. По дороге из отряда к «почтовому ящику» на немцев нарвался и все же ушел от них. Рана у него, хоть оказалась и легкой, но все — таки в ногу. А он все равно прикостылял. Молодец, старикан. Нехорошо, конечно, что его одного в лесу под Ключино пришлось оставить, но выхода другого не было. С ним бросок от Ключино под Любашино ни в жизнь не одолеть бы. Он и сам это понимал и настаивал на уходе разведчиков. «Обо мне не беспокойтесь,— говорил.— Выпутаюсь. Передайте капитану, если попадусь, пусть выясняет, на какую должность меня фрицы назначат. Меня и в плену записка Овенберга выручит».

О какой записке шла речь, Никифор объяснять не стал, но разведчики обещали выполнить его просьбу.

Приказ о перенесении направления удара с Ключинской ветки на Любашино был для разведчиков подобен неожиданному взрыву. Как будто сами они ненароком наступили на заложенную врагом мину, и все вдруг полетело к чертовой матери. Пришлось в

одну ночь пройти километров сорок. Фугас, уже заложенный под Ключинскую ветку, вынимать не стали. Времени не было. В тайнике был еще порядочный запас тола и несколько противотанковых гранат. Его и забрали Весь без остатка. Тащить досталось килограммов по двадцать на брата.

Хорошо хоть уж то, что места по Любашинской ветке и Леониду и Саше были хорошо знакомы. Особенно Саше. За год до войны он с отцом прожил здесь около месяца, весь отпуск. Охотились и рыбачили. А Леониду не раз приходилось наведываться на стекольный завод: приезжал за нефондовым стеклом для нужд колхоза.

Поэтому еще под Ключином они решили, что наиболее удачным для диверсии будет то место, где ветка, огибая поросший лесом холм, делает крутую кривую. Сегодня на рассвете, когда не только рельсы маленькой железнодорожной ветки, но и сам холм почти по пояс были залиты густым туманом, разведчики вышли на его макушку. По оказалось, что вести наблюдение с вершины холма опасно. Лес здесь совсем не имел подлеска, укрыться было невозможно. Вслед за отступавшим туманом разведчики спустились по заросшему кустами склону, нашли подходящее место и замаскировались.

Место оказалось удачным. Отсюда просматривалась полностью кривая, огибавшая холм. Это выяснилось, как только поднявшееся солнце разогнало последние остатки тумана.

Но тогда же разведчики увидели и другое — полную невозможность диверсии.

Еще в тумане до разведчиков доносились с дороги людские голоса, но это не особенно встревожило их. Глупо было ожидать, что немцы оставят без всякого присмотра дорогу, которая неожиданно стала играть такую важную роль. Патрулирование в таких случаях — обычная вещь. Но, когда рассвело, разведчики увидели, что на дорогу были посланы не только парные патрули. Через каждые полтора метра вдоль пути стояли часовые. Патрулировали эсэсовцы, часовыми были полицаи. В таких условиях выходить на линию и пытаться закладывать мину даже в ночной темноте может только сумасшедший. Несколько минут все трое молча оценивали открывшуюся перед ними картину.

— Да-а! — первым нарушил молчание Сидоров.— Густо их тут понатыкали. Не пройдешь, не проползешь.

Леонид и Саша промолчали. Говорить было не о чем. Они хмуро рассматривали нахохлившихся часовых, стоявших на бровке невысокой насыпи, двух парных патрулей, шагавших навстречу друг другу по середине пути. Для удобства охраны было лучше, чтобы патрули встретились в вершине дуги, отсюда обзор был шире, чем с любого другого места. Но, видимо, вершина дуги

не совпадала с уставным расстоянием, отпущенным каждому патрулю, и их встреча произошла значительно правее. Увидев это, Леонид удовлетворенно хмыкнул.

Слева послышался лязг и скрежет. Вскоре из — за кустов, скрывавших конец закругления дороги, выехала дрезина с прицепленной к ней вагонеткой. И ее, и вагонетку облепили полицаи. Дрезина не спеша катилась по путям. Против каждого часового с вагонетки или с дрезины соскакивал полицаи, а сменившийся с поста, пробежав несколько метров рядом с вагонеткой, ловко вскакивал на нее.

—Здорово сигают, сволочи,— наблюдая за оригинальной сменой часовых, проговорил Сидоров.

—Насобачились,— согласился Саша.— Видать, часто тренируются.

— Значит, можем сделать вывод, что состав часовых постоянный, что в прыжках на дрезину и с дрезины они тренируются уже не один день и что нам необходимо выяснить, где они расквартированы и сколько их. Придется тебе, Павел Петрович, заняться этим делом.

— Есть,— ответил старший сержант.— Можно выполнять?

—Действуй!

Старший сержант, хотя и обладал громоздкой фигурой и порядочным весом, ужом скользнул среди кустов по склону холма и, добравшись до низины, заросшей густым орешником, исчез в его глубине. Прошло минут пятнадцать. Обратно теперь уже на полной скорости прокатила дрезина с вагонеткой.

—Сменились в шесть,— взглянув на часы, сказал Леонид.— Значит, следующая смена в девять, не раньше.

—Непонятно,— проговорил Саша.

—А ты думаешь в двенадцать? Вряд ли. Все — таки шесть часов подряд.

—Я не про это, Леня. Почему не сменили патрульных.

—Сменят и их. На вагонетке мест и так нет, а немцы удобства любят.

Леонид оказался прав. Через четверть часа дрезина показалась снова. Теперь на нее с шумом и гоготом вскакивали патрульные. Но им сменных не было.

— Значит, патрули ставятся только на ночное время,— сделал вывод Леонид.— На день их снимают.

Дрезина с шумом и лязгом пронеслась мимо, и в этот момент в воздухе послышался гул мотора.

—Самолет,— радостно успел прошептать Саша,— а над головами друзей, как им показалось, совсем низко прошел краснозвездный самолет — разведчик.

—Капитан писал, что помощь с воздуха будет,— провожая самолет глазами, напомнил Леонид.— Отвлекающая. Для немцев.

Самолет прошел в сторону Шапкина. Минут через пять с той стороны послышалось тьяканье зениток. «Неужели собьют?!» — с тревогой подумали разведчики. Но вот снова послышался приближающийся звук мотора.

Неожиданно в гул мотора влился треск длинной пулеметной очереди. Друзья встревоженно переглянулись. Но через несколько секунд самолет прошел мимо холма, на котором укрывались разведчики. Сейчас он шел очень низко, почти касаясь колесами рельс, и точно следовал направлению ветки. Прошло всего несколько мгновений, и справа, куда улетел самолет, снова послышалась длинная пулеметная очередь.

— Кажется, это он патрульных приветствовал,— высказал догадку Леонид.

—А ты посмотри на дорогу,— рассмеялся Саша.

Действительно, торчавшие до этого вдоль дороги часовые как сквозь землю провалились.

—Хорошо бы ему так их пугануть нынче вечером,— сожалеюще проговорил Леонид.

Прошло не менее полчаса, пока мимо холма проехала возвращающаяся дрезина. На ней разместилось с десятков немецких солдат. У многих белели свежие повязки. Несколько немцев лежало на вагонетке замертво.

—Ничего себе отвлекающий полет,— прокомментировал Саша.

—Полет что надо,— согласился Леонид.— А теперь давай отдыхать. Первым ты. Даю тебе шесть часов для глубоких раздумий. Потом мы с Павлом Петровичем передремнем.

Леонид поднял голову и оглядел дорогу. «Так, пожалуй, недолго и в более «глубокие раздумья» погрузиться,— упрекнул он сам себя, поднося к глазам бинокль.— Дремать мне сейчас не положено. Наблюдать надо».

С того места, где замаскировались разведчики, можно было бы вести наблюдение и без помощи бинокля. От железнодорожных путей до куста, укрывшего разведчиков, было не более двухсот метров. Правда, склон холма имел большую крутизну. Это улучшало обзор и в какой—то мере гарантировало от того, что кто—то из полицаев или немцев захочет прогуляться по заросшему кустами холму.

И все же, хотя железнодорожный путь был совсем рядом, Леонид вел наблюдение только через бинокль. Он тщательно, буквально вершок за вершком изучал железнодорожное полотно. Ведь где—то здесь, сегодня ночью нужно будет заложить мину.

Только здесь. Это самое удобное место, на крутом повороте путей сброс тяжело груженных танками платформ неизбежен даже при небольшой аварии с паровозом.

Сильные стекла бинокля позволяли Леониду рассмотреть мельчайшие детали на полотне дороги. Он хорошо видел былинки, чахлые кустики травы между рельсами, мелкую гальку насыпи, щели в торцах шпал, но не мог он рассмотреть только одного — места, где можно было бы незаметно заложить мину. Не было такого места на полотне дороги. А найти его необходимо во что бы то ни стало.

. Из — за леса со стороны стекольного завода вновь послышался рокот мотора, и снова над полотном дороги прошел самолет — разведчик. Часовые, едва слышав его, удрали в кусты. Леонид с тревогой ожидал стрельбы зениток, но ее не было. То ли немецкое начальство запретило стрелять по отдельному самолету, то ли он развернулся, не долетев до станции.

Солнце стояло прямо над головой и припекало совсем по — летнему, когда вернулся из разведки Сидоров. Он подполз, усталый до предела, и несколько минут лежал молча, тяжело дыша и время от времени вытирая залитое потом лицо рукавом насквозь промокшей гимнастерки. Леонид не торопил его, не задавал вопросов. Он молча протянул старшему сержанту свою фляжку с водой. Но Сидоров отрицательно помотал головой и, тяжело отдуваясь, отцепил с пояса свою, мокрую и тяжелую.

— Вот... Ледяная... Внизу родник мировой... — с трудом проговорил он.

Леонид с удовольствием приложился к фляжке.

— Хорюша! — оценил он качество воды. — Аж зубы заломило. — Он потряс за плечо все еще спавшего Сашу. — Подъем. На вот, попробуй водички. Вкусная.

Саша от угощения не отказался. К Сидорову фляжка вернулась почти пустой.

— Ну как, отдышался? — спросил Леонид старшего сержанта. — Давай, рассказывай.

— А что рассказывать? — ответил Сидоров. — Эшелон пройдет сегодня в начале ночи.

— Чего ж ты, чужак, не уточнил? — вполне серьезно попенял ему Леонид. — Узнал бы, в каком часу.

— Неудобно было переспрашивать, — усмехнулся Сидоров, — Торопились они очень.

— Кто торопился? — не понял Саша.

— Полицаи, — ответил Сидоров.

— А ну тебя, — отмахнулся Саша. — Я думал, ты серьезно,

— А я и не шучу, — возразил Сидоров. — Полицаям и на

самом деле не до меня было. Летчик — то как шуганул их из пулемета, так они и рванули врассыпную по лесу. Двое чуть не на меня уселись... Один все какого — то Кирьку ругал и обещал ему набить морду. Похоже, Кирька этот увернулся от назначения на охрану дороги, и тогда послали этого. А второй слушал, слушал, да и говорит: «Не ной. Завтра увидишь своего Кирьку и можешь набить ему морду. Скажешь, моя, что я разрешил». Этот не поверил и говорит, что будем, мол, загорать на дороге, пока нас всех партизаны не перебьют. Тогда второй и высказался в открытую. «Дурак, — говорит. — Сегодня ночью нас выводят отсюда. Пропустим, — говорит, — эшелон и к полуночи будем на станции».

— Так и сказал, к полуночи на станции? — переспросил Леонид.

— Так и сказал, к полуночи, — повторил Сидоров. — Его, оказывается, утром зачем — то посылали на станцию, и он своими глазами видел, что эшелон переделывают. Раньше платформы с танками все в хвосте были, а вагоны с немцами впереди, а теперь их попеременно ставят.

— Зачем? — удивился Саша.

— Кто их знает. Решили, что лучше, и ставят.

— Для равномерного распределения нагрузки на рельсы, — нашел решение Леонид. — Колея здесь слабая. На платформы с танками не рассчитана. Вот и опасаются.

— Должно быть, — согласился Сидоров. — Потом этот, второй — то, еще сказал, что сегодня с утра немцы начали наступать. Прочес леса, чтоб, значит, партизанский край прикончить.

— Полезли все — таки, сволочи, — с горечью сказал Леонид, и все прислушались. Но кроме обычного лесного шума ничего, подтверждающего сообщение о начавшемся бое, слышать не могли.

— Ничего не слышно, — первым определил Саша.

— Далекое все — таки, — согласился старший сержант.

— Раз не слышно, значит, наши стоят крепко, — сделал вывод Леонид. — А если услышим, значит, отходить начали, чтобы немцы от Клетских лесов не отрезали. Ну, ладно. Наше дело здесь воевать. Что еще скажешь, Павел Петрович? Где расквартированы охранники?

— Полицаи почти рядом, километра полтора, в железнодорожной казарме. Немцев каждый раз привозят со станции.

— С самолета полицаев много побито? — спросил Саша.

—Зацепило несколько человек. Убитых, по — моему, не было. Зато по немцам он дал кинжальным.

—Немцев — то мы видели, — подтвердил Саша. — Их мимо везли.

—Ясно, — подвел итог сообщению старшего сержанта Леонид. — Значит, полицаев, которые в казарме, в расчет можно не принимать. Если даже и пошумим, то они прибегут только к шапочному разбору. Немцев против нас будет два патруля, значит, четыре человека. Думайте, друзья, как будем действовать?

—Все утро думаю, ничего придумать не могу, — признался Сидоров. — Будь бы нас человек шесть — семь, тогда другое дело.

—Но нет этих шести — семи человек, — отмахнулся Леонид. — Есть только мы, трое. Нам и придется все делать. Думайте.

Саша молчал. Он не мог сказать, как Сидоров, что думал все утро, не мог даже пожаловаться, что трудность задачи мешала ему спать, и сейчас чувствовал себя очень неудобно. На это, впрочем, никто не обратил внимания.

— Тут вот какое дело, друзья, — снова заговорил Леонид. — Вчера мы читали письмо майора Званцева и капитана Сурова и сейчас действуем согласно их указаниям. Но Ники — фор передал мне еще одно письмо, которое мы не читали.

—Почему? — удивился Саша. — А ты читал?

—И я не читал, — ответил Леонид, вынимая из кармана кителя свернутое треугольником письмо. — Вот оно, видите. На нем написано: «Прочесть после прибытия к месту назначения и ознакомления с обстановкой».

—Интересно, — проговорил Сидоров, подвигаясь к Леониду, и по тону было слышно, что старший сержант действительно очень заинтересован. — Сверхзадание какое — то поручают.

—Кто же писал? — вглядывался в треугольник письма Саша. — Почерк не капитана и не майора.

Леонид развернул письмо. Оно оказалось очень коротким. Леонид вначале пробежал по нему глазами, затем изменившимся, сразу посуровевшим голосом сказал:

—Внимание, товарищи. Читаю.

Он пристально посмотрел на Сашу, потом на Сидорова и начал читать, с особой четкостью произнося каждое слово.

— «Коммунистам Леониду Голубеву, «Павлу Сидорову, комсомольцу Александру Гуртовому! Дорогие друзья! Областной комитет партии просит вас во что бы то ни стало выполнить полученное вами задание. Мы знаем, как это будет трудно, знаем,

чем это грозит, и все же просим любой ценой выполнить этот приказ партии и командования. Крепко вас обнимаю. Товарищ Матвей».

Леонид закончил читать письмо и снова пристально оглядел своих товарищей.

—Интересно,— снова повторил Сидоров, но сейчас уже непросто заинтересованность прозвучала в тоне его голоса. Да и не это слово сказал бы сейчас старший сержант, если бы мог думать о словах. Но думал он сейчас не о том, что говорил. Прищуренными, сразу посерьезневшими глазами смотрел он на полотно ветки, прикидывая, что может сделать он, прославленный гранатометчик, чтобы помочь своим искусством выполнению приказа.

—Значит, товарищ Матвей и ко мне тоже от имени партии обратился? — замирающим шепотом проговорил Саша.

Леонид свернул письмо и некоторое время держал в руке, словно раздумывая, не передать ли на хранение кому — либо из — товарищей. Затем осторожно опустил его в левый нагрудный карман и, вздохнув, сказал:

— А теперь давайте думать. На раздумья нам осталось часов семь, не больше. Потом думать будет некогда.

— Но вы уже двое суток не спите,— не отрываясь от бинокля, запротестовал Саша.— Я — то по твоему приказу часа четыре «глубокими раздумьями» занимался, а ты?

—А мы с Павлом Петровичем и во сне будем соображать, как немцам баню устроить. Что ж, старший сержант, всхрапнем чуток?

—Всхрапнем,— согласился Сидоров.

—Давай, Сашок! Держи круговую оборону,— приказал Леонид.— С дороги глаз не отводи. Может, новое что рассмотришь.

—Я, Саша, рядом с тобой лягу,— смущенно проговорил старший сержант.— Услышишь, что начинаю храпеть, лупи всюю. Рукой или ногой.

Через несколько минут оба утомонились. Саша, ведя наблюдение за дорогой, чутко прислушивался, не послышится ли храп старшего сержанта.

А Сидоров не спал. Он перебирал в уме десятки доступных его воображению вариантов предстоящей диверсии, детально анализировал их и после тщательного разбора браковал. В конце концов после нескольких часов мучительных раздумий в его голове выкристаллизовался единственный, по его мнению, — подходящий вариант. К противотанковой гранате прикрутить чем — нибудь

килограммов пять тола, перед проходом эшелона бесшумно снять часового и, когда до паровоза останется метров десять, швырнуть его метров за пятнадцать — восемнадцать. Тогда в запасе останется несколько секунд, чтобы самому попытаться отбежать от полотна и свалиться в какую-нибудь ямку. Все это он и один свободно может выполнить. Жаль, конечно, что заряд такого веса же он не может бросить метров за тридцать — сорок.

Сидоров старался не думать о том, что при этом варианте у него почти нет шансов на спасение. Но, во-первых, рисковать будет он один, во-вторых, риск в данном случае полностью оправдан и, в-третьих, старший сержант был уверен, что останется жив. Он уже несколько раз благополучно выходил из очень рискованных положений. Просто везло? Ну, и хорошо, что везло. Повезет и на этот раз.

Гораздо больше старшего сержанта заботило другое. Сможет ли взрыв такой силы хотя бы сбросить паровоз с рельсов? Остальное доделает инерция. Эшелон — то тяжело груженный. Резкая остановка, и танки своей тяжестью пойдут крушить вагоны и платформы, как спичечные коробки. Но вот хватит ли у взрыва сил?

Старший сержант хотел сейчас же посоветоваться с Леонидом. Он поднял голову, но, увидев лицо спящего разведчика, на котором даже во оно сохранилось выражение твердой решимости, отказался от своего намерения.

Однако и Леонид тоже только делал вид, что спит. Перед его закрытыми глазами стояло то место на полотне дороги, где вновь положенные шпалы не были полностью засыпаны. Взрывчатку, конечно, нужно уложить именно сюда. Часть тола попытаться подсунуть под рельс. Отверстие там небольшое, но его можно расширить. Закапывать не придется. Ни время, ни обстановка не позволят. Если удастся, можно сверху хоть чуточку присыпать землей. Работать придется хоть и в темноте, но под самым носом у часовых, не говоря уж о патрульных. Часового у подошвы холма придется снимать. Сделать это надо без шума. Кого послать? Пожалуй, лучше старшего сержанта. В таком деле главное — сила.

«Самое плохое, что мы не знаем, когда точно пойдет эшелон. Всю подготовку взрыва придется проводить на рысях. Услышим, что эшелон идет, и возьмемся. Нужно будет подобраться к самому полотну и ждать. И часового снимать, и взрывчатку закладывать придется чуть не под колесами паровоза, Да — а! Как заранее не рассчитывать, а все будет зависеть от случая. Какая-нибудь мелочь, и все полетит к чертям собачьим. А этого допускать нельзя. Приказ нужно выполнить во что бы то ни стало.

Хорошо бы подгадать так, чтобы закладывать взрывчатку, когда патрульные только что разойдутся после встречи. Тогда левый патруль минут двадцать не будет видеть место взрыва из-за холма,

а с правым патрулем, видимо, придется столкнуться. Хотя он тоже минут десять будет двигаться от места взрыва, значит, спиной к нему. За эти десять минут можно успеть, если эшелон будет на подходе. А если эшелон не подгадает? Придется снимать правый патруль, а если и за это время эшелон не успеет, снимать и левый. Тогда в запасе будет еще минут двадцать. Ох, и скользко все. Где —нибудь, да будет заминка. Тогда и любой ценой не откупиться. Все же придется прихватить на случай противотанковую гранату».

Саша был убежден, что оба его друга крепко спят. Внимательно следя за тем, что происходит в полосе наблюдения, он в то же время обдумывал письмо товарища Матвея. По —обычному сменялись часовые, и только дважды порядок нарушался пролетами советского самолета —разведчика. Это не мешало Саше думать. Ему тоже больше всего запали в душу слова о выполнении приказа любой ценой. Да Саша никогда и не представлял себе, что можно поступать как —то иначе. Он счел эти слова просто напоминанием об особой важности задания. Ведь их здесь всего трое, а если фашистские танки прорвутся в партизанский тыл, погибнут тысячи. Так разве можно колебаться? Пусть даже придется погибнуть, но надо выполнять приказ.

Саша был уверен, что не дрогнет, но с гибелью, как неизбежным условием успеха, не хотел соглашаться. Он думал, искал выход. «Конечно, мину лучше всего заложить между Новых шпал. Вон там какие канавы между ними, килограммов По тридцать тола в каждую уложить можно. Шнур для подрыва лучше тянуть не от мины, а к мине. Быстрее будет. Время Прохода эшелона точно не известно, заранее закладывать мину Нельзя, значит, придется действовать на самом подходе эшелна, а может, даже и на прямой видимости. Хоть бы ночь была Потемнее. Часового около холма надо снимать, да и правых патрульных тоже. Ладно бы только правых, а если и левых? Слишком много надо удачи, чтобы все прошло бесшумно. Хорошо хоть мы в немецкой форме. Немцы ждут партизан, появление эсэсовцев может их попутать. А уж мы зевать не будем».

Уже с час тому назад Саша услышал, как к обычному лесному шуму добавился незнакомый ему посторонний звук. Вначале он решил, что где —то далеко пролетают стороной самолеты. Но звук не исчезал, а, наоборот, усиливался, и юноша Понял, что это отголоски жестокого боя у границ партизанского края.

«Тяжело там сейчас нашим,— тревожно подумал он,— отходить приходится. Ничего, родные, держитесь. Мы вам поможем. Чего бы это ни стоило, все равно поможем».

Саша даже не подозревал, насколько его размышления о том, как подорвать эшелон, совпали с мыслями Леонида. Месяцы опасной работы бок о бок, совместно организованные диверсии

научили их одинаково оценивать обстановку и строить расчеты.

Солнце уже село, и наступили ранние сумерки, когда Леонид поднял голову и негромко спросил Сашу:

—Патрули уже вышли?

—С полчаса как развезли,— ответил Саша.— Их меньше стало. Левый прошел мимо холма минут десять назад и все еще не возвратился.

—Значит, сейчас они не под холмом встречаются,— обрадовался Леонид.— Здорово. Молодец, летчик вовремя по ним. Дал из пулемета.

—А наши бьются, Леня,— обратил внимание друга на отголосок дальнего боя Саша.— Трудно им, отходят.

—Я давно уже слышу,— ответил Леонид.— Ждет сейчас от нас помощи партизанский край. Крепко он на нас надеется.— Ну, кто что придумал, выкладывайте.

Первым доложил свои соображения Саша. Выслушав его, Леонид удивленно покрутил головой и спросил:

—А ты, случайно, не подсмотрел, что я во сне придумал?

Предложение старшего сержанта заставило Леонида на минуту задуматься, а затем решительно отвергнуть все, что казалось Павлу Петровичу таким целесообразным.

—Не выйдет,— категорическим тоном заявил Леонид.— Во — первых, убежать ты не успеешь. И не доказывай, говорю, не успеешь. В твоём распоряжении будет не больше трех — пяти секунд. Да ты за это время и десятка метров не проскочишь, как тебя шибанет. Хорошо, если наповал, а если только контузит. Ведь немцы тебя такой смерти предадут...

—Но эшелон — то будет взорван,— перебил Леонида старший сержант.

—Не будет взорван,— отрезал Леонид.— Подбросить твою гранату под самый паровоз ты все равно не сможешь. Она взорвется хорошо если на бровке, а может и просто рядом с полотном. Паровоз только тряхнет, немцы переполошатся, и нам придется удирать, не выполнив приказа.

Старший сержант молчал. Леонид был прав. Серьезного вреда паровозу не будет, если взрыв произойдет не прямо под его днищем.

—Такой взрыв принес бы пользу, если бы тол был заложен на полотне и частью на бровке, а ты бы швырнул на него свою гранату. Но тут уж ты и шагу ступить не успеешь. Нет, мы будем действовать по — другому. Примем мой и Сашин вариант.

—Что ж, давай,— согласился Сидоров.— Мне как лучше. Лишь бы эшелон взорвать.

—Саша, продолжай наблюдать,— приказал Леонид.— А мы приготовим тол.

Минут через сорок, закрепив шнур для выдергивания чеки за деревце на правом склоне около подошвы холма, Леонид и Саша лежали метрах в тридцати от полотна. Ночь была темная. Небо затянуло тучами. Леонид и Саша каждый про себя пожалели, что сегодня не будет тумана. При нем было бы легче работать.

В полусотне метров слева от разведчиков торчал на фоне неба силуэт часового. Все они, как стемнело, словно боясь близких кустов, вышли на полотно. Разведчики знали, что где-то неподалеку от часового затаился в темноте старший сержант, готовый с первым гулом приближающегося эшелона уничтожить часового и сам до поры встать на его место.

Слева слышались голоса. По полотну неторопливо шел патруль. Немцы негромко разговаривали.

Прошло около получаса, пока патруль прошагал обратно. Разведчики лежали неподвижно. Звуки отдаленного боя полностью смолкли. В лесу и на дороге установилась тревожная тишина. Друзья напряженно, до звона в ушах вслушивались в нее, но гула приближающегося эшелона не было слышно. Только долго, очень долго клацали шаги удаляющегося патруля.

Медленно ползли минуты, и неизвестно, сколько их прошло — десять или сто? В темноте невозможно было рассмотреть стрелки часов. Саше казалось, что эта мертвящая тишина и темнота тянутся уже много часов подряд. Затекла нога, и неизвестно откуда взявшийся камешек больно врезался в бок. Но передвинуться, изменить положение было нельзя. В такой тишине любой, даже самый незначительный шорох мог напугать часового, заставить его поднять тревогу.

Возникший далеко над лесом рокот мотора показался Саше голосом друга. Снова приближался самолет — разведчик. В такой темноте летчик, конечно, ничего не мог бы рассмотреть на земле, но часовой решил не искушать судьбу. Он поспешно рванулся в кусты.

«Вот дурак,— встревоженно подумал Саша.— Напорется еще на старшего сержанта». Воспользовавшись тем, что гул самолета нарастал, он изменил положение и улегся поудобнее.

Самолет пролетел к станции, и вскоре оттуда донесся лай зениток. Видимо, немцы сильно нервничали, ожидая налета ночных бомбардировщиков. Но снаряды не настигли маленький самолет, и через несколько минут он неторопливо пророкотал обратно.

Снова медленно ползло время. Еще раз прошагал мимо, а затем вернулся патруль. Потом где-то очень далеко сердито проворчал продолжительный взрыв. Пролязгала мимо, дребезжа всеми своими разболтанными суставами, дрезина, развозя новых

и забирая сменившихся часовых, еще раз прошагали патрульные, и снова установилась тишина.

Саша, не спуская глаз с часового, подумал, что самое тяжелое в профессии диверсанта—это ожидание. Ждать вот так, как они ждут сейчас. Действовать гораздо легче, чем ждать. В голове его мелькнула мысль, а как бы он чувствовал себя, если бы взамен Леонида на диверсию вместе с ним послали Веру. Мысль об этом показалась Саше настолько несуразной, что он, забыв об осторожности, отрицательно затряс головой и за это получил от Леонида увесистый толчок в бок.

В этот момент снова послышался лязг приближающейся дрезины. Но сейчас она не шла, как обычно, а мчалась, не притормаживая около часовых. И мимо места, где лежали разведчики, она промчалась с такой же необычной для нее скоростью.

—Не спать! Смотреть в оба! — послышался с нее начальственный окрик и уже издали пообещал: — Шкуру спущу!

—Тоже мне инспекция,— насмешливо прошептал Саша и вдруг осекся.

Рядом с силуэтом часового неожиданно вырос второй, затем оба они исчезли. Послышалось что-то похожее на затихающее мычание, и на полотне снова появился часовой, правда, значительно выше ростом и массивнее в плечах. И только теперь, Саша услышал далекий гул приближающегося эшелона.

— Пошли,— шепнул Леонид, тронув друга за плечо. И они «пошли», переползая по-пластунски, вжимаясь в землю, чтобы стоявший метров на полтора правее второй часовой ничего не заметил. Ведь сейчас он скорее всего смотрит именно в эту сторону, стараясь рассмотреть приближающийся с каждой минутой эшелон.

Саша, отмотав положенное количество шнура, помог Леониду осторожно уложить тол между рельсов. Работали молча, привычно, согласованно и споро, все время слыша нараставший с каждой секундой гул эшелона. Устанавливая взрыватель и на ощупь отгибая кончики чеки, Леонид зашептал Саше:

—Быстро туда, к шнуру. Дернешь, когда услышишь, что паровоз зашел за мину. Внимательней только. Не опоздай и раньше не ударь. По слуху рвать придется.

—А ты?! — протестующе зашептал Саша.— Пошли вместе, Ленъ!

—Разведчик Гуртовой! Выполняйте приказ,— с необычной резкостью перебил Сашу Леонид и затем уже дружески добавил: — Не беспокойся. Я только подстрахую. Покажется паровоз, удеру.

Он похлопал друга по плечу и легонько оттолкнул его от рельс. Ползи, мол. Не задерживайся. Саша соскользнул с полотна и исчез в темноте.

Леонид еще раз проверил установку взрывателя, убедился, что все сделано, как надо, отполз немного вправо и окинул взглядом весь заминированный участок. Неплохо получилось. Конечно, патрульные могут рассмотреть. Но вряд ли они сейчас появятся. А если и появятся... Недаром он здесь задержался. Сумеет успокоить. Эсэсовская форма обманет патрульных хотя бы на секунду, ну, а второй секунды у них не будет.

Гул эшелона слышался совсем рядом. Видимо, он уже вошел в кривую, огибавшую холм. Леонид торопливо отполз метров на десять от полотна и прижался к земле. Сейчас на фоне неба он сумеет разглядеть силуэт паровоза и в крайнем случае голосом подаст Саше команду на взрыв. Тогда это будет уже не опасно. Никто не сможет сорвать диверсию, когда от паровоза до мины останется десяток метров. А отбежать он всегда успеет. Команду подаст на ходу.

Павел Петрович, конечно, уже удрал с полотна. Сидит сейчас, как сыч, где — нибудь на склоне, подготовив свои «эфочки». Ии за что не удержится, чтоб не поддать немцам жару, когда они, те, кто уцелеет, вылезут из — под обломков эшелона. Классно бьет гранатами, ничего не скажешь.

Между тем грохот приближающегося состава полностью смял тишину. Здесь в узкой впадине между лесистыми холмами он казался особенно сильным. Леонид не спускал глаз с темнеющего откоса холма, из — за которого должен показаться паровоз. Показался! Но что это?! Платформа?! Эшелон толкает впереди себя целую вереницу платформ. Обманули, сволочи! А Саша сейчас рванет шнур. Взорваны будут только платформы. Эшелон успеет затормозить!

Леонид, ведя рукой по траве, на четвереньках бежал к полотну дороги, чтобы зажать шнур, помешать Саше вырвать чеку взрывателя. Вот он, шнур... Поздно! Шнур дернулся и мягко лег на траву. Не успел! Леонид, застонав, как смертельно раненный, упал на землю, ожидая взрыва.

Но взрыва не было. Всего в пяти — шести метрах от головы Леонида, все убыстряя ход, катились пустые платформы.

«Взрыватель подвел! Не сработал!» — обожгла Леонида страшная мысль. И тогда, молниеносно приняв единственно возможное решение, он встал в полный рост, сорвал с пояса противотанковую гранату и шагнул навстречу паровозу.

Леонид подождал, пока передние колеса паровоза прошли над заложенной миной, и, крикнув: — «Прощай, Сашок! Передай: приказ мы выполнили!» — ударил гранатой по толу, лежавшему под рельсом.

Те несколько секунд, пролетевшие с момента, когда, рванув шнур, Саша понял, что взрыва не будет, и до прощальных слов Леонида были самыми страшными из всего, что он пережил и что предстояло ему еще пережить. Позднее людям странно и страшно было видеть седую прядь на голове семнадцатилетнего юноши.

Когда старший сержант, действительно швырнувший в первых выскочивших из разбитого эшелона немцев три своих «уфкя», добрался до Саши, он нашел его лежащим вниз лицом с руками, крепко впившимися в тугую неподатливую землю.

— Уходить надо,— шепотом позвал он Сашу. Все еще шепотом, хотя совсем рядом с ними за откосом холма ревело пламя горящего эшелона и орали, стонали и ругались немцы.— Уходить надо,— повторил он.— Они сейчас очухаются.

Саша ничего не ответил. Павел Петрович помолчал, сочувственно глядя на юношу, и сердито заговорил громким шепотом:

— Ты это брось. На его месте ты так же сделал бы. Нам сейчас двоим за троих воевать надо.

Видя, что Саша продолжает молчать и, кажется, даже не слышит его шепота, Павел Петрович подобрал свой и Сашин автоматы, лег рядом с юношей и перевалил его на свою широкую спину. Но не прополз он и десятка метров, как Саша, придя в себя, потребовал:

—Пусти!

—Вот так — то лучше,— с радостью согласился Сидоров.

Только добравшись до леса, разведчики поднялись на ноги, и, перед тем как уйти в его глубину, обернулись назад, чтобы взглянуть на дело своих рук.

Хмуро смотрели они на разбитый и пылающий танковый эшелон. Дорого обошлась им эта победа.

— К своим пора,— наконец, проговорил Сидоров.— Пошли, Сашок.

Саша вздрогнул, Ведь так всегда называл его Леонид. И, сдерживая рвущийся из горла плач, Саша сурово сказал:

—К своим нам нельзя. Мы — разведчики. Пойдем к «почтовому ящику». За новым заданием...